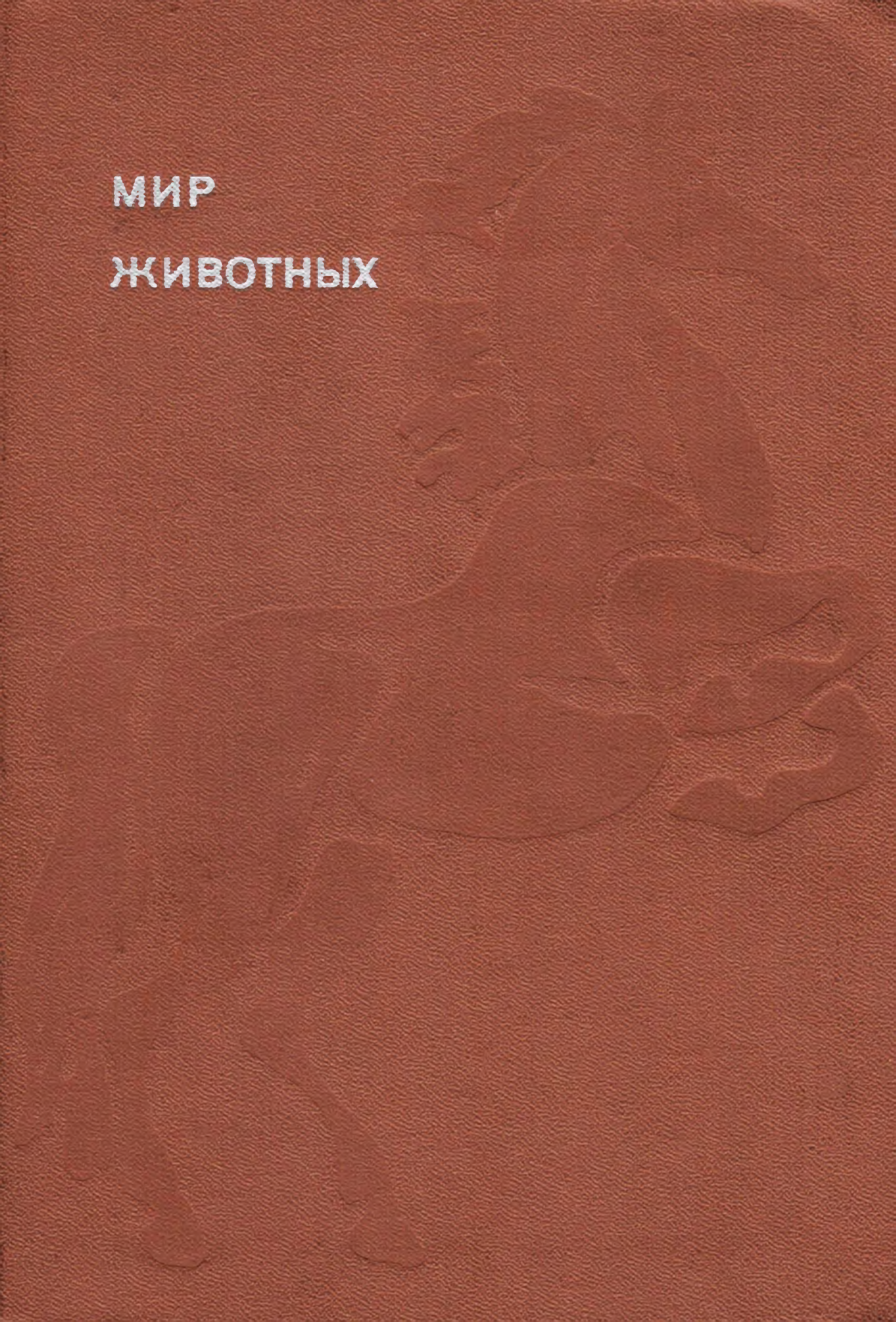

МИР

ЖИВОТНЫХ

МИР ЖИВОТНЫХ

**МОСКВА
«МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ»
1981**

В первой книге «Мира животных» (автор написал шесть таких книг) рассказывается о семи отрядах класса млекопитающих: о kloачных, сумчатых, насекомоядных, шерстокрылах, хищных, непарнокопытных и парнокопытных.

Вторая посвящена остальным двенадцати отрядам млекопитающих: рукокрылым, приматам, неполнозубым, панголинам, зайцеобразным, грызунам, китообразным, ластоногим, трубнoзубым, даманам, сиренам и хоботным.

Третья книга включает рассказы о птицах.

В четвертой говорится о рыбообразных; акулах, скатах и химерах; костных рыбах; земноводных и пресмыкающихся.

В пятой собраны рассказы о насекомых.

Шестая повествует о домашних животных.

МИР

ИГОРЬ АКИМУШКИН

ЖИВОТНЫХ

Рассказы о домашних животных

ХИЩНЫЕ ЗВЕРИ

Потомки волка	11
Догообразные собаки	13
Овчарки	22
Доберман-пинчер, ризеншнауцер и шпиц	26
Терьеры	28
Комнатно-декоративные собаки	30
Охотничьи собаки	37
Небольшая интермедия: о хвостах, усах и еще кое о чем	39
Охотничьи собаки (продолжение)	40
Голые собаки	45
Собаки парии	46
Батакский шпиц	48
Динго	49
Вторая интермедия: сколько в мире собак?	50
Волчьи повадки	51
Первые дни жизни	52
Чутье обычное...	54
... и чутье особое	54
«Нюх» на землетрясения!	56
«Умные» и умные собаки	57
Как выбрать собаку?	59
Судьба кошки во времена прошлые	61
«Неприрученное домашнее животное»	65
Взаимные отношения	68
Фреттхен	70
Собака с кошачьей головой	72
Лев на золотой цепи	74

НЕПАРНОКОПЫТНЫЕ

«Откуда есть пошла» лошадь?	79
Прямой предок — тарпан	81
Возрожденный тарпан	86
Небольшая интермедия: сколько в мире лошадей	89
Лошадь идет на войну	89
«Их тьмы и тьмы»	93
В рыцарские времена	95
Победоносная конная армия	96
«Кентавры» в Америке	97
Вторая интермедия: о сбруе и подковах	99
Почта!	101
Скачки	102

СОДЕРЖАНИЕ

Знаменитые лошади	103
Масти и аллюр	108
Рекорды	109
Лошади в Антарктиде	112
А цены растут...	113
Чем еще мы обязаны лошади	113
Мустанги, циммароны и брамби	115
Конноспортивные состязания	118
Породы	118
Осел в хозяйстве, философии и религии	128

ПАРНОКОПЫТНЫЕ

Свинья — самое скороспелое и «преступное» животное	136
Мозоленогие	140
Секреты «корабля пустыни» и его родственники в Америке	141
Откуда пыжик берется?	145
Золотое руно	146
Немного об овцах	147
Коза	151
«В коровах наша сила»	153
82,15 литра молока в день!	156
Молоко	158
Тонна товарного мяса с одного быка!	160
Зебу	161
Прямые потомки тура	162
Тоже прямые потомки, но не тура	163
Буйволы	165
На пути к domestikации	167
В пятнадцать раз больше	171

ЗАЙЦЕОБРАЗНЫЕ И ГРЫЗУНЫ

Кролики	175
Породы кроликов	178
Разведение кроликов	179
Морская свинка	180
Соня-полчок и сирийский хомячок	184

ПТИЦЫ

Куриная субординация и бройлерная система	187
Петух — птица Марса	189
Прочая домашняя сельскохозяйственная птица	190
Голубь	193
Канарейка	197
Дудочные и овсяночные напевы	199

Кормление канареек	201
Разведение канареек	201
Были ли они домашними?	203
Приручение птицы кречет	206

РЫБЫ

Карп	211
Золотая рыбка	212

НАСЕКОМЫЕ

Шелкопряд	217
Пчелы	220
Поведение пчел	222
Мед и прополис	228
Породы пчел	230
Генетические методы и проблемы разведения домашних животных	230
Закономерности и «сюрпризы» доместикации	234

В серии книг о животных нельзя не рассказать о домашних потомках диких зверей, птиц, рыб и насекомых. Даже для краткого повествования понадобилась целая книга. Кстати сказать, она пока единственная в мире (по крайней мере, за последние полвека). В ней говорится не о каком-либо животном в отдельности (такие книги были), а обо всех сразу.

После приручения домашних животных произошел, говоря словами эволюционистов, глубокий и сильный ароморфоз: человечество поднялось на качественно новую и высокую ступень своего развития. Люди из бродячих охотников превратились в скотоводов и земледельцев. Скованный прежде строгими рамками инстинктов и суровой каждодневной необходимостью искать и убивать дичь и собирать плоды земли, человеческий мозг стал быстро развиваться. Выросли города, появилась возможность заниматься наукой, искусством, ремеслами. Человек получил много свободного времени для всевозможных занятий, которые привели к возникновению цивилизации. Внешний вид людей совершенно изменился. Не в шкуры животных стал одеваться теперь человек, а в ткани, сделанные из шерсти домашних животных, и в башмаки из их кожи.

Разумеется, и в наши дни значение домашних животных для жизни человека очень велико. Ведь многие из них и животные сельскохозяйственные. А это значит, что они основные поставщики полноценного белка, без которого нормальное питание людей невозможно. Вот почему наука так тщательно и неустанно изучает домашних животных. Вот почему в СССР партия и правительство уделяют столько внимания дальнейшему развитию, совершенствованию и повышению продуктивности животноводства, одной из главных отраслей сельского хозяйства.

«Первоочередная задача,— говорится в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Леонида Ильича Брежнева на Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза 3 июля 1978 года,— увеличение производства мяса. Для ее решения необходимо в полной мере использовать все наши возможности и резервы, добиться роста производства всех видов мяса».

И Леонид Ильич Брежнев продолжает:

«Из всех резервов увеличения производства говядины следует особо выделить повышение веса забиваемого скота и сокращение сроков откорма. Недавно ставилась задача поднять весовые кондиции до 350—370 килограммов. Многие области и республики справились с ней успешно. В целом по стране средний вес скота, проданного колхозами и совхозами государству, достиг 355 килограммов, а в ряде областей и республик — 400—440 килограммов. За счет этого страна получает сейчас дополнительно более одного миллиона тонн мяса в год».

Более миллиона тонн! Вы только вдумайтесь в практическое значение этой цифры. Это равноценно производственной отдаче около двух миллионов голов лучших пород.

Отнеситесь с особым вниманием к разделам нашей книги, где речь идет о свиньях и коровах. Ведь именно они основные поставщики полноценной пищи — животных белков, а животноводство дает половину всей продукции сельского хозяйства.

Разведение сельскохозяйственных животных — это целая наука. Ответственная. Многие книги написаны о различных проблемах животноводства. Специальные, научные. И тот, кто непосредственно занимается теорией и практикой животноводства, найдет в них сведения, которые ему необходимы.

Серия книг «Мир животных» посвящена в основном зоологическим и поведенческим аспектам. А у коров, свиней, овец, у домашней птицы и других наших кормильцев они не разработаны так, как у собак и лошадей. Большая близость к культуре и обиходу человека делает их интересным объектом наблюдения и любого рассказа. Тут и война, и мир, и спорт, и охота... Короче,

более полное слияние с бытом и духовной жизнью человека. Вот почему лошадям и собакам отведено так много места в этой книге.

Хочу сказать большое спасибо названным ниже и неназванным авторам, труды которых помогли мне написать эту книгу: Е. В. Лукиной, В. Б. Ковалевской, профессору Ю. Н. Барминцеву, Н. М. Губину, В. Д. Треусу, профессору Б. А. Кузнецову, Л. П. Сабанееву. И. Найману и И. Новотны, Н. Йойришу, Г. Бауэру, Э. Хартенштейн, И. Фляде и Г. Ленцу, Ф. Цойнеру, К. Дорну, Р. Клетту и Л. Гольтгофу, А. Руту (вместе с соавторами), К. Лоренцу, Р. Левинсону, Ц. Боеттгеру, Н. Тинбергену, Л. Адамецу, К. Фришу, Г. Биландту, Р. Штребелю.

Этот отряд класса млекопитающих дал человеку только трех домашних животных: из семейства псовых — собаку, из кошачьих — кошку и охотничьего хорька (фретта, или фреттхена) из семейства куньих.

Сведения о времени приручения собаки очень разные. Одно только ясно: собака была первым домашним животным. Его человек приобрел еще в мезолите (средний каменный век), примерно в тринадцатом-седьмом тысячелетии до нашей эры. По мнению других ученых, этот взаимовыгодный союз был заключен много раньше: 15 и даже 20 тысяч лет назад.

Такие же разногласия и в датировке времени приручения кошки: 9 либо 4 тысячи лет назад. Фретт одомашнен на рубеже первого и второго тысячелетия до нашей эры.

Дикие предки: у собак — волк, у кошки — буланая кошка, у фретта — степной либо лесной хорь.

В древности пытались приручать и других хищных животных. Например, гепарда, камышового кота хауса, степную рысь каракала, родича мангуста — ихневмона, даже гиен и львов. Но никто из них домашним животным так и не стал.

ПОТОМКИ ВОЛКА

Собака — наш самый верный друг и друг самый первый, приобретенный человеком еще в каменном веке. Северный олень, коза и овца, другие ранние спутники человека были одомашнены уже после собаки.

7—13, возможно, 15 тысяч лет назад, в самый холод последнего оледенения, раньше, чем научился земледелию и скотоводству, когда был еще бродячим охотником, приручил человек волка.

Вначале отношение первобытного человека к волку было чисто гастрономическим: постоянный голод побуждал не быть разборчивым в еде. Волк, как и лиса, и многие несъедобные, по нашим нынешним понятиям, животные, оказывался в числе той всевозможной «дичи», которой кормился древний человек. Пойманных волков, особенно волчат, держали на при-

вязи или в ямах. Когда подрастут, по мере надобности забивали, жарили на кострах и ели.

Постепенно, с годами плодотворного для обоих сотрудничества превратился волк в собаку. Позднее перед потомками прирученных волков встали новые задачи: охрана жилищ, посевов, стад, ездовое дело...

Не забираясь в дебри палеонтологии, сделаем лишь одно разъяснение: шакал, который долго числился среди прародителей собаки, предком ее не был. Один прародитель у всех собак — волк! Так показали новейшие исследования поведения и генетических особенностей собаки, волка и шакала. Так в настоящее время и считает большинство ученых. Прямым потомком шакала и предком таких, например, пород собак, как терьеры, шпицы, ненецкие лайки, прежде называли «торфяную собаку» (кости ее найдены в разных местах Сибири и Европы, часто в залежах торфа). Как полагают, она произошла от индийского волка.

Было два главных центра происхождения собак — Индия и Малая Азия. Но люди каменного века приручали волка и в других местах его прежнего обширного ареала обитания.

Индийский волк был родоначальником большинства пород собак: легавых, гончих, борзых, всевозможных терьеров и болонок, шпицев, пуделей... А наш северный волк — лаек и овчарок, но и здесь не обошлось без примеси крови индийских волков.

В Древнем Египте 3—4 тысячи лет назад уже были борзые почти современного типа, гончие, таксы. В Малой Азии у хеттов и в Ассирии — тяжелые догообразные боевые собаки. Одетые в панцирь, сражались они в рядах войска, с ними охотились на копытных и хищных зверей, например на львов, о чем вполне убедительно свидетельствуют сохранившиеся от той эпохи барельефы.

Это, однако, не значит, как иногда считают, что все наши современные породы тех же типов (борзые, гончие, таксы, доги) ведут прямое происхождение от древних пород. Наследственность собаки генетически очень пластична, легко изменчива и лучше, чем у многих других домашних животных, поддается направленному отбору. Не то что за века, за немногие десятилетия можно создать новую породу собак любого типа из самого случайного исходного материала, скажем, просто из разных дворняг. Конечно, при умелом скрещивании, подборе пар и строгой селекции.

В настоящее время выведено приблизительно 400 пород собак. Для большей их части Международной кинологической федерацией (Брюссель) утверждены единые для всех стран стандарты, то есть составленные по определенным правилам описания породных признаков.

В этой книге нам придется много говорить о породах. Поэтому не помешает внимать в научный смысл животноводческого понятия породы.

Порода — группа животных одного вида и одного происхождения. У всех у них сходные экстерьерные признаки (телосложение), одинаковые требования к условиям жизни и хозяйственное использование.

В породе должно быть достаточно много животных (обычно не менее 5 тысяч племенных маток), тогда можно будет вести успешный подбор пар для скрещивания и творческий отбор для усовершенствования породы.

Отродье — зональный тип, географическая раса породы. Постепенно под влиянием местных внешних условий и отбора наиболее пригодных для новой родины признаков отродье может со временем превратиться в новую породу.

Внешний вид и рост собаки, строение всех статей экстерьера предусматриваются стандартом породы. Это своего рода эталон, в сравнении с которым эксперт оценивает собаку на выставке. Однако не все может быть точно предусмотрено и оговорено в стандарте. Так, если росту большинства пород стандарт ставит жесткие рамки (от и до), то для крупных пород, например догов или наших отечественных овчарок кавказской и среднеазиатской, ограничивается только нижний предел роста: чем крупнее собака, тем лучше. Для других пород верхний предел роста бывает особенно важен, например, для всех норных он не больше 38—40 сантиметров. Собака, более крупная, в нору попросту не пролезет, а если это ей и удастся, то она окажется в весьма тесных условиях.

Различаются стандарты международные и принятые в отдельных странах. Международным, как правило, считается стандарт, принятый на родине породы. Например, в качестве международного утвержден наш советский стандарт русской борзой, а для доберман-пинчера — немецкий. Местные стандарты, принятые в отдельных странах, определяются применением данной породы в той или иной стране, учитывается при этом и состояние местного поголовья.

Описывая породы собак, я привожу данные из международных стандартов пород. В СССР ростовые рамки некоторых пород служебных собак по различным причинам несколько повышены.

ДОГООБРАЗНЫЕ СОБАКИ

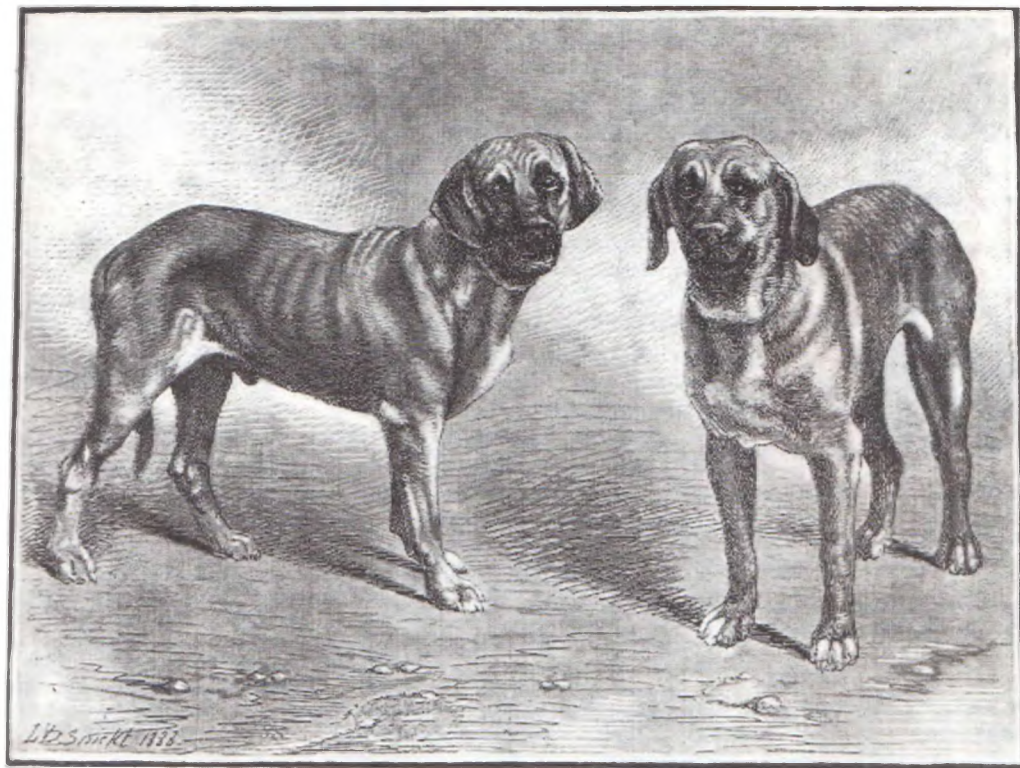
Давно уже, тысячи лет назад, на барельефах Вавилона, Ассирии и у хеттов встречались изображения тяжелых, больших собак, похожих на мастиффа. Только хвост у них баранкой закинут на спину — любимый собаководами античности признак экстерьера.

Крупные догообразные собаки стран древней Месопотамии, Индии и Китая происходят, как считают, от тибетского дога — черного, лохматого и массивного. Монгольская овчарка просто его разновидность (у нас она встречается в Бурятской АССР и ближайших к ней районах, до Восточного Казахстана). А среднеазиатские и кавказские овчарки — прямые потомки тибетского дога.

Ассиро-вавилонские «доги» под названием эфирских собак, или молоссов, были завезены в Древнюю Грецию и Рим, где тоже использовались как боевые псы. (На цирковых аренах Древнего Рима они сражались даже со слонами!) В средние века их потомки —

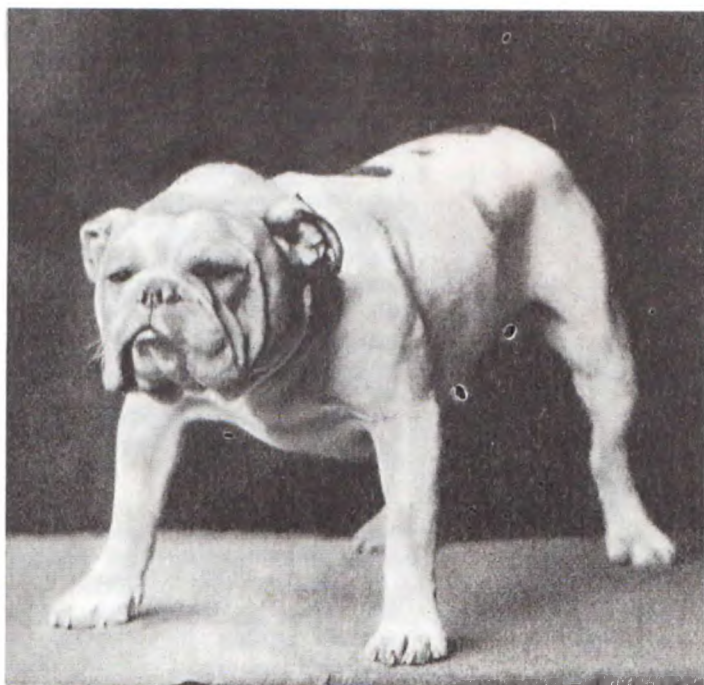

Нашу портретную галерею открывает ленд-зир — представитель прославленной породы водолазов, или нью-фаундлендов. Много рассказов и легенд о подвигах этих собак путешествуют из книги в книгу, из уст в уста.

Мастифф! Он же английский дог. Прямой потомок средневековых бэрнбейцеров и булленбейцеров — травильных собак, которые для потехи публики сражались с медведями и быками.

Датским догом нередко называют у нас немецкого. Однако он не очень-то похож на своего германского собрата.

Английский бульдог. Удивительной силы и отваги эта крепко сбитая, приземистая собака.

булленбейцеры и бэренбейцеры («быкоборцы» и «медведеборцы») заслужили большую славу не на полях сражений, а в схватках с медведями и быками. Травильные были собаки. От них-то и происходит мастифф, или английский дог,— древнейшая современная догообразная собака Европы.

Мастифф — мощное животное: рост в плечах — 70 сантиметров, вес — 70—90 килограммов.

Травля быков — старая народная забава англичан. Мастифф был для этого лучшей собакой. Сила и бесстрашие в сочетании с бульдожьим прикусом (нижняя челюсть длиннее верхней) давали ему явные преимущества перед другими псами. Победа доставалась той собаке, которая, схватив быка за морду, сворачивала ему шею и валила его.

Мелкое отродье мастиффов — английский бульдог. Его напускали на других собак, на волков, но и на быков тоже. Об этом говорит само название: «бульдог» по-английски — «бычья собака».

От мастиффов ведет свое происхождение бордосский дог, а в Италии и Испании — «мастино наполетано» и «мастин эспаньол». В Бразилии от скрещивания мастиффов, бульдогов и английских гончих благдаундов получена порода «фила бразильеро». Гончих завезли сюда переселенцы для розыска беглых рабов. В Россию для травли медведей и кабанов тоже импортировали мастиффов. У нас их называли «мордашами» и «меделянами». Последние меделяны сохранялись в царской псарне до самой революции.

Окрас мастиффов: красновато-желтый («абрикос»), серебристо-белый, темно-серо-бурый, с более темными, чем основной фон, тигровыми полосами. Во всех случаях нос, морда и уши черные. Характерны черные кольца вокруг глаз.

Датский дог. У нас так нередко называют немецкого (то же самое во Франции и Англии). Датский дог — исчезающая порода, у нас в Союзе ее нет.

У датского дога менее «культурные» черты экстерьера, чем у немецкого. Массивный, сырой, он похож на мастиффа, но прикус нормальный (без бульдожины). От немецкого дога его отличают, кроме всего прочего, большие повисшие уши (правда, и у немецкого дога они тоже были бы повисшие, если бы у щенков их не обрезали по определенному образцу).

Рост примерно 75 сантиметров, вес около 60 килограммов.

Окрас красновато-палевый. Морда, уши и пятна над глазами темные.

Самая крупная в мире собака — немецкий дог: рост кобелей не ниже 80 (у некоторых — 93 сантиметра), а сук — 72 сантиметра, вес — 70 килограммов и больше. Потомок старинных булленбейцеров с примесью крови английских борзых (оттого он такой подтянутый и стройный, несмотря на немалый вес!).

немецкий дог

Боксер

сенбернар

Немецкий дог — одна из наиболее красивых и элегантных собак.

«Это истинный Аполлон среди множества пород собак. Особое восхищение он вызывает своей импозантной головой. Даже в состоянии самого сильного возбуждения дог не должен проявлять никакой нервозности, а производить на зрителя впечатление точеной статуи» (Йозеф Найман и Йозеф Нотны).

Окрас у догов разнообразный, и некоторые его варианты очень красивы.

Тигровые доги: основной фон золотисто-рыжий, по нему разбросаны черные поперечные полосы (тигровины). Чем они ярче, тем ценнее окрас.

Рыжие доги: желательна черная маска на морде (когда специалисты говорят по отношению к собаке «морда», это значит, что они имеют в виду не всю морду в обычном понимании, а только конец ее — челюстную область).

Голубые доги: голубовато-стальной окрас без желтого и черного оттенков. Белые отметины бракуются.

Черные доги: должны быть лаково-черные, без всяких оттенков. Белые отметины прежде не допускались, теперь допускаются. В подгруппе черных догов оцениваются и черно-пегие, белые с крупными черными пятнами и чепрачные доги (черные, с белым ошейником, ногами и концом хвоста).

Мраморные доги, или арлекины: фон чисто-белый, по нему в неправильном порядке разбросаны «рваной» формы лаково-черные пятна.

Английский бульдог. Как и мастифф, бульдог не кусает на волчий манер, не режет зубами (про волка говорят: «резанул», «зарезал»). У этой собаки мертвая хватка! Вцепившись, бульдог уже не разжимает челюстей, а методично пережевывая шею врага, добивается до горла и так стискивает его, что враг задыхается. Это небольшая «собачка» может укротить любого самого буйного быка. Повиснет у него на морде, вонзив зубы в ноздри. Бедный бык мотает головой, хочет стряхнуть бульдога, но ничего не получается. Да и больно очень... Встанет измученный, опустив до земли голову, и мычит жалобно. Бульдог отцепится, а бык смирный стоит. Тогда можно подойти к нему, бык не тронет.

Бульдог — большеголовая, крепкая, приземистая, тяжелая собака. Рост всего 35—45 сантиметров, а вес до 23 килограммов! Ноги короткие, кривые, локотками вывернуты наружу. Уши небольшие, полустоячие. Шерсть гладкая. Окрас должен быть совершенно однотонным: рыжий, белый, палевый (черная маска допускается). Либо буро- или серо-пегий, тигровый. Черный окрас бракуется.

Боксер. Получен от скрещивания английского бульдога с мелкой разновидностью булленбейцеров (брабантской). В 1895 году четыре весьма примитивных боксера впервые демонстрировались на собачьей выставке в Мюнхене...

Через год на той же выставке показали 50 боксе-

ров. Эти собаки вызвали большой интерес, но пришлось много поработать, чтобы из сырых, примитивных собак, каким был тогда боксер, получить элегантного, очень своеобразной красоты пса.

«... Самостоятельной породой он был признан лишь в 1925 году. Наименование этой породы, очевидно, произошло благодаря сходству его головы с боксерской перчаткой или с лицом боксера-спортсмена с обезображенным носом» (Йозеф Найман и Йозеф Новотны).

Впрочем, есть и другое объяснение происхождения названия «боксер». Это очень подвижные собаки, в великолепных прыжках они отлично «боксируют» с мячами (ударами мордой).

Окрас рыжий, разных оттенков (желателен золотистый) либо тигровый. Белые пятна допускаются, «они украшают и оживляют собаку», но все вместе не должны занимать больше трети тела боксера. Если больше, окрас считается пегим и бракуется. Черная «маска» на морде обязательна.

Высота в холке (для наших боксеров она повышена по сравнению с западноевропейскими стандартами) для кобелей — 63—68 сантиметров (вес — 30—32 килограмма), для сук — 58—62 (вес около 25 килограммов).

Сенбернар. В центре собачьего кладбища неподалеку от Парижа стоит монумент: на высоком постаменте скульптура собаки, на спине у нее лежит ребенок и держится руками за ошейник. Внизу надпись:

Барри из Большого Сен-Бернара.
Он спас жизнь сорока человекам.
Сорок первый убил его.

Здесь, в изображении на памятнике и в надписи на нем, сплетены две легенды.

Первая рассказывает: Барри, собака породы сенбернар, спасла однажды в горах сбившегося с пути ребенка. Она нашла его в пещере, замерзшего и умирающего. Барри облизал лицо и руки ребенка, согрел его. Затем лег и подставил ему спину. Ребенок забрался на Барри, и тот принес его в монастырь. У двери ухватил зубами колокольчик и его звоном позвал монахов.

Это было в Швейцарии. Там, на перевале через Альпы, в горном проходе, ведущем из Италии в Германию, стоит у вершины Сен-Бернара августинский Сен-Бернарский монастырь. Его монахи вывели особую породу крупных собак. Работа велась долгая: сенбернары известны с XIV века (по другим данным, родоначальник этой породы был привезен в госпиталь Сен-Бернарского монастыря между 1660 и 1695 годами).

Собак дрессируют отыскивать захваченных непогодой, потерявших силы и замерзающих в пургу пут-

ников. Сенбернары разгребают снег, согревают погибающего человека. Бегут в монастырь и громким лаем зовут монахов, ведут их затем к найденным в снегу людям.

Вернемся теперь к Барри. Много стихов, поэм, рассказов посвящено ему, и во многих говорится о спасенном им ребенке. Швейцарский кинолог (исследователь, изучающий собак) Альберт Хайм просмотрел архивы монастырского госпиталя и не нашел в них никакого упоминания о подобном случае.

Вторая версия легенды о Барри тоже неверна. Он действительно спас сорок человек. Сорок первый найденный им в снегу замерзающий путник будто бы застрелил его, приняв за волка (очень распространенный, из книги в книгу переходящий рассказ). Но этого не было. Барри доживал свой век в спокойной старости и умер своей смертью. В монастыре провел с 1800 по 1812 год. Затем настоятель монастыря отпустил его в Берн к знакомым.

В 1814 году Барри умер. С него сняли шкуру и сделали чучело. Но очень неудачное. В 1923 году его переделали, и теперь стоит оно в вестибюле Бернского национального музея. Каждый входящий сначала видит Барри, а потом уже все прочие экспонаты.

Есть два типа сенбернаров: короткошерстные и длинношерстные. Для розыска погибающих путников монахи использовали короткошерстных сенбернаров. Они более легкие и подвижные. А длинношерстные произошли будто бы позднее в Англии. Англичанам очень понравились сенбернарские собаки, они стали их разводить и «прилили» к ним небольшую «дозу» крови мастиффа и водолаза.

Окрас рыже-пегий или рыжий с белыми пятнами. Обязательны белые отметины: проточина на лбу, ошейник, белая грудь, ноги и конец хвоста.

Вес—80 и больше килограммов. Рост кобелей не меньше 85 сантиметров, сук—75 (это по описанию сенбернара А. П. Мазавером). У Наймана и Новотны, Штребеля и Биланда другие цифры: соответственно 70 и 65 сантиметров. В БСЭ—80—95 сантиметров, в «Стандарте собак служебных пород» (1970 год) о росте сенбернара вообще ничего не сказано...

Ньюфаундленд, или водолаз. Родина этих удивительных собак остров Ньюфаундленд у берегов Северной Америки. Поразительные вещи рассказывают про водолазов. Местное население острова в основном рыбаки. Они будто бы приучили собак вытаскивать сети из воды, нырять (на глубину до четырех метров!) за рыбой, упавшей из снастей (мало верится в это!). Пойманную рыбу грузили на двуколки с запряженными в них собаками, и те везли ее в город.

Зимой на санях, летом на двуколках водолазы возят разные грузы, даже бревна!

На кораблях любили держать водолазов. Говорят, на счастье, и еще будто бы вот для какой цели: если погибал корабль, выброшенный штормом на подводные камни, в бурное море прыгал с длинным канатом в зубах ньюфаундленд, а с ним вместе — лучший на корабле пловец. Держась рукой за собаку, плыл он к берегу. Там канат, доставленный псом на сушу, привязывал к дереву или скале, и по нему спасалась вся команда.

Многое в этих рассказах непохоже на правду, но все равно интересно.

На охоте и даже на войне прославили себя водолазы. Один из них по кличке Кве-Кве, «отличившийся во многих боях», принадлежал Сэмюэлю Адамсу, основателю революционной организации «Сыны свободы» и активному борцу за независимость Соединенных Штатов.

У кинологов нет общего мнения о происхождении ньюфаундлендов. Одни утверждают, что водолазы — одичавшие бэрэнбейцеры викинга Лайфа Эриксона, лады которого около 1000 года пересекли север Атлантики и пристали к берегам Ньюфаундленда. Более шестисот лет прожили будто бы водолазы на острове без людей, и европейцы, лишь в XVII веке вновь прибывшие на Ньюфаундленд, очень удивились, обнаружив здесь больших черных и лохматых псов.

По мнению других авторов, ньюфаундленд — собака исконно американская, предки ее — местные ездовые лайки. Но швейцарский кинолог, профессор Альберт Хайм, который специально изучал эту породу, полагает, что черные ньюфаундленды произошли от молоссов, завезенных англичанами на Лабрадор и в Канаду. Их использовали как ездовых собак. Черно-белые водолазы, по его мнению, более позднего происхождения. На остров Ньюфаундленд вместе с первыми поселенцами приплыли на кораблях и крупные черно-пегие овчарки. Они смешались с черными собаками, каким-то образом попавшими сюда с Лабрадора. Так получилось два типа водолазов: черные и черно-белые, или лендзиры (это имя получили они от фамилии художника Эдвина Генри Лендзира, который на многих картинах любил изображать черно-белых водолазов).

«Страсть к воде у них, очевидно, наследственная». Очень ньюфаундленды любят воду: купаться или подавать из воды разные предметы — самая любимая забава водолазов. Описано много случаев, когда ньюфаундленды спасали тонущих. Причем никто собак к этому не понуждал, у них этот инстинкт в крови

Черный водолаз той же породы, что и пятнистый лендзир. Только шерсть у него иного цвета. И надо сказать: черные водолазы встречаются чаще, чем чернобелые лендзиры. Нрав и сложение у тех и других одинаковые.

(один из водолазов будто бы спас Наполеона. Когда тот плыл с Эльбы, то упал за борт, а плавать не умел...). Даже если человек, как говорится, дурачится, делает вид, что тонет, водолаз, увидев это, кидается на помощь.

И врожденное другое: немного удлиненные перемычки между пальцами, зачаточные плавательные перепонки!

Окрас чисто-черный, допускается красноватый оттенок, белые отметины на груди, пальцах и на конце хвоста. Другие окрасы: бронзовый и белый с черными или бронзовыми пятнами.

Рост для кобелей — 68—75 сантиметров, вес — 60—68 килограммов, для сук — 62—70 сантиметров, а вес — 50—55 килограммов.

Ротвейлер. В средние века его предки охраняли и сопровождали большие караваны скота. Название эти собаки получили от города Ротвейль-ам-Некар, который прежде был центром торговли скотом.

Собака добродушная, пишут Найман и Новотны, смелая, легко дрессируется, но от дрессировщика требуется «мягкий подход». Другие же кинологи утверждают: ротвейлер — злобная собака и плохо дрессируется.

Окрас черный с красно-бурыми или светло-коричневыми подпалинами на скулах, морде, груди, на ногах и над глазами. Чем темнее подпалины, тем лучше.

Рост кобелей — 63—68, сук — 60—65 сантиметров.

РОТВЕЙЛЕР

ОВЧАРКИ

Кавказская овчарка. Это древнейшая пастушья порода Азии. Предок ее — тибетский дог. У нас распространена широко: почти на всем Кавказе, в Ставропольском и Краснодарском краях, Астраханской, Ростовской, Воронежской, Волгоградской, Саратовской областях. Кроме того, специально завезена в Куйбышевскую и Чкаловскую области и в Западную Сибирь. За рубежом кавказских овчарок много в Турции и в Иране. Здесь распространены и среднеазиатские овчарки. Породы эти близки, и помеси между ними там нередки.

«Еще в 1765 году кавказская овчарка использовалась в качестве караульной собаки в турецкой армии. В России во время покорения Кавказа специальным приказом командования кавказские овчарки были введены для караульной службы во всех крепостях театра военных действий» (А. П. М а з о в е р).

И в наши дни кавказские овчарки с успехом несут караульную и пастушью службу.

Окрас волче-серый, бурый, палевый, с маской и без нее, тигровый, рыжий и пестрый.

Рост кобелей не ниже 65—75 сантиметров (самая большая овчарка в мире!), сук — от 62 сантиметров.

Овчарок много: венгерские — пули, командор, пуми; словацкая — кувач; швейцарские пастушьи собаки — бернская и энглебухская; французские — лангедокский берже, пикардийский берже, бриар и боссерон; английские — колли, шелти, бобтейль, вельш-корги...

Последняя из упомянутых самая маленькая в мире овчарка: рост ее 25—30 сантиметров.

Из всех овчарок наиболее популярна и хорошо всем известна немецкая овчарка. Она наилучшая служебная собака: 90 процентов служебных собак в СССР немецкие овчарки. В нашей стране образовалась особая породная группа немецких овчарок. Они отличаются от западноевропейских более высоким ростом (рост кобелей — 65—70 сантиметров, сук — 61—66). Есть у них и некоторые другие особенности. Поэтому наша немецкая овчарка считается особым отродьем этой породы и называется официально восточноевропейской овчаркой.

В начале XVIII века в Европе, особенно в долине Рейна, в центре западноевропейского овцеводства, была распространена довольно примитивная пастушья собака, похожая на волка. От нее произошли многие овчарки: французские, бельгийские, голландские, немецкие. Первый представитель немецкой овчарки — грязно-белого цвета Грейф — был показан на выставке в Ганновере в 1882 году. На состязаниях по пастыбе стад Грейф занял первое место и первым был внесен в родословную этой породы. Благодаря его успехам немецкая овчарка завоевала большую

популярность, но еще долго после Грейфа противники этих собак считали, что они «больше подходят для зоопарка, чем для пастьбы стад». Дело в том, что любители и заводчики того времени всех волкообразных собак относили к беспородным.

В Россию немецких овчарок впервые завезли в 1904 году. Они приняли участие в русско-японской войне как санитарные собаки. С 1907 года немецкие овчарки несли и полицейскую службу, на этом поприще стали конкурентами доберман-пинчеров, которые «пользовались тогда большим авторитетом». В первую мировую войну в нашей армии было 150 немецких овчарок.

После длительного забвения немецких овчарок вновь стали разводить у нас с 1924 года. Почти все ныне существующие в СССР немецкие овчарки произошли от небольшой группы собак, привезенных из-за границы в 1924—1936 годах.

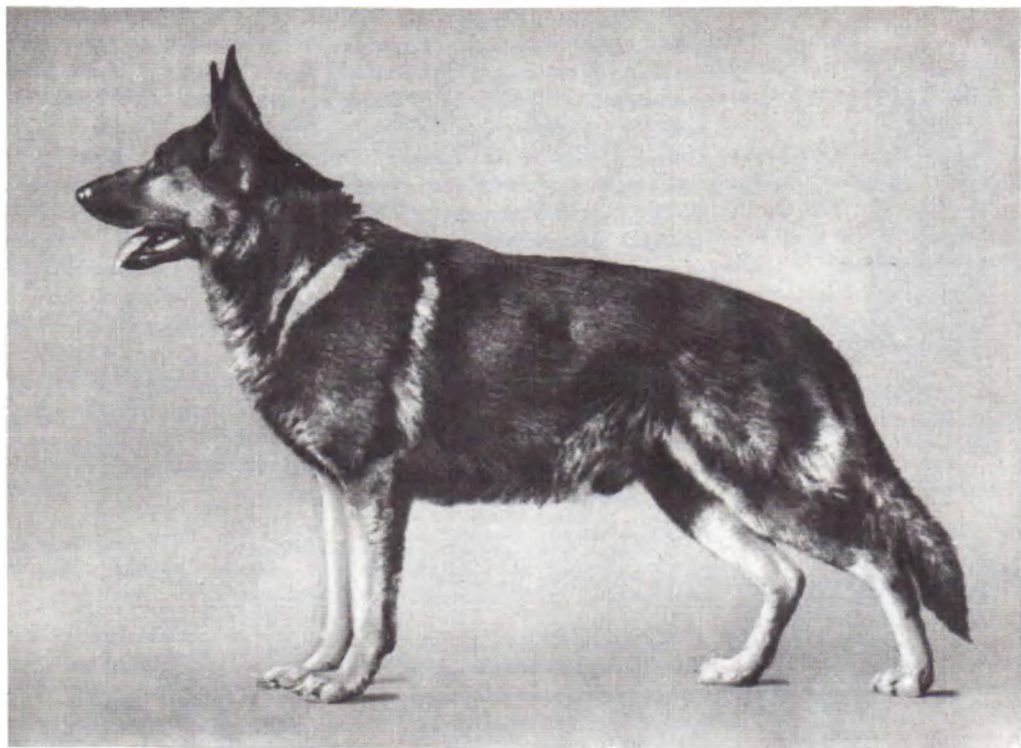
Окрас волчье-серый, чепрачный (с черной спиной), черный с подпалинами, чисто-черный, рыжий, редко тигровый и белый. Белые пятна на груди и лапах нежелательны.

Южнорусская овчарка. Ее предки родом из Испании. Оттуда стада овец-мериносов под охраной косматых овчарок перегонялись в другие страны (Францию, Англию и Германию). Вместе с овцами попали собаки и в Россию. Было это давно, в конце XVIII века. На юге России и в особенности в Крыму образовался немалый контингент этих собак. Здесь они скрещивались с борзыми, которые придали породе более высокий рост и подвижность, и с брусбартом (у нас его называют также русским сеттером).

Южнорусская овчарка проникла в степи Венгрии, образовав здесь близкую породу — командор. После выставок за границей русские овчарки стали завозиться в Англию, Францию и Германию. Главным племенным центром южнорусской овчарки была в то время Аскания-Нова. И после гражданской войны, в которой погибло много южнорусских овчарок, Аскания-Нова сохранила это свое значение. Другой племенной рассадник был организован в 1933 году в Джанкое.

Первый признак южнорусской овчарки, бросающийся в глаза,— длинная косматая шерсть, которой заросли эти собаки.

Теперь, пожалуй, можно уже в прошедшем времени говорить об этой прекрасной породе. Южнорусских овчарок осталось мало: два-три десятка, и те разбросаны по разным питомникам либо находятся во владении у частных лиц (главным образом в Москве, Ленинграде и Тбилиси). Порода исчезает. Необходимы срочные меры по ее спасению.

Тут, пожалуй, комментари
и не нужны: едва
ли кто не знает собак
этой породы. Восточно-
европейская овчарка!

Дальние предки южно-
русской овчарки родом
из Испании. Теперь по-
рода исчезает. Лишь
два-три десятка южно-
русских овчарок оста-
лось в нашей стране.

У колли незлобный ха-
рактер. Веселого нрава
собака. Колли несли са-
нитарную службу в рус-
ской армии.

Шелти — уменьшенная
копия колли. Родина
ее — Шетландские ост-
рова.

Колли, или шотландская овчарка. Столетиями она разводилась в Шотландии. В первые годы становления породы колли скрещивали с борзыми, сеттерами. Название свое порода получила от черномордых и черноногих овец коллиз, завезенных в 1700 году из Англии в Шотландию. Собаки этой породы красивые и умные животные, легко поддаются дрессировке и во многих странах используются как служебные собаки. В русской армии в русско-японскую войну 1905 года колли были на санитарной службе. И в первую мировую войну тоже. В наши дни это очень популярная собака. Все ее хорошо знают.

Обычный окрас: черно- или желто-пегий и трехцветный (черно-рыже-белый). Украшают колли белая проточина на голове, белый ошейник, доходящий до плеч, белая грудь и конец хвоста. Но бывают колли совсем белые, пятнистые и мраморные.

Рост кобелей (по нашим стандартам)—65—69 сантиметров, сук — 60—64. Вес соответственно 20—30 и 18—25 килограммов.

Шелти, или шетландская овчарка. Это уменьшенная (почти вдвое) копия колли. У нее такой же характер и тот же окрас. Родина шелти — Шетландские острова.

Наиболее желательный рост — 35,5 сантиметра.

ДОБЕРМАН-ПИНЧЕР, РИЗЕНШНАУЦЕР И ШПИЦ

Эти собаки ни к одному из разрядов принятой мной классификации не подходят, и мы рассмотрим их отдельно. Доберман-пинчер. Выведен в Германии, в Тюрингии, в 70-х годах прошлого века Людвигом Доберманом. Более двадцати лет он работал над созданием этой породы собак. Точных сведений о происхождении доберман-пинчеров нет. Скрещивания производились разные: основные исходные породы — старые немецкие пинчеры, ротвейлеры и французские овчарки боссероны, которые попали в Германию вместе с войсками Наполеона. Очевидно, приливалась кровь других пород: веймарской легавой, английской борзой и черно-подпалого терьера, немецкой овчарки и дсгов.

Работу Людвига Добермана завершил кинолог Отто Хеллер. Он стремился не только получать отличный экстерьер, но и прекрасные рабочие качества, необходимые служебной собаке широкого диапазона. Позднее это не всегда учитывали включившиеся в разведение породы любители. И в ряде линий доберманов тех дней стали часто появляться чересчур нервные, возбудимые собаки: «кусающие в момент аффекта своего владельца». Этот недостаток в породе доберман-пинчеров изредка встречается и теперь.

Давно уже доберман-пинчер стал отличной слу-

жебной собакой, в армиях и полициях разных стран на него большой спрос. И у любителей доберман-пинчер очень популярен. Он резвый на скаку, смелый и с таким хорошим чутьем, которое редко бывает у других собак.

В России доберман-пинчеры впервые появились в 1902 году.

Окрас темно-коричневый, черный или голубой; при всех окрасах обязательны четкие рыже-красные подпалины.

Рост кобелей — 66—72 сантиметра, у сук — 60—68.

Ризеншнауцер. Происхождение этой породы неясно. Полагают, что среди предков ризеншнауцера был жесткошерстный пинчер. Современный ризеншнауцер похож на большого черного терьера. Он брудаст (удлиненная жесткая шерсть на морде — «усы» — и на бровях). У него «угловатая, как бы изваянная из камня и покрытая длинной шерстью голова». Вид грозный, да и нрав серьезный, это пес недоверчивый и злобный к чужим. С 1955 года ризеншнауцер внесен в списки служебных собак.

Окрас чисто-черный без всяких отметин или серый («перец с солью» — называют кинологи такую масть).

Рост у кобелей — 65—70 сантиметров, у сук — 60—65.

Есть еще малый и карликовый шнауцер. Оба уменьшенные копии ризеншнауцера. Они серого окраса («перец с солью») и обязательно с темной маской на морде. Бывают и черные шнауцеры.

Рост малого шнауцера — 42 сантиметра, а карликового — 30—35.

Шпиц. Как у лайки, у него остренькая морда, стоячие уши и свернутый кольцом хвост.

Это одна из древних пород собак. Где и когда выведены шпицы, неизвестно. Но в Древней Греции они уже были: об этом свидетельствуют изображения на вазах и литературные источники. Шпицы тех времен почти как наши: небольшие, пушистые, обычно белые собачки, ушки остренькие, хвост баранкой. Их очень любили греческие женщины. Шпицы средневековья, очевидно, прямые потомки античных. Впервые современное название «шпиц» появилось в «дворцовом уставе» германского графа Эберхардта цу Зан в 1450 году: в нем всем служителям в доме графа запрещалось употреблять бранное выражение «шпицхунд» («собака шпиц»).

Довольно точные описания шпицев содержатся в некоторых работах, опубликованных в начале прошлого века, например в книге «Кинография Британика» («Британское описание собак»). Старые авторы называли шпица померанской собакой. Померания славилась тогда породой белых шпицев.

«Стоит нам немного пройти по улице, как мы обязательно увидим шпица или подобную ему собаку» (Рихард Штребель).

Действительно, до недавних десятилетий шпиц был очень распространенной и любимой породой во всех странах Европы. Теперь интерес к нему уже не тот. Другие, более модные породы вытесняют этих собак.

Шпицы — сторожевые, комнатные и дворовые собаки. Очень живые, подвижные, хорошо дрессируются. Их три породы: вольф-шпиц, большой шпиц и карликовый.

Вольф-шпиц ростом должен быть не меньше 45 сантиметров, большой шпиц — 40, а карликовый — 28. Вольф-шпиц волче-серого окраса. Большие шпицы — черные, белые, коричневые. Карликовые — черные, коричневые, белые, «оранжевые», волче-серые.

ТЕРЬЕРЫ

В мире больше 400 пород собак, десятая часть из них — терьеры. Первоначально были выведены для охоты. Норные собаки — такова их квалификация. Выгоняли из нор лисиц. В континентальной Европе для этого использовались таксы, а в Англии — терьеры. Позднее и в других странах были созданы породы терьеров. Например, в Германии — ягдтерьер, в Америке — бостонтерьер. Есть еще австралийский и чешский терьеры. Обязательные требования к охотничьим терьерам — злобность к зверю, смелость, подвижность. Со временем многие терьеры перестали быть охотничьими и разводились лишь как комнатно-декоративные собаки. Самый крупный из терьеров — эрдельтерьер — хорошая служебная собака.

Охотничьими считаются фокстерьер, ягдтерьер, скайтерьер, скотчтерьер, вельштерьер, бультерьер, ирландский и чешский терьеры. Впрочем, многие из перечисленных пород на охоте уже не используются, а разводятся как комнатно-декоративные, подобно тойтерьеру, скайтерьеру, керриблютерьеру, йоркширскому, черно-подпалому терьеру и прочим и прочим.

Фокстерьер. Главный охотничий терьер, заменивший на этом поприще многих своих собратьев, хорошо всем известен. Бывают жесткошерстные и гладкошерстные фокстерьеры. Прежде разрешалось скрещивать их между собой, теперь тех и других разводят в чистоте.

Это не только норная собака: фокстерьер работает и как гончая, как спаниель (выгоняет дичь из зарослей) подает убитых уток из воды.

Окрас белый с желтыми и черными пятнами.

Рост у кобеля не больше 39,5 сантиметра.

Скотчтерьер, или шотландский терьер. Также многим известен. Скотчтерьер долгие годы участвовал в забавных репризах Карандаша. Порода древнего происхождения, уже несколько веков разводятся этих собак в Западной Шотландии и на Гебридских островах.

Окрас черный, цвета спелой пшеницы и тигровый.

Рост — 25,4—28 сантиметров. Вес — 8,6—10,4 килограмма.

Бультерьер. Выведен в прошлом веке скрещиванием бульдога с терьером.

ФОКСТЕРЬЕР

СКОТЧТЕРЬЕР

БУЛЬТЕРЬЕР

ЭРДЕЛЬТЕРЬЕР

«Его можно назвать гладиатором. Он соединил в себе упорство в схватке и злобность терьера, и стойкость бульдога. Он создан для боя. Его фигура, мускулатура и мощные челюсти — результат целенаправленного разведения» (Рихард Штрель).

Со своими бультерьер игрив и ласков. С посторонними агрессивен и, если ему кажется, что хозяина обижают, готов в любую минуту кинуться на реально-го или мнимого врага.

Небольших собак бультерьер игнорирует, никогда не затевает с ними драк, даже если те насакаивают на него. Но крупные псы, даже такие, как сенбернар, ньюфаундленд, дог, часто попадают, так сказать, в западню, когда, не ведая гладиаторских качеств бультерьера, вступают с ним в драку. Бультерьер необыкновенно упорен в бою, ран не замечает, легко переносит их. И очень увертлив: врагам почти никогда не удастся схватить его зубами, придавить своей большой массой. Он же, ловко избегая укусов врага, наносит серьезные раны. И целится вцепиться в горло. Если это случится, победа достается ему.

Кое-где еще охотятся с бультерьером на кабанов. Он первоклассная собака: упорная, злобная, ловкая и увертливая. Раньше использовали бультерьеров и для преследования раненого зверя.

Окрас по прежним стандартам только белый, теперь допускается тигровый и пегий.

Рост примерно 45 сантиметров. Вес — 7—25 килограммов.

Бультерьеры ниже 35,5 сантиметра и весом не более 9 килограммов относятся к карликовой расе этой породы.

Тойтерьер («игрушечный терьер») довольно хорошо известен у нас. Это самый маленький из терьеров (рост — 18—26 сантиметров, а вес около 2 килограммов).

Эрдельтерьер. Выведен в середине прошлого века в Англии. Название происходит от реки Эрдель в Йоркширском графстве, где формировалась эта порода. В ее создании участвовали скотчтерьер, оттергаунд, бультерьер, ирландский терьер, сеттер гордон и еще некоторые другие породы собак.

Хорошая служебная и домашняя собака эрдельтерьер. Не потерял он и охотничьих качеств. Опыты показали, что эрдельтерьер может приносить убитую дичь из воды и зарослей. И что у него «хорошие способности гончей при облавах на диких кабанов и лисиц». Может быть и пастушьей собакой, проводником слепых. В мирные дни и на войне можно увидеть его на многих других службах.

Окрас — голова, уши и ноги — золотисто-рыжего цвета. Сверху и на боках черный и темно-серый чепрак.

Рост по нашим стандартам, которые для эрдельтерьеров выше, чем в западноевропейских странах, — 62—66 сантиметров для кобелей и 57—63 для сук.

КОМНАТНО-ДЕКОРАТИВНЫЕ СОБАКИ

Есть много пород комнатно-декоративных собак, неродственных между собой, разного телосложения, окраса, длинношерстные и короткошерстные, крошечные и совсем не маленькие. В большинстве они не приносят человеку никакой пользы, разве что дарят ему дружбу и беспредельную преданность. А эти два качества дороже всяких благ на свете.

Пудель. Одна из самых умных и послушных собак. Происхождения древнего. На некоторых старых картинах изображены пудели с классической стрижкой — «подо льва».

Выводились пудели, очевидно, для охоты, и предками их были лохматая пастушья собака и «водяная» (применявшаяся для подачи дичи из воды). Пудель очень любит воду и охотно подает из воды брошенные в нее вещи.

Трюфель — гриб, похожий на черную бородавчатую картошку. Внутри, на разрезе, он темно-серый или с мраморным красновато-черным рисунком. Запах у него ароматный. Это французский черный, или пегорский, трюфель. Растет в дубовых и буковых лесах, главным образом на юге Франции и на севере Италии. У польского белого трюфеля, или троичского, мякоть светлая. Этот растет в Западной Европе, у нас — на западе страны, встречается и в Московской области.

Трюфель — вкусный гриб, но грибникам он недоступен: целиком скрыт под землей. Искать трюфели учат собак. Пудель в этом деле наилучший специалист.

По характеру шерсти пудели разделяются на курчавых и шнуровых (шнуры должны быть не короче 20 сантиметров и чем длиннее, тем лучше). А по росту выделяются три разновидности пуделей: большие, или королевские (высота в холке — 50—65 сантиметров); малые — 35—45 сантиметров и карликовые (до 35 сантиметров).

Окрас черный (без отметин), белый, коричневый и недавно утвержденный серебристо-серый.

В Англии выведены пудели других окрасов (палевые, «абрикосовые»), которые международным стандартом пока не утверждены.

В ФРГ Курт Эльсте сообщил, что им создан «сверхкарликовый» пудель. Рост его 15 сантиметров, а вес около килограмма. Это еще не порода, а первые опыты по ее созданию, которые могут окончиться и неудачей.

Чау-чау, или китайская съедобная собака. «Съедобной» чау-чау называют потому, что бытует мнение, будто этих собак в Китае откармливали на убой и подавали к столу как деликатес.

«Знаменитая китайская чау-чау, особая раса, которую в Китае повсеместно разводят, часто для кулинарных целей» (Ян Жабинский).

«Довольно часто распространенное утверждение, что его откармливали на убой и приготавливали как деликатесное жаркое,

Королевский пудель
стрижки «модерн».

А этот пудель демон-
стрирует традиционную
стрижку «подо льва».

выдумка, абсолютно не соответствующая действительности» (Йозеф Найман и Йозеф Новотны).

«Его раньше в Китае откармливали и ели» (Виктор Гоерт-лер).

«Чау-чау имеет большую склонность к ожирению, он в Китае главный пищевой продукт и изысканный деликатес, используется и его шкура, кроме того, он содержится как сторожевая собака» (Рихард Штребель).

Кому верить? Все кинологи, все специалисты... В Китае чау-чау разводились в императорском дворце. Похожи на лаек и, очевидно, от них и произошли. Из Китая чау-чау завезли в Англию, где собаководы окончательно сформировали современный ее тип. Во внешних признаках у чау-чау одна характерная черта — синий язык! В нраве и поведении много своеобразных особенностей. Их хорошо описали чешские кинологи Найман и Новотны:

«Это собака с крепкими нервами, спокойная, неагрессивная, но в то же время абсолютно бесстрашная, безгранично преданная своему владельцу, проявляющая только ему, единственному, свое абсолютное доверие и готовая защищать его вплоть до самопожертвования. В своем поведении чау-чау абсолютно самостоятелен, независим и не позволяет поработить себя дрессировкой. Главным условием является снискать его доверие, при котором он потом инстинктивно чувствует пожелания своего владельца и ведет себя сообразно этому. Он величественный и серьезный, не понимает шуток и не имеет чувства юмора, не умеет играть. Он великолепный спутник того, кто любит спокойствие. Он избегает шума, ссор с другими собаками и хочет иметь в лице «своего» человека товарища, с которым у него установилось бы понимание без команд и излишних приказаний».

Окрас одноцветный: черный, белый, коричневый, кремовый, голубой, рыжий. Пегости и пятнистости не бывает.

Рост не меньше 45,5 сантиметра.

Пекинес, или китайский спаниель,— древняя порода. Веками разводились эти собаки в садах императорского дворца в Пекине. Никто не смел выводить их оттуда, под страхом смертной казни никому не разрешалось содержать их. Больше того, одну из этих крошечных собачек жрецы объявили воплощением Будды, и она почиталась как божество.

Когда в англо-франко-китайской войне 1860 года соединенные армии англичан и французов взяли Пекин, покидавшая город императрица приказала перебить всех пекинесов. К счастью, пять из них попали в руки англичан. От этих пяти собак, привезенных в Англию, произошли пекинесы, живущие ныне на всех континентах (кроме Антарктиды, разумеется).

Завезены они и в Пекин, на прежнюю свою родину.

Есть и другой вариант истории появления пекинесов в Европе. Английский генерал Данн, который долго служил в Китае, перед своим отбытием в Англию попросил у императора официального разрешения привезти в дар английской королеве Виктории одну из этих драгоценных собачек. Ему было отказано. Но когда генерал уже садился на корабль, на котором должен был вернуться на родину, к нему подошел неизвестный человек, передал маленькую корзинку и попросил не открывать ее до выхода корабля в море. Корабль отчалил, генерал Данн заглянул в корзинку:

японский
хин

там сидела притихшая крошечная собачка и печальными глазами смотрела на него. Так в 1860 году Лули, как называли этого пекинеса, появилась в королевском дворце в Лондоне. Там ее ожидал большой успех. Эдвин Лендзир, известный художник-анималист, нарисовал несколько портретов Лули.

Когда в 1900 году армии разных государств Европы и США подавили так называемое боксерское восстание в Китае, много пекинесов, пойманных в императорских садах, было привезено в Европу. Их успешно разводили в Англии. Вторым крупным центром, где велась племенная работа с пекинесами, стала помещичья усадьба в Баден-Бадене (Германия). Здесь для пекинесов построили большие помещения, для сук и кобелей отдельные, и особый зал, где собак по утрам причесывали, стригли и чистили им зубы. Кормили пекинесов отборной бараниной и телятиной. В те времена пекинесов продавали по баснословной цене.

Окрас собак этой породы самый разный: белый, черный, красный, золотистый, палевый, серый, пятнистый. Желательна черная маска на морде.

Рост — 23—25 сантиметров; чем меньше, тем лучше. Вес от 3,5 до 6 килограммов.

Хин, или японский карликовый спаниель.

«Вопрос о том, является ли японский хин японского или китайского происхождения, очевидно, никогда не будет решен. Одни утверждают, что он попал в Японию из Китая как составная часть налога, который Китай уплачивал Японии в VIII столетии. По иным взглядам, он считается исконной национальной японской породой, которая не состоит в каком-либо родстве с пекинесом» (Йозеф Найман и Йозеф Новотны).

«Хин — национальная собака Японии. В средние века голландцы завезли в Японию, как я полагаю, спаниелей и мальтийских болонок, от которых и происходит хин. Опытные японские собаководы постепенно придали ему современный облик» (Рихард Штребель).

Как и пекинес, хин тоже был священной собакой, сотни лет его разводили в храмах и аристократических домах. Слово «хин» означает по-японски «сокровище». В 1860 году это «сокровище» привезли в Англию и здесь им дорожили не менее, чем в Японии.

Окрас белый с черными или рыжими пятнами.

Рост — 30 сантиметров, вес — 1,5—5 килограммов. Чем меньше рост и вес, тем лучше. В Японии у некоторых собаководов есть будто бы совсем крошечные хины (в 500 граммов весом).

Мальтийская болонка, или мелита. Едва ли не самая древняя порода, дошедшая до нас со времен становления древнегреческой цивилизации. Сохранилась афинская ваза, изготовленная в X веке до нашей эры. На ней изображена длинноволосая коротконогая собачка. Надпись на этой вазе такая: «Мелита».

У мелиты, мальтийской болонки, шерсть прямая, без завитков. Белоснежной мантией ниспадает до земли.

У французской же, или обычной, болонки шерсть курчавая.

Много позже, в III веке до нашей эры, ученый грек Калимахос рассказывал о «собаке с острова Мелита». Остров этот теперь называется Мелета. (В Адриатическом море у берегов Далмации.) Но в те времена еще один остров именовался Мелитой. В средние века перепутали оба эти острова, две Мелиты. А когда один из них, на котором болонок не было, стал называться Мальтой, то интересующая нас собака по недоразумению получила имя не меледской,

Имя его широко известно. Но мало кто из наших современников видел мопсов. Порода исчезает.

что было бы правильно, а мальтийской болонки. Так и ведется с XVI века.

Англичане внесли много нового в экстерьер мелиты. Сейчас это очень шерстистая собака, вся словно спрятанная в своих великолепных волосах. Они шелковистые, блестящие, прямые, шерсть густыми каскадами ниспадает вниз, длина их в среднем 22 сантиметра (а это ведь рост самой мелиты!)

Окрас белоснежный. Допускается лишь оттенок слоновой кости. Рост — 21—25 сантиметров, вес — 3—4 килограмма.

Итак, четыре похожие друг на друга собачки: пекинес, хин, мелита и обычная, или французская, болонка (выведена в Италии скрещиванием мелиты с пуделем, поэтому разумнее называть ее обычной болонкой). Как их отличить? Две из них чисто-белые: мелита и болонка. Но у мелиты шерсть прямая, без завитков, «как тяжелая мантия, прилегающая к телу». У болонки же она курчавая, в завитках. Хин белый с черными

Хоть и называют его бульдогом (французским), однако ничего бульдожьего в характере этой милой собаки нет. Она добродушная и ласковая.

или рыжими пятнами. А пекинес чаще всего какого-либо одного цвета, редко пятнист.

Это я называю самые простые отличия, в которых легче ориентироваться неспециалисту. Есть, конечно, у названных собак и другие экстерьерные отличия.

Мопс. Столетия назад был очень модной салонной собакой. Происхождение мопса до сих пор неясно. Немецкий кинолог Рихард Штребель просмотрел старые документы, книги, журналы и нашел в них самые противоречивые суждения о происхождении породы. Одни утверждают, что это выродившийся бульдог, другие, что помесь бульдога с датским догом. Есть и такая версия: мопс русского происхождения и завезен из Москвы, по мнению других, его родина — Китай.

Одно ясно: мопс очень старая порода. Прежде центром его разведения в Европе была Голландия. В XVII веке герцог Вильгельм Оранский, когда стал английским королем, привез со своей родины, из Голландии, в Англию мопсов. Вначале они были любимыми собаками королевской семьи (сохранился портрет Георга III с мопсом).

У мопса морда бульдожьего типа, уши полустоячие, а хвост свернут баранкой, как у лайки. Это его самая характерная особенность, позволяющая сразу отличить мопса от всех комнатно-декоративных собак.

Есть мопсы гладкошерстные и длинношерстные. У последних длинная, густая, но не курчава шерсть, особенно богато опушен хвост.

Окрас черный, серебристо-серый и желто-коричневый. Обязательны черная маска на морде, черные уши, пятно на лбу и темная (а еще лучше черная) полоса вдоль хребта.

Рост — 25—35 сантиметров, вес — 5,7—7,7 килограмма.

Французский бульдог. Тоже неясного происхождения. Наиболее вероятна одна из следующих двух версий: либо он потомок английского бульдога, либо в близком родстве с ним не состоит, а ведет свой род от средневековых догообразных собак и представляет собой их карликовую расу.

В характере его нет ничего бульдожьего, это собака очень мирного нрава, добродушная и ласковая.

Окрас тигровый (по основному фону из черных и рыжих волос разбросаны более темные тигровины). Небольшие белые отметины на груди и морде допускаются, широкие белые пятна бракуются. Второй вариант окраса — пятнистый: по белому фону тигровые пятна, но не крап, который бракуется. Допускается и чисто-белый окрас, но не черный.

Рост желательно не выше 30 сантиметров, вес — 8—14 килограммов.

Чихуахуа, или мексиканский карликовый терьер. Самая маленькая собака мира! Ее рост всего 15—23 сантиметра, а вес 0,5—2,5 килограмма. Еще до Колумба разводили в Мексике этих собак, но лишь в 1942 году был официально утвержден их стандарт. Главное требование — как можно меньший рост. А шерсть у этой большеухой собачки может быть длинная либо совсем короткая и гладкая. (Тогда она похожа на маленького тойтерьера.) Окрас может быть любой, пестрый и одноцветный всех тонов.

ОХОТНИЧЬИ СОБАКИ

Охотничьих собак больше 150 пород. Интереснее будет, если мы рассмотрим их по иному принципу, чем предыдущих: расскажем не о каждой породе, а о разных видах охоты и о специализированных группах собак, принимающих в них участие.

Борзые и гончие.

«А ведь это вам не книжку прочесть, тут даже простого русака оследить, и то надо ум иметь. Вот хоть взять охотничий подклик — тут не одно хайло нужно! Тут кураж нужен. А я, бывало, как надам: «О, гой!» — так весь лес дрогнет!.. Двинулись мы всем нашим многолюдством, прошли по венцу нашей горы, вы-

В былые времена эти элегантные собаки в бешеной скачке настигали волков и, ухвативши «по месту» (за уши или горло), держали до подхода охотников. А некоторые сильные и «приемистые» русские борзые и в единоборстве могли придушить волка!

равнялись на простор, поднялись дедушка на своем буланом на темя и приказали зачинаться полю... Шли сначала по мелочам, по мелкому, значит, кустарнику, потом свалились в луга к лесу, перешиб я луга рысью и стал подвывать. Только отголосу не слышу никакого — верно, думаю, они на добыче. Выскочила было лисица да скатилась в овраги и сразу понорилась, ушла в свое нырище, не стали мы на нее и время терять. Потом подозрил я русака, хлопнул арапельником — заложились за ним Стрелка с Заирой по грани, сладились... Спят, спят за ним почесть ухо в ухо, только стал он вдруг отрогать от них...

— Как это отрогать?

— Уходить, сударь, уходить. Да Заира не глупей его была — надала маленько, сбила его с грани и покатила вместе с ним, а тут стоя и накрыла их. Дедушка кричит: «Прими!» — а я уж давно принял...

— Заколел?

— Конечно, заколел».

Это из И. Бунина. Неудачная получилась охота: «окромя этих пустяков, ничего мы в тот первый день не сделали до самого вечера». А за волками шли. Был у них на псарне, рассказывал тот же бывший лов-

чий, один кобель борзой. Он за один день «взял целых пятерых лобанов!». А лобан — значит матерый волк. Таковы русские борзые.

Здесь была описана охота с борзыми без гончих. Но обычно настоящая псовая охота ведется и с теми и с другими. Гончие «в напуск» по оврагам, буеракам, по окраинам леса и перелескам. Их задача — поднять зверя с лежки (или отыскать свежий след) и выгнать его в поле, на луговину. А борзые до поры держатся при всадниках и вступают в игру, когда выгонят гончие зверя на чистое место. Борзым увидеть его надо, чтобы началась погоня. Для этого нередко на седло, на переднюю луку, вскакивает самая опытная и резвая борзая — с такой высоты ей легче «узреть» добычу. И начинается скачка: борзые за зверем, за ними всадники.

Настигают борзые волка. Они должны не рвать его, а прижать к земле, ухвативши «по месту» — за уши или горло — «и как железными вилами» держать до прибытия охотников. Тогда свяжут они его, если хотят взять живым, либо «примут», то есть заколют. Очень сильные борзые кобели, схватив за горло, «порешали с волком», душили до прибытия охотников, но опять-таки не рвали его.

В старину различали малую псовую охоту и большую. Малая состояла из стаи гончих в восемнадцать собак. Большая же — из стаи в сорок гончих, двенадцати свор борзых, «полагая по три собаки на свору», двенадцати «крыльев» волчьих тенет и соответствующего обоза.

НЕБОЛЬШАЯ ИНТЕРМЕДИЯ: О ХВОСТАХ, УСАХ И ЕЩЕ КОЕ О ЧЕМ

В старину слово «хвост» охотники не употребляли. Именовался он у борзых — правило, у гончих — гон, у сеттеров — перо, у пойнтера — прут, у волка — полено, у лисы — труба, у зайца — цветок.

Брудастыми называют собак, у которых длинная шерсть на морде, словно бы усы. Пример — жесткошерстный фокстерьер, шнауцер и др. Брылястые — у которых «брыли», сильно отвисшие губы, особенно верхняя. Таковы сенбернар, боксер, мастифф.

«Степью» именовалась спина борзой собаки. Прямостекая борзая, у которой спина (степь) прямая, как доска. Прежде прямостекие суки ценились, кобели браковались. «Степь с верхом» — пружинистая, изогнутая вверх спина — достоинство всех чистопсовых борзых.

«Самую древнейшую и сообразную нашему климату породу русских борзых была порода собак кровная чистопсовая. Название этой породы борзых образовалось от слов: «чистый пес», в смысле чистокровности, чистопородности и «чистоты» собаки по виду, то есть элегантности, пропорциональности частей

и необыкновенной красоты ладов ее. Вследствие чего старинные псовые охотники... тщательно вели породу этих «чистых псов», которая и сохранилась на Руси до наших времен под названием: порода «чистопсовых» борзых.

Чистопсовую борзую собаку старинные знатоки, псовые охотники, сравнивали относительно кровности с кровною арабской лошастью» (П. М. Губин).

Просто псовая борзая выведена скрещиванием чистопсовых борзых с курляндскими. Псовые борзые тоже очень ценились собаководами, за них платили в начале прошлого столетия до десяти тысяч рублей! А чистопсовые стоили еще дороже. Иметь их могли только очень богатые люди.

В прошлом веке в России, помимо упомянутых, были еще такие породы борзых: курляндская, брудастая, английская, хортая, горская и крымская.

ОХОТНИЧЬИ СОБАКИ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Нет теперь таких грандиозных охот. Многие породы гончих и борзых остались, по существу, «безработными» и превращаются в комнатных собак. Правда, фоксгаунды — тоже отличная порода — еще принимают участие в парфорсных охотах, которые устраивают владельцы крупных поместий в Англии, Франции, США (в ФРГ эти охоты запрещены).

Что за охота такая, парфорсная?

И. Фляде и Х. Ленц в энциклопедии о лошади разделяют ее на три основных вида. Первый — без собак. Всадники гонятся за лисой. Настигнув ее, стараются на всем скаку схватить за хвост. Второй — «волокуша». Один из егерьей едет по предполагаемой трассе охоты (длиной трасса может быть до 35 километров) и волочит за собой по земле губку, пропитанную раствором с запахом лисы. Затем по этому следу напускают гончих собак, за которыми, опережая друг друга, скачут всадники. Третий вид — настоящая парфорсная охота. Гончие с лаем преследуют зверя по следу. За ними мчатся охотники на лошадях. В Англии традиционный зверь таких охот — лисица. Если она ушла в нору, то один из всадников вынимает из корзинки фокстерьера. Гончих берут на смычки и отводят в сторону, чтобы не порвали лисицу, когда фокстерьер выгонит ее из норы.

И продолжается погоня!

Английские борзые грейгаунды и уменьшенные их копии уиппеты так же, как и разводимые в Европе великолепные афганские борзые, в охотах больше не участвуют, а стали вроде рысистых и верховых лошадей скакунами «малых» беговых дорожек: гонятся — кто быстрее! — за искусственным зайцем, который с помощью особых механизмов приводится в движение по такого же типа «кругу», как на ипподро-

ме. На этих испытаниях грейгаунды развивают скорость до 63 километров в час, а афганские борзые — только 56—58.

У нас в стране вместо прежнего множества гончих собак (прямогонных, крутогонных, брудастых, костромских, польских, английских, арлекинов и пр.) остались только две хорошо сформировавшиеся породы — русская гончая (рыжая, нередко с темным чепраком) и русская пегая (называемая также англо-русской). Правда, в последнее время завезли к нам и гончих-биглей, но пока число их невелико для такой страны. Бигль похож на английского лисогона, но меньше его и на более коротких ногах. Его отлично можно содержать в квартире, и он хорошо гоняет зайцев. Можно выезжать с ним в лес и не зависеть от егерьей и их собак, охотиться самостоятельно.

Легавые. У нас семь-восемь основных пород легавых: короткошерстный пойнтер, длинношерстные сеттеры — рыжий («цвета красного дерева») ирландский, черно-подпалый гордон (или шотландский сеттер), английский сеттер — белый с черными, желтыми пятнами и таким же крапом. И три немецкие легавые великолепного кофейного цвета. Обычно они не однотонно окрашены, а пестрые, в крапе, «мраморные». Это курцхаар (короткошерстный), лангхаар (длинношерстный) и дратхаар (жесткошерстный). Встречается, но редко, еще и венгерская легавая, очень похожая на курцхаара, но только темно-палевая. С ней и немецкими легавыми можно охотиться и на зверя. Но английские легавые идут только по перу (то есть по птице) и работают «верхним чутьем»: чуют по ветру, где затаилась дичь. Стил, ход охоты у них (с небольшими вариациями) одинаков.

Болотистая луговина. Пойма. Огромный, мягкий, драгоценный ковер слепит глаза многоцветием. Вон там, на «ковре», — рыжий клоч пламени, который, кажется, подожжет сейчас и траву и цветы.

Вот-вот загорится болото!

Любо смотреть на собаку...

Главное ее достоинство — чутье. Чутье верховое: по следу хорошие легавые работать не должны. Океан запахов окружает собаку, но в этом океане она найдет один-единственный — теплый запах затаившейся птицы.

...И вдруг! Вы только взгляните на собаку! Как она напряглась, до дрожи! Теперь только вперед.

Осторожно ступая, приблизился пес к какому-то такому месту, где запах птицы стал уже не отдаленно-неопределенным, а несомненным, и замер на месте.

Собака ждет указаний хозяина: «Вперед!» (Но можно сказать и «Пиль!».)

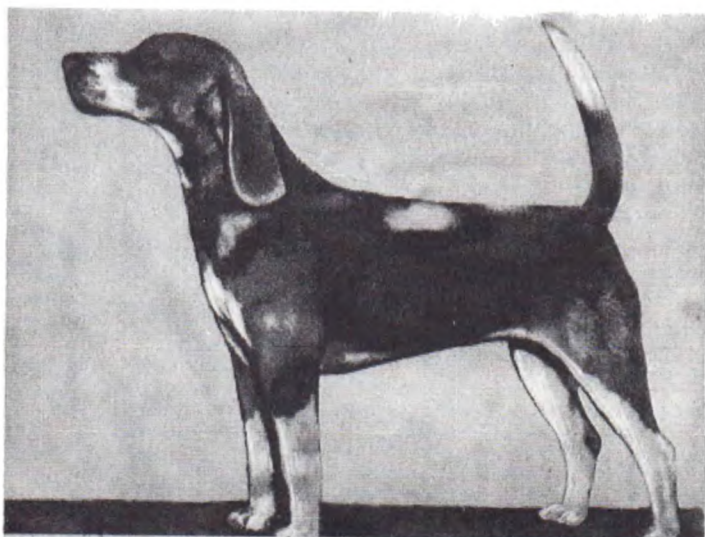
Медленно, просто с осторожностью двинулась. Это называется подводка! (Но допустима и быстрая подводка — прыжком.)

Птица срывается из-под самой собачьей морды

Афганская борзая — одна из самых красивых собак. Смотрите, какая у нее великолепная «уборная псовина» (то есть шерсть).

Биглей завезли к нам недавно. Большая часть из них служит целям медицины как подопытные животные.

(или чуть вдалеке). Летит низко над землей. И тут выстрел! Падает птица...

А собака?

Собака, лишь только птица вспорхнула, сразу же легла (но может и стоять замерев: лишь бы с места не срывалась, не гналась бы за птицей, чтобы самой под выстрел не попасть и выводок, если он тут, не распугать).

Подала ли она птицу?

Может подать, а может и нет: не в этом суть...

Спаниели. Это так называемые розыскные собаки. Они работают без стойки нижним чутьем и верхним, как легавые. Охотятся с ними обычно по просекам, опушкам, перелескам, кустарникам и в камышах. Спаниели выгоняют птиц и мелкого зверя на охотников, и потому поиск у них должен быть более коротким, чем у легавых: иначе станут поднимать дичь вне досягаемости выстрела.

Спаниели хорошо добирают подранков и с лаем идут по свежему следу. Очень любят воду и охотно подают из нее битую птицу. И в то же время они прекрасные комнатные собаки: ласковые, понятливые, веселого нрава.

Родина спаниелей — Испания (само название их говорит об этом: «спаниель» происходит от «эспаньол» — «испанский»). Спаниели здесь известны с XV столетия. Затем, в XVIII—XIX веках, за разведение спаниелей взялись англичане. Они и вывели многие современные породы (коккер-спаниель, спрингер-спаниель, филд-спаниель, кинг-чарльз-спаниель, той-спаниель и другие).

Обычно охотничьи спаниели — коккер и спрингер. Первый меньше: рост — 37—41 сантиметр, а спрингер-спаниеля — 50 сантиметров, вес его около 22 килограммов, а коккера почти вдвое меньше.

«У нас в стране разводят свой тип спаниелей, имеется особый стандарт так называемого русского спаниеля. Настоящих коккеров у нас очень мало (менее 100), а спрингеров единицы» (В. Г. Гусев).

Норные собаки. Это в основном фокстерьеры и таксы.

«Такс девять пород: нормальная, карликовая и кроличья, каждая из которых бывает короткошерстная, длинношерстная и жесткошерстная» (Найман и Новотны).

ТАКСА

Как идет норная работа? Собака должна выгнать из норы лисицу или кролика, загнать «в угол» барсука. Она сражается один на один в темноте норы со зверем, много более тяжелым и сильным, чем она (если речь идет о барсуке). Барсук, как правило, и

лиса нередко из норы не выбегают, а, забившись в какой-нибудь из тупиковых отнорков, огрызаются на собаку, кусают ее, если та вовремя не отпрянет. Это может продолжаться долго. Тогда охотники, вооружившись лопатами, роют колодец в том месте, откуда слышится собачий лай, и, добравшись с таким нелегким трудом до зверя, прижатого в угол собакой, берут его живьем или убивают.

Таксы годятся и для следовой работы, с лаем идут по следу убегающего зверя. И как спаниели, отыскивают в зарослях дичь, выгоняют ее на охотника.

Лайки. Универсальные собаки. Идут по любой птице и любому зверю (даже по тигру!). В основном работают не по следу, а если уж гонят зайца, лису (что им не положено делать!), лося или кабана, то молчком. Лишь когда увидят зверя, то облаивают его, не дают ему уйти до подхода охотников.

Лось, если лайки слишком напористы, плохо держит «отстой», а медведь хорошо. Хорошая лайка-медвежатница и одна (но лучше в паре) так завертит зверя, что он и на охотников не обращает внимания. Вертится, норовит поймать собаку, а та атакует его только сзади. «Берет по месту» — кусает за гачи, то есть за задние места. Медведь же «хлипок на зад», всяких его ушибов и тем более укусов боится. Вот и вертится, зад от нее прячет и хочет поймать собаку. Тут подходят охотники и стреляют зверя почти в упор.

На охоте по берложному медведю картина похожая: так или иначе выгонят лайки медведя из зимнего лежбища. Но лучше делать это без помощи собак, которые ныряют в чело берлоги, медведь может их заломать, если собаки еще не очень опытные.

Выгонят. Если не убьют на выходе из берлоги (что часто бывает), медведь тут же ударяется в бег, лайки или лайка за ним. Когда снег еще неглубок, скоро останавливают зверя, и подоспевшие охотники стреляют его. Но по глубокому снегу пускать лаек вдогон медведю нельзя, не увернутся они от него.

Охотятся с лайкой в камышах по уткам и по другой дичи, которую собака выгоняет из чашобы. Но лучшая охота, на мой взгляд, по глухарю (поздним летом и осенью). Как поднимет его собака, глухарь тотчас садится на ближайшее дерево, а лайка, неотрывно наблюдая за ним, лает на него обычно басовито и отрывисто.

Тайком, прячась за деревья и кусты, подходит охотник на верный выстрел. Тетерев такого облая не держит, на деревья не садится, вспугнутый лайкой сразу улетает, но молодых тетеревов в начале сезона осенней охоты можно стрелять из-под лаек. Рябчик держит облай, но редко. Ну а уж белку, куницу, соболя, хоря,

*Хотлатая голая собака:
лишь на голове у нее
тышным пучком растет
шерсть.*

даже выдру и норку промышляют с лайкой очень успешно.

Лайки, особенно восточносибирские и эскимосские, ценны еще тем, что это лучшие ездовые собаки. Впряженные в нарты, они везут немалый груз: до 40—50 килограммов на каждую собаку при 80—100 километрах дневного пробега. Хорошие собаки еще больший груз могут везти: 60 килограммов на каждую.

ГОЛЫЕ СОБАКИ

К неожиданным курьезам, которые встретили испанские завоеватели в Центральной Америке, принадлежат и голые собаки: совершенно бесшерстные, с шиферно-серой кожей. Их видели Колумб и Эрнандо Кортес. Историки, оставившие свои воспоминания о событиях тех дней, описали и бесшерстных собак. Особенно много их было в Мексике. Лишь одна их порода — «интикуинтис» — применялась и на охоте, но не очень успешно, потому что ее не защищенную шерстью кожу больно ранили иглы кактусов и сучья кустов.

Главная цель разведения этих собак была гастрономической. Мексиканцы откармливали их и ели. Многие разновидности голых собак были жирны, как свиньи, а у «голоитцкуити» на спине отрастал высокий горб, похожий на верблюжий. Он начинался прямо от

затылка этой собаки и занимал всю спину и даже крестец. Хвост тоже был толстый, заплывший жиром, складки жира свисали вниз и на брюхе собаки.

Съедобные собаки ацтеков не все были совершенно голыми, у иных рос пышный пучок волос на голове или кисть шерсти на конце хвоста и на пальцах ног. Встречались и наполовину голые: на голове, шее и ногах — шерсть, а спина обнаженная.

Завоеватели привезли в Америку многих домашних животных, мясо которых оказалось вкуснее собачьего. Зброшенные разводившими их людьми, собаки стали вымирать. Еще и полиция вмешалась: объявили голых собак разносчиками разных болезней и стали устраивать облавы и уничтожать. Причиной же для такого суждения послужили болячки на коже собак, плохо заживающие царапины.

Сейчас даже в Мексике голую собаку можно увидеть редко. Неожиданно цены на них поднялись высоко: европейцы и зоопарки мира охотно их покупают. Некоторые любители разводят голых собак сейчас в Европе. Совершенно голых почему-то повелось называть китайскими, а частично голых — мексиканскими. Жару и холод своей новой родины они переносят легко и зимой даже с удовольствием валяются в снегу.

В Африке и во многих странах Южной Азии тоже встречаются голые собаки. Вопрос, местного они происхождения или прародиной их была Америка, не решен.

СОБАКИ ПАРИИ

Еще в глубокой древности в городах и на их окраинах рядом с человеком, но независимо от него проживали собаки парии. О них никто не заботился, не кормил, а, напротив, все гнали прочь и порой убивали, но собаки плодились. Древний Вавилон, Греция, Египет были перенаселены этими собаками. Их имя «парии» происходит от названия низшей касты людей в Индии.

Парии пугливы, недоверчивы, по возможности избегают всяких близких контактов с человеком. Роют неглубокие норы, по ночам оглашают округу «волчьим» воем. Кормятся всякими отбросами — только в этом их польза. А обитают парии почти во всех южных странах Старого Света. Их много в Индии, на Цейлоне, на Яве и Суматре, в Турции, Сирии, на Синайском полуострове, в Египте, Судане, во Внутренней Африке, у истоков Нила, даже на островах Занзибар и Pemба.

Парии с исключительной быстротой роют норы. Одну такую собаку привезли в Цюрих. И на несколько минут оставили в сарае. Этого времени ей хватило, чтобы прорыть ход под порогом двери и убежать на свободу.

На окраинах городов Египта много полузасыпан-

ных земель развалин древних поселений, парии роют норы в этих руинах. У норы обычно два выхода: один на восток, второй на запад. В первом собаки проводят утренние часы, греясь в лучах восходящего солнца, а в дневную жару перебираются к западному выходу. Промышляют пропитание в основном по ночам. Мертвый осел или мул для них богатая находка: через небольшой промежуток времени они оставят от павшего непарнокопытного один скелет. Голодные рыщут и днем, ловят мышей не хуже лисы и птичьи гнезда разоряют.

В мусульманских странах париям живется особенно вольготно. Религиозные предписания запрещают мусульманам убивать собак. Там парии уже привыкли, что люди подкармливают их. Как бы ни скуден был обед бедняка, он всегда оставит кусок хлеба для бездомной собаки. Рассказывают, что если вдруг сука со щенками переходит улицу, то всякий транспорт уступает ей дорогу.

Охраняемые предписаниями ислама парии расплодись до невозможности. В Стамбуле, например, в начале нашего века по приблизительным оценкам их было около 300 тысяч! Парий можно было встретить на всех улицах, площадях, во дворах отелей, под каждым деревом и в особенности на кладбищах.

Житья от них не стало, пришлось пренебречь религиозными ограничениями: устраивать на уличных собак облавы, уничтожать их. В 1934 году в Стамбуле парий стало втрое меньше. В 30-х годах решительную борьбу с париями повели также в Каире, Александрии, Багдаде и других городах Востока. В Ираке они сохранились сейчас только в пустынных областях страны.

Я сказал выше «одичавшими собаками», но есть мнение, что парии не одичавшие, а натурально дикие и что, возможно, от них произошли и все домашние собаки. Однако сторонников такой гипотезы мало. Большинство ученых считает парий одичавшими. Но когда?

Одни утверждают, что произошло это не так уж давно, в античное время. Тогда войны были часты и победители оставляли от завоеванных городов одни руины. Побежденных не щадили, горы трупов устилали пути разных навуходоносоров, киров, чингисханов и тамерланов. Собаки, потерявшие хозяев, дичали, приспосабливались к самостоятельной жизни. От них и произошли парии.

Однако в последнее время завоевывает признание иная точка зрения: парии одичали гораздо раньше, в доисторические времена. Предполагается даже, что от парий, прирученных человеком вторично, произошли некоторые из современных пород собак.

БАТАКСКИЙ ШПИЦ

Одна из наиболее примитивных, близких к париям и к динго пород — батакские собаки Суматры. Сейчас распространились они и по другим островам Индонезии, но выведены были на Суматре местными жителями — батаками.

Батакская собака, которую называют часто шпицем, невелика (30—45 сантиметров в холке), приземистого плотного сложения, масти самой разной: часто рыжей, но встречаются и бурые, серые, черные, палевые, белые. Уши небольшие, стоячие. Хвост закручен баранкой, как у лайки, но попадаютсся собаки с прямыми хвостами и весьма короткохвостые.

Это отличные сторожевые и охотничьи псы. Батаки прежде много воевали друг с другом и с соседними племенами; с национальным оружием — парангом, большим кинжалом, — мужчины и женщины не расставались. Собаки сопровождали их и на рыбную ловлю, и на охоту. Даже купаться женщины ходили не иначе как в сопровождении целой своры маленьких, но очень чутких псов.

Но и деревню нельзя было оставлять без сторожей. Особая разновидность батакских шпицев была приучена никуда и никогда не отлучаться от дома, этих собак даже на охоту не брали. Чужих людей, приближающихся к деревне, они чуяли издалека, громким лаем поднимали тревогу.

Тактика нападения на всякого чужого, который подходит к дому, у них как у зверовой лайки на медведя. Собачки небольшие, победить или серьезно искушать человека, даже атакая стаей, не могут, поэтому в лобовую атаку не идут, окружают, лают и, наскакивая сзади, кусают за ноги. Отбиться от них ничем нельзя.

Дома в лесных селениях Индонезии строят обычно на сваях; порог такого дома в нескольких, иногда в пяти метрах над землей. Примитивная лесенка, а точнее, наклонно положенный ствол бамбука или иного дерева, словно сходня у борта корабля, ведет в жилище. По нему забираются в дом и взрослые, и дети, и... собаки. Даже щенки очень ловко карабкаются вверх по таким «сходням». Для кошки это дело легкое, но для собаки... Прыжками, цепляясь когтями за зарубки и неровности на бревне, взбирается батакский шпиц в дом своего хозяина.

Собак, менее других пригодных для охраны дома и для охоты, батаки откармливают и едят. Некоторые европейцы, побывавшие в батакских селениях, говорят, что на вкус жаркое из шпица нечто среднее «между курятиной и телятиной».

От собак, подобных батакским шпицам, очевидно, происходят австралийские динго. Промежуточная форма, так называемый «лесной динго», открыта не-

давно на Новой Гвинее: собака не дикая, а домашняя, но очень похожая на австралийских динго. Заселяя Австралию, люди привезли с собой в давние времена и собак. Одицавшие их потомки — это динго.

ДИНГО

Он невелик ростом (примерно 50 сантиметров), в повадках много волчьего. Живут динго стаями, у каждой своя охотничья территория. Нередки стаи по сотне собак. Зимой мигрируют, уходят на восток, летом возвращаются в пустынные западные земли континента. Лают динго редко. Чаще приходится слышать их визг, ворчание и вой. Прежде охотились в основном на кенгуру, мелких брали легко, но большие защищались от динго довольно успешно. Чтобы обезопасить от собак свой тыл, кенгуру прислонялись спиной к большому кусту или дереву и пытались схватить собаку передними лапами. Поймав, прижимали к себе и ударами мощных задних ног с острыми когтями вспарывали живот. Если поблизости была вода, кенгуру заходили в нее по грудь и, когда собака подплывала, топили ее, окуная в воду передними лапами.

Появились в Австралии овцы, и динго стали охотиться на них. Вред овцеводству наносили очень большой. Например, на одной ферме за три месяца динго перетаскали больше тысячи овец. А всего в прошлом веке они уничтожили полмиллиона этих копытных животных.

Белые поселенцы уничтожают динго при каждой возможности. Расстреливают с вертолетов, травят ядами, загоняют в сети... В некоторых штатах Австралии до сих пор выдаются премии за убитых динго (13 долларов за голову). Сейчас динго оттеснили на пустынный запад и северо-запад страны.

Между тем, по данным еще не завершенного исследования, которое уже более десяти лет ведется по заказу австралийского правительства, динго приносят пользу. Они уничтожают кроликов (первейшего врага овцеводства), кенгуру, валлаби и других травоядных. По мнению авторов упомянутого исследования, «если истребить динго, травоядные будут размножаться гораздо быстрее, что представляет собой большую угрозу овцеводству, чем сами дикие собаки».

«Еще тысяч двести динго сохранилось в Австралии. Суждение это почерпнуто из старых книг».

«Сегодня осталось не очень много чистокровных динго в Австралии. Большинство этих по многим признакам напоминающих потомков волка желто-красных собак живет в зоопарках... Зоологи полагают обычно, что чистокровные динго должны обязательно быть совершенно рыжими, но это не так. Имеются

пестрые, темно-бурые и даже черные «дикие динго», которые наверняка не помеси с домашними собаками, есть даже такие, у которых уши повисшие или хвост закручен на спину» (Б е р н - г а р д Г р ж и м е к).

Добавим, что у динго часто встречаются белые отметины: «звездочки», «чулки», а кончик хвоста почти всегда белый.

Динго легко приручаются. Австралийские аборигены воспитывают щенков динго. Выросшие, они спят там, где люди, сопровождают их на охоте и вообще ведут себя как обычные собаки.

Темперамент у динго очень бурный, они рвутся побежать, попрыгать. Ошейник вначале пытаются сорвать, но вскоре привыкают и к поводку: понимают, что за тем и другим последует прогулка. Дрессируются с трудом, к другим собакам относятся недоверчиво, пугливо. Но домашние собаки воспринимают динго как своих сородичей, а не диких зверей. Звериные повадки у динго сильны, охотничий инстинкт не дремлет: при каждом удобном случае эти собаки душат домашнюю птицу, кроликов, овец...

В зоопарках динго живут хорошо, особого ухода не требуется (один динго прожил в Вашингтонском зоопарке 14 лет и 9 месяцев).

Беременность у динго — девять недель. В среднем приносят четыре-пять щенят. Те сосут мать два месяца, год и больше живут с родителями.

«В общем можно сказать, что динго и не волк, и не обычная собака, но он, без сомнения, стоит ближе к последней, чем к первому» (Г а н с Б а у э р).

ВТОРАЯ ИНТЕРМЕДИЯ: СКОЛЬКО В МИРЕ СОБАК!

До войны, по статистике 1935 года, в мире было 70 миллионов собак (цифра весьма и весьма ориентировочная: попробуйте сосчитать всех собак хотя бы в одной стране!). Из них в США — 6 миллионов, в Англии — 3 миллиона, в Германии — 2,5 и во Франции — 2 миллиона.

После войны начался собачий бум. За прошедшие десятилетия поголовье собак выросло в десятки раз! Только в США их теперь в 61 раз больше — 248 миллионов! По числу собак и «демографической» их плотности Соединенные Штаты стоят на первом месте. Если учитывать, что население этой страны достигло в наши дни (в 1975 году) 213 миллионов 611 тысяч человек, получается, что на одного американца приходится 1,16 собаки, на каждый квадратный километр территории страны — 26,3 собаки!

На уход за собаками и их питание в США ежегодно расходуется 17 миллиардов долларов! В некоторых семьях на содержание одной собаки тратится

ежемесячно до 120 долларов, тогда как на ребенка — всего 76.

Услуги, оказываемые собакам, доходят до нелепостей: в штате Иллинойс, например, для них открыта гостиница, строительство которой обошлось в миллион долларов. Здесь за восемь долларов в день собака получает отдельное помещение и трехразовое питание — жареное мясо, ветчину, омлет. За 150 долларов собаку можно отправить на месяц в горный лагерь отдыхать. «О том, нравится ли ей там, она может сообщить любящим хозяевам радостным тьяканьем в «звуковом письме». И так далее и тому подобное...

...Миллионы и миллионы собак! Они сторожат дома, пасут стада, наводят охотников на дичь, изнывают от скуки в каменных джунглях перенаселенных городов, стерегут оленей и возят тяжелые нарты в снегах Арктики... Словом, всюду в мире живут собаки, и число их уму непостижимо. Как сосчитать их?

Предполагается, что собак на земном шаре больше полумиллиарда.

Возникла неожиданная проблема: собаки, так же как и голуби, стали главными загрязнителями городских улиц, бульваров и парков. Особенно остро встал этот вопрос перед муниципальными властями Парижа. Во Франции собак больше, чем в любой другой стране мира (за исключением США). Только в Париже их около 800 тысяч. С каждым годом число собак в городах Франции умножается с головокружительной быстротой. В этой стране, как сообщает американский журнал «Пэрейд», принят законопроект: обложить владельцев собак особым налогом «для покрытия растущих расходов на уборку городской территории, загрязненной собаками».

ВОЛЧЬИ ПОВАДКИ

Вернемся теперь к ездовым собакам. Известный зоопсихолог Нико Тинберген наблюдал за ними в Гренландии.

Он заметил: как и у стаи волков, у каждой упряжки лаек своя групповая территория. Границы ее строго охраняются: все собаки одной упряжки дружно бросаются на собак другой, когда те нарушают пределы чужих владений. Даже самая слабая и потому ниже всех стоящая в иерархии собака, которая перед своими псами буквально ползает на брюхе, так и держится, все время поджав хвост, даже она вдруг преобразуется, когда требуется защищать свою территорию от вражеского вторжения: злобно и смело кидается на чужих собак.

Молодежь не знает еще своих границ и бродит где ей хочется. Но молодой пес в возрасте девяти месяцев и больше получает жестокую трепку от со-

бак, на территорию которых зашел. С этого же времени собаки-подростки вместе со взрослыми обороняют свои владения.

«Если стаи встречались на границе, разделявшей их территории, где их права были равны, то ни та, ни другая сторона не кидалась в бой. Самцы, особенно вожаки, рычали друг на друга... Напряжение, которое испытывали сильно возбужденные, но вынужденные сдерживаться вожаки, находило выход в действиях, бывших для нас постоянным источником развлечений из-за сходства с человеческими поступками в подобных же обстоятельствах — они срывали раздражение на членах своей стаи, и, если поблизости от вожака оказывалась собака, занимавшая на иерархической лестнице низшее положение, он свирепо рычал на нее или задавал ей жесткую трепку» (Никко Тинберген).

Эскимосские собаки, о которых идет речь, почти не лаяли: «Голос этих собак похож на волчий».

Чем больше племенной работы велось с породой, тем реже воют такие собаки. Некоторые комнатно-декоративные совсем выть не умеют. Напротив, собаки, находящиеся в близком родстве с волком, воют часто, лают редко. Одицавшие собаки вообще не лают. Но, воспитанные человеком с раннего возраста, довольно быстро учатся лаять. Как полагают некоторые ученые, особый «разговор» собак с человеком — это бурное звукоизвержение, тьяканье. Именно с человеком. А между собой — это уже вторичное значение лая. Лай на зверя — опять-таки обращенный к человеку «разговор»: оповещение о добыче. Вне контактов с хозяином бездомные, например, собаки лают редко, а одицавшие, как уже говорилось, совсем почти не лают. Лай — это «культурная речь» собаки!

Видом своим и повадками собаки одних пород больше похожи на волка, другие — меньше. Но в первые дни жизни наблюдается особое сходство. Щенки и волчата, только что рожденные, поведением почти и не отличаются друг от друга. Чем они старше, тем больше особых черт, определяющих несходство и своеобразие.

ПЕРВЫЕ ДНИ ЖИЗНИ

Беременность собак — 58—65 дней, в среднем 63 дня. Сука приносит 6—8 щенков. Также в среднем. Но бывают рекордные пометы: по 22 щенка у одной суки немецкого дога. Или 21 щенок у суки сенбернара. Каждый щенок — 1—2 процента веса суки (у крупных пород). А у мелких — 4—8 процентов.

Щенки рождаются слепые, глухие, но чутьистые: сразу же ползут туда, где пахнет матерью, и без чужой помощи находят соски. За самые молочные задние соски идет борьба с первых же часов жизни: отпикивают друг друга, чтобы завладеть ими.

На 10—14-й день у щенков открываются глаза и появляется слух (есть, впрочем, сомнение: действительно ли они рождаются глухими).

Оценившейся суке в первые шесть часов давать корм не надо, около нее должна стоять только миска с водой. Затем нужно несколько раз в день давать малыши порциями легкую пищу: мясной бульон, мясной суп с рисом, манной крупой либо дробленой овсянкой. Можно белый хлеб, размоченный в теплом молоке.

Через два дня суку надо кормить три раза в день достаточно сытно. Обязательно в ее рационе должно быть сырое мясо, рыбий жир, 20 граммов в сутки (речь идет о крупных породах), костяная мука с мелом (10 граммов в сутки), глицерофосфат кальция.

Молочность у суки, скажем, немецкой овчарки немалая: первые две недели до 700 граммов молока в сутки, в следующие две недели — даже килограмм, а в последние две 500 граммов. И тем не менее щенков примерно с 20-го дня надо подкармливать: сначала коровьим молоком из соски (неплохо добавить на стакан молока одно сырое яйцо — тогда состав коровьего молока почти сравняется с собачьим). Потом кормят из блюдечка: надо щенка мордочкой чуть окунуть в него. Щенок начнет фыркать, чихать, если молоко попадет ему в нос, но и облизываться тоже. После нескольких таких уроков щенки научатся лакать молоко из блюдца. Сначала надо 50 граммов молока в сутки, к 15-му дню до 100, а к 20-му до 200 граммов на щенка. Молоко это щенку дают не за один раз, а за три-четыре.

Трехнедельному щенку необходимо давать еще рисовый отвар и жидкую манную кашу на молоке, а лучше творог. С 25-го дня — мясной бульон, а еще через пять дней — мелко рубленое сырое мясо (два раза в день по 15—25 граммов).

Вес новорожденной немецкой овчарки примерно полкилограмма, к 9-му дню жизни щенок удваивает этот вес, к 18-му утраивает, к 30-му увеличивает его в пять и к 40—45-му дню в восемь раз.

40—45-й день и есть срок рекомендуемого отъема щенков от матери. Но обычно это делают на 30-й день, а порой и раньше. Отъем щенков в возрасте меньше месяца плохо отражается на здоровье и росте щенка.

С полутора месяцев до двух щенят кормят шесть раз в день. Пища их — творог с молоком, с белым хлебом, мясной суп (рисовый, манный или из овсянки), в который кладут мелко нарезанные овощи и небольшие кусочки сырого мяса. Очень полезна сырая печень (небольшими порциями), рыбий жир — с нескольких капель в первые дни и затем до двух чайных ложек в день, поливитамины (их щенки едят охотно), глицерофосфат кальция либо глюконат кальция, толченые кости с мелом.

Нормальный прирост щенят (немецкой овчарки и соответствующих ей по росту собак) с 30-го по 45-й день — 120 граммов в день, с 45-го дня до двух месяцев — 250 граммов.

Взлаивать (попытка лаять!) щенки начинают очень рано и, как это ни странно, впервые во сне! Возню между собой затевают примерно в возрасте шести недель, но настоящая борьба, которая определяет их ранги — отношения слабых к сильным, — начинается только в два месяца.

Если сравнивать с человеком, то двухнедельные щенки соответствуют нашим младенцам. С третьей по шестую неделю — период, равноценный тому, когда ребенок начинает ползать и познавать близлежащий мир. С седьмой недели — наш дошкольный возраст. Половая зрелость у молодых собак наступает в семь-двенадцать месяцев (у мелких пород раньше, чем у крупных). В полтора года собака достигает полного роста, а живет в среднем до десяти-двенадцати лет.

ЧУТЬЕ ОБЫЧНОЕ...

Обоняние, а попросту говоря, чутье, у собаки настолько тонкое, что это с трудом осознается. На некоторые запахи оно в миллион раз более развито, чем у человека! Собаки чувствуют, как пахнет поваренная соль или хинин. Если растворить щепотку соли в ведре с водой, и тогда они почувствуют ее запах. Верхним чутьем, по ветру, за 50 метров распознают, где прячется куропатка. Геологи даже обучали собак находить по запаху в горных породах золото и другие ценные металлы и руды.

А на полицейской службе собаки, которых ведет на поводке одетый в штатское гражданин, в сутолоке толпы на вокзалах и в аэропортах чуют наркотики, спрятанные в чемоданах и портфелях пассажиров. Для этого дела выбирают обычно, чтобы не вызывать подозрения у преступников, собак мелких, комнатно-декоративных пород. Остановится такая собачка перед несущим наркотики прохожим, полает немного и пойдет дальше. А детективы, наблюдавшие за ней со стороны, подойдут и задержат облаянного ею человека.

А следовая работа розыскной собаки! Представьте сложность ее задачи? У гончих, скажем, все проще: они идут по следу определенного зверя и лишь специфику его запаха должны различить среди всех прочих. А розыскная собака в этих «прочих запахах» (а их миллионы миллионов!) должна найти путь следования не существа какого-либо вида, скажем человека вообще, а одного особого человека, который, кроме того, и следы свои разными ухищрениями замаскирует и идет не просто по лесу или полю, а по проезжей и исхоженной сотнями ног дороге, часто по нагретому солнцем зловонному (для собаки) асфальту, где и гарь городского транспорта шибает в нос, как таран. Словом, кажется просто невероятным, как в таких условиях розыскная собака находит и не теряет нужный след.

...И ЧУТЬЕ ОСОБОЕ

Молва наделяет собак удивительной способностью к ориентировке на незнакомой местности. Еще со средних веков сохранились рассказы о том, как собаки, следовавшие за рыцарями в крестовые походы, возвратились затем домой за тысячи километров. Это, конечно, выдумки. Но о чем говорят эксперименты, в которых испытывались способности собак к ориентировке?

Пятилетнюю шотландскую овчарку по кличке Максл, которая никогда прежде не путешествовала на поездах, в автомашинах и вообще далеко от своего дома в местечке Пушхайм (в Баварии) не уходила, однажды в 8 часов 35 минут утра погрузили в товар-

ный вагон (Максл сидел в корзине и ничего видеть из поезда не мог) и увезли приблизительно за 11 километров, где собака прежде никогда не бывала. Там Максла выгрузили и выпустили.

Велосипедист и исследователи в автомобиле были готовы последовать за ним всюду. Они говорили, что примерно полчаса брошенный людьми пес бесцельно бегал около места, где его оставили. Он очень волновался, часто дышал, и вид у него был жалкий. Потом собака повернула мордой к дому и почти напрямиком побежала в свою деревню. Самый прямой путь вел через поля, но она сделала небольшой крюк, предпочтя дорогу. Через час и восемь минут Максл тявкал у своих ворот.

Когда во второй раз проделали с ним подобный опыт, Максл прибежал домой еще быстрее, за 43 минуты.

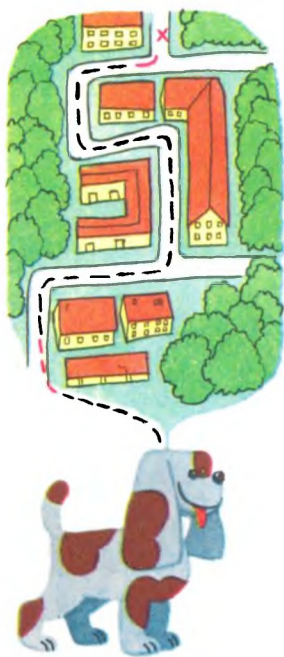
Нечистокровная овчарка Нора обнаружила еще более замечательные способности: она не заблудилась в большом городе, прошла несколько незнакомых кварталов и через 2 часа 10 минут была дома, пробежав 8,5 километра по улицам и площадям Мюнхена. И хотя Нора не раз останавливалась, чтобы поиграть с другими собаками, однако с пути не сбилась.

Сорока днями позднее ее снова отвезли туда и бросили, но через 35 минут собака была дома: нашла более короткую дорогу.

Во всех подобных экспериментах собаки возвращались домой прямым или почти прямым путем. Время на поиски дороги не тратили, избранным курсом шли без колебаний. Когда встречали других собак, то по заведенному у них ритуалу обнюхивались, помахивая хвостами, играли или грызлись. И в азарте убегали нередко довольно далеко от пути, которым шли. Однако ни случайные встречи и знакомства, ни городское движение, ни шум, ни тысячи новых запахов не мешали им напрямик возвращаться домой.

Одна немецкая овчарка совершила еще более удивительный подвиг. Ее привезли на Лейпцигскую ярмарку, на которой была устроена большая собачья выставка. Привезли поездом, никогда прежде собака в Лейпциге не бывала. Овчарка убежала с выставки и через восемь дней, проделав 150 километров, вернулась домой! Вид у нее был очень изнуренный, лапы стерты в кровь, но радости ее не было конца...

Странно вот что: не все собаки и не во всех случаях так отлично находят свой дом. Сообщения в газетах о пропавших собаках — очевидное тому доказательство. Но те, что находят дом, каким чувством ориен-

тируются? Есть располагающая наибольшим числом доказательств гипотеза, что птицы и многие другие животные ориентируются по солнцу (а ночью по звездам). Может быть, и собакам помогает солнце?

«НЮХ» НА ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ!

В 1908 году во время землетрясения в Италии, которое разрушило город Мессину, погибло 80 тысяч человек и... очень немного собак. Почти все из них, которые смогли это сделать, заранее убежали из города!

За несколько часов или минут до сильных подземных толчков собаки начинают бешено лаять, убегают из дома и отказываются вернуться обратно. Заметили, впрочем, что в это же время и другие животные ведут себя весьма необычно: куры внезапно взлетают на деревья, туда же залезают кошки, олени то вскакивают на ноги, то ложатся, свиньи стараются вырваться из свинарников и кусают друг друга, кролики бьются головами о стенки клеток, коровы дико ревут, а змеи и крысы вылезают из нор...

Много есть подобных наблюдений. Прежде им не придавали значения. Считалось, простое совпадение. В последние годы начали проводить эксперименты, цель которых установить, действительно ли животные способны предчувствовать землетрясения. Если это так, то наблюдения за ними помогли бы спасать ежегодно от гибели при землетрясениях сотни тысяч человек.

В октябре 1976 года на симпозиуме в Центре исследований землетрясений в Менло-Парке (Калифорния) сейсмологи, геологи и биологи обсуждали возможность определения приближения землетрясений по поведению животных. Две из наиболее вероятных гипотез были такие: животные чувствуют изменения интенсивности магнитного поля перед землетрясениями либо они слышат неслышимые нами звуковые колебания, которые тоже, бесспорно, происходят в этих случаях.

«Некоторые биологи были настроены скептически перед симпозиумом, но покинули его с убеждением в том, что исследования возможности использования животных в качестве «предсказателей» землетрясений имеют научное значение. Взаимосвязь между случаями необычного поведения животных и землетрясениями весьма убедительна» (Джон Логан).

Опыты-предсказания приближающихся землетрясений по поведению животных еще только начинаются. А вот служба розыска с помощью собак людей, засыпанных обломками зданий, разрушенных при землетрясении, уже функционирует. Центр обучения этому делу наших четвероногих друзей — Швейцария.

Как мы уже знаем, у монахов некоторых швейцарских монастырей вековой опыт дрессировки сенбернаров для спасения застигнутых непогодой путников из-под сугробов и снежных лавин.

В Швейцарии сейчас есть 30 отрядов собак, натренированных разыскивать людей, погребенных в развалинах городов, пострадавших от землетрясений.

Не более полугода требуется умной собаке, чтобы приобрести необходимые для этого навыки. А здесь одного хорошего чутья мало: собак учат ходить по осколкам стекла, по горячим камням и еще дымящимся балкам, пробираться среди развалин так, чтобы не обрушились бревна и стены домов. Лаем и всем своим поведением собаки должны уметь сообщать — мертвый или живой человек найден ими под завалом.

Опыт показал, что лучшие собаки для таких дел — немецкие овчарки, доберманы, боксеры, крупные терьеры.

После недавних землетрясений на севере Италии и в Румынии туда из Швейцарии были срочно командированы собаки-спасатели.

Приглашают из Швейцарии и инструкторов для обучения местных псов премудростям спасательной службы.

«УМНЫЕ» И УМНЫЕ СОБАКИ

В I веке нашей эры римский натуралист Плиний Старший написал тридцатисемитомную «Естественную историю». В ней много разных повествований о собаках. Рассказы эти почти неизменно начинались с «формулы»: «Рассказывают об одной собаке...» Два столетия назад во Франции издана толстая книга со многими извлечениями из Плиния и с собственными добавлениями. Поразительные истории рассказывались в ней о собаках.

Хотя бы такая. Удобно усевшись в кресле, человек решил раскурить трубку. Встать ему было лень, и он приказал своей собаке подать ему уголек из камина. Немного поразмыслив, собака выбежала за дверь, принесла старую метлу и выдернула из нее несколько прутьев. Взяв их зубами за один конец, подожгла прутья в камине и подала огонек хозяину...

Другая собака отлично умела сервировать стол для обеда. Открывала ключом буфет, доставала из него скатерть, ложки, ножи, тарелки и все это в нужном порядке ставила на стол.

Третья разносила письма точно по указанному адресу, четвертая покупала необходимый товар и требовала нужную сдачу...

Словом, не стоит тратить бумагу и время на пересказы подобных невероятных историй об уме, понятливости, остроумии, благородстве, преданности и про-

чих великолепных качествах, которыми наделяют собак авторы многих книг. Все это, конечно, лестно любителю собак, но справедливость требует признать, что на такое они не способны.

Не только во времена прошлые, но и в наши дни порой случается, что серьезные научные журналы помещают статьи, в которых без доли сомнения описываются математические способности «умных собак». Академик И. П. Павлов в одной из своих работ упомянул о подобной статье, помещенной в журнале «Архивы психологии», издающемся в Женеве.

Однако какие это «умные собаки»?

Они умеют читать и пересказывать написанное, считать, умножать, делить и даже извлекать корни разных степеней из заданных чисел. Все свои ответы сообщают людям ударами лап о землю или лаем. Скажем, один удар лапы или одно тьяканье означает букву «а» (либо цифру 1), два удара или тьяканья — букву «б» и цифру 2 и так далее.

Перед войной «умными собаками» прославился Веймар, город в Германии. Там жили такса Курвеналь, пинчер Шнауц, дог Афри, фокстерьер Лумпи... Нацисты в своей пропаганде превозносили их «дарования» как достояние «истинно германских собак»!

Все «умные собаки» понимали человеческий язык, умели отвечать на вопросы (иногда даже остроумно и почти всегда без орфографических ошибок!). Считали безупречно... Лумпи, например, мог, посмотрев на часы, «сказать», сколько сейчас времени, «ответить», сколько в помещении людей, сколько из них мужчин и сколько женщин. Он считал число точек и штрихов на листе бумаги и оповещал об этом интересующую публику, отстукивая лапой правильный ответ.

Однако когда биологи решили экспериментом проверить эти его способности и показали такую хитрую карточку, на которой со стороны, обращенной к его хозяйке, было отпечатано, скажем, пятнадцать «тире», с другой, на которую смотрел пес, на просвет было видно всего пять черточек... когда такую диверсию с ним (а точнее, с его хозяйкой) совершили, Лумпи отстукал пятнадцать. Столько, сколько «тире» видела его дрессировщица, а не сам пес. Именно дрессировщица: потому что «умные собаки» не умеют ни считать, ни читать. По едва уловимым, не приметным людям сигналам собаки перестают лаять или стучать лапой именно в тот момент, когда нужный ответ уже дан.

Таких «умников» мы в цирке видели...

Между тем собака действительно умна. И в известной мере можно сказать, что она понимает че-

ловеческую речь. Не только ее интонации, но и звуковой состав слова и даже словарный состав фразы. Правильно заметил Конрад Лоренц: проверьте это на своей собаке.

Скажите равнодушно, ровным тоном, не называя собаку по имени: «Придется с ней погулять». Почти наверняка она радостно поднимется и, виляя хвостом, весело поглядывая на вас, уверенно пойдет к двери. Произнесите тем же тоном что-нибудь вроде такой фразы (если она обычна для вас в подобной ситуации): «Погулять с ней или не надо?» Собака все равно вскочит, хотя в вашем голосе и звучит неуверенность, с еще большим азартом, чем в первом случае, будет прыгать и всем своим видом приглашать вас на прогулку. «Нет, не буду ее выводить»,— скажете вы, и она, уже настороженная, вновь уныло опустит голову.

Почему она понимает? Потому что отлично запоминает и вашу интонацию, и привычные слова, точнее говоря, построение фраз (а у каждого человека это индивидуально) и действие, которое обычно следует за определенной фразой.

Простой условный рефлекс? Не только: еще и необыкновенная чувствительность к вашим настроениям, состояниям души, даже к вашим намерениям, которые выражаются не в одних словах, но и в свойственных каждому человеку особых движениях, мимике, жестикуляции, сопровождающих каждое определенное решение и действие.

«Бесспорно, мы пока еще не можем сопоставить собаку с человекообразной обезьяной, но лично я убежден, что понимать человеческую речь собака будет лучше, хотя бы обезьяна и превосходила ее в других проявлениях интеллекта. В определенном отношении собака гораздо «человекоподобнее» самой умной обезьяны» (Конрад Лоренц).

По способностям понимать человеческую речь и желания человека Конрад Лоренц ставит на первое место пуделя, на второе — немецкую овчарку, затем некоторых пинчеров и ризеншнауцера. Он не навязывает это как окончательное решение, оговариваясь, что пришел к такому выводу, исходя из своего личного опыта. Да и трудно вынести здесь категорический приговор.

КАК ВЫБРАТЬ СОБАКУ!

Дать ответ на этот вопрос очень трудно. Представить точную характеристику поведения собак каждой породы невозможно. Они есть, эти «особенности», но сколько от них отклонений! Сколько собак, столько индивидуальностей. Я думаю, что вообще ничего не стоят советы, какой породы собаку выбрать. Они обязательно несут печать личных склонностей, и потому

не всем, конечно, пригодны и абсолютной значимости не имеют. Я имею в виду — завести собаку не для охоты, пастыби овец или каких-либо служебных и иных подобных особых целей (здесь выбор определен самой специализацией пород), а просто для дома.

Один ценный совет я дам: прежде чем завести собаку, обязательно прочитайте книгу известного австрийского зоопсихолога Конрада Лоренца «Человек находит друга». Из нее вы многое узнаете о характере собаки, о том, как с ней обращаться, как воспитывать, и, надеюсь, сами решите, какого именно пса вам надо.

Однако на случай, если сделать этого не удастся, процитирую некоторые отрывки из главы о выборе собак из книги этого опытного собаковода, большого любителя и знатока.

«...Сентиментальная и одинокая старая дева, ищущая подходящий предмет для любви и забот, не обретет искомого утешения в сдержанной и высокомерной чау-чау, которая презирует ласки и встречает вернувшуюся хозяйку только легким покачиванием хвоста вместо того, чтобы запрыгнуть от радости, как другие собаки...»

«...Тем, кому нужна нежная и привязчивая собака, которая положит голову на колено хозяина, поднимет янтарные глаза и будет часами взирать на него с немим обожанием, я порекомендую ирландского сеттера...»

«...Шаловливость селигамтерьера и его преданность хозяину могут послужить неплохой моральной поддержкой человеку меланхолического склада...»

«...Тому, кто ищет не просто друга, но и неискаженный характер, я посоветую обзавестись собакой... относительно недалеко ушедшей от диких форм...»

«...Волчьи собаки (недалеко ушедшие в своем развитии от волка. — И. А.) из-за чувствительности, сдержанности и независимого характера довольно туго поддаются обучению, и использовать присущие им поистине невероятные психические ресурсы удастся только тому, кто знает их и понимает по-настоящему, и только для такого человека они могут стать источником радости и удовлетворения...»

«...Другие обретут то же в честном добром боксере или эрдельтерьере... Это вовсе не значит, что я хочу опорочить собак с несложной и прямолинейной психикой. Наоборот, я очень люблю боксеров и больших терьеров, чью мужественную и привязчивую натуру не удастся испортить даже очень неумелым воспитанием...»

«... Немецкую же овчарку всегда следует брать от родителей, принадлежащих к служебной линии...»

«... Очень подвижные собаки, вроде фокстерьеров, легко могут вывести из себя неуравновешенного человека, особенно если их непоседливость порождается не столько жизнерадостностью, сколько чрезмерно возбужденной нервной системой...»

«... Если у вас нет каких-либо веских причин для иного выбора, берите самого сильного, толстого и бойкого щенка в помете...»

«... Многие неопытные любители собак часто делают ошибку, выбирая того щенка, который в первые же минуты знакомства начинает делать им дружеские авансы. Следует помнить, что в этом случае вы, несомненно, выбираете наибольшего под-

халима, и вряд ли в дальнейшем вам будет приятно наблюдать, как ваша собака точно так же приветствует всех чужих подряд...»

«... И последний совет... если возможно, выбирайте суку... сука более преданна, чем кобель, она умнее, чем кобель. Мне довелось близко узнать очень многих животных, и я с полной уверенностью утверждаю, что из всех четвероногих созданий ближе всего к человеку по тонкости восприятия и по способности к истинной дружбе стоит именно сука. И странно, что в некоторых языках ее название превратилось в ругательство».

СУДЬБА КОШКИ ВО ВРЕМЕНА ПРОШЛЫЕ

В степях, кустарниках и саваннах Африки и Аравии живет буланая кошка. В пустынных сухих областях обитания она действительно буланого, песочного основного тона, в более влажных — бурая с серым и желтым оттенком. На боках у нее рисунок из темных полос либо пятен. Кошка небольшая, тонкая.

Когда это случилось, не вполне ясно: то ли в доисторические времена, 9 тысяч лет назад, то ли на несколько тысяч лет позже — буланая кошка была приручена и стала домашним животным. Сначала в долине Нила, в Древнем Египте. И независимо от этого в Передней Азии и на Кавказе. Здесь остатки таких кошек найдены в слоях неолита и бронзы.

Свидетельства о раннем приручении кошки не вполне достоверны. Поэтому более осторожные ученые считают, что по-настоящему домашним животным кошка стала приблизительно 4 тысячи лет назад. А до этого жила вблизи деревень на положении полудиком-полудомашнем. Ловила мышей, люди ее не преследовали, а подкармливали. Словом, потихонечку приручали, и это приручение, как ни у одного другого домашнего животного, продолжалось тысячелетия.

Так или иначе, но уже в период Нового Царства, в XVI веке до нашей эры, в долине Среднего и Нижнего Нила вполне домашнюю кошку можно было встретить всюду. Она стала очень популярным и любимым животным.

Особая, прямо-таки райская судьба ожидала кошку в Египте: жрецы произвели ее в ранг священных животных. Кошка была посвящена богине Баст, или Бастет. Изображали эту богиню с кошачьей головой. Почему именно кошке оказали такую честь? Полагают, что побудительными причинами были отличная плодовитость и ночной образ жизни. Ведь Бастет — богиня луны, плодovitости и деторождения. Одним из самых почитаемых был ее храм в городе Бубастисе. Паломники стекались сюда со всех концов Египта. Геродот рассказывает: в особо чтимые праздники у этого храма собиралось порой до 700 тысяч верующих.

Цифра, очевидно, сильно преувеличенная. Но археологические находки убеждают: культ кошки был весьма популярным в дельте Нила. Множество ста-

туэток из глины, бронзы, серебра, из золота (и на всех кошка!) найдено при раскопках. Их приносили паломники к храму Бастет в жертву священной кошке. Приносили и мумии своих любимых кошек. Когда кошка умирала, ее бальзамировали со всей тщательностью. Истинное горе постигало всю семью: люди, в чьем доме жила эта кошка, в знак траура выбривали брови, стригли волосы. И, как повелевал обычай и религия, хоронили кошку на особом кладбище.

За сотни лет на кладбищах такого рода было похоронено умопомрачительное множество кошачьих мумий. В прошлом веке один «предприимчивый» купец загрузил в Египте целый корабль кошачьими мумиями. Он привез их в Манчестер, думая продать здесь на удобрение. Но бизнес, к счастью, не удался, и многие мумии после краха этого невероятного коммерческого предприятия попали в научные коллекции, в частности в Британский музей.

Суровые законы Древнего Египта без пощады карали всех, кто причинял вред кошке. За ее убийство назначалась смертная казнь. Даже после завоевания Римом были случаи, когда разъяренный народ учинял самосуд над римлянами и другими иностранцами, нечаянно убившими кошку.

При пожаре из горящего дома первым делом спасали кошек, только потом — имущество. Вывоз кошек за границу был запрещен. Этим, по-видимому, и объясняется довольно медленное распространение кошек по другим странам, особенно европейским.

В Вавилоне домашние кошки появились лишь во втором тысячелетии до нашей эры. Отсюда их завезли в Индию, позднее — в Китай. В Греции, на Крите по крайней мере, в XII веке до нашей эры уже жили домашние кошки. Они встречались редко и высоко ценились: иметь кошку считалось роскошью. Такой же редкостью были кошки и в европейских странах Римской империи. Лишь с началом христианства, когда кошка вдруг из богини превратилась в ведьму, пришел конец эмбарго на экспорт кошек. Их стали в большем числе привозить в итальянские провинции Рима, позднее в Германию, Галлию, Швейцарию и даже в Англию.

В конце IV века римский писатель Палладиус советовал в борьбе с мышами и кротами («вредителями артишоков») заменить домашнего хорька фретта кошкой: она, дескать, успешнее справляется с этим делом. Палладиус впервые ввел в употребление слово «каттус» вместо старого латинского наименования кошки «фелис». Полагают, что от «каттуса» ведут начало и английское «кэт», и немецкие «катер» и «катце», и русское «кот».

В средние века в христианских странах на долю кошки выпали тяжелые испытания. Но там, где господствовал ислам, кошка пользовалась прежним почетом. Коран отзывается о ней с уважением (чего нельзя сказать о «презренной» собаке!). Легенда рассказывает, что Магомет очень любил кошек. Когда одна из них спала на его рукаве, а ему нужно было встать и уйти, он будто бы, чтобы не беспокоить любимую свою кошку, тихонько отрезал рукав!

Первые христиане относились к кошке неплохо. В женских монастырях она была единственным домашним животным, которое разрешалось держать. И в мужских монастырях, конечно, жили кошки. Некоторые исследователи полагают, что именно монастыри в раннее средневековье способствовали распространению кошки по Европе. Но затем, в более поздние столетия, христиане вдруг объявили ее исчадием ада, пособницей ведьм и колдунов, воплощением нечистой силы. Черным кошкам пришлось особенно худо: началось их массовое избиение.

В великий пост в Ольденбурге, Вестфалии, Бельгии, Швейцарии, Богемии, на масленицу в Вогезах, в Эльзасе на пасху, в Меце в Иванов день... словом, по всей католической Европе во все христианские праздники живьем сжигали и закапывали в землю кошек, жарили их на железных прутах и в клетках. Все это с обрядовыми церемониями на глазах больших толп верующих.

Во Фландрии, в городе Иперн, среда на второй неделе поста называлась «кошачьей». В этот день кошек бросали с высокой башни. Дикий обычай был введен графом Болдуином Фландрским в X веке и просуществовал сотни лет. Есть свидетельства, что еще в 1868 году несчастных кошек бросали с ипернской башни.

В давние времена в донорманнской Британии практиковался жуткий обряд «ужин для черта». И вот какое дивное дело будто бы случилось однажды, когда два «известных воина», некий Лахлан Оер и его спутник Аллан, решили приготовить «ужин для черта»:

«Оба эти мужчины заперлись в сарае, проткнули черную кошку железным прутом и стали живьем жарить ее на большом огне. Тут множество кошек с дикими криками сбежалось в сарай. Людям стало страшно, однако они продолжали свое дело, пока не появилась огромная жуткая кошка. Она стала ругать воинов и грозить, что никогда не увидит им святой троицы, если немедленно не прекратят они своей страшной работы. Лахлан ударил ужасную кошку рукоятью меча по голове. Черт, а это был он, тотчас принял настоящий свой вид и спросил обоих, чего они от него желают. Ответ был такой: богатства и долгой веселой жизни. Желание было исполнено, и, говорят, Лахлан до конца жизни не раскаивался в своем договоре с чертом» («Магия в кельтической Британии»).

Губительные для кошек суеверия иного рода веками существовали в Европе: для отпугивания крыс

Естественная мумия кошки с крысой в зубах, найденная в фундаменте снесенного дома, где она была замурована «на счастье».

и всякой другой нечисти (в том числе и сверхъестественной) кошек замуровывали в стены и фундаменты домов. Когда сносили или перестраивали старые здания, в проемах кирпичных и каменных кладок находили и сейчас еще находят много кошачьих мумий, не бальзамированных, как в Египте, а высохших. Обычно кошку замуровывали с крысой во рту. По всей Европе — от Гибралтара до Англии и Швеции — был распространен этот нелепый и жестокий обычай. Даже в наш просвещенный век, в 1920 году, замуровали кошку под порогом одного дома в Швеции. На счастье, так уверяли хозяева...

От разных предубеждений против кошки, от старых суеверий человечество не избавилось и поныне. Вспомните о чувствах, которые еще волнуют некоторых людей, когда кошка, особенно черная, перебегает дорогу. Напротив, трехцветная, по некоторым поверьям, приносит счастье, бережет дом от пожара, голубоглазая страшит от недобрых козней недругов. Если лижет себя против шерсти (это кошка любого цвета), то быть будто бы дождю. Если особенно громко мурлычет корабельный кот — быть буре...

В средневековье немногие из людей, обладавших

«НЕПРИРУЧЕННОЕ ДОМАШНЕЕ ЖИВОТНОЕ»

властью, выступали в защиту кошки, понимая, какую она приносит пользу, уничтожая мышей и крыс, которые в великом множестве водились тогда в Европе. Одним из первых таких разумных людей был владетельный князь Уэльса Хаувел Дда: в 936 году он издал закон, охранявший кошек от преследований фанатиков. Протестующий голос этого закона мало кем был услышан: до самого Ренессанса и позже продолжались массовое истребление кошек, нелепые судилища над ними и расправы.

С Возрождением положение стало меняться. Церковный авторитет и власть суеверий шли на убыль. Гуманисты, много сделавшие в ту эпоху для воспитания человеческих чувств пропагандой добрых дел и идей, реабилитировали, так сказать, и кошку. Многие культурные люди полюбили кошек. Историки рассказывают, что Кольбер, политический деятель Франции при Людовике XIV, садясь работать, окружал себя кошками. Они забирались на стол, и тогда он обретал душевное равновесие и покой. Кардинал Ришелье тоже был большим любителем кошек.

Однако настоящее признание и всеобщая любовь пришли к кошке позже — в прошлом веке. Скульпторы, живописцы, поэты вдруг точно прозрели: пораженные грацией, красотой и пластичностью движений этого животного, посвящали ему свои произведения. Швейцарец Готфрид Минд, прозванный «кошачьим Рафаэлем», всю жизнь рисовал только кошек. Его живший во Франции соотечественник Теофил Штайнлен опубликовал альбом рисунков под названием «Кот». Изображенные в нем кошки отличались изысканной грацией, но были, пожалуй, чересчур длинноногими.

«Жрецы» нового культа кошки собирались в Париже на Монмартре, в кафе «Черный кот». Веселились на славу, а наутро, как и полагается, их одолевало тяжелое похмелье. Так вот и получилось: слово «кот» стало символом и синонимом... ночной жизни на Монмартре. А когда те же обочаи завелись и в Берлине, то старое германское название кота «катер» приобрело, и поныне его носит, второе свое смысловое значение: «похмелье».

В последнее столетие организовались общества и клубы любителей кошек, которые занялись их разведением. Стали устраиваться выставки породистых кошек. В Англии победителей на таких выставках награждали крупными призами.

Разводить породистых кошек труднее, чем прочих домашних животных. Вольный нрав кошки, склонность к самостоятельным прогулкам и похождениям, осо-

бенно в марте и вообще в те дни, когда для сохранения чистоты породы кошку необходимо было бы держать на привязи или взаперти, разрушают усилия селекционеров. Только состоятельные люди могут содержать не одну, а много кошек и разводить их в чистоте. Для этого необходимы особые, хорошо огражденные выгулы (кошка ведь всюду пролезет!) с теплыми помещениями. Кормить множество кошек тоже недешево. Трудность еще и в том, что кошки-самки капризны и не всякого кота подпускают к себе в тот момент, когда в целях продления рода необходимо их сближение. Нужен индивидуальный подход в выборе женихов.

Словом, разведение кошек по породным группам — хлопотливое и дорогое предприятие. И все эти усилия не приносят больших хозяйственных выгод и доходов, только удовлетворяют любительскую страсть.

Очевидно, по этим причинам, а, возможно, также и в силу особых генетических свойств, заложенных в кошках от природы, их породы не отличаются четкостью, многим несхожи друг с другом. Главные различия — длина, качество и окраска шерсти. Некоторые клубы любителей кошек так и разводят их по мастям и расцветкам, по длине шерсти, отказавшись от настоящих принципов и признаков истинной породы.

СИАМСКАЯ

ПЕРСИДСКАЯ

МОНСКАЯ

Наиболее четкая порода — сиамская кошка. Котята у нее почти белые, светлоглазые. Взрослые кошки изящной расцветки: однотонно-бежевые, уши, морда, ноги, хвост темно-коричневые. Очень типичны голубые глаза. Кошка темпераментная и умная. Впрочем, весьма своенравна, память у нее отличная и на ласку и на обиды. При хорошем отношении послушна, идет на зов, с ней можно гулять, как с собакой. Легко приучить ее пользоваться унитазом: сама взбирается на него.

Очень интересная кошка. Выведена в Сиаме. Впрочем, некоторые специалисты полагают, что сиамская кошка сравнительно молодая мутация индийской кошки. Впервые привезена в Европу в 1884 году, в Англию. В СССР появилась недавно, но быстро завоевала симпатии любителей кошек (первых сиамских кошек привез в нашу страну народный артист СССР Сергей Образцов).

Самая древняя из пород кошек — ангорская, или персидская. Завезена в Европу еще в XVI веке, впервые тоже в Англию. Позднее стали разводить этих кошек в Италии. Шерсть у них длинная, пушистая, на шее нечто вроде гривы. Условно различают две расы — собственно ангорскую (обычно белой масти) и настоящую персидскую (темно-серая с голубоватым оттенком). Разнопородные помеси этой кошки, которые тоже весьма пушисты, у нас обычно называют сибирскими котами. Еще Чарлз Дарвин заметил, что все белые ангорские кошки с голубыми глазами глухие! Интересно также тут сказать, что трехколерные кошки (желто-черно-белые) — все самки.

К группе длинношерстных принадлежит также китайская кошка (нередко у нее повисшие уши!). Ее разводят в Китае давно и не для ловли мышей, а на откорм: этих кошек там едят (кстати сказать, жаркое из дикой кошки когда-то славилось и у жителей гор Швейцарии).

Кошка с острова Мэн совершенно бесхвостая. Задние ноги

у нее длинные, оттого спина сильно выгнута, зад выше перед. Выглядит она карикатурно, похожа немного на рысь, в движениях неуклюжа, лазает плохо, но очень ласковая и привязчивая. Порода бесхвостых кошек выведена и в Японии.

Известны и другие, правда, не совершенно бесхвостые, но короткохвостые породы кошек: голландская (бларикумская), кохинхинская, мадагаскарская. Короткий хвост и у некоторых сиамских, и у кошек Юго-Восточной Азии (Индонезии, Бирмы).

Картезская кошка красивого голубоватого окраса, абиссинская (родина которой, однако, не Абиссиния, а Сардиния!) однотонно светло-бурая с желтизной. У нее редкий для кошек окрас, так называемый зонарный: каждый волос с зонами разного цвета, как у волка и некоторых собак.

У кошек всех пород характер и отношение к человеку, в общем, одинаковы и хорошо всем известны.

Это верно — кошка больше привязана к дому, чем к людям, его населяющим. Но бывают исключения: все, по-видимому, зависит от отношения самого человека к кошке и ее индивидуального характера. Кошка — одно из самых умных животных, но способности у разных кошек неодинаковые. Умные кошки неплохо дрессируются. Их можно обучить, как собак, носить поноску, подавать брошенные предметы, служить на задних лапах, кувираться под музыку. Они встречают хозяина далеко за порогом дома, с ними можно гулять, как с собаками. Только нужно приноровиться к их небыстрому ходу и манере исследовать по пути окрестности. Кошка без этого просто не может. Вековая жизнь под властью человека не повлияла на нее так решительно, как на прочих домашних животных.

Она, как была, так и осталась маленькой пантерой. Кошку называют «неприрученным домашним животным», и это в какой-то мере верно. Тот, кто хочет найти более тесный контакт с кошкой, должен помнить об этих особенностях ее характера и поведения.

«До сих пор многие страстные любители кошек не имеют понятия о том, как этим животным необходимы независимость и свобода. Как часто приходится слышать суждение о том, что жестоко держать собаку в городской квартире, но я никогда не слышал, чтобы то же самое говорили о кошке. В действительности квартира лишь только просторная конура для собаки, так как она обычно сопровождает своего хозяина на прогулках, в то же время для кошек квартира — не что иное, как большая клетка» (Конрад Лоренц).

Возможно, между кошкой и человеком было бы большее взаимопонимание, если бы их биологические ритмы совпадали. Ведь кошка — ночное животное. Ее зрачки в полуденные часы — узкие щели, к ночи расширяются. Некоторые народы Азии нашли интерес-

ное практическое использование этого свойства кошачьих глаз: определяют по ширине зрачка время суток. Впрочем, о природных этих «часах» знали еще древние египтяне. Бог солнца Ра, супруг кошки-богини Бастет, изображался часто в виде кошки либо с кошачьей головой. У его скульптуры в городе Гелиополисе было особое устройство: жрецы, ориентируясь по положению солнца на небе, соответственно времени суток расширяли или уменьшали зрачки этого изваяния.

Кошка весьма плодовитое животное: беременность всего 50—60 дней, котят она приносит не один раз в году, и число их в исключительных случаях превышает десяток. Ежегодно во всем мире уничтожают бесчисленное множество котят. Нравственное наше чувство протестует против этого, но иного выхода пока нет. Иначе бы кошки заполонили города и селения всех стран. Бездомные, бродячие кошки представляют уже неразрешимую проблему для многих городов. Организованное уничтожение вызывает вполне понятную отрицательную реакцию у населения. Но что делать?

ВЗАИМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Проведенные в последние годы опыты профессора Пауля Лейхаузена из Института Макса Планка (ФРГ) позволили распознать множество вариантов поведения кошек и их отношений друг к другу. Более трех тысяч фотографий и 900 метров киноплетки зафиксировали мимику и жесты кошек в разных ситуациях их взаимных отношений.

У каждой кошки есть своя личная территория. Здесь она чувствует себя полновластным хозяином. Обычно это квартира или дом ее владельца с прилегающим к нему участком сада. У бездомной кошки собственные владения еще больше: 50—100 гектаров огорода, полей, леса, пустоши и прочих подобных угодий.

Всякая кошка, нарушитель границ, подвергается сначала «ритуалу осмотра»: владелец территории приближается к ней, готовый в любую секунду к беспощадной битве, обходит пришельца со всех сторон, ударяет по носу чужака передней лапой.

Если чужак признает законное право владельца территории, он сидит, сжавшись в комок, и отворачивает морду в сторону. Это поза мирных намерений.

Но вот они встречаются на «нейтральной полосе». Или приходит на чужое место сильный кот, который чувствует себя способным оказать врагу достойное сопротивление. При встрече он обычно принимает позу обороны: припадает к земле, сильно выгнув спину, ощетинивается и заводит заунывную, неприят-

ную на наш слух боевую «песню» кошек. Чаще всего владелец территории застывает перед ним на какое-то время в такой же позе. Потом следует демонстрация так называемой пассивной агрессии: хозяин ложится на спину, освобождая тем самым все четыре свои лапы для боя.

Интересно, что поза подобного типа, припадание к земле (правда, брюхом вниз), у других животных (волков, индюков, горилл, газелей Гранта) означает подчинение. Здесь же нет: это угроза, готовность к драке, которой, впрочем, при таком поведении владельца может и не быть, если пришелец сам ее не затеет, что редко бывает. Обычно он отходит в сторону. Удаляется восвояси.

Активная, незамедлительная агрессия выражается у кошек совсем по-другому. Она похожа на охотничьи приемы, и только очень сильные, самоуверенные кошки, обнаружив чужака на своей территории, сразу же еще издали переходят к непосредственной атаке. Быстро, бесшумно бежит по направлению к врагу (или жертве) кот, стелется по земле, кажется, что он «скоро ползет, чем бежит». Вдруг застывает в позе наблюдения, укрывшись за каким-нибудь препятствием на пути. Затем следуют быстрые, короткие скачки (бесшумные и осторожные). И, наконец, атака: молниеносный прыжок всеми четырьмя лапами на врага. Спина выгнута, оскаленная морда опущена. Зубы вонзаются в затылок жертвы, а острые когти рвут кожу противника, наносят очень серьезные раны.

Когда два почти равных по силе кота встречаются в тесном помещении, где не может быть первого этапа активной агрессии (быстрого бега при сближении с врагом), то схватка между ними начинается прямо с прыжка друг на друга. Либо после паузы активной угрозы: стоят морда к морде с сильно выгнутыми спинами, ноги выпрямлены (чтобы выше казаться), хвост вытянут, уши прижаты к голове, пасть широко открыта, губы приподняты, зрачки расширены — от этого глаза из зеленых становятся темными. Если один из котов не примет позу обороны: не припадет к земле и не удалится, то жестокая драка неминуема. И прольется кошачья кровь в борьбе за небольшой клочок земли, крыши или подъезда.

Лишь сильные, смелые, опытные коты и кошки быстро, без всяких церемоний ритуала знакомства, переходят к активной агрессии. Они же хорошие крысоловы.

«Только самые сильные животные, превосходство которых признается и их собратьями, не отступают перед мощной обороной крупных крыс. И если ваш кот приносит вам здоровую крысу, не браните его. Напротив, он заслуживает похвалы; ваш кот очень смел» (Жак Марсо).

Фретт, или фреттхен,— домашний охотничий хорь. Ископаемых остатков, удостоверяющих историю его приручения, пока не найдено, лишь литературные источники оставили нам факты, позволяющие как-то судить о том, что свершалось в давно прошедшие века.

Первым, по всей вероятности, писал о фретте Геродот (484—425 годы до нашей эры), называя его «тартеcской лаской». Тартессы — берберийское племя, переселившееся в древние времена из Северной Африки в Испанию. Некоторые исследователи видят в этом доказательство, что домашний хорь приручен был около двух с половиной — трех тысяч лет назад в Северной Африке либо, по крайней мере, в Испании. Эта страна в те годы изобиловала дикими кроликами, а ведь главное назначение фретта именно помощь в охоте на кроликов.

В IV веке до нашей эры Аристотель писал о «кротком и ручном» хоре. Где, кто и с какой целью его приручил и разводил, он не сообщал. Аристофан (257—190 годы до нашей эры) о таком же животном упоминал в одной из своих комедий. В I веке нашей эры писал о фретте Плиний Старший. Он называл его «виверрой».

Римский историк Страбон (64 год до нашей эры — 23 год нашей эры) оставил нам такие сведения о домашнем хоре: на Балеарских островах и в некоторых провинциях Испании на кроликов, которых тут великое множество, охотятся с «ливийским хорем». Пускают в кроличьи норы, предварительно надев на него намордник. Эпитет «ливийский», очевидно, указывает на страну, где было приручено это животное. Впрочем, противники африканского происхождения фретта возражают против этого вполне резонно: возможно, в сочинениях Страбона речь идет лишь о «ливийской» породе домашних хорьков. Ведь не означает выражение «английская скаковая лошадь», что все лошади английского происхождения...

Некоторые исследователи последних десятилетий полагают, что фретт приручен и одомашнен вовсе не в Африке, а где-то в Нижнем Поволжье либо еще восточнее. По их мнению, родоначальником домашних хорей был степной хорь, а не лесной, как считалось прежде.

Значит, предком фретта был либо черный хорь (лесной), либо светлый (степной). Какой в действительности, еще не решено.

Повадками и поведением фретт во многом похож на дикого хоря. Он менее дик, ночной образ жизни у него не такой уж строгий. Ростом поменьше, а мастью — белый или светло-желтый, у белого глаза красные — он альбинос. Но его помеси с диким хо-

О домашнем хоре, или фретте, писал еще Геродот в V веке до нашей эры. Охотой с хорем на кроликов развлекались в средневековье и коронованные особы. Однако как в минувшие века, так и ныне это в основном забава и промысел людей простого звания.

рем, которых тоже разводят для охоты, и грязно-белые, и черно-бурые, почти как дикие хорьки.

Для охоты на кроликов годятся только хорошо прирученные домашние хорьки, которые прибегают к хозяину на зов или свист. Хорька пускают в кроличью нору, предварительно натянув сети у всех ее выходов. Кролики, выгнанные из подземелий, попадают прямо в сети. А тех, которые проскочат мимо тенет, стреляют из ружья.

Если фретт поймает под землей кролика и съест его, то спит тогда в норе часами, и никаким свистом его оттуда не выманишь. Поэтому на фретта надевают намордник и привязывают на шею колокольчик, чтобы знать, где он и в какую сторону продвигается. Кроме того, звук колокольчика пугает кроликов, и они выскакивают из норы прежде, чем до них добирается хорь.

Охота с фреттом — забава и промысел людей из народа, однако развлекались ею и коронованные особы. Любили ее и Чингисхан, и Ричард II английский, и Фридрих II германский. И в наши дни охота с фреттом еще практикуется. Например, в Германии и Марокко.

СОБАКА С КОШАЧЬЕЙ ГОЛОВОЙ

В сухих степях и саваннах всей Африки, за исключением центральных областей Сахары и дождевых тропических лесов, а в Азии от Аравии до Индии и Туркестана — таков был ареал интересных зверей из семейства кошек, но особого сложения и с повадками, непохожими на кошачьи. Это гепарды. «Собакой с кошачьей головой» называют гепарда люди, склонные к метафорам. Ноги у него собачьего типа: длинные, стройные, тонкие, с невтяжными когтями.

ГЕПАРД

Порой гепарды объединяются в стаи (для кошек это нетипично). Стаи либо только из одних самцов: три-четыре и больше зверей, соединившихся для совместной охоты. Но бывают и смешанные: самцы, самки с подростками детенышами. В них преобладают самцы, а число зверей в таких объединениях иногда бывает и до полусотни (точнее сказать, «бывало», ибо мало осталось гепардов, вымирают они, занесены как исчезающий вид в «Красную книгу»).

Гепард — единственная кошка, которая догоняет добычу на быстром скаку, преследует ее, точно борзая собака.

С какого-нибудь бугра высматривает гепард пасущихся газелей и, пользуясь каждым укрытием, подбегает к ним как можно ближе, а затем кидается в погону. Мчится вихрем! У самого старта ускорение уже 20 метров в секунду. На испытаниях во Флориде дрессированные гепарды показали скорость в 90 километров в час. На отдельных участках скачки она повышалась до 110 километров. А это значит, что гепард — самое быстрое четвероногое на земле.

Но он скоро устает, через 100 метров скорость заметно падает, больше 500 метров гепард обычно не преследует добычу. Если первый бросок оказался неудачным, не гонится дальше, уходит на новые поиски.

Настигнув жертву, гепард бьет ее передними лапами и тут же вцепляется зубами в горло. Удар так силен, что газель летит кувырком. Кинетическая энергия, которую несет в себе тело скачущего с невероятной скоростью зверя, помогает сбивать с ног животных более крупных и тяжелых, чем он сам. В Африке, например, антилоп гну, куду и зебр, в Азии — антилоп нильгау. О джейранах и сайгаках и говорить нечего.

Поразительные спринтерские способности гепарда были замечены и использованы людьми очень давно. По некоторым данным, почти 5 тысяч лет назад с дрессированными гепардами охотились древние жители Месопотамии — шумеры. Другие ученые полагают, что сообщения эти не достаточно достоверны:

только в ассирийское время стала распространяться в Азии охота с гепардом. А до этого, по крайней мере в XVI веке до нашей эры, гепард был приручен в Египте. От той и более поздних эпох сохранилось много изображений: гепарды в ошейниках и на поводках послушно идут у ног лошадей.

Лучшее описание, как именно охотились с гепардом (правда, во времена более поздние), оставил нам венецианский купец Марко Поло, совершивший в XIII веке свое знаменитое путешествие в Центральную Азию.

Он жил при дворе Хубилай-хана, в его летней резиденции в Каракоруме. Марко Поло насчитал здесь около тысячи ручных гепардов! На охоту одних вели на поводках, другие как-то умудрялись сидеть на лошадях позади всадников. Чтобы звери раньше времени не сорвались в погоню за дичью, на головах у гепардов были колпачки, закрывающие глаза, как те, что надевают на охотничьих соколов. Окружив стадо антилоп или оленей и приблизившись к ним на нужную дистанцию, охотники быстро снимали с гепардов колпачки, освобождали от поводков, и звери кидались в молниеносный набег на добычу. Гепарды были обучены крепко держать пойманную антилопу до подхода охотников. Тут же гепарды получали вознаграждение: внутренности добытой антилопы.

Не только монгольские ханы, но и ассирийские, армянские, индийские, персидские, абиссинские цари и князья охотились с гепардами, а в Западной Европе — Вильгельм Завоеватель (в XI веке) и некоторые другие французские и австрийские короли. Антилопы в Европе не водятся, гепардов напускали на ланей, косуль, оленей.

В XI—XII веках и русские князья гоняли с гепардами сайгаков по степному раздолью. На Руси охотничьих гепардов именовали пардусами, очень ценили их и берегли. Для ухода за ними при княжеских дворах были особые «псари» — пардусники.

В некоторых странах, например в Марокко, Эфиопии, но особенно в Индии, и поныне охотятся с гепардом.

В 1952 году в Индии был принят закон о защите гепардов, но, увы, слишком поздно: трех последних индийских гепардов застрелили незадолго перед этим к северу от Бастара. Теперь гепардов привозят в Индию из Африки.

К концу прошлого века гепарды и в Аравии почти полностью были истреблены. В Азии в наши дни они встречаются, но очень редко, только кое-где в Средней Азии и в некоторых пустынных местностях Ирана.

Для охоты ловили уже взрослых гепардов. При-

ручали и обучали примерно полгода: гепард при хорошем отношении быстро привыкает к человеку, предан ему и послушен. Как сторожевых собак используют гепардов сейчас полицейские в Южной Африке и пограничники в Иране.

Крупнейший современный авторитет в области истории домашних животных Ф. Цойнер полагает, что в некоторых странах (в первую очередь в Индии) в древности гепард был домашним животным. Но позднее, в неурядице персидских и монгольских войн секрет его разведения был утерян. И, очевидно, при дворе Хубилай-хана доживали свой век последние домашние гепарды.

ЛЕВ НА ЗОЛОТОЙ ЦЕПИ

Даже царь зверей жил пленником у царей человеческих. В Египте сохранились древние тексты и барельефы, а на них фараоны с ручными львами. На одной из стен дворца в Карнаке изображен Рамзес II (годы его царствования 1324—1258 до нашей эры). Он во главе войска на колеснице, а рядом боевые львы. Во дворцах ассирийских, индийских, персидских царей тоже жили домашние львы. Не для охоты их содержали, а ради престижа и величия монарха. Правда, римский писатель Эллиан (около 200 года нашей эры) сообщал об охотничьей карьере некоторых прирученных львов в Индии. Но, полагают, он спутал их с гепардами.

В одном описании приема византийских послов в Багдаде при дворе халифа Муктадира (908—932 годы) говорится: сто львов на золотых цепях стояли вокруг трона халифа.

В те давние времена львы привозились из Африки в страны весьма далекие. Например, в Китай. Парфянское посольство в I веке до нашей эры среди других даров «преподнесло» повелителю поднебесной империи прирученных львов.

Львы привыкают к человеку сравнительно легко, чего не скажешь о леопардах. Ни в Египте, ни в других странах Африки не сохранилось никаких исторических данных о приручении леопардов. Но при раскопках знаменитых вавилонских зиккуратов (многоступенчатых храмов-пирамид) найдены скелеты леопардов. Скорее всего они содержались жрецами как священные или жертвенные животные. На блюде, изготовленном, по-видимому, в Спарте в VI веке до нашей эры, царь Аркесилас II изображен в кресле, а у ног его очень похожий на леопарда зверь. Но, возможно, это гепард.

В низовьях Нила, в Палестине, Восточной Турции, Закавказье, в низовьях Волги, в поймах рек Дагес-

тана, Средней Азии, Ирана, всей Индии и Индокитая живет камышовый кот, или хаус. Он немного похож на рысь: высоконог, хвост недлинный, а на ушах небольшие кисточки. Среди кошачьих мумий, найденных в Египте, были и мумии хауса. Попытки приручения хауса длились недолго, в конце концов предпочтение было отдано кошке.

Еще один зверь кошачьей породы — рысь каракал — приручался людьми. И сейчас еще кое-где в Азии с ручными каракалами охотятся на зайцев, фазанов, голубей и даже на газелей и мелких оленей. Теперь такая охота редкость, но в древности она была популярна на Востоке, особенно в Персии. Устраивались и состязания каракалов: побеждал тот, который в одном прыжке ловил больше голубей.

Казалось бы, гиена совсем ненужный в человеческом хозяйстве зверь. Зачем же тогда приручали и содержали гиен древние египтяне? На изображениях, оставшихся от тех времен (в основном третьего тысячелетия до нашей эры), мы видим гиен в ошейниках и на поводках. На одном из барельефов человек запикивает в пасть гиене гусей. Она лежит на спине, ноги у нее связаны. Впечатление такое, что гиену кормят насильно. Откармливают! Чтобы жирнее была. Мясо гиен ели древние египтяне.

Возможно, использовали ручных гиен и на охоте: на некоторых изображениях — гиены на сворах рядом с гончими собаками. Только какой из гиены охотник? Да и жаркое не первого класса... Впрочем, о вкусах не спорят.

Изображения еще одного зверька часто встречаются на блюдах, стенах (даже в Помпее). А при раскопках старых поселений Древнего Египта найдены статуэтки и набальзамированные мумии этого маленького хищника. Ихневмон. Он из семейства виверр, близкий родич мангуста. Тоже был приручен египтянами. Ихневмон — отличный истребитель грызунов и змей.

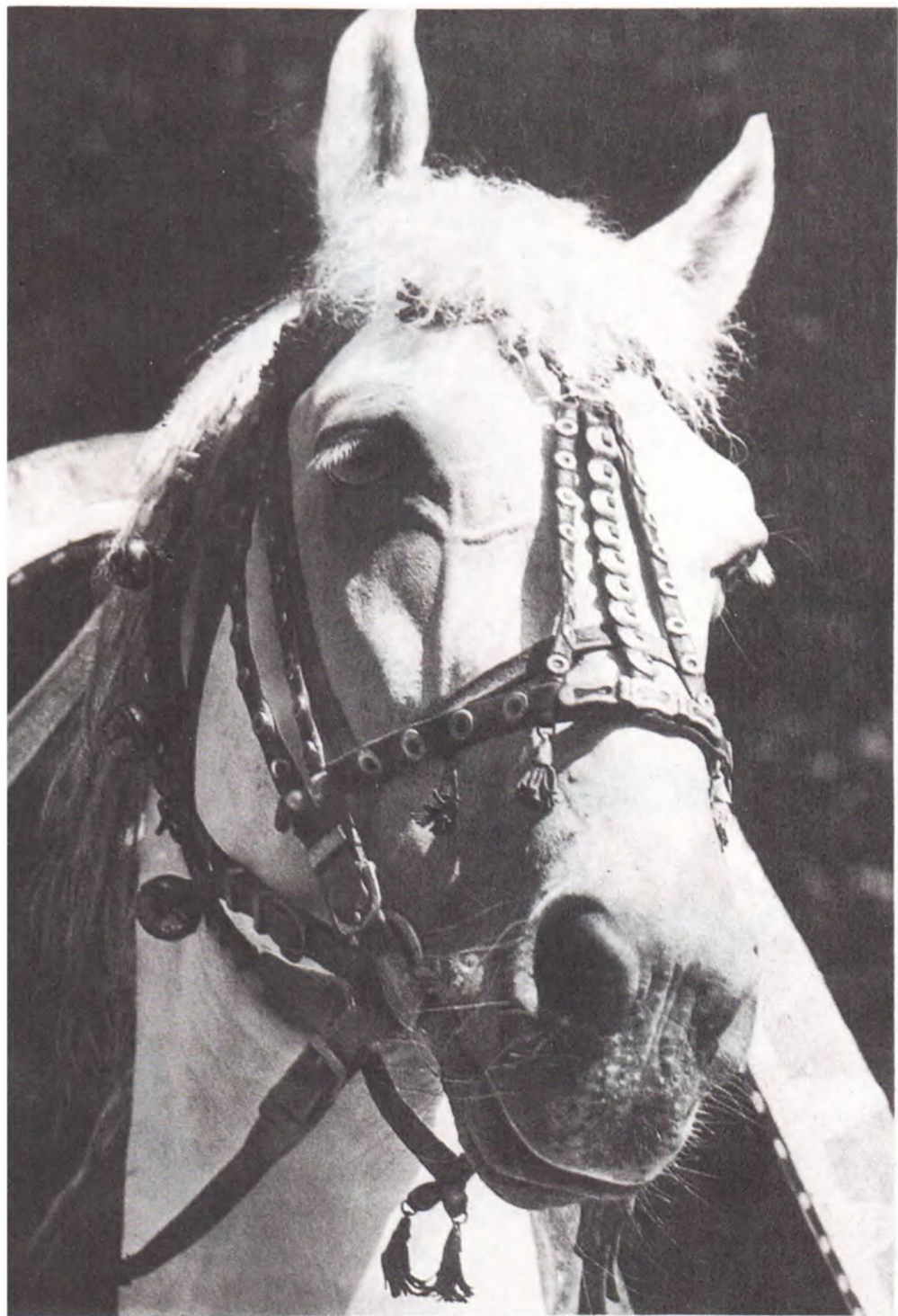
Плутарх и Страбон, античные историки, писали, что перед боем со змеей ихневмон валяется в иле. Ил застывает на нем непроницаемым для змеиных зубов панцирем. Это, безусловно, выдумки.

Другая старая легенда повествует о вражде ихневмона с крокодилом. Крокодилы любят спать с открытой пастью. А ихневмон никогда будто бы не упустит момента забраться в пасть спящей рептилии. Пролезет в глотку и поедает крокодила изнутри. Затем прогрызет бок и выберется наружу.

Оба они, ихневмон и крокодил, были священными животными в Древнем Египте. Ихневмоны жили при храмах и в домах. По-настоящему домашними не стали, и, кроме Египта, разводили их, по-видимому, только в Риме. В I веке нашей эры, сообщает Мартиал, этих зверьков полюбили римские дамы. Но мода на них быстро прошла, как только стали привозить в Европу кошек.

НЕПАРНОКОПЫТНЫЕ

Непарнокопытные (отряд класса млекопитающих животных) одарили человечество только двумя видами домашних животных: лошадью и ослом. Оба из семейства лошадиных.

Осел стал домашним раньше лошади, примерно 6 тысяч лет назад в Египте. Предком его был африканский дикий осел, ныне уцелевший лишь кое-где в Эфиопии и Сомали. Он находится там под защитой закона, запрещающего убивать диких ослов.

Лошадь одомашнена лишь в третьем тысячелетии до нашей эры. Прародиной ее были южнорусские степи, а диким предком — тарпан.

В древности в Нижней Месопотамии и в Вавилонии приручались и азиатские дикие ослы. Их запрягали в телеги, использовали как вьючных животных. Но с появлением лошади домашние азиатские ослы стали довольно быстро исчезать. А кроме того, их вытесняли и более «мощные», более пригодные для тяжелых работ домашние ослы Африки, вскоре появившиеся в Азии.

«ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА» ЛОШАДЬ!

Если бы человек увидел в лесу зогиппуса, то никогда бы не подумал, что это предок нашей лошади. Ростом он был не больше лисицы. Голову имел маленькую, шею короткую, спину горбатую, шкуру полосатую, а лапы четырехпалые (передние) и трехпалые (задние). Жил зогиппус в сырых лесах Северной Америки 50 миллионов лет назад. Питался листьями.

Было несколько разновидностей зогиппусов, некоторые из них рано переселились в Европу (по-видимому, через «мост», существовавший тогда на севере между Канадой, Гренландией, Исландией и Скандинавией). Европейский потомок зогиппуса — палеотерий могучим телосложением напоминал носорога.

Первым лошадям в Европе не повезло, здесь они все вымерли. Но в Америке род их по-прежнему процветал. От зогиппуса произошел орогиппус, а от него трехпалый мезогиппус, который был уже ростом с овцу. Тут в истории Земли произошло важное событие: сырые тропические леса, покрывавшие большую часть планеты, стали всюду исчезать. Появились степи и луговые травы. Мезогиппусы вышли из лесных за-

рослей и рискнули начать новую жизнь под открытым небом прерий. Питаться стали травой.

В степи их преследовали быстроногие предки волков. Спасение было только в одном: научиться бегать быстрее хищников. Лишние пальцы на ногах стали обузой (на одном пальце бегать легче!), и по ископаемым костям видно, как у предков лошадей стал атрофироваться палец за пальцем, пока на каждой ноге не осталось лишь по одному. Лошадь превратилась в однокопытное животное.

Но это случилось не сразу. От мезогиппуса произошел меригиппус, а затем стройный гиппарион (ростом чуть пониже зебры). Два недоразвитых боковых пальца на его ногах не касались земли. Трехпалый гиппарион бегал, следовательно, уже на одном пальце.

Едва ли какое-нибудь другое копытное животное встречалось такими колоссальными стадами, как гиппарион. Миллионные полчища этих элегантных лошадей через перешеек, соединявший в те времена Чукотку и Аляску, проникли из Северной Америки в Азию, а затем и в Европу. Бесчисленные табуны гиппарионов галопировали по равнинам Евразии. Их ископаемые остатки так многочисленны, что палеонтологи назвали «фауной гиппариона» весь комплекс живых существ, обитавших в тех же степях в одно время с этими лошадьми.

В Африку, Южную Америку и Австралию гиппарионы не сумели пробраться: тогда эти страны отделялись от Северной Америки, Азии и Европы широкими проливами и морями.

Прошло несколько миллионов лет, и все гиппарионы вымерли.

Более счастливая судьба ожидала двоюродного, так сказать, «брата» гиппариона (конечно, в эволюционном, а не бытовом смысле)—плиогиппуса. От него-то и произошли наши лошади.

Когда-то табуны плиогиппусов населяли всю Северную и Южную Америку, Европу, Азию и Африку (к тому времени эти материки снова соединились перешейками). Среди древних лошадей были очень интересные разновидности: одни больше самого крупного тяжеловоза, другие меньше карликового пони. Но миллион лет назад все лошади в Америке по непонятной причине вымерли. В Африке уцелели лишь зебры и ослы, а в Европе и Азии — два диких вида, история которых отныне тесно сплетена с судьбой человека.

В ледниковое время, несколько десятков тысяч лет назад, дикие лошади водились еще по всей Европе. Вместе с мамонтами и северными оленями они часто попадали на обед к троглодитам, первобытным лю-

дям, жившим в пещерах. О том свидетельствуют «кухонные» отбросы наших предков — огромные кучи раздробленных костей, исследованные антропологами. В одной из них нашли остатки десяти тысяч съеденных лошадей. Прародители наши, как видно, не страдали отсутствием аппетита.

ПРЯМОЙ ПРЕДОК — ТАРПАН

Бок о бок с домашними в Европе долго еще жили дикие лошади. Римлянин Варрон (II век до нашей эры) и грек Страбон (он жил на сто лет позже Варрона) пишут, что эти животные водились даже в Испании и Альпах. Древнегерманские и скандинавские героические сказания содержат немало драматических эпизодов, в которых действуют дикие лошади. Зигфрид из «Песни о Нибелунгах», например, убивает дикого коня скельха, а морской исполин Изе охотится на берегу на серых в яблоках коней (такая масть несвойственна диким лошадям, говорит профессор Е. А. Богданов, известный знаток домашних животных, и это, по-видимому, позднейшее добавление к старой легенде).

В средние века население многих стран Европы с упоением поедало на праздничных обедах мясо диких лошадей. Похоже, особенно увлекались кониной монахи.

«Ты позволил некоторым есть мясо диких лошадей, а большинству и мясо от домашних,— писал в VIII веке папа Григорий III св. Бонифацию.— Отныне же, святейший брат, отнюдь не позволяй этого».

Но гурманы-иноки игнорировали запрещение святого отца. Долго еще в монастырях мясо дикого коня слыло деликатесом. Эккегард, настоятель Сен-Галленского монастыря и Швейцарии, в книге — сборнике застольных молитв среди других рекомендует своим братьям во Христе и такую: «Да будет вкусно нам мясо дикого коня под знаменем креста!»

До начала XVII века некоторые города Европы содержали отряды стрелков, которые охотились на диких лошадей, опустошавших поля. А в лесах Восточной Германии и, по-видимому, Польши еще лет 150 назад можно было встретить дикую лошадь (или одичавшую? Вопрос этот теперь уже, наверное, невозможно решить).

В 1814 году в Пруссии несколько тысяч загонщиков окружили в Дуйсбургском лесу последние табуны лесных лошадей и истребили их. Всего было убито 260 животных.

«А се Чернигове деял есмь: конь диких своима рукама связал есмь в пущах десять и двадцать живых конь, а кроме того же, по Роси езда, имал есмь своими рукама те же кони дикие» — так писал храбрый киевский князь Владимир Мономах в «Поучении детям».

Значит, и в России в XII веке водились дикие лошади. Водились и позже. В 1663 году, рассказывают историки, будущего гетмана Ивана Мазепу за какую-то провинность казаки привязали к дикому коню, и тот умчал его в степь. Но Мазепа сумел как-то освободиться от веревок и через 44 года поднял на Украине мятеж против Петра I.

На Украине дикие кони дожили до второй половины прошлого века. Это были знаменитые тарпаны, лошади, о которых когда-то много писали и говорили, а сейчас почти забыли. Даже у жителей тех мест, где еще сто лет назад дикие лошади «гуляли на воле», не сохранилось о них никаких воспоминаний.

Тарпан (или турпан, слово это татарское)— некрупная, но выносливая и отважная лошадка. Масть у него была мышастая, пепельно-серая с темным ремнем вдоль по хребту. Грива, хвост и ноги до «колен» черные или черно-бурые, а на передних ногах у некоторых тарпанов замечались еще и темные поперечные полосы — чуть приметная зеброидность.

Еще совсем недавно жили тарпаны в южнорусских степях, лесостепях и лесах Литвы и Белоруссии (в Беловежской пуще, пишет профессор В. Г. Гептнер, они встречались в конце XVIII века), на Украине, по всему степному Крыму, Предкавказью, Дону, Нижнему Поволжью, возможно, даже до Урала.

Степи наши тогда еще были не распаханы. И по буйным травам, по ковылю и типчаку, по степному безлюдному простору скакали табуны вольных диких лошадей. В табуне обычно было десять-двадцать животных, и вел табун всегда старый и сильный жеребец.

А. М. Колчанов, председатель Днепровской уездной управы, с увлечением собирал разные сведения о жизни тарпанов. Вот как он описывал эту жизнь:

«Тарпаны были очень осторожны, легки и быстры на бегу. Стадом тарпанов всегда управлял самец, он охранял стадо во время пастыбы, всегда находясь на каком-нибудь кургане, вообще на возвышенной местности, тогда как стадо паслось в долине. Самец давал знать стаду об опасности и сам уходил последним. Он же гнал свое стадо к водопою, предварительно осмотревши место водопоя, нет ли опасности, для чего удалялся от стада нередко на версту и более. В сухие лета, когда в степи вся вода пересыхала, тарпаны приближались к Днепру, где их встречали на Казацком броде, верст сорок от Зеленой. Впрочем, тарпаны, по сообщениям, очень выносливы к жажде, и достаточно небольшой росы, чтобы тарпан мог утолить свою жажду, слизывая росу языком с травы.

Тарпанов ловили, преимущественно жеребят и беременных самок, весною, старых тарпанов-самцов удавалось редко поймать арканом: бегали они очень быстро и были чрезвычайно осторожны. Но приручить их для езды, даже только верховой, никогда не удавалось. Жеребят удавалось воспитывать и приручать к верховой езде, но они обыкновенно долго не выдерживали и пропадали. Бывали случаи, когда степные лошади, особенно кобылицы,

приставали к стаду тарпанов. Говорят даже, что тарпаны-жеребцы сами отбивали самок из табунов домашних лошадей и вступали в бой с жеребцом таковых, но никогда не одерживали победы».

Местные жители на Украине, в Оренбургском крае и всюду, где водились тарпаны, не любили их. И не только потому, что те часто уводили из табуна домашних кобыл. Тарпаны травили посевы, а зимой иногда начисто поедали сено, заготовленное поселенцами в степи и сложенное в стога. Тарпанов всюду истребляли. Стерegli у водоемов, у стогов с сеном.

Э. А. Эверсман, один из старых наших натуралистов, который еще видел живых тарпанов в Оренбургском крае, писал:

«Тамошние жители ловят их нередко еще молодыми и усмиряют, но, несмотря на то, они всегда остаются дикими и пугливыми. Охотятся на них зимою по глубокому снегу следующим образом: как скоро завидят в окрестности табуны диких лошадей, жители тотчас собираются, садятся верхом на самых лучших и быстрых скакунов и стараются издали окружить тарпанов. Когда это удается, охотники скачут прямо на них. Те бросаются бежать. Верховые долго их преследуют, и наконец маленькие жеребята устают бежать по снегу. Но старые тарпаны скачут так быстро, что всегда спасаются».

Чем больше заселялись наши южные степи, тем в больший конфликт вступали люди с тарпанами. В. Г. Гептнер пишет: «Тарпан был обречен на гибель самым ходом экономического развития страны». И как всегда бывает, финал наступил гораздо быстрее, чем ожидали даже самые неисправимые пессимисты: еще в начале прошлого века на юге Украины и в Крыму топтали ковыль довольно многочисленные табуны тарпанов, а в 1889 году погиб последний вольный тарпан. Одноглазая кобыла. У нее интересная и неплохо документированная история.

Записана она в семейной хронике Фальц-Фейнов. В конце прошлого века Фридрих Фальц-Фейн приобрел в степи к северу от Крыма большой участок земли, чтобы сохранить здесь нетронутый резерват первобытной местной фауны и флоры. Позднее в этом уникальном заповеднике, известном и ныне под названием Аскания-Нова, были проведены удачные опыты по акклиматизации многих экзотических животных.

У Фальц-Фейнов был сосед, тоже крупный землевладелец, некий А. Дурилин. В Рахмановской степи у него паслись большие табуны лошадей. Уже несколько лет в той местности не видели тарпанов (случилось это в 70-х годах прошлого века). Но вот однажды последняя, как полагает Фридрих Фальц-Фейн, дикая лошадь прискакала неведомо откуда и, зорко поглядывая по сторонам, направилась к табуну. Она, видно, тосковала без лошадиного общества, но боялась приблизиться к «цивилизованным» сородичам. Постепенно, день за днем, набиралась она храбрости, наконец

привыкла к домашним лошадям, и те приняли ее как свою. Когда табунщики были далеко, кобыла-тарпан паслась вместе с другими лошадьми. Но как только приближались, она, дико всхрапнув, скакала прочь и в сторонке дожидалась, пока люди не отъедут по-дальше.

Рассказывают, что никогда не видели, чтобы, отдыхая, она ложилась на землю, как домашние лошади: все время стояла. Стоя и спала.

Прошло три года, прежде чем дикая лошадь стала немного более смирной и доверчивой к людям. Она уже не убегала так далеко, как прежде, когда верховые табунщики приближались к ней. А на водопоях и зимних подкормах и вовсе подпускала их близко. За эти три года она дважды жеребилась, и отец ее жеребят был предводитель дурилинского табуна. Жеребят, когда те выросли, стали запрягать, но они были слабые и плохие работники.

Через три года дикая кобыла решила вместе с табуном войти в зимний загон, где лошадей кормили. Тогда Дурилин велел ее поймать. Домашних лошадей выгнали из конюшни, а ее заперли там. Тарпаниха как бешеная стала кидаться на стены, буйно металась по конюшне и выбила себе один глаз. Потом забилась в темный угол и застыла словно в трансе. Несколько дней ничего не ела. Однако голод и жажда выгнали ее из угла. Постепенно она стала привыкать к людям. Брала сено из рук конюха. Шла на водопой, когда ее вели. Но всякий раз старалась вырваться. И не было никакой возможности оседлать ее.

Когда весной кобыла ожеребилась третий раз и уже в конюшне, ее решили выпустить на вольный выпас вместе с табуном. Думали, стала совсем ручной. Но она, как видно, свободу ценила больше сытого желудка. Как только открыли ворота и сняли недоуздок, кобыла с громким ржанием умчалась в степь. Позднее вернулась, но ненадолго: подозвала своего жеребенка и ускакала с ним. Больше ее не видели.

Теперь действия переносятся в Асканию-Нова. Там прослышали, что всего в тридцати пяти верстах от Аскании, в Агайманском Поду, что в Таврической степи у села Агайман, видели будто бы дикого тарпана. И крестьяне захотели испытать резвость своих коней. Собрались большой артелью и решили поймать тарпана. По всему Агайманскому Поду расставили конные подставы, на которых лучшие всадники на лучших лошадях (иные и о-двуконь!) дожидались преследователей, чтобы сменить их, когда в бешеной скачке за тарпаном пройдут они мимо. Дело было зимой, в декабре.

Гнались, меняя лошадей и всадников, весь день и, возможно, так бы и не догнали тарпана, но тому не по-

везло: передней ногой он попал в сурчиную нору и сломал ногу. Упал и лежал беспомощный на снегу, храпя и скаля зубы. Люди окружили, связали его, положили на сани и привезли в Агайман. И тут узнали: это же та самая безглазая кобыла, которая свободу предпочла сытости дурилинской конюшни!

Она заслужила такое уважение во всей округе, что даже крестьяне, люди простые и к сантиментам не склонные, очень жалели ее. Захотели спасти тарпаниху и упросили деревенского коновала сделать ей новое копыто, протез, короче говоря. Но измученное преследованием и болью животное вскоре умерло. Так в конце декабря 1879 года погиб последний вольный тарпан.

Но в плену жила еще одна дикая лошадь: знаменитый шатиловский тарпан, который лишь неделю успел пожить в степи, а остальные двадцать лет провел в неволе.

И. Н. Шатилов был большим любителем лошадей, очень интересовался тарпанами, много писал о них, всеми силами старался спасти их от уничтожения. В конце прошлого века он по просьбе Петербургского общества акклиматизации животных доставил в Москву и Петербург одного за другим двух тарпанов. Они были тщательно исследованы зоологами. Даже сохранились кости: череп от шатиловского и скелет от таврического. Череп хранится в Зоологическом музее МГУ, а скелет — в Ленинграде, в Зоологическом институте Академии наук.

Таврического тарпана поймали в Таврических степях. В 1862 году привезли его в Петербург. Академик И. Брандт, когда увидел дикого коня, тут же решил, что не стоило его так далеко везти: это не тарпан, сказал он, а «скверная крестьянская лошадедка». Шатилов возражал: конь с первого взгляда поражает типичной для дикаря внешностью, «стоит взглянуть на него, чтобы убедиться, что тарпаны не одичалые лошади, а первобытный дикий вид зверей из семейства лошадиного».

«Позднейшее изучение черепа и скелета этого тарпана,— пишет профессор В. Г. Гептнер в «Заметках о тарпанах»,— показало, что прав был Шатилов, а не академик Брандт».

Шатиловский тарпан прожил в зоосаде года два и умер в конце 80-х годов. Так исчез с лица земли последний тарпан.

Но действительно ли он был последним? Перед войной в руки наших зоологов попал документ, который заставил их в этом усомниться. Весной 1934 года В. Г. Гептнер получил заверенные несколькими свидетелями показания зоотехника Н. П. Леонтовича:

«В 1914—1918 годах я имел возможность наблюдать последний экземпляр тарпана. В эти годы животное жило в имении Дубровка, в Миргородском уезде Полтавской губернии».

Это был старый жеребец. Владельцы конного завода доверили его попечению косяк киргизских кобыл. Тарпан очень ревностно исполнял свои обязанности: был «исключительно злой и дикий». Никого из чужих не подпускал к своему гарему и нападал даже на людей, проезжавших по степи, «если у них в упряжке были кобылы». Мышиной масти жеребец с таким свирепым и решительным видом бросался на повозку, что люди не выдерживали и пускались наутек. Тогда тарпан рвал зубами сбрую, освобождал кобыл от ярма и плена и гнал их, оглашая степь победным ржанием, к своему косяку.

Этого отважного жеребца табунщики купили у немцев-колонистов. А те поймали его в стаде диких лошадей, перебив их всех. Маленьким жеребенком попал он в Дубровку, и здесь «никто им не интересовался».

Гептнер думает, что немцы-колонисты истребили табун диких родичей маленького тарпана где-то в Таврических степях и случилось это, наверное, в начале 90-х годов прошлого века. «Это, вероятно, и есть дата гибели самых последних вольных тарпанов»,— заключает он. А гибель последнего тарпана, жившего в неволе, «таким образом, переносится с 80-х годов на 1918—1919 годы».

ВОЗРОЖДЕННЫЙ ТАРПАН

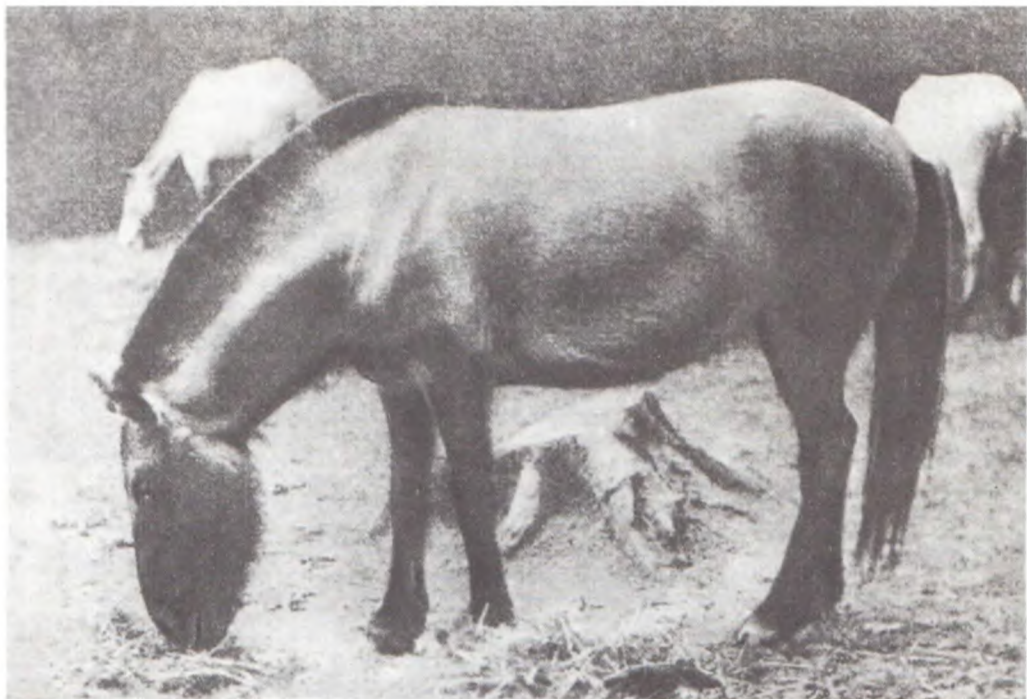
Тут и следовало поставить точку, если бы история тарпана не имела продолжения. Ученые, люди неуугомонные, никак не могли примириться с тем, что нет уже на земле тарпана, и решили «воскресить» его.

Тарпаны жили не только в степи, но и в лесах некоторых стран: например, в Литве, Польше, Восточной Пруссии. В Беловежской пуще они встречались еще в конце XVIII века, а в зверинце панов Замойских в Замостье дожили до начала прошлого столетия. В 1808 году двадцать диких лошадей раздали местным крестьянам. Те их приручили и стали на тарпанах ездить и пахать. Потомки тарпанов и местных домашних лошадей донесли до наших дней многие признаки своих диких предков.

Из этих-то тарпановидных коников, как их называют в Польше, генетики решили умелым скрещиванием и отбором вывести новую породу лошадей с внешними признаками тарпана. Работой руководил Т. Витулани.

Дело, начатое в 1936 году, шло очень успешно, несмотря на войну и оккупацию (многих животных, с которыми экспериментировали польские ученые,

Свершенное наукой чудо — возвращение из небытия тарпана! Эта фотография документально удостоверяет: исчезнувшая с лица Земли мышастая дикая лошадь снова существует.

коник

вывезли в Германию). Тарпан возрождался на глазах: шаг за шагом, поколение за поколением его потомки, растерявшие в течение полутора веков свои признаки в массе крестьянских полукровок, постепенно вновь «собирали» их. Эти рассеянные в сотнях лошадей фамильные черты дикого мышастого коня удалось сконцентрировать, как в фокусе зеркала, в немногих животных. Некоторые кобылы стали приносить жеребят с короткой стоячей гривой, как у зебры или лошади Пржевальского. А это наиболее типичный «дикий» признак, закрепить который у потомков домашних лошадей особенно трудно.

«Воскрешенные», или, как говорят зоологи, «восстановленные», беловежские тарпаны живут на воле в лесу и даже зимой, в пургу и в морозы, обходятся без стойл и других укрытий. Их и подкармливают очень редко.

Почти в одно время с поляками возродить тарпана решили немцы. В Германии, в фамильном поместье Липпе-Детмольдов, давно уже, несколько веков, жили на воле в лесах одичавшие лошади. Никто их никогда не беспокоил, кроме нескольких дней в году, когда люди окружали загонем вольный табун и клеймили новорожденных жеребят.

Из табуна Липпе-Детмольдов братья Лутц и Гейнц

Хек отобрали для своих опытов лошадей с наиболее дикой внешностью. Оба брата были директорами зоологических садов: Лутц — Берлинского, Гейнц — Мюнхенского. Поэтому тарпана «воскрешали» одновременно в зоосадах этих двух городов.

Лутц Хек в книге «Мои приключения с животными» пишет: «Мы исходили из того принципа, что ни одно существо не может считаться полностью вымершим, пока его наследственные качества еще сохраняются в потомках. Эти качества умелым скрещиванием с другими видами животных можно попытаться выявить более отчетливо в гибридах. С помощью современных достижений генетики можно даже полностью восстановить наследственность вымершего животного. Если полученные метисы будут размножаться, то постепенно под влиянием искусного отбора их облик от поколения к поколению будет меняться в нужную нам сторону. В результате может вновь возродиться животное, исчезнувшее сотни лет назад. Вымершее животное снова будет жить!

...Есть много лошадей, которые происходят непосредственно от лесного тарпана, — нордические низкорослые лошади, так называемые скандинавские пони, исландские пони и лошади Готланды, дикие кони Дартмура, а также коники — крестьянские лошади Польши, Галиции и соседних стран. Из всех лошадей они наилучшим образом сохранили древний тип лесной лошади.

Мой брат и я выбрали метод, который открыл наш отец в многолетних экспериментах в берлинских садах. Если, например, каменного козла скрестить с домашней козой, то, странное дело, среди их потомков будут не только козлята с мастью каменного козла, домашней козы и всех промежуточных оттенков, но и окрашенные точно так же, как и безоаровый козел, дикий предок домашних коз, хотя уже многие столетия эта его особенность у них и не наблюдалась. Эффект поразительный! Говоря всем понятными словами, это означает, что наследственность каменного козла каким-то образом как бы заставляет домашнюю козу «отрыгнуть» долгие годы скрытые в ее наследственных клетках первобытные качества своего дикого предка.

То же самое мы проделали и с лошадьми, пытаясь заставить их вернуть своим отпрыскам древние черты мышастой дикой лошади лесов, известной под именем тарпана.

Мы свели буланого жеребца, представителя другого типа степных диких лошадей (то есть жеребца лошади Пржевальского), с домашними потомками мышастого тарпана: с кобылами ирландских пони и польских коников. И уже во второй серии скрещиваний, в Мюнхене, получили совершенно сказочного жеребенка! Он словно одет был в серую униформу: мастью похожий на мышь, с черной гривой и хвостом и с широким темным ремнем по хребту. А когда он повзрослел, то стал более светлым снизу, а ноги его, наоборот, потемнели, совсем как у старого тевтонского коня, — это была наша первая примитивная лошадь! Она родилась, когда уже ни один человек не надеялся ее увидеть. Все случилось как в волшебной сказке!»

Однако восстановление тарпана оказалось делом куда более сложным, чем полагали вначале, после первых успешных опытов. За удачами, как всегда бывает, пришли неудачи. Ученые испробовали много разных вариантов, комбинировали и так и этак: кровь детмольдовских лошадей «сливали» в разных пропорциях с кровью коников, примитивных пони и лошадей Пржевальского. И дело пошло на лад.

Но тут началась вторая мировая война. Работы были

прерваны. Все тарпаноиды Берлинского сада погибли. Но мюнхенские уцелели. Их сейчас несколько десятков голов, и они «уже приобрели тарпаний вид».

И вот что интересно: генетики не старались вывести лошадей с более крепкими копытами. Но это получилось само собой: вместе с другими примитивными чертами их питомцы обрели и этот атавистический дар своего дикого предка — очень прочные копыта.

Уже после войны, рассказывает Филипп Стрит в книге об исчезающих животных, один мюнхенский «тарпан», запряженный в телегу, около тысячи миль (1600 километров) прошел по нелегким дорогам, «и, хотя он не был подкован, копыта этого «возрожденного» тарпана отлично сохранились до конца путешествия».

НЕБОЛЬШАЯ ИНТЕРМЕДИЯ: СКОЛЬКО В МИРЕ ЛОШАДЕЙ?

Казалось бы, в наш механизированный век лошадь должна исчезнуть. Однако только на одну треть сократилось мировое поголовье лошадей по сравнению с началом нашего века: в 1913 году — 101,6 миллиона (из них в России больше 25 миллионов), в 1975 году — 65 миллионов. В 1937 году поголовье лошадей достигло рекордной цифры — 115 миллионов. Затем началась война, и много лошадей погибло.

По данным на 1975 год, в СССР — около 7 миллионов лошадей (58 различных пород), 105 конных заводов, 73 государственные конюшни, 843 племенные фермы и 61 ипподром.

По числу лошадей СССР стоит на четвертом месте в мире — после Бразилии, США и Китая. Вот некоторые данные в миллионах голов на 1975 год:

Бразилия	— 9,5	Аргентина	— 3,5
США	— 8,956	МНР	— 2,264
КНР	— 7,0	Польша	— 2,237
СССР	— 6,745	Эфиопия	— 1,5
Мексика	— 5,664		

В прочих странах меньше 1,5 миллиона лошадей.

Больше всего лошадей в северном полушарии — около трех четвертей всего поголовья. В Северной и Центральной Америке — 17 с небольшим миллионов. В Южной Америке — около 17 миллионов. В Азии (без СССР) — 14 миллионов. В Европе (без СССР) — немногим больше 6 миллионов и в Африке — 3,5 миллиона.

ЛОШАДЬ ИДЕТ НА ВОЙНУ

В обширных степях от Дуная и Балкан до Урала несколько тысячелетий назад жили индоевропейцы — предки или ближайшие сородичи почти всех европейских народов: славян, германцев, греков, римлян,

а также хеттов, персов и индийцев. У индоевропейцев уже были домашние животные: овцы, коровы, свиньи. Но не было лошадей. А вокруг поселений паслись бесчисленные табуны тарпанов. Сначала индоевропейцы охотились на диких лошадей, а потом приручили их.

Раньше считали, что предком домашней лошади была лошадь Пржевальского. Теперь иное мнение: исследовали лошадей Пржевальского и нашли у них 66 хромосом, а у домашней лошади их оказалось 64. А это значит, что лошадь Пржевальского предком домашней лошади быть не могла. Другой у нее был предок — тарпан. Его и приручили индоевропейцы в третьем тысячелетии до нашей эры. Тогда же, очевидно, научились люди верховой езде.

Считалось, что лошадь вначале была упряжным животным, а верховым стала значительно позже. Однако как пасти табуны домашних лошадей? Только всадник может справиться с таким делом, пешему это не под силу.

Тысячелетия назад индоевропейцы стали расселяться по местам, окружающим их прародину.

И всюду вели с собой домашних лошадей. Были ли у индоевропейцев боевые колесницы, вопрос неясный. Повозки, запряженные волами, ослами или верблюдами, известны в странах Двуречья (в долинах Тигра и Евфрата, в Месопотамии) в четвертом тысячелетии до нашей эры, когда лошадь еще не была прирученной.

Во времена гиксосов (около XVII века до нашей эры) появились колесницы. Будто бы благодаря им гиксосы и покорили Египет, в котором тогда еще колесниц не было. Во втором тысячелетии до нашей эры колесницы уже «представляли собой произведения высокого технического искусства». Отдельные их детали делали разные мастера. И не из какого попало дерева, а из определенных его сортов, которые привозились издалека.

Интересно, что при археологических раскопках на Крите было найдено около 500 колесниц. Крит — остров гористый: на колеснице не очень-то покатаешься. Зачем же тогда в критских дворцах столько колесниц? Думаю, что на Крите их производили на экспорт.

Конницы еще не было (она появилась в начале первого тысячелетия у ассирийцев), но колесницы участвовали в боях уже более трех с половиной тысяч лет назад.

Говоря, что конница появилась у ассирийцев, я не имел в виду, будто они первые овладели искусством верховой езды. Много раньше верхом ездили пастухи-табунщики у индоевропейцев. Народы Кавказа и Иранского нагорья пользовались верховыми лошадьми для разных нужд: скакали на них, развозя донесения, ездили в дальнюю дорогу, пасли скот. Но во-

Настенный рельеф в Ниневии, столице Ассирии, VII век до нашей эры. Охота на львов царя Ашшурбанипала. Колесница массивная, четыре человека размещаются в ней. Судя по этому и по тройным вожжам, упряжка трехконная, хотя двух других лошадей не видно.

оруженные всадники в крупных боевых соединениях впервые появились у ассирийцев. Во втором тысячелетии до нашей эры, если судить по письменным текстам и изображениям на памятниках, только колесницы были у ассирийцев. Но тысячу лет спустя конница в ассирийских войсках почти полностью заменила колесницы.

Интересно, что вначале, как и в колесницах, у конного воина был своего рода возница — «правчий». Он управлял двумя конями: своим и лошадью воина, у которого таким образом освобождались руки для стрельбы и метания дротиков. Вслед за Ассирией и соседние с ней страны стали включать в войска большие отряды всадников. В конце IX века до нашей эры в походах царей Урарту, древнейшего государства в пределах нашей страны, участвовало по сто колесниц, около тысячи всадников и только две-три тысячи пехотинцев.

Мы видим иное, чем прежде, соотношение родов войска. В истории военного искусства открыта новая страница: не колесницы, а конница стала главной силой в боях. Но колесницы еще по-прежнему оставались мощным оружием, по крайней мере до V века до нашей эры (во всяком случае, у персов), а у бриттов и до I века до нашей эры. Когда Юлий Цезарь выса-

Египетская статуэтка XVI века до нашей эры. Удивительно здесь то, что лошадь верховая, под всадником! Ведь считается, что конница появилась впервые в IX веке до нашей эры у ассирийцев. До этого в боях участвовали лишь колесницы.

дился в Англии, его встретило войско, в котором были колесницы с острыми ножами на колесах.

Греческий историк и теоретик военного искусства Ксенофонт рассказывает, что однажды сатрап Фарнабаз разогнал двумя колесницами отряд в 700 греков и, напав затем со своими всадниками, изрубил их совершенно.

Походы конных скифов нанесли колесницам первое крупное поражение. А греческая фаланга — окончательное.

Скифы жили в южнорусских степях, там, где была одомашнена лошадь. Они совершали набеги на бо-

гатые южные страны: Урарту, Ассирию, Мидию. В VI веке до нашей эры у них была уже тяжелая, панцирная конница — главная сила их войска. У их врагов тоже. Но затем в войсках Древнего Рима и Греции ударной силой стала пехота, а конница лишь вспомогательным родом войск.

«ИХ ТЬМЫ И ТЬМЫ» Но нигде, ни у какого другого народа и никогда лошадь не значила так много в жизни мирной и военной, как у монголов в пору расцвета их империи.

«Истари китайские летописцы в степях на северо-запад от стороны своей обозначали два кочевых народа под именем монгулов и тата...» (С. М. Соловьев).

Жили они не в городах и не в селах, а в юртах, построенных «из хворосту и тонких жердей, покрытых войлоком».

У них было столько разного скота — коров, овец, коз, верблюдов и особенно лошадей, — «сколько нет во всем остальном мире».

И далее: «Нет ни одного народа в мире, который бы отличался таким послушанием и уважением к начальникам своим, как татары».

В первые десятилетия XIII века среди таких «начальников» — ханов — один по имени Темучин, назвавший себя позднее Чингисханом («океан-хан»), после жестокой борьбы подчинил своей власти всех других ханов: «...орда присоединялась к орде...» И двинулись монголы в наступление на соседние страны к востоку, западу и югу от своих исконных кочевий. Завоевали Китай (даже в Японию намеревались через море переправиться, но шторм погубил их флот), покорили княжества и царства Средней Азии.

Два полководца Чингисхана, Джебе и Субут (Субэдей-богатур), вторглись в Северную Индию, оттуда в 1222 году двинулись на восток, севером Ирака дошли до Кавказа, громя все на своем пути, вышли в низовья Дона, в половецкие степи. «Форсировали» его и вдоль берегов Азовского моря добрались до Крыма, затем вновь вошли в половецкие степи, пересекли Днепр, добрались до Днестра и вернулись обратно к Чингисхану.

Это был самый дальний и быстрый конный рейд, который знает история. 30 тысяч всадников (с вдвое-втрое большим числом лошадей — всего коней в этом войске было 100 тысяч!) за два года с боями прошли около 10 тысяч километров (за сутки порой до 150 километров одолевали!).

Именно с этим отрядом впервые сразились русские на реке Калке.

Битва началась 31 мая 1223 года. Из-за несогласованных действий русских князей, из-за бегства союзников их, половцев, которые смяли ряды русского войска, «русские потерпели повсюду совершенное поражение, какого, по словам летописца, не бывало от начала Русской земли».

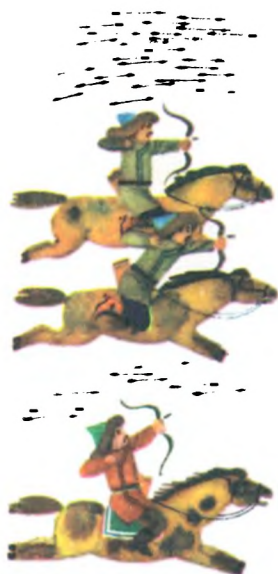
А победители, татары, «дошедши до Новгорода Святополчского, возвратились назад к востоку». Исчезли на 14 лет. Тридцатитысячный отряд Джебе и Субута, произведя обычную в стратегии татар «разведку боем», не был основной силой, которую татары готовили обрушить на русские княжества.

Основная сила явилась в 1237 году. Пришел хан Батый во главе трехсоттысячного войска. Цифра 300 тысяч явно преувеличена: даже если бы все всадники татарские шли по пять в ряд (а по лесным дорогам, точнее бездорожью, более широкой колонной идти они не могли) плотно голова за хвостом впереди идущей лошади и если учесть, что каждый их воин вел с собой одну-трех, даже пять запасных лошадей, то растянулись бы они в походе минимум на 200 километров. А чем кормить такую орду солдат и лошадей?

В «рязанских пределах» это войско явилось, разгромив волжских болгар, «лесною стороною с востока». В декабре осадили Рязань и через пять дней взяли ее штурмом и сожгли. Затем такая же участь постигла Коломну, Москву, Суздаль, Владимир... За один лишь февраль месяц пали 14 городов, не считая «слобод и погостов». Сто километров не дошли до Новгорода (весенняя распутица помешала) и ушли на юго-восток, в степь.

В 1240 году Батый взял Киев («киевлянам нельзя было расслышать друг друга от скрипа телег татарских, рева верблюдов, ржания лошадей»). Весной 1241 года перешел Карпаты, в битве у реки Сайо разбил венгерского короля и опустошил его земли. Затем татары, поразив по пути двух польских князей, вторглись в Нижнюю Силезию. Победили местного герцога. Путь на запад, в глубь Германии, был открыт. Но тут им преградили дорогу полки чешского короля Вячеслава. Татары не отважились вступить в битву, ушли в Венгрию. Оттуда двинулись было в Австрию, но опять войско Вячеслава и герцогов австрийского и каринтийского встало у них на пути. Не решились с ним сражаться татары и ушли на восток.

«Русский народ принял на себя всю тяжесть татарского нашествия и спас Западную Европу от монгольского ига ценою огромных потерь и опустошений; цветущие города лежали в развалинах, жители были перебиты, культурные ценности уничтожены. Освобождение Руси из-под монгольского ига стало исторической задачей русского народа в последующее время» (БСЭ).

В чем причина совершенно невероятных успехов конного войска? (Пешими у татар в открытом поле сражались только союзники.)

Вооружение у татар было простое: лук, топор (лишь у немногих сабли), окованные дубины — палицы и сплетенный из ивы, обтянутый толстой кожей щит. У богатых воинов — шлемы и броня (на лошадях тоже). Каждый рядовой татарин обязан был возить с собой веревки — «для того, чтобы тащить осадные машины».

Главная сила этого войска была в его сплоченности и в лошадях. Каждый воин вел в поход с собой одну-три, пять и даже больше запасных лошадей. У войска, которое шло в наступление, обозов не было — лишь вьюки, пожитки и разное снаряжение, упакованные в кожаных мешках. Провианта для себя и для лошадей почти и не брали.

Лошади кормились тем, что росло на земле, даже зимой копытами разрывая снег. А воины ели конину, забывая жеребят, раненых, ослабевших или охромевших коней, в крайней нужде и запасных здоровых. Но основной пищей было кобылье молоко. Вскрывали также и вены у лошадей, собирали кровь и пили, смешав с кумысом.

В дальних походах татарские всадники по двое суток не слезали с седел, чтобы отдохнуть и поесть. Даже спали, сидя верхом и не останавливая лошадей (лишь пересаживались с уставшей лошади на запасную). Подвижность, маневренность у такого войска были невероятными по тем временам. Одолевая за сутки по сто, даже по двести километров, татарские отряды появлялись вдруг совершенно неожиданно в самых отдаленных местах, где никакая разведка не успевала предупредить об их приближении.

В РЫЦАРСКИЕ ВРЕМЕНА

Слово «рыцарь» происходит от немецкого «риттер», а то, в свою очередь, — от «райтер», то есть «всадник». Этот «всадник»... в полном вооружении весил в XII веке 170 килограммов, а в XVI—220» (И. Фляде и Г. Ленц).

Какая же сила была у лошади, способной нести такую тяжесть!

Но здесь я должен высказать свои сомнения: в XII веке — 170 килограммов, а в XVI—220 — таких тяжелых доспехов и вооружения, на мой взгляд, никогда не существовало. Фляде и Ленц преувеличили их вес. В XI—XVI веках даже латный турнирный доспех (а турнирные были много массивнее боевых) весил до 40 килограммов. Боевой «максимилиановский» в лучшем случае 30 килограммов. Прочее вооружение вместе с копьем еще 25 килограммов.

А конская броня? У нас в Оружейной палате хра-

нится один из ее образцов конца XVI века. С нагрудником, с накрупником, с пластинами, защищающими шею и лоб, словом, полная конская броня. М. Н. Ларченко, большой знаток рыцарского вооружения, взвешивала эту броню — оказалось всего около 20 килограммов.

Так что, если мы сложим все приведенные выше цифры, получится 75 килограммов. Плюс вес очень массивного седла — примерно 15 килограммов. Допустим, сам рыцарь весил 80—90 килограммов — итого 170—180 килограммов должна была нести на спине рыцарская лошадь в XV—XVI веках.

Но ведь и это немало!

Кони, на которых рыцари выступали в бой или на турниры, скорее были похожи на облегченных тягеловозов типа арденов или першеронов, чем на кавалерийских лошадей более поздних времен.

Рыцарских коней не набирали из крестьянских лошадей. Их разводили в конюшнях в замках или около них в особых усадьбах. Заведовали этими конюшнями маршалы. Это был придворный чин, а лишь позднее — воинское звание.

Коневоды тех дней старались вывести сильных, тяжелых лошадей, которые могли бы нести на спине рыцаря в полном вооружении.

В поход и в бой рыцарь отправлялся не один: с ним были обычно оруженосец, два лучника, пеший копейщик и два слуги (пеший и конный). Это боевое подразделение называлось копейем. 25—80 копий составляли «знамя».

Любимым построением перед боем был клин (или «свинья», как называли этот рыцарский строй русские). Острие клина состояло из 35—45 рыцарей либо всего из пяти. Тогда в следующих двух рядах было 7 рыцарей, затем шли ряды по 9, 11, 13 воинов, за ними строилась в каре вся рыцарская конница (13—14 человек в каждом ряду). В крупных сражениях участвовало девять и больше клиньев, которые составляли три боевые линии.

ПОБЕДОНОСНАЯ КОННАЯ АРМИЯ

В последующие за XIV веком времена во всех крупных сражениях преимущество перед конным, как и в древности, получает пеший бой. Конница опять становится вспомогательным родом войск. Так было во все времена до первой мировой войны включительно.

Но вот произошла в России Октябрьская революция. Потом началась гражданская война. И в ней снова конница вышла на передний план. Особую боевую мощь в этой войне показала Первая Конная армия. Она была сформирована 17 ноября 1919 года по ре-

шению Реввоенсовета республики на базе 1-го конного корпуса С. М. Буденного. В состав ее входили еще пять кавалерийских дивизий, отдельная кавбригада, автобронепоезд, несколько бронепоездов, авиатруппа и другие боевые силы.

На разных фронтах победоносно сражалась Первая Конная армия. В ноябре — декабре 1919 года она была ударной силой Южного фронта. Позднее — в Воронежско-Касторненской и Донбасской операциях. В январе 1920 года вместе с войсками 8-й армии освободила Таганрог, Ростов-на-Дону и разгромила основные силы Добровольческой белой армии. Фронт врагов был рассечен на две части.

Конец января 1920 года — Первая Конная армия сражается на Кавказе. А когда белополяки выступили против нашей страны, с Кавказа она была переброшена на Украину. Здесь Первая Конная армия зашла в глубокий тыл врага, освободила Житомир, Бердичев, Новгород-Волынский, Ровно и вела тяжелые бои на подступах ко Львову. Поляки стали быстро отступать, и Первую Конную армию направили на Южный фронт для борьбы с Врангелем.

Первая Конная армия сражалась и против Махно на Украине, а на Кавказе — против повстанческих войск генерала Пржевальского.

Победы Первой Конной вошли в историю как славные подвиги Красной Армии.

«КЕНТАВРЫ» В АМЕРИКЕ

Прежде чем распрощаться с лошадыю как военной силой, вернемся на несколько веков назад в Америку, там боевая роль лошади была особенно велика.

Когда Колумб 3 августа 1492 года впервые ступил на землю Нового Света, он не привез с собой ни одной лошади. Но во втором путешествии к берегам Америки с ним среди нескольких сотен солдат были 20 вооруженных копьями всадников. Уже первые сражения с индейцами показали, как ценна здесь лошадь, как боятся ее индейцы. Очевидно, не будь у испанцев лошадей, завоевание Мексики протекало бы совсем иначе.

Начнем с того, что, набрав на Кубе отряд в 508 человек, несколько пушек и 16 лошадей, Эрнандо Кортес с этими мизерными силами отправился в 1519 году на завоевание Мексики, процветающей многолюдной страны индейцев.

В первых же столкновениях с индейцами всадники произвели на них ошеломляющее впечатление. В стране Табаско крупные силы индейцев напали на испанцев. Их пеший отряд индейцы окружили и напирали все сильнее. Неизвестно, чем бы это все кончилось (и завоевание Мексики тоже), если бы в критический мо-

мент в тылу индейского войска не появилась «кавалерия» Кортеса. Шестнадцать всадников так напугали индейцев, что все они разом, побросав оружие, побежали кто куда.

«Никогда еще индейцы не видали лошадей, и показалось им, что конь и всадник — одно существо, могучее и беспощадное. Луга и поля были заполнены индейцами, бегущими в ближайший лес» (Берналь Диас).

Но вот наконец после разных перипетий подошли испанцы к столице сказочной страны — Теночтитлану (ныне Мехико). Верховный вождь Монтесума любезно встретил испанцев, пораженных богатством и многолюдием огромной страны, которую они с такой бессовестной самонадеянностью хотели завоевать; у ворот столицы кругом расстилались прекрасно возделанные поля, на холмах и среди равнин высились города неведомой им, но прекрасной архитектуры.

Поразил их и сам Монтесума, который весь, от ног и до головы, буквально был усыпан драгоценными камнями и жемчугом. Вождя окружала не менее блистательная свита. Дорогие ткани расстелили перед Монтесумой, когда он пошел навстречу Кортесу. Тот спрыгнул с коня и без страха и смущения подошел к Монтесуме и приветствовал его. Затем Монтесуму унесли на носилках...

«Мы не знали, что и сказать, мы не верили своим глазам. С одной стороны, на суше — ряд больших городов, а на озере — ряд других, и само озеро покрыто челнами... и перед нами великий город Мехико, а нас только четыре сотни солдат! Были ли на свете такие мужи, которые проявили бы такую дерзкую отвагу?» (Берналь Диас).

Испанцев поселили в большом здании. Солдаты обшарили помещение и нашли потайную, замурованную дверь. Открыли ее, а там столько сокровищ, что только на их осмотр и сортировку ушло три дня.

Испанцы взяли в плен Монтесуму, заковали его в цепи, затем Кортес, оставив в городе небольшой гарнизон, отправился сразиться с враждебным ему испанским отрядом, разбил его и снова вернулся в Мехико. Но тут мексиканцы подняли восстание, умер от ран Монтесума, испанцы с большими потерями бежали из Мехико, а потом, в 1521 году, завоевали его окончательно. Все это детально описано участником походов Кортеса, Берналем Диасом, и почти на каждой странице — восхваление лошадей, без которых, говорит он, «мы погибли бы». Он дает точную справку о каждой лошади, какой она была масти, где и кем приобретена, какие у нее достоинства и пороки.

Как особое и важное событие описал Берналь Диас случай, когда одна мертвая лошадь попала в руки индейцев. Педро де Морон, «особенно храбрый и опытный», с тремя товарищами ворвался в ряды индейцев. Индейцы схватили его копье, и тот не смог маневрировать. Под ним убили лошадь. Товарищи бросились его выручать, вытащили из свалки раненого. А из-за мертвой лошади началось настоящее сражение. Испанцам пришлось отступить, индейцы утащили лошадь с собой. В ближайшие дни они показывали ее по разным городам, чтобы их сограждане убедились в том, что лошадь обычное смертное животное, а не сверхъестественное существо. Кортеса все это очень огорчило.

Важную роль играли лошади и при покорении Перу испанцами под начальством Франсиско Писсаро. Правда, страх перед «кентаврами» здесь был уже меньше. Со временем индейцы научились с помощью лассо стягивать всадников с коней, а позднее некоторые сами сели на отбитых у испанцев лошадей.

ВТОРАЯ ИНТЕРМЕДИЯ: О СЪРУЕ И ПОДКОВАХ

Здесь мнения разных авторов не по всем пунктам сходятся. Особенно в вопросе о седлах и подковах.

Раньше всего человек научился пользоваться уздой. Примитивные удила из сыромятных ремней были уже в употреблении на прародине ариев, в южно-русских степях. Там же позднее появились и железные удила, или трензеля.

Долго люди ездили, что называется, охлюпкой, без седла. Греческие и римские всадники накидывали на конские спины попоны и бодро выступали в бой и на цирковые ристалища. А германцы презирали и попоны. По их понятиям, говорил Юлий Цезарь, нет ничего более постыдного и малодушного для всадника, как сидеть на мягкой подстилке. На таких «трусках» они смело нападали, даже если и встречали их многочисленный отряд. И тем не менее именно германцы, разгромившие в IV веке Рим, сидели уже в седлах. Они укрепляли по бокам холки коня две плоские доски, так чтобы хребет лошади торчал между ними. Доски покрывали звериной шкурой.

К этому же времени относится и первое упоминание о седле в римских документах: была издана инструкция, приказывающая, чтобы самые тяжелые седла были у почтовых лошадей.

Непонятно, почему западные народы не заимствовали у ассирийцев такое важное изобретение, как седло. В Ассирии уже в VIII веке до нашей эры были небольшие седла — попоны. Они крепились подпругами и нагрудными ремнями.

«В VII веке до нашей эры появляется небольшое треугольной формы мягкое седло, возможно, с передней и задней подпругой, положенное поверх большой попоны» (В. Б. К о в а л е в - с к а я).

Ассирийцы же (в VIII веке) изобрели и мартингал — пристегнутый к передней подпруге ремень, идущий под грудь лошади и дальше, раздваиваясь, к одному и другому поводу. Он не дает лошади слишком сильно задирать вверх голову.

Первые стремена (не железные, а петли из ремней) изображены на найденной при раскопках Чертомлыкского кургана знаменитой античной амфоре для вина, украшенной сценами из скифской жизни. Изготовлена эта ваза, очевидно, в IV веке до нашей эры. Позднее у варваров были связанные из палочек стремена в виде треугольника.

«Также не были известны в древности и подковы.

Ни один писатель не упоминает о них, ни одна раскопка не обнаруживает лошадей с подковами» (Г а н с Б а у э р).

Самая древняя форма подков — «башмаки» из лыка или конопли. У лошадей Чингисхана копыта были обмотаны кожей. Но на тысячу лет раньше употреблялись такие подковы: массивные, кованные из железа «башмаки», которые ремнями крепились к лошадиной ноге.

Настоящего типа подковы (с гвоздями), возможно, были изобретены только в V веке. В рыцарские времена подковы имели символическое значение: они представляли достоинство коня и всадника. В наказание подковы снимались — одна, две, три или четыре. Ездить на «босой» лошади считалось большим позором.

Шпоры появились в IV веке до нашей эры. Вначале это были просто деревянные острые колышки, которые привязывали ремнями к пятке. Во времена расцвета Древнего Рима уже знали железные шпоры. Их форма и способ крепления к башмакам, а позднее сапогам менялись от века к веку.

Шоры на глазах были уже у лошадей Древнего Египта.

Дамское седло вошло в употребление в XII веке, но еще четыреста лет назад английская королева Елизавета ездил на прогулки, сидя по-мужски на крупной лошади позади своего шталмейстера.

И наконец, последнее изобретение — мундштук был придуман основателем высшей школы верховой езды итальянцем Пиньятелли в XVII веке. С тех пор, кажется, значительных «рационализаторских предложений» по части конской сбруи не поступало.

ПОЧТА!

Еще недавно, до тракторов, на лошадях пахали, боронили, впрягали их в жнейки, возили зерно и прочие сельскохозяйственные продукты и другую поклажу. Но во времена, о которых сейчас пойдет речь, в сельском хозяйстве лошадей не использовали. Пахали на быках, верблюдах и ослах, на них же перевозили всякие тяжести. Лошадей разводили и берегли главным образом для войны. В мирное время они выполняли не сельскохозяйственные работы, а перевозили почту и пассажиров.

В Древней Греции, Индии, Египте и в Риме (пока его владения не распространились за Апеннинский полуостров) почтовых лошадей не было. Всякого рода извещения и письма разносили гонцы-сороходы. Первые почтовые лошади появились в Персии при царе Кире. Конные гонцы назывались у персов «ангары». Они были на содержании у правительства и развозили послания, имевшие государственное значение. Греческий историк Геродот рассказывает о почтовой дороге длиной в 2500 километров из Сард в Сузы, зимнюю резиденцию персидского царя. На дороге было 111 станций, где всадник-гонiec передавал, как эстафету, свои донесения другому гонцу. Такая же дорога с переменными лошадьми и всадниками вела из Суз в Вавилон и, надо полагать, в другие города Персидского царства.

Александр Македонский, покорив Персию, сохранил почтовые дороги и почтовых лошадей.

Примером персов воспользовался римский император Август. Он учредил так называемый «Курсус публикус» — «Общественное движение». Не каждый член римского общества мог пользоваться этой почтой, а только государственные чиновники. «Общественной» же она называлась потому, что все общины, через которые проходила дорога, несли почтовую службу. При станциях, где меняли лошадей, были конюхи, ветеринары и солдаты, которые несли охрану. На каждой станции было около сорока лошадей.

От названия этих станций «Стацио позита» произошло и слово «почта».

Огромные пространства от Британии до Кавказа, от устья Рейна до Ливийской пустыни преодолевались в сравнительно короткие сроки.

Цезарь, пользуясь переменными лошадьми, взятыми внаем у частных лиц, проезжал за сутки по 160 километров. А император Тиберий на лошадях государственной почты одолевал в день вдвое большее расстояние.

Позднее в Азии у арабов тоже существовала хорошо поставленная почтовая служба. Но еще лучше у татар. Марко Поло, венецианский путешественник, который был в гостях у Кублай-хана, внука Чингисха-

на, писал, что по всей огромной империи монголов протянулись почтовые дороги (собственно говоря, не дороги, а протоптанные пути).

Если гонец вез особо важные донесения, ему выдавали «ярлык» — дощечку с изображением сокола, и тогда все встречные должны были оказывать ему помощь. А на станциях стояли готовые к выезду кони. Гонец еще издали извещал о своем прибытии: трубил в рог. Если его лошадь пала, гонец предъявлял свой «документ» и забирал коня у любого, кого встречал в пути.

Марко Поло пишет, что такой гонец проезжал будто бы в день 400 километров!

Чтобы сидеть прямо и не упасть, переутомившись в пути, ноги и тело особых гонцов туго перебинтовывались. Лучшие гонцы очень ценились. Чтобы они никуда не могли уйти, не соблазнившись бы иным каким-нибудь делом, их изуверски калечили: отрезали нос, уши, руку и обе коленные чашечки. Ни стоять, ни ходить изуродованный человек не мог, «зато ездил как черт».

В средние века в Европе существовала так называемая «почта мясников». Цехи мясников, членам которых при закупках скота приходилось много разъезжать по разным провинциям и странам, обязались развозить почту. За это цехи освобождали от разных других повинностей. Очень хорошо было поставлено почтовое сообщение у церквей и монастырей: здесь переписку между прелатами разных стран развозили странствующие монахи.

Регулярная почта, похожая на нашу, родилась в конце средневековья. Франческо де Таксис, итальянский дворянин из Бергамо, предложил некоторым королям Европы наладить международную сеть почтовых сообщений и перевозку пассажиров за определенную плату (слова «такса» и «такси» произошли от фамилии Таксисов, члены которой на века — от начала XV до XIX столетия — завладели монополией перевозок писем, грузов и людей между странами, подписавшими с ними соответствующий договор).

Дело у Таксисов сразу пошло на лад. За заслуги в образцово поставленной почтовой службе роду Таксисов было даровано в Германии специально для них учрежденное звание генерал-почтмейстеров (это в 1595 году), а в 1686-м семья Таксисов была причислена к княжеским родам Германской империи.

Таксисы очень активно и успешно защищали свою монополию на почтовые и пассажирские перевозки. Не только частные лица, но даже государства должны были выкупать у них это право за немалые деньги. Так, например, сделала это Пруссия в 1867 году, уплатив три миллиона талеров.

СКАЧКИ

Римский историк Светоний пишет:

«Он выступал много раз и возницею, в Олимпии он правил даже упряжкой в десять лошадей... Правда, он здесь был выброшен из колесницы; его вновь туда посадили, но продолжать скачку он уже не мог и сошел с арены: однако, несмотря на это, получил венок».

Вот как легко достаются лавры тиранам... Речь шла о Нероне, римском императоре.

С тех пор как лошадь стала домашней, скачки были всегда и у всех народов, имевших лошадей. Но нигде они не занимали в те времена столь почетного места, как у древних греков и римлян.

Начало Олимпийских игр таится во тьме минувших веков. Возможно, они возникли в IX веке до нашей

эры. Первое документальное упоминание об Олимпийских играх относится к 776 году до нашей эры.

96 лет спустя, в 680 году, в программу XXV Олимпийских игр уже входили состязания колесниц. Затем в 648 году (XXXIII Олимпийские игры), начались скачки верховых всадников. История сохранила нам имена многих победителей на Олимпиадах. Среди них царь Филипп, отец Александра Македонского, Кимон из Афин, отец Мильтиада, знаменитого полководца, победителя при Марафоне. Лошади Кимона трижды подряд приходили первыми на Олимпийских играх. Когда лошади пали, их похоронили в могиле с богатым памятником напротив фамильного склепа. Самому Кимону эти победы принесли гибель: из зависти его убили сыновья афинского тирана Пейсистрата.

На одной из Олимпиад среди судей разгорелся горячий спор: присуждать первую премию или нет. Дело в том, что одна из лошадей по кличке Аура сбросила всадника перед самым стартом, без него проскакала всю дистанцию, обогнав всех лошадей, и спокойно остановилась перед судьями на финише. Первый приз ей все-таки присудили (в наши дни лошадь бы дисквалифицировали). На могиле, где похоронили эту лошадь, поставили памятник.

Позднее скачки колесниц и всадников стали самым любимым спортом римлян. Когда приходило время Олимпийских, Пифийских, Палатинских и других игр, вся огромная Римская империя, от Британии до Египта, от Испании до Кавказских гор, приходила в великое возбуждение. Даже в сенате разговоры о государственных делах уступали место горячим спорам: кто победит — красные или зеленые, пурпурные или желтые.

Квадриги, четырехконные колесницы, и одежды возниц конно-спортивных клубов красились в традиционные цвета: сначала их было четыре — белый, зеленый, красный и синий. Император Домициан (I век нашей эры) прибавил еще два — желтый и пурпурный.

Император Каллигула «болел» за зеленых и так серьезно, что даже ел и спал в конюшнях.

«А вознице Евтиху, — пишет Светоний, — после какой-то пирушки дал в подарок два миллиона сестерциев».

Римский писатель Плиний Старший рассказал про римлянина Цецина из Вольтера, большого любителя конских скачек. Отправляясь на ипподром, он «имел обыкновение брать с собой ласточек, пойманных под крышами домов своих друзей». Если его лошади получали призы, Цецин красил птиц в цвет, под которым выступали его колесницы, отпускал ласточек на волю, «очень хорошо зная, что каждая вскоре вернется в свое гнездо».

От времен после падения Римской империи сохранилось мало известий о скачках. Они, очевидно, проводились, но не в таких грандиозных масштабах, как в дни процветания Греции и Рима. Известно, что в XIII веке в Англии скачки были любимым народным развлечением. В Ньюмаркете, известном центре конного спорта и разведения чистокровных лошадей, регулярные скачки проводились с 1309 года.

Традиционные скачки в Аскоте ведут свое начало с 1711 года.

Знаменитая скачка «Дерби» (названа так по фамилии графа Дерби, одного из лучших коннозаводчиков) впервые состоялась в 1780 году в Эпсоме.

На этих ипподромах проверялась резвость лучших в Англии лошадей, основателей самой быстрого в мире скаковой породы — английской чистокровной.

ЗНАМЕНИТЫЕ ЛОШАДИ

Буцефал — любимый конь Александра Македонского. «Буцефал» значит «Бычьеголовый». Так его называли за широкий лоб. Отец Александра Филипп купил этого вороного жеребца за 13 талантов (примерно 340 килограммов серебра) у фессалийского конноза-

водчика Филоникоса. Говорят, что прельстили его в этом коне два лишних недоразвитых пальца на передних ногах, как у далекого предка лошадей меригиппуса. Пальцы эти на бегу не касались земли и были ненужным атавизмом. Но такие трехпалые лошади очень ценились в те времена.

После битвы с индийцами при Гидаспе в 326 году до нашей эры Буцефал умер от чрезмерного напряжения. На том месте, где погиб его конь, Александр Македонский основал город, названный именем Буцефала (единственный в мире город, носящий имя не лошади вообще, а какой-либо определенной лошади).

Венецианский путешественник Марко Поло пишет, что он (в XIII веке нашей эры!) слышал имя Буцефала от монголов, которые очень гордились тем, что их лошади происходят от этого знаменитого коня. Конечно, трудно поверить, чтобы родословная лошади безукоризненно велась на протяжении полутора тысяч лет, но удивительно уже то, что имя Буцефала не было забыто в дальних странах, куда в столь давние времена занесли коня боевые походы его героического всадника.

Долго помнили имя Буцефала и в средневековой Европе. Миннезингеры и трубадуры слагали в его честь хвалебные песни. В них Буцефал прославлялся как идеал лошади. Коня наделяли чертами, которых у него не было, лишь богатое воображение поэтов рождало их.

Инцитатус («Быстроногий»). Этот конь знаменит только тем, что по нелепой воле римского императора Каллигулы стал ...сенатором. Получил бы и высший в империи чин — консула, если бы не убили его сумасбродного владельца.

«Своего коня Быстроногого он так оберегал от всякого беспокойства, что всякий раз накануне скачек посылал солдат наводить тишину по соседству; он не только сделал ему конюшню из мрамора и ясли из слоновой кости, не только дал пурпурные покрывала и жемчужные ожерелья, но даже отвел ему дворец с прислугой и утварью, куда от его имени приглашал и охотно принимал гостей; говорят, он даже собирался сделать его консулом» (Гай Светоний Транквилл).

«Эклипс» (правильно по-английски «Иклипс») назван так потому, что родился в день «Иклипса» — солнечного затмения.

23 года выступал этот рыжий жеребец в разных скачках и ни разу не был побежден. Больше того, ни в одном из 26 важных состязаний, выигранных Эклипсом, ни один конкурент не приходил близко за ним. В Англии тогда родилось выражение, живое и поныне: «Эклипс первый, прочие нигде».

Эклипс происходит от Дарли, арабского жеребца, одного из основателей английской чистокровной породы. Но в его родословной не менее 15 неизвестных кобыл и несколько жеребцов сомнительного происхождения. И видом (экстерьером) он не показался бы нам красавцем: зад у него был слишком высокий, а плечи тяжелые и длинные. Когда скакал, морду опускал почти до самой земли, и жокеи не раз перелетали через его голову: трудно было усидеть на лошади такого «перестроенного», как говорят зоотехники, сложения.

На аукционе Эклипс был куплен за 75 фунтов стерлингов. А когда он умер в 1789 году (в возрасте 25 лет), то его скелет продали за тысячу фунтов стерлингов. Вскрытие показало, что у него было невероятно большое сердце: 6,3 килограмма (обычный вес сердца лошади около 5 килограммов).

Как производитель Эклипс был непревзойденным жеребцом: 344 его потомка (дети и внуки) принесли своим владельцам 158 тысяч фунтов стерлингов награды (а надо сказать, что призы тогда не были такими крупными, как сейчас).

Кинксем — единственная лошадь, одержавшая на скачках больше побед, чем Эклипс.

Владельцем ее был венгерский спортсмен. Впервые эта чистокровная кобыла выступила в 1876 году и победила. Затем четыре года подряд выигрывала во всех скачках, в которых стартовала. А их было 53!

В 1878 году лошадь привезли в Англию состязаться с лучшими скакунами мира. Она и здесь победила так же легко, как и на ипподромах континентальной Европы.

Как производитель Кинксем была менее удачливой, чем Эклипс. Она принесла пять жеребят, из которых только одна кобыла выиграла пять скачек из тринадцати.

С той поры многие лошади прославили себя в скаковых состязаниях, но ни одна из них не одержала столько побед, как Эклипс и Кинксем. Однако нужно помнить, что в те времена, когда скакали Эклипс и Кинксем, учитывалась только победа. Вес жокея, возраст лошади, время прохождения дистанции в расчет не принимались. Поэтому трудно сравнивать достоинства скакунов тех дней с современными. Известный знаток лошадей Лендорф в 1914 году попытался исследовать условия скачек разных веков и пришел к выводу, что в истории этого спорта среди лучших скакунов мира Кинксем занимает лишь четвертое место.

Умный Ганс — любимец учителя математики Вильгельма фон Остена, у которого было хобби — коллекционировать породистых лошадей. Умный Ганс, воро-

ной жеребец орловской рысистой породы, прославил имя своего владельца изумительными способностями.

Все началось будто бы с того, что, как решил Вильгельм Остен, Ганс понимал человеческую речь. Когда хозяин читал ему грустные сказки, конь стоял понурый и опечаленный. Если сказка была с хорошим концом, то и Ганс приободрялся... Затем Остен обнаружил, что его удивительная лошадь умеет... считать. Он спрашивал ее, сколько будет, скажем, три плюс пять, и Ганс отвечал ему восемью ударами копытом по земле.

Он не только знал сложение и вычитание, но мог и умножать, делить, решать задачи с дробями.

Он научился даже читать! Остен обучил его этой науке, пользуясь азбукой Морзе. Каждой букве соответствовало определенное число ударов копытом, следовавших быстро друг за другом и через небольшие паузы. Остен показывал ему картинки с изображением лошади, дома, его яслей, и Ганс отстукивал ему в ответ то число ударов, сколько в азбуке Морзе соответствовало каждой букве в названии показанных ему предметов на картинке.

Больше того, он мог сказать (ударами копыта по земле), какой сегодня день месяца (когда показывали календарь), который час на часах, поставленных перед ним, какой ценности монета поднесена к его глазам.

Великолепные и небывалые познания своей лошади Вильгельм Остен не хранил в тайне, а, напротив, афишировал. Молва об Умном Гансе привела к тому, что собралась комиссия экспертов: ветеринаров, цирковых дрессировщиков, кавалерийских офицеров, университетских профессоров и прочих знающих людей. Никакого обмана со стороны Остена они не обнаружили. Вторая комиссия пришла к выводам, более скептическим. Один из ее членов, немецкий психолог Оскар Пфунгст, написал длинный отчет, в котором доказывал, что удивительные умения Умного Ганса ничего более, как новый цирковой трюк, никакой ценности для науки не представляющий.

Какой, однако, интерес даже среди ученых на рубеже прошлого и нашего веков был проявлен к Умному Гансу, показывает книга психолога Стефана Мадаёя «Имеются ли думающие животные?». В ней он приводит имена 91 ученого, которые так или иначе — в книгах и статьях — высказали свое мнение о способностях Умного Ганса. Тридцать три автора без сомнения поверили в них. Среди тех, кто сказал «да», были такие знаменитости, как химик Вильгельм Оствальд и зоолог Эрнст Геккель. Четырнадцать верили и не верили, в общем, не заняли определенной позиции. Сорок четыре высказались против (и в довольно резкой форме).

Эрнст Геккель, например, писал: «Различие между умственными способностями Гёте, Канта, Ламарка, Дарвина и им подобных и разумом первобытного человека много больше, чем между интеллектом этого последнего и «умных» млекопитающих животных».

А тем временем некий ювелир Карл Кралл из Эльберфельдера обучил своих лошадей фокусам более сложным, чем Остен Умного Ганса. За несколько дней они усвоили весь курс арифметики, а через несколько месяцев научились... извлекать квадратные и кубические корни. Позднее и корни более крупных степеней.

Лучше всех овладели этой наукой два арабских жеребца — Мухамед и Зариф. Мухамеда однажды спросили, сколько будет корень пятой степени из 147 008 443. Жеребец сначала заупрямился, но после того, как его подстегнули хлыстом, четко отбил копытом 43 удара. Безукоризненный ответ!

Решением этой неожиданной для науки проблемы — «умные лошади» — основательно занялся исследователь из института психологии Оскар Пфунгст. Он изучил уникальные способности Умного Ганса и написал книгу о своих исследованиях. Вывод был такой: Умный Ганс замечал самые неприметные сигналы своего хозяина, показывавшие, когда нужно стучать копытом. Это были очень легкие кивки головой, определенные движения рук и ног, даже затаенное на время дыхание его учителя.

Казалось бы, все просто: обычная дрессировка. Но дело осложняется здесь тем, что Ганс четко решал задачи и тогда, когда не видел хозяина (тот уходил за ширму).

Доктор Пфунгст установил, что Умный Ганс давал правильные ответы только тогда, когда спрашивающий знал их.

Если верить в телепатию, то этот секрет решается простой передачей лошади мысли экспериментатора: сколько стучать. Без телепатии, как спасительной формы объяснения загадки Умного Ганса, остается лишь один вариант ее решения: настолько тонким был слух у лошади, что она слышала, как хозяин, стоящий за ширмой, в нужный момент затаивал дыхание. Иные сигналы — кашель, щелканье пальцами, шарканье ногами и прочее — хозяин подать не мог: за ним следили.

В наши дни ученые в большинстве своем сошлись в том, что фокусы с лошадьми, якобы умеющими считать и писать, представляют собой лишь цирковые трюки, в которых для науки ценно лишь установление факта, какой тончайшей наблюдательностью, исключительной памятью и невероятной способностью к дрессировке обладает лошадь.

Прежде всего замечание: белых и черных лошадей не бывает. Белые (если они не альбиносы)— это светло-серые лошади. А черных называют вороными. Так уж повелось среди знатоков и любителей лошадей.

Итак, масти. С вороной и начнем.

Ворона: вся черная.

Караковая: черная с подпалинами (вокруг губ, глаз, в пахах волосы коричневые).

Рыжая — так и будет: вся рыжая.

Гнедая: рыжая, но хвост и грива черные.

Каурая: светло-рыжая с желтыми подпалинами (волосами желтоватого цвета на морде и в пахах), хвост и грива беловатые.

Игреновая — редкая и красивая масть. Бывает светло-игреновая (темно-рыжая, но хвост и грива белые или дымчатые) и темно-игреновая (шоколадная, часто в яблоках, хвост и грива белые или дымчатые).

Буланая. Волосы на туловище буро-желтые, иногда с красноватым оттенком, грива и хвост черные, часто темный ремень вдоль по хребту.

Соловая — желтая, тех же оттенков, что и буланая, но хвост и грива светлые.

Саврасая — сложная масть с массой оттенков. Наиболее частый ее вариант: туловище как у буланой, нижняя часть туловища, по животу, и ноги окрашены светлее, почти белые, грива и хвост черно-бурые. Вдоль по хребту темный ремень.

Серая — смесь белых волос с черными. Часто бывает серая в яблоках, реже — серая в гречке: по серому фону рассеяны мелкие, с гречневое зерно, черные или темно-коричневые пятна. Серая с красной гречкой называется форелевой.

В молодости серая масть темнее, чем позднее, в «пожилые» годы. С возрастом она светлеет и может стать совсем белой.

Мышастая — цвет волос на туловище пепельный, грива, хвост и ремень вдоль по хребту черные (масть тарпанал).

Мухортая тоже мышастая, но с подпалинами (желтовато-коричневыми волосами вокруг ноздрей, в пахах и в подмышках).

Чалая — по всему телу смесь белых волос с черными, рыжими, желтыми, и получается тогда вороно-чалая, гнедо-чалая, булан-чалая и т. д.

Пегая — по фону любой какой-либо масти словно молоком растекаются большие, неправильной формы белые пятна (пежины). Масть нелюбимая у коневодов. Арабы говорят: «Берегись пегого коня, он сродни корове». Индейцы же, напротив, всем другим мастям предпочитают пегую. Пегие лошади в их религиозных церемониях издавна участвуют. Сейчас в Аргентине, Канаде и США особый спрос на пегих лошадей.

Чубарая — по белому фону разбросаны небольшие, правильные черные, рыжего и других цветов.

Бурая — «рубашка» (корпус) каштановая или цвета жженого кофе, грива и хвост темнее с примесью черных волос.

Подласая — туловище красновато-коричневое, а на морде, в пахах и на животе шерсть белесоватая.

Аллюр — ход, побежка лошади — не менее разнообразен, чем масти ее. Об «искусственных» аллюрах, выработанных в школах высшей верховой езды, разных там piaffe, курбетах и прочее, я не буду говорить.

Основные аллюры три: шаг, рысь и галоп (не считая иноходи, когда лошадь выбрасывает вперед сначала ноги одной стороны, скажем, левой, потом другой, правой).

На первом аллюре лошадь делает 110—130 шагов в минуту и проходит за это время 120 метров. На рыси — 120—180 шагов и пробегает за минуту 225 метров. На галопе 110—140 прыжков в минуту, одолевая расстояние в 600—900 метров, а это равняется 36—54 километрам в час. Но на скачках лучшие лошади бегут

Выясняют: кому быть первым в табуне.

много резвее. Индиженес в 1960 году на Эпсомском ипподроме в Англии прошел километр за 53,6 секунды (почти 68 километров в час!).

Короткий галоп называется «кентер», а самый резвый, полевой — карьером, или наметом.

РЕКОРДЫ

Упомянув Индиженеса, мы тем самым подошли к новой теме рассказа о лошадях — к рекордам силы и резвости.

На скачках, как мы уже знаем, лучшие лошади проходят километровую дистанцию со скоростью, близкой к 70 километрам в час. На бегах, рысистых испытаниях самые резвые рысаки (аме-

риканской породы) пробегают английскую милю (1600 метров) менее чем за две минуты.

В 1969 году знаменитый наездник США Стенли Дансер ехал на побитие рекорда на жеребце Невель Прайде и прошел милю за 1 минуту 54 секунды, установив тем самым новый мировой рекорд (прежний — 1 минута 55,25 секунды — был показан в 1937 году Грейхаундом). Среди рысаков-кобыл рекорд принадлежит Розалинд — 1 минута 56 секунд.

Рекордная резвость иноходцев американской стандарт-бредной породы — 1 минута 52 секунды (жеребец Стеди Стар в 1971 году).

У нас в СССР русские рысаки Жест, Павлин, Идеал, Властный показали резвость 1 минута 58 секунд (с долями секунды).

Рекорды орловских рысаков (таких, как Улов, Пилот, Пион) чуть больше двух минут на английскую милю.

Вблизи озера Ван, в пределах древнего государства Урарту, в стене церкви археологи нашли каменную стелу с надписью: «Могуществом бога Халди, Менуа, сын Ишпуини, говорит: с этого места конь по имени Арциви под Менуа прыгнул на 22 локтя». А 22 локтя, пишет В. Б. Ковалевская в интересной книжке «Конь и всадник», — это 11 метров 22 сантиметра или 11 метров 44 сантиметра. Долго не верили, что лошадь способна прыгнуть так далеко. Мировой рекорд, говорит В. Б. Ковалевская, по прыжкам в длину — 8,4 метра, а Советского Союза — 8,2 метра. Впрочем, есть и другие данные: в 1950 году в Ашхабаде ахалтекинский жеребец Перепел прыгнул в длину на 8 метров 72 сантиметра.

«Если бы нам приходилось располагать только этими данными, можно было бы, наверно, упрекнуть царя Менуа в сильном преувеличении. Однако хорошим подтверждением возможности такого рекорда служит тот факт, что во время стипль-чеза при прыжке через канаву венгра Чандлера было зафиксировано расстояние 11 метров 28 сантиметров от начала толчка до приземления. Летом 1975 года при разыгрывании Большого приза Майзенлайма для лучших всадников Европы был установлен новый рекорд. Победу одержал К. Бергманн из ФРГ на Свингере, прыгнувшем через жердевой заборчик и канаву... на 22 метра 16 сантиметров. Именно ему был присужден Большой приз» (В. Б. Ковалевская).

Совершенно невероятный прыжок — 22 метра 16 сантиметров! Даже не верится. Возможно, тут какая-то ошибка...

Рекордный прыжок в высоту был установлен Ларрагибелем в 1949 году в Чили на пятнадцатилетнем чистокровном Хуазе — 2 метра 47 сантиметров.

Пробегов на дальние расстояния было много. Трудно сказать, который из них рекордный, потому что условия были разные.

Например, в США в одном из розыгрышей кубка Тэвиса (стомильный пробег по пересеченной местности) победил полукровный арабский жеребец Панчо: он прошел дистанцию (160 километров) за 12 часов 16 минут...

В Австралии, в окрестностях Сиднея, на сильно пересеченной местности был проведен стомильный пробег для лошадей разных пород. Победил арабский жеребец Шалави. Ехал на нем (без седла!) профессор Мельбурнского университета Г. Стрешер. Он установил новый мировой рекорд: в 1968 году прошел 160 километров за 11 часов 24 минуты...

Английский ипполог (ученый, изучающий лошадей) Фразер на арабском жеребце проехал 2650 километров за 18 дней...

Английский писатель Уильям Холт недавно совершил верхом на коне путешествие в 14 тысяч километров... «Писатель так любит своего коня Триггера, что даже ночевал вместе с ним в конюшнях, рядом на соломе» («Коневодство и конный спорт», 1974, № 12).

Конный пробег туркменских колхозников по маршруту Ашхабад — Москва (4300 километров) был завершен за 84 дня. 350 километров по безводной Каракумской пустыне прошли за три дня...

В начале нашего века немец Эрих фон Хальцман проехал на маньчжурском пони 6 тысяч километров за 176 дней (по 35 километров в день). Путь был нелегкий: пустыни Туркмении и Гоби, Алтайские горы. Жара днем поднималась до 50 градусов, ночью падала до нуля и ниже.

За сутки верховые лошади проходят немногим больше 300 километров. Интересно сравнить с человеком. В 1954 году У. Хейвард из Южной Африки пробежал за сутки с небольшими остановками 256 километров! Его рекорд близок к тому, на что способна лошадь, и более чем в шесть раз превышает классическую марафонскую дистанцию (42 километра 195 метров). Раз уж мы заговорили о людях, то упомянем и другой невероятный рекорд: сорокалетний англичанин Дж. Биде пробежал без остановок за 22 часа 27 минут 195,1 километра!

Самый большой груз, который одолел человек, — 606 килограммов. Его передвинул на шесть метров англичанин Джерри Уорд в 1972 году. Вот тут, в передвижении тяжестей, лошадь намного обогнала человека. Не килограммами, а тоннами исчисляются ее достижения. И многими тоннами. Рекорд — 22 тонны 991 килограмм. Его показал в 1957 году советский тяжеловоз Форс. По гладкой дороге на телеге с колесами на подшипниках и с пневматическими шинами он провез без малого 23 тонны на расстояние 35 метров. Но здесь необходимо сказать, что любая самая сильная лошадь сдвинуть такую тяжесть с места не может. Когда лошадь уже тронулась, увозя в телеге основную массу груза, к нему на ходу прибавляют понемногу мешки с песком, пока лошадь не встанет.

На равнинах вьючная лошадь может нести на спине поклажу, равную половине ее веса, в горах — только 40 процентов. Опять-таки сравним с человеком: для него предельная нагрузка 125 процентов собственного веса.

Самой большой лошадью мира считается тяжеловоз породы брабансон по кличке Бруклин Сьюрем. Его рост в холке — 198 сантиметров! Обхват груди — 310 сантиметров. Вес — 1374 килограмма!

А самые маленькие лошади? Пони?

В Англии так называют всех лошадей ростом не

Шетландский пони

больше 125 сантиметров, в Германии — ниже 120 сантиметров. Шетландские пони, древнейшая порода, которую разводят на Шетландских и Оркнейских островах, рост — 75—109 сантиметров. Но и это не самые маленькие лошади.

В Аргентине на ферме неподалеку от Буэнос-Айреса Юлио Цезаре Фалабела давно уже разводит крошечных лошадок. Весом они не больше 25 килограммов, а их рост в холке 40 сантиметров! Мини-пони удивительно выносливы: после многочасового бега галопом им достаточно всего нескольких минут, чтобы отдохнуть и набраться сил для новой скачки. Живут они очень долго, до 40 лет. Руководители «Диснейлэнда» — «игрушечной» сказочной страны для детей, где все крошечное и в разных аттракционах «оживают» герои и события известных сказок, — купили у сеньора Фалабела 70 его лошадок-лилипутов. На них будут кататься дети.

Однако право на обладание самой маленькой лошадей у сеньора Фалабела оспаривает фермер из Филадельфии: он вырастил жеребенка ростом в 35 сантиметров и весом чуть больше 6 килограммов и утверждает, что этот жеребенок и взрослый не будет весить больше 9 килограммов.

И наконец, последний рекорд: какая лошадь дольше всех прожила на свете? Старина Билли. Он умер в возрасте 62 лет (годы его жизни 1822—1884).

ЛОШАДИ В АНТАРКТИДЕ

В 1908 году китобойный корабль «Нимрод» покинул Новую Зеландию и направился к берегам Антарктиды. На нем плыл британский полярный исследователь Эрнест Шеклтон. Он рассчитывал достичь Южного полюса не с помощью собак, как обычно до него практиковалось в полярных путешествиях, а десяти маньчжурских пони. Для их пропитания Шеклтон вез 20 тонн кукурузы, 10 тонн прессованной соломы, овса и отрубей и полтонны прессованного сухого мяса, моркови, молока и изюма.

Неполадки начались сразу. Корабль попал в сильный шторм, и в трюме набралось столько воды, что она подступала почти под самый живот маленьким лошадкам, которым предстояла небывалая в истории и трудная задача — преодолеть просторы Антарктиды. С одним пони дела были совсем плохи: он лежал и не мог подняться, пришлось его застрелить.

Наконец корабль вошел в море Росса. В проливе Мак-Мердо Шеклтон зазимовал. Антарктической весной (в октябре) странный для тех мест караван тронулся в путь. Перед тем несколько дней животным забывали давать необходимую им соль, они ели песок, и некоторые из них погибли. Оставшиеся в живых пони

вначале хорошо продвигались вперед. На санях, которые они тянули, было 300 килограммов поклажи. В день проходили 25 километров.

Но погода стояла вьюжная и холодная: иногда до 50 градусов мороза. Пони вязли в снегу по брюхо. Один провалился в ледяную расщелину, его едва вытащили веревками. Лошади гибли одна за другой. Их мясом исследователи кормились, а в сани впрягались сами. Последний пони провалился в глубокую ледяную расщелину.

Шеклон и его три товарища едва тащили вперед нарты. А впереди, уже недалеко от Южного полюса, предстояло подняться на высокое плато. Исследователи не дошли до полюса лишь 180 километров и повернули обратно: кончились припасы, а сильные снежные бури сделали продвижение вперед невозможным.

Все четверо, измученные, благополучно вернулись назад. Они преодолели (с пони и без них) 2750 километров пути по холодной снежной пустыне.

А ЦЕНЫ РАСТУТ...

В 1900 году на распродаже лошадей герцога Вестминстерского один из лучших скакунов мира Флайинг Фокс был продан за 400 тысяч рублей. Да говорят еще, что это была «едва ли не наивысшая цена, заплаченная за лошадь». В наши же дни цены на лучших жеребцов-производителей доходят до 18 миллионов долларов.

Цены на спортивных и просто прогулочных лошадей значительно ниже, чем на классных победителей скачек и бегов. Ежегодно в СССР проводятся аукционы, на которых представители разных зарубежных фирм и просто любители покупают лошадей, выращенных на наших конных заводах и племенных фермах совхозов и колхозов. Например, на аукционе, проведенном в 1975 году в Ростовской области, за три с половиной часа было продано 100 лошадей тракенской, буденновской и донской пород. Средняя цена от 1 тысячи до 4 тысяч долларов, а жеребца по кличке Харлей итальянская фирма «Сие» купила за 9 тысяч долларов.

На IV Московском аукционе в 1968 году лучшие годовики стоили по 5 тысяч и больше долларов.

С 1962 по 1970 год на наших аукционах продано 2585 племенных и спортивных лошадей в 20 стран мира. В Англию, например,—841 лошадь, в Финляндию—471, в ФРГ—321, во Францию—159. А с 1954 по 1968 год экспортировано было из СССР больше 4 тысяч племенных и спортивных коней.

ЧЕМ ЕЩЕ МЫ ОБЯЗАНЫ ЛОШАДИ

Кумыс, любимый напиток скифов и татар, долгое время не обращал на себя внимания европейцев. В середине прошлого века медицина открыла в этом напитке лекарственные свойства: он полезен при туберкулезе, анемии, болезнях желудка и кишечника.

Кумыс — это сквашенное молоко кобыл. В нем 1,6—2,5 процента белка, столько же жира, 6—7,2 процента сахара и 1—3 процента алкоголя. Кроме того, много витаминов, есть и антибиотики, которые образуются дрожжами, размножающимися при сквашивании кобыльего молока.

В СССР несколько десятков кумысолечебниц, производящих 20—26 тысяч тонн кумыса в год. От кобыл разных пород получают 10—15 литров молока в день (это не считая того, что высосет

Табун на марше.

жеребенок). У коровы большое вымя, в котором к моменту доения накапливается много молока (примерно 8 литров). У кобылы вымя маленькое, молока оно вмещает немного, поэтому доят кобыл не два раза в день, как коров, а восемь-десять раз, через каждые 2—2,5 часа.

Мореппаватели минувших веков весьма обязаны лошади: они кормились в основном солониной не из говяжьего или свиного, а из лошадиного мяса. И в наши дни около миллиона лошадей забивают на мясо. Оно, это мясо, сладковато на вкус, но более ценное

по пищевым своим качествам, чем мясо других сельскохозяйственных животных.

Когда были изобретены лечебные сыворотки, ученые избрали лошадей в свои помощники, и те стали неизменными «сотрудниками» бактериологических институтов. В любом таком институте всегда есть загон для лошадей. Вороные, гнедые, рыжие, мирно живут они, окруженные забором.

Лошадь сначала иммунизируют: вводят в ее кровь нужную дозу микробных ядов. Лошадь заболевает. И тут ее внутренние физиологические силы мобилизуют все свои возможности на борьбу с чужеродным белком. В тканях лошади вырабатываются особые вещества — противоядия. Их называют антителами. Теперь уже кровь больной лошади целебна: в ней много крохотных бойцов против микробов — защитных антител. У лошади берут кровь, перерабатывают ее в сыворотку — кровяную жидкость без эритроцитов, лейкоцитов и прочих кровяных телец. Если влить ее больному человеку, антитела начнут уничтожать микробов и человек, обретя столь мощных союзников, поправляется. Такого же типа лечебная сыворотка помогает укушенным змеей людям выжить и легче перенести отравление.

МУСТАНГИ, ЦИММАРОНЫ И БРАМБИ

В 1539 году Эрнандо де Сото высадился на западном берегу Флориды с 900 солдатами и 350 лошадьми. Этот поход к Миссисипи и далее на запад был тяжелым для испанцев. В боях с индейцами, от голода и холода, от болезней погибло много солдат и лошадей. Вернулось из этого похода менее трехсот испанцев, а 70 уцелевших лошадей конкистадоры, когда поплыли обратно на Кубу, очевидно, не взяли с собой.

От этих 70 лошадей, как повествует местное предание, произошли знаменитые мустанги. Но надо полагать, что и лошади других последовавших позднее за де Сото испанцев, по той или иной причине оставшие от людей или брошенные ими, одичали и стали предками мустангов. Скольких писателей они вдохновили на сочинение прекрасных произведений! Кто не читал хотя бы рассказ Сетона-Томпсона «Мустангиноходец»...

Еще в 1925 году мустангов в Северной Америке было так много, что некоторые предполагали: их здесь миллион голов! Но это, очевидно, преувеличение. В наши дни мустанги живут на воле в пустынных уголках западных штатов Невада, Монтана, Вайоминг. Сохранилось их здесь примерно 17 тысяч.

Индейцы, обитавшие в области Гранд-Ривер (особенно могавки), вывели от диких мустангов породу

исключительно крепких и выносливых лошадей. Но больших — рост в холке 130—140 сантиметров. Кровь индейских пони, как называют этих лошадей, несут в себе и ковбойские «четвертьмильные» лошади.

В последние годы на мустангов стали охотиться, преследуя их на автомобилях. Ради мяса, которое шло на изготовление консервов для кошек и собак. За фунт мяса консервные заводы платили охотникам всего 6 центов. Общественность США, возмущенная варварским избиением мустангов, обратилась в конгресс. Все мустанги, даже обитающие на частных землях, были взяты под охрану государства. За одного убитого мустанга взымался штраф в 2 тысячи долларов, а нарушитель закона заключался в тюрьму. Но все равно браконьеры продолжали уничтожать мустангов.

В то же примерно время, когда де Сото высадился во Флориде, испанец дон Педро де Мендоса основал поселение в Южной Америке, из которого позднее вырос город Буэнос-Айрес.

Окруженные плотным кольцом индейцев, испанцы вынуждены были покинуть укрепленный форт. В поспешном бегстве они оставили на берегу примерно полдюжины лошадей. Те одичали. Когда через сорок лет, в 1580 году, испанцы вновь вернулись в эти края, они встретили здесь табун лошадей. Испанский исследователь Феликс Азара назвал их цимарронами. Еще в прошлом веке в пампасах Аргентины и льяносах Венесуэлы и Колумбии паслись немалые табуны этих лошадей. Сейчас они, очевидно, уже все исчезли.

В 1788 году губернатор Австралии Артур Филипп привез в Порт-Джексона, свою резиденцию вблизи Сиднея, кур, уток, гусей, индюков, свиней, овец, коз, коров, жеребца и трех кобыл. Получилось так, что лошади одичали. Долгое время поселенцы Австралии их не встречали. А примерно во второй половине прошлого века большие табуны коней точно с неба свалились на равнины этой страны. И все были, как полагают, потомками четырех привезенных сюда еще Филиппом лошадей. Крестьяне и скотоводы ежегодно ловили и приручали до 50 тысяч брамби, так тут называют австралийских мустангов. Сейчас их табуны сильно поредели, поскольку кормиться им стало нечем: в свободных от пашни и скотоводства краях Австралии, где обитают одичавшие лошади, всю зелень съедают кролики.

«Ковбойский юг Франции» — так называют Камарг (остров и прилегающие к нему области дельты Роны). «Один из самых странных, уединенных оригинальных районов Франции» — говорится об этом крае в путеводителях. Здесь пасутся дикие белые лошади.

Эти «знаменитые белые лошади» снимались во

Знаменитые «белые
мустанги» Камарга.

многих фильмах. В их жилах течет и кровь арабских скакунов. Они не белые, ибо такой масти у лошадей не бывает (кроме как у альбиносов). Лошади Камарга светло-серые, почти белые, жеребята у них рождаются более темными. От истребления прежде их охраняли традиции местных старожилов, сейчас — закон. В местах, где они обитают, учрежден заповедник.

Одицавшие лошади встречаются в некоторых уединенных уголках Германии, а у нас недавно появились в Крыму. На Курильских островах живут давно: с 1945 года, когда японские войска, поспешно отступая с островов, оставили здесь своих лошадей. Они одичали. Очень пугливы, не подпускают человека на выстрел.

Одицавшие лошади, несмотря на то, что очень быстро возвращаются к повадкам своих вольных предков, сильно отличаются от настоящих диких лошадей. Длинногривы, длиннохвосты, с челкой, спадающей на глаза, одичавшие лошади имеют как бы немного запущенный вид. А истинные дикари словно своего степного парикмахера держат — челки, гривы и хвосты у них как подстрижены. И конечно, в цвете «одежды» есть разница. Лошади Пржевальского буланой масти, а тарпаны были только мышастой. Природа — селек-

ционер строгий, ее звери носят лишь свойственные их виду окраски. Лошади же, побывавшие под властью человека, а потом одичавшие, как бы отражают его прихотливый вкус: бывают светло-серыми, рыжими, гнедыми, пегими и всякими другими.

КОННО-СПОРТИВНЫЕ СОСТЯЗАНИЯ

Их в основном три вида: выездка, конкур и троеборье. Выездка, или высшая школа верховой езды,— классический вид конного спорта. Немало искусства и многолетнего труда требует он от всадника и тренера. Конь и всадник гармонично слиты воедино. Все упражнения лошадь исполняет легко и, кажется, без принуждения. А упражнения эти сложные, высшие из них — перемена ног на галопе, пируэт, пассаж и пиаффе. Это надо видеть, и вы, наверное, смотрели по телевизору, когда показывали конные состязания на Олимпийских играх.

Конкур—иппик, обычно называемый просто конкуром,— преодоление препятствий, высота которых в наше время бывает 1,6—2 метра.

Конкур высшего класса — преодоление 18 препятствий, высота некоторых из них 1,7 метра, ширина —3 метра, а длина канавы —5 метров. Скакать через них нужно по определенному маршруту. Побеждает тот, кто получил наименьшее число штрафных очков.

Бывает конкур без определенного маршрута: у всадника есть право выбора препятствий. Чем труднее препятствие, которые преодолел всадник, тем больше баллов он получает.

Троеборье проводится в течение трех дней на одной и той же лошади. В программе три вида конных состязаний: в первый день маневренная езда (чередование аллюров, вольты, остановки и пр.), во второй день полевые испытания — скачки по пересеченной местности, в третий день конкур, прыжки через препятствия.

Упомяну еще о двух традиционных и очень трудных состязаниях: Пардубецком в Чехословакии (основан в 1874 году) и Большом Национальном стипль-чезе в Ливерпуле (проводится с 1890 года). Это скачки с препятствиями по пересеченной местности (6,9 километра в Пардубецком и около 7,2 в Ливерпульском). Препятствия очень даже нелегкие. Стартуют в этих состязаниях десятки всадников, к финишу приходят единицы, прочие добираются позднее, не одолев по всем правилам маршрута, либо сходят с дистанции с разными травмами у лошадей и у всадников.

ПОРОДЫ

В мире зарегистрировано более 200 пород лошадей, из них 58— в СССР. Мы познакомимся лишь с некоторыми из них.

Сначала небольшое уточнение: чистопородной можно назвать лошадь любой породы, если она действительно чистопородная (без примеси инородной крови). Но чистокровными лошадьми у коннозаводчиков и специалистов принято именовать только две породы: арабскую и английскую верховую. Именно потому, что любая порода повышает свои определенные качества от прилития крови арабской и английской верховой пород. Сами же они, чистокровные лошади, от скрещивания с любой другой породой теряют многое в резвости и экстерьере (и в интерьере).

Арабская чистокровная лошадь. Ее кровь течет в жилах почти всех лучших скакунов и рысаков мира.

Словно птица летит лошадь над препятствием! Почти на два с половиной метра может прыгнуть конь под всадником. Конечно, только хорошо тренированный, лучший из лучших «напрыганных».

Высшая школа верховой езды! Обратите внимание, как собрана, подтянута лошадь и какая безупречная посадка у всадницы.

Ее родина — оазисы и пустыни Аравийского полуострова. В дни мира лучших лошадей содержали в дворцовых конюшнях. Уход за ними был там самый заботливый. Их поили верблюжьим молоком, кормили отборным зерном и люцерной, купали в чистых источниках. Но как только начиналась война (а войны часто следовали одна за другой), эти же, казалось бы, изнеженные лошади отправлялись в поход и переносили все его тяготы и невзгоды. Таким образом, была выведена удивительная порода лошадей, очень выносливая и неприхотливая и в то же время великолепная по формам, грациозная и красивая, особенно в движении (горят огнем глаза, трепетные ноздри широко раскрыты и жадно ловят воздух, голова на лебединой шее поднята высоко, и шелковистый хвост струится по ветру — нет, словами не описать красоту арабской лошади).

Вывозить из стран ислама лучших жеребцов было трудно: запрещал закон. Но и те, что попали в руки европейских коннозаводчиков, сыграли большую роль в улучшении местных лошадей и выведении новых пород.

В 1774 году граф А. Г. Орлов приобрел для своего завода 9 арабских кобыл и 30 жеребцов. Среди них был знаменитый Сметанка, основатель орловской рысистой породы.

В годы революции и гражданской войны многие племенные арабские лошади России погибли или смешались с другими породами. Только в 30-х годах началось в нашей стране восстановление племенного фонда арабской чистокровной породы: жеребцов и кобыл стали закупать в Англии, Франции, Германии и Польше. В 1958 году нам был подарен президентом ОАР жеребец Нил, а через десять лет в этой же стране закуплена была группа кобыл. Почти все племенные арабские лошади находятся сейчас в Терском конном заводе, «который стал, — пишут советские иппологи профессор Ю. Н. Барминцев, А. Б. Фомин и И. И. Сорокина, — обладателем богатейшей коллекции арабских лошадей и крупным поставщиком племенных производителей для отечественного и зарубежного коннозаводства».

В породе арабских лошадей различают несколько типов. Сиглави — по формам (экстерьеру) идеальная арабская лошадь. Но невелика ростом, часто беднокостная и легкая.

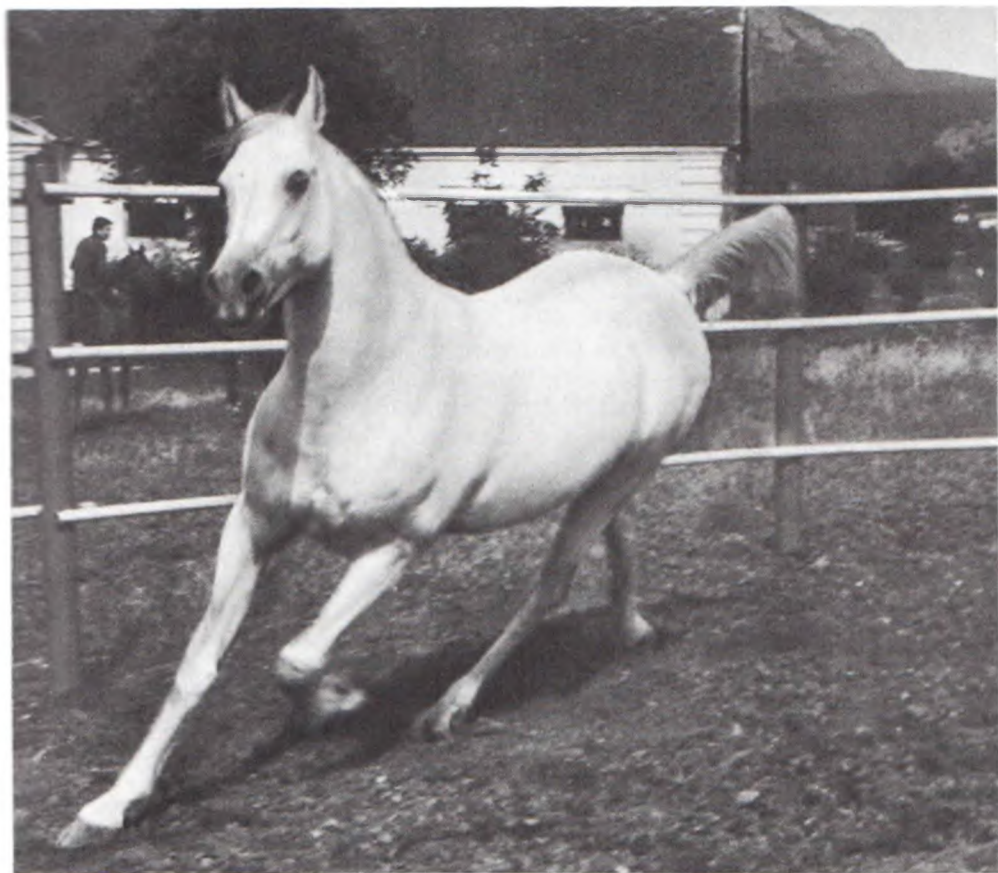
Кохейлан — ростом выше и сильнее, чем сиглави, но менее красив.

Хадбан — экстерьером хуже предыдущих двух типов, но крепок и резвее в скачках.

Масть у арабской лошади чаще светло-серая, почти белая (наиболее часто она встречается у сиглави). Среди кохейланов обычны гнедые, а у хадбанов — рыжие. Редко, но бывают и вороные арабские лошади. Других мастей практически нет.

Арабских кровей жеребец! Сиглави!

Английская чистокровная — самая резвая в мире верховая лошадь.

...Шел год 1683-й. Кара Мустафа, великий визирь султана Солимана, хотел взять штурмом Вену и таким образом «прорубить окно» в Европу. Но подоспевшее войско герцога Карла Лотарингского в кровопролитном сражении победило турок и освободило осажденную Вену. В турецком лагере один голландский рыцарь захватил богатую добычу: арабского жеребца благородных кровей. Вернувшись на родину, рыцарь продал его за сто золотых гульденов английскому капитану по фамилии Беверли. Тот привез коня в Англию и во многих скачках опробовал резвость скакуна, названного по имени владельца — Беверли. Этот жеребец стал основателем одной из линий чистокровной лошади, а именно линии Хэрода.

Английский консул Дарли, живший в сирийском городе Алеппо, в 1706 году купил арабского жеребца и отправил его на родину, в Йоркшир, своему брату.

ЧИСТОКРОВНАЯ

АРАБСКИЙ

Дарли — так называли этого жеребца — успешно выступал в скачках и оставил высокого класса потомство, среди которого был непобедимый Эклипс.

В Тунисе приблизительно в 1760 году во владение французского короля попал «дикий» арабский жеребец. Он не подпускал никого из наездников, не давал положить на себя седло, даже чистить себя не позволял. Этот «буйный» конь долго простоял без дела на дворцовой конюшне в Париже. Потом коня продали какому-то маркизу, тот перепродал барону, а барон — банкиру. Так менял он хозяев и наконец попал в руки извозчику.

Голод и холод укротили коня, он стал неприглядной на вид, грязной клячей и покорно возил старую колыхагу по мостовым Парижа. Однажды у повозки извозчика, в которую был впряжен похудевший, костлявый жеребец, остановилась богатая карета. Из нее вышел молодой господин. Он обошел несколько раз вокруг плохо кормленного, грязного коня, рассмотрел его внимательно и после недолгих разговоров о цене купил у извозчика жеребца. Так попал он в Англию, в великолепную конюшню лорда Годольфина. Там его вымыли, откормили и вывели однажды на зеленую лужайку, где паслись лошади.

Это был совсем другой конь! В глазах его горел прежний огонь, мускулы налились силой, шерсть лоснилась и блестела на солнце, хвост и грива казались шелковыми... Словом, этот жеребец очень понравился лорду Годольфину, и он решил получить от него потомство. Однако Годольфин (так назвали жеребца) оказался очень привередливым «женихом»: всех «невест» он отвергал. И только, когда увидел Роксану, стройную быstroногую кобылу, с явной симпатией подошел к ней знакомиться. Роксане он тоже понравился, и через одиннадцать месяцев у них родился сын Ла, основатель одной из трех главных линий английских скаковых лошадей — линии Мэтчема.

Гнедой Мэтчем, гнедой Хэрод и рыжий Эклипс считаются родоначальниками английской чистокровной верховой породы: к ним по мужской линии восходят родословные всех современных лошадей этой породы. А арабские жеребцы, о которых рассказано выше — Дарли, Беверли и Годольфин, — прямые предки Мэтчема, Хэрода и Эклипса.

В XVII и XVIII веках сформировалась прекрасная порода английских чистокровных лошадей: от скрещивания и тщательного отбора восточных жеребцов с восточными и местными кобылами.

Во Всесоюзном научно-исследовательском институте коневодства были установлены особые физиологические свойства чистокровных лошадей, очень важные для длительной и резвой скачки. Оказалось, что у них больше, чем у других пород,

объем сердца, количество крови, содержание в ней гемоглобина и эритроцитов.

Масти: рыжая, гнедая, караковая, реже вороная и серая.

У нас чистокровных английских верховых лошадей разводят многие заводы. По данным переписи 1969 года, в СССР 4,5 тысячи чистопородных чистокровных лошадей и почти 90 тысяч помесей.

Ахалтекинская верховая лошадь — знаменитый аргмак русских летописей и старинных казачьих песен! Кровь ахалтекинцев приливали не раз ко многим породам Европы, даже к английской чистокровной. Наши иппологи Ю. Н. Барминцев, А. Б. Фомин и И. И. Сорокина пишут об ахалтекинской лошади так: «Она может быть поставлена в один ряд с другими немеркнущими творениями народов Востока — произведениями архитектуры, литературы и прикладного искусства».

Масти очень красивые: золотисто-гнедая, золотисто-рыжая, золотисто-буланая, но бывают и попроще — обычная гнедая, рыжая, вороная, серая.

Рекорды ахалтекинских лошадей: прыжки в длину — 8,78 метра, в высоту — 2,12 метра. Одна из лучших лошадей по выезде — ахалтекинский жеребец Абсент. Выступая на нем, заслуженный мастер спорта С. Филатов стал чемпионом XVII Олимпийских игр в Риме.

Эта порода была выведена в Туркмении, в оазисе Ахал-Теке. Ныне ее разводят на Ашхабадском конном заводе, на некоторых конных заводах Казахской ССР и Дагестана.

В 1969 году в нашей стране было 2,5 тысячи чистопородных ахалтекинцев и 5 тысяч помесей.

ДОНЧАК

БУДЕННОВСКАЯ

ТРАКЕН

Донская верховая лошадь. Начало этой породы было положено в XVIII—XIX веках. Из дальних походов привозили донские казаки восточных лошадей (карабахских, персидских, ахалтекинских). Те смешивались с местными, в основном ногайскими лошадьми. Так получилась отличная кавалерийская лошадь, выносливая и крепкая. Позднее ее улучшали прилитием крови орлово-растопчинских и английских чистокровных лошадей.

Большую часть донских лошадей разводят сейчас на конном заводе имени С. М. Буденного (Ростовская область) и на других заводах (в Казахстане и Киргизии).

Масти: рыжая и бурая, нередко золотистый оттенок.

В испытаниях на дальность пробега некоторые дончаки прошли за сутки 305 километров. А Зенит, смешанной крови жеребец (доно-ахалтекино-казахских кровей), — даже 311,6 километра, «установив абсолютный рекорд в этом виде труднейших соревнований».

На 1969 год у нас было 13,2 тысячи чистопородных дончаков и 357,7 тысячи помесей.

Буденновская верховая лошадь. Порода эта новая: зарегистрирована и утверждена в 1949 году. Вывели ее на конных заводах имени С. М. Буденного и имени Первой Конной армии. Дончаки и черноморская ло-

шадь (потомок лошадей запорожских казаков, переселенных в XVIII веке на Кубань) скрещивались с английскими чистокровными жеребцами. Сначала она предназначалась для армии, теперь это спортивная лошадь. В Большом Пардубецком стипль-чезе в Чехословакии победил в 1964 году советский спортсмен на буденновском жеребце Прибой.

Масть в основном рыжая (больше 80 процентов).

Подсчитано, что в начале 1969 года у нас было почти 9 тысяч чистопородных буденновских лошадей и 75,3 тысячи помесей.

Тракенская верховая порода. По происхождению такая же старая, как и английская чистокровная. Конный завод «Тракенен» был основан в Германии в 1732 году. К концу XVIII века на нем было уже около 400 племенных производителей очень пестрого состава: большинство местных, выращенных в «Тракенене» и соседних хозяйствах, но были и английские чистокровные, турецкие, датские, испанские, неаполитанские и прочие. Но в 1799 году чистокровных английских лошадей на заводе стало уже 50 процентов. Среди них и превосходный жеребец Артур отличного экстерьера и прекрасный производитель. Он был внуком ахалтекинца Туркмен-Атти, а по матери — внуком Эклипса и правнуком Хэрода. Артур оказал большое влияние на формирование тракенской породы.

В начале 1945 года, когда немецкие войска поспешно отступали, брошенных, некормленных, непоеных лошадей из «Тракенена» перевезли на конный завод имени С. М. Кирова в Ростовской области. Там и разводят их сейчас, а также и на других заводах.

Тракены были отличными кавалерийскими лошадьми, теперь это спортивные лошади высокого класса. Они ценятся у нас и за рубежом.

Масти: гнедая, караковая, вороная и рыжая.

Квотерхос и гунтер. Несколько слов еще о двух интересных верховых породах. Квотерхос, или «четвертьмильная» лошадь, выведена в американских штатах Каролина и Виргиния. Там еще триста лет назад очень популярны были скачки на четверть мили (400 метров). В результате получилась отличная лошадь: на четверть мили в резвости она не уступает чистокровной английской и даже будто бы превосходит ее. Очень приемистая: с места быстро набирает большую скорость, на полном скаку резко меняет направление или внезапно останавливается как вкопанная на полном карьере.

Это ковбойская лошадь, все упомянутые ее свойства очень хороши и ценны для пастухов больших стад скота. На этих же лошадях ковбои выступают на родео. (Эти состязания: кто дольше усидит на спине необъезженной лошади или на быке, скачки фургонов и сопровождающих их всадников и прочее — можно было видеть в кино или по телевидению.)

Гунтер — это, собственно, не порода, а помесь чистокровных жеребцов с кобылами любого происхождения: важно лишь, чтобы кобылы были крепкого сложения, высокие ростом и сильные.

Этих метисов получают для парфорсных охот.

Скачут всадники по местности весьма неровной: крутые спуски в овраги, подъемы, канавы, прыжки через многие препятствия — все это должны преодолевать гунтеры в течение нескольких часов, пока длится охота.

Орловский рысак — одна из самых красивых в мире упряжных лошадей и в то же время настолько резвая, что довольно успешно выступает на международных бегах.

Порода выведена в конце XVIII века графом А. Г. Орловым. Вначале селекционная работа велась в подмосковном селе Острове. В качестве исходного материала были выбраны лошади лучших пород: арабские, датские, голландские, мекленбургские и прочие. В 1776 году (по другим данным, в 1775-м) А. Г. Орловым был куплен арабский жеребец высокого класса Сметанка. Редкий случай: у него вместо 18 было 19 ребер! К сожалению, Сметанка вскоре умер, прожил только год и оставил после себя лишь несколько детей. Но и они оказали большое влияние на формирование породы.

В 1788 году всех племенных лошадей перевели из Острова на новый конный Хреновской завод в Воронежской губернии. Здесь уже в первые годы в работе по созданию рысистой породы было около 150 племенных кобыл. Из разных вариантов скрещивания остановились на сочетании арабских, датских и голландских лошадей. В 1784 году (еще в Острове) родился серый жеребец Барс I, внук Сметанки и родоначальник рысистой орловской породы.

В начале XIX века орловских рысаков стали покупать другие коннозаводчики, а в середине века их разводили уже на ста конных заводах России. Рысистые бега, которые систематически стали проводиться в Москве с 1834 года, показали достоинство и превосходство орловских рысаков над всеми другими, бывшими тогда в России.

Масти: наиболее обычная серая, но много и вороных, гнедых, редко рыжие.

В СССР (по данным на 1969 год) 25,5 тысячи чистопородных орловских рысаков и 775,1 тысячи помесей. Разводят их почти по всей стране, кроме Крайнего Севера и южных горных районов.

Русский рысак. Порода создана в результате скрещивания орловского и американского рысаков. В итоге получилась лошадь с лучшим экстерьером, чем у американских рысаков, и более резвая, чем орловские рысаки: лишь на какие-то 5 секунд (в беге на 1600 метров) рекорды русских рысаков ниже, чем у американских.

Русские рысаки довольно успешно выступают на международных соревнованиях. Пользуются они спросом и как производители для улучшения сельскохозяйственного конского поголовья.

В нашей стране примерно 25 тысяч чистопородных русских рысаков и более 900 тысяч помесей.

Американская стандартbredная порода (иначе именуется американским рысаком, но, поскольку сейчас в этой породе иноходцев больше, чем рысаков, прием и мы официальное ее название — «стандартbredная»).

Выводилась с конца XVIII века и до середины XIX. Предками были чистокровная английская, норфолькский рысак, арабские, варварийские и другие лошади. Основателем породы считается жеребец Гамблетониан X, рождения 1849 года.

В наши дни в Америке в каждом из десяти заездов в восьми бегут иноходцы и лишь в двух — рысаки. Спрос на иноходцев возрос потому, что они более устойчивы в беге, меньше сбоят (то есть скачут галопом), лучше увеличивают скорость от посылы наездника и по резвости, как правило, превосходят рысаков.

В 1970 году в США насчитывалось 865 иноходцев, способных пройти милю за 2 минуты и резвее, и только 202 рысака такого класса.

Иноходь бывает врожденным аллюром, но может быть и специально выработана определенной тренировкой, как это делают американцы: они так спутывают ноги лошади, что иным аллюром, кроме как иноходью, она бежать не может. В США есть лошади, которые выступают на ипподромах то как иноходцы, то как рысаки.

Американцы первыми применили и двухколесные легкие коляски-сулки, называемые у нас качалками. Мировой рекорд для рысаков принадлежит Невель Прайду (прошел 1600 метров за 1 минуту 54,8 секунды). После того как он установил этот рекорд, владелец продал жеребца группе коннозаводчиков за три миллиона долларов!

В СССР на Злыньском конном заводе в Орловской области одно время разводили американских рысаков в чистом виде, без скрещивания с другими породами.

Масть у большинства гнедая, реже встречается вороная, рыжая, серая, чалая.

Владимирский тяжеловоз — молодая порода: утверждена в 1946 году. Выведена во Владимирской и Ивановской областях путем скрещивания местных лошадей с английскими тяжеловозами шайрами и главным образом с клейдесдалами.

«Установленный на владимирском тяжеловозе рекорд на скорость доставки груза рысью одновременно представляет собой и абсолютный рекорд для тяжеловозов всех пород» (Ю. Н. Барминцев, А. Б. Фомин и И. И. Сорокина).

Масть гнедая, реже вороная или рыжая.

Советские тяжеловозы — самые сильные у нас лошади. Выведены путем скрещивания и дальнейшей селекции брабансонов с местными упряжными лошадьми и помесями битюгов, першеронов, арденов. Порода официально признана в 1952 году.

В состязаниях по максимальной грузоподъемности мировой рекорд установил советский тяжеловоз, шестилетний жеребец Форс в 1951 году. Он провез, как мы уже знаем, груз в 22 991 килограмм на расстояние в 35 метров!

Другие рекорды советских тяжеловозов из области совсем иной: они конкурируют с коровами по надоям молока.

На кумысной ферме ВНИИ коневодства в 1968 году, например, за лактацию (то есть за время, пока кобыла способна давать молоко, примерно 6—7 месяцев) средняя молочная продукция этих лошадей составила 3287 литров молока. Рекордный удой получен от кобылы Франтихи: 3310 литров за 205 дней. Это не считая молока, выпитого жеребенком (около 700 литров).

Масти: рыжая и рыже-чалая, реже гнедая и гнедо-чалая. Советских тяжеловозов у нас 192,3 тысячи, в том числе 7,3 тысячи чистопородных.

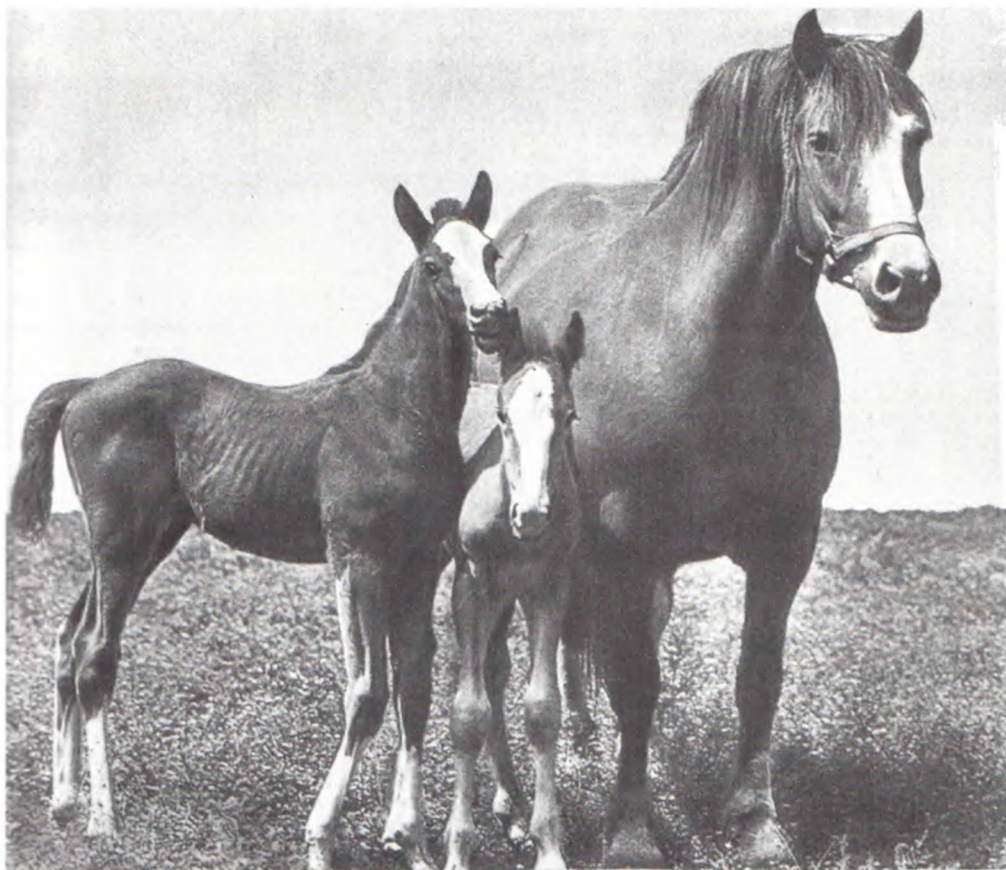
За рубежом разводят около 40 пород тяжеловозов. Но основное поголовье составляют четыре: бельгийская рабочая лошадь, першероны, клейдесдалы и шайры.

Бельгийская рабочая лошадь (брабансон) когда-то была боевым рыцарским конем. В наши дни это самая крупная в мире лошадь: рост ее до 180 сантиметров. Рекорд — 198 сантиметров и вес — 1374 килограмма!

Брабансоны растут быстро, двухлетки уже перевозят тяжелые фургоны. Нрав мирный и доброжелательный, лошадь неприхотливая. Ее разводят во многих странах мира, даже в Южной Америке. Холод северных широт и жару южных она переносит легко.

Першероны выведены в начале XIX века во Франции, в провинции Ла Перш. Больше, чем к другим тяжеловозным породам, к першеронам прилило крови арабских и других восточных коней. Прежде это была лучшая лошадь для почтовых дилижансов и городских омнибусов: с хорошей рысью, темпераментная, красивых

Русский тяжеловоз. Наверное, очень хорошая мама: и чужое дитя к ней жмет.

форм. Теперь область применения першеронов — сельское хозяйство.

Разводят во многих странах Европы, Африки, Азии и Америки. У нас особенно много першеронов в Воронежской и Тамбовской областях, где для них созданы племенные фермы.

В СССР — 600 чистопородных першеронов и 34,2 тысячи помесей.

Клейдсдали выведены в долине реки Клайд (в Шотландии). Сильные, энергичные в работе лошади. Их рост в холке до 172 сантиметров. Вес до 1100 килограммов. Масть темно-гнедая с белыми отметинами на голове и ногах. Их примечательная особенность — густо обросшие волосами ноги: прямо от коленного сустава и до копыт. Так называемые «фризы».

У шайров фризы еще длиннее и гуще. Шайры — одна из старейших лошадей Англии. В давние времена предки их были боевыми рыцарскими конями. Ныне очень крупная и массивная сельскохозяйственная лошадь: ростом до 175 сантиметров и весом до тонны и больше. Разводят во многих странах мира.

«Снова к лошади» можно было бы назвать следующий эпизод в истории шайров. Дэвид Кей, заведующий сбытом одной из пивоваренных фирм Англии, долго и упорно настаивал перед правлением фирмы о переходе на конный транспорт в доставке пива потребителям. Наконец ему разрешили купить трех шайров. Это нововведение имело полный успех: подсчет показал, что

КЛЕЙДСДАЛЬ

перевозить пиво на лошадях дешевле, чем на автотранспорте. Теперь эта фирма приобрела уже девять вороных шайров, и предполагается покупка еще нескольких лошадей, через сорок лет забвения вновь завоевавших почет и уважение.

Эпизод, казалось бы, незначительный. Но отражает общую тенденцию в мире — повышенный интерес к лошади во многих областях человеческой деятельности: в сельском хозяйстве, транспорте, пищевой промышленности, в медицине, туризме, народных играх и особенно в спорте.

Показательно, что рысистые бега и скачки в США в 1968 году, например, посетило людей больше, чем соревнования в любом другом виде спорта.

Лошадь снова входит в моду. В городах и в сельских районах число ферм, ранчо и станций проката верховых лошадей растет с каждым годом. Конный туризм и конный спорт расширяют круг своих поклонников и любителей. Разве плохо, если ваша цель — прокатиться не спеша на чистом воздухе, сесть не в душный автомобиль, а в добрую коляску, запряженную прекрасной лошадью?! Ушедшая было в историю профессия извозчика кое-где возрождается...

А сколько здоровья приносят конный спорт и просто верховая езда! Причем и тем и другим заниматься можно в любом возрасте: в детстве, в молодости, в старости. Конный спорт великолепно развивает ноги, торс (а следовательно, и осанку) и мышцы рук, да так, что у спортсменов-конников, оказывается, сила прямого потяга на себя выше, чем у штангистов. Верховая езда помогает сохранить стройность, препятствует излишней полноте.

Любителям лошадей отрадно все это сознавать. Нет, рано лошадям в архив! Такое прекрасное животное, как лошадь, должно жить и радовать нас своей красотой, силой и редким умом.

ОСЕЛ В ХОЗЯЙСТВЕ, ФИЛОСОФИИ И РЕЛИГИИ

Прежде всего реабилитируем осла, несправедливо обвиняемого в глупости. Осел — животное умное. Ленивое? Нет, просто он своенравен. Если лошадь безропотно исполняет любую работу, то осел еще «подумает», стоит ли ему делать то, что заставляют. Он упрям и не всякому человеку подчиняется. Кто не найдет с ним нужного контакта, только палкой может сдвинуть его с места. Но если осел полюбит хозяина, то будет предан и послушен. Молча, без заметных знаков симпатии, без бурных проявлений чувств будет верно служить человеку.

Очень вынослив и не по росту силен: может нести на спине относительно большую тяжесть, чем лошадь, — 70—80 килограммов, а самые сильные ослы —

до 130, грузоподъемность в упряжке — до 2,5 тонны. У него прочные копыта, и подковы не нужны даже в горах, на почве каменистой и неровной. Некованая лошадь здесь быстро разобьет копыта. Только когда отправляются на осле в дальние путешествия, его подковывают.

Молоко ослиц считается лечебным средством для легочных и других больных. По составу оно близко к женскому.

Из ослиных шкур готовили когда-то пергамент, а лучшие сорта шагреновой кожи и сейчас делают: сдирают шерсть со шкуры, снятой с крупы осла, размягчают ее в воде, вдавливают в нее зерна и сушат. А когда удаляют зерна, на коже остаются отпечатки от зерен, они придают ей зернистую структуру. Очень красивая получается кожа: идет на женские сумки, шкатулки, туфли и разные декоративные поделки.

Домашних ослов разделяют на три группы. Мелкие, малопородные ослы Африки и Азии (в том числе ишаки Средней Азии и Казахстана). Крупные породистые ослы Азии и Африки: сирийские, египетские, китайские (шаньдунские). И третья группа — крупные породистые заводские ослы, используемые исключительно для производства мулов. Лучшие из американские, каталонские (испанские) и пуатуские (французские). Последних разводят без всякого выпаса, всю жизнь держат в стойлах.

Мул — помесь осла с кобылой. Это крупное и сильное животное. Ростом до 160 сантиметров в холке, мастью, строением корпуса похож он на лошадь, головой, длинными ушами, хвостом и голосом — на осла.

Как рабочее животное мул не знает себе равных. У него сухие, мускулистые ноги с небольшими и прочными копытами. По самым плохим дорогам, по горным тропам неделями могут таскать мулы выюки весом до 200 килограммов. Разводят мулов в разных странах Азии, Африки, Америки и на юге Европы (у нас в Закавказье и Средней Азии). Лучшие мулы получаются от пуатуских и каталонских ослов. Они стоят дорого. Самым крупным рынком, где продают мулов, был испанский город Сьюдад-Реаль. Сюда приводили на продажу в базарные дни до 10 тысяч мулов.

Живут мулы до сорока лет, в тридцать так же работоспособны, как и в молодости.

Интересно, что продукт скрещивания осла с лошастью, но в ином варианте (жеребца и ослицы) совсем иное, чем мул, животное. Его называют лошаком. Он невысок ростом, от отца унаследовал лошадиную голову с небольшими ушами, хвост и голос. От матери-ослицы — небольшой рост и трудный характер. Менее силен и работоспособен, чем мул. Лошаков разводят главным образом в Испании и Китае.

Но вернемся к ослам. Одомашнены они в Египте примерно шесть тысяч лет назад. Предком их был африканский дикий осел. В Европу домашний осел

попал во втором тысячелетии до нашей эры. В страны Востока значительно раньше.

Лошадей еще не было (я имею в виду домашних). Осел выполнял все их работы: на нем ездили, пахали, возили зерно и другую поклажу. Даже в сражениях участвовали тогда ослы. Персидский царь Дарий однажды с помощью ослов разогнал войско скифов, которые никогда не видели этих животных и испугались.

В Библии во многих местах с большим уважением упоминаются ослы. Авраам, Моисей и другие патриархи, судьи и цари ездили на ослах. На ослах пахали — об этом можно судить по библейским сказаниям. В книге Исаии даются подробные указания, как нужно кормить ослов, применяемых на полевых работах. Лошадей же в Палестину стали завозить только при царе Соломоне и главным образом для военных целей.

В Древней Греции еще в гомеровские времена очень ценили осла. О нем говорится в сказаниях Гесиода и Гомера, его изображали на старинных вазах. Осел посвящался богу Дионисию (другое его имя Вакх, а у римлян — Бахус). В его хмельной свите, как утверждает миф, вместе с силенами и сатирами был осел.

Фригийский царь Мидас за невежественный суд в музыкальном состязании Пана с Аполлоном (он присудил приз Пану) получил в наказание от Аполлона ослиные уши, которых стыдился и прятал под фригийской шапкой. Таков миф. Цари — потомки Мидаса I, напротив, гордились ослиными ушами своего предка (а впрочем, что им оставалось делать!). Больше того, ослиные уши у этой династии стали символом божественного происхождения от осла, а прародителя своего Мидаса I, награжденного Аполлоном ослиными ушами, изображали с этим даром божества открыто (под шапкой не прятали). Порой в семейных «портретах» царь Мидас получал и вовсе полностью ослиный облик.

В Риме осел был посвящен богине домашнего очага Весте. А это большая честь: культ Весты имел особое, государственное значение.

Гиппократ и врачи его школы лечили ослиным молоком многие болезни. В то же время оно считалось отличным косметическим средством: сохраняло будто бы белизну лица и тела. Императрицы и богатые римские матроны содержали сотни ослиц, в молоке которых купались.

И тем не менее справедливость требует сказать, что обожествление осла и уважительное к нему отношение в сказаниях тех дней не защищали его от дурного обращения. На всех посильных работах

Игрушечные непарноко-
пытные. У ишаков по-
тому-то всегда груст-
ный вид. Да и то
сказать: жизнь у них
незавидная...

трудился осел и получал больше палочных ударов, чем корма.

С ослом связаны две притчи: одна библейская, вторая философская: «Валаамова ослица» и «Буриданов осел».

В Библии, в книге чисел, рассказывается, как про-
рицатель Валаам ехал на ослице к царю моавитян
с совершенно определенной целью: проклясть из-
раильтян. Трижды ангел с обнаженным мечом, послан-
ный богом, преграждал ему путь. Но Валаам ничего
не замечал. Ослица же отлично все это видела. И на-
конец, возмущенная слепотой своего хозяина, загово-
рила. Валаам был так поражен этим чудом, что, при-
быв к царю Моава, не проклял, а благословил из-
раильтян.

Выражение «Валаамова ослица», вошедшее в оби-
ход русской речи, имеет два противоположных зна-
чения. Прежде так говорили о молчаливом, недалеко-
го ума человеке, который, вдруг заговорив, произно-
сил нечто совсем неглупое, чего никто от него не ожи-
дал. Однако в последнее время обычно валаамовой
ослицей называют человека такого же типа, неожидан-
но заговорившего, но изрекшего нечто глупое.

Буридан, французский философ XIX века, помимо
прочих дел, занимался проблемой свободной
воли, которую считал неразрешимой. В доказатель-
ство своей правоты привел, как приписывает ему мол-

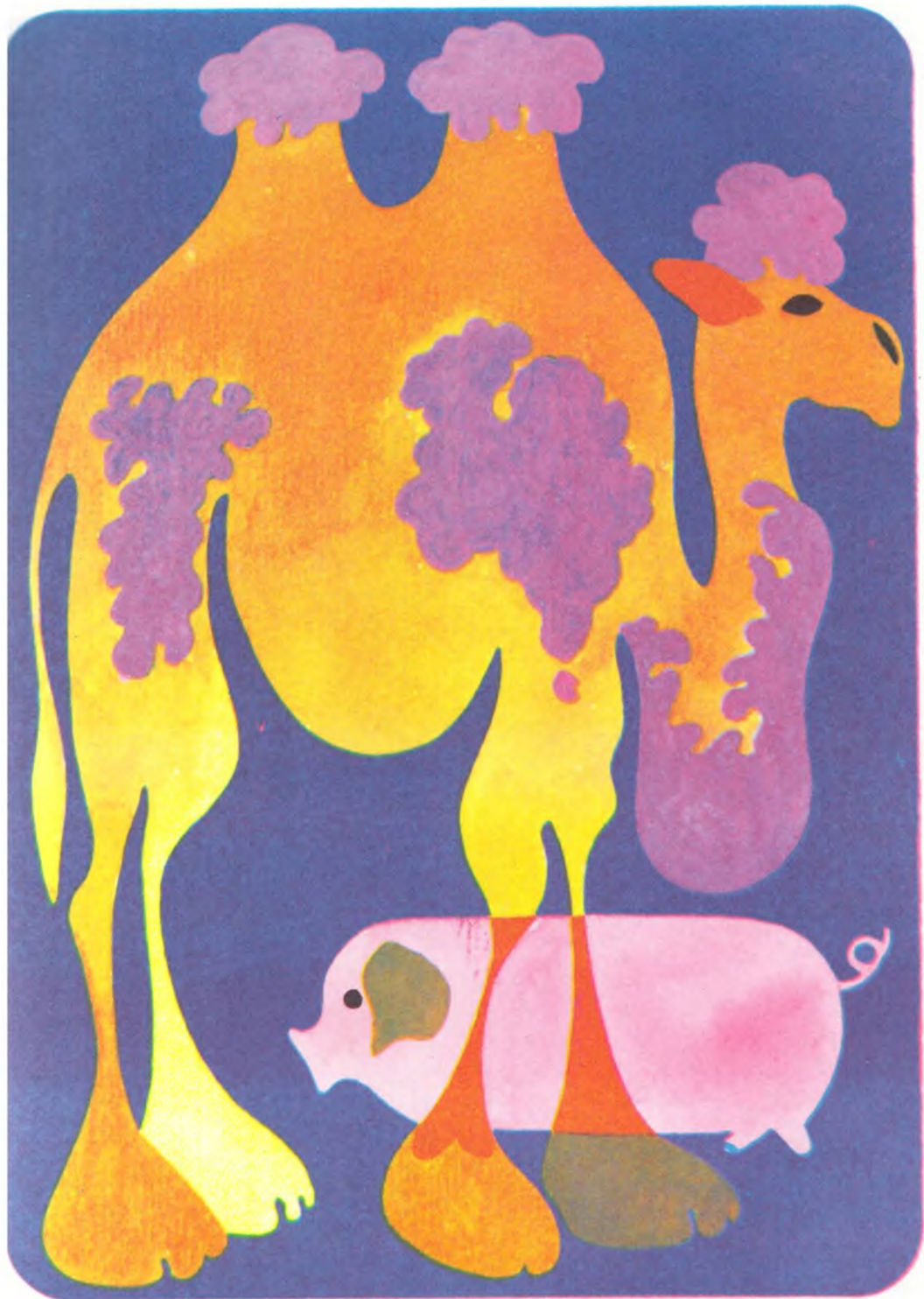
ва, такой пример: если существует свобода воли и абсолютная возможность логического выбора, то осел, помещенный между двумя совершенно одинаковыми охапками сена, не сможет выбрать ни одну из них, так как они равноценны, и потому невозможно сделать логически обоснованного выбора. Бедный осел, поставленный в упомянутое положение, обречен на голодную смерть.

В переносном смысле буридановым ослом называют нерешительного человека, неспособного сделать окончательный выбор в предоставленной ему судьбой альтернативе.

Много ли на Земле ослов? Нет, не буридановых (им счету нет!), а ослов и мулов в реальной своей биологической субстанции.

На 1975 год произведены такие подсчеты: ослов — 42 миллиона 101 тысяча, мулов — 14 миллионов 154 тысячи. Больше всего ослов в Китае — 11 миллионов 710 тысяч, на втором месте Эфиопия — 4 миллиона. По количеству мулов впереди всех Бразилия — 4 миллиона 718 тысяч, за ней Мексика — 2,5 миллиона. В США — тысяча ослов и 4 тысячи мулов.

В СССР — 501 тысяча ослов и 2 тысячи мулов.

Этот отряд класса млекопитающих дал человечеству наибольшее число домашних животных — двенадцать: свинью, верблюда, ламу, альпаку, северного оленя, овцу, козу, корову, яка, гаяла, бантенга и буйвола.

Свинья из подотряда свиней (дикий предок — кабан). Одомашнена в пятом-третьем тысячелетии до нашей эры в разных местах Европы и Азии.

Верблюд (предок — дикий двугорбый верблюд) из подотряда мозоленогих. Он стал домашним за две тысячи лет до нашей эры в Азии, где-то восточнее Туркестана. Одни ученые считают, что одногорбый верблюд (дромедар) произошел от домашнего двугорбого (бактриана). Другие полагают, что предком дромедара был ныне вымерший дикий одногорбый верблюд, который одомашнен в Аравии тоже за две тысячи лет до нашей эры.

Годы приручения животных из семейства полорогих: коз, овец, коров, а также северного оленя (семейство оленей) — приводятся очень разные. Крупнейший из современных специалистов по истории домашних животных, Фредерик Цойнер, профессор Лондонского и Оксфордского университетов, считает, что северный олень, коза и овца стали домашними до того, как человечество научилось земледелию: не позже пятого тысячелетия до нашей эры. Крупный же рогатый скот одомашнен после овцы, козы, северного оленя. Причем, по его мнению, северный олень приручен раньше овцы и козы, вторым после собаки. Дикие предки овцы — бараны аргали и муфлон, козы — безоаровый и винторогий козлы, оленя — дикий северный олень, коровы — тур.

Буйволы, яки, бантенги и гаялы одомашнены много позже всех парнокопытных соответственно тому, как они перечислены: в третьем-первом тысячелетиях до нашей эры, в античное время и уже после него. Их

предками были дикие азиатские буйволы, дикие тибетские яки, дикие бантенги и у гаяла дикий бык гаур.

СВИНЬЯ — САМОЕ СКОРОСПЕЛОЕ И «ПРЕСТУПНОЕ» ЖИВОТНОЕ

Невысокие, совершенно одинаковые шкафы стоят вплотную друг к другу. Дверцы у них отодвигаются в сторону на роликах. В одном из шкафов — миска с похлебкой. Подопытное животное подводит к шкафу с миской, показывают ее, а затем задвигают дверцу. Шкаф закрыт.

Свинья незамедлительно соображает, как его открыть: рылом упираясь в ручку, отодвигает дверцу в сторону и ест из миски похлебку.

Опыт усложняют. Во все шкафы ставят миски с едой, чтобы убедиться, не по запаху ли животное находит шкаф с похлебкой. Нужно сказать, что он во всем похож на другие шкафы, его отличает лишь маленькая, едва приметная щербинка на дверце. Он стоял с краю в ряду шкафов, теперь его перемещают в середину. Впускают в помещение подопытную свинью. Она без колебаний отодвигает рылом дверцу того шкафа, в котором и прежде находила похлебку.

Как свинья узнала его? По маленькой щербинке, на которую человек и внимания не обратил бы.

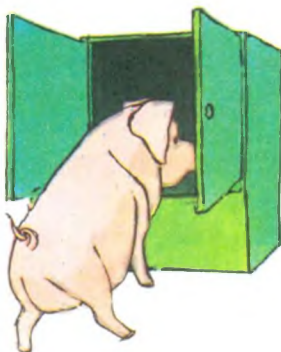
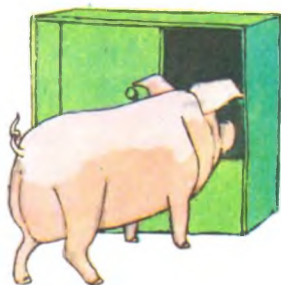
Дверцы у шкафов переделали: они стали открываться на себя.

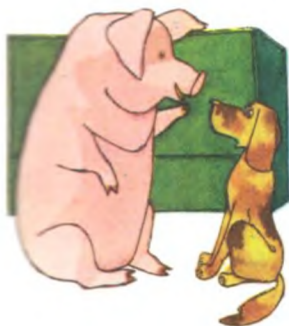
Свинья нашла нужный шкаф без труда, но открыть его не смогла: двигала, двигала дверцу в сторону, но та, понятно, не открылась. Животному показали, как дверца открывается. И одного урока было достаточно, чтобы свинья поняла. Она больше не толкала ручку вбок, а старалась ухватить ее зубами. После нескольких неудачных попыток сообразительная свинья все-таки сумела проделать это: взяла в рот ручку дверцы, потянула ее на себя и открыла.

Те же опыты, проделанные с собакой, дали иные результаты.

Собака шкаф с щербинкой долго не отличала от других, а дверцы пыталась открывать лапой. Лишь когда экспериментаторы, пододвинув ее вплотную к шкафу, буквально вложили ей в рот ручку дверцы, собака после нескольких уроков сама стала это делать: хватать ручку дверцы зубами и рывком открывать ее на себя. Отодвигающиеся в стороны дверцы так и не научилась отворять.

Означают ли такие опыты, что свинья умнее собаки? Нет, конечно. Но они, бесспорно, говорят о тонкой наблюдательности свиньи и о ее редкой сообразительности. К пятерке наиболее умных животных (обезьяна, слон, дельфин, собака, медведь) некоторые

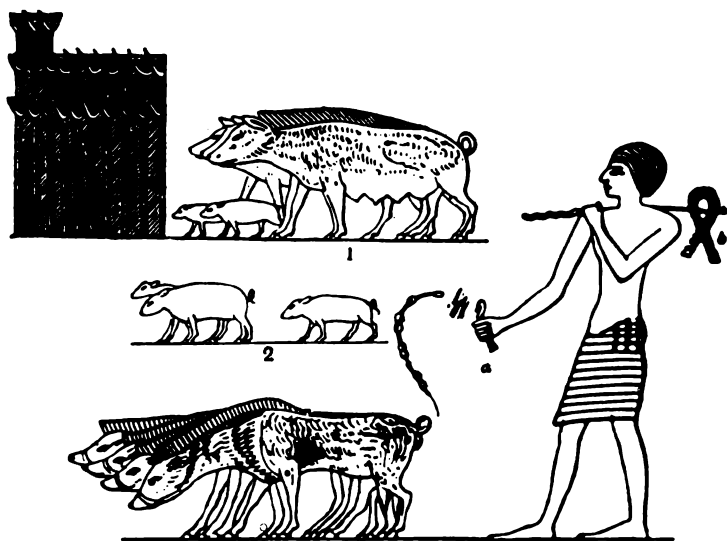
исследователи добавляют и свинью как шестого представителя этой плеяды «умников». С крысой, кошкой, лошастью их будет уже девять. Значит, не пятерка у нас получается, а почти десятка. Кого предпочесть, сказать трудно, потому что в соответствии со своими биологическими свойствами в некоторых опытах смышленнее ведет себя одно животное, в других — иное. Одинаковые для всех тесты подобрать невозможно.

И вот ведь что удивительно: по биохимии крови по формуле крови (соотношению ее форменных элементов), по всеядности своей, по составу и усвояемости пищи свинья стоит к человеку ближе всех лабораторных животных, исключая обезьян. Болеет теми же болезнями, что и человек, и лечить ее можно такими же лекарствами, как и людей. А это важно для их апробации. Поэтому опыты на кроликах, крысах, собаках и других животных менее убедительны, чем проведенные на свиньях.

Выведены уже особые **лабораторные** разновидности свиней: взрослая матка весит не более 7 килограммов, а **новорожденные** поросята у нее ну прямо как мыши!

Свиньи прекрасно дрессируются. В цирках они исполняют разнообразные трюки. Кстати сказать, соответственно выдрессированные (обоняние у свиней отличное), они даже с пуделями успешно конкурируют в розыске грибов трюфелей. Перед тем, кто обучает их этому делу, стоит более сложная задача, чем перед дрессировщиком пуделя. Нужно добиться не только того, чтобы свинья нашла трюфель и осторожно его откопала, но и чтобы не съела, так как для нее гриб — лакомство, а для собаки нет. Однако молодые свинки — они за хозяином, который занимается с ними, всюду бегают, как собаки, — в руках умелого воспитателя быстро учатся не пожирать найденные подземные грибы. Итак, свинья — животное умное. И весьма полезное. Это самое плодovitое и скороспелое сельскохозяйственное животное. К тому же и всеядное. За один опорос свиньи дают 10—12 и больше поросят. В возрасте 12—15 месяцев уже приносят приплод. Беременность малая (114—116 дней), так что за сезон размножения можно получить два опороса, а это до 20—25 поросят в год. На один килограмм привеса свинье требуется в полтора раза меньше корма, чем корове, и вдвое меньше, чем овце. От одной свиньи можно получить ежегодно до 2,5 тонны мяса (в живом весе). Разумеется, имеется в виду ее потомство, а не собственный привес. Каждая молодая свинка уже в полугодовалом возрасте весит 90—100 килограммов (речь идет о высокопродуктивных породах).

Египет. Почти три с половиной тысячи лет назад. Настенная роспись. Хотя и неточен анималистический рисунок, однако можно угадать, каких животных погоняет пастух с кнутом. Свиньи, конечно.

У крупного рогатого скота выход продуктов убоя (мяса, сала) составляет 50—70, у овец —45—55, а у свиней —72—85 процентов живого веса забиваемого животного.

В наши дни в СССР до 20 процентов валовой продукции животноводства и 10 процентов всего сельского хозяйства приходится на свиноводство.

И такое вот полезное приобретение, как домашняя свинья, получили люди, приручив дикого кабана в пятом-третьем тысячелетии до нашей эры. Случилось это в разных регионах Европы и Азии. Поэтому свиней разделяют по происхождению на азиатских и европейских, а по назначению продукции — на мясных, мясо-сальных и беконных. Что такое мясо и сало, знает каждый. А вот бекон? Это полуфабрикат для приготовления лучших, чем у небеконных свиней, грудинок, кореек и окороков.

Одна из лучших беконных свиней — беркширская порода. Она черной масти. Беркширы как племенной материал использованы в выведении многих наших пород. Чистокровных же беркширов у нас немного: около девяти тысяч.

В тысячу с лишним раз многочисленнее в нашей стране специализированная (мясо-беконная) крупная белая порода. Этих свиней в СССР более 11 миллионов голов (80,7 процента всех породных свиней). Выведена крупная белая порода (вначале она называлась йоркширской) английским любителем-заводчиком ткачом Иосифом Тулеем. В 1851 году он представил на королевскую выставку в Виндзоре группу свиней, которые были признаны особой породой. Получены они путем сложного скрещивания местных английских

*Семейная идиллия
в хлеву.*

длинноухих свиней с разными европейскими породами, но главным образом с сиаменскими свиньями.

Йоркширские, или крупные белые, свиньи оказали большое влияние на выведение многих пород Европы, Азии и Америки. И, чистопородные, разводятся они сейчас почти во всех странах мира. В России появились впервые в 80-х годах прошлого века. После первой мировой войны их осталось очень мало. При Советской власти, уже с 1923 года, многие сотни этих свиней были закуплены в Англии. Советскими зоотехниками проведена большая селекционная работа по усовершенствованию крупной белой породы, и наши ее представители во многом превосходят своих английских собратьев.

Есть еще крупная черная порода свиней (или корнуэльская), тоже английского происхождения. Она завезена в племсовхозы РСФСР, Украины и Белоруссии.

В южном поясе европейской части СССР разводят также украинскую степную белую породу, выведенную академиком М. Ф. Ивановым. По продуктивности и другим показателям она не уступает крупной белой породе.

Всего на Земле больше ста пород свиней. В СССР 24. Мировое поголовье свиней около 700 миллионов. Из них в Китае больше 230 миллионов, в СССР больше 70, а в Бразилии примерно 70 миллионов. На четвертом месте США — больше 60 миллионов, на пятом ФРГ — 20 миллионов.

Если бросим ретроспективный взгляд на взаимоотношения человека со свиньей, то увидим интересные вещи.

Несколько сотен лет назад, в средневековые времена, свиньи были совсем не такие, как сейчас. Больше походили на кабана. Жилистые, подвижные, по

нашим теперешним понятиям, худые: с ясно обозначенной хребтиной на спине.

Люди часто с ними... судились. Призывали в суд самым натуральным образом! Выносили после следствия приговор и отдавали в руки палача.

В одной только Франции известно 20 «свиных» процессов. Обычное преступление свиней — детоубийство. Ведь в средневековых городах, даже в Лондоне до конца XVII века, свиньи свободно бродили по улицам. Они поедали нечистоты, которые сваливались в канавы около домов. Нередко заходили в жилища бедняков и загрызали спящих в колыбели детей. Убийцу арестовывали. Отправляли в уголовную тюрьму. Запирали в камере с другими узниками. На содержание арестованной свиньи городские власти отпускали такие же средства, как и на обычного преступника.

В 1408 году в городе Нанте суд приговорил свинью к смертной казни. Сохранился список расходов, которые потребовались на приведение в исполнение приговора. Содержание свиньи в тюрьме — 6 су, вознаграждение палачу, прибывшему из Парижа, — 54 су, за телегу, на которой свинью везли к месту казни, — 6 су, за веревку, которой ее связывали, — 2 су 8 денье. Всего 68 су 8 денье.

В 1457 году в Париже разбиралось дело об обвинении свиньи в убийстве пятилетнего мальчика. Суд признал свинью виновной и приговорил ее к повешению. Что касается поросят, то, поскольку их участие в преступлении не установили с достоверностью, они были конфискованы в пользу суда.

Казни над свиньями совершались нередко. В Париже сохранилось даже название предместья — «Повешенная свинья», как память о жутком месте, где суеверные люди творили свое нелепое «правосудие».

МОЗОЛЕНОГИЕ

Это подотряд отряда парнокопытных зверей (или особый отряд, по мнению других ученых). Из домашних животных к мозолоногим принадлежат верблюды, ламы и альпаки.

Домашних верблюдов две разновидности: двугорбый, или бактриан, и одногорбый, или дромедар (по старому написанию дромадер). Время и место одомашнивания двугорбого верблюда точно неизвестно: очевидно, случилось это где-то восточнее Туркестана примерно за две тысячи лет до нашей эры. Дромедар приручен в это же время в Аравии (если принять точку зрения тех ученых, которые считают, что одногорбый верблюд произошел не от двугорбого, а имел своего предка).

Дромедар распространен шире двугорбого верблюда: от Северной Африки до Индии. Его неоднократно пытались акклиматизировать в Европе. В 1622 году Фердинанд Медичи привез дромедаров в Италию, их разводили недалеко от Пизы. В прошлом веке стадо пизанских верблюдов насчитывало две сотни голов. Во время второй мировой войны всех этих верблю-

ДРОМЕДАР

БАКТРИАН

дов перебили. Завозили дромедаров и в Испанию (в 1829 году восемьдесят животных). Они там, в дельте Гуадалупе, одичали. Это кажется невероятным, но в этой сырой и болотистой местности верблюды жили до 1950 года, когда были уничтожены людьми.

В Австралии, Юго-Западной Африке, в США тоже пытались разводить дромедаров. До сих пор их одичавшие потомки живут в пустынных, пограничных с Мексикой областях Северной Америки и на западе Австралии.

Дромедары разделяются на тяжелых вьючных (например, туркменские) и на легких верховых. Среди последних особенно ценится порода махари, а в Индии — раджпутанская.

«Образ жизни и поведение дромадера сходны с таковыми у бактриана. Но дромадер более вынослив к высоким температурам и плохо переносит морозы. Он, видимо, дольше, до 10 суток, может обходиться без воды и проходит под седлом за сутки до 80 километров, развивая скорость до 23,5 километра в час. Обычная рабочая скорость верблюдов до 10 километров в час» (профессор А. Г. Банников).

В состязаниях с лошастью на малые дистанции дромедары проигрывали, на дальние — побеждали. Бегут дромедары не рысью, а иноходью!

Самые крупные и сильные вьючные верблюды несут на спине груз до 400 килограммов.

Арвана — наиболее молочная порода дромедаров: свыше 4 тысяч литров молока надаивают за год. А это лишь вчетверо меньше, чем дают лучшие коровы-рекордистки. От прочих дромедаров получают 2 тысячи литров молока, а от бактрианов — 750. Молоко идет на кумыс, сыры и масло.

Другой ценный продукт, получаемый от верблюдов, — пух и шерсть. Из пуха делают тонкие ткани, из шерсти — трикотаж, одеяла, войлок. С бактриана настригают до 13 килограммов шерсти, с дромадера — 2—4.

В СССР разводят калмыцкую, монгольскую и казахскую породы двугорбых верблюдов и породу арвана — одногорбых. У нас много гибридов дромедаров и бактрианов — 22 процента всего поголовья (бактрианов — 44, дромедаров — 34).

Гибриды бактрианов и дромедаров именуются «нары» (или «инэры»). Гибриды, скрещенные с бактрианом, — коспаки, с дромедаром — кохерты.

В мире двенадцать с небольшим миллионов верблюдов, в том числе в СССР около 260 тысяч.

СЕКРЕТЫ «КОРАБЛЯ ПУСТЫНИ» И ЕГО РОДСТВЕННИКИ В АМЕРИКЕ

В чем секрет сказочного умения верблюда пересекать раскаленные пустыни из конца в конец, нигде в пути (даже пройдя тысячу километров) не выпив ни глотка?

И это не легенды: действительно верблюды совершают такие переходы. Один из подвигов «кораблей пустыни» хорошо документирован. Зимой 1954/55 года известный зоолог, ботаник, геолог и археолог профессор Монод из Дакара за 21 день пересек с друзьями на верблюдах совершенно безводные области Сахары. Исследователи за три недели прошли 944 километра. В пути верблюдов ни разу не поили! (Правда, они ели разные растения: ведь была зима, и местами среди песков попадались зеленеющие травы.)

Рассказывают также, что хороший аравийский верблюд может пробежать от Мекки до Медины (380 ки-

лометров) от заката до заката, то есть за сутки. А дорога лежит через пустыню под палящим солнцем, вокруг ни речки, ни прохлады. Песок и открытые жарким ветрам пространства.

Удивительные способности верблюда терпеливо переносить и жажду, и жару, и суховеи и есть жалкие колючки вместо пищи всегда поражали людей. Много было сочинено всяких легенд. Но только совсем недавно точными наблюдениями и экспериментами открыты наконец причины небывалой «засухоустойчивости» верблюда.

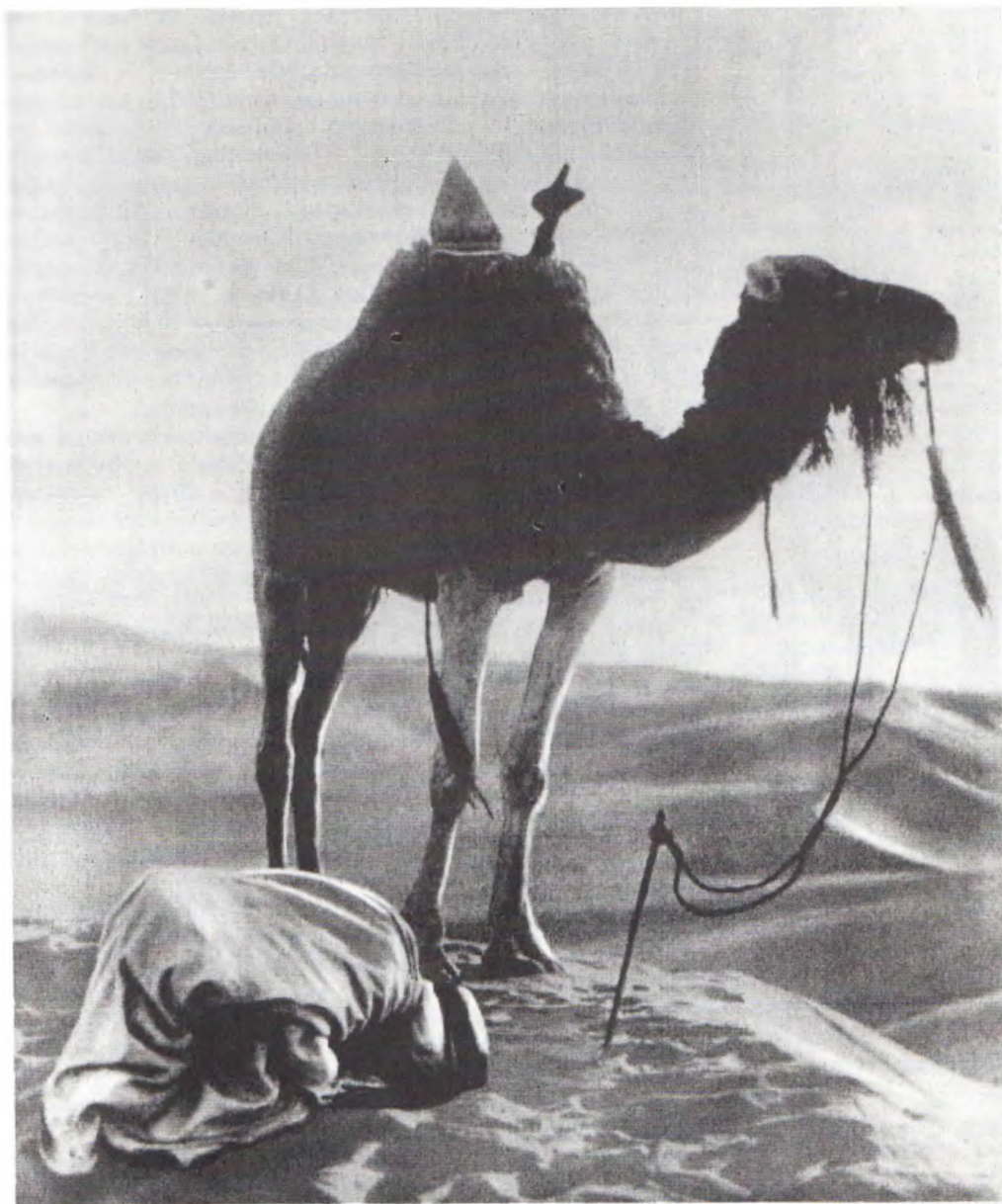
Действительно, две недели верблюд может ничего не пить — старые писатели не преувеличивали. Зато потом, когда доберется до воды, выпьет целую бочку! Если он не пил три дня, то выпьет сразу литров сорок. А если не видел воды неделю, то может за несколько минут осушить столитровый бак. Один небольшой верблюд, за которым наблюдали исследователи, выпил за раз 104 литра воды (а сам весил всего 235 килограммов!). Но рекорд принадлежит не ему — другому верблуду. Тот сначала выпил 94 литра, а потом, попозже, еще 92—186 литров воды за несколько часов.

Поэтому раньше и думали (так писал, например, Плиний), будто в желудке у верблюда есть карманы для воды. Когда он пьет, то наполняет их, словно цистерны. Вода долго хранится в желудке и расходуется по мере надобности.

Но оказалось, что верблюд устроен совсем не так просто. У него не одно, а много удивительных приспособлений, помогающих долго обходиться без воды. В желудке у верблюда и в самом деле нашли литров пятнадцать-двадцать какой-то зеленоватой жидкости. Но это не чистая вода, и не ей он обязан своей исключительной способностью не пить по неделям.

Вот что главное: верблюд очень экономно расходует воду. Он почти не потеет даже в сорокаградусную жару. Его тело покрыто густой и плотной шерстью — она спасает от перегрева (на спине верблюда в знойный полдень шерсть нагрета до 80 градусов, а кожа под ней — всего лишь до сорока!). Шерсть препятствует испарению влаги из организма (у стриженного верблюда потоотделение на 50 процентов больше, чем у нестриженного). Верблюд никогда, даже в самый сильный зной, не раскрывает рта: ведь через рот, если его открыть пошире, испаряется слишком много воды. Поэтому собаки, когда им жарко, открывают пасть и дышат часто-часто, охлаждая себя.

А верблюд, чтобы с воздухом уходило из организма поменьше воды, напротив, дышит очень редко — всего 8 раз в минуту. И только в самый жаркий пол-

К Каабе обращены лицо бедуина и голова «корабля пустыни»: салат (намаз) при закате солнца.

день ему приходится дышать чаще: 16 раз в минуту. Но это так немного! Бык, например, в жару дышит 250, а собаки даже 300—400 раз в минуту.

Хотя верблюд и теплокровное животное, но температура его тела колеблется в широких пределах: ночью она опускается до 34 градусов, а днем, в полуденный зной, повышается до 40—41 градуса. Точнее, до 40,7 градуса.

ЛАМА

АЛЬПАКА

Это у верблюда, который давно не пил и, так сказать, бережет воду. Верблюд, который пил днем, менее экономен: позволяет себе потеть, и поэтому температура его тела изменяется с утра до вечера лишь в пределах от 36 до 39 градусов. Насколько это помогает экономить воду, показывает такой расчет: чтобы снизить температуру тела на 6 градусов, верблюду нужно было бы «изъять» из себя 2500 больших калорий тепла. На это потребовалось бы 5 литров пота. А верблюд не потеет, спокойно себе разогревается до 40 градусов (без всякого вреда — так уж он приспособился) и на этом экономит 5 литров драгоценной воды. А потом, когда ночь приносит прохладу, он отдает окружающему пространству сбереженное тепло, остывая снова до 34 градусов.

Впрочем, есть у верблюда приспособление и для сохранения воды впрок, но тоже очень хитроумное: он консервирует воду, запасая жир. Ведь из жира, когда он «сгорает» в организме, получается много воды — 107 граммов из 100 граммов жира. Из своих горбов верблюд может извлечь при необходимости до полуценнера воды!

Но уж если верблюд долго не пил, потерял много воды и организм его сильно обезвожен, то кровь его все равно остается жидкой и циркулирует по артериям и венам нормально. У других обезвоженных животных и у человека, который не пил много дней, кровь густеет пропорционально утечке из организма воды.

Верблюд без вреда переносит вдвое большие потери воды, чем другие звери и чем человек: до 30 процентов своего веса!

Редко кто даже из низших животных на это способен. Высушивая дождевого червя, можно, правда, «изъять» из него 43 процента воды (то есть он теряет в весе 43 процента). Но тогда червь неподвижен, в нем жизнь замирает: он твердый и ломкий. Смачивая водой, его можно «оживить». Но если обезвоженный червь будет весить вдвое меньше, чем до высушивания, его уже никакой водой не воскресишь: он замрет и затвердеет навсегда.

А верблюд, теряя вместе с водой почти треть своего веса, не замирает и не становится «ломким», а неделями бродит по раскаленной пустыне с тяжелым грузом на спине.

Разве это не чудо?

Ближайшие родственники верблюда живут в Южной Америке. Это гуанако, викунья и домашние их отпрыски — лама и альпака.

Среди ученых ведутся еще споры: действительно ли от гуанако и викуньи произошли лама и альпака или у них были иные, вымершие прародители.

Индейцы, населявшие Боливию и Перу, приручили лам очень давно: кости их найдены в слоях земли, возраст которых 2550—1250 лет до нашей эры. Альпак разводили и сейчас еще разводят ради прекрасной шерсти, которая превосходит качеством шерсть едва ли не всех копытных животных. Стада альпак пасутся на высокогорных лугах. Нередко к ним присоединяются гуанако и викуньи. Помеси между ними плодovиты.

Альпаки цветом черные либо темно-бурые. Ламы же очень разной масти: от белой до темно-бурой, часто пятнисты. Черные ламы встречаются очень редко.

Ламы до испанцев были единственным транспортным животным у индейцев Южной Америки. Их караваны и сейчас еще ходят по горным тропам. Ламы шествуют не спеша, грациозно, с высоко поднятыми головами, гордо поглядывают по сторонам. Нести груз больше 50—60 килограммов ламы решительно отказываются: лягут и не встанут, несмотря на понукания. Плюются и кусаются, если их заставляют подняться и идти.

Сама лама весит около ста килограммов, так что вьюк в полцентнера — немалая нагрузка, относительно даже большая, чем у лошади. Вьюки носят только самцы лам. Хозяйственная ценность самок иная — их откармливают и едят. Кроме того, из их грубой шерсти ткut одеяла, плетут веревки, из кожи шьют разную обувь, жир идет на свечи, а навоз — на топливо.

ОТКУДА ПЫЖИК БЕРЕТСЯ!

Пыжик знаете? Красивые и теплые шапки из него получаются. Это шкурки новорожденных телят-сосунков домашнего северного оленя (в возрасте до месяца). Они коричневые, но иногда пестрые, с пышным, мягким, блестящим волосом. Пух густой, а ость упругая, глянцеvитая, длиной в один-два с половиной сантиметра.

Подрастет теленок, станет кормиться травой, сбросит свой первичный волос, в котором родился, и начнет у него отрастать новая шерсть. Тогда его шкурки будут называться неблюем. Тоже отличный мех.

Постель — шкуры взрослых и почти взрослых оленей. Они идут на пошив меховых одежд народов Севера и на выделку замши.

А еще дает северный олень мясо и молоко (до 50 килограммов за лактацию, жирность его 17—19 процентов). Кроме того, ездят на оленях в нартах и верхом, возят вьюки. В тундре и во многих районах тайги незаменимое животное.

Считали, что северный олень одомашнен сравнительно недавно. Теперь же есть в науке и прямо противоположное мнение: северный олень стал домашним животным (вторым после собаки!) еще до эпохи земледелия, не позже пятого тысячелетия до нашей эры.

Северный олень водится и на севере Америки, но там эскимосы домашних оленей не знали, только в новейшие времена стало развиваться в Новом Свете оленеводство.

У нас до революции оленеводство было в забросе, шло самотеком, без планомерной организации. Много

олений гибло от хищников, голода, болезней. И домашних оленей было только 1,5 миллиона. Ныне же оно, оснащенное техникой, весьма продуктивное и развитое на современном уровне хозяйство. Оленеводческие колхозы и совхозы имеют до 10—15 тысяч оленей (в таежной зоне стада поменьше: 600—1200 голов).

Олени кочуют по огромной территории, измеряемой сотнями километров: летом пасутся в тундре, зимой уходят в лесотундру. На маршрутах их кочевков построены базы обслуживания, где пастухи получают и отдых, и снабжение пищевыми и прочими продуктами. Самолеты, вертолеты, тракторы, автомашины, катера, самоходные баржи, радиостанции, кино и прочие достижения современной техники предоставлены в распоряжение оленеводческих хозяйств.

И вот результаты: если в 1941 году в нашей стране было 1,9 миллиона домашних северных оленей, то через 32 года их стало 2,4 миллиона.

В других странах мира, где развито оленеводство (там животные находятся в больших загонах), оленей меньше, чем у нас: в Финляндии — 2,1 миллиона, в Швеции — 250 тысяч, Норвегии — 130 тысяч, на Аляске — 30 тысяч, а в Канаде — 9. Всего в мире примерно 5 миллионов северных оленей.

ЗОЛОТОЕ РУНО

Нелегкое дело повелел совершить Ясону царь Пелий — привезти золотое руно. Оно висело на могучем дубе в дальней-дальней стране Колхиде. Охранял его огнедышащий дракон. Правил той страной царь Ээт. У него была дочь-волшебница Медея. Если бы не она, никогда бы Ясон не добыл золотое руно. Но мы опережаем события.

Сначала надо было построить корабль. Это сделал знаменитый мастер-кораблестроитель Аргос. Его именем и назвали греки корабль — «Аргос», а отважный его экипаж — аргонавтами. Со всей Греции пришли к Ясону герои: божественный певец Орфей, быстрый Мелеагр, братья диоскуры — Кастор и Полидевк, пришли и сыновья Борея, Тесей, Пелей, даже Геракл явился. Все они решили плыть с Ясоном за золотым руном в Колхиду. А находилась та сказочная страна в Грузии, у самого моря.

И вот рано утром, лишь только солнце показало свой лик, взошли аргонавты на корабль (когда Геракл ступил на него, то «Аргос» застонал, еле-еле выдерживая тяжесть героя). Поплыли. Много диковинного повидали аргонавты в пути, много разных приключений с ними случилось. Добрались до Колхиды. Высадились близ устья Фазиса (теперь называют эту реку Рионом).

Царь Ээт расставаться с золотым руном решительно не захотел. Но дочь его Медея с первого взгляда

полюбила Ясона и однажды темной ночью привела его в священную рощу Ареса. Там во тьме на ветвях высокого дуба сияло золотое руно. У корней дуба лежал дракон «с вечно недремлющими очами». Но Медея, помолившись Гекате, богине волшебства, усыпила дракона. Ясон беспрепятственно снял с дуба золотое руно и поспешил вместе с Медеей на корабль.

С бесценной добычей возвратились аргонавты на родину, в Грецию.

А зачем им понадобилось золотое руно? О том легенда не говорит. Ученые думают, что в этом древнем мифе золотое руно имеет символическое значение, отражает действительно бывшие события. А именно: поход греков за тонкорунными овцами, которых не было в Греции, а в странах восточных, в Месопотамии, Вавилонском царстве и Ассирии паслись стада таких овец. И в Грузии их разводили.

Еще одно, уже историческое, происшествие связано с золотым руном.

Герцог бургундский Филипп Добрый в один из дней 1429 года веселился в таверне с друзьями-рыцарями. Зашел у них разговор о британских наградах за воинские заслуги — орденах Подвязки и Бани. И решили бургундцы тоже учредить свой орден, знак отличия за отвагу в боях. А какой именно орден, задумались. Кто-то предложил: орден золотого руна, который одновременно будет символом главного богатства Бургундии — многочисленных стад породистых овец.

Тут же на столе, за которым сидели, нарисовали кинжалом «эскиз» будущего ордена. В окончательном варианте орден золотого руна выглядит так: на красной ленте корона, ниже пламенеющий пучок шерсти, а еще ниже перехваченный кольцом золотой баран.

Позднее этот орден стал австрийским и испанским.

НЕМНОГО ОБ ОВЦАХ

Сейчас считают, что главный центр приручения и разведения домашних овец — степная область между Каспийским и Аральским морями, к югу до Туркестана. Предком этих полезных животных был дикий баран аргали, одомашненный примерно за 9 тысяч лет до нашей эры, а позднее — другой подвид этого вида баранов — муфлон.

Из упомянутого центра домашние овцы попали сначала в Персию, затем в Месопотамию. Приблизительно в XX веке до нашей эры в Месопотамии были овцы разных пород. Например, такие:

1. Винторогие грубошерстные.
2. Винторогие тонкорунные.

3. Тонкорунные с рогами типа «Аммон» — закрученными спиралью, как у обычных наших баранов.

4. Тонкорунные жирнохвостые с рогами типа «Аммон».

Третья из названных пород из Месопотамии распространилась сначала до Передней Азии, попала в Египет, а затем в Европу. Страной наиболее успешного ее разведения стала Испания, где образовалась порода тонкорунных овец-мериносов.

В прочих странах Европы к тому времени тонкорунное овцеводство исчезло. Королевскими постановлениями вывоз тонкорунных овец из Испании был запрещен. Только с XVIII века испанцы стали продавать меринособ в другие страны, где позднее возникли новые породы тонкорунных овец. У нас их стали разводить в конце XVIII и начале XIX века. Сначала это были чужеземные породы (рамбулье, инфантадо, негретти и др.). Затем русские овцеводы вывели собственные породы — русских инфантадо, мазаевских, новокавказских. После революции созданы другие высокопродуктивные породы: асканийская, советский меринос, алтайская, кавказская, сальская...

Шерсть у меринособ тонкая, мягкая, пуховая. С баранов настригают этой дорогой шерсти 8—12 килограммов (за год). Рекорд — 31,7 килограмма (асканийская порода). Ткут из нее тонкие костюмные ткани и вяжут джерси. От овец, кроме того, получаем:

каракуль — это шкурки новорожденных ягнят чистокровной каракульской породы. Черный каракуль называют араби, серый — ширази, коричневый — комбара;

яхобаб — шкурки каракульских ягнят, проживших 10—40 дней. Менее ценный мех, чем каракуль, поэтому яхобаб получают случайно, от павших или больных ягнят, не предназначенных к забою, а оставленных на племя;

мерлушку — шкурки ягненка грубошерстной породы, павшего или забитого в возрасте до двух недель. Своего рода яхобаб, но не каракульских овец;

каракульчу — шкурки еще не родившихся ягнят каракульской породы;

муарэ — по происхождению то же, что и каракульча, — шкурки ягнят-эмбрионов, но не каракульских, а маличных овец, разводимых в Крыму. Получают его и от курдючных овец. По типу волосаного покрова, который зависит от эмбрионального возраста ягнят, муарэ делят на три категории: голяк — шкурки ягнят-недоносков на ранних стадиях утробного развития с только что начинающим пробиваться волосом, без муарового рисунка. Муарэ настоящий — шкурки более зрелых ягнят-недоносков с низким, плотно прилегающим к коже волосом и с заметным уже муаровым рисунком. Клям — это шкурки самых зрелых эмбрионов, а также недавно рожденных ягнят маличной породы. У кляма более приподнятый над кожей волосаной смушек, чем у настоящего муарэ, и плосковолокнистый муаровый рисунок; цигейку и лучший ее сорт — мутон. Это житейское название исключенного из стандарта мехового сырья. Его дают овцы разных тонкорунных и полутонкорунных пород, особенно меринособ. Их шкуры стригутся по определенному образцу, из них затем делают меховые шубы, называемые в продаже манто;

овчины — изделия из них шьются мехом внутрь. Тонкорунные овчины разделяют на два типа: лямка (или шленка) и меховая тонкорунная овчина. Лямка — шкурки ягнят, покрытые низким,

Прочитная статуя барана-мериноса: VII век до нашей эры. Египет.

плотным, мягким пухом (без остевых волос) с мелкокольчатыми завитками. меховая тонкорунная овчина снимается со взрослых овец.

Наиболее красивые, прочные и теплые грубошерстные овчины дают овцы исконно русской породы — романовские. Их шкуры — лучший материал для пошива дубленок, полушубков и шуб. (Знамениты романовские овцы и своей исключительной плодовитостью. Если другие овцы приносят обычно одного или двух, то романовские — двух-трех, а иногда и шесть-восемь ягнят!)

Такова наиболее ценная меховая продукция, поставляемая овцами.

Второй полезный, но уже пищевой продукт — молоко. Из него готовят брынзу и другие сыры. За лактацию, то есть за время, пока овца кормит ягненка, ее молочные железы вырабатывают 50—200 килограммов молока, у некоторых пород даже 500 килограммов. В овечьем молоке 6 процентов белков и более 7 процентов жира (в коровьем того и другого почти вдвое меньше).

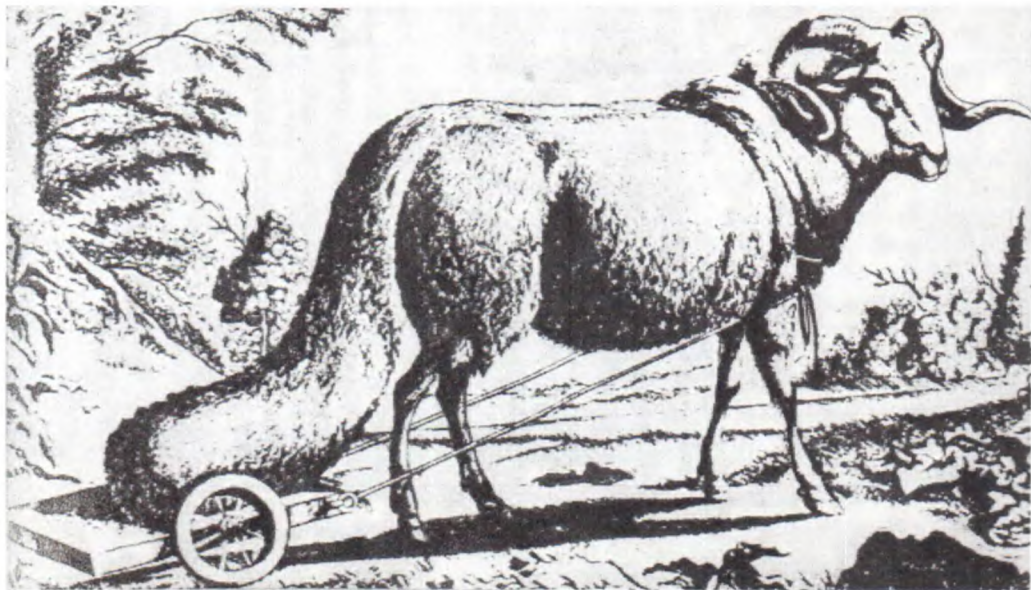
Ну и конечно, баранина. В 1971 году, например, во всем мире ее было получено 7,1 миллиона тонн.

Одна из форм научной классификации овец для специалистов очень странная: разделение по хвостам! На такие вот категории: короткохвостых, длиннохвостых, короткожирных, длинножирных и курдючных (у последних хвост короткий, а жир откладывается на ягодицах — курдюк до 20 килограммов весом).

У некоторых длинножирных пород «распухший» от жира хвост волочится за овцой по земле. Чтобы не стирался от трения о землю, не ранили бы камни, делают для него небольшую одноосную тележку на колесах. Хвост лежит на этой тележке. Спереди от нее тянутся постромки, которые пристегиваются к хомуту на шее у овец. Сохранилась картина конца XVII века с изображением такой «упряжки».

По характеру шерсти выделяют три группы овец: тонкорунные овцы (мериносы-рамбулье, прекосы, советские мериносы, австралийские и аргентинские мериносы, вюртембергские овцы). Полугрубошерстные: цигайские овцы, английские соутдауны, гемпширы, шпропширы, оксфорддауны, лейстерские, кентские овцы... Грубошерстные: шубные овцы (романовские), смушково-молочные (каракульские, гиссарские, сокольские, эдельбаевские и прочие).

Разъяснение к этой старой картине найдете в тексте.

Человечеством создано 150 пород овец. Средний вес маток — 30—100, а баранов — 60—180 килограммов. Половозрелость у овец в 5—7 месяцев, а живут они до 15 лет.

По числу овец первое место занимает Австралия — 162,9 миллиона голов (данные на 1972 год). По производству шерсти тоже Австралия: 917 тысяч тонн. СССР — второе место: 139 миллионов голов овец и 420 тысяч тонн шерсти. У Новой Зеландии — первое место по экспорту баранины и производству самой лучшей шерсти.

У овец нет вожakov, нет и субординации (иерархии). Все они в стаде равны и все безынициативны. Жмутся друг к другу. Поэтому отарой легко управлять.

Умелая овчарка и чабан легко сбивают овец в плотный гурт и направляют по нужному пути. Часто в поводыры овцам, в вожак, дают опытного в житейских делах, умного козла. Тогда у пастуха и собаки меньше забот: главное — следить за козлом, чтоб шел куда надо. Да он и сам быстро запоминает путь на пастбища и все тропы в степи или в горах, по которым веками перегоняли овец на выпас и в кошары. Овцы следуют за бородатым лидером послушно и доверчиво. А он шествует важно впереди и отлично сознает свое назначение.

Овцы и козы — близкие по роду-племени животные. Но какие они разные по поведению, темпераменту, уму! Совсем иная психика у овцы, чем у козы. В этом сравнении овца сразу же предстает как пугливое и глупое животное. А коза?

КОЗА

Умна, своенравна, проказлива, ловка (по лестнице может забраться на крышу дома, даже на развесистое дерево, у которого ветки невысоко над землей растут). Одомашнена, по-видимому, в седьмом тысячелетии до нашей эры. Возможно, и раньше. Дикими предками были безоаровый и винторогий козлы.

Беременность у козы—5 месяцев, козлят матки приносят одного-двух, некоторые пятерых. Живут козы до 9—17 лет. От них получает человек молоко, мясо, шерсть, пух и кожу. Из кожи вырабатывают дорогие сорта: шевро, хром, лайку. Шерсть коз упруга, прочна, идет на производство костюмных, ворсистых тканей, ковров и трикотажа. Пух козий мягкий, прочный, теплый, очень тонкий (15—20 микрон). Породы пуховых коз в СССР—оренбургская и придонская. Тибет и Афганистан поставляют знаменитые пуховые кашмирские шали из пуха кашмирских коз.

Всем известный мохер получают из шерсти годовалых коз ангорской породы (название происходит от турецкого города Ангора, ныне Анкара). С возрастом шерсть у коз грубеет и для производства мохера не годится. Ангорских коз разводят сейчас не только в Турции, но и в Австралии, Новой Зеландии, США, ЮАР и в других странах.

С козлов настригают 4—6 килограммов шерсти, с коз—3—5. Пуха начесывают 0,2—0,5 килограмма, самое большее—два.

У коз лучших молочных пород можно надоить до 4 литров молока в день. Рекорд—10 литров! (3 тысячи килограммов за 10 месяцев лактации.) Так много молока дает знаменитая зааненская коза, белая и безрогая, выведенная в Швейцарии (в провинциях Заанен и Симменталь). Ныне эти козы распространены по всей Европе. Разводят их и у нас.

Тоггенбургская коза тоже очень молочная. Она безрогая, бурая, с белыми ногами. Выведена в Швейцарии, в кантоне Сент-Галлен. Также бурая, безрогая фрейбургская и черно-белая валлийская породы молочных коз—опять-таки швейцарского происхождения (Швейцария—родина 26 козьих пород!).

Всего в мире около 400 миллионов домашних коз. Из них половина—в Азии и примерно треть—в Африке. В СССР—5,5 миллиона коз.

Мы видели, что польза человеку от козы большая, но, оказывается, и вред немалый. Там, где долго пасутся большие стада коз, леса умирают, всякая растительность исчезает с лица Земли, пустыня наступает на цветущий край. Козы съели дочиста леса Северной Африки, Испании, Турции, Сирии, Ливана, Палестины и многих, многих других стран.

Ясно без слов...

Гибель лесов, принесенных в жертву козьему обжорству,— одна из самых печальных страниц в истории цивилизации.

Козы не только начисто уничтожают зеленые побеги, они буквально грызут землю, чтобы добыть семена трав и других растений, которые могли бы прорасти в ближайший дождливый сезон. Оголенная козами почва, особенно на склонах гор и холмов, остается без защиты, во власти эрозии.

Эрозия разъедает плоскогорья Кастилии. Эрозия превратила в пустоши склоны Атласских гор. Кедровое дерево — большая редкость теперь в Марокко. А где кедровые рощи Ливана, в которых рабы царя Соломона заготавливали деревья для храма в Иерусалиме? Их нет. Во всем виноваты козы. До того как стада коз были привезены в Африку, до того как марокканцы стали рубить мимозу на корм своим козам, до этого, две тысячи лет назад... горы Северной Африки, пишет очевидец, римский консул Светониус Паулинус, зеленели лесами. Климат был влажным, земля плодородной. В лесах водились медведи, олени и (представьте себе!) слоны.

Теперь ничего этого и в помине нет.

Стада коз наводнили Сахару, саванну южнее Сахары, и пустыня пошла в наступление: она продвигается сейчас в глубь Африки со скоростью одного километра в год. За последние триста лет пески отвоевали у саванны полосу в триста километров шириной. С саванной отступили звери и птицы, населявшие ее.

В Турции коз невероятно много — 60 миллионов! Почти на каждом гектаре по козе! Причем большинство стад бродит без присмотра. В античное время Малая Азия была цветущей страной, утопавшей в рощах и садах. (Составители Библии ведь даже рай земной — сады Эдемские — поместили где-то на ее восточных окраинах.) Теперь это сплошь полупустыня. Козы продолжают пожирать последнюю зелень.

Зато там, где антикозьи законы удалось провести в жизнь со всей строгостью, результаты этих мероприятий с избытком вознаградил жителей за потери, понесенные их стадами.

Примером может служить Кипр, Венесуэла и Новая Зеландия, где борьба за сохранение плодородных земель велась под лозунгом: «Даже одна-единственная коза, оставшаяся на свободе, представляет национальную опасность!»

Теперь в этих странах зеленеют молодые рощи, отступают пустоши, а лесные звери и птицы возвращаются в родные края, из которых изгнали их человек и его козы.

«В КОРОВАХ НАША СИЛА»

Домашние коровы и быки произошли от тура, теперь с этим все специалисты согласны. Но когда и где был одомашнен тур? Тут единого мнения нет. Восемь-пять тысяч лет до нашей эры, где-то в это время, человек сделал очень ценное приобретение: домашний крупный рогатый скот. Называются разные страны, где впервые это случилось: Южная Азия, юго-восток Средиземноморья, даже Испания. Очевидно, не в одном, а в разных местах бывшего ареала тура приручили люди этого дикого быка.

В историческое время, в четвертом тысячелетии до нашей эры, домашние потомки «ярого тура» были уже во всех зарождающихся цивилизациях Азии и Африки. И всюду мы видим коров и быков, возведенных в священный ранг.

Экономическая ценность животного — одна из категорий, по которой жрецы древних религий составляли свой зоологический пантеон. Последователи Зороастра включили, например, в число священных созданий, окруженных самым почтительным поклонением, кормилицу-корову и собаку — охранительницу стад.

Знаменитые критские «бычьи игры». Гимнасты исполняют свои номера не на ковре, а на живом быке. Бык не дикий, домашний: в этом убеждает его пятнистая масть.

Священные крылатые быки, высеченные из камня, украшали храмы и дворцы в Ассирии и в Персии.

Евреи в глубокой древности поклонялись херубам — крылатым двуликим быкам (одно лицо у них было человеческое, а другое — бычье). От херубов произошли херувимы — один из высших чинов ангельских (их изображают на иконах в виде розовощеких детских головок с крылышками).

Быку поклонялись и на древнем Крите. Это почитание легло, очевидно, в основу мифа о Минотавре.

В Древней Греции бык был посвящен Зевсу, а корова — «волоокой» Гере и богине Луны — Селене: коровьи рога в теологических гимнах символизировали серп нарождающегося месяца.

«Коровий» культ процветал, впрочем, не только у названных народов, он и поныне еще живет во многих религиозных школах индийского брахманизма и в Африке у негров ватусси.

С самого своего появления на исторической арене в качестве спутников первобытного человека бык и корова играли первостепенную роль в жизни людей. Ведь одна корова могла прокормить целую семью, а стадо коров — большую орду кочевников. Удивительно ли, что у многих народов Азии, Африки и Европы корова и бык стали предметом самых трогательных забот и обожания, которое со временем превратилось в настоящее их обожествление.

«В коровах наша сила, — говорится в Зендавесте, священной книге древних персов, — в коровах наша потребность, в коровах наша пища, в коровах наша одежда, в коровах наша победа».

Египет — древнейшая страна земледелия, где хлебопашец с плугом и впряженным в него волом был главной производительной силой, конечно, тоже не избежал «коровьего» культа. Больше того, именно в Древнем Египте этот культ достиг высшей степени своего развития. Египетский священный бык вошел в сонм многочисленных богов Нильской долины как равноправный член. У него были свои жрецы, свои

храмы и религиозные праздники, гробницы и дворцы со множеством слуг и рабов.

В 1851 году молодой французский археолог Огюст Мариэтт вел раскопки в долине Саккара, на левом берегу Нила, близ Каира. Рабочие разрыли многометровый слой земли, и одна за другой перед изумленным археологом стали появляться из песчаных могил фигуры каменных человеко-львов — целая аллея сфинксов. А неподалеку от аллеи извлекли из-под земли развалины странного храма. Наклонный ход вел от подножия храма в глубину. Исследователь спустился в подземелье. Колоссальный коридор длиной в 350 метров терялся в кромешной тьме и, казалось, удалялся в бесконечность.

По сторонам коридора располагались погребальные покои. Чудовищными глыбами темнели в их глубине гробы-саркофаги из отполированных плит красного и черного гранита. Саркофаги были длиной в 4 метра, шириной более 2, а высотой более 3 метров. Весил каждый из них 65 тонн!

У многих саркофагов крышки были сдвинуты, Мариэтт заглянул внутрь гигантских гробов и увидел в мерцающем свете факелов мумии... циклопов? Титанов? Нет, быков!

Он открыл древнюю усыпальницу божественных Аписов. Под сводами огромного склепа в каменных гробах хранились набальзамированные трупы всех священных быков, живших в святилищах Мемфиса со времен фараона Аменхотепа III и до эпохи Г.големеев, то есть в течение полутора тысяч лет!

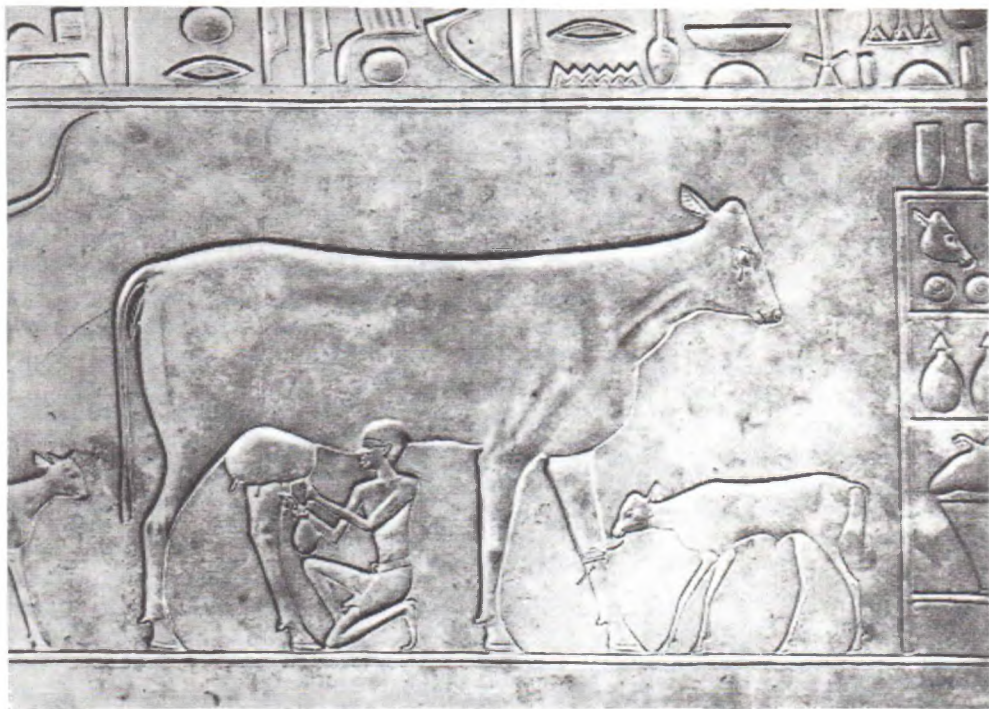
Бог города Мемфиса — Пта почитался как один из величайших богов Египта. Позднее он слился с богом Озирисом, и слава Пта-Озириса вдвойне возросла. Бык Апис был сыном Пта, его живым воплощением. В образе быка Пта принимал поклонение людей. Так учили египетские жрецы.

Быка Аписа выбирали очень тщательно. Он должен был быть черным с белым треугольником на лбу (символ Солнца во мраке вселенной!) и, кроме того, отвечать еще двадцати девяти другим требованиям. Жрецы с анкетой в руках осматривали тысячи быков, прежде чем удавалось отыскать подходящего кандидата.

И с этого момента бык-избранник попадал словно в рай. В земной рай: быка приводили во дворец с роскошным парком. Там бык жил на приволье без забот и печалей. Кормили его отборным кормом, поили ключевой водой, купали в теплых ваннах, окуривали ароматами.

По истечении двадцати пяти лет, если бык не умирал естественной смертью, жрецы уводили его из дворца и топили где-нибудь в укромном месте, по-

Египет. Начало третьего тысячелетия до нашей эры. Рельеф на саркофаге. Корова комолая, с хорошо развитым выменем. Это значит, что уже давно она одомашнена.

дальше от посторонних глаз. Затем объявляли, что бог Пта прекратил свое земное существование в теле старого Аписа и вселился в более молодого быка. Но одряхлевшую оболочку «бога» не выбрасывали за ненадобностью, а тщательно бальзамировали и хоронили с большими почестями на кладбище в долине Саккара. Погребальные церемонии быков обходились очень дорого, немногим дешевле похорон фараона.

Поклонение Апису, несомненно, первоначально связано было с культом земледелия. Когда новый фараон вступал на трон, Аписа — божественного Аписа, раскормленного неумеренными заботами жрецов! — запрягали в грубое ярмо, и фараон выезжал на нем в поле. Там, освящая поля, проводил плугом несколько борозд по земле.

82,15 ЛИТРА МОЛОКА В ДЕНЬ!

Мировой рекорд! Таков был суточный удой, полученный 19 февраля 1941 года от коровы Вена ярославской породы в колхозе «Домшинское» Вологодской области (доярка Н. И. Груздева). Только представьте себе: восемь с лишним ведер молока в день от одной коровы!

Но это рекорд, с тех пор никем не побитый. Обыч-

но же лучшие коровы ярославской породы, записанные в племенные книги, дают в среднем в сутки 15 литров молока.

Ярославская порода исконно русская. Выведена крестьянами бывшей Ярославской губернии. В наши дни ярославки распространены и во многих других областях.

Две основные масти у ярославской породы: черная белоголовая и красная белоголовая. У тех и других нередко белые «чулки», живот и конец хвоста. Прежде, в конце XIX и начале XX века, стандартной была объявлена черная белоголовая масть. Красная белоголовая браковалась. Но по молочным своим качествам коровы того и другого окраса ничем не отличаются, поэтому теперь в племенные книги допускаются коровы обеих этих мастей.

Рекорд иного типа — наивысший пожизненный удой — принадлежит корове костромской породы: 120 тонн 247 килограммов молока за тринадцать лет продуктивного использования.

Костромская — молодая порода, утверждена официально только в 1945 году (масть ее светло- и темно-серая). Выведена в хозяйствах Костромской области. Исходным материалом были стада Николо-Бабаевского монастыря. С середины прошлого века в монастырское хозяйство завозились альгаузские и швицкие быки. Полученные от них метисы скрещивались с местным и ярославским скотом. Особую роль в формировании костромской породы сыграло стадо племхоза «Караваяево». В этом стаде получены очень высокие средние годовые удои — до 6 тысяч литров в год, а от лучших коров за лактацию даже 10 тысяч килограммов молока (лактация — период, когда корова дает молоко, — продолжается 280—320 суток).

Наивысший в мире годовой надой молока — 20 тысяч литров; этого рекорда добились от коров голландской породы, древнейшей и лучшей из всех пород молочного направления. В этом смысле ее можно сравнить с арабской лошастью, сыгравшей главную роль в выведении лучших пород лошадей. Так и голландский скот: кровь его течет в жилах самых продуктивных молочных коров.

Еще Цезарь и Тацит упоминали в своих сочинениях о прекрасном скоте, который разводил по берегам Северного моря фризы и батавы. Работы по улучшению этого скота начаты были еще в XIII веке, а через сто лет голландские коровы прославились на весь мир. Их стали вывозить в другие страны. Так продолжалось (и продолжается) до нашего времени: во всех частях света пасутся стада голландских коров. В Россию впервые попали они при Петре I.

ЯРОСЛАВСКАЯ

КОСТРОМСКАЯ

ГОЛЛАНДСКАЯ

КРАСНАЯ СТЕПНАЯ

СИММЕНТАЛ

Прежде было три отродья голландских коров: фризское, или фрисляндское (черно-пестрой масти, молочного направления); красно-пестрое рейнизельское (молочно-мясного направления) и гронингентское (белоголовое, черной и красной масти, мясо-молочного направления). Ныне все они сформировались в особые породы, из которых наиболее ценная и популярная черно-пестрая фризская. Она применялась при создании таких, например, наших пород, как холмогорская, черно-пестрая, тагильская, бестужевская.

Холмогорская порода наиболее известная. Начало ее положено еще Петром I. По его приказанию первые транспорты голландского скота были доставлены в Холмогоры в 1725 году. С 1765 по 1898 год в Архангельскую губернию привезли для метизации местных коров 400 голландских быков.

Масть холмогорских коров черно-пестрая, но бывает и почти белая, даже красная.

Однако не холмогорские и ярославские коровы самые многочисленны в нашей стране, а красные степные. Их больше десяти миллионов голов, почти четверть всего породного рогатого скота в СССР. Красная степная порода выводилась с конца XVIII столетия на территории нынешней Запорожской области метизацией местного скота с привозными быками красной остфризляндской породы.

Красный степной скот очень неприхотлив к кормам, высоко-молочный, хорошо приспосабливается к разным климатам, пастись его можно даже в засушливых степях, у него стойкий иммунитет к болезням. Красный степной скот разводят во многих республиках нашей страны: на Украине, в Молдавии, в Грузии, Азербайджане, Туркмени, Узбекистане, РСФСР (в Поволжье, Предкавказье и в Сибири).

Говоря, что красный степной скот — самый многочисленный у нас, я имел в виду лишь породы молочного направления. Если же учитывать и мясо-молочные, то на первом месте будут симменталы: их около 14 миллионов (почти треть всего породного скота в СССР). Масть у симменталов палево-пестрая, реже красно-пестрая. Выведены в Швейцарии очень давно, еще в V веке. В Россию впервые завезены в середине прошлого столетия. По основной продукции в этой породе различают четыре типа: молочный, молочно-мясной, мясо-молочный и мясо-рабочий. Удой молока до 5 тысяч литров в год, рекорд — 14 430 килограммов. Акклиматизируются симменталы хорошо, разводят их в основном по всей южной полосе страны от Западной Украины и Белоруссии до Дальнего Востока.

Нужно упомянуть еще об одной породе — джерсейской. Введена англичанами на острове Джерси (в группе Нормандских островов, в 16 километрах от берегов Франции). На Джерси с 1789 года действовал закон, запрещающий ввоз любого крупного рогатого скота, кроме как на убой. Более 150 лет местные коровы разводились в чистоте, и получилась очень интересная порода: по жирности молока равной ей нет в мире. 5—6 процентов — средняя жирность. А у некоторых рекордистов до 7 процентов.

Климат на родине этих коров мягкий, трава круглый год зеленая. С мая по октябрь джерсеи дни и ночи остаются на пастбище. Только зимой на ночь загоняют их в стойла. Из всех пород джерсейская самая мелкая: вес коров до 400 килограммов, быков — 450, редко — 550. Масть светло-рыжая, палева, темно-буря.

В СССР джерсеев завезли в 1947 году. Быков используют для скрещивания с коровами тех пород, которым необходимо увеличить жирномолочность.

МОЛОКО

Мировое поголовье крупного рогатого скота перевалило уже за миллиард, а население земного шара превысило четыре миллиарда. Получается, что в сред-

нем на каждых четырех человек приходится одна корова. Однако поголовье скота по разным странам распределяется очень неравномерно. Например, в Монголии 24 миллиона коров, а население этой страны 1 миллион 378 тысяч (по данным на 1974 год). Получается: 17 коров на одного человека. В США — 115 миллионов голов крупного рогатого скота, население 213 миллионов 611 тысяч (на 1975 год). Полкоровы на человека. В Индонезии 7 миллионов голов крупного рогатого скота (не считая 2,7 миллиона буйволов), население 130 миллионов 600 тысяч человек: 0,05 коровы на человека.

Коровы всего мира производят в год не менее трех триллионов литров молока.

Молоко — главное, что мы получаем от коров. Оно незаменимый пищевой продукт, особенно в питании детей. В нем есть не только все необходимые жиры, белки и углеводы, но и многие из витаминов, ферментов, гормонов и антител, обуславливающих иммунитет к заболеваниям, почти все элементы, нужные для роста и развития, и в таком сбалансированном, идеальном для питания сочетании, которое почти невозможно подобрать искусственным путем.

На молоко тратится более половины корма, съедаемого коровой. За год она отдает в молоко питательных веществ в несколько раз больше, чем их содержит ее организм. А немолочное животное того же вида, скажем, откормленный бык или вол выдает в мясе, когда будет забит, лишь 16—20 процентов затраченных на него кормовых продуктов. Но и это только в том случае, если бык высокопородный (мясного направления).

Как вам хорошо известно, молоко вырабатывается в вымени коровы. Вымя можно назвать большой молочной железой. Оно разделено на четыре доли, которые заканчиваются сосками. Каждая доля представляет собой в основном железистую ткань, в ней множество альвеол (пузырьков). В них-то и образуется молоко из переваренной пищи, доставляемой в альвеолы кровью. Затем по особым протокам поступает молоко в «молочные цистерны», где и накапливается, а из них — в соски. Специфические раздражители (теленочек тычется мордой в вымя, появление доярки, массаж вымени, звуки доильной машины и пр.) вызывают соответствующий рефлекс — «отдать молоко» (он в зоотехнике называется «припуском»). Как только «цистерны» и альвеолы освободятся от молока, оно вновь будет вырабатываться и накапливаться в них.

В последние дни беременности и в первые семь-десять дней после отела вымя коровы вырабатывает не молоко, а молозиво. Это желтоватая густая жидкость, солоноватая на вкус и с особым запахом. В молозиве больше, чем в молоке, жиров, белков, вита-

минов и сухих веществ, но меньше сахара. Особенно в молозиве много антитоксинов и антител, которые предохраняют организм теленка от заболеваний.

Состав молока у разных животных неодинаков.

Ниже приводится содержание основных питательных веществ в молоке разных животных (в процентах).

	Жиры	Белки	Сахар
Дельфин	43,7	—	—
Северный олень	18,7	10,3	3,6
Кролик	10,5	15,5	2,0
Собака	9,3	9,7	3,1
Буйвол	7,7	4,5	4,8
Овца	7,2	5,7	4,6
Зебу	7,0	4,2	3,5
Як	6,8	4,3	5,0
Свинья	4,6	7,2	3,1
Верблюд	4,5	3,5	4,9
Коза	4,3	3,6	4,5
Корова	3,9	3,9	4,7
Кошка	3,3	3,7	4,9
Лошадь	1,8	2,1	6,4
Осел	1,4	1,0	6,2
Носорог	0,3	3,2	36

У человека эти показатели будут следующие: жиров — 3,76, белков — 2,14 и сахара — 6,29 процента.

ТОННА ТОВАРНОГО МЯСА С ОДНОГО БЫКА!

Вес быков выведенной в Англии герефордской породы втрое больше, чем у джерсейской, до 1500 килограммов! А выход товарного мяса до 70 процентов, так что один бык может дать больше тонны мяса. И какого мяса! Мягкого, тонковолокнистого, равномерно прослоенного жиром, так называемого «мраморного».

Упомянутые цифры — вес быков и выход мяса — рекордные. Средние для породы таковы: 850—1000 килограммов и 60—65 процентов.

Герефорды хорошо акклиматизируются, очень устойчивы против инфекционных заболеваний, менее требовательны к кормам, чем другие мясные породы, хорошо переносят и летний зной, и зимнюю стужу, и длительные перегоны. Энергия роста высока: годовалые бычки прибавляют в весе в среднем один килограмм в день.

«Перспективы использования герефордской породы в связи с ее биологическими особенностями в СССР огромные» (профессор Н. П. Герчиков).

Первых герефордов, 1240 голов, импортировали в СССР из Англии и Уругвая в 1928—1932 годах. Разводят их в основном в Оренбургской, Челябинской, Ростовской, Саратовской областях, в Алтайском и Красноярском краях, в Казахской ССР.

Масть герефордов темно-красная, холка, голова, подгрудок, брюхо, нижняя часть ног и кисть хвоста белые.

Три английские мясные породы — герефорды, черные абердин-ангусы и красные (либо белые) шортгорны — основные поставщики первосортной говядины, стада их пасутся на всех континентах.

ГЕРЕФОРД

АБЕРДИН-АНГУС

До сих пор речь шла о скоте определенной хозяйственной ценности, об обычных наших коровах и быках. Есть, однако, скот, который разводится в иных целях: для корриды, например, то есть боя быков, как декоративный скот — парковый либо просто одичавший — сохраняемый раритет природы или ритуальный скот.

ЗЕБУ

Одно время предполагалось, что зебу происходят от бантенга. Но у зебу совершенно иного, чем у бантенга или гаура, типа горб: его не поддерживают изнутри костистые отростки хребта, как у названных быков. Горб зебу непохож и на верблюжий: это не жировое скопление тканей, а странным образом разросшаяся мускулатура загривка. Одни ученые говорят, что прародиной зебу был Египет, другие — Индия. В этой последней стране коровы зебу священны. Причинять им вред и убивать запрещают религиозные традиции индуизма. В Непале за убийство зебу до сих пор налагается большой штраф.

Между тем Индия перенаселена горбатым скотом. Беспорядочные, полуголодные зебу бродят по дорогам, по улицам деревень и городов, мешая уличному движению. Гнать их прочь с полей — постоянная забота индийских крестьян. Лишь немногие из бродячих зебу находят приют и корм в специально для них отведенных загонах при хозяйствах богатых благочестивых индийцев.

В Индии около 160 миллионов голов рогатого скота. По меньшей мере 60 процентов из них бесполезно гуляющие на свободе зебу.

Мусульманское население Индии и народы Пакистана, Бирмы, Индонезии с успехом используют зебу в хозяйстве: на них пашут, запрягают в повозки, даже ездят верхом. Получают и молоко: средняя годовая удоимость зебу невелика — 500 литров, в лучшем случае втрое больше.

В Индии не менее тридцати рас и пород зебу.

Масть у них серая, красная, красно-пестрая, темно-бурая. На Цейлоне обитают рыжие карликовые зебу.

Завезли зебу в тропические и субтропические страны Америки и в США. От скрещивания зебу с шортгорнами американцы вывели породы мясного скота: санта-гертруда, брафорд, брангус и другие.

Такого же рода селекционная работа ведется и в нашей стране: гибридизация зебу со швицким скотом. В Азербайджанской ССР у нас разводят зебу в чистоте, а в Средней Азии — помесный зебувидный скот (хоросанское и кураминское отродья).

В Африку зебу попали еще в античное время. Здесь развелось немало гибридов зебу с древнеегипетским скотом. Среди них знаменитый своей красо-

той скот племени ватусси. У него невероятно длинные, лишь слегка изогнутые рога, обхват которых у основания до полуметра. Это у отродья, называемого инямбо. Все инямбо священны. Ни убивать, ни доить их нельзя. Роль своего рода жрецов при каждой такой корове исполняют два-три человека. Они пасут коров и ухаживают за ними.

Коров, стоящих в религиозных традициях рангом ниже инямбо, ватусси доят, а затем, смешав молоко со свежей кровью, пьют его. Кровь добывают особым способом: почти в упор поражают стрелой из лука шейную артерию коровы и под струю крови подставляют сосуд с молоком.

Подобного рода ритуалы сохранились еще у масаев, самбуру и у некоторых других племен Восточной Африки.

ПРЯМЫЕ ПОТОМКИ ТУРА

Некоторые английские аристократы содержат в своих лесных угодьях полудиких коров и быков, очень похожих на тура, но не черных, а белоснежных! В Англии пять таких парков. Самый знаменитый из них — Чиллингэмский. Он существует без малого семьсот лет!

В конце XIII века старый эрл Тенкервилл из Нортумберленда приказал огородить часть принадлежащего ему леса вместе со стадами полудиких белых коров и быков, которые появились в округе. Откуда они сюда пришли, неизвестно. С тех пор все Тенкервилли ревниво оберегали своих белоснежных пленников от постороннего скрещивания. Дважды это стадо чуть не погибло. В 1760 году после какой-то страшной эпидемии в живых осталось несколько коров и три быка. Но два из них в драке убили друг друга. К счастью, уцелевший бык был очень плодовит, и вскоре его юные отпрыски снова беззаботно резвились под кущами заповедного парка. В суровую зиму 1947 года из 33 животных погибло двадцать. Но через несколько лет стадо опять пополнило свои ряды.

Парковый скот напоминает прародителя тура не только внешностью, но и некоторыми чертами своей физиологии: животные эти только лишь на четвертый или пятый год становятся половозрелыми. А ведь домашние коровы половозрелы уже через семь-девять месяцев после рождения.

Но, пожалуй, еще больше, чем шотландский парковый скот, на тура похожи боевые быки Испании, которых разводят здесь для корриды на специальных фермах — ганадериях. У этих быков и масть, и рога, и резвость — все как у тура. Только ростом они маловаты.

Похожи на тура и одичавшие черные быки и коро-

вы Камарга. Здесь, вольные и независимые, обитают они бок о бок с белыми одичавшими лошадьми.

Зоолог Шлет две тысячи часов провел в седле, наблюдая за стадом коров Камарга. Он описал интересную субординацию, которая соблюдалась в стаде.

Все коровы разделены на ранги. Корова низшего ранга и близко не подойдет к той, которая много выше ее «по чину». Они хоть и пасутся в одном стаде, но как бы не существуют друг для друга. Если коровы лижут друг другу плечи, значит, они близки «по чину» (разница между ними примерно в три ранга).

У животных, за которыми всюду следовал Шлет, были особые «игровые площадки». Он видел, как коровы, едва переступив границы этих площадок (обычно на них вся трава вытоптана, и есть, где побегать), сейчас же, «словно автоматически срабатывает какой-то механизм, начинают играть. Бодаются, гоняются друг за другом, кувыркаясь, катаются по земле... Телята с воплями восторга скачут, задрав хвосты, и вертятся, пытаясь их поймать, что они проделывают почти так же мило, как котята».

Обычно играет молодежь, но часто и взрослые коровы не могут утерпеть и тоже скачут, потешая себя возней. Телята часто играют в игру, которую иначе и не назовешь, как «дочки-матери»: «один теленок делает вид, что сосет другого». А тот не сердится, а «кормит», как кормила его собственная мать-корова.

ТОЖЕ ПРЯМЫЕ ПОТОМКИ, НО НЕ ТУРА

А чьи тогда? Диких быков Азии: яка, бантенга и гаура.

Дикий як живет в высокогорных степях Северного Тибета. Это могучее животное высотой нередко больше двух метров, весом до тонны.

Приблизительно в первом тысячелетии до нашей эры народы Тибета стали разводить домашних яков. Они много меньше диких, мастью разные: черные, белые, красные, бурые, серые, пестрые... Бывают и комолые (примерно 30 процентов). Все тело яка с головы до ног покрыто грубой длинной шерстью. На брюхе шерсть особенно длинная, косматым пологом спускается до самой земли.

В высокогорных полупустынях Центральной Азии як — незаменимое животное. К суровым местным условиям он приспособлен, как никто другой из домашних животных. На яках по крутым горным тропам возят вьюки весом до 150 килограммов. На них пашут, ездят верхом. Мясом и молоком яков кормятся. Впрочем, молока дают яки не очень-то много — до 400 литров в год, но оно вдвое богаче жирами, чем у обыч-

ных коров. Из него делают масло, сыры и особого сорта продукты — сухую творожистую молочную массу, которая хорошо сохраняется, долго не портится.

Из грубой шерсти яков — за один настриг получают примерно три килограмма — валяют войлоки, ткнут покрывала. Мягкая шерсть яков-телят идет на домо-тканую одежду. Высушенный навоз яка почти единственное топливо в Тибете.

В 1971 году у нас был начат эксперимент: акклиматизация яков в Якутии. На Лене есть остров Харьялах, сюда и доставили из Бурятии самолетами 27 яков.

«На новом месте яки прижились, 60-градусные морозы переносят спокойно. Густая шерсть с обилием пуха, с бахромой до земли служит естественной подстилкой, когда животное лежит на мерзлой земле или на снегу. Поэтому для нормальной жизни якам достаточно простых навесов, тогда как обычный скот в условиях Якутии содержится в стойлах с октября по май» (Н. Усов).

Уже на следующий год после переселения в этом стаде родилось 14 телят. В 1973 году с Алтая в Якутию привезли еще 60 яков.

Помеси яков с обычным скотом и с зебу — хорошие тягловые и транспортные животные. Они и молоко дают немало: в хороших условиях до 3 тысяч литров в год. У нас давно уже ведутся работы по гибридизации яков с обычным скотом. Получены помеси, совместившие в себе лучшие качества обоих прародителей. Над этим работают коллективы Горно-Алтайской сельскохозяйственной опытной станции и Киргизского научно-исследовательского института животноводства и ветеринарии.

Домашний як распространен много шире, чем дикий. На севере — до Бурятии и Алтая, на юге — до Непала и Бутана, на востоке — до Монголии.

Даже с гаялом скрещивают яков в Бутане. Правда, их метисы неплодотворны.

Гаял (или гайял) — загадочный бык. Прежде долго не могли понять, происходит ли гаял от гаура, либо это два самостоятельных вида, или гаял — гибрид гаура с бантенгом. В недавнее время выяснилось, что верно первое предположение: гаял — домашняя форма гаура. Он меньше дикого предка: до 160 сантиметров в холке (гаур до 2,2 метра). С менее выраженной горбиной на спине. Мастью иссиня-черный, с белыми ногами и кистью на конце хвоста. Однако попадаются бурые, даже пегие и белые гаялы.

Едва ли можно считать гаяла по-настоящему домашним животным. Его редко содержат в стойлах. Обычно весь день гаялы без пастухов пасутся в джунглях, лишь вечером приходят в деревню, где получают определенные порции соли, которые выдают им на ночь. В джунглях Восточной Индии, Бирмы и Индокитая бродит немало одичавших гаялов. Порой они приходят в деревни вместе с домашними.

Хозяйственное значение гаяла невелико. Его жир-

ное молоко почти не используется, редко где на гаялах пашут. На мясо, правда, их забивают. На сельскохозяйственных работах трудятся в основном помеси гаялов с зебу.

Интересно, что у некоторых племен Индокитая и Бирмы гаялы служат своего рода «разменной монетой»: чем большим числом гаялов владеет человек, тем выше его социальное положение. Гаялами платят калым за невест, всякого рода долги и штрафы.

Южноазиатский дикий бык бантенг тоже имеет прирученных человеком потомков. На острове Бали в Индонезийском архипелаге бантенг стал домашним животным, как полагают, в античное время. На Яве лишь в XVIII веке. Чистокровных домашних бантенгов здесь, возможно, уже и нет, есть только их помеси с зебу и обычным скотом. На Бали же бантенги содержатся в изоляции в породной чистоте. Масть их черно-бурая, пегая, белая, рыжая.

Оставленные без присмотра домашние бантенги быстро переходят к своему первоначальному дикому образу жизни. Стада одичавших бантенгов пасутся в саванного типа лесах на юге Сулавеси. Сюда они были когда-то завезены с острова Бали.

На острове Мадуро выведена особая высоконогая и резвая порода бантенгов. Любимое народное развлечение у жителей Мадуры — бега, вернее сказать, скачки быков!

БУЙВОЛЫ

По болотистой равнине не спеша шествует стадо весьма внушительных и грозных на вид быков. У них очень большие изогнутые лирой рога (у иных до полутора метров длиной!). Все стадо беспрекословно повинуетсЯ вожаку, а тот — маленькому шестилетнему ребенку. Трудно на широкой спине быка его и заметить-то. Тонким прутиком ребенок направляет огромного буйвола куда хочет. И могучий, саженной высоты бык подчиняется ему добродушно и охотно. (Для тех, кто любит точность, скажу: рост некоторых пород разводимых в Индии буйволов до 1,8 метра.)

Захочет ребенок сойти на землю, а потом снова забраться на буйвола, тот послушно ляжет и склонит голову, чтобы маленький пастух мог вскарабкаться на своего рогатого друга.

Умные животные — буйволы! И очень преданы человеку. Никакой хищный зверь не страшен ребенку, восседающему на буйволе, даже тигр близко не подойдет: знает полосатый, что с буйволом ему не совладать.

Буйволы — самые ценные домашние животные в странах Юго-Восточной Азии. В еде они неприхотливы, прокормиться могут даже там, где коровы погибли бы с голоду. В работе неустойчивы, от зари до зари трудятся без отдыха. Только в самые жаркие полуденные часы «перерыв» у них. Идут к воде — очень ее любят! — и, погрузившись по самые глаза и нос, блаженствуют: лежат, почти не двигаются, отдыхают, прохладные ванны принимают.

Так же смело, как сейчас в объектив, смотрит домашний буйвол и на тигра.

На буйволах пашут, возят поклажу: в упряжке и под вьюком. Буйволы транспортируют из леса бревна, приводят в движение, шагая по кругу, мельницы, молотилки, водочерпалки и устройства, прессующие сахарный тростник.

Молоко буйволов вдвое полезнее коровьего: жира в нем 8—9 процентов. Правда, невелики надои: 1400—1600 литров в год. Рекорд — 3500 литров. Толстая кожа буйволов идет на подошвы, которым сносу нет. И что еще очень важно — буйволы невосприимчивы к многим болезням, страшным для обычного скота.

Естественно, что все эти прекрасные качества не остались без внимания, и человек расселил буйволов по разным странам и континентам.

Приручены буйволы, по-видимому, в третьем тысячелетии до нашей эры в Индии или Индокитае. С завоеваниями ислама буйволы были завезены арабами в Переднюю Азию и Северную Африку. Из Египта попали в Восточную Африку, на Занзибар и на остров Маврикий, потом на Мадагаскар. Здесь эти животные одичали, сохранилось всего несколько их стад.

Арабы же переселили буйволов на Сицилию и в Южную Италию (в этой стране сейчас лишь 2—3 тысячи буйволов, а 30 лет назад было 12 тысяч). С турецкими войсками попали на Балканы. В 1825 году буйво-

лов импортировали в Австралию, где они одичали и живут теперь в степях и полупустынях пятого континента. Когда появились буйволы в Японии, неизвестно. Но уже в наше время их поселили на Гавайских островах, в Центральной и Южной Америке.

Масть домашних буйволов, называемых также «керабау», темно-бурая, темно-серая. Но в некоторых странах, например в Индии, встречаются черные, белые, черно- и красно-пестрые.

Всего в мире 75 миллионов буйволов, из них 50 миллионов — в Индии и Пакистане, еще 20 миллионов в других странах Юго-Восточной Азии.

У нас буйволов разводят в Азербайджане, Армении, Грузии и на Северном Кавказе.

«Плановая племенная работа с буйволами ведется в Азербайджанской ССР, где организован Дашюзский племязавод и созданы колхозные племенные фермы» (А. А. Агабейли).

НА ПУТИ К ДОМЕСТИКАЦИИ

«Доместикация» значит «одомашнивание». Есть виды животных, прирученные человеком, которые близки к тому, чтобы стать домашними. И один из наиболее вероятных кандидатов — африканская антилопа канна. Собственно говоря, в Древнем Египте она уже была домашней. Там ее доили, впрягали в плуг повозки. Но потом другие копытные, оказавшиеся более продуктивными, вытеснили канн из сферы доместикации. И вот уже несколько тысяч лет не было на земле домашних канн.

Опыты по приручению канн начаты были в Африке, а у нас этим занимались в заповеднике Аскания-Нова. Здесь канн акклиматизировали еще в конце прошлого века.

В наши дни в Асканийской степи пасутся 28 видов различных антилоп. Самые ручные из них, смывленные и доверчивые — канны. В Аскании-Нова организована ферма, где доят этих величественных животных. Некоторые из них дают до семи литров молока в день. И отличного молока! В нем 13 процентов жира. Намного больше, чем в коровьем, сахара и белков, и еще есть особые целебные вещества. «Молкан» (так называют молоко канн, применяемое как лечебный препарат) помогает при язвах желудка, туберкулезе, незаживающих ранах и при других кожных и желудочно-кишечных заболеваниях.

Рассказывают, что первой дойной канной стала в Аскании-Нова антилопа по кличке Нила. У нее погиб теленок. Вымя разбухло от избытка молока. Решили ее подоить. Словно понимая, что это принесет ей облегчение, она без сопротивления подпустила доярку. И во второй, и в третий раз, и в последующее за тем время Нила отдавала молоко не теленку, а человеку.

После Нилы разрешили доить себя Венера, Некто-

рия, Нота и другие канны, которых теперь в дойном стаде более двух десятков.

Научные сотрудники Аскании-Нова не остановились на этом: пробовали и других антилоп приручить настолько, чтобы они давали молоко человеку. Некоторые из них, нильгау например, стали дойными, другие же, особенно гну, еще дикие и близко не подпускают доярка. Но опыты продолжаются.

Второе копытное животное, domestikация которого принесла бы большую пользу человеку, особенно населению северных окраин земли,— мускусный бык.

В пластах земли, там, где находят ископаемые останки мамонтов, шерстистых носорогов и других животных, обитавших в северных странах в ледниковое время, попадаются в немалом числе и кости еще одного копытного зверя — овцебыка. Внешне он действительно похож на быка (впрочем, и барана чем-то напоминает). Прежде в зоологической классификации числился он среди быков; теперь — в подсемействе баранов.

В ледниковое время овцебыки водились по всей Сибири (к югу до Монголии), в Европе (в Англии, Франции, Германии) и в Америке (на территории нынешних Соединенных Штатов). А теперь стада диких овцебыков сохранились только на северо-востоке Гренландии и Канады. Есть они на Шпицбергене, в Норвегии и на Аляске, но сюда овцебыков завезли.

Сколько их осталось? Разные называют цифры. Пессимисты говорят, что не больше 10 тысяч. Оптимисты полагают: лишь в Канаде около 13 тысяч овцебыков, да еще в Гренландии тысяч одиннадцать. Но и это все равно немного. Еще недавно овцебык был на грани вымирания, и, если бы не усилия решивших спасти его людей, он бы эту «грань», безусловно, переступил.

Размножаются овцебыки медленно, одного теленка рожают их самки раз в году (в южных местах ареала) либо раз в два года (в более северных районах обитания). Отел в мае — начале июня, но иногда и в апреле. Тогда многие из новорожденных телят погибают, замерзают. Приплод невелик: в стаде из двадцати овцебыков редко встречаются больше трех-четыре телят.

Другая причина, которая отнюдь не способствует распространению овцебыков по арктическим островам и окраинам северных континентов,— стойкая привязанность этих животных к уже обжитым местам. Они не кочуют, никуда не мигрируют ни зимой, ни летом.

«И случается, что и год и два стадо проводит в одной и той же долине, на одном и том же склоне горы» (С. М. Успенский).

Высота в холке — 110—145 сантиметров. Живой вес — 200—400 килограммов, иногда и больше. Масть темно-бурая. Рога на лбу разрослись вширь и в толщину, как у африканского буйвола. Получилось нечто вроде шлема, который, говорят, и пуля не пробивает. Хвост короткий — 7—10 сантиметров. Зато шерсть необыкновенно длинная: более длинношерстного зверя нет на Земле! Даже на спине длина волос 16, а на шее, боках и брюхе — 60—90 сантиметров. Густыми прядями свисает шерсть до самой земли, образуя непродуваемый ветром полог. И малым телятам под брюхом у матери хорошее укрытие. А когда лежит овцебык на снегу, то великолепная шерсть «и одеяло и матрац»...

Но в сильные метели и мороз овцебыки не лежат. Плотно прижавшись друг к другу, они стоят и сутки и двое, пока не кончится пурга.

Плотно сомкнутыми в живой круг телами образуют взрослые быки ветровой заслон. В середине прячутся коровы с телятами. Так же, в такой же круговой обороне, отражают овцебыки нападение волков и даже будто бы белых медведей.

Переносить сильные морозы помогают некоторые приспособительные особенности кровеносной системы овцебыков. Кровь в их ногах течет медленно: ноги стынют, но зато более важные органы сохраняют тепло, которое они теряли бы больше, если бы кровь в открытых ветрам ногах циркулировала быстрее.

Редко случается, чтобы овцебыки пытались напасть на человека. Обычно это лишь демонстрация устрашения. Бык довольно резво галопирует навстречу человеку, но, не добежав, круто поворачивает и, с угрозой оглядываясь, возвращается к стаду.

В августе — сентябре гон, то есть свадьбы, и тогда крупные овцебыки довольно агрессивны. Изгоняют из стада молодых, более слабых быков. До того «ревнивы», что даже песцов и птиц атакуют и гонят прочь. В это время овцебыки распространяют вокруг себя резкий запах. Из-за него и дано им второе название — мускусные быки.

Удивительно нетребователен овцебык в выборе пищи: прокормится и там, где северный олень будет голодать. Листья и побеги ивы, сосны, разные травы, лишайники, мхи — все ест с одинаковым аппетитом. Зимой добывает пищу из-под снега. Поэтому в большие снегопады голодают овцебыки.

В некоторые зимы на севере и северо-востоке Гренландии метели укрывают землю сугробами глубиной до трех метров (вместо обычных полутора). Зоологи, обеспокоенные тем, что такие снегопады могут погубить северогренландские стада овцебыков, решили переселить некоторых животных на юго-запад

этого острова. В 1961-м и затем в 1964 году поймали на севере Гренландии несколько десятков овцебыков и привезли в Копенгагенский зоопарк. Там они перезимовали, а летом их снова погрузили на пароход и выпустили на волю на юго-западе Гренландии, где они в историческое время, насколько известно, никогда не жили.

Это не первый опыт поселения овцебыков на новых землях.

Еще в 1900 году шесть телят привезли в Швецию. Позднее попытались акклиматизировать овцебыков в Исландии. Но и в Швеции и в Исландии все овцебыки погибли, как это ни странно, от воспаления легких. Климат в этих странах не подходящий для овцебыков: слишком влажный, а они привыкли к более сухим морозным зимам.

На Шпицбергене, в Норвегии и на Аляске дела сложились более удачно. От 17 молодых телок и бычков, доставленных в 1929 году на Шпицберген, ведет начало местное стадо овцебыков. В 1942 году в нем было уже 70 голов. В войну многих из них перестреляли. Уцелевшие продолжали размножаться: в 1960 году на острове Шпицберген жили 150 овцебыков.

В Норвегии акклиматизация овцебыков началась с 1932 года. Сюда импортировано 38 телок и бычков. Но бычки покинули телок своего роду-племени и прибились к стаду домашних коров. Паслись с ними вместе, даже в одно стойло приходили ночевать. С трудом удалось вновь собрать их в одно стадо с мускусными телками, которое облюбовало красивую долину среди гор и поныне живет там.

Овцебыки, вновь обосновавшиеся после долгого отсутствия на Аляске, прежде чем там поселиться, совершили длительное путешествие на пароходах и поездах, проехали 23 тысячи километров!

Конгресс США выделил 40 тысяч долларов на акклиматизацию овцебыков на Аляске. Отправились ловить их в Гренландию: сорока трех поймали и погрузили на пароход. Привезли их сначала в Осло, потом — в Нью-Йорк. Оттуда с востока на запад через все Соединенные Штаты мускусные быки приехали на поезде в Сиэтл. Потом морем и сушей добрались наконец до города Фербенкса на Аляске. Позднее это стадо поселили на острове Нунивак (в Беринговом море у берегов Аляски). Сейчас там их уже больше семисот.

Мясо у овцебыков хорошего качества, шкуры тоже, но самое ценное — пух, именуемый «гивийот». Это подшерсток. Он стоит дорого — сто долларов за килограмм. Прежде его начесывали с убитых быков: до пяти килограммов с каждого, пишет советский ученый С. М. Успенский. Теперь выщипывают весной у овцебыков, которых разводят на фермах Норвегии, Канады и на Аляске.

Осенью 1974 года овцебыков поселили в таймыр-

ской тундре. Отгородили сто гектаров земли металлической сеткой и десять бычков и телок, подаренных правительством Канады, выпустили в эту огромную вольеру. Позднее еще 40 овцебыков прилетели на самолете Ан-12 с острова Нунивак на Чукотку. Половину из них отправили на остров Врангеля, а двадцать — на Таймыр, к тем десяти овцебыкам, которые были поселены здесь раньше. Так начался эксперимент с акклиматизацией мускусных быков в СССР.

В ПЯТНАДЦАТЬ РАЗ БОЛЬШЕ

Да, именно так: в кустарниковой саванне можно разместить в 15 раз больше диких травоядных животных, чем способно здесь прокормиться домашних. Не в числе голов дело, а в биомассе — общем весе тех и других. Правда, пример мною взят поразительный. Обычно перевес диких животных над домашними не так велик, но и совсем не мал. В национальном парке Альберта (Танзания) биомасса всех диких животных равна была в конце 50-х годов 24 406 килограммам на один квадратный километр. А в Заире на той же площади едва выживает полуголодный домашний скот с общей биомассой в 5500 килограммов.

Годовой прирост продукции у диких животных тоже значительно выше: 13,1—17,5 тонны против 2,1—8,7 у домашних, которые пасутся на той же площади (квадратный километр).

Почему так? Потому что дикие животные разных видов кормятся разными растениями. Слон — в основном ветвями кустарников и деревьев. Жирафа — листьями деревьев, растущими так высоко, что ни одно другое животное (кроме слона) добраться до них не может. Далее: газель Томпсона поедает в основном двудольные растения, гну, топи и зебры — злаки. Да и то неодинаковые их части: зебры верхние, а топи и гну прикорневые. Черный носорог ест листья и ветви кустарников, а белый — траву. Таких примеров много.

Домашние животные, особенно породистые, в выборе кормов избалованы, кустарники и деревья не трогают (кроме коз), а травы поедают всякие и потому быстро опустошают пастбища. Дикие животные ходят рассеянными стадами, а домашние — плотными табунами, вытаптывают степи. Широкие тропы (настоящие дороги!), большие пространства оголенной земли, оставленные ими, приводят к эрозии почвы. Священный скот ватусси, масаев и других племен, который для питания людей никак не используется, вытесняет с природных пастбищ диких копытных, обрекая на голодание и их и себя.

Вот и получается, что примерно треть мирового поголовья крупного рогатого скота, сосредоточенного

в Азии и Африке, дает только десятую часть мировой продукции животноводства.

Все большее число фермерских хозяйств в Африке переходит к дичеводству.

«К концу шестидесятых годов в Африке имелось не менее трех тысяч ферм, занимавшихся разведением диких копытных животных. Они ежегодно дают десятки тысяч тонн превосходного мяса» (В. В. Дежкин).

Оно считается деликатесом. В ресторанах Найроби и Парижа мясо антилопы канны, сернобыка, импалы и других газелей продается по фантастическим ценам.

Ежегодно население Земли увеличивается на 80 миллионов человек. Чтобы прокормить быстро растущее в числе своем человечество, эксперты ООН пришли к заключению, что пора превратить диких копытных животных «из объекта экзотического в источник белковой пищи». А сделать это можно только путем их массового разведения на особых фермах и в заповедниках. А некоторые виды, вероятно, со временем станут полностью домашними животными.

ЗАЙЦЕОБРАЗНЫЕ И ГРЫЗУНЫ

Домашних животных в классе млекопитающих дали еще два отряда: зайцеобразные и грызуны (каждый по одному представителю). Это кролик и морская свинка.

Время одомашнивания кролика даже приблизительно не установлено. Известно только, что в античное время, в Древнем Риме, полудомашних кроликов разводили в особых загонах, называемых лепорариями. Содержали только для гастрономических целей. Может быть, тогда уже кролики были домашними. Нет, говорят другие ученые, кролик стал домашним лишь в годы средневековья.

Предок домашнего кролика — дикий кролик, первоначальный ареал обитания которого Испания и Марокко.

Время приручения морской свинки тоже неизвестно. Многие столетия назад жила она как домашний зверек в селениях инков. В Европу попала лишь в XVI веке.

Предок домашней свинки — дикая морская свинка, или апереа; обитает по всей Южной Америке, кроме тропических лесов Амазонии и юга континента. Родоначальником домашних свинок считается чилийский подвид: морская свинка Чуды.

КРОЛИКИ

До последнего оледенения дикие кролики жили почти во всей Западной Европе, даже в Англии. После оледенения они сохранились лишь в Испании и в Северо-Западной Африке (в Марокко). Затем уже в историческое время люди расселили диких кроликов сначала в Италии и на средиземноморских островах.

На Балеарском архипелаге случилась такая же история, как позднее в Австралии. Пару кроликов выпустили на волю. Потомки их скоро так расплодились, что местные жители просили римского императора Августа помочь им в борьбе с кроликами, прислать солдат. Никакой иной помощи не мог оказать им могущественный повелитель всесильной империи, кроме как переселиться на новые земли.

Португальские завоеватели завезли диких кроликов на Мадейру, Азорские и Канарские острова. В Англию вновь кролики попали в XII веке вместе с норманнами. Во Францию, очевидно, переселились

сами, а в Германии, как удостоверяют старинные документы, появились не позднее 1423 года.

Первые опыты по акклиматизации кроликов в Австралии были начаты в 1787 и 1791 годах. Но гигантская вспышка их размножения случилась позже: после того как в 1859 году некий Аутин привез из Англии в Австралию 24 кролика. За девять лет до этого один человек был приговорен местными властями к штрафу в 10 фунтов стерлингов за то, что застрелил кролика на земле некоего Робертсона. А еще несколько лет спустя тот же Робертсон истратил 5 тысяч фунтов стерлингов, безуспешно пытаясь истребить кроликов в своих владениях. Расплодившись, кролики стали национальным бедствием Австралии (ведь в этой стране мало хищников!).

Кролики пожирают зеленеющие травы, опустошая луга и поля. Жители Австралии ведут с кроликами настоящую войну с применением авиации, отравляющих газов и воинских подразделений. Но кролики не сдаются, их удалось лишь несколько оттеснить во внутренние пустынные районы страны, отгородившись от них китайской стеной новейшего образца — хитроумными изгородями из колючей проволоки, которые протянулись на тысячи километров (около десяти тысяч километров изгородей в одном лишь Квинсленде!).

Ежегодно Австралия экспортирует 70 миллионов шкурок и около 16 миллионов замороженных кроличьих тушек. Но незаметно, чтобы этих животных здесь стало меньше...

Первая попытка акклиматизации кроликов в Новой Зеландии, предпринятая в 1838 году, оказалась неудачной. Повторена она была через 26 лет, и здесь тоже началось массовое размножение кроликов.

Несмотря на горький опыт Австралии и Новой Зеландии, в начале нашего века кроликов поселили в Чили и на острове Сан-Хуан у тихоокеанских берегов США.

«В некоторых местах с искусственным поселением кроликов дело не ладится. В Соединенных Штатах в 1951 году в штате Нью-Джерси выпустили на волю 20 тысяч диких кроликов на общую сумму 27 тысяч долларов. Когда охота началась, было убито только 1600 кроликов, так что каждый застреленный кролик обошелся примерно в 17 долларов. То же случилось в Огайо, Пенсильвании, в штате Нью-Йорк» (Бернгард Гржимек).

Даже на ветреном, холодном острове Кергелен в Антарктическом регионе прижились и расплодились кролики. Они доедают там остатки и без того скудной растительности, а зимой кормятся морскими водорослями, выброшенными на берег.

Таким образом, современный ареал диких и одичавших кроликов занимает, помимо многих островов,

Австралию, Новую Зеландию, Чили, почти всю Западную Европу, включая Англию, часть Норвегии, шведский остров Готланд. На восток простирается до Западной Польши и юга Правобережной Украины (сюда завезли кроликов в прошлом веке).

Когда был одомашнен кролик, не установлено. Во всяком случае, и в Риме, и в странах средневековой Западной Европы кролики (особенно кроличьи эмбрионы и новорожденные крольчата) подавались на стол как большое лакомство. В Англии в начале XIV века кролик стоил не меньше поросенка.

Что получил кролик от союза с человеком? Кормушку с едой, защиту от врагов и крышу над головой. А что потерял? Прежде всего свободу. Затем объем мозга у домашнего кролика стал на 22 процента меньше, чем у дикого, вес сердца уменьшился на 37,5 процента. Менее объемным стал желудок, а кишки на метр короче. Все органы чувств притупились: и зрение и слух, обоняние и вкус уже не те, как у дикого предка. А что приобрел человек? Очень продуктивное домашнее животное. Крольчиха в возрасте трех-четырех месяцев уже может стать матерью. Беременность всего 28—32 дня. В год приносит матка от трех до шести пометов, в каждом 6—15 и больше крольчат. Новорожденные, они весят 60—70 граммов, а через месяц, когда отнимают от матери, в десять раз больше.

От живого кролика можно получить только пух, равный по теплопроводности мериносовой шерсти: 350—700 граммов с каждого кролика пуховой породы (в год). Еще и навоз — лучшее удобрение для огородов, парников и садов. А после забоя кролик дает:

диетическое мясо. В нем жиров и белков больше, чем в говядине, баранине и курятине. От одной крольчихи до 100 килограммов в год (имеется в виду ее потомство). На первом месте в мире по производству крольчатины стоит Франция (400 тысяч тонн в год), на втором — Италия (180 тысяч тонн), на третьем — США (60 тысяч тонн). В СССР в 1971 году получено 38 тысяч тонн кроличьего мяса;

жир. Он по качеству и вкусу лучше, чем у всех убойных животных. С откормленного кролика снимают до 200—500 граммов жира;

шкурки. Основная масса их идет на подделки под дорогие меха. Но у некоторых пород мех и в натуральном виде очень хорош. В СССР в 1971 году было заготовлено 47 миллионов кроличьих шкурок;

шерсть с линяющих кроликов или от сбривания с испорченных шкурок. Из нее получают отличные фетровые изделия; кожа. По мягкости, плотности и хорошей «потяжке» не уступает лучшим сортам замши, лайки и шевро;

кишки идут на выделку струн для музыкальных инструментов; кровь. Смешанная с отрубями, очень полезный корм для домашней птицы;

еще, не забыть бы, клей. Готовят его из обрезков кожи, из ушей, лапок и костей. Употребляется в багетных мастерских для склеивания гипса с деревом. Годится и для тонких столярных и картонажных работ.

ПОРОДЫ КРОЛИКОВ

Фландр, или бельгийский великан. Самый крупный в мире кролик: длина его до 90 сантиметров, вес до 8 килограммов. Родом он, как показывает название, из Фландрии. Главный центр разведения — город Гент. В начале нашего века порода фландров стала терять лучшие свои качества, оттого что много наиболее ценных производителей покупали и вывозили за пределы страны.

Разводят фландров в основном рабочие и главным образом не на убой, а ради удовольствия и развлечения. Это своего рода хобби: кто лучших кроликов вырастит и представит на выставки, которые проводятся ежегодно.

Для приобретения и содержания дорогостоящих производителей денег у рабочих Гента не было. В этом деле им помогло общество рационального кролиководства «Стиргоф», которое добилося от правительства необходимых субсидий.

Порода позднеспелая: не ранее восьмимесячного возраста готовы фландры к убою. И только годовалые годятся к размножению. Кроме того, у племенных крольчих можно оставлять не более трех-четырех крольчат. Прочих либо забивают, либо отдают на «воспитание» менее ценной крольчихе.

Мастью фландры разные: серые, голубые, рыже-желтые, черные и белые.

Венские голубые кролики бывают либо чисто-голубыми (сизые) или с легкой серебристостью, как бы с проседью. В пушной торговле очень ценятся чисто-голубые. Если голубой цвет с годами начинает блекнуть, то голубую самку случают с черным фландром, а из помета выбирают на племя самцов с наиболее темным голубым оттенком.

Шампань, или французский серебристый. Мех этого кролика ценится еще дороже венского голубого. Родятся серебристые кролики совершенно черными, лишь в возрасте трех месяцев у них появляются серебристые волосы, а еще через месяц мех становится совершенно голубым. И чем светлее голубизна шкурки, тем дороже они стоят. Бывают в этой породе и серебристо-коричневые и серебристо-желтые. Все серебристые кролики по требованию стандарта должны иметь равномерную окраску: морда, уши и хвост не темнее всего прочего.

Шиншилла. Его пепельно-голубоватый мех настолько красив, что без всякой подкраски и имитации идет в торговлю и стоит недешево. Он, этот мех, похож цветом и мягкостью на шкурки южноамериканского грызуна шиншиллы.

Русский горностаевый кролик — великолепной окраски и часто разводится просто для красоты как декоративное животное. Он белый, уши, ноги, конец морды и хвоста черные. Крольчата этой удивительной породы рождаются розовыми или черными. С возрастом они белеют, черные пятна появляются лишь у пятимесячных. Шестимесячные — самые красивые. А к полутора годам черные пятна рыжеют. Чтобы сохранить красивую окраску, рекомендуют держать клетки с кроликами в темном погребе, тогда черные пятна не выцветают.

Русского горностаевого кролика иногда называют гималайским по той причине, что будто бы таких кроликов много в Гималаях.

Гавана. Кролики этой породы шоколадного цвета, точнее цвета гаванской сигары. Первоначально их называли «английскими кроликами с огненными глазами», но голландское общество кролиководов переименовало их в гавану, с тех пор и носят они это имя на всех выставках.

Кролик-бабочка. У него такая же редкая и красивая окраска, как у горностаевого. Белый с черными, серыми или желтого цвета пятнами, расположенными симметрично. В тон пятен окрашены у него нос и уши, а вдоль спины темный ремень.

Бельгийский заяц, или лепорид. При выведении этой породы старались придать кроликам как можно больше сходства с зайцем.

Японский трехцветный кролик окрашен так же, как и некоторые трехколерные кошки: по всему телу у него черно-бело-жел-

ФЛАНДР

ВЕНСКИЙ
ГОЛУБОЙ

РУССКИЙ
ГОРНОСТАЕВЫЙ

ЛЕПОРИД

японский

Ангорский

тые пятна. Одна половина головы — желтая, другая — черная. Кролик этой редкой окраски никогда не был в моде, и его роль в кролиководстве ничтожна.

Ангорский пуховый кролик. Вид у него презабавный: пушистый белый комочек. Весь оброс длинной (до 80 сантиметров) шелковистой шерстью. Годовой настриг с каждого кролика до 500 граммов, а пуха начесывают до 700 граммов в год. Длина пуха — 10 — 25 сантиметров.

Окраска обычно белая, но бывает и черная, серая, бурая. Особенно красивая масть у русского ангорского кролика: словно бы зеркальное отражение цветов горностаевого кролика — белый нос, белые уши и ноги, а все остальное черное.

Ангорский кролик прежде был живой игрушкой у дам, как сейчас болонки. Поэтому и называют его иногда «дамским». У нас же эта порода издавна была известна под именем «песцовая».

Название «ангорский» не означает, что он был выведен в Ангоре (теперь Анкара — столица Турции). И ангорская кошка не оттуда родом. Названы они так по аналогии с действительно ангорскими козами.

Люди вывели много пород кроликов: черно-бурый, рекс, аляска, вуалево-серебристый, советский мардер, английский вислоухий, нормандский, голландский, польский... Всего шестьдесят.

РАЗВЕДЕНИЕ КРОЛИКОВ

Для этого прежде всего нужна клетка. Размеры ее приблизительно такие: высота — 50—60 сантиметров, длина — 75 и глубина — 60 сантиметров. Это для двух-трех кроликов средних и мелких пород. Для крупных пород необходима клетка больших размеров: соответственно 60, 105—110 и 80 сантиметров.

Дверцы клетки, занимающие весь ее фасад, должны быть сплошь затянуты сеткой (с ячейками не более двух сантиметров). Для самца и самки передняя часть клетки закрывается сеткой лишь на две трети своей длины. Треть остается затемненным уголком, в котором кролики прячутся днем. Кроме того, у самки эта часть клетки служит и гнездом. Чтобы не было сыро — а сырость очень вредна для кроликов, — в клетке делают два пола: верхний решетчатый, нижний сплошной и с наклоном, чтобы сток был.

Для верхнего решетчатого пола берутся планки шириной в два сантиметра. Расстояние между ними должно быть не больше одного сантиметра, иначе маленькие крольчата станут проваливаться лапками в промежутки между планками.

Клетки нельзя ставить прямо на землю, а, по крайней мере, в 15 сантиметрах над землей. Подстилку следует менять через каждые пять-шесть дней. Подстилкой служат сено, солома, мох, сухие листья и торф. Не менее двух-трех раз в год производят дезинфекцию клеток. Их моют горячей водой с мылом и содой, затем протирают четырехпроцентным раствором креолина.

Для молодых кроликов делают приставные выгулы, дворики или переносные клетки — садки, которые передвигают два-три раза в день.

На зиму клетки с кроликами ставят в сарай или другое подобное помещение, но только не в отапливаемое.

Спаривать кроликов можно не всегда, а только в период «течки» у самки. Это ее физиологическое состояние проявляется внешне так: крольчиха беспокойно скачет в клетке или забивается в темный угол, разбрасывает корм и подстилку, плохо ест. Некоторые матки в этот период выдергивают у себя на груди и на брюшке пух, таскают в зубах сено: готовят материал для гнезда. «Течка» длится обычно четыре-пять дней и повторяется вновь, если крольчиха не оплодотворена.

Заметив подобное поведение, самку сажают в клетку к самцу. Оставлять надолго их вместе нельзя: начнут выяснять «семейные отношения» — ссориться, драться и «опостылят» друг другу. Луч-

ше повторить такую подсадку еще раз или два-три раза в последующие дни.

В первые две недели не следует давать самке много корма, чтобы ожирения не получилось. Во вторую половину беременности корм должен быть питательный, легкий, разнообразный и сочный, богатый водой (молоко с сахаром, белый хлеб в молоке, манная каша, свекла, свежие листья капусты, морковь). Крольчихи, томимые жаждой, сильно возбуждены, мечутся по клетке и могут съесть новорожденных крольчат.

Некоторые самки начинают строить гнездо слишком рано: за 8—15 дней до родов. Оно обычно разваливается к тому моменту, как появятся крольчата. А матка вторично не будет готовить гнездо. Тогда нужно собрать пух и незадолго перед родами сделать искусственное гнездо. Иногда самки вовсе отказываются строить гнездо. Тогда кроликовод должен сам соорудить его из овечьей шерсти или пуха, выщипанного с другой самки.

Рожать крольчихи любят в темноте, чтобы никто не мешал. Поэтому за день-два до родов клетку нужно занавесить. Роды длятся около часа, но иногда и 48 часов. Некоторые молодые самки оставляют крольчат разбросанными по клетке. Их необходимо собрать и положить в гнездо, прикрыв сверху пухом.

Не рекомендуется оставлять под маткой более шести крольчат: молока всем не хватит, и они будут голодать, получится плохой приплод.

Крольчиха уже на 7-й день после родов готова снова стать матерью. Но раньше, чем через 30 дней после родов, ее нельзя подпускать к самцу.

Крольчата рождаются голыми и слепыми. На 7—9-й день обрастают шерстью, на 9—12-й у них открываются глаза. Двухнедельные начинают ползать. Трехнедельные пробуют есть корм матери. Он еще вреден для них, и кормить матку в эту пору нужно в отдельной клетке.

Лишь шесть-десять первых недель жизни крольчата сыты только молоком матери. Позднее им нужно давать манную кашу, овсянку и белый хлеб в молоке.

Четырехмесячных крольчат можно перевести на корм взрослых кроликов. Примерно в этом же возрасте отделяют молодых самцов от самок и рассаживают их по разным клеткам.

Кролики обычно днем спят, а ночью бодрствуют, поэтому на ночь им следует положить больше корма: кашу, мешанку из вареного картофеля, отруби, заваренную кипятком муку. Днем дается зеленый корм: трава, зерно, сено, приправленное солью, мукой и отрубями, корнеплоды.

Самые любимые кроликами травы: одуванчик и люцерна (они увеличивают молочность у кормящих маток); далее — полынь, пижма и подорожник (содержат вещества, предупреждающие желудочные заболевания); петрушка, перец и сельдерей (возбуждают у кроликов аппетит); мята, тмин, можжевельник, укроп и шалфей (ароматические растения, улучшающие вкус кроличьего мяса); а также пастернак, козелец, конский щавель, дикий цикорий, донник, вьюнок, дягиль, язвенник, тимopheевка, клевер, бобовые растения.

И вот еще что необходимо сказать: никогда не кормите кроликов травой, влажной от росы и дождя или скошенной в болотистых местах! Она вызывает у них опасные желудочные заболевания.

МОРСКАЯ СВИНКА

Родом она из Южной Америки. Испанские конкистадоры видели в селениях индейцев множество этих грызунов. Инки их жарили и ели по праздничным дням. И сейчас еще в некоторых поселениях индейцев живут морские свинки, днем они свободно бегают вокруг домов, а ночевать приходят в хижинки.

В Европу морских свинок завезли в XVI веке, через 60 лет после открытия Колумбом Америки. В книге Конрада Геснера о животных, вышедшей в 1554 году, они уже упоминаются.

Почему же так странно называли этого сугубо сухопутного зверька, не имеющего к свиньям никакого отношения? Свинкой, очевидно, за поросячий визг, которым это животное выражает свой испуг. Возможно, также и за «хрюканье», похожее на бульканье воды. Это голос успокоенной, умиротворенной морской свинки.

С происхождением эпитета «морская» сложнее. Если бы называли ее «заморской», все было бы понятно: привезенная из-за моря. Но именуется она все-таки морской. Может быть, потому, что в те дальние времена любили моряки для забавы держать на кораблях морских свинок.

Нрав у них миролюбивый, никогда не кусаются, дети могут с ними спокойно играть. Во многих зарубежных странах морских свинок забивают и едят. Но главное назначение этого грызуна — не детские забавы, не гастрономическое использование, а служба на медицинском поприще. Морская свинка была и остается одним из лучших лабораторных животных. Она весьма чувствительна к разным инфекционным заболеваниям. Потому проводятся на ней опыты по диагностике заразных болезней человека и сельскохозяйственных животных (дифтерии, сыпного тифа, туберкулеза, сапа и др.).

Экспериментируют с ней физиологи, генетики, аллергологи, вирусологи, бактериологи. Словом, во всех областях медицины и смежных с ней наук морская свинка служит подопытным животным.

За сравнительно короткий срок селекционеры-любители вывели разные породы морских свинок.

Особенно красива гималайская. По окраске полная аналогия с русским горностаевым кроликом: уши, мордочка, ноги черные, все прочее белое. Вместо черного допустим темно-шоколадный цвет. Все прочие отклонения в окраске бракуются. Такая окраска появляется у молодых свинок только к четырем месяцам жизни. Новорожденные гималайские свинки совершенно белые.

Голландская свинка. Выведена в Голландии и улучшена в Англии. Окрас ее тоже двухцветный. Передняя часть туловища и голова белые. Задняя половина тела, уши, щеки черные, коричневые либо серые.

Агути. В этой породе различаются две разновидности: золотистый агути (золотисто-коричневый с рыжеватым брюшком) и серый агути (со светло-серебристым брюшком).

Все три упомянутые выше породы гладкошерстные. Но есть и длинношерстные и жесткошерстные морские свинки. Они малоплодовиты (редко приносят больше одного детеныша и для лабораторных целей не годятся).

Ангорская морская свинка. Шерсть у нее длинная и шелковистая. Окрас разный: черный, белый, рыжий, цвета агути и голубой. Из-за этой великолепной своей шерсти требует ангорская свинка особого за собой ухода.

Неизменный заморский
«сотрудник» биологиче-
ских исследовательских
институтов — морская
свинка.

И здесь она же, морская
свинка, только длинно-
шерстная. Оттого и ви́д
у нее такой растрепан-
ный.

Жесткошерстная розеточная морская свинка. Хотя ее и называют часто абиссинской либо японской, родина ее Англия. Розеточной именуется потому, что ее длинные и жесткие волосы в разных местах тела расходятся розетками — от центра к периферии, как у нас на макушке. Окрас черный, белый и рыжий.

К сожалению, чистокровных морских свинок встречается мало, в большинстве помеси разных пород. Самые обычные из них — пегие морские свинки: черно-белые, рыже-белые или трехколерные (трехцветные) — рыже-черно-белые. Бывают и черные либо белые с красными глазами (альбиносы). Эти наиболее восприимчивы к разным заболеваниям.

Для лабораторных целей селекционеры вывели такие породы морских свинок, чувствительность которых к аллергенам и болезнетворным микробам не знала предела. Они болели и гибли почти от всего. Ставить опыты на таких животных стало невозможно.

И вообще морские свинки высоко сенсибилизированные от природы животные, аллергики, равных которым в этом почти нет. Особенно так называемые бразильские разновидности свинок. Аргентинские более стойкие. Но и с теми и другими трудно работать из-за их высокой восприимчивости и слабого — скажем так — здоровья. Легкий ветерок в помещении, и морская свинка уже чихает: простудилась. Жаркий день — она лежит в растяжку, часто дышит: перегрелась. И очень нервный зверек! Может умереть от страха, если грубо взять его из клетки.

Морские свинки живут неплохо и в лабораториях, и в домах у разных любителей, и у юных натуралистов. И все равно нужно помнить, что всякая морская свинка восприимчива к простудным заболеваниям, и потому помещение, где она содержится, должно быть теплым, светлым, сухим и без сквозняков.

Одна морская свинка может прожить и в простом ящике (что часто и бывает). Но для племенных целей необходимы особые клетки — садки, у которых два пола: нижний сплошной (покатый назад) и верхний реечный. Размер клетки примерно: 70 сантиметров длина, 50 — ширина и 40 — высота. Клетка со всех сторон закрыта, кроме передней стенки, которую составляет дверка, затянутая проволоочной сеткой.

В таких садках обычно содержат по пять взрослых самок и одного самца. Беременных самок перед окотом либо отсаживают в особые маточные клетки, либо нет. В последнем случае окоты происходят в общей клетке. Самец вреда новорожденным детенышам не приносит, а, напротив, оберегает их, отгоняя других самок. Если одновременно случится два и больше окотов, то детеныши часто своих матерей путают с другими кормящими самками. Те охотно принимают малышей, кормят вместе со своими.

Половозрелость у морских свинок наступает примерно в два-три месяца. Но раньше четырех месяцев спаривать их не следует. Беременность — 60—70 дней. Обычно самки приносят двух-четырех детенышей, которые родятся вполне развитыми. Как обсохнут, крепко стоят на ножках и бегают за матерью. На 3—4-й день начинают пробовать нежную траву и другие корма. Но молоко —

главная еда, и мать их кормит около месяца. Морские свинки, которым в пищу дают сочные травы и корнеплоды, совсем не нуждаются в воде. Но беременных самок за два-три дня до окота мучает жажда, и им необходимо поставить поилку с теплой водой или молоком.

Лучший корм для морских свинок — пшеничные отруби, овес, морковь, свекла и хорошее сено, а летом — корнеплоды и свежескошенная трава. Отруби следует давать слегка влажными. Поедают морские свинки и растительные кухонные отходы и даже грибы. Но все должно быть свежее. Затхлое сено, гнилые овощи, согретая солнцем трава вызывают желудочные заболевания и гибель зверьков.

СОНЯ-ПОЛЧОК И СИРИЙСКИЙ ХОМЯЧОК

Еще два грызуна заслуживают внимания: один был на полпути к одомашниванию, второй таковым становится. Соня-полчок и сирийский хомячок.

Римляне разводили в особых клетках — глиариях сонь-полчков. Их мясо ценилось как большой деликатес. Издавна повелся обычай на пирах ставить на стол весы, взвешивать на них в присутствии нотариуса сонь-полчков и заносить в протокол их вес. Подавать на пирах наиболее тяжелых и упитанных сонь было делом престижа и гордости богачей тех дней.

Прежде чем они попадали в руки поваров, сонь откармливали в глиняных горшках — долях, в которых зверьки едва помещались, орехами. В горшках было много отверстий, чтобы пленники этой керамики не задохнулись.

Раннее упоминание о полудомашних сонях находим у Варрона (116—27 годы до нашей эры). Позднее у Аммиана Марцеллина (330—400 годы нашей эры).

Лепорарии с полудикими кроликами вытеснили глиарии. Разведение кроликов оказалось делом менее хлопотливым и более выгодным.

Известным для науки сирийский хомячок стал в 1839 году. Затем почти сто лет не попадался ученым в руки. Объявился он вновь лишь в 1930 году. И. Ахарони во время экспедиции в Сирию откопал нору неизвестного грызуна и на дне ее, на двух с половиной метрах глубины, неожиданно для себя нашел самку с двенадцатью детенышами. Это был сирийский хомячок!

От одного самца и трех самок этот исследователь в течение года получил около 150 потомков. Сотни тысяч, как полагает доктор Р. Пихоки, а возможно, и миллионы этих золотисто-желтых грызунов живут сейчас в клетках научно-исследовательских институтов и просто у любителей. Все они произошли от одного самца и трех самок, выращенных Ахарони.

Класс птиц дал человечеству девять видов домашних животных: кур, уток, мускусных уток, гусей, индюков, цесарок, голубей, канареек и японских перепелов.

Предок домашних кур — банкивский петух, обитающий в лесах Юго-Восточной Азии. Когда состоялось его одомашнивание, не вполне ясно. Во всяком случае, за две тысячи лет до нашей эры домашние куры были в Индии, а на пятьсот лет позже и в Египте.

Примерно в это же время одомашнена и утка, предок ее — обычная кряква. Центрами одомашнивания считают Месопотамию и Китай.

Родина мускусной утки — Южная Америка. Выведена еще до прихода испанцев от дикой мускусной утки.

Так же и индейка. До завоевания Мексики испанцами она была у ацтеков домашним животным.

Гуси считаются первой домашней птицей человека. Их предок, серый гусь, стал домашним животным примерно за пять тысяч лет до нашей эры, в конце неолита. Приручался в разных местах обитания серого гуся.

Время domestикации цесарок неясно. В Древнем Египте, Греции и Риме они были уже домашними. Дикий предок их — обычные, или шлемоносные, цесарки Африки.

Сизый голубь — дикий предок домашних голубей. Одомашнен около пяти тысяч лет до нашей эры.

Канарейка завезена в Европу в XV веке испанцами. Дикие ее предки и сейчас живут на Канарских, Азорских островах и на Мадейре.

КУРИНАЯ СУБОРДИНАЦИЯ И БРОЙЛЕРНАЯ СИСТЕМА

Среди цыплят всегда есть свой цыпленок — «генерал», который клюет всех, а его не трогает никто. (Это установили, точно подсчитав все раздаваемые направо и налево удары клювом на птичьем дворе.)

Есть и «полковник», и «подполковник», и так дальше, до рядового, которому живется хуже всех, так как

Орловские

Плимутрок

Шелковые

Виадэст

Брама

Черные
Минорки

отовсюду его гонят и клюют, а он все терпит, как стоик, у которого, кроме сомнительной философии, за душой ничего нет. Молодые петушки выясняют свои отношения (кто кого главнее) примерно к седьмой неделе после появления на свет из яйца, а курочки чуть позже, к девятой.

Когда цыплята подрастут, могут и поменяться рангами, ведь силы и опыт они набирают неравномерно: кто больше, а кто меньше. Но ранги остаются.

Курица № 1 ходит по двору как царица. Голову держит высоко. Ноги ставит прямо, с достоинством. А другие изъявляют ей свою покорность. Когда она пожелает их клюнуть, без сопротивления приседают и опускают крылья. Сразу видно: подчиняются. А переведите курицу № 1 в другой двор, она там может оказаться и номером два, и номером пять, и еще похуже. И сразу ее гордая осанка обратится в подобострастную.

Одна курица, побывав в пяти разных компаниях, занимала там такие места: 1, 5, 1, 5 и 6-е. А другая, которая у себя на дворе была номером два, на других четырех дворах, куда ее переводили, стала номером шесть, номером два, потом номером четыре и номером семь.

Достаточно курице ежедневно бывать в каждой группе по часу, ее тут не забудут и без ссор и драк сохраняют за ней место, которое у нее было вначале (в каждой группе свое!).

Такова иерархия у кур, живущих на птичьем дворе. Однако свободно гуляющих кур остается все меньше. С каждым годом все большая масса из 3 миллиардов кур, обитающих на Земле, содержится в отдельных клетках на птицефермах, оснащенных новейшей техникой. Течет особого устройства конвейерная лента, на которую падают яйца, снесенные курами. В других цехах птицефабрики их собирают, сортируют, упаковывают. А куры все несутся и несутся: почти каждый день по яйцу! Обычная их производительность в лучших хозяйствах 220—250 яиц в год. Рекорд—365 яиц!

Цыплятам на птицефабриках тоже невозможно выяснить свои отношения. Ширится и развивается бройлерная система их выращивания: жить им приходится в отдельных клетках или в безвыгульных механизированных птичниках, где тесновато.

Бройлеры—это разводимые на мясо цыплята в возрасте двух месяцев. Откормленные особым методом, к этому времени весят они 1,4—1,6 килограмма. Мясо у бройлеров диетическое, в нем много полноценных белков и мало жира.

В корм бройлерным цыплятам стали добавлять

антибиотики: 8 граммов биомицина на тонну пищи. И птицы начали очень быстро расти: если прежде, до применения антибиотиков, цыпленок достигал товарного веса за 14 недель, то теперь за 8! Только на одних кормах американцы благодаря антибиотикам экономят ежегодно 30 миллионов долларов. Еще большие доходы приносит ускоренное созревание цыплят, а следовательно, и оборот капитала.

Впечатление такое, что все цыплята «хронически» больны: кишечные бактерии выделяют вредные для них токсины. Антибиотики же бактерий убивают. Открытие это было сделано неожиданно и практикуется вот уже больше тридцати лет. Не замечено никаких вредных последствий.

ПЕТУХ — ПТИЦА МАРСА

ГОЛЛАНДСКИЕ
ХОХЛАТЫЕ

ИТАЛЬЯНСКИЕ ЖЕЛТЫЕ

ГОЛОВЕШНЫЕ

ИНДИЙСКИЕ БОЙЦОВЫЕ

Пород кур больше полусотни, если даже учитывать только те, что разводятся в наши дни и наиболее популярны. Американцы создали их больше всех: плимутрок, виандот, родайленд, шантеклер, нью-гемпширы, доминиканские, джерсейские (черные гиганты) и другие. Все перечисленные породы мясного направления. А яйценоские в большинстве средиземноморского происхождения: леггорны, минорки, ботеркейп, анконские, андалузские, испанские черные белолицы. А из наших — русские белые, орловские, ушанки, павловские, воронежские, псковские коротконожки и другие.

Есть еще породы мясо-яичного направления. Есть и декоративные, украшенные пышными хохлами, жабо и причудливой формы гребнями. Японский феникс знаменит невероятно длинным хвостом — до пяти метров!

Особую группу составляют бойцовые куры (малайские, индийские, или азиль, английские, корнуэльско-индийские). Они высоки на ногах, жилистые, очень крепкого сложения и очень драчливы: в любви к драке, пожалуй, нет им равных среди птиц и зверей.

Они забывают обо всем на свете, когда видят кого-нибудь, с кем можно подраться. Ни голод, ни усталость, ни боль, ни смертельные раны — ничто не может унять их воинственный пыл. Они дерутся до последнего вздоха, пока еще есть хоть какие-то силы. Только смерть сильнее их страсти к боям.

Дерутся и клювом и шпорами. Удар бойцового петуха — одно из самых быстрых движений в природе. Силу этого удара физики могли бы рассчитать: одетую в сталь шпору петух вонзает в сухую дубовую доску на полдюйма (12,7 миллиметра).

Древние греки — народ очень отважный, но и они брали у петухов уроки храбрости и упорства в бою. Фемистокл, знаменитый греческий полководец, со-

бираясь на войну против персов, включил в программу боевой подготовки петушинные бои, чтобы солдаты, глядя на них, учились стойкости и отваге. А храбрые галлы, предки французов, от которых вначале здорово доставалось римлянам, получили имя свое от петухов (ведь «галл» — по-латыни «петух»).

Позднее, когда римляне расправились с галлами, а потом и сами погибли от германских, славянских и турецких мечей, браконьеры добывали дичь в заповедных лесах феодалов, напуская на фазанов бойцовых петухов. Те забивали фазанов до смерти. И в наши дни бойцовые петухи (а их еще немало в разных странах Южной Азии и Америки) храбро защищают дома своих хозяев от змей и бродячих собак. Не знают страха ни перед кем.

Ведь природа не создавала петуха для войны, а какой отличный получился боец! Правильно говорят, что сражения выигрывают не оружием, а силой духа. Пример петуха лишний раз нас в этом убеждает. В бою ярость часто побеждает силу.

ПРОЧАЯ ДОМАШНЯЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙ- СТВЕННАЯ ПТИЦА

Утки наиболее скороспелые (по мясной продукции) из всех видов домашней птицы. Утята в двухмесячном возрасте у пекинских уток, например, весят уже 2—2,5 килограмма. С этого же возраста они начинают нестись и дают 120—140 крупных яиц в год. Яйца идут в основном на прокорм утиного молодняка.

У нас наиболее распространены пекинские утки. Они белые, широкогрудые. Селезни весят до 4, а утки до 3,5 килограмма. Выведены в Китае. В 1873 году завезены в США. Там значительно улучшены.

Нередко встречается у нас и выведенная в Англии порода хаки-кэмпбелл. Эти утки цвета хаки мельче пекинских, но дают больше яиц — 150—200 в год.

Однако самые яйценоские в мире утки — индийские бегуны: 160—200 в год. Рекорд, достигнутый в Новой Зеландии, — 363 яйца! Лишь на два яйца меньше рекордной цифры у кур. Эти утки, как показывает их название, индийского происхождения, но улучшены в Англии. Небольшие, около двух килограммов весом, белые, реже рыжие, черные. Тело держат почти вертикально. Особая отличительная их черта.

Есть еще украинские, руанские, эйлсбюрские и другие утки, о них говорить не будем.

Мускусные утки. Еще до прихода испанцев инки вывели домашних мускусных уток самых разных цветов: белых, пегих, бурых, серых. В XVI веке испанцы привезли их в Европу. Здесь поныне разводят мускусных уток в некоторых странах. Птицеводы ценят этих странных на вид, приземистых, массивных уток за раннюю скороспелость, большой живой вес, выносливость и неприхотливость к условиям содержания и кормления. С обычными домашними утками мускусные дают неплодовитое, но высокопродуктивное по мясной продукции потомство.

«Без сомнения, еще в неолите гуси были домашними животными, но, к сожалению, оставили мало археологического материала, так как на птичьи кости при раскопках обычно не обращают внимания» (Фредерик Цойнер).

В историческое время домашних гусей содержали уже во всех странах Европы, Азии и Северной Африки. В Древней Греции они были посвящены Афродите. Почему именно ей? Неясно.

Когда Цезарь со своим победоносным войском ступил на землю Англии, он увидел у местных жителей множество гусей. Их разводили лишь как священных животных, не забивали и не ели.

«Гуси Рим спасли» — старая поговорка. Предыстория ее такова. В начале IV века до нашей эры галлы, заселившие север Италии, двинулись на Рим. Они разбили римское войско, разграбили и сожгли город. Лишь хорошо укрепленный, возвышающийся на холме Капитолий не смогли взять приступом. Однажды ночью отряды галлов забрались на капитолийский холм. Ни стража, ни собаки не заметили их. Но гуси услышали врагов и так раскричались, что разбудили римлян, и те отбили атаку галлов. Сторожей и собак римляне распяли на крестах, а к гусям с той поры стали относиться очень уважительно.

У нас в стране разводят очень многие породы гусей: холмогорских, уральских, арзамасских, роменских, горьковских, владимирских, псковских, крупных серых, тульских, литовских... Это все отечественные породы и отродья. Из зарубежных пород завезены к нам тулузские, руанские, белые банатские, белые болгарские, белые чешские, венгерские, померанские, пилигримские палевые, менгриллы, эмденские гуси и еще разные другие.

Эмденские гуси знамениты большим ростом и весом: до 13—15 килограммов у взрослого гусака и 11—13 — у гусыни. У холмогорской (тоже крупной породы) максимальный вес гусаков — 11 килограммов, гусынь — 10.

У холмогорских гусей большая шишка на лбу, под нижней челюстью — кожная складка («кошелек») и на животе тоже. Цветом белые и серые. Произошли от скрещивания воронежских гусей с китайскими.

Калорийность гусяного мяса выше, чем у всех домашних птиц. От одной гусыни за год можно получить до 100 килограммов мяса (имеется в виду ее потомство). Нестись начинают в возрасте 260—350 дней. В год приносят в среднем 30—40, а максимум — 100 яиц. Яйца крупные: до 200 граммов и более.

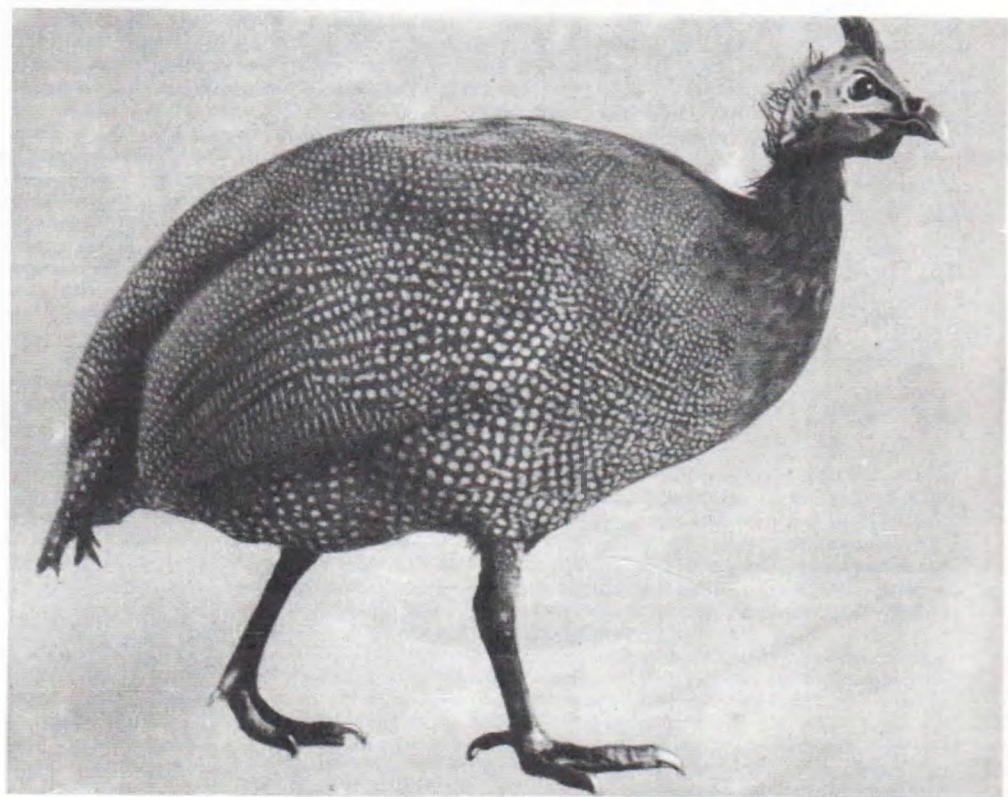
Гусиная печень (до килограмма весом!) очень ценный продукт, некоторые хозяйства в зарубежных странах заняты специально ее производством. Не забывайте, что пух, гусяное перо и жир тоже немаловажные статьи дохода. Гусь умное и «положительное» животное, хороший семьянин, птица моногамная: он всю жизнь «влюблен» в одну и ту же гусыню. И не будет спариваться с другой, если своя рядом, не погибла в дальних странствиях и перипетиях гусиной жизни. Это «высоконравственное» поведение унаследовали от диких гусей и многие домашние. Поэтому, если в маточном стаде гусак все время благоволит только к одной гусыне и не спаривается с другими, его нужно удалить из стада и заменить другим: подобрать такого, у которого полигамные чувства более развиты. Но и ему больше четырехпяти гусынь давать не следует.

Индейка. Приручена, очевидно, на юго-западе Северной Америки. У ацтеков до прихода европейцев индейки и собаки были единственными домашними животными. Те и другие разводились на мясо.

В Европу индейки (точнее, только индюки!) впервые попали в 1523 или 1524 году. И через 50 лет в нижнерейнских провинциях Европы разводились уже «стада» индеек. В 1585 году жареная индейка впервые стала главным кушаньем рождественского стола в Англии. Ритуал этот сохранился и до сих пор.

Индейки — самые крупные домашние птицы. Вес самок до 9 килограммов, а индюков до 16 и больше. В 1902 году на Мадридской выставке был представлен индюк черной солоньской французской породы, весил он 22 килограмма!

Прежде в крестьянских хозяйствах индюшек нередко использовали как «живые инкубаторы»: подкладывали до 25 куриных яиц, и те выводили из всех цыплят и ухаживали, оберегали, словно собственных индюшат.

В иных хозяйствах тесновато приходится жить индейкам.

Домашние цесарки мало чем отличаются от своих диких предков.

Сейчас разведение индеек, как и кур, в разных странах переведено на промышленную основу. От каждой индейки получают в среднем 40—60 трех-четырёхмесячных индюшат-бройлеров, общий вес мяса которых —160—200 килограммов.

У нас индеек разводят в основном в южной полосе европейской части СССР. Наиболее популярны три породы: северокавказские бронзовые, московские бронзовые и московские белые. В их выведении значительную роль сыграли американские бронзовые широкогрудые индейки, которые, в свою очередь, были получены от скрещивания дикого индюка с черной норфолкской английской породой.

Цесарка. Время и история приручения этой птицы не совсем ясны. Известно, что в Древнем Египте цесарок разводили, но вполне домашними они там, очевидно, еще не были. Затем находим мы цесарок в Древней Греции, вначале как священных птиц. То же самое и в Риме: здесь цесарки были жертвенными птицами. Император Калигула (12—41 годы нашей эры) постановил, чтобы ему в знак «божественного величия» приносили в жертву цесарок. Но из сообщения Плиния Старшего (23—79 годы нашей эры) известно, что примерно в это же время жареные цесарки подавались к столу.

Кости цесарок найдены при раскопках вблизи Заальбурга, где прежде была римская колония. Два мозаичных изображения этих птиц сохранились в Диоклетиановых термах (242—313 годы нашей эры). В одном из домов Помпеи найдены фрески с цесарками.

Затем долго, все раннее средневековье, об этих птицах в Европе ничего не известно. Очевидно, в это время цесарок тут не было. Вновь появились они в Европе в XVI веке. И странным образом попали сюда, не из Африки, где их родина, а из стран весьма отдаленных.

«...португальские мореплаватели завезли цесарок из Гвинеи в Новый Свет, а оттуда — таким круглым путем — доставлены они были вторично в Европу» (Готфрид Мауэрсбергер).

В 1550 году цесарок разводили уже во многих местах Италии и Франции.

В наши дни одичавшие цесарки живут кое-где в Южной Европе, на Мадагаскаре, на Маскаренских, Коморских, некоторых Гавайских и Антильских островах. Как домашних птиц содержат их в основном любители, и главным образом в Италии и США.

ГОЛУБЬ

Первые документированные известия о домашних голубях пришли к нам из Месопотамии примерно за 4500 лет до нашей эры. Позднее эти птицы часто изображались на ассирийских барельефах. В странах Междуречья голуби были священными животными — символом и земным воплощением богини любви Астарты. И всюду, где бы ни появились домашние голуби (ценились только белые), они были вначале животными жертвенными, посвященными разным богам, но преимущественно богам любви. Полагают, что причина тому нежность, с которой «милуются» голубь и голубка.

В Сицилии на горе Эрикс в храме Афродиты (опять-таки богиня любви в греческом пантеоне) жили тысячи голубей. В Египте, в Иудее, в Персии, в Греции, Риме священной птицей тоже был голубь. В первой из названных стран домашние голуби давно уже раз-

водились — за 4 тысячи лет до нашей эры. А вот в Греции и Риме появились сравнительно недавно. Римский историк и натуралист Клавдий Элиан (175—235 годы нашей эры) сообщает, что в Древнюю Грецию белые голуби попали после того, как у горы Афон разбился флот персидского полководца Мардония (530—479 годы до нашей эры), который шел войной на Грецию. Вместе с прочими трофеями достались грекам и белые голуби. Их для жертвоприношения богам персы везли на кораблях.

В это же примерно время появились домашние голуби и в Риме. Несмотря на священные ранги голубей, римляне, люди практичные, по-видимому, впервые в истории стали разводить голубей и на мясо. Содержали их в особых помещениях — колумбариях. Чтобы проще было обращаться с ними, голубям подрезали крылья либо ломали ноги. Римский натуралист Плиний Старший писал, что его современники просто «помешаны на жарком из голубей». Оно было наиболее ценным деликатесом.

В средние века в монастырях жили многочисленные стаи голубей. Началось и любительское их разведение. В XVI веке в Голландии, например, были основаны особые общества голубеводства. Дело разрасталось, в любительское разведение голубей включились и другие страны Европы, так что общими усилиями к нашему времени выведено 150 пород голубей.

Голубей делят на три группы: декоративных, мясных и почтовых.

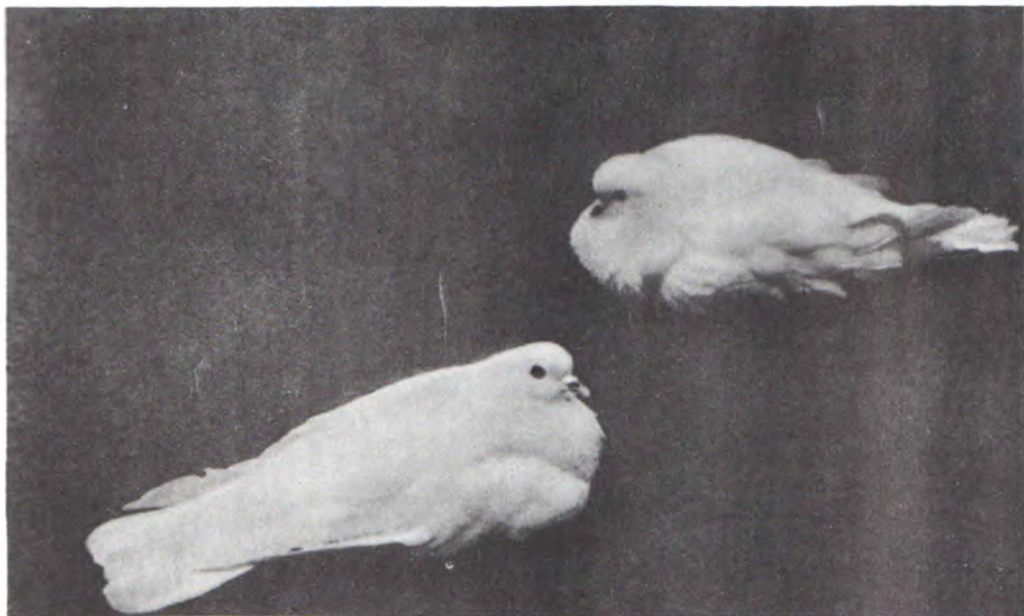
Любители искусственным отбором и направленным подбором создали голубей самых разных расцветок, самых удивительных и причудливых форм, с пышными хохлами на голове, с жабо из курчавых перьев на груди, с совершенно неголубиными клювами, покрытыми мясистыми наростами, с «очками» — наростами вокруг глаз, с зобами, способными раздуваться, как шары, со сплошь укрытыми перьями длинными ногами... Изменили и полет некоторых пород голубей: они проделывают в воздухе самые невероятные акробатические номера.

У очкового голубя очень красивый кремовый цвет перьев, а на груди — коричневое изображение «очков».

Капуциновый голубь. На голове у него белый «капюшон», а на лбу — курчавый хохол.

Бородавчатые голуби (карьеры и драконы). На клювах — большие мясистые наросты, а глаза окаймлены красными кругами.

Дутыши способны так раздувать свой зоб, что откинутая назад голова выглядит небольшим придатком на шарообразном зобе. Дутышей много разновидностей. Наиболее известны амстердамские, французские и английские. У последних длинные оперенные ноги совершенно выпрямлены в суставах. Цвет оперения у дутышей самый разный.

Измученные дальними полетами почтари отдыхают лежа.

Голуби-хохотуны. Они не воркуют, а издают очень своеобразные звуки, похожие на барабанные трели. Перья у этих голубей лохматые, курчавые, на голове «как бы шапка, опускающаяся до глаз».

Турманы занимаются акробатикой в воздухе. Они взвиваются вверх с быстротой стрелы, затем летят прямо и вдруг кувыркаются через голову, снова набирают высоту то спиралью, то по прямой вертикальной линии, бросаются вниз и парят на распростертых крыльях. Опять устремляются в небо все выше и выше... Часами проделывают виртуозные номера высшего пилотажа и, кажется, совсем не знают усталости. Порой залетают так далеко, что могут заблудиться, особенно если вечерние сумерки застанут их в полете.

Мясные голуби на вид коренастые, располневшие от сытой жизни. Кормят их отменно. И зерно дают вволю, и витамины, и тертый кирпич, смоченный подсоленной водой. А когда откармливают (примерно недели две) 25-дневных голубят, то потчуют еще обильнее.

Мясные голуби крупные, весят до 900 граммов. Голубь с голубкой выводят в год до 14 голубят. В месячном возрасте весят 600—700 граммов. Голубь с голубкой насиживают (попеременно) только два яйца. Но при искусственном дополнительном освещении можно получать от них до семи кладок ежегодно.

Голубиная почта имеет почтенную историю. Еще в довавилонских государствах Междуречья голубей посылали с разными депешами. Позднее в Вавилоне, Египте, Риме, Греции была хорошо поставлена голубиная почта. А во времена, более близкие к нам, у арабов, турок, в монастырях средневековой Европы.

Современные породы почтовых голубей выведены в Бельгии в начале прошлого века. Эта страна — родина спортивных состязаний крылатых почтарей. Первый полет голубей лютихской породы был совершен

в 1843 году из Англии в Бельгию. А уже через два года стали регулярно проводиться гонки голубей.

Условия состязаний разные. В одном из них главное не дальность полета, а его скорость. Голубей выпускают на традиционной трассе, изученной ими по частям во время все более и более дальних тренировочных полетов.

Другой вид состязаний спортивных голубей — поиск дома во время полета над местностью. Тренировочные полеты начинают с малых дистанций: 8—10 километров. Постепенно, по мере того как голуби изучают ближайшие, а потом все более удаленные окрестности своей голубятни, расстояния увеличивают примерно в такой последовательности: 20 километров, 35, 50, 75, 100 и 150 километров.

Дальше 150 километров от дома запускать голубей во время тренинга считается ненужным (если голубя обучают не для гонок по традиционному маршруту). 150 километров — это больше, чем голубь может увидеть с высоты в тысячу метров. На такой высоте линия горизонта отстоит от наблюдателя примерно на 120 километров.

Уже на старте, набирая высоту, голубь сразу же летит прямо к дому. А за 150 километров от него ориентируется по памяти: ведь здесь он во время тренировочных полетов изучил все ориентиры.

В гонках на малые дистанции (400 километров и меньше) обычно состязаются лишь молодые голуби. А испытанные многоопытные асы стартуют в тысяче и больше километрах от финиша — родной голубятни. Запущенные рано утром, они возвращаются домой в тот же день к вечеру: при попутном ветре скорость полета около 100 километров в час! Встречный ветер снижает ее вдвое. Если же голуби принимают старт в полдень, то прилетают домой только на следующий день. Значит, в пути они где-то ночуют.

Когда время близится к ожидаемому часу возвращения голубей, владельцы с нетерпением смотрят на небо. Ну вот прилетел их крылатый «спортсмен». Сейчас же нужно его поймать, снять с ноги пластмассовое кольцо с опознавательным номером и скорее положить в металлическую гильзу — в особый часовой механизм («констатирующие часы»), который регистрирует точное (до секунды) время возвращения голубя.

Только что говорилось о спортивных состязаниях голубей, которые никаких писем не переносят. Можно подумать, что времена голубиной почты уже миновали. Но нет! Встречаются сообщения, что то тут, то там для быстрой передачи разных посланий люди обращаются к голубям.

Во времена Наполеона и таможенной войны с

В среде любителей спортивных гонок голубей хорошо известен этот рекордист (№ 01787 — 48—46). В соревнованиях он «налетал» больше 13 тысяч только лишь «призовых» километров. Один из самых быстрокрылых спортивных голубей. Победитель сорока гонок.

Англией голуби были... контрабандистами: переносили из Англии во Францию драгоценные камни под крыльями. Сейчас транспортируют пробирки с кровью, взятой на анализ. Это в Плимуте (Великобритания), в местной больнице. Лаборатория, где делают анализы, расположена в 3,2 километра от больницы. Раньше автомобили перевозили пробирки. Теперь — голуби. Они справляются с этой работой втрое быстрее, чем автомобили. Голубиный «транспорт» оказался более экономичным.

В минувшей войне тысячи «призванных в армию» голубей несли почтовую службу.

Агентство Рейтер, которое еще в середине прошлого века пересылало письма с почтовыми голубями, в 1962 году опять обратилось к ним за помощью. Они оказались наиболее быстрым и удобным средством для передачи информации в больших городах, где постоянные пробки на улицах задерживают движение. А телефоны вечно заняты, да и диктовать новейшие сообщения по телефону — дело менее надежное, чем пересылка их с голубями. Чтобы уберечь от «информационного шпионажа» репортерские новинки, голубь как средство связи несравнимо более пригоден, чем телефон или телеграф: секреты не выдаст.

КАНАРЕЙКА

Дикая канарейка живет на острове Мадейра, Азорских и Канарских островах. Трудно найти на земле более пригожие места.

Прозрачные ручьи и речки струятся с гор. Кипарисы, пальмы и эвкалипты обступили их, и всюду,

где земля пригодна для обработки, раскинулись сады: бананы, апельсины, финики, виноград, гранаты.

В долинах и горах слышатся чудесные песни: дикие канарейки не меньшие мастера, чем их домашние сородичи.

Приходит весна, конец марта, начинаются заботы у канареек: строительство гнезд и воспитание потомства. Гнезда вьют на деревьях, не ниже двух метров над землей. В них самка откладывает четыре-пять голубовато-зеленоватых с темными крапинками яиц и насиживает 13 дней. Самец поет ей серенады с восхода до заката.

Выведутся птенцы, и две с половиной недели мать и отец кормят их. Покинут птенцы гнездо, отец не оставляет их: кормит и учит премудростям жизни. А самка строит новое гнездо. Как будет готово, супруг возвращается к ней, веселит своими песнями и кормит зернами.

Так повторяется три раза. А затем, в августе, канарейки собираются стайками и кочуют по садам и лесам. И поют, поют, поют...

Когда в 1478 году испанцы завоевали Канарские острова, то стали вывозить на родину этих птиц. Целые суда шли, груженные лишь плетеными корзинами с канарейками. Предание рассказывает, что один корабль разбился у берегов Италии и так будто бы попали сюда канарейки. Здесь их тоже стали разводить чуть позже, чем в Испании, которая недолго владела монополией на экспорт канареек. Затем в столь выгодное в те времена дело включились завоеванные испанцами Нидерланды.

Стоили канарейки дорого, лишь богатые люди могли их приобрести. Послы и фавориты, чтобы снискать милость монархов, дарили им канареек. Сохранилось много старинных портретов великосветских дам того времени с сидящими у них на пальцах канарейками.

В конце XVI — начале XVII века случилось негданное: от зеленоватых прежде птичек стали рождаться желтые, соломенно-желтые, оранжево-желтые, красновато-желтые, грязно-желтые. Затем вывели красных, пестрых, пегих, коричневых, агатовых, белых канареек. В 1700 году уже было около тридцати их цветовых разновидностей. Появились хохлатые канарейки, эполетные (с пышными пучками перьев по бокам крыльев) с курчавыми перьями на груди (жабо). Даже формы и размеры тела изменили у канареек селекционеры: некоторые стали тонкотелыми и длинными либо горбатыми — бельгийские, с длинными шеями — шотландские, гигантскими — манчестерские, мелкими — глостерские.

Не только в Европе, во всем мире канарейки поль-

зовались большим успехом. Их завозили в Австралию, Новую Зеландию, Россию, Турцию, Китай, Японию, в Северную и Южную Америку.

Со временем цены на канареек упали. Разведение их стало любимым делом и развлечением простого, рабочего люда.

Первая, а затем вторая мировые войны нанесли большой урон и канарейкам. Многие племенные хозяйства по разведению этих птиц перестали существовать. Но страсть к канарейкам в сердцах любителей не угасла. Наступили дни мира, и снова милые птахи с Канарских островов стали «плодиться и размножаться».

ДУДОЧНЫЕ И ОВСЯНОЧНЫЕ НАПЕВЫ

Тем, кто хочет получить более полное представление о канарейках, я советую прочитать прекрасную книгу Е. В. Лукиной «Певчие и цветные канарейки».

Обыкновенная домашняя канарейка поет почти как дикая. И так громко, как немногие из певчих птиц. В ее голосе часто звучат резкие тона и высокие ноты, утомляющие слух. Давно уже, еще с XVIII века, разными методами обучения любители канареек старались изменить пение своих птиц.

Канарейки склонны к подражанию, и в учителя им давали самых лучших певцов пернатого мира: соловья, славку-черноголовку, жаворонка, коноплянку. Либо исполняли мелодии на флейте и других музыкальных инструментах, которые хотели бы слышать в пении канареек. Для этого были даже изобретены особые органчики! И вот стало пение некоторых пород канареек совсем иным: приглушенным, мягким, низким по тону и весьма разнообразным — до 32 разных колен (туров) было в песнях лучших кенаров линии Труте.

Германский рудокоп Вильгельм Труте примерно сто лет назад вывел удивительное семейство канареек, исполнявших неслыханные до него, богатые вариациями песни. Когда Труте умер, многие его канарейки перешли к дрезденскому рабочему Генриху Зейферту. Десять лет не появлялся он ни на каких собраниях любителей и выставках, словно бы вместе с птицами исчез из этого мира. Но в 1900 году на конкурсе в Лейпциге всех поразили канарейки, привезенные объявившимся вдруг Зейфертом.

«В мире канароводов эти птицы произвели настоящую сенсацию. Их песня не имела недостатков песни канареек Труте и состояла из целого ряда разнообразных и красивых туров, а голос этих птиц был такой низкий и приятный, какого до тех пор еще никто из канароводов не слышал» (Е. В. Лукина).

Необходимо теперь сказать, что речь идет о гарцских роллерах, самой знаменитой из всех пород певчих канареек. У нас их называют канарейками «дудочного напева». Гарцские роллеры поют на низких тонах, не раскрывая рта и сильно раздувая горло. Лучшие колена в их песне называются: глухой раскат, кнорра, журчащий раскат.

Менее ценны: глухой колокольчик, раскат колокольчика, шокель, клохтанье, свистки, колокольчик. Названия эти тому, кто песни канареек не знает, ничего не говорят, упомянул я о них лишь для того, чтобы показать, как богат музыкальный репертуар гарцских роллеров, выведенных в Верхней Германии.

Война нанесла этой породе непоправимый урон, песни современных роллеров обеднели, лучшие из них исполняют лишь восемь туров, обычно же всего пять-шесть. Наряд у роллеров скромный: желтый, зеленый либо пестрый, желто-зеленый.

На международном рынке высоко ценятся бельгийские певчие канарейки и недавно выведенные новые породы — саксонская и испанская.

Русская канарейка. Эта разновидность ведет свое начало с XVIII века. В ту пору тирольские торговцы канарейками добрались до Москвы и Петербурга, где товар их охотно покупали. Вскоре завелись у нас и свои племенные центры разведения канареек. Самые знаменитые из них — село Полотняный Завод (Калужской губернии) и село Павлово на Оке. Крестьяне этих сел, а позднее и других знали многие секреты обучения канареек особому пению. На Нижегородской и прочих больших ярмарках шла оживленная торговля канарейками.

Важную роль в разведении канареек в России сыграли трактиры. Их владельцы, не имея средств заводить музыкантов, веселили подвыпившую публику пением канареек. Выбирали самых голосистых, чтобы песни были слышны, несмотря на шум толпы и пьяную разногласицу. Здесь же, в трактирах, устраивали и состязания канареек. Послушать самых знаменитых кенаров приходили в трактиры многие именитые люди (среди них Ф. Шаляпин, М. Горький).

К концу XIX века в России появилась своя особая порода — канарейки «овсяночного напева». И, как водится, все туры их песен получили название: серебристая россыпь, валик, овсянка, синица, кулик, отбой и прочие.

В минувшую войну многие лучшие кенари погибли, оттого и хуже стали песни теперешних канареек овсяночного напева. Но любители снова принялись за дело: восстановление прежних, совсем было утерянных линий канареек и выведение птиц с новыми песнями.

КОРМЛЕНИЕ КАНАРЕЕК

Это особая наука. Я расскажу лишь в общих чертах, полагаясь на опыт и знания Е. В. Лукиной.

Основные компоненты пищи канареек: зерновой корм (семена растений), яичный корм, фрукты и овощи, зелень.

Каждая канарейка съедает в день примерно 3—5 граммов зерна (шелуха не учитывается). В чайной ложке около 5 граммов семян. Шелухи — 1 грамм. Значит, на каждую птицу достаточно полторы ложки семян.

Зерно идет такое: рапс, овсянка, канареечное семя, подсолнух, конопля, лен, салат, цикорий, просо, сурепка, кунжут, рыжик, семена репы, брюквы, капусты, турнепса. Летом и осенью полезно скармливать птицам семена разных сорняков.

Одуванчик. Когда он отцветет и из сомкнутых головок вместо кончиков лепестков покажется белый пух, его нужно срезать ножницами, а головку разломить на две половинки и в таком виде дать птицам.

Пастушья сумка. Собирают ее в мае — июне, «вырывая прямо с корнем», и ставят в садки и вольеры «целыми снопиками».

Мокрица. Ее стебли вместе с листьями дают птицам в изобилии, устилая ими весь пол садков и вольер.

Подорожник. Его колоски с не дозревшими еще семенами втыкают между прутьями клетки.

Лебеда зацветает поздно, поэтому ее дают птицам в августе — сентябре.

Яичный корм — незаменимый компонент в рационе птенцов. Его время от времени дают и взрослым канарейкам. Сваренные вкрутую яйца натирают на терке или размельчают вилкой. Затем смешивают с белым сухарем, истертым в порошок. Можно заменить сухари натертой морковью. Полезно добавить в этот корм немного рыбьего жира. Можно просто разрезать крутое яйцо ножом (вместе со скорлупой) на две, три части и в таком виде дать птицам.

Фрукты и овощи полезны разные: бананы, яблоки, абрикосы, груши, сливы, виноград, морковь (натертая), помидоры, огурцы.

Свежая зелень (листья салата, шпината, петрушки, одуванчика, мокрицы, цикория и других растений). Чтобы быстро не вяли, листья ставят в клетки в банках с водой.

Ну и наконец, как всем животным, канарейкам требуются минеральные вещества, особенно кальция. Растертая в порошок яичная скорлупа или глицерофосфат, на худой конец просто кусок штукатурки содержат много кальция и потому обязательно должны быть в рационе канареек.

РАЗВЕДЕНИЕ КАНАРЕЕК

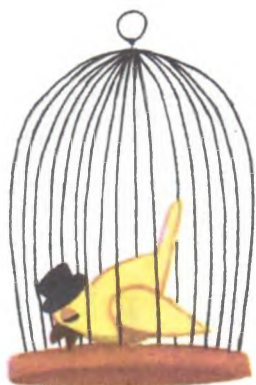
Дело хлопотное и требует много особых знаний и опыта.

Прежде всего нужен гнездовой садок. Клетка длиной 60—70, шириной 35—40, высотой 40 сантиметров. В ней три дверцы. Первая — внизу передней стенки, две другие под потолком передней или боковых стенок. В садке должны быть три-четыре жердочки, а главное — чаша для гнезда глубиной 6 сантиметров и диаметром 9—10 сантиметров. Ее сшивают из толстого шнура и подвешивают внутри садка в металлическом кольце, укрепленном в стенке клетки, либо в проволочных каркасах.

Важно не пропустить момента готовности птиц к размножению. Поведение их меняется: в эту пору они очень беспокойные, возбужденные, постоянно перелетают с жердочки на жердочку. Песня у самца более громкая, но короткая и однообразная. Самка же ищет материал для устройства мягкой подстилки в чаше-гнезде. Набивает клюв перьями, обрывками бумаги, нитками, травинками.

Пришло время выводить птенцов. Самца и самку поселяют теперь вместе в гнездовом садке. Сначала они ведут себя беспокойно (не привыкли еще друг к другу), скачут по жердочкам, избегая близких встреч. Постепенно возбужденность затихает, и самец начинает петь свою брачную песню. Она иная, чем обычно, и поза у певца особая.

«Весь вытянувшись и переминаясь с лапки на лапку, он ставит дыбом перья на головке, начинает раскачиваться из стороны в сторону и, доведя песню до самого громкого колена, стремительно бросается к самке» (Е. В. Лукина).

Самку, очевидно, его пение еще не пленяет, да и самого его она терпит лишь в силу необходимости: улететь некуда. В общем, удирает от него. Он за ней. Эта игра в догонялки продолжается, пока не устанут оба. Отдохнут и снова летают по клетке.

Есть и другой брачный ритуал: трепеща крыльями, самка раскрывает клюв, а самец ее кормит, словно птенца. Тут все в порядке.

Но бывает, что не понравятся самец и самка друг другу, окажутся, как теперь говорят, «несовместимыми», начнут ссориться, даже драться. Тогда их надо рассадить на несколько дней по разным клеткам. Потом вновь соединить. Они станут более миролюбивыми и, возможно, приступят к размножению. Если же по-прежнему начнутся ссоры, тогда самца нужно отсадить и к этой самке больше не пускать.

Через несколько дней начинается строительство гнезда. К этому времени в садке должен быть строительный материал: сухая трава, мягкий мох, вата, обрывки ниток и мочалки, перышки.

Гнездо готово, и через день или два в нем появляется первое яйцо. Всего их может быть семь, но обычно четыре-пять. Насиживать канарейка начинает после того, как снесет два-три яйца. Поэтому птенцы, вышедшие из более поздно отложенных яиц, ростом меньше братьев, рожденных раньше, и не могут так энергично просить корм. Самка плохо кормит запоздавших с выходом детей, и они, как правило, погибают. Чтобы этого не случилось, три-четыре первых яйца забирают из гнезда и хранят в коробочках с ватой или песком. А когда самка сядет насиживать, подкладывают ей сбереженные яйца.

Птенцы (в зависимости от породы) рождаются в белом или сером пуху. Веки их глаз плотно сомкнуты, и слуховое отверстие затянуто кожей. Чуть обсохнув, уже просят есть, широко раскрывая рты.

Через 18 дней после рождения птенцы покидают гнездо. Самка в это время, устроив новое, откладывает в нем яйца (ей надо заранее, когда птенцам еще только 12—16 суток, дать строительный мате-

риал, иначе станет выщипывать перья у птенцов). Нужно повесить и новую гнездовую основу — чашу, сшитую из шнура, иначе будет откладывать яйца под птенцов в старом гнезде.

В месячном возрасте птенцов обычно пересаживают в другую клетку, где нет родителей. Недели две пребывают они в обычном садке. Затем на два-три месяца, чтобы пожили на просторе, их выпускают в вольер или в большую пролетную клетку.

Ширина и высота пролетной клетки — 50 сантиметров, а длина — 1 метр, но лучше 1,3 метра.

Вольер похож на шкаф, но только стенки у него обтянуты металлической сеткой. Его размеры диктуются помещением, в котором сооружен вольер. Он может быть и длинным (не до потолка): всего в метр высотой, до 70 сантиметров шириной и метра два длиной.

Делают вольеры и в комнатах, а еще лучше на балконах. В этом случае потолок и боковые стенки вольера должны быть дощатыми, а верх (сантиметров на сорок) передней сетчатой стенки нужно забить фанерой или доской. Тогда птицы найдут там укрытие от холодного ветра или от жары (в закрытой части, само собой разумеется, должны быть жердочки).

БЫЛИ ЛИ ОНИ ДОМАШНИМИ?

Страус всегда поражал воображение людей. В древности в странах Средиземноморья шла оживленная торговля яйцами страусов, которые использовали как сосуды для вина. В Древней Спарте одно страусиное яйцо хранилось как священная реликвия: жрецы объявили, что оно рождено было Ледой после того, как Зевс, приняв облик лебеда, заключил ее в свои объятия. Этруски импортировали позолоченные страусиные яйца из Карфагена. В те времена страусы еще водились в Северной Африке и Аравии. В Карфагене, а еще раньше в Древнем Египте в больших загонах жили тысячи страусов. Помимо яиц, ценились и их перья. Лучшие, самые популярные гладиаторы украшали свои дорогие работы шлемы страусиными перьями.

На арене цирков Древнего Рима страусы часто выступали в антрактах между сражениями для потехи публики. Император Коммод (161—192 годы нашей эры) собственноручно отрубил страусу голову, и изумленные зрители на трибунах увидели, как эта огромная птица пробежала какое-то расстояние, прежде чем упасть замертво. На страусах ездили верхом, их запрягали в небольшие колесницы, устраивали соревнования: чья упряжка или верховая птица первой прибежит к финишу.

Повелитель завоеванного греками Египта Птолемей Филадельф (285—240 годы до нашей эры) в праздничном шествии по случаю какого-то торжества ехал в «карете», которую везли восемь страусов. Сохрани-

лась скульптура тех времен: жена Птолемея верхом на страусе. Конечно, по-настоящему верховым или упряжным животным страус не может быть. Слабоват. Но на праздничных зрелищах выступал не раз.

Домашними были тогда страусы или только прирученными, теперь установить невозможно. Большинство ученых склоняется к последней версии: страусы не размножались в неволе, а стада в загонах пополняли пойманными на воле птицами.

«В 1856 году французы начали в Алжире планомерное разведение страусов. Сегодня страусиные фермы есть только в Южной Африке. Попытки получения от страусов приплода делались, однако, много раньше. Фридрих Барбаросса (1125—1190) пробовал в Сицилии с помощью солнечных лучей вывести птенцов из страусиных яиц» (Фредерик Цойнер).

Приручением и акклиматизацией страусов давно занимались научные сотрудники в нашем заповеднике Аскания-Нова. Африканских страусов привезли туда в 1892 году. Через три года здесь родились первые страусята.

«До 1946 года, когда размножение этих птиц в Аскании-Нова прекратилось, выведено, учитывая приплод в поколениях, 305 страусят... После этого страусы в зоопарке не размножались.

В настоящее время содержится 13 страусов, завезенных в 1963—1967 годах. От них есть основания ожидать потомство» (В. Д. Треус).

Ожидания оправдались: страусы вновь размножаются в украинской степи (но страусят выводят в инкубаторе).

Многие дикие птицы были ручными в Древнем Египте: дрозды, куропатки, лебеди, аисты, журавли, пеликаны. Сохранилась фреска второго тысячелетия до нашей эры, на которой видны египтянин и рядом с ним настроенные вполне благодушно пеликаны, левее их — два блюда, наполненные яйцами, судя по всему, снесенными пеликанами. Полагают, что пеликаны были в Египте вроде кур-несушек.

На другой фреске изображен пастух, который пасет гусей вместе с журавлями, на третьей — журавля явно откармливают для забоя на мясо. Очевидно, журавли, как и пеликаны, размножались в неволе и подходят под статус домашних животных.

В Японии и Китае сотни лет разводят бакланов, или корморанов. Дрессируют их ловить рыбу и приносить ее в лодку хозяина. У многих корморанов-рыболовов окраска оперения несколько иная, чем у диких сородичей. А это первый признак domestikации. Однако ученые, не желающие признать корморана домашним животным, говорят, что подобные отклонения в окраске порой встречаются и у диких бакланов.

Фреска XV века до нашей эры. Пеликаны, изображенные на ней, очевидно, заменяли в Древнем Египте кур-несушек: поставляли на стол хозяев свежие яйца.

Даже в Европе в XVII веке английские короли Яков I и сын его Карл I «ловили» рыбу с помощью корморанов. И Людовик XIII, их современник, развлекался на прудах в Фонтенбло той же забавой. Обученных рыболовству бакланов король Франции получил из Фландрии. Туда они, как считают, были привезены из Китая миссионерами-иезуитами.

Странно, что нет ни одного изображения баклана на памятниках искусства, дошедших до нас из Древнего Египта. Бесспорно, этих птиц там знали, но, очевидно, не нашли им полезного применения и потому не разводили.

Когда над Египтом установилось римское господство, здесь прекратилось разведение многих птиц, уже ставших полудомашними, а возможно, и домашними. Журавлям, например, римляне не могли найти лучшего применения, как выступление в цирках: игру в догонялки и драку между собой.

Римский народ требовал «хлеба и зрелищ». Сколь хорош был хлеб, римские писатели ничего не говорят, но разнообразие зрелищ и доведенное до совершенства искусство дрессировки диких зверей описывают впечатляюще.

Когда Юлий Цезарь возвращался поздно с пиршества, путь ему освещали обученные этому делу слоны. Марк Антоний с танцовщицей Киферидой разъезжал по улицам Рима на колеснице, в которую вместо лошадей были впряжены львы. Дикие быки ходили на задних ногах или смиренно стояли на повозке, которую вскачь везли лошади. Оленей тоже запрягали в колесницы, надевали на них узду с удилами, заправленными в рот. Леопарды ходили под ярмом, а слоны по... канату... Эти умнейшие животные вчетвером несли на носилках пятого. Львы ловили кроликов на арене цирка. Поймав, держали осторожно, потом выпускали и опять ловили.

После всех этих аттракционов начинались сцены травли и драки зверей: носороги сражались со слонами, с быками, с медведями, слоны — с быками и медведями, страусы — с собаками, а журавли — с

хорями. Разъяренные раскаленным железом крокодилы кидались на всех зверей подряд...

В общем, многих животных разводили римляне не для хозяйства, а для увеселения толпы кровавыми зрелищами.

Успешные начинания египтян по выведению пород полезных людям зверей и птиц погублены были жестокостью цирков, которые быстро расплодились по всей империи. Для дикой травли, сами понимаете, от животных требуются совсем иные качества, чем для приручения.

ПРИРУЧЕНИЕ ПТИЦЫ КРЕЧЕТ

«Соколиная охота — это напуск прирученных ловчих птиц на дичь. Существует она уже, по крайней мере, 2500 лет. Возникла в Передней Азии и распространилась отсюда через всю Азию до Японии, а в западном направлении — по всей Северной Африке» (Ганс Шименц).

Разницу между домашними и прирученными животными наиболее убедительно показывает нам история соколиной охоты. Прошли уже тысячелетия, как ловчих птиц содержали в неволе, добывали с ними разную дичь. По зову сокольника возвращались эти птицы даже из дальних полетов за добычей, послушно садились на руку охотника. Кормились в основном тем, что давал им человек. Но все-таки не стали домашними, в неволе не размножались. И чтобы пополнить ими соколиные дворы, всякий раз приходилось ловить птиц заново. Особые мастера (помытчики) добывали в поле, лесах и горах соколов и ястребов.

Лучшими ловчими птицами считались кречеты. Они стоили дорого, особенно белые. И были одним из лучших даров в дипломатических отношениях монархов.

Кречет — обитатель приполярных и полярных стран, прибрежных скал и лесотундры. Туда-то за ним и отправлялись сокольники.

Русские помытчики уходили на север России артелями с атаманом во главе. Слетков и гнездарей, то есть полуоперившихся птенцов, брали мало, промышляли в основном уже опытных в охоте соколов. Ловили их сетью, растянутой над землей на обруче. Она падала на сокола, схватившего приманку (голубя, куропатку, цыпленка), в тот момент, как укрывшийся в шалаше помытчик дергал за веревку, привязанную к обручу сети. Сокольники Западной Европы добывали кречетов на севере Скандинавии и Исландии. В Гренландию, где кречетов было много, обычно не плавали: прокорм пойманных там птиц (на месте и на обратном пути) стоил очень дорого. Даже когда из Исландии их доставляли в Копенгаген, то на пропитание 12 сокольников и 90 кречетов требовалось 8 быков и 136 баранов.

«...а пойманные в 1862 году в Исландии кречеты (в том числе два белых) «съели» в Исландии 9 быков и 523 барана, а в пути 50 быков и 20 овец» (профессор Г. П. Деметьев).

Совершенно баснословный аппетит!

На голову ловчей птицы надевали клубочок (нечто вроде шапки) так, чтобы он закрывал глаза. В клубочке сокол не пугался «окружающих предметов» — лошадей, собак и множества незнакомых ему людей. Клубочок применяли и для того, чтобы сокол не увидел слишком далеко взлетевшую птицу и напрасно не гнался бы за ней. К ногам привязывали обножи (путцы) — шелковые шнуры или ремешки длиной сантиметров двадцать. Их никогда не снимали. Они были нужны, чтобы при ударе когтями обе ноги приходили в действие одновременно. Кроме того, когда путцы растягивались до предела, каждая нога как бы приобретала опору и силой удара не отбрасывалась далеко вбок или назад.

Это, так сказать, в бою, а в «мирное время» за путцы удобно схватить взлетевшую в ненужное время птицу. Ее подтягивают к себе за шнур, соединяющий путцы и перчатку охотника. Брать птицу за крыло и за ногу нельзя: можно повредить и то и другое. За путцы удобнее всего ухватить сокола, чтобы посадить на место. Правда, при этом он, бывает, опрокидывается вниз головой, но потом силой машущих крыльев вздымается, принимает правильное положение и садится на руку сокольника.

От путцев к перчатке сокольника тянулся длинный ремешок (сантиметров 80—150). Бубенцы из серебра или меди, прикрепленные к ногам сокола, помогали при розыске, если сокол не вернулся назад на руку сокольника или соколиный двор. Звон хороших бубенцов слышен за несколько сот метров.

Прилетать к человеку и садиться на его руку старые исландские сокольники приучали недавно пойманных кречетов так: пускали птиц в пустое помещение, где пол был залит водой. Человек входил и ждал, когда налетающий вдоволь сокол, чтобы отдохнуть, не опустится на голову, руку или плечо человека — единственное, на что в этом помещении могла присесть неводоплавающая птица.

Русские же сокольники приручали ловчих птиц с «держания». Сокола в наряде (с клубочком на голове и путцах на ногах) носили на руке 24 часа подряд. Затем снимали клубочок и предлагали птице мясо. Если не брала, снова носили 24 часа. Опять предлагали мясо. Обычно после этого сокол хватал его с жадностью. Когда не брал, «ношение» продолжалось еще сутки.

Дальше следовало «вабление» — подманивание сокола голосом (обычно кричала «ау-ау») и вабилом. Это пара голубиных крыльев, прибитая к тонкой доске, вырезанной как раз по очертанию крыльев. Сокольник размахивал вабилом над головой, и по такому сигналу птица постепенно привыкала возвращаться к человеку, садиться к нему на правую руку, за что, разумеется, получала вознаграждение — кусок мяса. Вабление начиналось в закрытом помещении, потом — на воле, на дворе (здесь не прирученную еще как следует птицу привязывали длинным шнуром за путцы, чтобы не улетела).

Обученного всему этому сокола притравливали на

живую дичь сначала в соколятне, а потом в поле. Первое время напускали его на крупную добычу: на голубей, грачей, ворон.

Закончивший курс науки и опытный в охоте кречет делает до 70 «ставок» (бросков на добычу) и гонит ее, пока не собьет на землю, многие километры. Но это редкий случай, обычно же бросков бывает пятнадцать — двадцать пять. Числом «ставок» оценивается неутомимость и упорство сокола в нападении: после неудачных бросков кречет не прекращает атаки, а бьет и бьет, пока добыча не упадет на землю. Но бывают, конечно, и такие «ставки», которые и с одного раза либо с двух и трех насмерть поражают жертву: когти сокола рассекают ее, как острым ножом.

Чтобы нанести удар когтями, кречет пикирует с меньшего расстояния до цели, чем сапсан (другой ловчий сокол), и потому меньше теряет в высоте при промахах. Пущенный на дичь, взмывает вверх крутой спиралью, «идет на хвосте». Не так, как сапсан, нападает и на бегущую по земле добычу. Например, на зайца. Кречет не хватает его, как ястреб, а налетая раз за разом, бьет когтями.

С кречетами добывали даже крупных птиц: цапель, дроф, гусей, журавлей, лебедей. Особенно когда напускали сразу двух-трех кречетов. Тогда и орлы не выдерживали их попеременного боя. Балобан, сокол, родственник кречету, поменьше его. Так вот, в Иране и поныне еще охотятся с балобаном даже на антилоп (джейранов). Наверное, в минувшие времена и кречетами травили газелей.

Сейчас в некоторых странах Западной Европы соколиная охота вновь входит в моду, практикуется и на Востоке, а у нас в Средней Азии учрежден специальный питомник, где содержат ловчих птиц и учат их охоте.

По-настоящему домашних рыб только две: карп и золотая рыбка. Некоторые ученые считают и макропода домашним животным.

Исходная дикая форма карпа — сазан. Время его одомашнивания неизвестно.

Мнения ученых разделились: одни считают родиной карпа Китай, где эта рыба одомашнена будто бы несколько тысяч лет назад.

Другие же полагают, что европейцы добились того же независимо от китайцев, но в более близкие к нам времена, в первые века нашей эры.

Золотая рыбка выведена в Китае примерно в X веке нашей эры. Предок ее карась.

Мурен, рыб, близких к морским угрям, разводили в Риме.

Одни исследователи считают, что, возможно, они размножались в неволе и были рыбами домашними.

Другие говорят, что домашними мурены не были, а в прудах откармливали пойманных в море мальков. Сколько же тогда нужно было поймать молодых мурен, чтобы тысячами подавать на пирах?

Очевидно, вопрос этот: домашними были в Древнем Риме мурены или нет, так и остается нерешенным.

КАРП

В реках Европы и Азии живет сазан. Люди стали разводить его в прудах, кормить, отбирать производителей нужного качества, и получилась домашняя порода рыб — карп.

В Европе, главным образом в монастырских прудах, были созданы первые породы карпов и интенсивнее всего велось карповодство.

Первое упоминание о карпе есть в приказах, разосланных германским министром Кассиодором губернаторам провинций: министр требовал, чтобы к столу короля Теодориха (456—526 годы нашей эры) регулярно поставлялись карпы.

В России повелел разводить карпов в южных краях император Петр I. Но ничего из этого не вышло. Ныне как раз в тех местах, где не удались опыты, предпри-

нятые при Петре, лучшие совхозы и колхозы получают до 25 центнеров товарной рыбы с каждого гектара пруда. Всего же ежегодно в нашей стране выращивается около 100 тысяч центнеров карпов.

У нас преобладают такие породы карпов: чешуйчатые (сплошь покрытые чешуей), зеркальные (с большими, лишенными чешуи участками тела — «зеркалами»), линейные (с чешуей, расположенной по средней линии тела), голые (совсем без чешуи). Недавно на Украине вывели быстрорастущие породы карпов: украинского чешуйчатого и украинского рамчатого. Наши ученые путем скрещивания с амурским сазаном создали еще одну быстрорастущую и, кроме того, очень жизнестойкую породу рыб, хорошо переносящих холодные зимы. «Курские» карпы — так называется эта порода — и кормиться могут при более низких температурах, чем зеркальные.

А ведь карп, как, впрочем, и сазан, к температуре воды очень привередлив. Лучше всего он растет при 20—28 градусах тепла. А когда температура воды упадет до 14 градусов, почти совсем не кормится. При 1—2 градусах он неподвижен, ничего не ест, худеет, конечно.

В СССР племенные рыболовные хозяйства выращивают производителей-карпов для рыбоводников, от которых колхозы и совхозы получают карпов-годовиков. В своих прудах откармливают их до двухлетнего «товарного» возраста. Такие двухлетки весят примерно до 500 граммов.

Карпов выращивают и в естественных водоемах, но лучшие результаты получают на так называемых нагульных донноспускных прудах. Глубины этих прудов — 0,8—1,5 метра, а у плотины — 3 метра. Там, где воду спускают, делают деревянные или бетонированные ловушки, затянутые у выхода металлической сеткой.

Отлов откормленной рыбы производят в сентябре—октябре. Вода спускается из прудов, карпы теснятся в ловушках, откуда рыбу вычерпывают большими сачками.

Зимой дно спущенного пруда промерзает. Лед не пропускает воздух, и под ним гниют, разлагаются органические вещества — естественное удобрение пруда. Весной ложе пруда вспахивают, засевают вики и овсом. До осени пруд стоит без воды — «летует». Естественных удобрений для интенсивного ведения рыбоводства мало: пруды удобряют навозом (две тонны на гектар!) и минеральными веществами.

Подготовленный таким образом пруд в апреле—мае заселяют карпами-годовиками: примерно 2—2,5 тысячи рыбешек на гектар поверхности пруда. Если хотят получить хороший «урожай» рыбы, искусственная подкормка обязательна.

Чем только не подкармливают карпов! Жмыхами, отрубями, отходами хлебозаводов и мясокомбинатов, зерном вики, гороха, бобов, чечевицы, кукурузы, кровяной и травяной мукой (из перемолотых бобовых растений, сосновой и еловой хвои). Даже конскими каштанами и конским мясом, куколками шелкопряда и дождевыми червями... Добавляют в корм витамины и антибиотики.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Когда глядишь на золотую рыбку, трудно поверить, что это простой карась, правда, сильно изменившийся за сотни лет, с тех пор как он стал домашним животным.

Рыбки бывают разных расцветок: золотисто-красные, бело-золотистые, черно-золотистые, светло-розо-

вые, чисто-черные, красные и совершенно бесцветные. Есть породы с длинным «вуалевым» хвостом, с хвостом раздвоенным, без спинных плавников. У некоторых глаза выпуклые, как шары, и лежат не в глазницах черепа, а вне его, в коже.

Выведены золотые рыбки в Китае, по-видимому, в X веке нашей эры. Вскоре они появились в Японии, затем в Индонезии. В ее столице жило много китайцев. Они разводили золотых рыбок.

Как попали золотые рыбки на остров Святой Елены, неизвестно. Но известно, что именно отсюда в 1691 году англичане привезли их в Англию. Примерно в то же время и португальцы импортировали в свою страну потомков невзрачного караса, разодетых в великолепный «пурпур». Из Англии и Португалии золотые рыбки расселились по всей Европе. В XVIII веке стали очень модны в высшем обществе. Особенно увлекалась ими мадам Помпадур. Ее будуар был заставлен аквариумами с золотистыми переселенцами из далекого Китая.

Золотых рыбок содержат либо в бассейнах, либо в аквариумах. Живущие в бассейнах крупнее аквариумных: до 40 сантиметров длиной. В Китае есть породы более крупные, рыбы весят до 5 килограммов.

В наших широтах золотые рыбки в бассейнах зимовать не могут. На юге Франции и в Португалии зимуют. Там и на острове Маврикий живут даже одичавшие золотые рыбки.

Разведение золотых рыбок — дело не простое. Любителям редко удается. Обычно они получают мальков из племенных хозяйств. Самое крупное из них во Франции. Оно снабжает молодыми золотыми рыбками, по существу, всю Европу.

Любители, желающие сами получить приплод этих рыбок, обычно применяют такой метод. Когда начнутся любовные игры, берут сырой тряпкой пойманную в аквариуме самку и, несильно нажимая, проводят большим пальцем свободной руки от жаберных крышек до анального отверстия. Достаточно обычно пяти или восьми таких поглаживаний, пока икра не перестанет сочиться из рыбы.

Икру собирают в глубокую тарелку (без воды!). Таким же образом добывают молоки от самца. Перемешивают стеклянной палочкой икру и молоки, добавляя воды и переливают оплодотворенную икру в большой аквариум с очень чистой водой.

Через пять-семь дней появляются мальки. Пока не рассосался желточный мешок, висят на листьях водяных растений, приклеившись к ним слизью, покрывающей тело.

Мальков кормят растертым яичным желтком и измельченными листьями салата. Примерно 8—12 месяцев мальки серо-зеленого цвета, а затем «краснеют»: получают свойственную их породе окраску.

Наиболее популярные породы золотых рыбок:

Обычный вуалехвост. Особенно ценятся безукоризненно золотистые экземпляры. Плавники очень длинные, особенно хвостовой: он двойной, каждая его половинка с большим вырезом.

Анальный плавник тоже двойной. Спинной возвышается над рыбкой, как знамя. Чем длиннее его концы, тем лучше.

Телескопный вуалехвост похож на обычного, но с большими круглыми глазами, выступающими из орбит. Окрас голубовато-зеленоватый с золотисто-красными пятнами.

Кометохвост. Очень похож на обычного вуалехвоста, но не с двойным, а с одинарным хвостовым плавником.

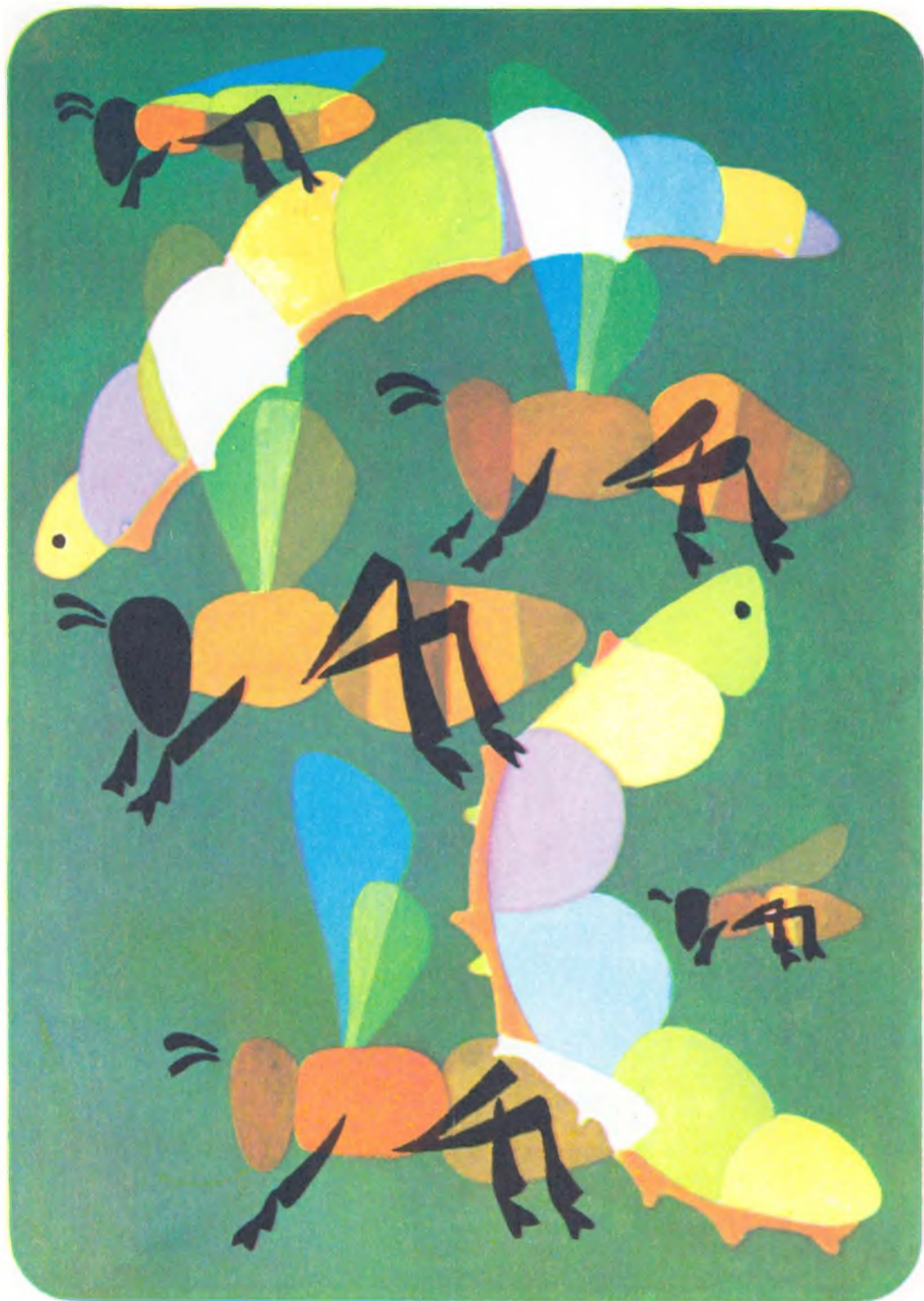
Тигровый вуалехвост. Он без чешуи, но окрашен богато: с голубыми, красными, белыми, черными, золотистыми пятнами. Да и глаза у него телескопические.

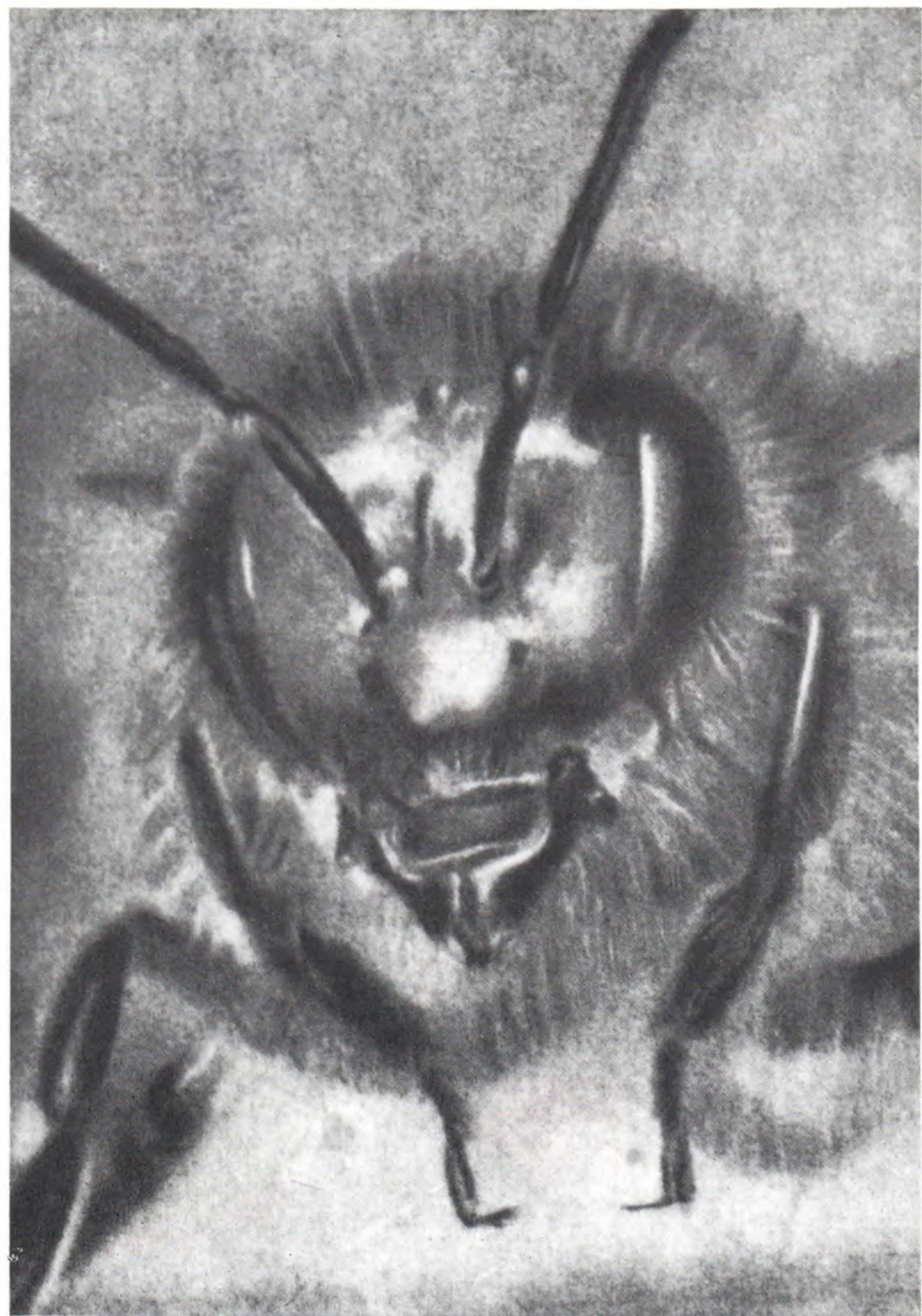
Шубункин. Голубой вариант вуалехвоста.

Яйцевидная золотая рыбка. Тело похоже на яйцо. Плавники невелики, спинного вообще нет.

Верхогляд. Тоже яйцевидной формы. Зрачок сильно выпуклых глаз направлен вверх.

«Львиная голова». У этой яйцевидной золотой рыбки с возрастом появляются многочисленные наросты, сплошь покрывающие голову.

Насекомые, как и рыбы, дали нам только два вида домашних животных — шелкопряда и пчелу.

Домашняя пчела происходит от дикой медоносной из подсемейства настоящих, или благородных, пчел. Точную дату ее одомашнивания трудно назвать. Во всяком случае, три тысячи лет назад в Древнем Египте уже было интенсивно развитое пчеловодство.

По сути своей породы пчел не породы, а только экологические расы, разнообразности. Вывести настоящие породы медоносных насекомых человечеству еще предстоит.

ШЕЛКОПРЯД

Двадцать веков хранили китайцы тайну — секрет производства шелка. Торговые пути экспорта шелковых тканей протянулись далеко на запад: через Индию в Сирию. Отсюда местные купцы развозили шелк по странам Средиземноморья.

«В IV веке шелк снова получает широкое распространение в римском обществе. С этого времени тутовый шелкопряд перестает быть исключительной собственностью Небесной Империи благодаря любви и смелости одной китайской принцессы, которая, выйдя замуж за короля Малой Бухары, принесла в дар своему новому королевству яйца шелковичного червя, с опасностью для жизни спрятав их в прическе» (Ж. Ростан).

«Монополия Китая на производство шелка была подорвана одной китайской принцессой, которая в 140 году до нашей эры вышла замуж за повелителя древнего оазиса Хотан на склонах хребта Куньлунь в восточном Туркестане. Она перевезла через границу яйца шелкопряда, спрятанные в прическе» (Цезарь Боеттгер).

Спешу сообщить: оазис Хотан всегда был далек от Туркестана. Он находится ныне в пределах современного Китая, на северо-западе этой страны, у южных границ пустыни Такла-Макан.

Последняя версия легенды ненадежна не только из-за географических ошибок, но и датировки: во II веке до нашей эры шелкопрядов разводили только в Китае. Император Юстиниан (483—565 годы) принял много дипломатических и военных усилий, чтобы обеспечить беспрепятственный путь караванам с шелком именно из Китая. О Персии, Согдиане и других странах Средней Азии как возможных производителей шелка речь даже и не шла. В царствование Юстиниана, как это хорошо показывает английский историк Эдуард Гиббон, никакие государства, кроме

Китай, шелк не производили (во всяком случае, в достаточном для экспорта количестве).

Второй контрабандный провоз яиц шелкопряда удачно завершился в 552 году. Византийский писатель Прокопий повествует: два сирийских (по Гиббону персидских) монаха явились к Юстиниану и предложили свои услуги: принести из далекого Китая яйца шелкопряда. Юстиниан щедро наградил их за великолепную идею и отпустил с пожеланием удачи. И действительно, их нелегкое предприятие прошло успешно. В 552 году они доставили ко двору Юстиниана яйца шелкопряда, спрятанные в полых посохах. Юстиниан вполне осознал значение совершенного монахами подвижничества и специальным эдиктом повелел разводить шелкопрядов в восточных областях империи. Но шелководство здесь скоро пришло в упадок. Лишь после арабских завоеваний вновь расцвело оно в Малой Азии, а позднее по всей Северной Африке, в Испании и на Сицилии. С этого острова шелкопрядов импортировали в Италию. Однако мало было тех, кто занимался здесь производством шелка.

После четвертого крестового похода (1203—1204 годы) венецианцы привезли из Константинополя богатую, как потом выяснилось, добычу — грону, то есть яйца шелкопряда. С тех пор в долине реки По многие хозяйства разводят шелкоочинных червей. В XIV веке этим полезным делом стали заниматься и на юге Франции.

Теперь вернемся к самым истокам истории шелководства. Когда возникло оно в Китае?

В старых рукописях этой страны шелкоочинный червь впервые упоминается в 2600 году до нашей эры. Более веские доказательства его раннего разведения получены при раскопках на юго-западе провинции Шаньси. Здесь в культурных слоях земли, относящихся к 2000 году до нашей эры, найдены среди прочих предметов обихода и коконы шелкоочинного червя.

Кто же он, этот драгоценный шелкоочинный червь? Гусеница бабочки из семейства шелкопрядов (в нем около ста разных видов).

«В настоящее время в природе в диком состоянии этот вид не существует» (профессор Ф. Н. П р а в д и н).

Это о бабочке бомбикс мори, диком предке домашнего шелкопряда. Но есть мнения других ученых, в которых частица «не» перед глаголом «существует» отсутствует.

«Дикий предок, бомбикс мори мандарина, который только незадолго перед началом нашего века стал известен, живет в Южной Маньчжурии, Корее, Северном Китае, в Японии и на Тайване» (Ганс Ханнеманн).

«Он домашняя форма обитающего в Китае, Корее, на Тайване и в Японии бомбикса мори мандарина... Шелк дикой формы обладает такими же свойствами, как у домашней бабочки, и так же легко разматывается; кокон его немного меньше, чем у домашнего шелкопряда. В разных областях обитания шелк дикой формы и в настоящее время поступает в производство» (Цезарь Боеттгер).

Близ северных границ своего ареала дикий шелкопряд размножается только раз в году. Южнее — дважды в году. Так же и домашний шелковичный червь: число его поколений в год, скорость развития гусеницы очень зависят от температуры в помещении, где он живет. Теплолюбив. Если меньше 20 градусов тепла, размножаться не будет. При 20—25 градусах его личинка заканчивает свой рост и развитие за 30—35 дней. И за 50 дней, когда воздух в червоводне нагрет лишь до 15 градусов.

Червоводня — помещение, где разводят гусениц тутового шелкопряда. В ней устроены стеллажи — кормовые этажерки. На них в изобилии лежат листья тутового дерева (шелковицы).

Яйца всю зиму хранят при низкой температуре. По весне из них выходят маленькие «червячки» (длиной около трех миллиметров) и расползаются по стеллажам с листьями. И едят. Можно сказать, непрерывно едят: днем и ночью (к концу личиночной жизни). И, разумеется, растут. В первые дни за сутки удваивают свой вес! А за 30—35 дней развития гусеница увеличивает его в 6—10 тысяч раз!

Когда приходит пора закутаться в кокон, шелколичные черви весят 3—5 граммов. Длина их — 8 сантиметров, толщина — сантиметр.

Перед окукливанием они беспокойны, ничего не едят и все стремятся заползти повыше. Тут на кормовые этажерки ставят ветки. На них забираются гусеницы и вьют вокруг себя кокон: дня через три он уже готов. Весь сплетен из одной шелковой нити. Толщина ее — 13—25 микрон, длина — 300—3000 метров. У разных рас червя длина нити неодинаковая! А рас этих много. Главная разница между ними в форме, величине и окраске кокона, а также и в качестве шелковой нити.

Готовые коконы обрабатывают горячим паром и разматывают на особой машине. Если же предоставить их своей судьбе, то под защитой шелковой брони червь превращается в куколку, а из нее через 20 дней выходит бабочка.

Чтобы выбраться из заточения, она капля за каплей роняет щелочную слюну на внутреннюю стенку кокона.

Нити шелка под действием слюны расклеиваются, делаются мягкими. Напирая на них головой и активно

работая ножками, бабочка пробивает отверстие в коконе и вылезает наружу. Крылья у нее есть, но летать не умеет: слишком они слабые, не могут поднять ее в воздух.

Живет бабочка дней двенадцать. За это время успевает встретиться с самцом и отложить 400—800 яиц.

ПЧЕЛЫ

Самое древнее изображение пчелы нашли на скале Аранской пещеры (в Испании).

Два человека забрались по веревкам к небольшому отверстию в скале. Один из них достает из этой дыры пчелиный сот. Над людьми летают пчелы. Рисунку больше 15 тысяч лет! Сделан он еще в палеолите, древнем каменном веке (мадленский период).

Три тысячи лет назад в Древнем Египте было развито пчеловодство. И не простое, а кочевое. На юге этой страны медосбор начинался раньше, поэтому каждую весну пчел перевозили ближе к истокам Нила. Там ульи стояли на плотках, с них пчелы летали за взятком. Плоты медленно, по мере цветения медоносных растений в более северных провинциях Египта, продвигались вниз по Нилу.

Пчела в этой стране была священным животным. На картушах (щитах с эмблемой и надписями) перед именем фараона изображали пчелу. На саркофагах царей тоже рисовались пчелы.

На тысячу лет позже в Ассирии тела умерших покрывали воском и погружали в мед. Этот обычай продержался долго, до Александра Македонского. Его тоже положили в гроб, доверху залитый медом, прежде чем перевезти из Персии, где он умер, в Египет и там похоронить.

В 950 году в Византии по приказу императора Константина VI была составлена энциклопедия по пчеловодству — «Геопоника».

И вообще, едва ли о каком-либо другом домашнем животном в античное время написано столько разных сочинений, в которых либо упоминалась пчела, либо давались практические указания по разведению этих насекомых. Среди их авторов — царь Соломон, греческий философ Демокрит, греческий историк Ксенофонт, писатель Аристофан, Аристотель («отец» зоологии), Теофраст («отец» ботаники), римский ученый и писатель Варрон, римский поэт Вергилий, римские писатели Колумелла и Плиний...

Пчеловодство прошло в своем развитии несколько этапов. Сначала люди просто собирали мед диких пчел в дуплах деревьев. Затем возникло бортовое пчеловодство (от слова «борт» — дупло). Пчелиные рои ловили и помещали в дупла, естественные или

специально сделанные, оберегали от разорения. По мере его накопления брали мед. Колодное пчеловодство — следующий этап. Пчел разводили в колодах, выдолбленных внутри и принесенных из леса, либо в глиняных или сделанных из коры ульях. Чтобы взять мед и воск, пчел убивали серным дымом, а ульи ломали.

Пчеловодство, близкое к современному, началось после того, как П. И. Прокопович в 1814 году изобрел современного типа рамки, на которых пчелы строят соты и которые вынимают из улья, когда собирают мед. Медогонка, сконструированная в 1865 году чешским пчеловодом Ю. Грушкой, сделала разведение пчел в рамочных ульях еще более продуктивным.

Сейчас в мире около 40 миллионов пчелиных семей. Из них в СССР — 10 миллионов, в США — 4,7 миллиона, в Мексике — 1,8, в Турции — 1,7 миллиона.

Что есть пчелиная семья?

Одна матка, до 100 тысяч рабочих пчел (10—15 тысяч зимой) и несколько сотен или тысяч трутней — вот и вся пчелиная семья.

Единственное назначение матки в улье — откладка яиц (летом до двух с половиной тысяч в сутки). На 5—7-й день после того, как выберется из маточника, молодая матка вылетает из гнезда в брачный полет и спаривается с каким-нибудь трутнем. Сперма, способная оплодотворять яйца, сохраняется в ее теле в особом местечке всю жизнь. А живет матка около пяти лет, в редких случаях — даже до восьми. С годами яйценоскость матки падает, поэтому пчеловоды меняют старых маток на новых через год-два.

В обычные ячейки матка откладывает оплодотворенные яйца — из них выводятся пчелы-работницы (с недоразвитыми женскими половыми органами). При откладке яиц в более крупные ячейки матке приходится изгибать свое брюшко так, что яйца из ее яйцеклада выходят неоплодотворенными; из них выводятся трутни (самцы). В особые, слепленные из воска маточники откладываются оплодотворенные яйца. Здесь вскармливаются пчелами новые, молодые матки. Чтобы они вывелись, необходима особая пища — «молочко». Им пчелы кормят личинок работниц и трутней лишь три дня, а затем переводят на мед и пергу. Но личинок маток — все время их развития, да и после, пока матка откладывает яйца, тоже.

Когда пчелиная семья лишится матки, многие тысячи возбужденных пчел, встревоженные, бегают по улью, «гудят» и, обеспокоенные, кружатся над ним. Хорошо, если есть в сотах личинки трех-четырехдневного возраста, еще не попробовавшие грубой пищи — меда и перги. Тогда рабочие пчелы начинают выводить

*Расправа быстрая! А не
залетай в чужой дом...*

из этих личинок матку, кормят их молочком. Через 16 дней молодая матка выползает из ячейки.

Если личинок, из которых можно вывести матку, нет, рабочие пчелы, так называемые трутовки, откладывают в ячейки сотов яйца. Но яйца неоплодотворенные, и потому выводятся из них только трутни. Семья, лишенная матки, гибнет.

У матки, как и у рабочих пчел, есть жало (оно же и яйцеклад). Но человека она никогда не жалит, даже и попыток таких не делает. Но зато, если встретит в гнезде вторую матку, яростно нападает на нее и пускает в ход свое ядовитое оружие.

Рабочие пчелы живут 30—40 дней. А когда цветут основные медоносы, вдвое меньше. В эту пору старые рабочие пчелы, перегруженные медом и пыльцой, с трудом добираются до летка. Крылья их обтрепаны, и сами они не так проворны, как молодые. На земле вокруг ульев можно увидеть едва передвигающихся старых пчел. Если положить их в леток, они все равно уползут прочь, чтобы умереть где-нибудь в стороне и не мешать работе своих молодых собратьев.

Первую половину жизни новорожденная пчела проводит в улье, вторую — в поле. Пчела, которой от роду два-три дня, занимается чисткой ячеек. На 4-й день она кормилица: берет из ячеек мед и пергу и кормит ими личинок, которым от роду больше трех

дней. На 8-й день у молодой пчелы развиваются железы, выделяющие маточное молочко, и она кормит им матку и молодых личинок.

Во второй половине жизни в улье (в 10—13 дней от роду) молодые пчелы совершают ориентировочные полеты вокруг улья. В этом же возрасте занимаются аккуратной укладкой пыльцы в ячейки (пчелы-сборщицы просто сбрасывают ее в ячейки). Чистят улей, уносят из него всякий сор. Перерабатывают нектар в мед. Строят соты. Последняя их обязанность перед вылетом в поле на медосбор — охрана летка.

ПОВЕДЕНИЕ ПЧЕЛ

Молодые, трех-четырёхдневные пчелы-кормилицы за шесть дней своей ответственной работы кормят каждую личинку около 8 тысяч раз!

Пчелы-труженицы улетают за взятком за несколько километров от улья. Они собирают пыльцу разных цветков, добавляют к ней капельку слюны, смешанной с нектаром. Полученный комочек укладывают в корзинки — особые углубления на задних ногах. В среднем уносят в улей 20 миллиграммов этого груза (сама пчела весит около 100 миллиграммов). В улье укладывают в сотовые ячейки, заливают медом, и пыльца превращается в пергу — «пчелиный хлеб».

За лето пчелиная семья выделяет 3 килограмма воска и больше и собирает до 150 килограммов меда! Примерно 100 килограммов уходит на прокорм самих пчел.

«Тот, кто познакомится с внутренней жизнью улья, очень скоро узнает, как много времени пчелы в каждой возрастной стадии отдают полному безделью» (К а р л Ф р и ш).

И в самом деле, пчела, вернувшаяся в улей со взятком, могла бы, освободившись от ноши, снова лететь за добычей. Но она минимум пять минут, а иногда и полдня проводит возле гнезда. Ничего не делает, просто ползает по сотам. Часто пчелы-добытчицы заползают в ячейки и спят там полчаса в полной неподвижности, лишь брюшко их пульсирует с большими нерегулярными интервалами (в несколько минут).

Отдохнув таким образом, пчела выползает из ячейки, чистит голову, словно умывается, не очень торопится отправляться в путь за взятком. Но наконец улетаёт.

Матка и трутни тоже любят поспать, но обычно не в ячейках, а просто на сотах.

После напряженной работы в утренние часы почти вся семья, кроме сторожей у летка, отдыхает, в общем, спит. Еще более крепко спят пчелы ночью, неподвижной массой застывают на сотах. На свет не летят, их

можно собрать в корзинку или еще во что-нибудь: сон их кажется беспробудным. Бодрствуют только пчелы, которые «выпаривают» нектар.

Как и среди людей, у пчел есть и лентяи, и хорошие работники. Вот и получается, что более слабая, то есть малочисленная, но трудолюбивая семья собирает больше меда, чем сильная семья, в которой много «лентяев». Это хорошо известно пчеловодам, и поэтому они стараются выводить пчел от маток, рожающих хороших работников.

Прилетев с нектаром, пчелы-лентяи совсем не спешат освободиться от него. Полчаса и больше бесцельно ползают по сотам и лишь затем отдают собранную в поле добычу молодой пчеле на переработку нектара в мед. Когда же пчелы-приемщицы загружены работой, пчела-сборщица, осмотрев много ячеек, выбирает на свой вкус лучшую и сама укладывает в нее нектар. Пчела залезает в ячейку спиной вниз. Когда погрузится настолько, что челюсти окажутся на уровне верхнего края ячейки, открывает рот и размазывает капельки нектара по внутреннему верхнему краю ячейки.

В нектаре, который приносят пчелы, много воды — три четверти. Он может забродить. Чтобы этого не случилось, пчелы и днем, но особенно ночью (иногда всю ночь) вентилируют улей. Одни взмахами крыльев вгоняют в улей воздух, а другие удаляют его. Сильный поток воздуха «выпаривает» нектар, и в нем остается лишь 20 процентов воды. Такой нектар постепенно превращается в мед: «созревает».

Некоторые медоносные растения выделяют нектар лишь в определенные часы: гречиха, например, утром и вечером. Тогда же и пчелы прилетают на поля. В другие часы посещают те цветы, которые в это время наиболее наполнены нектаром.

Значит, у пчел есть чувство времени.

«Наблюдения показали, что чувство времени не зависит от движения солнца, атмосферных условий и географического местоположения. Было установлено, что подопытные пчелы с хронометрической точностью ежедневно в одно и то же время отправлялись к поилкам за подслащенной водой... Оказалось, что лишение пчел естественного света ничуть не повлияло на их поведение: они летали за сладкой водой минута в минуту точно так же, как при солнечном освещении. Тогда были устроены два одинаковых помещения, лишенных естественного света, в Париже и в Нью-Йорке. Парижских пчел на самолете перевезли в Нью-Йорк. Оказалось, что и там пчелы отправлялись на поиски сладкой воды точно в то же время, что и в Париже, несмотря на то, что разница во времени в этих городах составляет пять часов» (Н. П. Йо и ш).

У каждой пчелиной семьи особый запах. Поэтому чужих пчел бдительные сторожа у летков в улей не пускают, убивают своим жалоносным оружием. Но вот что интересно: трутни из других ульев и молодые,

еще не летавшие за взятком пчелы свободно могут залетать в чужой дом. Его владельцы каким-то образом узнают, что воровать мед ни те, ни другие не будут, пропускают их в леток: пусть «погостят».

Чужую матку пчелы быстро узнают и изгоняют. Это их действие понятно. Но почему порой они злобно нападают на свою матку? Когда матка плохо несет яйца, малоплодная, ее убивают. Это тоже понятно. Но бывает и так, что некоторые пчелы атакуют еще вполне плодовитую матку. Пытаются ужалить, оборвать ей крылья и ноги. В конце концов клуб озлобленных пчел окружает матку, и она гибнет, буквально разорванная на части.

Пчелиная семья очень сложное объединение животных. Управляют им не только инстинкты, но и химические вещества: гормоны, феромоны и многие другие, нам неизвестные. Чьи биохимические «сигналы» имеют решающую силу? Есть исследования, которые доказывают, что такие вещества выделяет матка. Даже мертвая матка, истертая в порошок, который завернут в чулок и положен в улей, определенным образом воздействует на поведение рабочих пчел: тормозит развитие яичников, препятствует закладке маточников и, напротив, побуждает строить обычные соты. Возможно, что и «приказы» к роению исходят от матки.

Однако другие эксперименты заставляют считать, что и пчелы-труженицы направляют работы в семье.

Эти пчелы не очень молодые, но и не старые: вероятный их возраст от 14 до 21 дня. Вылет роя определяют они. И сами улетают с ним, так как слишком молодые пчелы еще не собирают взятки, а старые, с обтрепанными, изношенными крыльями едва ли смогут построить новое гнездо и снабдить его необходимым для жизни семьи провиантом.

Роение. Ранней весной пчелы выращивают только рабочих. Когда их наплодится много, закладывают трутневые ячейки: самцы необходимы для предстоящего вскоре роения.

Но вот в гнезде много молодых пчел, а в ячейках — расплода. Пчелы начинают строить маточники. На 8—9-й день после того, как в роевые мисочки будут отложены яйца, а первые маточники запечатаны, начинается роение пчел (обычно между 10 и 12 часами дня). Они на полной скорости вылетают из улья, кружатся в воздухе, сбиваясь во все более плотную «стаю», и затем «прививаются» к какому-либо предмету, обычно к ветке дерева. Висят плотным клубом вокруг улетевшей с ними матки, обычно старой. Через пятнадцать минут либо через несколько часов (а то и через сутки) рой взмывает вверх и летит к новому жилищу, которое за это время отыскивали пчелы-раз-

Сдается добыча.

ведчицы. Обычно это дупло дерева, заброшенная полая внутри колода или пустой улей.

Если пчеловод не хочет упустить рой, то привившихся пчел нужно снять в приготовленную для этого роевню либо просто в корзину. Греметь кастрюлями и бить в колокола, как делали прежде, чтобы заставить рой привиться, дело бесполезное, так как пчелы, очевидно, совсем лишены слуха либо глухи к звукам, которые мы слышим.

Если рой привился к ветке дерева невысоко над землей, то проще всего осторожно срезать ветку и вместе с роем принести к улью. Положить ее у самого летка. Аккуратно, чтобы не потревожить рой, некоторых пчел направляют в леток. Рой, собранный в роевню, тоже высыпают перед летком улья. Уползающих в сторону пчел осторожно направляют в леток.

После первого роя («первака») может быть вскоре и второй — «вторак», а за ним и «третьяк». Но когда на пасеке дело поставлено хорошо, никаких «второк» и «третьяков» не допускают, чтобы не ослабить семьи.

О танцах пчел многие, конечно, слышали.

Содержание этой «хореографической» речи в немногих словах такое: пчела, которая нашла в поле растения, богатые нектаром, рассказывает другим пчелам о своей находке так называемым виляющим танцем. О медоносах, растущих недалеко от улья, метрах в ста и меньше, пчела сообщает другим, менее

В кругу семьи.

сложным танцем: бегают кругами по сотам — круг налево, затем разворот и круг направо.

Вильяющий танец дает более полную информацию о результатах разведки. «Вильяющим» он назван потому, что исполняющая его пчела виляет брюшком. Вильяет, только когда бежит по прямой линии, соединяющей два кольца восьмерки: фигура этого танца похожа на положенную горизонтально цифру «восемь». Чем больше виляний, тем дальше медоносы. Если в прямолинейном пробеге 15 виляний, это значит, что медоносы примерно в километре от улья. Когда пчела-разведчица указывает на путь, больший, чем километр, она танцует медленнее, и тогда, естественно, увеличивается число виляний в прямолинейном пробеге. В среднем каждое виляние обозначает расстояние в 75 метров. У разных рас домашних пчел неодинаковые «диалекты»: одно виляние брюшком соответствует либо большей, либо меньшей дистанции, чем усредненное число — 75 метров.

Итак, расстояние до медоносов указано, но в каком направлении лететь к цветоносному объекту?

Тут смотрите: вниз или вверх головой бежит пчела по сотам в прямолинейной фазе танца. Если вниз головой, то медоносы на севере, когда вверх — на юге. Отклонение прямолинейного пробега под тем или иным углом от вертикали означает, что и полет за взятком должен быть совершен под таким же углом линии север — юг.

Для производства меда необходимо не только «выпаривание» нектара, о котором говорилось выше. Он подвергается довольно продолжительной и таинственной пока для нас обработке в медовом желудочке пчелы.

Пчела-приемщица забирает у пчелы-сборщицы весь принесенный ею нектар. Какое-то время он хранится в ее желудочке. Затем пчела раскрывает челюсти, выдвигает вперед и вниз свой хоботок, и на его поверхности появляется капелька нектара. Пчела проглатывает его, потом опять выпускает изо рта капельку нектара и вновь проглатывает... Так продолжается до 240 раз. И лишь тогда пчела помещает свой сладкий полуфабрикат в ячейку сота. Но и это еще не конец: другие пчелы продолжают сложную работу по превращению нектара в мед. Они переносят жидкий еще полумед-полунектар из одной ячейки в другую, пока он не загустеет.

Мы уже знаем, что для удаления лишней влаги из нектара пчелы «ветерком» от своих машущих крыльев (26 400 взмахов в минуту!) продувают весь улей. Мало этого: вода из нектара всасывается также особыми железами медового желудочка. И насыщается ферментами, витаминами и уничтожающими микробов веществами — производится стерилизация. Поэтому мед долгие годы сохраняет свою свежесть и не портится. Бактерии ему не страшны.

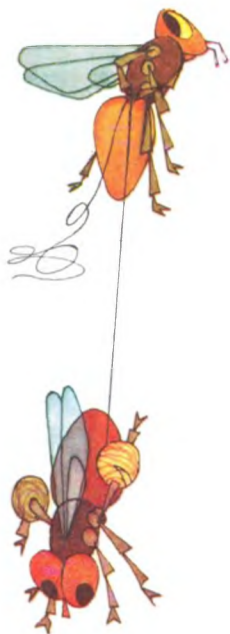
Подсчитано: чтобы приготовить 100 граммов меда, пчела-сборщица должна взять нектар примерно у миллиона цветков! И доставить в улей около 15 тысяч нош этого напитка богов. Если медоносы находятся всего за 1,5 километра от улья (а иногда за взятком пчелы летают и за 8 километров), тогда их путь туда и обратно составит 45 тысяч километров! Больше длины экватора! И весь этот гигантский труд для приготовления всего 100 граммов меда!

Скорость полета пчелы, освобожденной от ноши, 65 километров в час (как у лучшей скаковой лошади). Нагруженная на 3/4 своего веса, пчела летит тяжело и вдвое медленнее, чем порожняя.

«Мед есть сок с росы небесной, который пчелы собирают во время доброе с цветов благоуханных, и от того имеет в себе силу многу и угоден бывает к лекарству от многих болезней. Мед на раны смрадные пособляет, очем затмение отдаляет, помазуючи или пластырь прикладываючи, распадлины рта лечит, воду мочевую порушает, живот обмягчает, кашляющим пособляет, ядовитое укушение лечит и укушение бешеные собаки уздравляет, на раны глубокия добре пособляет, легкому и всем суставам внутренним несказанно есть лекарство» («Книга, глаголемая Прохладный вертоград»).

Тысячи лет назад врачи почти всех древних стран считали, что мед «имеет в себе силу многу». В состав

рецептов едва ли не всех лекарств как главные компонент входил мед. Так было и в Древнем Египте и Греции, и в Вавилоне и Ассирии, Индии и Китае. Прошли века, новые народы вышли на арену истории, и у них мед как лекарство сохранил «силу многу». И врачи и знахари обращались к меду за помощью от многих недугов. Ведь и Илью Муромца, сиднем сидевшего 33 года в селе Карачарове, вылечили «калики перехожие»: выпить дали ему «чарку питьица медвяного».

И в наши дни медом лечат раны, простуду, заболевание верхних дыхательных путей и легких, болезни сердца, печени, почек, нервной системы и кишечника, глазные и кожные болезни. Применяют его даже в лечебной косметике и профилактике лучевой болезни.

Все новые и новые лекарственные средства обнаруживают в меде. И в прополисе тоже. Почти при всех перечисленных выше болезнях он помогает, даже при лечении злокачественных опухолей. У него сильные антисептические свойства.

Прополис — это пчелиный клей, которым они замазывают щели в улье. До сих пор толком неизвестно, откуда берут его пчелы, какие таинственные процессы предшествуют его образованию. Разные исследователи называют два главных сырьевых источника для приготовления прополиса: пыльцу растений и смолистые вещества с коры и почек деревьев (ивы, тополя, сосны, ели, пихты, березы).

Пчел, собирающих камедь — клейкие выделения растений, наблюдали не раз. Ухватив челюстями кусочек липкой массы, пчела вытягивает его в нить. Чтобы оборвать ее, взлетает, через несколько секунд опять садится на прежнее место и коготками второй пары ножек снимает нить с челюстей и складывает ее в пыльцевую корзиночку. До тех пор, пока обе пыльцевые корзиночки не будут наполнены липкой массой.

В улье камедь забирают ульевые пчелы, вытягивая нить за нитью всю смолу из корзиночек прилетевшей с ней пчелы. Иногда так сильно тянут клейкие нити, что пчела-сборщица не может удержаться на месте.

В ранние утренние часы пчелы не собирают сырья для прополиса. Наибольшее их число летает за камедью в полдень, в самую жару. Бывает, вечером у вернувшихся с ношей пчел камедь так застывает, что ульевым пчелам не хватает силы вытащить ее из корзиночек. Так приходится сборщицам ночевать, не освободившись от груза. Утром они греются в лучах солнца на прилетной доске. Только в полдень освобождают их пчелы-приемщицы от размякшего в жару клея. Во время хорошего взятка пчелы почти не собирают камедь.

ПОРОДЫ ПЧЕЛ

В строгом смысле слова разновидности пчел называть породами нельзя. Это просто географические и экологические расы домашних пчел, приспособленные к разным условиям среды и созданные естественным отбором. Пород, выведенных человеком в результате племенной работы, у пчел еще нет.

В СССР разводят в основном три пчелиные разновидности: среднерусскую лесную, грузинскую серую горную и дальневосточную пчелу. Последние были завезены в XIX веке с Украины. Пчелы высокопродуктивные. Среднерусские пчелы сильно метизированы кавказскими пчелами.

Кавказские пчелы — самые миролюбивые в мире. Редко жалят. Не бегают перепуганные по улью, когда его открывают (даже без дыма). Они вылетают и кружатся вокруг лица и рук, словно собираются ужалить. Но затем возвращаются на соты.

У них более длинный хоботок, чем у всех прочих разновидностей пчел, — до 6,9 миллиметра. Они не лентяи, хорошо работают, выносливы, не склонны к чрезмерному роению и собирают много прополиса. Кавказские пчелы получили всеобщее признание, и сейчас разводят их во многих странах, особенно в США.

Итальянская пчела, пожалуй, собирает меда больше всех других. Трудолюбива и незлобива. Итальянские пчелы спокойно сидят на сотах, когда их вынимают вместе с рамками. Произошли итальянские пчелы, очевидно, от кипрских, но не унаследовали их скверного характера: кипрские пчелы считаются самыми злыми в мире.

Краинские пчелы (родина их — юго-восточные склоны Альп) наиболее склонны к роению и собирают очень мало прополиса. Соты их всегда белые и чистые. Некоторые пчеловоды считают их лучшими из всех рас для производства сотового меда. Но повышенная ройливость приносит слишком много хлопот пасечникам.

Как видите, у каждой разновидности свои желательные и нежелательные особенности. По наибольшему числу «желательных» лучше в мире — кавказские и итальянские пчелы. Предполагается, что, если какой-нибудь пчеловод займется племенной работой с пчелами, в качестве исходного материала он, очевидно, выберет именно эти две разновидности.

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВЕДЕНИЯ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ

Существует несколько классификаций методов разведения домашних животных. У американского ученого В. Райса пять: поглощение крови, прилитие крови, скрещивание, разведение по линиям и инбридинг. Академик Е. Ф. Лискун насчитывает шесть методов: чистое разведение, преобразовательное скрещивание, вводное и воспроизводительное скрещивание, родственное разведение и гибридизация.

У профессора Л. Адамеца — четыре основных метода: чистое и родственное разведения, освежение крови и скрещивание. Эта система наиболее проста, сообразно с ней и поведем наш рассказ.

Чистое разведение. Это самый надежный способ, не вызывающий никаких неожиданностей в потомстве, никаких «сюрпризов», как говорили прежде наши заводчики. При чистом разведении спаривают животных одной породы и одного отродья, не находящихся в близком родстве. Породные признаки довольно стойко передаются из поколения в поколение, с наименьшими отклонениями от стандарта породы.

Родственное разведение, или инбридинг. Спаривание очень близких родственников и в основном тех из них, тип которых хотят закрепить в породе. При инбридинге в родословных разводимых животных много раз повторяется одно или несколько имен лучших производителей. Их качества как бы фокусируются, концентрируются в потомстве. Говоря словами генетиков, при родственном разведении достигается наибольшая степень гомозиготности, так сказать, единообразия генов, а следовательно, и желаемых качеств производителя, избранного образцом породы.

Замечу здесь, что и нежелательные качества (да и все вообще!) при инбридинге «фокусируются». Поэтому у животноводов и возникают разного рода проблемы, как предотвратить вредные последствия этого метода разведения.

«...Выдающаяся продуктивность большого количества пород, должно быть, всех главных видов домашних животных стоит, вне сомнения, в тесной, во многих случаях даже и в теснейшей связи с родственным разведением» (Л. Адамс).

Исторически дело сложилось так, что вначале инбридинг долгое время применялся «бессознательно и произвольно».

Затем с середины XVIII и до середины XIX века инбридинг получил полное признание почти у всех животноводов и широко практиковался. Около второй половины XIX века случился крутой поворот: инбридинг был категорически отвергнут как порочный метод. В начале нашего века, когда благодаря генетике стала ясна наконец сущность его полезных и вредных последствий, инбридинг вновь стал применяться в животноводстве, но весьма осмотрительно и строго на научной основе.

Прежде чем разводить животных в инбридинге, нужно тщательно выяснить, есть ли в исходном племенном материале какие-либо недопустимые пороки. Ведь инбридинг «фокусирует» все качества: как хорошие, так и плохие. При инбридинге не возникают никакие вредоносные признаки, он только выявляет их.

«Родственное разведение, обнаруживая дурное, столь же в нем повинно, как сыщик, обнаруживая преступление. Вместо того чтобы его порицать, ему следует быть благодарным» (Ист и Джонс).

Каковы же «преступления» инбридинга?

У инбридируемых животных появляется тонкий костяк и вообще полное утоньшение форм, вплоть до переразвитости (что это такое, скажу дальше), бесплодие, ненормальности в обмене веществ (ожирение либо худоба при обычном кормлении), малая жизнестойкость, альбинизм, уродства: заячья губа, волчья

пасть, свиное рыло, мопсовидность, коротконогость (микромелия), карликовый рост и многое другое.

И вот возникает дилемма: с одной стороны, инбридингом быстрее всего и лучше создаются высокопродуктивные породы, с другой — им же «выявляются» упомянутые выше уродства. Что тут делать?

Прежде всего не инбридировать животных с какими-либо пороками, пусть и небольшими, так как при родственном разведении гомозиготность генов умножается и, следовательно, даже малые недостатки увеличатся. Если же пороки до инбридинга не были заметны, а появились после него, немедленно следует выбраковывать, удалять из племенной работы производителей, в потомстве которых обнаружались серьезные дефекты.

Помогает при инбридинге «освежение крови» — разовое или периодическое скрещивание с производителями той же породы, но других племенных линий.

Некоторые селекционеры-практики рекомендуют содержать разные линии одной инбридированной породы в неодинаковых внешних условиях: так в результате приспособления и отбора у них образуются свои наследственные особенности. В Англии и ФРГ этим методом, называемым интербридинг, разводят многих мелких животных, которых с самого начала разделяют на несколько групп и содержат в разных условиях. У нас же и таких отнюдь не «мелких животных», как зубры, беспокоят периодическими переездами из одного заповедника в другой, в которых находятся разные племенные линии этих животных.

Существует пять основных видов скрещивания.

Разнопородное скрещивание для производства пользовательных животных, в основном разводимых на мясо. При скрещивании разных пород обычно происходит, как говорят генетики, гетерозис: потомки первого поколения получают более рослыми, скороспелыми, выносливыми и продуктивными.

Облагораживающее скрещивание. Это однократное «прилитие крови» производителей какой-либо породы к другой для улучшения определенного признака последней. Так, одноразовой метизацией шортгорнов с некоторыми отродьями голландского крупного рогатого скота последним был передан более широкий таз и лучшая склонность к откорму. Другой пример: прилитие крови борзой к немецким догам для придания им большей грациозности и стройности. После такого скрещивания необходим строгий отбор, чтобы другие признаки породы, кровь которой вводится, не передались метизируемой.

Поглотительное скрещивание. Применяется, когда надо передать другой породе не один какой-либо признак, а как можно больше их. Обычно так посту-

пают, стремясь местную или примитивную породу «переделат» в культурную, кровь которой раз за разом, в следующих друг за другом поколениях приливается к примитивной породе, и она как бы «растворяется» в культурной породе, поглощается ею. Так были созданы многие породы и среди них — английская чистокровная лошадь, которая на первых этапах становления метизировалась арабской лошастью.

Воспроизводительное скрещивание. Применялось и применяется для создания новой породы, которая должна совмещать в себе желаемые свойства скрещиваемых пород. Затем идет строгий отбор гибридов по необходимым признакам. Если нужно, проводится новая метизация и снова подбор пар. Когда будут найдены отвечающие задуманному образцу производители, следует обычно инбридинг и в дальнейшем разведение в чистоте.

Межвидовая гибридизация. Практикуется для получения пользовательных животных определенного направления. Типичный пример — мул. Он крупнее и сильнее осла. И в то же время более вынослив, особенно в сухом, жарком климате и в горах, менее восприимчив к заболеваниям и разборчив в корме, чем лошадь. Кроме того, у мула исключительное долголетие: он живет до 90 лет! Другие межвидовые гибриды, предназначенные для особых целей: зеброды (помеси лошади и зебры), потомки одногорбого верблюда и двугорбого, крупного рогатого скота и зебу либо яка, бизона, буйвола, обычной утки и мускусной...

В наш механизированный век у животноводов появились новые, совершенно неожиданные задачи. Из немалого их числа возьму для примера две.

Возникла неведомая прежде необходимость — выведение коров с одинаковым стандартным выменем. И это не пустяковое дело, как считалось до того, когда была изобретена «механическая доярка». Форма и размеры сосков у коров разные, и не все одинаково пригодны для доильного аппарата. Некоторые совсем к нему не подходят. Поэтому содержание таких коров в промышленном комплексе невозможно.

Второй пример, продиктованный жизнью новой животноводческой проблемы, — селекция на усредненную продуктивность. Владельцы больших стад крупного рогатого скота не стараются теперь выводить коров с очень большой молочностью. У них иная цель — выравнивание стада по продуктивности, чтобы в нем на обычных рационах кормов животные давали бы приблизительно одинаковое количество молока, примерно около 5 тысяч литров в год. Когда это будет достигнуто, племенная работа пойдет в направлении повышения стандартного уровня надоев.

И как это ни парадоксально, при отборе животноводы бракуют как малопродуктивных коров, так и тех, у которых очень высокая молочность: ведь им необходим особый индивидуальный уход и обильный, выше средних рационов корм, а при высокomeханизированном хозяйстве это едва ли окупается избытком продукции, которую дают рекордистки.

При разведении коров в промышленных комплексах, а это дело развивается сейчас очень быстро, мало возможностей, говорит профессор Ю. Ф. Новиков, для «персонального» внимания к рекордисткам. И он продолжает: «Как на заводе график изготовления деталей в потоке, так и на комплексе график прохождения коров через доильную площадку строго регламентирует время». А это значит, что поставленные в такие условия коровы-рекордистки просто не успеют отдать все молоко.

Тут получается неожиданная картина: оказывается, при содержании скота на механизированных фермах менее хлопотно и экономичнее во времени (а время — деньги!) иметь двух коров с годовым надоем, стандартным для стада, чем одну с вдвое большей молочностью.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ И «СЮРПРИЗЫ» ДОМЕСТИКАЦИИ

Домашние животные отличаются от диких прародителей рядом особенностей. Из внешних проявлений можно назвать, например, окраску. У диких она, как правило, единообразна для всех представителей вида, отклонения от природной нормы невелики. Масти у домашних животных бывают самые разные. У них очень обычны пегие масти, пестрые с белым основным фоном и разного рода белые пятна на морде, ногах, на конце хвоста и, наконец, вообще особи, лишенные пигмента, альбиносы. Исследователи нашли, что даже при однотонном окрасе пигмента в волосах у домашних животных меньше, чем у диких.

У некоторых и в глазах его мало. Встречали, наверное, голубоглазых собак и кошек? У олов, северных оленей тоже такое бывает. (Голубоглазые собаки и кошки рождаются обычно глухими.) А диких голубоглазых не бывает: у всех глаза — карие. И рога у домашних коз, овец, коров, буйволов далеко не так велики, как у диких родичей. Есть, однако, исключения, вызванные прихотью человека: длинные и красивые декоративные рога у скота негров ватусси. По той же причине местами разводят четырехрогих коз и овец либо, наоборот, комолых.

Типичные признаки domestikации коротконогость такс и анконских овец, бульдожий прикус, складки на морде (у многих собак) и на теле у овец-мериносов, курчавые или шелковистые волосы (ангоризм) либо

полное «облысение» (потеря волос) у некоторых пород собак, лабораторных мышей и даже у лошадей (так же, как и длинные грива и челка), свернутый кольцом хвост у свиней, лаек, шпицов и мопсов.

Помимо прочих требований к животному, которое можно считать домашним, обязательно размножение в неволе, а также переход на полное или частичное снабжение кормом, получаемым от человека. И самое главное — появление пород с отличным от дикого вида экстерьером и несходство этих пород между собой (по экстерьеру и нраву). И еще повышенная по сравнению с дикими предками продуктивность: яйценоскость, настриг шерсти, выход товарного мяса, скоростные достижения (у лошадей и борзых собак).

Важно вот еще что: выпущенные на волю домашние животные не убегают навсегда от жилища человека. С пастбища или прогулок они обязательно возвращаются домой.

По этой, да и другим причинам разводимых в клетках пушных зверей — норок, лис, соболей, нутрий — нельзя назвать домашними. Они только звероводческие популяции, у которых, однако, естественный отбор в значительной мере заменен искусственным (популяции — большие группы животных, обитающих в иных, чем другие представители вида, географических либо экологических областях ареала).

У норок и нутрий звероводы добились даже выхода разноцветного меха. Но сами животные не стали от этого намного более одомашненными. Позднее, очевидно, пройдя через стадию прирученных зверей, и они станут домашними животными, если усилия звероводов будут направлены именно к этому.

Другой пример — слоны. Уже несколько тысяч лет прирученные толстокожие работают на человека. Но выведена ли за долгое время общения с человеком хоть одна порода домашних слонов? Нет. Различаются чем-нибудь прирученные слоны и дикие? Нет.

Никакой незаметно разницы даже в малейших деталях экстерьера, интерьера и, в сущности, в питании и поведении (если не учитывать, конечно, особого отношения ручных слонов к человеку).

Да ведь, собственно говоря, люди и не задавались целью полного одомашнивания слонов. Выгоднее было ловить диких и приручать их (что, кстати, делается быстро). Почему?

Во-первых, слоники для тяжелых работ и для поля брани непригодны. У них нет бивней (у вида индийских слонов, которые и приручались все предыдущие века). А без бивней слон плохой работник и воин. Кроме того, из-за постоянного беспокойства о слоненке слоники нервны, непослушны и даже опасны, если детеныша нет рядом с ними. А кормить-то их все-таки на-

до! И съедают они немало: больше ста килограммов всякой зелени в день.

Растить слонят с младенчества до зрелости тоже дорого обходится. Взрослеют они медленно. Только с восьми лет слонят начинают понемногу приучать к нетяжелому труду. Но лишь к двадцати годам из них получаются полноценные работники.

Проще ловить в джунглях взрослых или полувзрослых слонов, и после недолгого приручения вполне готовеньких к труду. По крайней мере, так было до нашего столетия.

Из внутренних изменений, вызванных одомашниванием, назовем такие: менее объемистый, чем у диких предков, мозг (у волка, например, он на 20 процентов тяжелее, чем у немецкой овчарки равного с ним веса). Зрение и другие органы чувств хуже развиты. Кости тоньше, сердце легче, меньше эритроцитов в крови (за исключением специализированных для скачек и бегов лошадей и борзых собак). Кишечник у плотоядных домашних животных относительно длиннее, а у травоядных, напротив, короче, чем у диких прародителей.

Такое странное несоответствие происходит оттого, что плотоядные домашние животные, кроме мяса, едят немало растительной пищи. Она труднее переваривается и усваивается, чем мясная. И кишечник для этого дела требуется большой. Домашние же травоядные животные получают более полноценные питательные, быстрее усваиваемые корма, чем те, которые поедают дикие. Поэтому и кишечник у травоядных животных, окруженных заботами человека, короче, чем у обреченных на более скудное питание диких зверей.

Перечисленные выше новообразования у домашних животных — общий закономерный процесс, не зависящий от мастерства селекционера, методов разведения и их последствий. Вызваны они изменениями внешних условий в результате перехода животных от дикого состояния в домашнее. Но бывают и такие отклонения от нормы, требуемой стандартом породы, которые возникают при неумелом содержании домашних животных и допущенных при этом ошибках. Ими управляют не общие законы такого явления, как одомашнивание, а частные его проявления, которых можно избежать, если разведение породы идет правильно, в полном соответствии с принципами генетики.

Например, когда домашние животные попадают в плохие условия содержания, получают мало полноценного корма, у них наблюдается так называемая захудалость. Падает продуктивность, растут они медленно, созревают поздно, тело становится узкогрудым, как бы сдавленным с боков, падает вес. Животные выглядят какими-то недоразвитыми.

Если такая «ущербность» длится одно, самое большее два поколения, то хорошим питанием и содержанием в дальнейшем можно вновь привести «захудалых» животных в нормальное состояние. Но когда плохое содержание продолжается в течение нескольких поколений, то наблюдаются приспособительные изменения наследственности к «кормовому минимуму». Естественный отбор эти генетические особенности накапливает. Вот тогда-то, чтобы привести захудалую породу в требуемую норму, нужно много времени и зоотехнической работы, так как экстерьерные и продуктивные ее недостатки становятся наследственно закрепленными.

Наиболее впечатляющий пример захудалых животных привел в 80-х годах прошлого века академик А. Ф. Миддендорф: это так называемый тасканский скот бывшей Пермской губернии. Из-за совершенно никудышного зимнего кормления кости у этого скота оказывались настолько недоразвиты, что на лбу бывали неокостенелые места величиной с ладонь. Название «тасканский» коровы получили вот почему: к весне они так ослабевали от бескормицы, что на волю, на пастбище их вытаскивали за хвост!

Перерождение. Это приспособительные изменения породы, акклиматизированной в новых для нее местах, с иным климатом, иным ландшафтом. Тут даже при хорошем кормлении и уходе в породе заметно «перерождение» некоторых признаков. Например, у животных, переселенных из теплого в более суровый климат, через ряд поколений появляются более густая шерсть, толстая кожа, более грубое сложение и повышенная стойкость к простудным заболеваниям. Продуктивность может понизиться, но в биологическом смысле животные обретают определенные преимущества перед представителями той же породы, переселенными сюда недавно.

Вырождение. В нем повинны в основном генетические мутации-уродства: коротконогость, мопсоголовость, альбинизм, гермафродитизм, бесплодие, уродливый клюв у кур и другие.

У диких животных они появляются много реже, чем у домашних (особенно сильно инбридированных), и быстро устраняются естественным отбором. У домашних тоже выбраковываются селекцией, а некоторые, не опасные смертельно, напротив, закрепляются зоотехниками, желающими получить породы, несущие эти новообразования. Так созданы были таксы, коротконогие анконские овцы, бульдоги и другие наверняка бы погибшие в дикой природе домашние животные — «уроды».

Особая форма вырождения — переразвитость — имеет иные причины. Изнеженность, тонкокость,

узкогрудость, малая плодовитость и жизнестойкость, подверженность заболеваниям. Возникают все эти нежелательные явления при долгом разведении в чистоте, при злоупотреблении инбридингом. Тут вина не спонтанных мутаций, а людей, плохо знающих законы наследственности.

В прежние времена, до торжества генетики, борьбу с вредными изменениями пород вели, по существу, вслепую, следуя практическому опыту и интуиции. Ныне же, когда основные причины всякого рода пороков, возникающих у домашних животных, генетикам ясны, методы их устранения много более эффективны. Зоотехники получили действенное оружие, и в деле первостепенного значения — разведения домашних животных — проблемы непонятных прежде капризов наследственности теперь решаются научно.

Акимушкин И. И.

- А 39** Мир животных: Рассказы о домашних животных. — М.: Мол. гвардия, 1981. — 238 с., ил. — (Эврика).

В пер.: 2 р. 10 к. 200 000 экз.

Рассказы о домашних животных — таков подзаголовок шестой книги кандидата наук Игоря Акимушкина «Мир животных». В этой книге собраны рассказы не только о происхождении, хозяйственном значении и продуктивности прирученных человеком зверей, птиц, рыб и насекомых. Речь идет и о некоторых видах диких животных, которые находятся на пути к одомашнению. Издание рассчитано на самые широкие круги читателей.

А 70302 — 160
078(02) — 81 Без объявл. 2005000000

28.6
59

ИБ № 1478

Игорь Иванович Акимушкин
МИР ЖИВОТНЫХ

Редактор
Л. Антонюк

Художественный редактор
В. Неволин

Технический редактор
Н. Носова

Корректоры
Н. Павлова,
И. Тарасова,
Л. Четыркина

Сдано в набор 27.11.79. Подписано в печать 15.05.80.
А 01223. Формат 70X100 1/16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Журнальная рубленая». Печать офсетная.
Условн. печ. л. 19,5. Учетно-изд. л. 18,1. Ти-
раж 200 000 экз. (1-ый завод 100 000 экз.). Цена 2р. 10 к.
Заказ 1992.

Текстовые диапозитивы изготовлены в типографии Мо-
жайского полиграфкомбината Союзполиграфпрома
Государственного комитета СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли г. Можайск,
ул. Мира, 93.

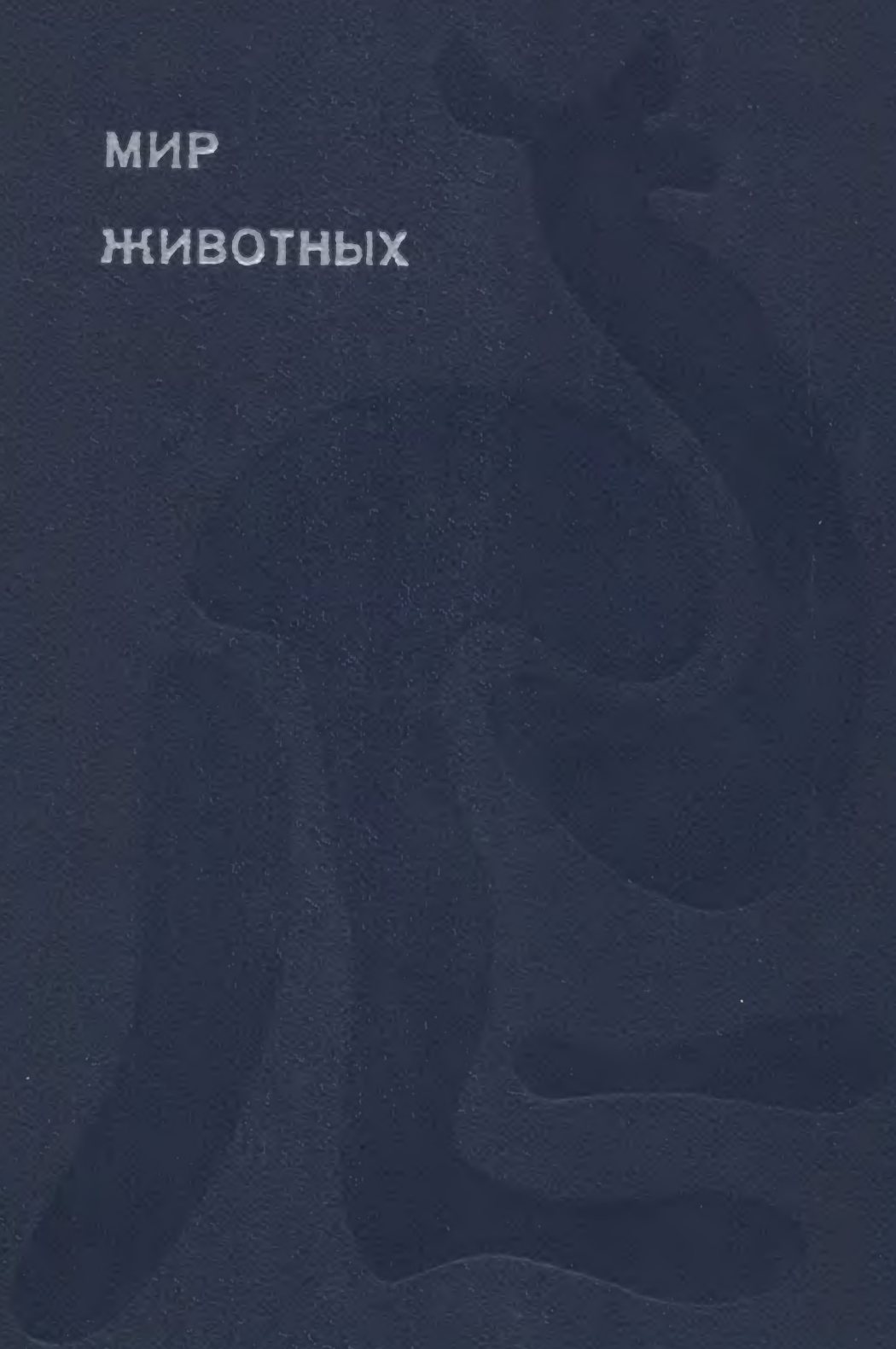
Диапозитивы иллюстраций и печать в типографии орде-
на Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии:
103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

ИГОРЬ АКИМУШНИН · МИР ЖИВОТНЫХ

МИР ЖИВОТНЫХ

ИГОРЬ ИВАНОВИЧ АКИМУШКИН

В 1961 году в нашем издательстве вышла первая книга Игоря Акимушкина — «Тропой легенд», которая приобрела большую популярность у читателей.

Другие его книги тоже не залежались в магазинах. «Следы невиданных зверей», «Приматы моря», «И у крокодила есть друзья», «Нуда и как?», «Трагедии диких животных», «Занимательная биология» — многим читателям известны эти названия.

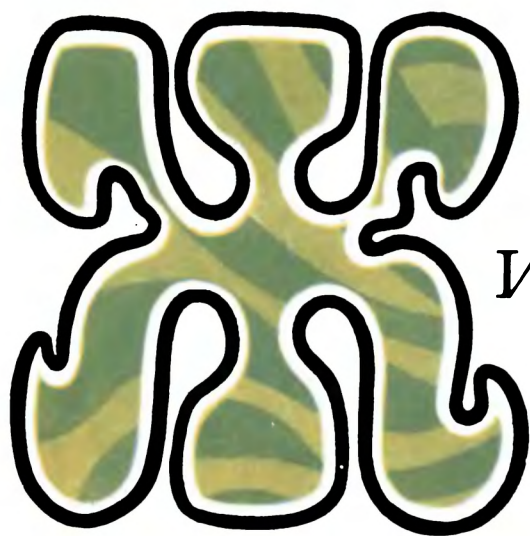
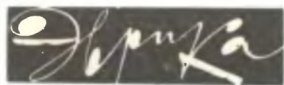

Об удивительном мире природы, о чудесах, которые ждут нас за порогом нашего дома, о самых последних открытиях в биологии рассказывается в этих книгах. Рассказывается просто и интересно.

Окончив биологический факультет Московского университета, Игорь Акимушкин некоторое время работал в Институте океанологии Академии наук СССР. Он защитил диссертацию и опубликовал монографию о головоногих моллюсках морей СССР.

Сейчас Игорь Акимушкин пишет книги о животных. Это не монографии и даже не научно-популярный обзор систематических групп животного царства в духе классических изданий, а книги для чтения. Основное содержание их — рассказы о поведении животных. Морфологии, систематике будет уделено мало места, а поведению животных и зоопсихологии — много.

МИР

ИГОРЬ АКИМУШКИН

ИВОТНЫХ

Рассказы об утконосе, ехидне, кенгуру, ежах, волках, лисах, медведях, леопардах, носорогах, гиппопотамах, газелях и многих других широко известных и редких млекопитающих.

Художники

А. БЛОХ,

Б. ЖУТОВСКИЙ

ЯЙЦЕКЛАДУЩИЕ ЗВЕРИ

Химерический зверь с клювом	11
Кузина его — ехидна	17

ЗВЕРИ СУМЧАТЫЕ, ИЛИ ДВУУТРОБКИ

Путешествие в сумку	23
Кенгуру всевозможные	29
Коала, который никогда не пьет	37
Поссумы	40
Бандикуты, которые не бандикуты	50
Два сумчатых оригинала — мурашеед и крот	52
Хищники пятого континента	55
Весьма пассивная самооборона	61

НАСЕКОМОЯДНЫЕ

Тайны за иглами	70
Неколючие ежи	80
Землеройки ложные и истинные	84
Нравы норкопателей	88
Выхухоль — водяной крот	91
Кагуан — существо непонятное	94

ЗВЕРИ ХИЩНЫЕ

О волке и волках	99
О шакалах и лисах	116
Волки, лисы и собаки особого рода	121
Семь медведей и большая панда	132
Малая панда и ее родственники в Америке	150

Кунье племя нашей страны	156
Иноземные звери куньего семейства	173
Рикки-Тикки-Тави и многочисленная его родня	177
Гиена — гермафродит?	187
Почему льва царем зверей называли?	189
Скороход на «шиповках»	197
Преступление! Преступление!	199
Леопард, или пантера	202
Тигр — джентльмен	207
Снежный барс, или ирбис	210
Большие кошки Америки — пума и ягуар	211
Просто кошки?	215
«Рысь пестра снаружи...»	222

НЕПАРНОКОПЫТНЫЕ

Дикая лошадь	227
Дикие ослы и зебры	228
Носорог — «кузен» коня	235
Тапир — реликтовый зверь	239

ПАРНОКОПЫТНЫЕ

Кабан	246
Свиньи настоящие и ненастоящие	256
Гиппопотам	260
Корабли на корабле	265
Вольному — воля	268
Олени	271
Охота!	284
Плата за смерть	285
Олень должен жить!	290
Самое длиннее животное	294
Полорогие	298
Поучительная история зубра	307
Бизон — союзник краснокожих	310
«Серый бык»	313
Антилопы	317
Газели	319
Герб города Самары	322
Жил-был...	326

Читатель! Я надеюсь, что вы благожелательно примете эту книгу!

И пожалуйста, не удивляйтесь столь откровенному «само-мнению». Это продиктовано отнюдь не самоуверенностью. Нет. Теперь, когда написанного «не вырубил топором», меня беспокоит, что где-то недостаточно ясно высказана очень важная мысль, в другом месте и вовсе нет необходимого факта, а в третьем... Ну, уж ничем не поможешь.

И все-таки я надеюсь. Потому что предмет книги — Природа, а любовь к ней, я знаю, с каждым днем шире и мощней.

Люди всегда любили деревья, траву, цветы, зверей, птиц. Но раньше любовь как бы дремала, убаюканная сознанием неисчерпаемости окружающего богатства. Теперь же, когда рост городов все ощутимей притесняет леса, и мы, оказавшись однажды в этих лесах, напрасно мечтаем встретить медведя, волка, оленя, рысь и даже зайца, наша великая любовь к Природе проснулась. Она разбужена не менее сильным чувством — ответственностью. Ответственностью за то, чтобы жили и процветали звери и птицы, чтобы тучнели рыбы, чтобы трепетала листва на ветвях, чтобы цвели цветы.

Трудная задача стоит перед человечеством. И надо честно признаться: наш век, славный грандиозными достижениями цивилизации, оказался неподготовленным для ее решения. Люди, конечно, взялись за дело. Национальные парки, заповедники, заказники — все это уже есть. Проводится большая работа по акклиматизации и охране животных.

Но случается, например, и такое. В Калифорнии, в одном живописнейшем уголке возле красивого озера, всеильные радости природы для достижения полной гармонии радостей туризма уничтожили портившую пейзаж безвредную мошкарку. Это была серьезная операция, с применением вертолетов и сильных отравляющих средств. И успешная. А следом за мошкаркой исчезли скоро и рыба из озера, и птицы. В других краях истребили надоедливых муравьев. Результат — катастрофа леса. Теперь там лучший подарок для фермера — мешок с муравьями!

Таких примеров много. Они вокруг нас, мы все о них слышали и справедливо краснеем, потому что их причина — позорная необразованность. Это мы-то, люди XX века, создающие чудеса техники, на каждом шагу выказываем незнание простого механизма природы! Больше того, увлекшись своими чудесами, мы забыли даже названия многих зверей и птиц — названия народные и прежде само собой понятные. Скажем, сарыча с коршуном крестьяне и охотники прежде не путали, знали чеканов, плисок, варакушек, дербников, чепур, разных славок и пеночек, кутор, куниц лесных и каменных и пр., пр. А теперь многие ли из нас, не интересовавшиеся этим специально, знают, о ком идет речь?!

Древние говорили: «Nomina si nescis perit et cognitio rerum». Это значит (примерно): «Без названий нет знаний». В этой фразе глубинная мудрость. И очень отродно, что она опять стала современной, и не только в применении к физике, химии, но и к биологии, ботанике, зоологии.

Я радуюсь (и печалюсь, конечно), когда слышу в книжном магазине, что опоздал купить недавно вышедшую книгу о животных, она уже разошлась вся, такой товар не залеживается! И как же не радоваться за тех неизвестных людей (их минимум сто тысяч — такой тираж у новинки), людей, которые устремились к тому, чтобы познать. А познав — помочь.

Эта книга — первая из задуманных пяти. Рассказ я решил начать с млекопитающих.

Звери, или млекопитающие, — класс животного царства (и типа позвоночных), который в высших своих эволюционных перипетиях произвел человека. Само название класса — млеко-

питающие — содержит в себе главную и, пожалуй, исчерпывающую характеристику основного качества, основного принципа непохожести на других в животном царстве.

Одетые в шерсть — другая популярная характеристика этого класса. Однако тут необходимы некоторые уточнения. Если нет зверей, не питающих своих младенцев молоком, то зверей, не одетых в шерсть, немало.

У китов, например, на теле — точнее, на морде — немного волосков: у гренландского кита их 250, у финвала 60, у дельфинов не больше восьми. Немного волос у слонов, носорогов, бегемотов, сирен. Есть даже грызуны, почти совершенно бесшерстные: африканская кротовая крыса фарум, или *Heterocephalus glaber*.

Но потеря шерсти — явление вторичное, первоначально все млекопитающие были достаточно богато опушены. Шерсть, укрывая тело, сохраняет тепло, которое вырабатывают особые физиологические механизмы. Эти внутренние «ТЭЦ», которыми эволюция наделила предков зверей и всех их потомков, оказались отличным приспособлением, надежной защитой от холода и капризов погоды, помогли выжить там, где гибли холоднокровные, зависимые от солнечного тепла пресмыкающиеся — прародители зверей. Однако возникла опасность излишнего перегрева изолированного от непогоды тела. Потребовались приспособления для охлаждения. У некоторых зверей методы теплоотдачи свои, особые. Например, у тюленей с толстым салом под кожей есть участки на теле, где слой сала тонок — своего рода отдушины для отвода лишнего тепла. У собаки, как известно, язык и полость рта — основная теплоотводящая система. У выхухоли — хвост, у слонов и других животных — обильно снабжаемые горячей кровью уши. Но главный для большинства зверей и первоначально возникший в борьбе за существование механизм охлаждения — потовые железы.

Из потовых желез, как полагают, развились позднее и молочные железы — основное, что отличает всех зверей от незверей. Так что это их главное принципиальное свойство вытекает (исторически и логически) из частично потерянного некоторыми из них качества — одетого в шерсть тела.

Первые звери появились на планете приблизительно сто пятьдесят миллионов лет назад (по мнению некоторых исследователей, даже еще раньше). Но в ту эпоху всюду на Земле, в воде, в воздухе и на суше, господствовали рептилии, то есть пресмыкающиеся: разного рода динозавры, птеродактили, ихтиозавры и прочие зубастые, большие и малые страшилища из класса, к которому ныне принадлежат крокодилы, змеи и черепахи. Сами звери произошли от особой группы рептилий (птицы — тоже, но от другой группы).

Миллионов семьдесят лет назад случилось загадочное и быстрое вымирание целых кланов рептилий. Погибли тогда и все динозавры (по причинам скорее генетическим, чем внешним). Началось быстрое развитие млекопитающих. Новые формы жизни возникали всюду на планете. Эта эпоха расцвета новой жизни именуется третичным периодом кайнозойской эры. Кроме яйцекладущих и сумчатых зверей, появились и звери высшего порядка — плацентарные. У самок этих зверей во время беременности образуется в матке особый орган — плацента, — который обеспечивает надежную передаточную, так сказать, систему между плодом и вынашивающей его матерью. Через плаценту плод получает из крови матери нужный для дыхания кислород и питание и удаляет отходы жизнедеятельности.

Разделы, главы этой книги определяются классификацией, признающей в классе млекопитающих 19 отрядов, 122 семейства, 1017 родов и 4237 видов зверей. Хотелось бы рассказать о каждом виде, но это практически невозможно. Судите сами.

Грызунов, к примеру (о них разговор будет в другой книге), около 2000 видов. Даже если я просто перечислю их, указывая в скобках латинское наименование, это займет около 30 страниц. И весело же их будет читать! Имея в виду эту трудность, я пошел по пути обобщений, выборочности, хотя всеми силами стремлюсь сохранить за книгами значение их как справочной литературы.

Если же вы будете не удовлетворены предложенным мною объемом материала, рекомендую обратиться к авторам, чьими исследованиями пользовался и я:

Советские: С. И. Огнев, А. Н. Формозов, В. Г. Гептнер, А. Г. Банников, Н. П. Наумов, А. П. Кузякин, А. А. Насимович, Ю. А. Исаков, К. К. Флеров, Г. А. Новиков, В. Н. Скалон, М. А. Заболоцкий, И. И. Барбаш-Никифоров, С. В. Кириков, Н. К. Верещагин, А. А. Слудский, В. И. Цалкин, С. В. Мараков, В. В. Дежкин и др.

Иностранные: Б. Гржимек, Э. Трофтон, Г. Шаллер, Д. Моррис, И. Крумбигель, Н. Тинберген, У. Торп, Г. Петч, Д. Симпсон, С. Уолкер и др.

Вас, возможно, удивило, что в приведенном мною списке не значится имя Альфреда Брема, великого Брема, на книгах которого выросли и воспитались целые поколения ученых, охотников и натуралистов. Нет, я не отговариваю никого: читайте Брема, учитесь у него любить Природу. Но увы, многое в его книгах устарело, наука за последние двадцать лет сделала солидный шаг. Взять хотя бы вопрос о хищниках. Привыкли считать их свирепыми, вредными, но наука теперь доказала, что природа не может существовать без них, что они нуждаются в такой же охране, как и все безобидные звери. Или другое: полагали прежде, что приматы (обезьяны и человек) венчают своими совершенными формами развитие животного царства. Современная систематика, основы которой были разработаны в послевоенные годы американским биологом Д. Симпсоном, считает, что приматы совершенны лишь высоко развитым мозгом. Более прогрессивные с эволюционной точки зрения морфологические черты лучше выражены, однако, у парнокопытных зверей. Именно они (и среди них корова!) — высшая ветвь не только класса зверей, но и всего животного царства. Но если идти путем сравнения только психических и умственных способностей, тут, конечно, никакое парнокопытное не составит конкуренции не только человеку, но и любой обезьяне. Поэтому я решил сохранить за приматами их традиционное место на вершине древа жизни, завершив описанием отряда приматов вторую книгу о зверях.

Короче говоря, век у нас такой, что, кто знает, неожиданной реальностью завтра может стать и охрана... комара.

В заключение хочу выразить благодарность всем исследователям, чьими трудами я пользовался, всем, чей каждодневный скрупулезный труд, чье великое терпение приносят нам крупницы подлинных знаний, которые цементируются затем в глыбы — строительный материал здания науки.

Также приношу благодарность моему другу, писателю О. Кузнецову, за помощь в работе над некоторыми разделами книги: главы о волках, кошках и парнокопытных написаны нами совместно.

ЯЙЦЕКЛАДУЩИЕ ЗВЕРИ

«Клоачные, однопроходные, или птицеутробки, произошли, вероятно, от многобугорчатых древних зверей. Во всяком случае, об этом можно судить по строению их коренных зубов, которые есть только у эмбрионов птицеутробок. Рождают не живых детенышей, а откладывают яйца, которые ехидны вынашивают в особых, выводковых сумках на брюхе, снабженных опорной костью. Яйцеводы впадают в клоаку. Психические способности малоразвиты. Регуляция температуры тела еще очень несовершенна».

Доктор Инго КРУМБИГЕЛЬ

ХИМЕРИЧЕСКИЙ ЗВЕРЬ С КЛЮВОМ

Мы не знаем, кто поймал первого утконоса, но, когда и где это случилось, известно точно: Хокесбери, Новый Южный Уэльс, ноябрь 1797 года. Когда шкуру невероятного создания (правда, очень плохо сохранившуюся) увидели английские натуралисты, многие из них решили, что это подделка. Подумали, что к шкуре какого-то тропического зверюшки шутники пришили утиный клюв. Из Южной Азии не раз привозили такие штуки: то обезьяне приделают рыбий хвост и выдают ее за русалку, то петушину голову пришьют игуане — в Европе подобные монстры именовались василисками. Кунсткамеры тогда были модны и собирали всякую всячину.

Прошел, кажется, год, прежде чем доктор Шоу, натуралист из Британского музея, рискнул исследовать шкуру утконосого монстра. Рассмотрев ее внимательно, он не нашел никакой подделки: шкура, бесспорно, — создание природы, а не рук человеческих. Он назвал это диковинное создание *Platypus anatinus*, что в переводе с греко-латинского означает — плоског утиный.

На шкуру небывалого зверя захотел посмотреть известный специалист по классификации животных, геттингенский профессор Блюменбах (похоже, он не очень-то поверил своему британскому коллеге). Шкуру утконоса послали в Германию. Но и Блюменбах не нашел подделок: и клюв на ней, и перепонки на лапах — все натуральное. Однако Блюменбах переименовал зверя в *Ornithorhynchus paradoxus* (парадоксальный птицеклюв).

Дело в том, что название «платипус» уже было присвоено одному маленькому жуку. Шоу об этом не

знал. А по правилам зоологической классификации нельзя называть одинаково разных животных (чтобы не создать путаницы).

Но дать новому животному имя не самое сложное дело. Труднее определить его положение среди других созданий животного царства. Кто он, этот утконос? Зверь с птичьим клювом или птица со звериным телом? Или ящер, покрытый шерстью?

Около ста лет длился спор, кто такой утконос. Блюменбах отнес его к классу млекопитающих, или зверей, на том законном основании, что шкура утконоса покрыта шерстью. Там бы ему и оставаться. Но тут из Австралии прислали в Англию двух заспиртованных зверюшек. Их исследовал известный анатом Эверард Хом и установил, что один из утконосов — самка. Но, как Хом ни искал, он не мог найти у нее... молочных сосков.

Сосков не сыскал, но обнаружил клоаку (общее выводное отверстие мочеполовых органов и кишечника, как у птиц или ящериц). У млекопитающих нет клоаки. Но утконоса нельзя назвать ни птицей, ни гадом: ведь кожа его одета не перьями и не чешуей, а шерстью! Как у зверей. Спереди и сзади этот путаник — птица, а посередине — зверь...

Не видя иного выхода, Хом предложил создать в системе зоологической классификации специально для утконоса особый отряд. Годом позже это и было сделано: французский биолог Этьен Жоффруа Сент-Илер дал новому отряду название однопроходных, или, иначе говоря, клоачных, животных.

Но и тут проблема не была полностью решена. Ведь по-прежнему неясно, к какому классу причислить этих однопроходных: к гадам или млекопитающим.

Ламарк говорил, что ни к тем, ни к другим, а к особому, новому классу первозверей. К тому времени у утконоса объявился родственник: в Австралии открыли еще одного зверя с птичьим клювом — ехидну, странное колкое создание, похожее и на ежа и на... кикимору.

Ехиднами греки называли гадюк. По-видимому, австралийская ехидна получила свое имя за странную и неприятную внешность, а возможно, причастна к этому и ядовитая шпора на ноге, которой природа наделила ее самцов. (Говоря, что у ехидны и утконоса птичий клюв, я имел в виду лишь внешнее сходство с роговым клювом птиц. Внутреннее его устройство совсем иное: если это клюв, то «звериный», не птичий.)

Итак, теперь их было двое, но кто они — вот задача.

Тут еще два новых сообщения, из Австралии и

Германии, разделили зоологов Европы на три враждующих лагеря: сэр Джон Джемисон уверял, что утконос откладывает яйца, а немецкий анатом Меккель открыл у самки невероятного создания молочные железы (правда, без сосков). Их не замечали прежде, потому что только к дню деторождения они увеличивают свои микроскопические размеры.

Поистине чудны дела твои, Природа!

— Не может быть! — решили французы Сент-Илеры (Этьен и его сын Исидор) и немец Блюменбах. — Если зверь откладывает яйца, то у него не может быть молочных желез. Так они полагали. Да и как новорожденные утконосы будут пить это молоко? С такими-то носами! Меккель, конечно, ошибся, приняв мускусные железы за молочные.

— Нет, — утверждал Меккель, — я не ошибся. А слухи о том, что утконос несет яйца, не больше чем легенда.

Жорж Кювье, его коллеги Бленвилль и Окен (все величайшие имена!) согласились с ним.

А два других больших знатока, Эверард Хом и Ричард Оуэн, проявив норманнскую мудрость, наполовину согласились и с теми и с другими: да, возможно, говорили они, утконос несет яйца, но не откладывает их — еще в яйцеводах их оболочки лопаются, и на свет рождаются живые утконосы, которых мамаша кормит потом молоком.

Победа! В 1829 году Этьен Жоффруа Сент-Илер, торжествуя, опубликовал письмо из Австралии, автор которого подробно описывал четыре найденных им яйца утконоса. К письму были приложены рисунки яиц. Такие подробные и хорошие, что знатоки, как только взглянули на них, сразу, без колебания решили: это яйца длиннее черепашки. Итак, триумф Сент-Илера был недолгим.

А еще через два года новое письмо из Австралии принесло, казалось, триумф партии Меккеля и Кювье. Лейтенант Мол собственными глазами увидел, как из желез, открытых Меккелем на брюхе самки утконоса, вытекал не мускус, а молоко! Правда, один «незначительный» факт несколько омрачил радостное торжество: в норе утконоса Мол нашел скорлупки от яиц. Но, наверное, это были яйца не утконоса...

— Нет, утконос! — заявили тотчас Сент-Илеры и Блюменбах.

Тридцать лет прошло в таких спорах. В сентябре 1864 года профессор Оуэн получил письмо из Австралии. Один рабочий, писали в письме, поймал утконоса и принес его скупщику золота. Зверька посадили в ящик из-под вина. Наутро в ящике нашли два белых, мягких на ощупь яйца.

Профессор Оуэн не хотел поверить, что самка

утконоса разрешилась от бремени естественным путем: наверное, она была испугана и потому, нарушив придуманное им правило, снесла яйцо, вместо того чтобы родить живых детенышей.

Еще двадцать лет продолжался ученый спор.

В 1884 году, 2 сентября, в городе Монреале проходило собрание Британской научной ассоциации. И вот в президиум этого собрания принесли телеграмму. Прямо из Австралии. От Колдуэлла, члена ассоциации. Собственными глазами он увидел, как самка утконоса снесла яйцо!

Редкое совпадение: в тот же день в Австралии, в Аделаиде, другой исследователь, Вильгельм Гааке, показал собравшимся ученым яйцо «кузины» утконоса — ехидны. Он нашел его в выводковой сумке у нее на брюхе.

«Служитель, — рассказал Гааке, — держал передо мною ехидну-самку за заднюю ногу на весу, а я ощупывал брюхо животного. Здесь я нашел большой мешок, настолько широкий, что в него можно было положить мужские часы. Это была выводковая сумка, образующаяся перед откладыванием яйца для принятия его. Позднее, по мере роста детеныша, она расширяется, а когда он покинет сумку, снова сглаживается. Только зоолог поймет, как я был изумлен, когда вытащил из сумки яйцо. Первое отложенное яйцо млекопитающего, которое я мог показать ученому обществу. Эта неожиданная находка так сбивала меня с толку, что я сделал глупость, сильно сжав яйцо между пальцами, и оно треснуло. Длина яйца равнялась приблизительно пятнадцати, а ширина — тринадцати миллиметрам. Скорлупа была жесткая, словно пергаментная, как у многих пресмыкающихся».

Итак, все были не правы: и Сент-Илеры (отец и сын), и Блюменбах, и Кювье, и Оуэн. Утконос и ехидна, оказывается, одновременно и яйцекладущие и млекопитающие. В этом редком сочетании мы видим приметы той эпохи, когда наши дальние предки уже оделись в шерсть и стали кормить детей молоком, но не утратили совсем и некоторые черты прародителей своих — пресмыкающихся: по старой традиции продолжали нести яйца.

Прежде чем отложить яйца, самка утконоса роет нору длиной от пяти до двадцати метров. Роет у воды, но вход в нее делает не под, как часто пишут (например, у Брема), а над водой. В конце норы устраивает гнездо из сырых листьев (именно сырых, чтобы в гнезде было достаточно влаги и скорлупа яиц не подсыхала), травы, тростника и древесных ветвей, которые долго мнет и ломает своими беззубыми челюстями. И, подхватив все это хвостом (а не клювом!), переносит в нору.

Затем, действуя хвостом, как каменщик лопаточкой, утконосиха сооружает из земли и глины толстую стенку, которой, как барьером, отделяет комнату с гнездом от других помещений норы. Делает это, что-

бы сохранить в гнезде нужную температуру и влажность. Замурованную в самодельном термоигростате самку труднее найти и врагам. Врагов у нее, правда, немного, но все-таки они есть: небольшой питон, местный варан и лисицы, завезенные из Европы, а в воде — хищная рыба, которую называют гигантским окунем.

Отгородившись от мира глиняной стеной, утконосиха откладывает в гнезде два тускло-белых яйца. Редко одно или три. Они мягкие: скорлупа гнется под пальцами. Свернувшись клубком, зверюшка прижимает своих потенциальных отпрысков к груди и согревает их теплом тела. Значит, не только клювом утконос напоминает птицу: как и птица, он высидит яйца!

Температура тела у ехидны и утконосов невелика: всего около 25 градусов. Кроме того, в зависимости от различных условий она то падает, то повышается, иногда даже на 7—8 градусов. Почти у всех других млекопитающих животных нормальные суточные колебания температуры не превышают обычно одного градуса. Только у верблюда температура тела ночью опускается до 34, а в полуденный зной повышается до 40 градусов.

Возможно, что и тепло гниющих растений, из которых сложено гнездо, подогревает яйца. Но доктор Крумбигель говорит, что едва ли это так. Во-первых, подстилка из листьев слишком тонка для этого, а во-вторых, утконосики очень быстро вылупляются из яиц: листья не успевают за это время согнуться. Дней через десять-четырнадцать (а по некоторым наблюдениям — через семь-десять дней), прорвав скорлупу яйцевым зубом, молодые зверьки с клювами появляются на свет божий. Яйцевой зуб (он сидит на межчелюстных костях верхней челюсти) — своего рода «консервный нож», которым природа наделила детенышей, рождающихся из яиц со скорлупой: птенцов, новорожденных пресмыкающихся, ехидн с утконосами (даже многих пауков!). Единственное его назначение — вспороть скорлупу перед выходом из яйца. Выполнив эту несложную задачу, яйцевой зуб отваливается.

А молодые утконосики еще долго после того, как он отвалится (девять, одиннадцать или даже семнадцать недель!), лежат слепые и беспомощные на подстилке из листьев. Все это время мать кормит их молоком, в нем много белка и жира, но совсем нет сахара.

Сосков у нее нет, поэтому детеныши слизывают его прямо с шерсти. Утконосиха ложится на спину, молоко из молочных пор стекает в небольшую бороздку у нее на брюхе. Из этого «корытца» детеныши его и вылизывают, пока не подрастут и не научатся сами ловить и есть улиток, червей и раков.

Утконосы живут в быстрых холодных горных ручьях и в теплых мутных реках равнины, в озерах и даже небольших заводях Тасмании и Восточной Австралии (к западу до реки Лейхгарда в Северном Квинсленде).

Крупный самец-утконос длиной сантиметров около семидесяти, самка поменьше. мех у этого зверя густой, бархатистый, бурый (с серебристым оттенком) сверху и серовато-белый снизу и пахнет рыбой, хотя зверек рыбу не ест. Клюв черный, широкий, но не ороговевший твердо, а довольно мягкий, кожистый. Он образован природой из того материала, который у других млекопитающих идет на нос и губы. Здесь в изобилии ветвятся осязательные нервы, и потому «клюв» утконоса, возможно, так же чувствителен ко всяким прикосновениям, как усы у кошки. Ушной раковины нет, но уши и глаза, когда зверек ныряет, плотно закрывают мускулистые складки. Так что под водой утконос ориентируется главным образом с помощью осязания.

Перепонки его передних лап, широко растянутые между пальцами и простертые даже вперед за концы когтей, так удобно устроены, что, когда утконос плавает, они отлично гребнут. Но когда он путешествует по берегу и копает нору, то подгибает их спереди назад под ладонь, и тогда они не мешают когтям делать свое дело. Перепонки задних лап коротки, вытянуты вперед только до основания когтей и потому как весла менее эффективны. (На это прошу обратить внимание: другие водные звери гребут ведь главным образом задними ногами!)

Хотя вид у утконоса явно «водяной», больше времени, однако, он проводит на суше, чем в воде. Под водой промышляет рачков, червей, улиток рано утром и поздно вечером. Беззвучно плавает и ныряет. Минуту копается под водой, перепахивая клювом ил: всякую съедобную мелочь прячет в защечные мешки, что покрупнее тащит сразу наверх. Там, на поверхности, благодушно урча, тоже около минуты «жует», что раздобыл под водой, — ломает и крошит панцири насекомых и раков более прочно ороговевшими краями клюва. Потом ныряет за новой порцией.

У взрослых утконосов совсем нет зубов, но у их детенышей есть молочные зубы, которые с возрастом исчезают. Формой своей они напоминают зубы древнейших млекопитающих. У ехидн не бывает даже и молочных зубов. Муравьев они «жуют» (вернее, делят о твердые борозды на нёбе) роговыми бугорками, которые сидят сверху на языке.

Голос утконоса похож на «сердитое ворчание щенка» (доктор Эллис Трофтон), «недовольное квохтанье сердитой наседки» (Джеральд Даррелл).

Ест утконос много: за сутки почти столько, сколько сам весит. И все насекомых, рачков и головастиков. Приготовить их в достаточном изобилии нелегко, поэтому нелегко и утконосов держать в неволе. Но дело это, как убедились, возможное.

В июле 1922 года в Нью-Йоркский зоопарк привезли утконоса, живого и невредимого, он прожил здесь сорок девять дней. Человека, которому утконос-эмигрант обязан был своим относительным комфортом в пути, звали Барреллом. Он сконструировал своего рода резиденцию для утконосов, именуемую платипусариумом. Большой, наполненный водой бак. Из воды вверх на сушу ведет лабиринт, имитирующий нору.

Но главное в этой конструкции то, что пол и стенки лабиринта обиты резиновой губкой. Протискиваясь в узкий ход, утконос отжимает мокрую шерсть о тесные стенки хода, губка впитывает влагу, и зверек до жилой камеры искусственной норы добирается уже почти сухим. Это очень важно, так как мокрый утконос может быстро простудиться и заболеть.

Позднее методы Баррелла усовершенствовал Дэвид Флей, один из самых известных сейчас натуралистов Австралии, основатель и директор заповедника на Золотом Берегу Квинсленда, в Баррен-Пайнзе. Он первым добился того, что в его платипусариумах утконосы стали размножаться. Многие ранее скрытые от наблюдателей детали биологии утконосов нам известны теперь благодаря его трудам.

«— Знаете, в Англии в войну ходил один странный слух. Кто-то рассказал мне, будто в Лондонский зоопарк был отправлен утконос. Вы случайно не знаете об этом?»

— Вот именно — чистое сумасбродство, верно? В самый разгар войны Уинстон Черчилль вдруг решил, что ему нужен утконос. То ли он рассчитывал, что это хорошее средство поднять дух людей, то ли собирался как-то обыграть это в пропаганде, то ли просто решил получить утконоса — не знаю. Ну так вот, я поймал красивого молодого самца, готовил его полгода, потом решил, что можно его отправлять... И вот утконос вышел в плавание на «Порт Филиппе».

Представьте себе, утконос пересек весь Тихий океан, прошел Панамский канал, пересек Атлантику, и вдруг в двух днях пути от Ливерпуля — подводные лодки! Понятно, пришлось бросать глубинные бомбы. А утконосы страшно впечатлительны и очень восприимчивы к шумам. Разрывы глубинных бомб для нашего путешественника были последней каплей, и он испустил дух. В двух днях пути от Ливерпуля!» (Д. Даррелл спрашивает — Д. Флей отвечает).

Зоологи разделяют утконосов на три австралийских подвида и один тасманийский. Тасманийский подвид самый мелкий, и у него более узкий клюв.

КУЗИНА ЕГО — ЕХИДНА

Кузина утконоса, ехидна, чтобы отложить и высидеть свое единственное яйцо, нору не роет. Мы уже знаем; она вынашивает его в сумке, такой же почти, как у кенгуру, но развернутой наоборот, отверстием назад.

Вот только непонятно пока, как это яйцо попадает в сумку. Раньше думали, что самка когтями или клювом закатывает его туда. Но когти и клюв для этого совсем не годятся. Думали, что, может быть, изгибаясь, самка откладывает яйцо прямо в сумку.

А сейчас считают, пишет Эллис Трофтон, известный знаток австралийских животных, что сумка вырастает у ехидны после того, как из яйца выведется детеныш (где-нибудь в укромном местечке). Когда он начнет сосать, прицепившись к шерсти у мамы на

Австралийская ехидна. От тасманийской ее отличают более многочисленные и крупные иглы. Она немного меньше тасманийской, но клюв у нее относительно длиннее.

брюхе, сумка сразу быстро-быстро растет и закрывает его со всех сторон, и он, сам того не ведая, оказывается в люльке. Но тогда как же находка Гааке? Ведь Гааке в уже готовой и такой большой сумке, что в нее «можно было положить мужские часы», нашел яйцо, а не детеныша!

Зденек Веселовский, который наблюдал за ехидной в Пражском зоопарке, тоже пишет, что яйцо она снесла в готовую уже сумку. В одной последней работе о биологии размножения ехидны утверждается то же самое.

Поэтому скажем так: зоологи должны еще уточнить, как яйцо ехидны попадает в сумку.

Живут ехидны в лесах и кустарниках почти по всей Австралии и Тасмании. Их тут два вида — австралийский и тасманийский. И в Новой Гвинее живут австралийские ехидны, кроме того, еще три вида так называемых проехидн. Они крупнее, ноги и клювы (изогнутые чуть вниз) у них более длинные, чем у ехидн, но иглы короче и мех, растущий среди них, более густой.

Фирменное блюдо ехидн и проехидн — муравьи и термиты. Охотятся на них, как и муравьеды Америки, предлагая насекомым облепить свой длинный

**Черноиглая
новогвинейская
проехидна.**
*В лесах Новой Гвинеи
обитают еще два вида
проехидн.
Они крупнее ехидн:
весят до 10 кило-
граммов, реже —
до пуда.*

клеякий язык, а потом всю прилипшую компанию вместе с языком втягивают в узкий клюв.

У ехидн и проехидн клюв прорезан небольшой щелью лишь на самом конце, и поэтому открывать его широко, как утконос, они не могут. Хвост короткий. Австралийские и тасманийские ехидны зимой впадают в спячку. А весной, очнувшись от оцепенения, линяют, сбрасывая старые иглы и шерсть. Сырые, тенистые и гористые места они явно предпочитают сухим и низменным.

Как и наших ежей, иглы отлично защищают ехидн. Как и ежи, сворачиваются они в иглистый шар, когда этого требует критическая ситуация. Или быстро роют землю мощными когтями и вмиг закапывают себя. У ехидн рост малый, а сила не по росту велика: оторвать их от земли, когда они в нее вцепятся всеми четырьмя когтистыми лапами, нелегко.

Один зоолог запер как-то на ночь ехидну в своей кухне. Наутро пришел и увидел: вся мебель кухонная — тяжелый буфет, стол, шкафы, стулья — сдвинута с места от стен к середине, словно поработал над ней не маленький клювоносый зверек, а медведь.

Лишь газовая плита, прочно прикрепленная трубами к стене, осталась на месте.

Немало времени ехидны проводят за туалетом. Природа наделила их особым гребнем. Второй палец, самый длинный, несет зазубренный коготь. Им зверьки чистят свою шкуру.

По-видимому, ехидны не ночные животные, как прежде думали, и даже не сумеречные. Добычу промышляют обычно после полудня. А когда вечереет, ищут уютное укрытие где-нибудь в расщелинах скал, меж камней, под пнями, в поваленных деревьях.

Впрочем, есть мнение, с этим несогласное: пропитание добывают рано утром и поздно вечером. Тогда их только будто бы и можно увидеть на лоне природы.

Обоняние (и осязание) у ехидн прекрасное, слышат тоже хорошо, но видят неважно: только то, что вблизи.

Неволю, не в пример утконосу, переносят легко. Едят почти все, что прилипнет к языку и без труда втягивается в клюв: мясной фарш, хлеб, размельченные крутые яйца. Любят молоко и пьют его поразительно много. Но особый деликатес — сырые яйца, которые ехидны вылизывают языком. При великой своей прожорливости голодать, однако, могут по месяцу.

Самцы ехидн и утконосов носят на задних ногах костяные шпоры. Они покрыты кожей, словно чехлом, но острые концы торчат наружу и могут больно уколоть. Мутная жидкость вытекает по каналу, пронзающему шпору насквозь. Она ядовита.

По-видимому, шпоры — отравленное оружие. Но до сих пор неизвестно, чтобы ехидна поранила кого-нибудь своей шпорой. (Правда, в борьбе за самку самцы ехидн пытаются иногда уколоть друг друга.) Утконос тоже сам не пускает ее в ход. Правда, некоторые люди и собаки, бесцеремонно обращаясь с безобидным зверьком, натыкались, случалось, на ядовитую шпору. Люди излечивались довольно быстро, но собаки (тоже довольно быстро) умирали. Умирали и кролики (через две минуты!) после того, как экспериментаторы впрыскивали им под кожу яд утконоса.

Ехидна и утконос — единственные на нашей планете ядовитые млекопитающие (если не считать некоторых насекомоядных).

В наши дни утконосы и ехидны уцелели только в Австралии и на некоторых близких к ней островах. Даже ископаемые их остатки найдены до сих пор лишь в позднекрейдовом, плейстоценовом, отложениях пятого континента.

ЗВЕРИ СУМЧАТЫЕ, ИЛИ ДВУУТРОБКИ

Почти у всех — выводковые сумки-колыбели (у многих с опорной костью), открываются вперед, как у кенгуру, или назад (пример — коала и сумчатый волк). У мурашееда нет сумки: детеныш цепляется за густые волосы на брюхе у матери. Детей рожают недоразвитых: они ползут в сумку, там присасываются к соскам и так висят несколько недель или месяцев, питаются молоком и растут, защищенные теплой стенкой материнской плоти от всех невзгод. У самок две матки, но плаценты и пуповины нет (только у бандикутов есть пуповина). Молочных зубов тоже не бывает.

Сумчатых — 8 разных семейств, 80 родов и 248 видов. Из них 72 обитают в Америке, а 176 — в Австралии и на ближайших к ней островах: Тасмания, Новая Гвинея, Тимор, Сулавеси, Молуккские. 120 миллионов лет назад сумчатые жили, по-видимому, на всей Земле, но позднее их сильно потеснили звери несумчатые (плацентарные). Лишь в немногих местах сохранились теперь сумчатые, и главным образом в Австралии и примыкающих к ней островах к северо-востоку до линии Уоллеса, которая незримо отделяет Сулавеси от Калимантана (где сумчатых уже нет) и островов Бали и Ломбок.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СУМКУ

Часто говорят и пишут, что одно из самых «эксцентричных» животных, кенгуру, было открыто и впервые описано капитаном Джеймсом Куком в 1770 году, когда знаменитый его корабль «Индевр» бросил якорь у берегов Восточной Австралии.

Но это неверно. За сто пятьдесят лет до Кука при обстоятельствах весьма трагических первое знакомство с кенгуру завел голландец Франс Пельсарт.

В 1629 году его корабль «Батавия» потерпел крушение у берегов Западной Австралии. Капитан Пельсарт отправился за помощью в настоящую Батавию (ныне Джакарта). А в это время некоторые матросы из оставшихся на берегу решили воплотить в жизнь давнюю мечту: захотели стать пиратами! Сговорились

и перебили своих товарищей, мечтавших, по-видимому, о другом.

Когда Пельсарт вернулся с подкреплением из Батавии, ему удалось перехитрить пиратов-самоучек. Он захватил их в плен и всех казнил, кроме двух, которых оставил на берегу. Это были первые белые «поселенцы» в Австралии.

Кроме приключения с пиратами, Пельсарт и его товарищи пережили еще одно волнующее событие, которое имеет непосредственное отношение к теме нашей книги. Они повстречали на равнинах Новой Голландии (так называли тогда Австралию) очень странное существо: оно прыгало, как кузнечик, на двух длинных-предлинных задних ногах. Короткие передние лапки животное прижимало к груди. Хвост у него был тоже «очень длинный, как у длиннохвостой обезьяны».

Полагают, что первый кенгуру, которого увидели европейцы, был небольшим кустарниковым валлабидама, или таммар-валлаби. Но известие о нем, об этом животном, дошло до Европы... лишь через двести лет. Вернее, дошло-то оно раньше, но затерялось в архивах, его отыскиали и вспомнили о нем лишь после того, как слово «кенгуру», привезенное Куком из Австралии, облетело уже весь мир.

Случилось это в 1770 году. «Индевр» получил повреждение на Большом Барьерном рифе у восточных берегов Австралии. Пока судно ремонтировали, Кук и Джозеф Бенкс, натуралист и меценат, отправились на берег поохотиться. Они много слышали о странных существах, которые здесь водятся: звери эти ростом будто бы с человека, голова у них оленья, хвост длинный, а прыгают, как лягушки! «Кроликов», которые прыгали, как лягушки, Кук уже видел, но больших зверей, ростом с человека, еще не встречал. Правда, нашли однажды помет неведомого животного, «которое питалось травой и ростом было не меньше оленья», — так заключили знатоки с «Индевра», изучив следы таинственного незнакомца.

Джозеф Бенкс взял с собой собаку грэйгаунда, или, иначе говоря, английскую борзую. Она и выследовала в высокой траве четырех больших «тушканчиков», которые, спасаясь от нее, «скакали на двух ногах, вместо того чтобы бежать на четырех». Но и на двух ногах удирали так быстро, что собака не могла их догнать.

Позднее Кук спросил местных охотников, как называют они зверей, которые скачут на двух ногах.

Говорят, он обратился к ним по-английски:

— Can you tell me... (Можете ли вы мне сказать...)

— Кэн тэлру? — ответили австралийцы, повторив на свой лад его вопрос, так как не расслышали его.

*Гигантские рыжие
кенгуру скачут
упругими прыжками,
словно парят.*

— Кэн-гу-ру? — переспросил Кук.

— Да-да, — они согласны закивали головами.

Так будто бы по методу испорченного телефона из вежливой английской фразы «Кэн ю телл ми» и родилось на свет всем ныне хорошо известное слово «кенгуру».

Другие утверждают, что все было иначе. Кук, может быть, и спросил: «Кэн ю телл ми?», но ему в ответ пробурчали что-то похожее на «кенгуру», что означало на австралийском языке: «я не понимаю».

Наконец, третьи говорят, что все это не так. Слово «кенгуру» (вернее, «гангуру») действительно есть в лексиконе у местных племен, кочевавших вблизи Куку-тауна, как раз там, где Кук и повстречал этих самых «гангуру».

Каких именно кенгуру видели мореплаватели с «Индевра» (позднее они даже поймали нескольких из них), неизвестно. Думают, что скорее всего бичевыхвостых валлаби.

Не прошло и двадцати лет, как вслед за Куком к берегам Австралии прибыл первый британский флот во главе с генерал-губернатором всех новооткрытых здесь территорий. И с первыми же кораблями, которые отплыли в Англию, губернатор и его офицеры послали в дар королю Георгу III живого... кенгуру.

В Англии заморского оригинала ждала восторжен-

ная встреча. Тысячи лондонцев спешили посмотреть на него. Были напечатаны и расклеены по городу афиши, превозносившие действительные и мнимые достоинства кенгуру. Одна из них, например, была составлена в таких выражениях:

«УДИВИТЕЛЬНЫЙ КЕНГУРУ

Единственный, который живым прибыл в Европу. Показывают ежедневно в Лицеуме на Стрэнде с восьми утра до восьми вечера.

Это поразительное, прекрасное и кроткое животное не похоже ни образом, ни сортом, ни симметрией тела НА ВСЕХ ДРУГИХ ЧЕТВЕРОНОГИХ! Его многочисленные и исключительные качества превосходят все, что может вообразить широкая публика. Созерцая его, она приходит в восторг и награждает необыкновенное животное аплодисментами». И так далее в том же роде. А в конце маленькая приписка: «Плата за вход — ОДИН ШИЛЛИНГ».

Но среди похвал, щедро расточаемых составителями афиш по адресу кенгуру, не было упомянуто одно самое редкое его качество. Не заметили его и капитан Кук и сопровождавшие его натуралисты — Соландер и Бенкс. Но старый морской волк Франс Пельсарт о нем знал!

«Снизу, на животе, самка носит сумку, в нее можно залезть рукой. Мы нашли в сумке детеныша, который висел на соске, вцепившись в него своим ртом. Мы видели несколько подобных «зародышей», они все были величиной с боб, так что, по-видимому, и вырастают здесь из сосков» (Франс Пельсарт).

Убеждение, что детеныши кенгуру не рождаются обычным путем, а отпочковываются от сосков, было очень широко распространено прежде. Да и сейчас еще многие фермеры в Австралии верят, что между яблоней и кенгуру есть некоторое сходство: плоды на ветвях и детеныши на сосках вырастают у них примерно одинаково. Эллис Трофтон описал однажды в австралийской газете, как кенгуру рождает своих детей. И получил письмо, в котором возмущенный читатель заявлял, что, несмотря на рассуждения всяких «трофтонов» и других умников «с Питт- и Джордж-стрит», он остается при своем мнении на предмет о том, как рождаются кенгуру.

Долго об этом «предмете» велись споры и среди натуралистов. Правда, немногие из них сомневались в том, что кенгуру размножается не вегетативно, как растения, а обычным для зверей путем. Но вот как новорожденные «эмбрионы» попадают к мамам в сумки, чтобы закончить там свое развитие, — об этом спорили особенно много. И лишь сравнительно недавно истина окончательно была установлена.

Я сказал: окончательно установлена, хотя первые правильные наблюдения (а им не всегда верили) сделаны очень давно.

«...Мать тотчас после рождения, захватив губами, вкладывает его в сумку» (А. Брем, Жизнь животных).

Зоологи тогда думали, что своих новорожденных детенышей кенгуру и другие сумчатые переносят в сумки, захватив губами. Лапами в это время мамаша будто бы открывает сумку. Это мнение поддерживал и развивал известный английский биолог Ричард Оуэн. И даже когда в начале прошлого века его коллега профессор Бартон из Филадельфии своими глазами увидел, как новорожденные детеныши американского опоссума, похожие больше на червячков, чем на зверят, сами ползли по брюху матери в сумку, не поверил Бартону.

За три года до того, как Ричард Оуэн в 1833 году развил свою неверную, но «живучую» теорию о методе транспортировки новорожденных кенгурят в сумку, лондонский зоологический журнал опубликовал очень интересную статью военного врача Александра Колли. Статья имела непосредственное отношение к теории Оуэна, и очень жаль, что не привлекла его внимания.

«Он, как только родился, сразу пополз по шерсти на животе у матери к отверстию в сумке. А она, повернув голову к своему отпрыску, внимательно следила за его продвижением, не более быстрым, чем у улитки» (Александр Колли).

Она — мать-кенгуру, таммар-валлаби. Он — ее малютка детеныш, размером меньше мизинца. Она, полулежа на спине, довольно безучастно наблюдала за героическим маршем крошечного «эмбриона», слепого, глухого, но одержимого «великой идеей», одним неистребимым побуждением — ползти и ползти ко входу в сумку. И поскорее нырнуть в нее. А нырнув, найти там сосок и присосаться к нему. Еще до рождения в хромосомных шифрах его наследственности был запрограммирован великий инстинкт, который заставил теперь эмбриона-пилигрима отправиться в нелегкий путь через волосяные джунгли на брюхе породившего его зверя.

Когда детеныш дополз до соска и присосался, Колли отцепил его и положил на дно сумки. Через час пришел проверить, что делает... эмбрион? детеныш? личинка? (не знаешь, как и назвать его!). Он еще ползал «за пазухой» у матери: искал сосок. Через два часа нашел его и прочно присосался.

У некоторых кенгуру новорожденные детеныши весят всего 500—750 миллиграммов. В тридцать тысяч раз меньше, чем мать. У кенгуру ростом в 1,5 метра новорожденный детеныш — около двух сантиметров, вес его — не больше «пяти-шести булавок!». Один грамм!

Чтобы добраться до сумки, микродетенышу кенгуру приходится проползать немалый путь. Как он нахо-

дит дорогу? Почему не сбивается с пути? Ведь мать — это подтверждают все наблюдения — ничем ему не помогает. Полулежит себе на спине и равнодушно смотрит на него. Нигде не подтолкнет, не направит.

Впрочем, не совсем так, кое-чем все-таки помогает: вылизывает дорогу!

Перед самыми родами кенгуру-мать начинает лизать свой живот. Вылизывает старательно, но не всюду, а только узкую полоску — дорожку ко входу в сумку! Эта дорожка и стерильна (так как чисто вылизана) и хорошо размечена указателями (так как мокрая). По мокрой шерсти детеныш и старается ползти. Если собьется в сторону и попадет на сухую шерсть, сейчас же поворачивает назад.

Однажды мать-кенгуру, предварительно вылизав свои «руки», помогала им ползти своему детенышу. Но это был исключительный случай: детеныш родился в «рубашке», которая стесняла его движения. Бывало и так: пытаясь помочь или случайно задев новорожденного микродетеныша, мать, увы, убивала его грубым прикосновением своих когтей.

Ползет он, работая передними лапками, словно веслами. Они у него, как у крота, сильные и толстые, с острыми коготками. А задние еще недоразвитые, на них и пальцев нет. (У взрослого же кенгуру совсем наоборот: передние лапы вроде бы недоразвитые!)

Ползет новорожденный кенгуру не быстрее улитки, а все-таки через полчаса добирается до сумки и исчезает в ней.

Пройдет еще немало времени, прежде чем у мамы в «кармане» найдет он сосок. А как найдет, крепко схватит и повиснет. Губы его прирастут к соску (к одному из четырех). Теперь он висит неподвижно, как плод на ветке. Даже молоко сам не сосет: сосок, сокращаясь, впрыскивает его в глотку двуутробной «личинки».

«Мы установили (и наш фильм это может подтвердить), что мать (вопреки распространенным утверждениям) не облизывает шерсть, чтобы проложить дорожку для детеныша» (Джеральд Даррелл).

Поражает иногда, как все-таки плохо еще мы знаем многих даже самых обычных животных! Я уже говорил о загадочной проблеме с сумкой ехидны. С кенгуру, как видите, такая же история; наблюдения и утверждения знатоков не сходятся: вылизывает или не вылизывает мать указательную стезю в сумку?

Не был ли здесь, Впрочем, какой-нибудь особый, патологический случай? Потому что наблюдения многих других исследователей с утверждением Даррелла не согласны. Опоссумы тоже вылизывают у себя на брюхе дорожку в сумку. Доктор Инго Крумбигель, один из крупнейших знатоков млекопитающих животных, полагает, что это в обычае у всех сумчатых.

Беременность у кенгуру в разных условиях и обстоятельствах очень разная: в среднем от 33 и до 130 дней. На соске новорожденный кенгуренок висит еще несколько недель (у иных месяца два!) — и вот, протиснувшись в щель сумки, покидает удобную «колыбель с центральным отоплением и встроенным молочным баром». Но не навсегда! Долго еще потом, почти целый год, когда вырастет и научится бегать, большой и длинноногий кенгуренок при каждой опасности (да и без нее) прячется у матери в сумке (даже если там висит на соске его младший брат!). Он уже не помещается в одной колыбели с молочным братом, ноги-ходули торчат наружу, а прячется. Мускул на краю сумки сокращается и «автоматически» ее запирает.

Кенгуру-мать с детенышем «за пазухой» большими скачками удирает от погони. Но если враги ее настигают, часто выбрасывает живую ношу им на растерзание: тоже своего рода автотомия — самое древнее средство страхования жизни? Ящерица в критических ситуациях расплывается хвостом, кузнечик — ногой, осьминог — щупальцем, а кенгуру... кенгуренком, своим единственным.

Впрочем, не совсем ясно: жертва это или ответственный акт материнства, так как настоящие кенгуру и валлаби выбрасывают детенышей из сумки обычно либо в густой куст, либо около дуплистого гниющего на земле дерева, чтобы тот мог спрятаться. Потом, если уцелеют, сумчатые матери возвращаются к месту вынужденного расставания и подбирают своих детей.

Роды у кенгуру легкие — ни мук, ни хлопот. А плодовитость...

«Все равно что поточная линия на заводе Форда. Посмотришь — один детеныш развивается в чреве, второй висит на соске в сумке, а третий уже бежит, но еще сосет» (Джефф Шерман, австралийский биолог).

Бывает (правда, редко), рожают они и двух детенышей, а в сумке гигантского рыжего кенгуру нашли однажды сразу трех присосавшихся «эмбриончиков».

Деторождение у кенгуру — в любой сезон года, но обычно австралийской зимой.

КЕНГУРУ ВСЕВОЗМОЖНЫЕ

В семействе кенгуровых, не считая уже истребленных и вымерших, около 50 видов. Самые мелких из них, тех, что ростом немного больше крысы, называют крысиными кенгуру, средних — валлаби, а самых крупных (у которых стопа задних ног длиннее 25 сантиметров) — настоящими кенгуру.

Долго, почти целый год, пока вырастет и научится бегать, большой и длинноногий кенгуренок прячется у матери в сумке.

Большие кенгуру только на первый взгляд одинаковы. Их три разных вида. Серые лесные кенгуру: конец морды у них между ноздрями, да и вокруг них, порос шерстью, как у зайца, тело серо-бурое, брюхо грязно-белое, а конец хвоста темный. Рыжие степные: конец морды между ноздрями порос шерстью лишь до середины ноздрей, голова голубовато-серая, на щеках, ближе к ноздрям, по одной косой черной полосе, тело у самцов рыжее, у самок серое, но бывают и самцы все сплошь серые, а самки рыжие (у западного подвида), конец хвоста светлый. У матерых самцов в пору размножения грудь пурпурная — от особых выделений кожных желез. И третий вид — горные кенгуру, или воллару. Телом они более массивные, шерсть густая и грубая, конец морды между ноздрями бесшерстный, голый, как у оленя. Голова и тело у самцов темно-серые, но у некоторых рас бывают и рыже-бурыми. У самки светлее. Конец хвоста у самцов черный, у самок светлый.

Серый, рыжий кенгуру и воллару почти одинаково велики и в равной мере заслуживают (хотя и несколько преувеличенного, но давно принятого) названия гигантских: так как из всех современных сумчатых рост у них самый импозантно высокий. Но рыжий кенгуру, пожалуй, немного крупнее других: длина от носа до кончика хвоста нередко 2,5—2,7 метра. Серый кенгуру и воллару в среднем чуть меньше. Однако зарегистрирована длина шкуры старого самца серого кенгуру, по-местному — бумера, около 3 метров. А про рыжих рассказывают: попадались в старые времена самцы длиной в три с четвертью метра. Может, так и было когда-нибудь давно, теперь таких кенгуру в Австралии нет.

Врагов, кроме человека, глистов и песчаных блох, которые, кусая в глаз, часто совсем ослепляют бедных животных, у гигантских «тушканчиков» немного: динго, лисы, завезенные из Европы, и клинохвостый орел. Но недруги эти обычно отваживаются нападать только на молодых и больных кенгуру-великанов. Здоровых и взрослых спасают ноги, знаменитые и резвостью и силой удара. На двух ногах скачут кенгуру со скоростью около пятидесяти километров в час, каждым прыжком покрывая дистанцию в шесть-семь метров. На косогорах, вниз по склону гигантский кенгуру может прыгнуть и на двенадцать метров, а для старого самца забор в два с половиной и даже в три метра высотой хоть и с трудом, но преодолит.

Сила удара задней ноги большого кенгуру так велика, что, были случаи, люди падали с проломленными черепами. Недавно в предместье Сиднея пострадал от этой ноги полицейский, который помогал вязать убежавшего сюда бешеного кенгуру. Эллис Трофтон говорит: не только гигантские кенгуру, но и крупные валлаби внезапно приходят в спонтанную ярость и бьют тогда крепко. Поэтому он не рекомендует позволять детям ласкать и кормить кенгуру в зоопарках.

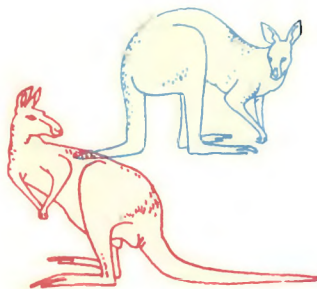
Тут интересно упомянуть еще раз (об этом уже писали), что у кенгуру есть интересный прием защиты от охотничьих собак и динго. Когда те их слишком упорно преследуют, бегут наши «тушканчики» туда, где, знают, есть озерко или пруд. Заберутся по грудь в воду, собаки в безрассудной своей храбрости за ними. Тогда кенгуру, прочно упершись природным своим треножником (двумя задними ногами и хвостом) в илистое дно, хватает собаку передними лапами и топтит: держит ее голову под водой, пока собака не захлебнется. Бывало, если и не решался пес прыгнуть в воду, а таял с берега, «удивительный кенгуру» выскакивал из воды, хватал его и тянул в воду.

Однажды, случилось это, впрочем, давно, молодой колонист, еще плохо знавший кенгуру, решил поохотиться на старого серого бумера. Кончилось дело финалом, нам известным. Кенгуру утопил собаку. Тогда взбешенный охотник, как потом он сам признался, «решил разmozжить голову кенгуру прикладом ружья» и смело кинулся в пруд. Но кенгуру изловчился и окунул охотника и раз, и два, и три, и, если бы не подоспевшая вскоре помощь, тот наверняка захлебнулся бы. Вытащили его, во всяком случае, без сознания.

В неволе крупные кенгуру жили по десять лет. Очевидно, срок их естественного долголетия — около пятнадцати лет.

Самцы рыжего кенгуру ярко-винно-красного

цвета или элегантно-дымчато-голубые, стремительные в упругих, словно парящих, прыжках, заслужили здесь прозвание «голубых птиц». Жизненное пространство у них обширнее, чем у других: почти весь континент, за исключением лишь крайних западных и восточных прибрежных областей да сырых тропических лесов на востоке и севере. Это равнинное, степное и пустынное животное. В Австралии рыжий кенгуру занимает, как говорят биологи, ту же экологическую нишу, что и степные антилопы Африки. Он кочует небольшими стадами (от десятка до сотни разновозрастных зверей) в поисках богатых травами угодий, которые скотоводы еще оставили в его распоряжении. Рыжий менее дик и зол на человека, чем два других гигантских кенгуру. А именно, серый и воллару. Серый гигантский — по преимуществу лесной. Живут эти кенгуру (немного их осталось!) на крайнем востоке и юго-западе Австралии, в Тасмании и на острове Кенгуру, тут же недалеко.

Воллару — самые злые, упорные и опасные в драке из всех четвероногих Австралии. Сложения они крепкого, пожалуй, даже коренастого, задние ноги у воллару покороче, чем у серого и рыжего кенгуру, но толще, и удар их очень силен. Защищаясь, воллару и зубы пускают в дело и когти. В неволе неуживчивы и колотят соседей безжалостно. Несколько подвидов воллару живут в предгорьях и скалистых горах на восточном, западном и северо-западном побережье, а один вид — в горных районах Центральной Австралии. Днем обычно прячутся в скалах, по которым лазают очень ловко, а ночью пасутся на плоскогорьях и лугах: едят траву, листья, побеги. Без воды живут долго. Когда жажда их томит, грызут кору молодых деревьев и кустарников.

По соседству с воллару живут кенгуру помельче — горные валлаби. Ступни их задних ног отлично приспособлены для жизни в горах: шероховатые и подбитые густой шерстью. На двух ногах, совсем не помогая себе передними лапами, скачут валлаби по таким отвесным кручам, что дух захватывает. Скалы местами до блеска отполированы их подошвами. Когда враг настигает, горные валлаби, не задумываясь, прыгают с разбегу на деревья, как можно выше на развилку или сук, и большими пальцами ног крепко охватывают их.

Когда вокруг все спокойно, они любят часами греться на солнце, время от времени переговариваясь с родичами по беспроволочному телеграфу, такого же типа, как у кроликов и зайцев. Стучат лапами по земле, и это значит: «Как живешь?» Если кто-нибудь незванный вторгается в пределы их владений, валлаби теми же сигналами, только более громкими и тре-

возможными, предупреждают соседей: «Будьте бдительными!»

Злейший недруг горных валлаби, кроме человека и его собаки, — небольшой питон, который живет там же, где и они.

В Австралии (ни в Тасмании, ни в Новой Гвинее их нет) десять видов больших горных валлаби и один малый. Валлаби, которые горам предпочли равнины, тоже сигналият об опасности ударами лап по земле. Они очень проворны, скачут быстро, трехметровыми прыжками, и, бывало, удирая от собак, легко перескакивали через головы охотников, пытавшихся преградить им путь. Пасутся обычно ночью, а днем многие спят, забившись в чащу кустов. Некоторые роют норы с двумя выходами и, как сурки, ныряют в них в испуге. Или прыгают с разгона в дупла деревьев. Особенно шипохвостые валлаби. На конце хвоста у них — роговой шип, похожий на ноготь. Из всех зверей только еще у одного сумчатого (длинноухого бандикута) и у льва есть нечто подобное. Зачем им это странное украшение хвоста — непонятно. Возможно, — так некоторые уверяют — «ногтем» на хвосте валлаби сгребают в кучу ветки и листья, когда готовят себе грубое гнездо для ночлега.

Другая странность этих небольших, ростом с зайца, кенгуру — нелепая на вид манера, убегая, не прижимать к телу передние лапы, а крутить и болтать ими в воздухе. За это и прозвали их «шарманщиками». Самки шипохвостых валлаби, когда удирают, почти всегда выбрасывают из сумки детеныша, если он достаточно уже вырос, чтобы уметь прятаться. Обычно мать делает это, пробегая около какого-нибудь дупла в гниющем на земле дереве. Ее малолетний детеныш тут же ныряет в дупло и, притаившись, ждет, когда мать придет за ним, если, конечно, сумеет обмануть собак в лабиринтах кустарниковой чащи. Жива будет, никогда его не оставит и вернется за драгоценной своей ношей.

Валлаби — небольшие кенгуру, но они не овечки. Детей защищают храбро. Лисы, расплодившиеся в Австралии, и местные клинохвостые орлы, испытав на себе силу удара кенгуриных задних лап, отваживаются нападать только на детенышей валлаби. Тактика у них такая: схватить его внезапно и бежать (или лететь), чтобы мать не догнала. Если та рядом, отнять у нее дитя нелегко. Видели, как клинохвостый орел, долго маневрируя в ложных атаках, пытался нагнать страху на самку валлаби Грэя и отогнать ее от детеныша, который жался к ней. Добившись лишь частичного успеха в этом, орел решил, что успеет схватить чуть отбежавшего кенгуренка, и с метровой высоты упал на него. Но мать в виртуозном скачке перехватила его

на полпути к цели и ударила задними лапами. Орел ретировался, решив, что с него хватит. А кенгуренок тут же забрался к маме в сумку.

Среди валлаби есть животные особого сорта — древесные кенгуру. Наскучило им скакать по земле, полной тревог и врагов, и родным домом их стали деревья. Многие равнинные валлаби часто ищут спасения на деревьях, а эти и вовсе туда переселились. Случилось так, по-видимому, совсем недавно (конечно, в масштабах времени, которым измеряется эволюция, а не наши повседневные дела). Задние ноги у древесных валлаби за небольшой эволюционный срок успели укоротиться, а передние стали длиннее: с такими пропорциями конечностей лазать по деревьям удобнее. Стопы задних ног у них очень шероховатые, а когти на всех пальцах длинные и крючковатые, чтобы крепче цепляться за кору и ветки. Но хвост у них не цепкий. Он на конце с небольшой кисточкой, действует лишь как руль и балансир в прыжке и подпорка при лазанье. Передвигаясь по суку, древесные кенгуру держат тело горизонтально, а не вертикально, как их наземные сородичи, а когда спят или стоически терпят низвергающиеся на них каскады тропического ливня, дугой изгибают спину и прячут голову между передними ногами. Эти новые повадки привели к тому, что естественный отбор заставил волосяную «макушку», из которой шерсть на спине радиально расходится во все стороны, переместиться так, что волосы на шее растут у них не от головы к хвосту, а наоборот. И теперь, когда кенгуру от дождя прячет голову между передними лапами, волосы на ее теле образуют как бы естественный скат для воды, которая, легко и беспрепятственно обтекая их по поверхности, под шерсть не проникает. По той же причине и у обезьян, имеющих привычку закрывать руками голову от дождя, волосяной ворс на предплечьях, которые в этой позе подняты вверх, направлен не от локтя к кисти, а в обратную сторону.

Родина древесных валлаби — Новая Гвинея: там их семь видов. В Австралии только два, которые переселились сюда из Новой Гвинеи сравнительно недавно. Это древесные валлаби Беннета, или, по-местному, тхарибина, и Лумгольца, или бунгари. Оба живут в горных тропических лесах на севере Австралии, всего в двух точках (на географической карте) — у восточного побережья полуострова Кейп-Йорк, Квинсленд. Оба темно-серо-бурые. Но у древесного валлаби Беннета в основании хвоста темно-рыжее пятно (и волосяная «макушка» на середине спины, а на лбу небольшой хохолок). У валлаби Лумгольца поперек лба светлая полоса и брюхо светлое (а «макушка» над плечами).

Повадками все виды древесных кенгуру похожи. Живут они небольшими группами: один взрослый самец и несколько самок с детенышами. Днем обычно

*Черный древесный
кенгуру из Новой
Гвинеи.*

*Здесь обитают еще
четыре-шесть видов
древесных
кенгуру, некоторые
из них окрашены
великолепно!*

*Спина рыжая, с двумя
яркими желтыми
продольными полосами,
морда, брюхо и ноги
тоже ярко-желтые.*

спят на вершинах деревьев. Ночью кормятся листьями, побегами вьющихся растений, фруктами. Под прикрытием мрака спускаются (хвостом вперед!) на землю, чтобы полакомиться папоротниками. По деревьям лазают очень ловко и быстро, иногда скачут с одного на другое на манер обезьян и перелетают пространство в десять метров. В испуге с огромной высоты прыгают с деревьев на землю — один валлаби Беннета скакнул с верхушки восемнадцатиметрового дерева! — и приземляются без увечий на все четыре упругих ноги, как кошки. Самцы их очень драчливы, и в зоопарках, бывает, сильные насмерть забивают слабых.

Австралийские аборигены охотятся на древесных валлаби с прирученными и соответственно дрессированными динго. Собаки по ночному следу находят дерево, на котором мирно дремлют бунгари, и вертятся здесь. Охотники подбегают и лезут на дерево. Если не успеют схватить за хвост сонного валлаби, то сбрасывают его на землю, где собаки уже не зевают. Тут надо сказать, что жаркое из всех валлаби, не только древесных, очень ценится местными гурманами. Они утверждают, что оно вкуснее зайчатины.

Чтобы закончить о кенгуру, надо сказать несколько слов о самых маленьких из них — о крысиных кенгуру (не путайте с кенгуровыми крысами, или американскими «тушканчиками», это совсем другие животные).

Девять видов крысиных кенгуру (некоторые из них почти полностью, а два вида, по-видимому, и полностью истреблены) обитают в Австралии и два вида в Тасмании. Ростом они с крысу или кролика.

У мускусного крысиного кенгуру хвост бесшерстный, как у крысы, и передвигается этот зверек на всех четырех лапах. Остальные скачут лишь на задних, и хвосты у них вполне приличны на вид — не голые, а все в шерсти.

Трава, клубни, грибы (а у мускусного еще и насекомые) — таково меню этих мини-кенгуру. Многие пасутся по ночам и тогда часто и безбоязненно прыгают по окраинам поселков, подбирая разные отбросы на свалках и помойках.

Некоторые живут в норах, другие строят из травы и листьев незатейливые гнезда под кустами и в гуще трав. Строительный материал транспортируют очень забавно: подцепив его изогнутым вниз хвостом (как американский опоссум и утконос).

В прежние времена крысиные кенгуру процветали на Австралийском континенте, и было их столько, что фермерам приходилось постоянно думать, как защитить посевы и стога сена. Когда ввезенные из Европы

лисы расплодился в Австралии, безмятежному житью-бытью крысиных кенгуру пришел конец, и всюду они стали быстро вымирать. Таков финал всякой непродуманной акклиматизации.

КОАЛА, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ ПЬЕТ

Кенгуру — символ Австралии, и коала — ее символ. Коала удивителен, трогателен, кроток. Зверек милый, игрушка природы, игрушка в руках судьбы, злым оружием своим избравшей алчность человека. Драгоценный раритет планеты, спасенный энтузиазмом благородных людей. Ответственность и долг перед будущим природы заставили их действовать быстро и решительно.

«Коала» — на языке аборигенов значит «не пьет». Он и правда никогда или почти никогда не пьет. Во всяком случае, пьет мало, довольствуясь влагой свежих листьев эвкалиптов. Его греко-латинское родовое имя фасколарктос (первые два слога греческие, два последних — латинские, как часто бывает в зоологической номенклатуре) означает «сумчатый медведь». Но коала не медведь, он слишком мал для этого и кроток (да и роду-племени другого). Но на маленького, игрушечного медвежонка очень похож.

Шерсть густая, серебристо-серая, ушки оторочены длинной мягкой опушкой. Хвоста нет. На передних лапах пять пальцев, два из них, как наш большой, отгибаясь вбок, противопоставляются трем другим, чтобы удобнее было хвататься за ветки. На задних — один первый (он же единственный без когтя!), противопоставляя себя четырем другим (второй и третий срослись воедино). Сумка у «медведицы» открыта отверстием назад. В ней два соска.

Так кто же коала, если не медведь? Тут спор еще не решен. Есть у него черты и австралийских опоссумов и вомбатов. Скорее всего, полагает Эллис Трофтон, он все-таки вомбат, решивший жить не на земле, как его дальние предки, а на деревьях. И только на эвкалиптах, в основном медовом и точечном (впрочем, еще двенадцать других видов этих деревьев дают ему пропитание).

И вот какое поразительное открытие сделали биохимики, исследовав листья любимых коала эвкалиптов: в них к осени, особенно в молодых, очень много синильной кислоты! Яд страшный, и не раз, бывало, гибли овцы, поевши этих листьев. Так почему коала не погибает? Умирает тоже, если много съест. Но мудрый инстинкт заставляет его осенью менять диету: с медовых эвкалиптов, особенно богатых ядом, он переходит на другие. А если таких поблизости нет, жует, увя, старые листья коварного дерева, в которых синильной кислоты мало. За сутки взрослый коала съедает около килограмма эвкалиптовых листьев.

*Две мамы коала
с оседлавшими
их детешками.
Чада разных
поколений:
младшие сидят на
спинах старших.*

Траву, корневища, да и вообще другие растения, кроме эвкалиптов, он, кажется, совсем не ест (однако в неволе охотно пьет молоко!).

Свадьбы коала справляют в сентябре, самое позднее — в январе. Через двадцать пять дней матери рожают одного (редко двух) крохотного детеныша, длиной около двух сантиметров и весом в пять с половиной граммов. Он ползет сам, как и кенгуренок-полуэмбрион, в сумку. В ней висит, присосавшись к соску, шесть-восемь месяцев. Семимесячный — длиной не более двадцати сантиметров. И примерно тогда мать с молочной диеты переводит его на свой странный эвкалиптовый суп или пюре, как вам будет угодно это называть.

Кажется, раз в сутки, от двенадцати до двух часов после полудня, из отверстия, противоположного рту, самка выделяет зеленое пюре из слегка переработанных в ее желудке листьев. Детеныш высовывает мордочку из сумки и слизывает его. Открытая назад сумка облегчает ему эту задачу. Но все остальное время (кроме двух часов в сутки!) кишечник самки коала, опоражниваясь, выбрасывает не питательную смесь, а обычный помет.

Привыкнув к эвкалиптовой диете и научившись жевать листья, молодой коала покидает мамину сумку и перебазировается к ней на спину. Здесь носит она своего баловня, крепко вцепившегося в шерсть, еще около года. И бывает, что не одного, а трех сразу, мал мала меньше, чад разных возрастов (на спинах старших сидят младшие, а самый старший — на материнской спине) таскает мать по ветвям эвкалиптов.

Растут коала медленно, и только пятилетних мож-

но назвать вполне взрослыми. Живут они до двадцати лет.

Когда-то эвкалиптовые леса Квинсленда, Виктории и Нового Южного Уэльса изобиловали коала. Но в конце прошлого и начале нашего века страшная эпидемия истребила миллионы этих безобидных созданий. Затем за дело взялись весьма деловые охотники за пушниной: ежегодно Австралия вывозила около 500 тысяч шкур коала. А в 1924 году этот доходный промысел принял такой размах, что уже 2 миллиона шкур, снятых с убитых коала, экспортировали в восточные штаты континента. Через три года 10 тысяч охотников, имевших право убивать по лицензиям, завершили почти полное истребление этих беспомощных и удивительных зверьков, которые настолько наивны, простодушны или глупы, если хотите, что доверчиво и без страха смотрели на охотников, тут же рядом на ветвях убивавших их собратьев.

К счастью, австралийские зоологи сумели вовремя убедить правительство принять строгие меры по охране коала. Теперь этот вид можно считать спасенным. Местами (но только местами, под охраной закона) их расплодилось так много, что эвкалиптов для всех не хватает. Сотрудникам Управления природных ресурсов Австралии приходится ловить зверей там, где их много, и переселять туда, где их нет. Ловят весьма просто: длинным шестом с петлей на конце. Накинув петлю на голову зверьку, сбрасывают его с дерева на растянутый внизу брезент.

«Увы, в тот день у меня сложилось крайне невыгодное впечатление об интеллекте коала. Они как кинозвезды: на вид хороши, а в голове пусто. Мы начали с большого самца, который даже с петлей на шее продолжал нам улыбаться, явно не догадываясь о наших намерениях. Правда, когда петля натянулась, он покрепче ухватился за дерево своими кривыми когтями и даже хрипло зарычал, как тигр. Но веревка оказалась сильнее, и в конце концов он отпустил ствол и шлепнулся на брезент. После этого нас ожидала приятная работенка: надо было снять петлю с шеи пленника и поместить его в транспортную клетку...

Наш сумчатый медведь ворчал, рычал, отбивался острыми когтями и норовил укусить всякого, кто подходил близко.

...Мы привезли их на новое место. Здесь нас ожидал сюрприз: когда мы открыли клетки и вытряхнули коала на землю, они встали и замерли, глядя на нас. Пришлось буквально гнать их к деревьям. По гладким стволам эвкалиптов они легко забрались наверх, примостились на ветвях и вдруг дружно заголосили, точно обиженные младенцы...

Но как охотники за пушниной могли столь безжалостно уничтожать этих доверчивых, милых и безобидных животных — это выше моего разумения!» (Джеральд Даррелл).

Ныне коала (один вид с тремя подвидами) обитает лишь в узкой полосе вдоль восточного побережья Австралии.

«Я уныло стоял перед кустами, соображая, в какую сторону лучше направиться, чтобы найти лирохвостов, как вдруг тихо хрустнули ветки и появился толстый серый зверь ростом с крупного бульдога. Я сразу узнал вомбата.

На первый взгляд вомбат напоминает коала, но у него гораздо более плотное сложение, и он больше смахивает на медведя. У него сильные, короткие, слегка искривленные нзги, и косопалит он совсем по-медвежьи. Зато голова похожа на голову коала — круглые глаза-пуговики, овальная плюшевая заплатка носа и бахромка по краям ушей.

Выйдя из кустов, вомбат на секунду остановился и с каким-то грустным видом громко чихнул. Потом встряхнулся и, уныло волоча ноги, зашагал прямо на меня — этакий игрушечный мишка, который знает, что дети его разлюбят. Совершенно убитый, ничего не видя перед собой, он продолжал приближаться ко мне, явно поглощенный какими-то мрачными мыслями. Я стоял абсолютно тихо, и вомбат только тогда меня заметил, когда его отделяли от моих ног каких-нибудь два-три метра. К моему удивлению, он не бросился наутек, даже не убавил шага, а подошел ко мне и с легким интересом во зоре принялся осматривать мои брюки и ботинки. Еще раз чихнул, потом горько вздохнул и, бесцеремонно оттолкнув меня, побрел дальше по тропе» (Джеральд Даррелл).

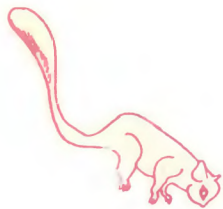
Похожи вомбаты на небольших медведей или даже на бесхвостых бобров, а живут, как барсуки. Роют (лежа на боку!) длинные норы — метров до тридцати, но обычно короче. Эти подземелья так широки, что ребенок, забравшись в нору, может доползти от входа до жилой камеры в глубине под землей.

Любят вомбаты, подобно суркам, греться на солнце у входа в норы. Отсюда расходятся во все концы протоптанные ими тропинки к излюбленным пастбищам. Едят вомбаты разные травы, кору деревьев и кустов, грибы и ягоды. И стебли разгрызают так, что-бы детишки без особого труда могли их съесть.

Живут небольшими сообществами. Довольно дружелюбные и мирные животные, только самки, защищая своих малолеток, отваживаются иногда нападать на людей. Лисы, фермеры и собаки грозят истребить всех вомбатов в Австралии. Мясо их вкусно, как баранина, хотя более жилистое и пахнет мускусом.

Четыре (или два, по мнению других исследователей) вида вомбатов уцелели в немногих районах Австралии, Тасмании и на островах между этими странами.

В одном семействе с вомбатами числятся в табелях зоологической классификации существа совсем, казалось бы, на них непохожие — сумчатые летяги, кускусы и поссумы. Нередко всех довольно разношерстных членов этого семейства, за исключением вомбатов, называют поссумами. Еще первые исследователи Австралийского континента заметили их сходство с американскими опоссумами. Но увидели и то, что похожесть эта не полная. Поэтому капитан Кук в донесениях своих и дневниках, описывая этих животных, опускал обычно в слове «опоссум» начальную

букву «о». С тех пор и повелось, чтобы подчеркнуть разницу между настоящими опоссумами и австралийскими, называть последних поссумами.

Живут поссумы на деревьях и высоких кустах. У всех длинный хвост, часто пушистый или даже перистый (как на птичьем пере, длинные волосы растут на нем в две противоположные стороны). Многие на манер некоторых обезьян хвостом, как рукой, хватаются за ветки — у таких хвост снизу, ближе к концу, обычно бесшерстный. Пальцы на лапах как у коалы: противопоставляются друг другу, чтобы крепче обхватывать ветки. Сумка всегда открывается вперед, а в ней редко два (щеткохвостые поссумы), обычно четыре или шесть сосков (у одного карликового поссума). Едят насекомых, листья, иные сосут нектар цветов, либо и то, и другое, и третье. У некоторых, как у нашей белки-летяги, кожистая складка растягивается между передними и задними лапами, и зверьки, прыгая с деревьев, парят, как живые ковры-самолеты, пролетая по воздуху иногда тридцать, а самые крупные и сто метров.

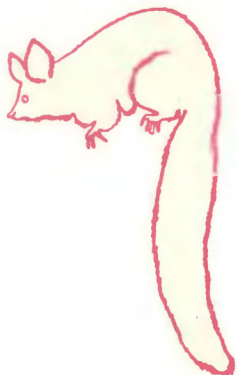
Поссум-медоед — странная и забавная на вид крошка (длиной 7—8 сантиметров) с рыльцем, удлинённым трубочкой. Этой трубочкой, всунув ее в цветок, сосет сумчатая малышка нектар и пыльцу. Но если в цветке ей в рот попадает и какое-нибудь мелкое насекомое, его тоже проглотит. Крупных мух и мотыльков берет в передние лапки и, аккуратно оборвав им крылья, ест с аппетитом.

Пропитание такого же сорта ищут на эвкалиптах и банксиях карликовые поссумы. Они так же малы, но без черных полос на спине и вытянутого трубочкой рыльца. Днем спят, свернувшись калачиком, в гнездах, построенных из свежей коры в развилках сучков, дуплах деревьев и даже в гнездах (снизу, в основании) некоторых птиц. Притом в гнездах, не брошенных птицами! За лыком для гнезд эти крошки путешествуют, если нет поблизости подходящего материала, иногда очень далеко — за полкилометра.

Ночью пробуждаются и, проголодавшись, скачут и лазают, цепляясь хвостом за ветки, по деревьям, исследуя крохотной мордочкой каждый цветок, и ищут, чтобы съесть, разных насекомых.

К зиме крохотное тельце и хвостик карликовых поссумов заметно полнеют, предусмотрительно запасая стратегические резервы жира. Холода придут, спят поссумы беспробудно в своих гнездах, как медведи в берлогах, шесть недель и больше. Пробуждаясь, не сразу, бывает, стряхнут с себя сонное оцепенение: повиснут, зацепившись хвостом за ветку и поджав лапки, и висят вниз головой часами в этой неудобной, на наш взгляд, позе.

Ушки, засыпая, сворачивают, как солдаты скатку, чтобы никакой шум не будил. Некоторые летучие мыши, сумчатые куницы и длинноухие язвицы так же, поджимая уши, оберегают свой покой.

Вомбата можно назвать сумчатым барсуком. Эти довольно массивные зверьки (весом до 30—35 килограммов) роют глубокие и длинные норы. Вомбаты — единственные сумчатые с одной парой резцов (лишенных корней) в каждой челюсти. Вомбатов два вида: широколобый, или длинноухий, и голоножный, который, кроме Австралии, обитает в Тасмании.

Для людей, решивших его приручить, карликовый поссум совсем необременителен: он не капризничает, как утконос, ест почти все, что дают. Кузнечиков, мух, мотыльков, тараканов, мучных червей, личинок, даже пауков! А кроме того, овес, разные зерна, миндаль, мед, сахарную воду и молоко. Воду один такой невольник пил очень забавно: окунал в нее эвкалиптовые листья, а потом облизывал!

Некоторые исследователи думают, что примерно так же, как карликовые поссумы, выглядела гипотетическая модель прародителя всех сумчатых вообще. Позднее, эволюционируя, от этих древних всеядных крошек произошли и большие поссумы, и коала, и вомбаты, а возможно, даже и кенгуру.

Так же примитивен некоторыми чертами своей анатомии еще один сумчатый зверек Австралии — акробат, или карликовая перохвостая летяга.

Это самая крохотная из всех сумчатых летяг. Днем акробаты спят в шаровидных гнездах, сплетенных из листьев и ободранной с деревьев коры эвкалиптов. Ночью оживают и затевают нередко такие же веселые игры и гонки вокруг деревьев на «парашютах», как и наши летяги в таежных сумерках. Развлекаясь,

попутно ловят термитов и муравьев и сосут в цветах напиток богов — нектар.

Еще четыре вида сумчатых летяг, планируя на природных своих коврах-самолетах, летают ночами в лесах на востоке и севере Австралии. Ростом они вдвое-втрое, а большая сумчатая летяга так и в пять раз крупнее перохвостого акробата-лилипута. Все, кроме большой летяги, листьями не питаются, едят только насекомых, фрукты и нектар.

При постройке гнезд летяги висят вниз головой, уцепившись задними лапами на ветках, откусывают листья и, прижав их ворох к груди передними лапками, несут в гнездо. Иногда переносят и в кольцо поджатого вниз хвоста.

Одного четырех-пятидневного детеныша (размером с шиллинг!), отняв от соска сумчатой белки-летяги, которую задушила кошка, пытались кормить через соломинку. После двух капель молока малыш заметно раздулся и есть больше не захотел.

Так и кормили его, через час по две капли, а на пятый день приемыш уже сам пытался лакать молоко из чайной ложки и при этом благодушно попискивал, словно мышонок. Через два месяца молока ему стало мало, и он начал с поразительной ловкостью ловить и есть разных мух и моль. Особую слабость питал к личинкам ос, гнезда которых бесстрашно разорял. В четыре месяца спасенное человеком и подросшее дитя сумчатой белки было уже полной копией своей матери. И такой же, наверное, как она, чистюлей: зубами и когтями подолгу причесывал он свою серебристую шкурку.

А еще он любил, когда угощали печеньем и кексом и пускали поохотиться на сверчков и стрекоз. Приемыш разрывал их на куски и ел, выбросив лишь крылья. С оконной шторы планировал прямо на вазу с цветами, разыскивая там нектар. У воспитавшей его Флоренс Ирби этот забавный звереныш прожил десять лет.

Одно время казалось, что все сумчатые белки истреблены в Австралии кошками и охотниками за пушниной. Но потом нашли несколько мест, где они еще уцелели. Сейчас белок охраняет закон.

«— Кто это? — шепотом спросил я Боба.

— Большие сумчатые летяги...

Подойдя к стволу, Боб раз-другой сильно ударил по нему палкой. Животные заметались по ветке, испуганно вереща, словно две старые девы, обнаружившие под кроватью мужчину. Наконец одна из них с каким-то кошачьим мяуканьем оттолкнулась от ветки и прыгнула в воздух. При этом она вытянула все четыре лапы, кожные перепонки по бокам расправились и превратились в «крылья», а сам зверек стал почти прямоугольным, если не считать, что спереди торчала голова, а сзади длинный хвост. Поразительно ловко, словно искусный

планерист, бесшумно делая сложные повороты, он, пролетел над прогалиной и с легкостью бумажного голубя приземлился на другом стволе, метрах в двадцати пяти от первого» (Дже-ральд Даррелл).

То, что зверек в полете стал прямоугольным, возможно, только показалось в темноте: силуэт парящей большой летяги не похож на силуэты других летяг, он не прямоуголен, а треуголен. Перепонка между лап у этого зверька короткая: натянута не от лапки до лапки (то есть кисти и стопы), как у малых его собратьев, а лишь от локтя до колена, и потому передний край растянутого «парашюта» значительно уже заднего.

В одном прыжке большие летяги пролетают нередко сто метров, а в нескольких быстро следующих друг за другом прыжках, «приземляясь» на попутные деревья лишь на миг, чтобы тут же оттолкнуться, — и больше пятисот метров! И все это за считанные секунды! Так что, по-видимому, за ночь сумчатые аэронавты улетают довольно далеко от дома. Эта редкая для обитателей древесных крон способность, а также, конечно, и то, что мех у больших летяг слишком мягкий и непрочный, помогли, по-видимому, им уберечься от быстрого истребления. Большие летяги еще довольно многочисленны в эвкалиптовых лесах всюду на востоке Австралии. По ночам оглашают округу пронзительными, резкими криками, которые заканчивает серия странных булькающих звуков.

Балансируя длинным хвостом, большие летяги ловко бегают по веткам. За эту ловкость и дали им ученые родовое имя шоинобатов, что значит — «канатные плясуны».

Но, как ни ловки «канатоходцы», лисы, видно, еще ловчее, потому что нередко ловят больших летяг, хотя на землю те почти никогда не спускаются. Наверное, хватают их в прыжке, когда летяги планируют низко у земли. Другой ненавистный враг большой летяги — лесная сова.

Вкусов своих малых собратьев большие летуны не разделяют: едят не насекомых, а только побеги, цветы и листья эвкалиптов и других деревьев. Бывает, что объедают цветы и листья на яблонях, чем садоводы, понятно, весьма возмущены.

Днем спят в гнездах, сплетенных из лыка, содранного с эвкалиптов, и выложенных внутри эвкалиптовыми же листьями. Заготовки для гнезда таскают, подцепив их хвостом.

Хоть сосков и два, но детеныш один (в июле — августе). Прожив безмятежно у мамы «за пазухой» четыре месяца, малыш перебазировается к ней на спину и верхом на родительнице путешествует по ночному лесу (однако, кажется, с дитятей на спине мать летать не отваживается, а только лазает по ветвям).

Пять видов сумчатых летяг видом своим и «парашютами» похожи, однако не все они близкие родственники. Разные роды летяг произошли от разных корней: наши «канатные плясуны», например, от каких-то древних кольцехвостых поссумов, которые летали не лучше черепахи.

Мех кольцехвостых поссумов тоже невысоко ценится, поэтому они еще довольно многочисленны в лесах Австралии по северному, восточному и юго-восточному побережью. Один вид обитает и в крайнем юго-западном углу этого континента (единственный, который иногда живет в норах!), один — на Тасмании и еще восемь других — в Новой Гвинее.

Кольцехвостыми их прозвали потому, что конец хвоста этих поссумов почти всегда свернут в кольцо, даже если и не обхватывает ветку. Но обычно они крепко держатся хвостом за сук и ветки, будто боясь упасть, выпустив опору. Все очень похоже и видом и образом жизни. Едят по ночам листья и почки. Днем спят в больших куполообразных гнездах, сплетенных в развилке сучков из листьев, папоротников и обрывков коры. Доверчивы и нередко поселяются в садах и парках на окраинах больших городов. В садах объедают плоды и цветы (в частности, розы!).

Могут быть и быстрыми, но обычно медлительны. Увидев человека, замирают в сомнамбулическом безразличии, устремив на него отсутствующий взгляд. Потом медленно лезут, орудуя хвостом, как цепкой рукой, куда-нибудь в гущу листвы. С дерева на дерево обычно не прыгают, а как бы переползают: дойдут до конца ветки, та под тяжестью зверька согнется, а он, уцепившись за нее хвостом и повиснув вниз головой, ищет передними лапами опору. Найдя, переползает на нее. По земле бегают довольно быстро, но совсем не грациозно, поскольку короткие ноги и чересчур длинный хвост, загнутый кольцом вниз, для такого дела малопригодны.

Драчливы. Самки, более агрессивные, чем самцы, никого из представителей сильного пола около себя не терпят. Гонят прочь, если те приблизятся. Но драки не смертельны, потому что самцы у кольцехвостых поссумов рыцарственны: всегда уступают дамам и после небольшой ссоры ретируются.

По ночам люди часто слышат в Австралии приятные, будто птичьи, крики — вокальные упражнения кольцехвостых поссумов: трудно поверить, что так кричат звери. Когда дерутся — зло ворчат. Когда напуганы — верещат, как наши белки. А если детеныша отнимают от матери или он потеряет ее, то пронзительно щебечет, как некоторые летучие мыши. Так что язык звуков у поссумов богатый.

В первые месяцы года самки на время забывают о своей непримиримой вражде к «сильному полу», и в конце апреля две маленькие, но полные копии матери покидают тесную уже теперь для них сумку и забираются к ней на спину, крепко оплетая ее тело хвостиками. Хотя сосков в сумке четыре, только два из них способны выкормить крохотных младенцев. Рождает самка их иногда и шесть, но все лишние, не успевшие, опередив других, добраться до полноценных сосков, погибают.

Поссумы еще нескольких разновидностей своей беготней и криками оживляют ночами леса Австралии. Самые крупные (с кошку) и самые известные людям хотя бы потому, что нередко поселяются под крышами домов, на чердаках и по ночам не дают спать возней и ссорами, — лисохвостые поссумы, или кузулисы. мех у них красивый, серебристо-серый (желтоватый на брюшке), густой, плотный и довольно дорогой. В пушной торговле именуют его (без всякого, впрочем, основания) то бобром, то опоссумом, то скунсом, а то и аделаидской шиншиллой. В 1904 году Австралия экспортировала в Лондон и Нью-Йорк четыре миллиона шкурок кузулисов! И в последующие десятилетия избиение лисохвостых сумчатых продолжалось: в 1920 году с июня по сентябрь, когда была разрешена охота, пали под выстрелами сто тысяч, а за зимний сезон 1931/32 года — больше миллиона лисохвостых.

Теперь кузулисы почти повсюду под охраной закона, и охота на них разрешена лишь в определенные сезоны. Их два

вида в Австралии и один в Тасмании, очень схожих. Острая мордочка, лисьи ушки и хвост пушистый. Лапки как у всех древесных сумчатых: с цепкими когтистыми пальцами, ловко хватающими; хвост снизу у конца голый, чтобы удобнее держаться за ветки; и сумка на животе. Так что лиса, да не та...

Редкое животное так мало щепетильно в выборе жилища и его окружения, как кузулис. И кроны стометровых эвкалиптов ему годятся, и низкорослые кусты, и густые тропические леса, и редкие рощи по долинам рек, и расщелины в голых скалах, и дыры в обрывах рек, и кроличьи норы в открытой степи, и даже чердаки. Оттого что в Центральной Австралии самцы-кузулисы часто поселяются в кроличьих норах, родилась абсурдная легенда. Фермеры уверяют — такой выбор жилья сделан старыми греховодниками неспроста: будто бы состоят они в преступном мезальянсе с крольчихами. И будто бы помеси от их сожительства видели. Но это миф.

А вот рассказы о странной беспомощности кузулисов в роковой для них встрече с хищным вараном гоанной, похоже, правда.

Аборигены уверяют: когда варан, цепляясь длинными когтями, лезет на дерево с кровожадными намерениями, кузулисы, услышав скрежет его когтей по коре, вместо того чтобы скорее бежать, сидят и кричат от страха. Чернокожие охотники, учтя эту их непонятную слабость, имитируют, царапая палкой о кору, шорох ползущего по стволу варана, и обманутые зверьки не разбегаются, а лишь в ужасе жмутся друг к другу.

Два других ненавистных врага кузулисов — клинохвостый орел и динго. Дикие собаки раскапывают тех, что прячутся в кроличьих норах, в дырах по обрывам рек и между корнями деревьев.

Пропитание кузулисы ищут и находят на деревьях и кустах, опустошают временами и сады. Разоряют птичьи гнезда, едят и мертвых птиц, возможно, и кроликов (тоже скорее всего мертвых) — в их желудках находили клочья кроличьей шерсти.

В 1858 году обычного кузулиса, а позднее и тасманийского завезли в Новую Зеландию. Многие новозеландцы считают, что посумы теперь бич новозеландских садов, лесов и... линий электропередачи. Заберутся на телеграфные столбы и, устроив короткое замыкание, сами погибнут и целый город оставят без света. Потому приходится новозеландцам обивать столбы жестью, чтобы кузулисы залезть не могли. В Новой Зеландии нравы лисохвостых переселенцев стали определенно более хищными: немало птичьих гнезд разоряют они на новой родине, не найдя, по-видимому, излюбленных своих вегетарианских лакомств.

Размножаются кузулисы в мае — июне. В сентябре единственный, как правило, детеныш уже покидает мамину сумку. В октябре — декабре живет один, а в январе окраской и телосложением он вполне взрослый.

Кузулисы очень беспокойные соседи. Они нередко поселяются в парках, около домов или даже на чердаках, и их громкие крики «ка-ка-ка!» не дают людям спать по ночам.

Когда кузулисов пытаются прогнать, они только усиливают свои пронзительные вопли, в которых слышится и скрежет металла, и визгливый хохот.

Рассказ о поссумах закончим знакомством с кускусом.

Кускусов семь-восемь видов. Родина их, по-видимому, Новая Гвинея с прилежащими островами. Отсюда они переселились в Австралию, но лишь на крайний ее север — в тропические леса полуострова Кейп-Йорк. Зверьки довольно крупные, с большую кошку, ушки у них маленькие, едва заметны в гуще меха, у самцов (наиболее обычного вида) — светлые пятна, неопределенным мраморным рисунком разбросанные по спине. Но хвост наполовину (ближай-

Около семи видов кускусов обитают в лесах и густых кустарниках на крайнем северо-востоке Австралии, в Новой Гвинее, на Сулавеси, архипелаге Бисмарка, Соломоновых и некоторых ближайших островах. Это пятнистый кускус, родина его — Австралия и Новая Гвинея.

шую к концу) голый, бесшерстный и порос жесткими чешуями.

Кускусы — первые из древесных сумчатых, которые попали в руки зоологов (в 1780 году), и потому все семейство посумов обозначают их родовым именем — фалангериды. Часто фалангерами (родовое научное имя кускусов) называют всех посумов вообще. Но лучше, говорит Эллис Трофтон, сохранить за ними старое прозвание посумов.

Кускусы днем спят, свернувшись, в развилке ветвей. Ночью медленно, тихо, на манер американских ленивцев или азиатских толстых лори, переползают с

ветки на ветку, страхуя свои неторопливые передвижения цепко хватающимся за сучья хвостом. Едят листья (и довольно много), но если поймают сонную ящерицу или найдут гнездо с птенцами, без смущения отправят их в свой всеядный желудок. Из всех поссумов кускусы наиболее плотоядные.

Беременность у кускусов — всего каких-то тринадцать дней (лишь у малой сумчатой куницы на два дня меньше, у всех других больше). Спешащие раз решиться от бремени кускусихи рожают двух, реже четырех, крошечных «недоносков».

Еще три вида поссумов населяют леса Австралии (и шесть видов — Новой Гвинеи), но они мало изучены и ничем, насколько известно, не замечательны. Поэтому беды большой не будет, если знакомство наше с ними не состоится.

БАНДИКУТЫ, КОТОРЫЕ НЕ БАНДИКУТЫ

«Впереди в кустах что-то еле слышно шуршало. Боб стоял неподвижно, только светил во все стороны, точно маяк. По-прежнему слышался шорох, но никто не показывался, и тут внезапно луч фонарика выхватил из мрака одного из самых причудливых зверьков, каких мне когда-либо доводилось видеть. Он был величиной с кролика, с длинным посапывающим носиком, яркими бусинками глаз и заостренными, как у чертика, ушками. Шерстка грубая, коричневая с желтым отливом, хвост совсем крысиный. Зверек брел по опавшей листве и усиленно что-то вынюхивал; время от времени он останавливался, чтобы поскрести землю своей аккуратной лапкой, — видимо, искал насекомых.

— Кто это? — прошептала Джеки.

— Это длинноносый бандикут, — шепнул я в ответ.

— Не оstri, — прошептала она. — Ответь толком,

— Я не виноват, что их так называют, — рассердился я.

А длинноносый бандикут, не подозревая, что моя жена не верит в его существование, между тем вспахивал носом кучу листьев, словно бульдозер какой-нибудь диковинной конструкции. Внезапно он сел и с минуту чрезвычайно энергично и сосредоточенно чесался. Отведя душу, он еще несколько секунд посидел как бы в забытьи, вдруг сильно чихнул и, продолжая вспахивать листья, скрылся в кустах» (Дже р а л ь д Д а р р е л л).

Несуразное название остроносого зверька, которое смутило жену Даррелла, не только странно звучит, оно еще неточно и двусмысленно.

Бандикут, строго говоря, совсем не бандикут. Называют его, правда, еще язвницей и сумчатой землеройкой за некоторое сходство во внешности и повадках с этим обычным у нас зверьком. Но если это землеройка, то очень большая: с крупную крысу, даже с кролика. Конечно, полного и истинного соответствия тут нет, даже если, приложив слово «сумчатая», внесем некоторую поправку.

Бандикут — тоже нехорошо, потому что имя это уже, как говорят зоологи, преокупировано, то есть

занято другим животным: так называют больших «свинных» крыс Южной Индии и Цейлона.

Итак, русское язвица, пожалуй, нам лучше всего подойдет.

Язвиц (или бандикутов, как вам будет угодно) двадцать видов. Днем спят они в гуще трав и кустов в гнездах, сложенных из обрывков стеблей, листьев, иногда вперемешку с землей. Нор для жилья не роют.

Таковы нравы коротконосых и длинноносых бандикутов. Длинноухие язвицы, или билби, из Центральной Австралии и некоторых западных, юго-восточных и южных районов, напротив, роют норы, и довольно глубокие и сложные: глубиной метра полтора и больше, без запасного выхода. Ход норы, уходя в глубину, постоянно изгибается спирально или под крутыми углами. В норах спят днем (некоторые у входа в нору, в полуметре от него) и тогда нередко затыкают вход землей или песком.

Чтобы шум не будил, засыпая, уши ушами же закрывают: уложат их плотно вдоль шеи назад, потом изогнут вперед, так что концы ушей прикрывают теперь глаза. Да и длинноносую голову свою, опустив вниз, прячут между передними лапами, а сами сидят на корточках на длинных задних лапах, подогнув хвост под брюхо. Пушистый шарик получается. Иногда, прислушиваясь, одно ухо поднимут торчком, а второе спит, сложенное пополам на голове.

Это у билби, длинноухих язвиц, на конце хвоста коготь, как у льва и ногтехвостого валлаби. Возможно, такой хвост помогает лапам копать нору или сгребать листья и стебли для гнезда. С точностью неизвестно.

С сумерками язвицы пробуждаются, и тогда их обуревают такая жажда деятельности, словно до рассвета должны они успеть переделать массу всяких дел. То вприпрыжку, то рысцой бегут, смешно выгибая спинки. Суетятся, суют свою острую мордочку в каждый закоулок под кустом и камнем, вынюхивают, скребут, копают землю тут и там. Ищут в земле и на земле червей, насекомых, ящериц, мышей, разные клубни и коренья. В садах и огородах, бывает, губят язвицы немало картофеля, перекопав грядки коническими ямками. Но этот малый вред вполне компенсируют уничтожением множества личинок жуков и мышей.

Поймав мыш (или червя), язвица забавно скребет ее лапами, долго мнет и катает по земле, пока добыча не превратится в бесформенный ком. А потом, обнюхав внимательно, съест или бросит, смотря по настроению. Но если решит съесть, тщательно очистит от грязи и мусора, ловко орудуя длинными пальцами передних лап.

Драчливы и в тесном помещении не терпят себе подобных. Дерутся, наскакивая и царапая лапами, задними и передними. Кусаются в крайнем случае. Когти у язвиц острые, и, царапаясь, они сильно раздрают друг другу кожу.

Один бандикут, оставленный на ночь с другим в клетке, буквально «ощипал» своего соседа, с которым что-то не поделил.

Размножаются одни в мае—июне, другие в любое время года. В сумке, которая, как у коала и хищных сумчатых, открывается назад, шесть или восемь сосков, но детенышей один, два или четыре.

Аборигены и фермеры охотятся на язвиц, считая мясо их вкусным, как кроличье. Австралийцы, например, ловят этих длинноносых «кроликов» таким забавным приемом. Выследив (одним им ведомым способом), где в густой траве спит в гнезде (или у норы) умаявшийся за ночь бандикут, подкрадываются поближе и вдруг падают, растопырив руки, на гнездо.

Прежде Австралия изобиловала бандикутами, теперь их все меньше и меньше: на глазах вымирают, исчезая в алчных желудках людей, собак, кошек, лисиц.

ДВА СУМЧАТЫХ ОРИГИНАЛА — МУРАШЕЕД И КРОТ

Мурашеед, по-местному именуемый нумбатом, — один из самых зубастых зверей. Пятьдесят два зуба, сами понимаете, не шутка! Правда, зубки-то небольшие и вроде бы недоразвитые. Но столь исключительная многозубость говорит о многом. В частности, о том (так думали до недавнего совсем времени), что мурашеед живой и, как ни странно, прямой потомок мезозойских трехбугорчатых насекомоядных сумчатых — родоначальников всех сумчатых зверей вообще. Если так, то зверь этот, пожалуй, самый древний на Земле. Даже более древний, чем утконосы и ехидны, которые хоть и очень примитивны и происходят от еще более примитивной ветви млекопитающих с многобугорчатыми зубами, однако же приобрели, эволюционируя, ряд специализированных и новых черт и потому достаточно полной копией своих предков считаться не могут.

Иное дело мурашеед. Возможно, вполне так, как он, и выглядели некоторые его трехбугорчатые мезозойские предки. Но вот, увы, новый взгляд на его многозубость эту гипотезу (или иллюзию) опровергает. Скорее всего, полагают некоторые специалисты, обилие крохотных зубов, наполнивших рот мурашееда монотонным однообразием, признак не первичный, а вторичный: результат приспособления к своеобразной и однообразной диете, перемалыванию хрупких пан-

цирей термитов и муравьев (впрочем, только крупных, мелких он глотает целиком!).

Другая мурашеедова оригинальность — это сумчатый без сумки! Нет ее совсем. Детишки, рождаясь, ползут к ничем не покрытым, кроме курчавой шерсти, соскам на брюхе у матери и, присосавшись, висят на них. Позднее, когда станут потяжелее, цепляются еще и за шерсть, укрывающую их со всех сторон густой порослью. Нечто подобное наблюдаем мы на другой стороне Тихого океана у некоторых южноамериканских опоссумов. А по эту сторону, в Австралии и поблизости от нее, больше ни у кого.

Нумбат — зверек небольшой, с белку, и хвост у него похож на беличий, особенно когда он в излюбленной своей манере несет его слегка закинутым на спину, как часто делают и наши белки. Довольно жесткий мех окрашен изысканно красиво: орехово-красновато-бурый, более темный к крестцу и с шестью яркими белыми полосами поперек спины. По бокам морды — от носа, через глаза и дальше к ушам, — как завершающий красочный штрих довольно своей работой художника, изящно кинута темная продольная полоса.

Живут нумбаты в полном одиночестве в кустарниках и сухих лесах, где много гниющих на земле эвкалиптов. Нор не роют, высоко на деревья тоже обычно не залезают. Ночью спят в гнездах, сплетенных из сухих листьев, в дупле поваленного ветром или старостью дерева. Копаясь в земле ради термитов, мурашееды взрыхляют ее неглубоко, сантиметров на пять. С той же гастрономической целью крошат крепкими когтями гнилые стволы, а потом суют узкую мордочку во все закоулки трухлявой древесины и, быстро-быстро выбрасывая и втягивая клейкий язык, слизывают и глотают прилипших к нему термитов и муравьев.

О нравах и повадках нумбатов мы знаем немного. Дэвид Флей, один из самых деятельных австралийских натуралистов, два месяца наблюдая за полуручным мурашеедом, добавил к нашим скудным познаниям о нем кое-какие интересные подробности.

Его воспитанник, вернее, воспитанница — «маленькая мисс Нумбат», засыпая в сумерках, проводила ночи в полной оцепенелости, поражая своей редкой даже для сумчатых неподвижностью. Порой беспокоились, проснется ли она живая. Но она просыпалась и, словно желая возместить потерянные в бездействии часы, бегала без устали то скачками, то мелкой рысцой, забавно вереща «тут-тут-тут», заглядывая в разные углы и разрубленные чурбаны, где, знала, ждали ее вкусные термиты. Но странно: обычно до полудня к ним не прикасалась. Аппетит приходил поздно — ленч был ее первым завтраком. Ей предлагали разную еду на выбор: термитов, муравьев, мучных чер-

вей, жуков, дождевых червей, сырые яйца, молоко, хлеб, но «маленькая мисс Нумбат» предпочитала то, что труднее всего было добыть в нужном для нее количестве, — термитов. Аппетит на этих насекомых был у нее неиссякаемый. Она без особого труда забира-лась даже на довольно высокие термитники. Поев, любила греться на солнце, блаженно распластав все четыре лапы и высунув язык.

Это кроткое создание не царапалось и не куса-лось, даже если против ее воли брали ее на руки. Увы, малышка скоро умерла, укушенная ядовитым пауком.

Два вида мурашеедов живут только в Австралии и больше нигде. Обычный, о котором была речь, — на крайнем юго-за-паде пятого континента. И рыжий нумбат (у него шерсть на спине ярко-рыжая, особенно на крестце и передних лапах, ко-торые прямо-таки красные) уцелел еще кое-где в Южной Авст-ралии на очень небольшой территории.

И того и другого редкостного зверька лисы, невольные иммигранты из Европы, грозят быстро извести. Ночью, как ли-сицам в общем-то и подобает, без особого труда находят они этих возможных выходцев из эры динозавров, не приспособлен-ных к нашим динамичным дням, и с хрустом без смущения по-жирают.

Второй австралийский оригинал сумчатый крот («оорквасмата» на языке аборигенов), когда его впер-вые поймали в 1888 году, произвел не меньший пере-полох, чем в свое время утконос.

В самом деле, вначале его готовы были признать даже и не сумчатым, а родичем африканского злато-крота, на которого он очень похож. Но потом сумку у кротов женского пола все-таки заметили — открыв-ается она назад. По этому, а также и по зубам ре-шили, что происхождением своим сумчатый крот бли-зок к бандикутам.

Внешне это самый настоящий крот, со всеми подо-бающими атрибутами. Телосложение такое же, все четыре лапы — роющие лопаты, как у кротов (перед-ние скорее заступы: на каждой по два больших ост-рых когтя). Глаза и не ищите — их снаружи не видно, а внутри, под кожей, они есть, но дегенеративные, почти полностью атрофированные, не только ничего не видят, но даже свет от тьмы не отличат.

И наружного уха нет. Лишь едва приметная ды-рочка под шерстью.

Шелковистая, нежная шерсть не темная, как у на-шего крота, а кремово-белая или золотисто-желто-красная. Она опалесцирует, как драгоценный камень. И еще в отличие от нашего сумчатый крот нор-тунне-лей не роет. Живет он в почве песчаной, быстро осыпающейся, копается неглубоко — лишь сантимет-рах в семи от поверхности. Естественно, сыпучий пе-

сок сразу же за его голым и коротким хвостом наполняет вырытую нору. Чтобы подышать, должен этот крот, пройдя несколько метров под землей, выбираться на поверхность. Проползет немного, извиваясь червем, и снова сует острую мордочку, прикрытую на носу ороговевшим щитком, в песок, лапами рыть помогает и вмиг исчезает, словно ныряя в сыпучие пески.

Удивительно, хотя определенной биологической зависимости, по-видимому, тут и нет, что у многих землероющих, похожих на кротов животных шерсть с золотистым или серебристым блеском! У африканских златокротов и их разновидности — медных кротов, у американских мешетчатых крыс, гоферов и африканской кротовой крысы мех тоже с серебристым или золотистым гляncем.

В ноябре самки сумчатых кротов роют довольно глубокие норы в подходящей для этого почве и там, в глубине, рожают и выкармливают двух крохотных детенышей.

Два вида сумчатых кротов в Австралии — один живет в Южной Австралии, второй, более короткомордый и мелкий, без ложнокоренных зубов в нижней челюсти, — в тысяче миль к северо-западу от первого.

ХИЩНИКИ ПЯТОГО КОНТИНЕНТА

— Сэр, мы поймали его.

— Кого?

— А тигра или гиену, как хотите, так и называйте. Гаррис вскочил, бросив свои расчеты.

— Гиену? — закричал он. — Тигра?

— Да, гиену или тигра, — спокойно отвечал траппер, теребя шляпу в красных руках. — Она там — попала в капкан. Мы убили кенгуру и положили мясо вокруг. Ну, гиена и пришла. Попалась...

— Так идем же скорей!

— Как будет угодно.

И они зашагали по узкой тропинке. Она вела в горы, в самые джунгли.

«Гиена или тигр» метнулась от них, но железные челюсти капкана удержали ее. Тогда она закричала странным каким-то криком, похожим на сиплый гортанный кашель. Жалобно закричала. И притаилась. Ее ясные карие глаза смотрели на людей без злобы, бесстрастно, словно не видели их. У нее была голова волка с огромной пастью, которая открывалась очень широко. «Как у крокодила», — вспомнил Гаррис рассказы охотников. Шерсть серо-бурая, тоже вроде бы собачья, но с полосами. Шестнадцать темно-шоколадных полос, и все поперек спины, самые широкие и длинные у хвоста.

Гаррис — он работал в Тасмании топографом — был неплохим натуралистом, но такого зверя еще не встречал, хотя и много слышал о нем: разные слухи ходили о гиенах и тиграх среди местных пастухов и охотников. Ученые же об этом звере ничего не знали.

Гаррис как умел зарисовал тасманийского «тигра» и в 1808 году описал его в научном журнале под названием *Thylacynus cynocephalus*, что означает в переводе на русский язык: «сумчатая собака с собачьей головой». Теперь этого зверя называют обычно сумчатым волком, или тилацином.

Сумчатый волк немного похож на обычного. Правда, полосатый, да и задние ноги чересчур «поджыватые», как говорят собаководы: плюсна стоит не отвесно, а косо, подогнута вперед, отчего сумчатый волк, когда ходит, часто опирается на пятку (скакательный сустав). Он и пальцеходящ, как почти все звери, и стопоходящ, как медведь или барсук. Поэтому и следы у него не по росту крупны. Кроме того, у тилацина не шесть резцов, как у собак и волков, а восемь, а в костном небе черепа слишком большая щель. Есть у него и немало других отличий от настоящих волков, и главное из них — сумка на брюхе, в которой полосатые волчицы вынашивают своих волчат. Сумка открывается не вперед, как у кенгуру, а назад. В ней две пары сосков: это значит, что щенков у тасманийского волка может быть только четыре или меньше. Но не больше, потому что каждый, как родится (обычно в декабре) и доберется до сумки, сейчас же хватает сосок и висит на нем, не отрываясь, пока не подрастет.

Прежде, в доисторические времена (а возможно, и несколько сот лет назад), сумчатые волки водились в Австралии, а еще раньше, по-видимому, и в Южной Америке: ископаемые кости похожих на них животных нашли в Патагонии. Теперь же сохранились (сохранились ли?) только в Тасмании. Днем они прячутся в недоступных горах — в норах и пещерах. Охотятся ночью парами или в одиночку. Кенгуру, валлаби, крысы, птицы, даже ящерицы и ехидны — их добыча. Бегают не очень быстро, но чутье у них отличное. Часами, говорят, скачут мелким галопом (кентером) по следу, загоняют свою жертву до полного изнеможения и тогда хватают ее.

Однажды видели, как кенгуру в большом смятении промчался мимо людей, а минут через десять по его следу проскакал сумчатый волк, «уткнувшись носом в землю и вынюхивая кенгуру». А потом, еще через четверть часа, по тем же следам пробежали два молодых волчонка. Животные были так заняты друг другом, что на людей совсем не обратили внимания.

Рассказывают, будто сумчатый волк, спасаясь от погони и потеряв надежду убежать обычным путем, поднимается вдруг на задние ноги и скачет, как кенгуру. Не очень-то это похоже на правду, но Эллис Трофтон говорит, задние ноги сумчатого волка устроены так, что он, пожалуй, и в самом деле может скакать на манер кенгуру, хотя, по-видимому, и недолго.

Говорят также, что в драке сумчатый волк побеждал любую собаку, отбивался будто бы даже и от целой своры. Нападал ли он на людей? Раньше, когда волков этих было побольше, такое иногда случалось. Правда, очень редко. Лет семьдесят назад некая мисс Мёрри стирала белье на опушке леса. Вдруг из кустов выскочил волк-тилагин и схватил ее зубами за руку. Она уперлась в него другой рукой. Отбиваясь, дотянулась до лежавшей поблизости мотыги, наступила на длинный волчий хвост и пустила в ход свое оружие. Зверь испугался и убежал. Он был слепой на один глаз и очень старый. Наверное, волк-агрессор не мог уже ловить зверей и птиц, и голод толкнул его на этот отчаянный поступок.

Белые поселенцы в Тасмании невзлюбили «гиен», убивали их при каждом случае. Убивали за то, что те нападают на овец, которых здесь разводят. Правительство Тасмании выдавало премии за каждого убитого сумчатого волка. И вот тилацины к началу нашего века уцелели только в самых глухих горных лесах острова. А после войны их вообще никто здесь не встречал: последнего сумчатого волка застрелили в 1930 году. Следы же тилацинов видели еще в 1948 и 1957 годах. Многие зоологи считают, что все сумчатые волки уже вымерли. А жаль, это очень интересные звери! В зоопарках тоже не осталось ни одного сумчатого волка. Впрочем, в 1961 году на западе Тасмании один сумчатый волк попал будто бы в капкан. Его не видели, он убежал, но клочья шерсти, которые остались в капкане, убедили знатоков, что это был именно тилагин. Клочки такой же шерсти нашли пятью годами позже в заброшенной печи.

Все сумчатые, о которых до сих пор шел рассказ, не хищники. Правда, многие из них при случае и съедят кое-кого в перьях или в шерсти, не очень крупного. Но это у них, как у свиней, скорее всеядность, чем истинная плотоядность. Сумчатый волк и два племени близких его родичей — дело совсем другое. Они хищники, и настоящие, как кошки или собаки, нам всем хорошо знакомые.

Впрочем, не два, а три, если с сумчатыми волками, куницами и дьяволами по вполне законным причинам родства соединить и сумчатых мышей.

Итак, сумчатые куницы и дьяволы. Первые действительно похожи на куниц, но пятнисты, как леопарды (пятна, правда, не черные, а белые на желто-буром или сером фоне), и живут, в общем, на деревьях. Сумчатые дьяволы напоминают скорее небольших медведей и по деревьям не лазают.

Сумчатых куниц шесть видов. Местами их еще немало, даже вокруг крупных городов на востоке Австралии: в предместьях и садах. Одна недавно забралась на автомобиль, и там ее поймали.

Сумчатые куницы, или «туземные коты», бесстрашны и хищны: ящерицы, насекомые, мыши, крысы, кролики, птицы и даже мелкие валлаби постоянно опасаются острых зубов этих проворных зверьков. Таскают они и кур из курятников, но фермеры на них теперь в меньшей обиде, сообразив, как много вредоносных мышей уничтожают австралийские куницы. Днем обычно они спят в расщелинах, между камнями или в дуплах (свернув уши, чтобы шум не мешал). Охотятся ночью, но бывает, и при свете дня. Одни предпочитают рыскать по земле, другие — по деревьям.

Пока кунице не пришло время рожать, сумки у нее нет. А когда такая пора приближается (обычно в мае), тогда появляется и сумка, готовая принять шестерых (столько у матери сосков) детенышей. Но рожают их куницы, бывает, и вчетверо больше, чем могут выкормить, — 24! Все вовремя не добравшиеся до сосков погибают. Беременность, несмотря на такое обилие зародышей, тем не менее самая короткая в мире зверей: у малой куницы, например, лишь одиннадцать дней. Ручные куницы очень послушны, привязчивы и проказливы. Фермеры, приручив их, держат в доме вместо обленевшихся кошек, которые ловят мышей хуже проворных сумчатых хищниц.

Сумчатый дьявол совсем другого нрава: он не только просто хищный, как плотоядному зверю и положено, он действительно зол и бешен, как дьявол. И рев у него воющий, с хриплым кашлем в вокальном финале, неприятный и даже жуткий. Зверь черный, с белыми пятнами на груди, боках и огулке. Плотный, коренастый, коротконогий, а пасть у него прямо-таки несоразмерно велика — очень внушительная пасть, и челюсти сильные. Защищается сей дьявол во плоти отчаянно, так что не всякая собака его одолеет, хоть росту он и не очень большого: около метра вместе с хвостом, а в хвосте почти треть всей его длины.

Ест всех, кого поймают: ящериц, крыс, валлаби, попугаев, лягушек, раков. Любят эти звери бродить по берегу и подбирать дары моря. Немало курятников

*Сумчатая куница.
Кроме завезенных
людьми диких собак
динго, сумчатые
куницы
единственные
«крупные»
(с кошку и меньше)
хищники
Австралии.*

они разорили и овец загрызли, за что фермеры, чрезвычайно невзлюбив, истребляли этих зверей. Сумчатых дьяволов тогда было много: рассказывают про одно пастбище, где собирали ежедневную дань сразу около ста пятидесяти сумчатых разбойников. Ныне дьяволов стало меньше, уцелели они в достаточном для продления рода числе лишь в горах Тасмании. Но было время, и сравнительно недавно, водились сумчатые дьяволы и в Австралии: о том говорят ископаемые их кости. Правда, в 1912 году одного поймали в шестидесяти милях от Мельбурна. Но полагают, он скорее всего бежал из зверинца. Однако, говорит Эллис Трофтон, очень уж свежие, не ископаемые, кости этих зверей часто находят среди кухонных отходов австралийских аборигенов. Так что, возможно, живут они еще где-нибудь в глухих местах и на материке и не спешат попасть в руки ученых для решения вопроса, есть ли в Австралии сумчатые дьяволы.

Умываются эти звери очень забавно: почти по-человечески — не как кошки, одной лапой, а сразу двумя, сложив их лодочкой.

Четырех дьяволят сумчатые мамы рожают в мае. В сентябре из сумки, обращенной назад, торчит

Тасмании с хищниками повезло больше: здесь, кроме сумчатого волка, обитают сумчатые дьяволы.

Ростом они с небольшую собаку и весят некоторые до девяти килограммов.

хвост уже подростовшего дьяволенка. Мать в ту пору (часто это видели) спешит куда-нибудь в глухое место с пучком сухой травы в пасти — готовит гнездо для сосунков. Скоро они вылезут из сумки и будут жить в гнезде. Молодые сумчатые дьяволы зверьки живые и ловкие, легко лазают по деревьям, чего грузные взрослые уже не могут.

В одно семейство австралийских хищников вместе с сумчатым волком, дьяволом и кунницами зоологи зачислили и самых крошечных из сумчатых созданий — мышевидок. На мышей они лишь внешностью похожи, а хищными нравами и повадками ближе к нашим землеройкам, чем к мышам. Да и резцов у них слишком много для грызуна: восемь в верхней челюсти и шесть в нижней.

Мышевидок, или сумчатых мышей, как их обычно называют в Австралии, 39 видов. Телосложение у них разное: одни похожи больше на миниатюрных кенгуру или тушканчиков и так же скачут на двух длинных задних ногах, другие — на землероек, мышей, крыс; у одних хвосты крысиного образца — голые, у других очень даже пушистые, с роскошной кистью на конце, у третьих, жирохвостых, вздуты по причине запасенного здесь жира.

Познакомимся поближе с одним таким жирохвостиком — сминтопсисом толстохвостым. Живет он в кустах и траве на юго-востоке и юго-западе Австралии. Ростом с мышь, но мордочка остренькая, как у землеройки. Да и повадками скорее землеройка: очень подвижен, энергичен, не по росту прожорлив. Мышей, которые бывают и побольше его, убивает без труда. За ночь один сминтопсис съел пять личинок майского жука и трех небольших ящериц (этих

вместе с костями, кожей и хвостом!), которые все вместе весили на четверть больше, чем их алчный пожиратель.

Гнезда плетет меж камнями, в кустах, в дуплистых пнях.

В июле шесть, а то и десять крошечных потомков жирохвостой сумчатой мыши, как только вылезут из сумки, забираются к маме на спину и висят, крепко уцепившись, на ее боках. Она их носит. Если погнаться за ней, всех с себя скинет — крошки спрячутся где успеют. А мать, обманув погоню, вернется за ними. Попискивает — сзывает милых чад. Они пищат в ответ и резво бегут к ней. Оседлают, как прежде, и караван из одного «верблюда» и десяти седоков трогается в путь.

Кистехвостая мышевидка, или тафа, цветом серая, а ростом с белку. Живет на деревьях и нравом похожа на горностаю или ласку. Хищна и ловка. Называют ее еще «сумчатым вампиром» за то, что, задушив курицу, сосет и лижет ее кровь.

Многие сумчатые звери пятого континента повадками и даже видом своим (вплоть до характерных пятен на морде, груди или хвосте) очень напоминают некоторых несумчатых животных Старого и Нового Света, хотя совсем и не сродни им, а произошли от разных предков. Есть в Австралии и свои белки-летяги, куницы, кроты, землеройки, муравьеды, волки и тому подобные более или менее похожие копии заморских «оригиналов».

Но нет в Австралии двойников кошек, ни мелких, ни крупных: сумчатых, например, рысей, леопардов, тигров...

Поэтому, говорят некоторые зоологи, если тигров в Австралии и нет, то им следовало там быть.

И молва утверждает: тигры в Австралии встречаются кое-где. На полуострове Кейп-Йорк, например.

ВЕСЬМА ПАССИВНАЯ САМООБОРОНА

С австралийскими сумчатыми на этом и покончим, но есть еще американские двуутробки. И немало: 65 видов опоссумов и 7 видов сумчатых крыс. Все живут в Центральной и Южной Америке, кроме обыкновенного опоссума, который нередок еще в восточной половине США (к северу до Великих озер) и кое-где на западном побережье этой страны.

Вообще-то родина обыкновенного опоссума, как и всех сумчатых Нового Света, Южная Америка. Но в минувшие тысячелетия опоссумы ринулись в наступление на Северо-Американский континент, и поход их продолжается: в последние годы опоссумы расселяются по Соединенным Штатам все дальше

и дальше к северу. Негустые леса и кустарники, даже вокруг ферм и среди полей, вполне их устраивают. Днем спят они где-нибудь в дупле, на ветке или среди камней. Листья и траву для гнезда носят, подцепив их гибким, голым хвостом. Когда вечерняя заря гаснет, выходят опоссумы на промысел. Зверьки не капризны: едят все, что попадется, — и дикий виноград, и сливы, и сочные листья, и кукурузу на полях. Жука по дороге схватят и съедят, ящерицу поймут или мышь — и туда же, в желудок. Раки и крабы — лакомство для опоссумов. Птичьи яйца тоже очень любят и не ленятся высоко за ними лазать (хотя в общем-то довольно ленивы). Если ветка, на которой свито гнездо, слишком тонка и по ней подобраться к нему невозможно, опоссум умудряется ограбить птицу способом, прямо сказать, акробатическим. Подползет по суку, что растет над гнездом, уцепится хвостом, повиснет вниз головой и передними лапами яйца из гнезда ворует.

А лапы у опоссума почти как руки: с пятью ловкими длинными пальцами. Передние и задние одинаково хваткие. Большой палец на задних лапах (он без когтя) противопоставляется, как на нашей ладони, всем другим.

Плотно покушав (опоссумы очень прожорливы), любят двутробки, зацепившись задней ногой и хвос-

*Обыкновенный
опоссум —
единственное сумчатое
Северной Америки, но
обитает он и в Южной
Америке.*

том (или одним хвостом) за сук, висеть вниз головой и покачиваться, блаженно переваривая обед.

В Америке говорят «играть в опоссума», то есть притворяться. На такие штучки опоссум большой мастер. Актер, каких мало. Когда он чувствует, что попал в скверную историю, сильный враг готов его схватить (или уже схватил), а бежать некуда, то притворяется мертвым. Даже с дерева трупом падает и лежит как дохлый, закатив остекленелые глаза и раскинув будто окоченевшие лапы. А то и язык высушет, войдя в роль! Лежит долго — столько, сколько надо, чтобы обмануть человека или хищника, который не ест дохлятины. «Мертвеца» можно отбросить ногой или схватить за хвост и кинуть подальше, он не выдаст себя «даже дрожанием век». Как только потенциальная смерть на двух или четырех ногах удалится, опоссум сейчас же вскочит и скорее бежать в кусты.

О том, что притворство часто спасает жизнь, много говорить не нужно. Животные, у которых есть такой инстинкт, выходят без вреда из очень опасных ситуаций. Катаlepsия, или акиназа, — это мнимая смерть в интересах самообороны, вернее, неподвижность, имитирующая смерть. Пауки и жуки, цепenea в катаlepsии, как и опоссум, наверное, не раз разыгрывали перед вами акинетические пантомимы.

К зиме североамериканские опоссумы сильно жируют. А когда холода придут, много спят. Но это не настоящая зимняя спячка, просто долгий и глубокий сон. А если денек потеплее, то и опоссум, бывает, проснется и скачет по липкому снегу в надежде кое-кого съесть.

Опоссумы убежденные индивидуалисты, живут в одиночестве. Но когда придет время подумать о продлении рода (кажется, случается это дважды в году), самец и самка, снизойдя друг до друга, на время забывают о своей необщительности, дни и ночи проводят вместе. Беременность так же коротка, как супружество: двенадцать с половиной дней. Опоссумчики рождаются меньше пчелы. Весит каждый по два грамма. Но ползут, умудренные инстинктом, путаясь в волосах у мамы на брюхе, спешат — кто скорее! — в сумку забраться. Этот трудный кросс по пересеченной шерстью местности решает их судьбу. Рождается их нередко двадцать, а сосков у матери только 12—13, и кто опоздает ухватиться — погибнет.

Через месяц счастливики, повисшие на сосках, ростом уже с мышь. Еще через три недели — с крысу. И тогда, впервые растянув глазные щели, таращат свои глазки, хотя там, где они живут, темно, как в пещере. Дней через семьдесят навсегда

бросают соски и выскакивают из сумки порезвиться на воле и поест: мать делит с ними свою добычу. Больше не сосут молоко, но тут же ныряют в сумку при каждом подозрительном шорохе и испуге. Дней через сто после рождения мать своих чад больше в сумку не пускает. Зверята виснут у нее на спине, и перегруженная потомством опоссумиха, стараясь его не растерять, осторожно путешествует в зелени ветвей.

Прежде североамериканского опоссума (под названием виргинского) считали особым видом. Сейчас полагают, что виргинский опоссум лишь разновидность очень похожего на него южноамериканского. У обоих цвет меха изменчив — черный, серый или почти белый. Подшерсток мягкий, а ость очень длинная, редкая, далеко торчит из подшерстка светлыми вроде бы щетинками. Морда у северного опоссума почти белая, у южного — темная, иногда черная.

Хоть опоссум, уничтожая вредных грызунов, оказывает людям большие услуги, его всюду преследуют — из-за мяса, но главное — ради меха. Шубы из опоссума получаются красивые (особенно если длинная светлая ость на них не щипана) и стали модны. Так что плохо теперь придется опоссумам: к тому миллиону, что их убивали ежегодно, наверное, прибавится еще не один.

Шерстистый опоссум — наиболее известный из южноамериканских сумчатых средних размеров; голый наполовину хвост (в основании он пушистый) длиной у него в полметра. Около того или чуть короче и все тело с головой. Мех пушистый, густой (что для тропического жителя довольно необычно), золотисто-коричневый сверху и желто-бурый на брюхе. Глаза большие, выпуклые, но днем видят плохо. Однако для шерстистого опоссума это не так уж и важно, поскольку, пока светло, он спит беспробудно в уютном гнезде на вершине полюбившегося ему дерева. Привязанность к обжитому дереву у него как у кошки к дому: по два-три месяца не покидает и, лишь когда опустошит окрестности, меняет местожительство. Поскольку главное и лакомое блюдо шерстистого опоссума весьма обильно в тропиках (даже на одном дереве!) — насекомые, немного фруктов и молодых листьев и для разнообразия всякого рода падаль, — часто менять свои владения ему не приходится.

У самки выводковой сумки нет и не будет, даже когда родятся недоразвитые отпрыски. Пока они еще ростом с пчелу, висят на сосках, почти срастаясь с ними. Подрастая, цепляются хвостиками и лапками за мамкину шерсть и, облепив ее всю сплошь многоголовым пушистым комом, предоставляют породившему их зверю все заботы о передвижении.

**Южноамериканский
шерстистый опоссум:
самоотверженная
мать, обремененная
детьми.**
Ухватившись хвостом
за ветку, любят
опоссумы висеть вниз
головой.

Есть в Южной Америке опоссумы, которые носят детишек, разместившихся на их спинах и ухвативших своими хвостиками изогнутый над ними хвост матери, словно некую подвесную опору.

У родительниц мышинного опоссума сумок-колыбелей для новорожденных тоже нет: лишь на сосках, ничем, кроме шерсти, не прикрытых, висят полуграммовые детишки. Как только им исполнится месяц от роду и откроются глаза, перебазироваться малыши на мамину золотисто-бурую спину и на ней развешиваются.

Мышиные опоссумы с подкрашенными кровью голыми ушами и хвостами скачут ночами по банановым плантациям и опушкам тропических лесов в Центральной и Южной Америке (от Мексики до Бразилии). Сверчки и другие насекомые, фрукты — желанная цель их полуночного «подвижничества». Светлым днем цепенеют в глубоком сне в темных дуплах или переделанных на свой вкус птичьих гнездах.

Самый страшный враг этих малышей — коати-носуха, из енотов. Но и ей не сдаются без боя. Ощетинившись, грозя острозубой пастью, отчаянно верещат, кусаются, и бывает, их безудержная ярость побеждает силу.

В семействе американских опоссумов есть зверек, который повадками вполне копирует выдру. Это плавун, или япок. Прежде, когда плохо его знали, числился япок в зоологической классификации рядом с выдрами. Теперь ясно, что он водяной опоссум, а не выдра.

Живет плавун по берегам небольших рек и ручьев от Гватемалы до Бразилии, всюду довольно редок. У него плавательные перепонки между пальцами, шерсть пепельно-серая с черным ремнем вдоль хребта и широкими полосами поперек тела. Хвост голый и лишь у самого корня волосатый. Япок роет норы в обрывах рек и плавает много, и днем и ночью: ловит рыб и раков. Мелких собирает в защечные мешки. Когда поймает большую рыбу, которую в этих карманах не спрячешь, вылезает на берег и там ест ее.

Плавуны очень скрытны, и о их жизни мало что известно.

НАСЕКОМОЯДНЫЕ

Их восемь семейств и 374 вида. Живут насекомоядные в общем-то там, где сумчатых нет: на всех континентах и многих островах, кроме Австралии, Тасмании, Новой Гвинеи, Новой Зеландии и Южной Америки (за исключением небольших ее областей в северо-западном углу этого материка). В Заполярье насекомоядные тоже не водятся.

Насекомоядные — зверьки маленькие, но зоологическая история у них большая. Сто миллионов лет назад, в меловом периоде, когда еще динозавры сокрушали хвосты невиданной с тех пор мощью своих подошв, насекомоядные уже жили в истоптанной зелени под ногами у ящеров-исполинов. От тех древних юрких зверьков произошли все звери: кошки и собаки, олени и зайцы, полуобезьяны и обезьяны, а от обезьян — и человек. Только сумчатые ведут свой род от генетически близкого, но иного корня — сумчатых трехбугорчатых, тоже насекомоядных, если судить по их обычному пропитанию. Прародителями насекомоядных наших дней были трикодонты. Так что пути развития клоачных сумчатых и несумчатых высших зверей разошлись очень давно, наверное 150 миллионов лет назад.

И сейчас еще у насекомоядных зубы почти такие же, как были давно, — бугорчатые, один на другой похожие: клыков, резцов и коренных у них, можно сказать, и нет. Мозг тоже примитивный — без извилин, гладкий. Большие полушария невелики: не покрывают мозжечок.

Самое маленькое на Земле млекопитающее, землеройка (белозубка-малютка ростом с мизинец, длина ее тела 34—48 миллиметров плюс 22—31 миллиметр хвостик) — насекомоядное. Еж — гроза гадюк, подземный житель крот, выхухоль, плавающая в дорогой шубке, — тоже насекомоядные. На Мадагаскаре живут танреки —

«ежи» без колючек. В Вест-Индии — соленодонты, или щелезубы, на них похожие. В Индонезии — тупайи-древозлазы. О них ученые давно спорят: насекомоядные тупайи или полуобезьяны. Здесь мы последуем за теми, кто считает их все-таки полуобезьянами, и потому о тупаях разговор будет позже. На суше и в воде, под землей и на деревьях живут насекомоядные и всюду к тому, что их окружает, приспособились совсем неплохо.

ТАЙНЫ ЗА ИГЛАМИ

«Еж собирает на зиму пропитание. Он катается на яблоках, упавших на землю. Наколет их на свои иглы и еще одно возьмет в рот и несет в дупло дерева» (Плиний Старший).

Века прошли, Плиний давно умер и многими забыт, но рассказанная им легенда живет. Во многих странах от берегов Англии до Кавказских гор по сей день крестьяне, охотники, поэты, писатели, в немалом числе и натуралисты (среди них Ч. Дарвин!) рассказывают эту странную историю о еже, ворующем яблоки, как о факте само собой разумеющемся, не задумываясь о несуразности, по мнению современных биологов, и очевидной ненужности для ежа такого занятия. Из уст в уста, от поколения к поколению с рядом других традиционных представлений переходит эта молва.

В некоторых рыцарских и дворянских гербах в геральдической условности на века запечатлен еж с яблоками на спине. В Линкольншире, в Англии, жива еще старая поговорка: «Он выгнул спину, как еж, отправившийся за яблоками». Говорят так о человеке ершистого и вздорного нрава.

Загадал еж людям загадку. Те зоологи, что ежей хорошо знают (или полагают, что знают), говорят: яблоки ежу ни к чему, ведь он их не ест! Он насекомоядный: жуки, черви, улитки, лягушки (даже жабы), ящерицы, яйца, птенцы (в разоренных гнездах) и мышата, гадюки, наконец, его прельщают. А яблоки-то зачем?

Но другие люди, не зная всех этих тонкостей (или не придавая им большого значения), уверяют часто, что своими глазами видели, как катается еж на опавших дичках, как, наколов их на иглы, несет куда-то. Даже фотографии такие есть. Однако в наш век технического всемогущества сфотографировать можно что угодно. Так что фото — это не доказательство. Но и отрицание типа «это невозможно, потому что невозможно» — тоже не доказательство.

*Еж с яблоками.
Может быть, эта
фотография
документально
удостоверяет легенду
о еже и яблоках?*

Животные нередко такое проделывают, чего от них, априорно полагая, ожидать никак нельзя. Может быть, в этой странной ежиной повадке и есть какой-нибудь нам пока неведомый смысл.

На чем построено научное отрицание легенды? Первое — еж насекомоядный, растения не ест. Второе — на зиму никакого пропитание ему не требуется, в это время он спит, как медведь или барсук. Третье, наконец, — спинная, стягивающая ежа в шар мышца устроена так, что кататься шаром на спине еж не может. И если распрямит спину и не шаром, а плашмя ляжет на землю, то эта мышца потеряет свою упругость. Лишенные прочной, фиксирующей их опоры, иглы на спине не способны будут тогда проткнута что-либо более или менее твердое.

А каковы контрдоводы? Так ли уж ограничивает себя еж насекомоядной и плотоядной диетой? Сто лет назад в британском зоологическом журнале вопрос этот оживленно обсуждался в нескольких номерах подряд. Были статьи, которые утверждали, что

иногда еж не прочь проглотить и яблоки, и другие плоды. Особенно будто бы на это горазды молодые ежи. В неволе вкусы ежа определенно меняются и от некоторых вегетарианских угощений он не отказывается (от вареного картофеля, например, риса, груш, слив, орехов, семечек подсолнечника, даже от сладкого пудинга и шоколада!). Теперь доказано, что и на воле ежи едят «сочные плоды растений».

Я люблю ежей, и у меня они часто жили. Однажды видел я, как еж, прижав сырую морковь к стене, пытался наколоть ее на иглы своего насуспенного капюшона на лбу. Провозился он недолго, морковь наколол и бродил с ней из угла в угол явно с какой-то непонятной целью. Чего-то в комнате не хватало, чтобы цель эту привести в исполнение. Съел ли он морковь? Нет, даже и не погрыз.

И тут возможно приемлемое, кажется, даже для самых непримиримых противников легенды объяснение загадочных манипуляций ежей с кислыми яблоками, о которых повествует молва.

Замечена определенная склонность ежей к разного рода кислым едким продуктам и веществам. Ежи любят натывать на иглы, например, недокуренные сигареты, пытаются водрузить на себя и зерна кофе. Дым табака, запахи духов и опять-таки кофе им приятен: во всяком случае, ежи в атмосфере таких запахов, взъерошив иглы, будто бы дезинфицируют себя. В этом, возможно, и разгадка тайны!

Многие птицы «купаются» в муравейниках, взъерошив перья и раскинув крылья. Даже, захватив клювом, давят муравьев о свое оперение. Любят дезинфицировать себя и другими едкими веществами и ароматами на манер ежа. И в том и в другом случае делается это скорее всего для уничтожения паразитов, которые нашли приют у птиц под перьями (а у ежа под колючками).

Итак, видимо, еж накалывает на иглы яблоки не для того, чтобы потом съесть (хотя и такое, конечно, возможно), а чтобы кислый их сок (яблоки он ворует обычно дикие) отравил недосягаемых для его когтей паразитов.

А паразитов у ежей на коже много: очень их мучают, поселяясь главным образом на шее, особые ежиные блохи (и иных блох немало), разные клещи, другие паразиты даже в волосистой луковице под кожей устраиваются. И оттуда их ничем, кроме химии, не выгонишь.

Всевозможных ежей на нашей планете 19 видов. Из них четыре, увы, без колючек (Южная Азия). Остальные более или менее колючие (Европа, Азия, Африка). В СССР четыре вида ежей.

Обыкновенный, или европейский, еж встречается в Европе, Передней Азии, Северо-Восточном Китае и Корее, у нас — от северных берегов Ладожского озера до Крыма и Кавказа, от

западных границ до Оби на востоке. Кроме того, в Приамурье и Приморском крае. Даурский еж отличается от обыкновенного тем, что на темени у него нет продольной полоски голой кожи (без волос и игл). И нравы у него иные: живет в степи (Забайкалье и Монголия), прячется в норах сусликов и сурков. Не дожидаясь сумерек, на охоту выходит еще засветло.

У темноиглого (или лысого) и ушастого ежей большие уши (если их отогнуть вперед, они закроют глаза) и мягкая шерсть на брюхе (у европейского и даурского ежей она жесткая). Лысый еж более темный, и на темени у него такая же голая полоска кожи, как у ежа европейского. У ушастого ее нет. Лысый еж обитает в песчаных и глинистых пустынях, а также в предгорьях и горах Северной Африки, Аравии, Ирана, Афганистана, Индии, у нас — только на крайнем юге Средней Азии и у восточного берега Каспийского моря.

Ушастый еж живет в степях Юго-Восточной Европы, Передней и Центральной Азии, на юг до Египта и Индии. У нас западнее Ростовской области, восточнее Тувинской АССР и севернее Камышина не встречается. Нет его и в Крыму и западных районах Кавказа, но равнины и предгорья Казахстана и Средней Азии им обжиты. Днем прячется в норах (нередко довольно глубоких — до полутора метров), которые роет сам или перекладывает чужие.

Все ли обыкновенные ежи, населяющие Европу и Азию, одного вида, ученые еще окончательно не решили. Во всяком случае, пятнадцать их подвидов, описанных до сих пор, довольно отчетливо можно разделить на две группы: темногорудых, или западных, ежей (у них череп короче и шире) и светлогрудых, или восточных. Первые обычны на западе Европы, а у нас — в северных областях, не южнее Оки. Вторые — в Восточной и Юго-Восточной Европе и Малой Азии.

Наши западносибирские и особенно амурские ежи светлые. У амурского — почти треть колючек на спине без темных колец, беловатые. Но еще светлее так называемый белый, или алжирский, еж, и шерсть и иголки у него почти белые (глаза часто красные). Белый еж и в Европе живет: в Испании и на юге Франции.

Разные ежи — разные привычки. Одни в лесах живут, все больше в еловых да сосновых. (Сырости ежи не любят. В дождь, как, наверное, заметили, сидят дома, не бегают. Потому болот лесных не любят. Сухие поляны и опушки им милее.) Другие — в степях, полях, в живых изгородях и кустах. Третьи — нравами альпинисты, предпочитают дышать горным воздухом, поселяются в нагорьях, до двух тысяч метров над уровнем моря.

А есть и такие, которым нравится жить с людьми по соседству: на скотных дворах, в садах, сараях. Эти очень доверчивы. Особенно людей не боятся. Но на всякий случай, пыхтя и свернувшись комом (не очень плотным), страхуют себя иглами. И в неволе и на воле очень любят ежи молоко. Бывает, где-нибудь в углу коровника ждут, не брызнет ли у доярки струйка молока мимо ведра. Для ежа это праздничное угощение. Люди, застав ежа за таким пиршеством, случалось, думали, что он сам себе надоил. Вот местами и родилось поверье, будто ежи доят коров.

И еще про ежей слава ходит: хорошие они мышеловы. Если завелись мыши в погребе, надо туда ежа пустить. Он их всех переловит. Лучше кошки.

Тожe едва ли. Дохлых мышей еж иногда ест (хотя и не очень охотно). Это верно. Но живую мышь в большой комнате ему, тихоходу, трудно поймать. Да и в клетке, когда мышь к нему пускали, еж долго скромничал, не трогал ее, а часто и просто ее не замечал, пока буквально носом не боится не уперся. Тогда попытался схватить ее, но мышь без особого, впрочем, страха и труда вырвалась и отскочила. Еж после этого вроде бы совсем забыл о ней. Мыши довольно долго живут обычно в клетке с ежами. Даже едят из чашки, поставленной для ежей. Бывает, что, удачно загнав в угол, еж поймает и съест мышь. Но все в его поведении говорит, что дичь такая для него не самая обычная и желанная.

Зато стоит посмотреть, как он расправляется со змеями! Даже гадюку ядовитую не боится. Увидит ее, потихонечку, незаметно подберется, потом — быстрый бросок, и, прикрываясь иглами, хватает змею острыми зубами, за что успеет схватить. Извивается гадюка, кусает ежа. Но куда ни укусит — всюду натывается на колючий барьер. А еж атакует раз за разом и норовит укусить все в одно место. Когда перегрызет позвоночник, ест змею оттуда к голове. Бывают, конечно, и неудачи: изловчится гадюка и укусит колючего в нос. Вот тут беда. Хорошо, если нос, чуть распухнув, поболит немного и заживет. Но может еж и умереть от змеиного укуса. Не сразу, несколько дней мучается. Опыты доказали, что еж раз в сорок легче переносит змеиные укусы, чем, например, морская свинка, которая уже через две-три минуты умирает от дозы яда, несмертельной для ежа. Но все-таки он не абсолютно к яду нечувствителен, как думали раньше.

Змею еж ест всю целиком и часто вместе с головой и ядовитыми железами. Это очень удивительно! Мало того, ест он (и в немалом числе) и других ядовитых животных: шпанских мушек (жуков из рода *Lytta*) и жуков маек, в крови которых очень сильный яд кантаридин, и потому никто из насекомых, кроме ежа, их, кажется, не трогает. Разоряет гнезда шмелей, ос, пчел и пожирает этих жалосцев без страха. Жалят они его: одного ежа сразу 52 пчелы укусили, а он не умер и не заболел.

В лабораториях, пытаясь понять, отчего так, травил ежей разными ядами: мышьяком, сулемой, опиумом, хлороформом. Слишком большие дозы убивали, но все-таки, оказалось, все испытанные яды ежи переносят лучше, чем даже человек, хоть еж весом и во много раз меньше.

Все на его вкус съедобное; что в зубы попадает, ест еж, себя не ограничивая. Один, в изобилии наделенный мучными червями, за десять дней уничтожил около двух килограммов! И «поправился» за эти же дни санаторного питания на 466 граммов: в начале опыта весил 689, в конце — 1155 граммов.

Немалый труд для колючего пропитать себя. Всю ночь он топает и вынюхивает, где что съесть. Днем спит под кустом, валежником, меж корней, иногда в норе. У нее обычно два выхода: один из них, самый ветреный, заткнут сухими листьями. В подобных же местах и зимовать еж устраивается в октябре — ноябре. Натаскает тогда (во рту главным образом) побольше разной листвы, мха, рыхлым комом все уложит, внутрь заберется и, свернувшись, спит до весны, до апреля. В этой спячке тело его остывает, но в любой мороз температура его не меньше 5—6 градусов. Когда еж зимой спит, он, естественно, ничего не ест, дышит очень редко, все процессы обмена идут малым темпом. Но, когда проснется, даже, бывает, и в сильную оттепель, очень хочет есть, и если ничего не найдет (так обычно и случается), то остаток зимы, опять в сон погрузившись, может и недозимовать, умрет, но не от холода, а от голода. Таких погибших зимой ежей (чаще молодых) нередко находят по весне.

Пробудившись весной, первым делом ежи хотят есть. Потом сытых уже самцов неудержимо начинает тянуть к самкам. Каждую ночь ищут их и вокруг одной собираются по нескольку. Она поначалу совсем не любезна с ними. Фыркает на кавалеров, насккивает даже. Но они всюду за ней топают. Между собой, однако, недружелюбны, ссорятся без конца, грубят, отпихивая соперников, и тут же требуют сатисфакции, дают и получают ее — не на пистолетах, а на иглах. Фехтуют, нанося удары противнику колючками наползающего на лоб капюшона. Потом, заметив с тревогой, что причина их ссоры далеко уже ушла на коротких своих ногах, спешат за ней, заключив временное перемирие. И так много ночей подряд. И не только в апреле, а периодами все лето до августа. Потому что самки ежей не все в одно время готовы к зачатию и деторождению, а иные, родив в начале лета, и второй раз, в конце его, рожают. В общем, от мая до сентября можно найти в лесу новорожденных ежей, но чаще всего в июне — августе.

Беременность у ежихи пять-шесть недель, а новорожденных два-десять (в среднем семь). Как ни малы ежата, по сравнению с младенцем даже трехметрового кенгуру они великаны: вес 12—25 граммов, а длина 5—9 сантиметров. Слепы, глухи, беззубы, утыканы редкими мягкими белыми иглами, как плохо ощипанные цыплята. Хоть иглы и мягки, но природой

все-таки, чтобы роженницу не поранить, приняты меры предосторожности: иголки рождающихся ежат втянуты в разбухшую от обилия в ней воды кожу. А как родятся, иголки у них сразу топорщатся, а через двое суток уже начинают расти новые, более темные и острые. Через две недели ими уже густо поросла вся спина малыша, а «молочные» белые иглы все выпали. Тогда же и глаза у ежат открываются, а еще через неделю или две прорежутся острые зубки. На одиннадцатый день ежата уже умеют шаром сворачиваться.

Отец их живет с матерью, пока они не родятся, а потом удаляется и больше к потомству своему не возвращается, предоставив матери все заботы о нем. Первый день она ни на минуту от ежат не отходит. Кормит молоком. Ежата еще слепые и глухие, но уже дерутся из-за соска, в котором больше молока. Не кусаются, не царапаются, а боксируют. Кожа с иголками, которая у ежей наползает на лоб, очень подвижная. Ежата ее быстро вперед выдвигают и, как боксер кулаком, бьют этим колючим капюшоном противника. Слабенький ежонок, как от хорошего нокаута, летит от такого удара в сторону.

Мать-ежиха в драки не вмешивается — эта возня им вместо гимнастики. Сильнее будут.

Уходя из гнезда, мать закутывает ежат травой и листьями. Лежат такие маленькие пакетики в гнезде. Их и не видно, и тепло им в упаковке. Если место, где ежата родились, с точки зрения безопасности ненадежно, бывает, одного за другим перетаскивает их всех во рту на новое, надежное.

Пока глаза закрыты, из гнезда колючие никуда не уходят. Но как только мир раскроет перед ними все свое зримое многообразие, разве не пойдешь посмотреть, что делается вокруг? И они уходят. Жмутся поближе друг к другу, и от матери им надо не отстать. А если кто отстанет и заблудится — пищит, словно свистит, жалобно: «Ах, подождите!» И мать бежит назад, ищет, где он, отставший. Найдет и носом, носом подгоняет: «Не отставай!»

Она учит своих чад, где улиток искать, каких жуков можно есть, а каких пока лучше не трогать. Без ее разрешения ежата ничего в рот не берут. Месяц-полтора обучает ежиха колючую компанию премудростям жизни (и все это время подкармливает молоком). А потом ежата подрастут и разбегутся кто куда. На следующее лето у них у самих дети будут.

Еж, отгороженный от всех колючим барьером, многих врагов страшится. Однако нашлись такие, кто прорывается через его оборону без труда. Филин — самый опасный. И другие хищные птицы с длинными когтями и роговой броней на лапах (крупные совы

и ястребы), смяв колючки, пронзают ежа своим бесчувственным к уколам оружием. Тут все ясно.

Но вот как лиса умудряется ежей есть, пожалуй, еще загадка. Она его, говорят, шаром свернувшегося, в воду катит, и там он волей-неволей должен развернуться — тогда и хватает рыжая колючего за морду.

Рассказывают еще так: лиса, чтобы развернуть иглистый шар, прыскает на него, простите, своей мочой. Так ли, нет ли — ученые пока не проверили.

Зато проверено другое: ежи, которых нелюбезная к ним молва представляет довольно тупыми тварями, в экспериментах ведут себя очень даже сообразительно. Они легко обучаются разным штукам. Например, по команде «развернись», «свернись» делают, что приказано. Как и обезьяны в подобных ситуациях, умеют, схватив зубами кончик палочки, втянуть ее всю через прутья решетки к себе в клетку, если, конечно, на другом конце привязано недостижимое из-за расстояния и решетки лакомство — скажем, майский жук.

Их можно научить открывать (носом и лапами) одну из многих похожих дверей, но именно ту, за которой, еж по опыту знает, спрятано угощение. Он обучается открывать дверку не только, скажем, крайнюю правую или левую, либо там третью по счету от края, но даже и окрашенную по-иному, в тот цвет, на который его выдрессировали. А странно это вот почему: считается, будто звери, кроме человека и обезьян, не различают цвета и краски. Бесполезно, уверяют биологи, дразнить быка красной тряпкой: для него что красное, что серое, что черное — все равно. Свиньи, овцы, лошади, собаки о цветах понятия тоже не имеют. Они для них лишь разные оттенки серого (так доказывают опыты). Только человек и обезьяны (но не полуобезьяны, для которых тоже все вокруг серо) наслаждаются созерцанием разноцветной планеты. Кроме них, еще раки, насекомые, осьминоги, рыбы, ящерицы, змеи, птицы (за исключением, возможно, ночных — сов и козодоев).

За что природа, раздавая глаза, так обидела зверей, пощадив обезьян и человека, не ясно. Но вот для ежа (а также ленивца и, возможно, кошки), оказывается, тоже сделано исключение: игра красок для него не серая гамма разных тонов. Может быть, будущее покажет, и другие звери не абсолютные дальтоники, может быть, опыты, доказавшие их цветовую слепоту, были недостаточно совершенны?

Открытая в недавнее время субординация, так называемая иерархия звериных и птичьих стай и сообществ, есть и у ежей. Но странно: строится она, кажется, не по плану подчинения слабого сильному, а по каким-то иным категориям. Профессор Конрад

Гертер, написавший отличную книжку про ежей, думает, что яркая индивидуальность и психическая одаренность играют тут главную роль.

Четыре ежа жили вместе в одной клетке. Всеми командовала, кусала их безнаказанно и колола одна самка, отнюдь не самая большая и сильная. Вторая подчинялась только ей, но двух ежей, самцов, третировала как хотела. Из этих на последнем месте в иерархии был самый крупный и на вид сильный самец. Другой, из четырех ежей самый маленький, гонял его и кусал без страха, но двух самок боялся.

Это странное соподчинение, проведенное весьма строго снизу доверху, которое заметили сначала у обезьян, проходит дисциплинарной нитью, по-видимому, через все животное царство. Когда пытались исследовать его детальнее, выяснилось, что иерархия и ранги (иначе и назвать нельзя) есть почти у всех животных: у кур, волков, оленей, коров, мышей, шмелей, сверчков, у трески...

В каждой стае (и не только в стае) есть животные номер 1, 2, 3 и так дальше. Соподчинение устанавливают между собой и самцы и самки. А иногда даже и детеныши (например, цыплята). Бывает иерархия прямая (соподчинение последовательное, в порядке, так сказать, номеров), но бывает и запутанная, когда, скажем, номер четвертый номера первого и третьего боится, а номера второго нет. Бывает коллективная, когда несколько самцов объединенными силами побеждают одного, который их всех по отдельности может отколотить. Бывает и межвидовая (например, в смешанных стаях синиц все большие синицы рангом выше лазоревки, а лазоревки — черноголовых гаичек) и т. д. Но это все детали (и часто спорные). Важен сам факт, который теперь твердо установлен: у животных есть ранги.

А зачем они?

Наверное, чтобы порядка было больше, а лишних драк меньше. Однажды силами померялись (и духовными тоже, как пример ежей подсказывает), и все знают, кто кого сильнее. Без драки знают и уступают сильному, и мир царит (насколько он возможен) в ежином, мышинном и прочих царствах.

Но вернемся к колючим, которые живут с нами бок о бок и о которых мы, оказывается, так мало знаем. Есть еще одна загадочная странность в поведении ежей: встретив какой-нибудь предмет с резким запахом, скажем, корешок книги, пахнущий клеем и типографской краской, еж его обнюхивает, потом долго лижет. Полизав, голову поворачивает назад и, сколько может дотянуться, лижет иглы, оставляя на них пленки пенистой слюны. И так несколько раз.

Если предмет, прельстивший его, небольшой, еж берет его в рот, мусолит и пытается жевать. Затем смазка игл продолжается. Изжеванную вещь всегда выплевывает.

С этой непонятной целью прельщают ежей мыло, клей, сигареты, вата с валерьянкой или духами, некоторые цветы, газетная бумага, корешки книг, жабы (!) или, когда всего этого нет, шерсть других ежей.

В чем смысл подобных манипуляций? Об одном

возможном объяснении я уже упомянул, рассказывая о пристрастии ежей (мнимом или реальном) к кислым яблокам. Вторая, недоказанная впрочем, догадка: может быть, пахучей отдушкой еж хочет заглушить свой собственный, довольно резкий запах, чтобы враги его не нашли? Но у него и врагов, которые сильным обонянием вооружены, почти нет. Лисица если только. Антисептика и дезинфекция, пожалуй, более вероятные цели этой загадочной ежиной привычки.

Какая польза человеку от ежа? — вопрос, который часто задают о любом звере, не явно пушистом или общеизвестно вкусном. И на него, считается, нужно ответить.

Ни в пушной торговле, ни в гастрономической еж значения не имеет, совсем не ценится. Правда, некоторые европейцы ежей едят, запекая их в сырой глине. Иглы его использует в небольшом числе препаративная техника для манипуляций с мелкими объектами. Римляне, содрав с ежей колючую шкуру, делали из нее разные чесальные устройства на своих суконных фабриках. И по сей день еще крестьяне, привязав на нос теленку, иглами наружу, содранную с ежа колючую шкуру, отучают таким способом телка от его инфантильной слабости к коровьему вымени. Он полезет сосать, иглами уколется вымя, корова его лягнет, боднет, в общем сосать не даст. Вот и вся польза от ежа в крестьянском хозяйстве. Казалось бы...

Но нет, польза его внушительнее, и совсем она в другом: охрана садов и полей. Ибо ежи, удовлетворяя ненасытные свои аппетиты, уничтожают массу всяких вредных насекомых и слизней (и змей, не забудьте!). Хоть охотники за взрослыми мышами они и неважные, однако и мышей много губят, разоряя их гнезда.

Разоряют, к сожалению, и птички. И зайчат крохотных, и лягушек, и жаб, и ящериц тоже не щадят. Так что есть от ежей и некоторый вред в человеческом лесном и полевом хозяйстве. Но по сравнению с пользой он невелик. Потому берегите ежей! С ними, кроме всего прочего, не соскучишься: сколько интересных загадок таится за иглами!

НЕКОЛЮЧИЕ ЕЖИ

Не все ежи колючие, есть и без иголок. Четыре их вида — в Южной Азии (один — только на Филиппинах, два — кроме материковой Азии, на Калимантане и Суматре). У всех крысиные хвосты и 40 зубов (у наших ежей их 36). Самый внушительный из шерстистых ежей — большой гимнур, пожалуй, и самый крупный насекомоядный зверь вообще: длина его от носа до конца хвоста 40 сантиметров, да еще хвост в половину того. Известно, что у гимнура под хвостом (у основания) мускусные, резко пахучие железы, что днем прячется он в расщелинах скал и в дуплах поверженных ветром деревьев, ест фрукты и насекомых. Больше, кажется, ничего не известно.

Сведений о нравах и жизни щелезубов у науки больше. Щелезубы похожи повадками, немного даже и внешностью, на шерстистых ежей, но кое-что в их анатомии отличается. Поэтому систематики учредили для них свое, особое семейство щелезубов. Это странное название получили зверьки за то, что второй резец на их челюстях прорезан с внутренней стороны довольно глубокой щелью. Вообще, зубы у них для насекомоядных не совсем обычные. Например, пара верхних резцов чересчур велика в сравнении с другими, а положенного числа ложнокоренных зубов нет, меньше их, чем у образцового насекомоядного.

Зверьки и раньше-то нечасто на глаза попадались, а после того, как расплодились на Кубе собаки, кошки и, главное, мангусты, определенно стали вымирать. Мангуст привезли из-за моря, чтобы они ловили и ели бесчисленных тут змей. Но иммигранты распорядились по-своему и больше промышляют редкостных щелезубов (а людям очень хотелось бы их сохранить!), даже поросят и ягнят, а гремучих змей, которые проворнее привычных мангустан кобр и гадюк, предпочитают оставлять в покое.

*Кубинский щелезуб.
Животное уникальное
во многих
отношениях. Слюна
у него, по-видимому,
ядовитая!*

*Гаитянский
щелезуб. Этот ядовит
без всяких «по-
видимому».*

*Железа,
вырабатывающая
ядовитую слюну,
выводит свою
токсическую
продукцию в рот
зверька у основания
второго резца нижней
челюсти.*

*У щелезубов нет
иммунитета к
собственному яду;
случалось, их самцы
умирали после
драки друг с другом,
хотя ранения были
невелики.*

Прежде щелезубы жили и на материке, в Северной Америке, теперь уцелели лишь на Кубе и Гаити (на каждом из этих островов свой особый вид щелезубов).

Кубинский щелезуб ростом с крысу. Глазки у него крохотные, а морда узкая и длинная: прямо гротескно вытянута вперед тонкой морковкой! Естественно, таким длинным носом, во все щели вхожим, очень удобно вынюхивать слизней, опавшие фрукты, муравьев и насекомых. Он это и проделывает по ночам, следуя в поисках соблазнительных запахов зигзагами и вспахивая землю носом, как поросенок. Роет и длинными когтями, когда нужно.

Мускусные, с резким запахом железы разместились у щелезуба под мышками и на крестце, а соски у самок, трудно поверить, на... ягодицах (дело необычное!).

И еще у щелезуба слюна, по-видимому, ядовитая: в борьбе с врагами и на охоте это, наверное, помогает.

Щелезубы совсем не плодовые: дважды в году рожают их самки одного или трех детенышей. Такая безответственность в делах размножения совсем не способствует, особенно под натиском мангуст, процветанию рода.

Танреки, или щетинистые мадагаскарские «ежи», родством ближе всех зверей к щелезубам, хотя и за-

Танреков, или тенреков, около тридцати разных видов, и все проживают только на Мадагаскаре. Одни похожи на ежей, другие без игл, лишь щетинисты, у некоторых только шерсть.

Большой, или бесхвостый, танрек, изображенный здесь, и иглист, и щетинист, и шерстист.

Ежиный танрек. Ростом с маленького ежа. У него забавная походка: задние ноги, когда идет, выбрасывает в стороны под прямым углом к телу.

*Полосатый танрек.
Черная щетина местами
контрастно оттеняет
его желтые иглы.*

*Беременность
у этих танреков всего
50 дней, детишек
в одном помете — от
одного до одиннадцати.
Развиваются они
поразительно быстро:
в первый же день,
появившись на свет,
следуют за
матерью, на пятый —
сами едят червей и
мать молоком их уже
не кормит.*

числены в иное семейство. У них тоже ложнокоренных зубов недостача. Зато у некоторых нижние клыки очень велики. Танреков тридцать видов, и все проживают только на Мадагаскаре!

Одни лишь шерстистые, другие — щетинистые, у третьих — на спине и щетина, и простые волосы, и даже иглы. Одни об ежиной круговой обороне понятия не имеют, другие сворачиваются в шар не хуже его. У иных хвост невероятно длинный, крысиный (в 2,5 раза длиннее тела — мировой рекорд!), у других совсем короткий обрубок, а то и вовсе отсутствует. Некоторые в сухую зиму спят беспробудно, а некоторые нет.

Многие танреки живут, как ежи, промышляя того же сорта добычу на земле, другие, как кроты, в земле и норах копаются. Есть и по деревьям лазающие, в воде плавающие — словом, очень разные.

Одно у них, кажется, неперемениво: плодовитость немалая. Семьи многодетные: 10—20 наследников каждый год. А бесхвостый танрек, конкурируя в этом с песцом, побил многие рекорды многодетности в мире зверей: двадцать одного детеныша родят нередко его самки!

ЗЕМЛЕРОЙКИ ЛОЖНЫЕ И ИСТИННЫЕ

Землероек три разные группы: выдровые, слоно-
вые (или африканские прыгунчики) и обыкновенные.
Впрочем, первые и вторые совсем и не землеройки,
просто их так, за неимением лучшего, называют.

Выдровые землеройки, которые анатомически ближе к щелезубам и танрекам, а не землеройкам как таковым, живут в Африке, в Центральной и Западной. Их три вида. Внешне они действительно очень похожи на выдру, только помельче: чуть больше полуметра (с хвостом).

Хвост сильный, у корня толстый, дальше, с боков, сжатый — отличный и руль и весло. Выдровые землеройки, плавая, больше на его силу полагаются, чем на слабые лапки, которые у них, говорят, даже без перепонки, что для водного животного странно. Висмотрев с берега рыбу, ныряют за ней. Поймают и на берег лезут есть.

Слоновые землеройки, или прыгунчики, видом скорее тушканчики, потому что скачут, подобно им, на длинных задних ногах. И глаза у них такие же большие (для насекомоядных редкость!). Слоновыми назвали их за тонкую, удлинённую на конце наподобие хоботка мордочку. Их 21 вид, почти все рыже-бурые, но есть и пятнистые, и все живут в Африке в сухих степях и каменистых предгорьях (один вид на Занзибаре). Попрыгивая, не спеша ищут себе насекомых в нежаркие утренние часы. В полуденную жару прячутся в норах. Некоторые ростом с крысу, другие — побольше, от носа до конца длинного хвоста примерно полметра. Снизу на хвосте у прыгунчиков мускусные железы. Касаясь на бегу хвостом земли, оставляют пахучий след — путеводную нить для тех собратьев, которым наскучило одиночество.

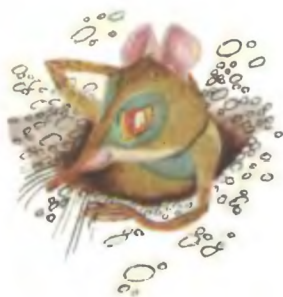
Когда в череде месяцев приближается сентябрь, самкам прыгунчиков приходит пора рожать. Они не плодовиты: один-два детеныша, но зато очень крупных, уже зрячих и с рыжеватым мехом на спинках. Младенцы виснут на сосках, и мать с ними прыгает по степи.

Землеройки истинные бесчисленно разнообразны — 265 видов. Один лишь род белозубок, преимущественно африканский (хотя и в Азии совсем не редок), более обилен видами, чем весь подотряд обезьян, — 144! Впрочем, когда белозубок лучше изучат, число это, наверное, очень поубавится. Некоторые из землероек ростом с крысу, многие с мышью, а иные и меньше.

Европа, Азия, Африка, Северная и Центральная Америка (и небольшой северный кусочек Южной) — вот жизненное пространство глобального масштаба, обжитое землеройками. К той роли, которая отведена им на планете судьбой, они очень подготовлены. В горах, лесах, полях, садах стран умеренного климата, даже в тундре и тропиках отлично приспособились. Умеют жить и передвигаться (и летом и зимой) в гус-

Африканские прыгунчики похожи на тушканчиков, но происхождением не грызуны, а насекомоядные. Землеройки, ежи и кроты — их близкие родичи.

той траве, в опавшей листве, в рыхлой земле, между корней, в узких норах, хорошо плавают, а иные и вовсе, как выдры, живут в воде. Многие животные беспомощны — ни пролезть, ни удачно охотиться за разной насекомой мелочью не могут на пограничной полосе между воздухом и землей, где землеройкам обеспечивает удачу их юркое маленькое тельце, большая сила и отвага, несравнимые с ним, необыкновенное проворство и неутомимая выносливость. Вытянутое, обтекаемое рыльце легко раздвигает такие преграды на пути, как густые травы, мхи и рыхлую землю. А чтобы отважными крошками, кто посильнее (а таких необозримое множество!) не очень-то объедался, природа наделила землероек мускусными железами с неприятным запахом. Только аисты, гадюки и некоторые хищные птицы ими не брезгают. А звери, например лисы, у которых очень тонкое обоняние, духа землеройкиного не переносят. Не едят их. А если случится, схватит лиса землеройку, по ошибке приняв за мышь, тут же, с отвращением поджав губу, выплюнет. Но соболь ест землероек, и довольно охотно!

*Землеройка
(белобрюхая
белозубка) угрожает!*

Аппетиты у землероек рекордные: за сутки съедают они больше, чем весят сами. Едят почти всех насекомых, а также червей, слизней, многоножек и даже мышей, которых побеждают в единоборстве. Возможно, победу над мелкими врагами им обеспечивает редкое свойство слюны, которое мы уже заметили у щелезуба: ядовитость. Слюна землероек нейротоксична, то есть губительно действует на нервы (у куторы, во всяком случае). Но не ясно еще, вредна ли она для человека. Ядовитость у зверей — редчайшее свойство! Только еще у ехидны и утконоса, как пока известно, есть ядоносные железы. Долю свою в дележе пропитания землеройки отстаивают отчаянно. Видели, как с воинственным писком дралась землеройка с ящерицей из-за какого-то насекомого.

И между собой дерутся часто и яростно: кусаются, катаются, сцепившись комом. Отдохнут немного, и новый раунд начинается. И так до полной победы одного из борцов или полного истощения обоих. У каждой землеройки свой охотничий участок — несколько десятков метров вдоль и поперек, — и чужаков на него не пускают.

В СССР 21 вид землероек и пять разных их родов: бурозубки, белозубки, белозубки-малютки, куторы, или водяные землеройки, и пutorаки.

Обыкновенная бурозубка сырые места любит больше сухих, и чтоб тень была. Если долго ее продержат на солнце, может умереть. Она похожа на мышь, только острое длинное рыльце выдает ее насекомоядность. Ростом тоже с мышь — от носа до корня хвоста 6—8 сантиметров. Цветом в общем бурая (западные бурозубки почти черные). Хвостик, на конце которого едва приметна кисточка из удлинен-

ных волос, двухцветный: сверху темнее, снизу светлее. Живет эта землеройка у нас по всей стране, а кроме того, в Западной Европе и Китае. Поймы рек и окрестности ручьев для нее желаннее всех других мест. Для разнообразия ест иногда и семена растений.

Срок жизни обыкновенным бурозубкам положен очень короткий, всего 15 месяцев, по некоторым наблюдениям. Оттого, по-видимому, и темпы размножения рекордно быстрые. Судите сами: в три-четыре месяца от роду молодые бурозубки обзаводятся семьей, беременность коротка, как у сумчатых, — двадцать дней; детеныши (которых обычно пять) в гнезде подрастают, набираясь сил, всего лишь три недели: на семнадцатый день уже вылезают из него с целью ближней разведки окрестностей, а на двадцать второй совсем покидают детский приют, обретая почти полную самостоятельность. А еще через три дня их мать снова готова к зачатию и продолжению рода.

Когда придет пора рожать (случиться это может в любое время с марта по сентябрь), бурозубка плетет из всякой растительной мелочи гнездо-шар где-нибудь в укромном месте меж корней и кочек или в чужой, заброшенной норе. Подросших детишек мать первое время водит за собой в кильватерной колонне. В гуще трав, опавшей листве и переплетениях корней крошечным зверькам легко потеряться. Поэтому, когда идут они караваном за мамкой, цепляются зубками друг дружке за хвостики (не за кончики, а ближе к основанию), а первый держится за мамин.

Так же почти всюду в нашей стране, но в местах болотистых, по берегам рек, озер и ручьев, живет кутора, или водяная землеройка. (Не путайте ее с выдровой африканской: то совсем другой зверь, хотя и тоже насекомоядный, роду-племени иного и ростом много больше.) А кутора невелика, немного покрупнее наших землероек, но все-таки не больше указательного пальца — ее тельце 76—86 миллиметров. Короткий мех куторы черный или черно-бурый сверху. Снизу — белый, серо-белый, охристый, белый с оранжевым оттенком или даже бурый. Когда кутора плавает, то граница черного и белого цвета на ее боках служит как бы ватерлинией. Хвост у куторы снизу с килем из удлиненных волос и лапки с такой же щетинистой оторочкой. Все это чтобы лучше плавать. Кутора зимой и летом охотится в воде: на жуков-плавунцов, стрекозиных личинок, моллюсков, червей, рыбку икру, мальков (да и на самих рыб весом до килограмма!). Эта крошка даже на водяных крыс, которые втрое больше ее, нападает. (Впрочем, не забудьте, что слюна у куторы ядовита.)

«Бег у куторы быстрый, причем она движется, вытянувшись и характерно загигая кверху свою длинную мордочку, которой водит из стороны в сторону. С большой быстротой бросилась кутора на одну лягушку, прыгавшую от нее изо всех сил. Поймав лягушку, хищник начинает кусать ее за голову. Если лягушка велика и сильна, то часто старается спастись от своего мучителя, и тогда можно видеть, как кутора буквально едет на своей жертве, ухватив ее за голову... Весьма интересно отметить, что в большинстве случаев, как только кутора настигает лягушку и слегка к ней прикасается, с последней делается настоящий столбняк: лягушка мгновенно вытягивается, как мертвая, характерно закрывая передними лапами голову» (профессор С. И. Огнев).

Притворство это или паралич от страха? Во всяком случае, независимо от психических ее причин «игра в опоссума» и лягушке, как видно, спасает жизнь.

Путорак, или пустынная землеройка, нарядом на своих собратьев тоже не похожа. Рыльце у путорака короткое, а масть пегая: на животе и боках белая, на спине серая, но с большим белым пятном посередине. Живет путорак в песках Средней Азии и Закавказья, на охоту уходит порой далеко от дома, за семь-восемь километров. Когда не очень спешит, за минуту пробежит 40—50 метров. Когда спешит — вдвое больше. Предмет его гастрономических вожделений — насекомые и, главное, ящерицы. Вожделения велики: одна пегая самка съела за ночь 12 ящериц (малых круглоголовок) и 25 черных тараканов! И от такого обжорства не умерла, а, напротив, повеселела.

От жары прячутся путораки в норах, чужих и своих, не жалея сил, роют их иногда длиной метра в три. В глубине норы — поместительная жилая камера. Рождают трижды в году. По пять или около того детенышей.

НРАВЫ НОРОКОПАТЕЛЕЙ

Крот, который с рождения и до смерти живет под землей и света белого почти не видит, как землекоп не знает себе равных. Все в нем для рытья наилучшим образом приспособлено: и тело вальковатое, чтобы удобнее под землей передвигаться, и мех короткий, гладкий, чтобы за землю не цеплять (но он быстро вытирается, а потому крот линяет три раза в год!). Ушной раковины нет (тоже чтобы не мешала под землей ползать), а лишь складочка кожи — она ухо закрывает, потому земля и песок кроту в уши не сыплются. Глазки крохотные («с зернышко маковое»!), веки их плотно закрывают, когда надо. А у некоторых наших кротов глаза и вовсе заросли кожей: совсем слепой такой крот, да ведь под землей все равно ничего не видно.

Передние лапы у крота — настоящие лопаты, когти на них плоские, а кисть вывернута так, чтобы удобнее было рыть землю перед собой и кидать ее назад.

Крот копается неустойчиво и быстро: за день в среднем прорывает двадцать метров новых подземных ходов.

Один исследователь раскопал и измерил лишь некоторые ходы одного крота. Когда общая длина их приблизилась к 158 метрам, он бросил эту работу. Вооружившись затем карандашом, зоолог подсчитал, что крот соорудил под землей вентиляционную и дренажную систему (весьма необходимую для плодородия почвы) с рабочей поверхностью в 28,5 квадратного метра. И это только малая часть того, что один тот крот сделал. Подземные лабиринты иных кротов простираются по прямой (а не теми сложными извивами, как они прорыты) и на четыре километра!

Молодой окольцованный крот уже через двадцать часов снова попался в ловушку, но в семистах метрах (по прямой) от того места, где его выпустили. А другой через шесть дней — уже в двух километрах.

Земля под нашими ногами там, где много кротов, по-видимому, сплошь пронизана запутанной сетью кротовых нор. Наши зоологи подсчитали однажды на двухстах гектарах общую протяженность всех кротовых тоннелей и объем выброшенной ими на поверхность земли. И цифры получились весьма впечатляющие: все ходы, сложенные вместе, протянулись на 87 километров, а земли кроты выкопали 204 тонны!

Ходы у крота двух сортов: гнездовые, в которых он отдыхает, когда сыт, что случается редко, ибо аппетит велик, и кормовые: эти обычно неглубоко от поверхности. Чуткое обоняние указывает кроту, в каком направлении копать, чтобы скорее добраться до дождевого червя, медведки или личинки майского жука. Но если в нору к нему заползут мышь, землеройка, ящерица, медянка, уж, лягушка, он их не упустит, а с проворством, просто поразительным для полуслеплого и косолапого, загрызет и съест. Даже если и не заползут, а просто по неведению приблизятся к подземелью, в котором он случайно окажется, крот, под землей почуяв добычу, выскочит, схватит прохожего и под землю утащит. Видели кротов, задом пятившихся и тащивших в нору лягушек (и даже будто бы змей!). Один крот снизу тайно подвел подкоп под птичье гнездо, пробил дно (самого гнезда с места не сдвинув!), сцапал птенца и уволок под землю. Другой будто бы из-под земли учуял какое-то насекомое, сидевшее невысоко на стебельке, и таким же хитрым маневром, пробив рядом землю, овладел добычей.

Все это свидетельства, как говорится, очевидцев, но можно ли им доверять? Тут пусть каждый решит, наблюдая за кротами, способны ли они на такие трюки. Я ничего не утверждаю: просто привожу рассказы о кротах, на мой взгляд, не самые невероятные.

Порой охотится крот и на земле, шаря носом в опавших листьях и во мху. И тут (это, кажется, точно бывает), наткнувшись подслеповатой, но чутыистой

мордой на маленького зайчонка, притаившегося в полной неподвижности, пока мать его удалилась подкормиться, без жалости его съест.

Кроты к соседям нелюбезны и в своих норах никаких жильцов и других кротов не терпят. А если их посадить вместе в тесный ящик, сильный слабого убьет и съест. Потому и говорят: если б ростом крот был со льва, не нашлось бы зверя равной ему свирепости! Только когда время размножаться, обычно в марте — мае, сожительствуют недолго самец и самка. Возможно, что самец остается с детьми, пока они не подрастут, и даже будто бы приносит им червей и другое пропитание. А если половодьем зальет, помогает матери перетащить детишек в сухие отнорки. Но так ли это на самом деле, с точностью еще неизвестно.

Беременность у кротов 30—40 дней. Обычно в мае (иногда в конце лета) роды: 3—9, в среднем 5 сосунков. Мать кормит их молоком три недели и очень к ним привязана. Если гнездо раскопают, забыв о своей безопасности, хватает одного за другим зубами и тащит в нетронутые норы или прячет в кучу, в рыхлую землю — куда угодно, лишь бы поскорее унести из гиблого места.

Зимой кроты не спят, как ежи, а копаются под снегом, только зарываться им теперь приходится глубже. Нередко выбрасывают землю на поверхность, прямо на снег, и под ним по обледенелой земле путешествуют. Пропитания зимой меньше, чем летом, и, чтобы не голодать, кроты запасают на зиму «консервы» из червей: откусят им головы и замуровывают в стенах своих нор, иногда сотнями штук сразу. Без голов черви далеко уползти не могут, но и не умирают, а потому не портятся.

Ареал обычного, или европейского, крота — обширные пространства лесов, полей, лугов и лесостепей от Испании на западе до Западной Сибири (а возможно, и дальше) на востоке, от берегов Белого моря до степей Украины, Нижнего Поволжья и Казахстана (где его уже нет). Кроме того, в СССР обитают еще пять видов кротов. У четырех из них глаза закрыты кожей и снаружи не видны. Дальневосточный крот, могер, охристо-серый, все другие черные или черно-бурые (молодые сероватые), но попадаются, очень редко, желтые и белые.

Кроты из семейства тальпид, достойный представитель которого и наш обычный крот, обитают только в Европе, Азии и Северной Америке. Их девятнадцать видов. Некоторые не ограничивают себя чересчур строго жизнью в подземельях, часто и довольно быстро бегают по земле. Многие, впрочем, как и наш крот, неплохо плавают. И уж совсем отлично плавают и ныряют североамериканский крот-звездорыл. Это поразительное создание: на конце носа

у него словно красная хризантема растет! Двадцать два длинных подвижных розовых щупальца! Роясь под землей, он ими, как нежными пальцами, что нужно ощупывает.

Живет этот удивительный крот (там, где сыро, у воды) на северо-востоке США и юго-востоке Канады. Он черный или темно-бурый, зрячий, небольшой (сантиметров двенадцать, да хвост еще сантиметров семь). А хвост у него особенный: толстый посередине, у корня и конца уже. В толстом своем хвосте звездорыл на зиму запасает жир.

Американские кроты как землекопы не менее работоспособны, чем наши. После дождя ночью один из них прорыл под землей свежий стометровый ход.

«Оценить обширность этой работы мы можем только из сравнения. Для выполнения соответствующей задачи человеку пришлось бы в одну ночь прорыть тоннель в шестьдесят километров и ширины, достаточной для его тела» (доктор Гарт Мерриан).

Из кротовых шкурок шьют шубы. Хотя и не пышен их мех, но довольно красив. Но известно ли, что крота забивают на пушнину, пожалуй, больше, чем любого другого зверя (кроме водяной крысы), — 20 миллионов штук во всем мире ежегодно!

Недавно еще в Америке ондатры добывали 20 миллионов, теперь и там и у нас вместе — немногим больше 10 миллионов. Белки — около того. Но водяная крыса, пожалуй, все-таки впереди крота: лишь в СССР в 1958 году было «закуплено почти 22 миллиона» ее шкурок (В. В. Дежкин и С. В. Мараков).

В Африке обычных кротов нет, но есть к югу от Конго и Великих озер златокроты (15 видов). Наши кроты по происхождению близки к землеройкам и выхухольям, а златокроты — скорее к ежам. Золотыми названы они за металлический блеск своей золотисто-зеленой шерсти (у некоторых видов с медным оттенком). У них не все пальцы преобразованы эволюцией в роющее устройство, а лишь один, средний. Коготь на нем широкий, острый на конце и действует как заступ, так же как у сумчатого крота (у которого, впрочем, два таких когтя). Золотые и медные кроты не любят богатых перегноем почв, а роются преимущественно в песчаных. Чтобы песок в глаза не попадал, они у златокрота наглухо затянуты кожей, а ушная пора крохотная и плотно закрыта шерстью. У наших кротов есть небольшие хвостики, у златокротов их совсем нет, зато на носу большой хрящевой щиток, чтобы нос в кровь о песок не истереть.

В песке сухих саванн и пустынь ищут златокроты червей и насекомых.

ВЫХУХОЛЬ — ВОДЯНОЙ КРОТ

Выхухолей, или хохулей, называют иногда водяными кротами: происхождением они близки к кротам. Некоторые исследователи объединяют выхухолей в одно семейство с кротами. Другие, однако, полагают, что выхухоли должны числиться все-таки в своем особом семействе.

Прежде выхухоли жили по всей Европе (даже в Англии в доисторическое время). Теперь их лишь два вида — пиренейская выхухоль и русская. Первая мельче нашей, хвост у нее не сжат

с боков, как у русской, а оттенок меха не серебристый, а скорее бронзовый. Живет она в горных речках Испании и на юго-западе Франции.

Русская выхухоль уцелела кое-где лишь в бассейне рек Волги, Дона и Урала. Завезли, правда, выхухолей в Мордовию, Башкирию, Смоленскую область и за Урал — в пойму Оби. Местами она там прижилась.

Выхухоль, как крот к подземельям, очень приспособлена к водной стихии. Это видно сразу: тело обтекаемое, ушки маленькие — тоже для обтекаемости. Мех плотный, густой, теплый, не намокает, потому что хорошо смазан жиром. Остевые волосы сверху шире, чем в основании, — как бы сами себя заклинивают и потому не рассыпаются рыхло. Подпушь извитая. Для тех, кто живёт в воде, это очень важно: много воздуха между такой шерстью уносит с собой в воду зверек, когда ныряет. Так и легче плавать и теплее в воде, потому что воздух — отличный изолятор. На брюхе у выхухоли волосы растут даже чуть гуще, чем на спине. У сухопутных зверей — наоборот. В воде ведь со всех сторон холодно, поэтому важно, чтобы живот был так же хорошо одет в мех, как и спина. Да и на берегу, у воды, выхухоль не по сухому бегаёт: ножки короткие, оттого живот всегда к сырой земле близок. Густая шерсть тут очень кстати.

Ну, а если лето пришло и жарко стало, чтобы тепловой удар не погубил (с водяными зверьками это случается), что выхухоль предпринимает? На хвост обратите внимание: он не только превосходный руль, весьма нужный для пловца, но еще и «излучатель»! Голый, шерстью не одет, и лишнее тепло, которое приносит в него кровь из перегретого, изолированного мехом тела, быстро отдает в пространство и охлаждает «водяного крота», как радиатор автомобильный двигатель.

Перепончатые задние лапы, отороченные щетинистой бахромой, гребной «винт» выхухоли. Передние лапки тоже перепончатые, но маленькие и потому от гребли освобождены; когда зверек плавает, он их поджимает.

Рыльце у выхухоли вытянутое, и ноздри на самом его конце: чтобы дышать, из воды особенно не высываясь. Неплохо бы еще и есть в воде не захлебываясь. Идея хорошая, и мы видим, как, «конструируя» выхухоль, эволюция ее осуществила: дыхательное горло плотно запирают особые мускулы нёба и глотки, и вода в него не попадает, даже если выхухоль ест, не всплывая на поверхность.

Сердце у водных животных обычно (в относительной пропорции) не так объемно, как у сухопутных: плавать легче, чем по суше бегать, потому и работы у кровяного насоса меньше. Но правая его сторона

у них толще и массивнее, чем у сухопутных зверей. Под водой правому желудочку сердца труднее протолкнуть кровь в легкие: вода плотнее воздуха и сильнее сжимает грудную клетку. Чтобы преодолеть это давление на легкие, мышцы правого желудочка усилены мощью дополнительных волокон.

Выхухоль в воде чувствует себя почти как рыба. По 10—12 минут на поверхность не всплывает, чтобы подышать. И не мерзнет и не захлебывается, даже когда мнет и крошит своими бугорчатыми зубами водяных жуков, улиток, стрекозиных и комариных личинок, пиявок (особенно их любит!), червей, раков, рыб, лягушек, головастиков, икру, камыш, тростник, стрелолист, кубышки, кувшинки и пр. и пр. Меню весьма разнообразное: около ста всевозможных животных и растительных блюд.

Когда выхухоль промышляет разную живность у дна, то копается в иле острым рыльцем и передними лапками, как бы идет на них по дну вниз головой, подняв зад вверх (и утконос примерно в такой же позе дно рек бороздит).

Выхухоль, или, иначе говоря, хухоль, охотится в сумерках и по ночам. Днем, в норе скрывшись, таится. Она у нее достаточно глубокая, иногда многоярусная, если уровень реки часто меняется. (Нора пахнет, говорят, мускусом, у выхухолей под хвостом соответствующие железы.) Вход в нору всегда под водой. В ней же, в норе, приносит выхухоль (после 40—50 дней беременности) одного или пять, но чаще три-четыре сосунка. Случается такое в самое неопределенное время: обычно в апреле — мае или же в августе — сентябре, но и в октябре может быть и в любой другой месяц, даже зимой. От чего зависит эта неопределенность сроков деторождения, пока не ясно.

Другая странность выхухоли — фанатическая ее привязанность к пойменным водоемам, старицам, заводям и берегам рек с тихим течением. Почему не живет она в озерах и степных прудах, непонятно.

Выхухоль, как известно, ценный пушной зверь. Но лет сто — сто пятьдесят назад, пишут В. В. Дежкин и С. В. Мараков, на нее не охотились. Не модна была выхухоль. В начале XX века, к несчастью для себя, стала модной, и это чуть было ее не погубило. Перед первой мировой войной продавали в России по сто тысяч выхухолевых шкурок в год. Потом прибыльное дело сильно пошло на убыль. «Самые большие заготовки выхухоли в советское время были в 1954 году — 23,3 тысячи шкурок». Если не забывать, что выдры наши охотники последнее время добывают не больше 8—9 тысяч в год, то и такой промысел, с точки зрения пушной торговли, совсем неплох.

Одни знатоки уверяют, что кагуан, или шерстокрыл (ростом он с кошку), насекомоядный зверь, нечто вроде летающей землеройки. Другие не согласны: он лемур (летающий, конечно). Наконец, третьи доказывают: кагуан ни то и ни другое, а особое, в единственном лице представляющее целый отряд существо. Головой и мордой кагуан, или колуго, и правда похож на лемура, но зубы у него насекомоядного типа.

Самое же поразительное его морфологическое свойство — летательная перепонка, проще говоря, парашют. Она гораздо более обширная, чем у любого летающего или планирующего зверя. Кожистая, поросшая шерстью (не голая, как у летучих мышей) и натянута от самого подбородка к концам пальцев на всех четырех лапах (когти на которых, странное дело, втяжные, как у кошек!) и дальше — к концу короткого хвоста. Полностью растянув свой парашют, кагуан парит как бумажный змей в очертаниях почти идеальный прямоугольник, без нарушающих чистую геометрию выступов и впадин. Пролетает в одном прыжке с дерева метров семьдесят (Альфред Уоллес, весьма уважаемый исследователь, эту дистанцию измерил собственными шагами, и потому сомневаться не приходится).

Бывает, что слезает кагуан на землю, но долго на ней не задерживается, спешит, неуклюже галопируя а-ля дракон, взобраться поскорее по стволу вверх. И снова парит и парит.

Днем кагуан спит в дуплах или повиснув на суку всеми четырьмя лапами и укрывшись своим парашютом. Шкура у него серо-охристая, с мраморными разводами, очень похожа по цвету на лишайники, которыми обрастают деревья в тропиках. Дополнительный камуфляж обеспечивают особые пудреницы на его коже: из них в изобилии сыплется зеленовато-желтый порошок, и потому шкура кагуана всегда припудрена в тон с корой и листвой. Если притронуться к нему, то пальцы пожелтеют.

Очнувшись с заходом солнца от дремоты, кагуан, побуждаемый к тому всемогущим аппетитом, рвет листья и плоды и при этом висит в той же позе, в которой провел часы, заполненные сновидениями, вниз спиной. Ест долго, потому что пища его малокалорийна.

Увы, лишь одного потомка столь удивительного рода рождают его женственные представительницы. Пока мал и гол (и без парашюта), цепляется сей единственный отпрыск (летающих лемуров? землероек?) к маминому животу и висит на нем, головокружением не страдая, когда она парит над лесом. Впрочем, и подрастая и почти сравнявшись с ней весом, все равно висит на матери и летает посредством ее

Шерстокрыл, или кагуан, летает, планируя сверху вниз на растянутой между лапами перепонке. Мать носит на брюхе нелегкий груз — вцепившегося в ее шерсть (и когтями и зубами!) детеныша. Современные систематики выделяют кагуанов в особый отряд.

аэродинамических сил. Но иногда, оставив дитя на суке, парит мать и одна.

Представляя кагуана, нельзя не упомянуть о его универсальных зубах. Резцы у кагуана сильно выдвинуты вершинами вперед и зазубрены. Он резцами скоблит не только мякоть плодов, но и... причесывается, как гребешком.

Когда к вечеру кагуан оживает, первым делом приводит к порядку свою смятую во сне, напудренную шерсть. Причесывается, чистится — и все зубами. За сумерки и за ночь кагуан прихорашивается так часто, что его «гребень» быстро забивают обрывки волос. Однако на этот случай предусмотрены специальные щеточки для чистки самого гребня. На конце языка кагуана многочисленные бугорки. Быстро-быстро проводя языком по зубам, он очищает их от волос.

Природа сберегла для науки два вида кагуанов: филиппинского и малайского, который живет в горных лесах Индокитая и на островах Ява, Суматра и Калимантан.

Малайский кагуан нередко ночует и кормится не только в глухих тропических лесах, но и на плантациях кокосовых пальм в довольно обжитых долинах Малайи. Как утверждают, он большой любитель цветов

кокосовой пальмы и наносит немалый вред ее плантациям.

Заканчивая рассказ о кагуане, интересно вспомнить, какие другие животные научились, подобно ему, парить над землей. Птицы, летучие мыши и насекомые (а также некоторые летучие рыбы), обзаведясь машущими крыльями (рыбы — плавниками), летают иначе. А кто парит?

Пять видов сумчатых летяг. Кроме того, тридцать семь видов очень похожих на них белок-летяг, не сумчатых, а из отряда грызунов. Почти все они водятся в Азии, лишь два вида в Северной Америке и один в Северо-Восточной Европе. В Африке тоже есть свои белки-летяги — шипохвостые, восемь видов. Они из другого семейства, чем наши белки-летяги, но летательный аппарат у них такой же: натянута между лапами складка кожи, своего рода парашют.

Три вида африканских обезьян из рода колобус, прыгая с сука на сук, немного парят в воздухе, их поддерживают на лету гирлянды длинных волос на боках и очень пышное опахало на конце хвоста.

Приобретя в эволюции летательные устройства подобного же рода, устремились в воздух и рептилии, опровергая фактом своего существования известное изречение о том, будто рожденный ползать летать не может. Это одна ящерица с Зондских островов — летающий дракон (ее парашют растягивают не лапы, а ребра, растопыренные в стороны), сосед ее — летающая лягушка (парашют — обширные перепонки между длинными пальцами) и древесная змея из Южной Азии. Эта, вытягиваясь палкой, прыгает с сука вниз и парит на коже, растянутой между раздвинутыми в стороны ребрами.

Ну, а над морем планируют, как известно, летучие рыбы и летающие кальмары.

ЗВЕРИ ХИЩНЫЕ

Несумчатые хищные звери обитают во всех странах мира. Только в Новой Зеландии и Австралии их никогда прежде не было. Но собак, кошек, лис люди завезли и туда. На Земле, по последним подсчетам, 252 вида хищных зверей. Многие из них разнообразят свою плотоядную диету плодами и даже травой, а некоторые (большая панда) и вовсе, кажется, вегетарианцы.

Прежде на всех хищников человек смотрел как на злейших своих врагов и истреблял их без жалости. Но наука доказала, что хищники в жизни природы не только полезны, а просто необходимы: как санитары и селекционеры, совершенствующие племя нехищных зверей, ибо уничтожают хищники в первую очередь больных и слабых, плохо приспособленных, несущих в себе разные наследственные пороки и дефекты. Поэтому теперь во многих странах от чрезмерного истребления хищников охраняет закон. Но старые традиции и предубеждения против хищного зверья еще живы среди людей. Судьба волков особенно трагична: почти всюду их добивают — без жалости, без угрызений совести и с наивным сознанием полезности этого вредного дела.

О ВОЛКЕ И ВОЛКАХ

Засады, облавы — пешком и на машинах, вертолетах и самолетах...

И кроме того, у каждого охотника, вооружившегося на зайцев, найдутся два патрона, начиненные картечью или жаканом. Попробуй, разбойник, сунься!

Но картечь разнесет в куски подброшенную в воздух бутылку, а жакан поразит ствол сосны, вызвав в нем искривление годовых колец, очень странное для исследователя, если таковой займется когда-нибудь этим деревом. Волк же вряд ли повстречается охотникам. Он не повстречается им даже не потому, что хитер и осторожен. Просто волк сейчас чрезвычайно редкий зверь. Многие его даже в глаза не видели.

Значит, уместно рассказать, каков он.

Художники, как правило, изображают волка слишком свирепым, слишком кряжистым, слишком нединамичным. Фотография может дать лишь некоторое представление, абрис волка. Волк в зоопарке — печальное животное, над всеми движениями которого довлеет примиренность с необоримой силой плена.

В жизни, то есть в лесу, в поле или тундре, волк производит совершенно особое впечатление. Оно, если исключить простительный страх, может быть определено как торжество и благоговение перед таинством соприкосновения с могучей силой дикой природы.

Он, как известно, сер. Но тут, вероятно, слово «серый» надо понимать относительно. В серо-коричневой тундре волк серо-бурый; на серебристом снегу и шерсть его серебрится, на фоне березовых стволов (черных с белым) он теряется, струясь, и шкура его рябит, как кора. Маскировка рассчитана на скорость, ее эффект состоит в том, что уже через минуту наблюдатель теряет представление о расстоянии до волка. Однако при всем своем стремлении к камуфляжу волки большие модники. Если один носит сдержанно-аристократический серый костюм, то другой разнообразит его серебристым воротником или светлой манишкой на груди. Иному очень идет черный или коричневый чепрак на спине — это уж дело вкуса. Даже светлые тундровые волки, которых еще и бессонное солнце полярного дня выбеливает до блеклости (уши у них нередко рыжие!), даже они умудряются сохранить элегантный вид.

Однако шуба есть шуба. Зимой она должна греть, а летом, если уж нельзя ее снять, пусть станет полегче. Так у волков и бывает. К холодам они запасаются подшерстком, очень плотным, ветры и морозы в пятьдесят градусов выдерживает! Весной же линяют.

Европейские, азиатские и американские волки, отличаясь лишь тем, что попадает им на обед, по всем остальным статьям схожи. И все-таки двух во всем подобных волков не бывает. Волк растет быстро и уже к первому году набирает 40—45 килограммов. А с третьего года он матереет и приобретает не только еще больший вес (иногда до 70 килограммов!), но и свою, свойственную только ему одному осанку. Это как телосложение у человека, у каждого свое. И опытный волчатник, увидев волка, с которым ему уже приходилось встречаться, обязательно его узнает.

Правда, обычно люди, встретив волка, норовят спутать его с собакой. Он, конечно, больше собаки (малолеток пока трогать не будем — это такая инфантильная публика!). Кроме того, если увидите в лесу «собачку», обратите внимание на ее хвост. Он никогда не закручен, а либо приспущен вниз, либо красиво

струится по горизонтали (это когда у волка хорошее настроение). Затем морда. Пасть волк никогда широко не разевает. (Оказывается, выражение «волчий аппетит» неверно. Волк ест медленно: слишком узкие челюсти. Если же приходится торопиться, он мучительно давится и стонет.)

Но зато зубы! Про медведя говорят: «задрал». Про волка — «зарезал». Ему ничего не стоит располосовать наполовину, до позвоночника, шею оленя или прокусить ему бок до печени! Эти же зубы способны проделывать удивительно тонкую операцию. Лоис Крейслер рассказывает, как прирученная волчица зубами осторожно (было ощущение слабого покалывания иголками) открывала ей веки. Представляете, что за инструмент эти зубы? Ювелирный!

И наконец, лапы. Особого внимания заслуживают задние, они на удивление мощны. На них волк может подпрыгнуть вверх свечкой, и довольно высоко. Это так называемый «наблюдательный прыжок». Следы ступней тоже никак не путаешь с собачьими. Для них характерны собранные вместе пальцы. Но главное — величина: у молодого волка как у крупной собаки, у матерого — 14 сантиметров длина, 8 ширина.

Волчьи следы... В тундре на традиционных путях миграции северных оленей вы всегда найдете их. А если пойдете этими путями, то увидите на них печальные вехи: трупы оленей. Волки не в силах съесть всей добычи, и она достается воронам, сорокам, песцам, росомахам.

Таковы эти звери. Люди им вынесли смертный приговор, местами уже приведенный в исполнение. В приговоре четыре пункта обвинения:

1. Уничтожение диких животных.
2. Уничтожение домашних животных.
3. Распространение опасных болезней, в частности бешенства.
4. Нападение на человека.

Я, продолжая рассказ, в котором собираюсь поставить под сомнение все эти пункты, вначале отмечаю последний. Написано множество небылиц о таких нападениях. Особенно богата ими художественная литература. Что интересно: чем меньше становится волков, тем охотнее печатаются книжки об их людоедских подвигах. Вот передо мной одна такая — детская. Волками загублен почтальон: его сын героически продолжает дело отца.

Вглядываешься в строчки (и между строчек) и убеждаешься: фактом здесь не пахнет, да и воображением тоже, потому что воображение вещь хотя и свободная, но подчинена логике и требует жизненных посылок. В рассказе события просто названы,

а это верный признак эпигонства. Но какого эпигонства? У большинства писателей-реалистов волки не нападают на людей; это уж сколько ни ищите. Но есть примеры противоположные. Полистайте Пришвина. Он рассказал забавный случай: беременную женщину окружила стая волков. Но они не то чтобы не тронули ее... они оставили свои метки, так что дальше ей пришлось идти с мокрыми ногами. Надо полагать, волки сделали это из чистого одобрения, уважили материнство.

Конечно, писатель может писать о чем угодно, создавая свой собственный мир, в котором волки глотают бабушку и Красную Шапочку, но зачем же небывицы выдавать за правду? Ведь писатель, «растерзавший» в погоне за катарсисом беднягу почтальона, свалил трагедию на голову волкам не книжным, а живым.

Владимир Иванович Даль, великий знаток русского языка, в своем словаре на слово «волк» собрал полторы непарельных колонки пословиц и поговорок. Из всех этих, так сказать, концентратов народной мудрости вырисовывается весьма неприглядный образ серого хищника, но ничего такого, как нападение волка на людей, в них не оказалось. Зато есть пословица о том, как пастух, сбывая овец, что называется, «налево», сваливает вину на волка.

Вы когда-нибудь задумывались над тем, почему старые волчатники, как правило, весьма храбрый народ? Есть молодцы, которые, отправляясь за выводком волчат, вооружаются одним лишь... мешком. Идет по деревне этот человек, помахивает своим «оружием», и на лице у него скрытая усмешечка. В окнах испуганные лица, «ахам» и «охам» конца нет, а усмешечка та обозначает некое знание. А именно: матерая не тронет! Ведь иной охотник и пять лет подряд у одной и той же волчицы забирает всех волчат (они в «Заготсырье» оплачиваются по тридцать рублей за штуку). Такое, понимаете, деликатное дело: навредить можно с ружьем.

Они не только «храбры», но и жестоки: там, где за малых волчат платят меньше, чем за взрослых и прибылых волков, иные волчатники, найдя логово, не забирают волчат, а перекутив проволокой их ноги так, чтобы ходить не могли, оставляют мучиться до осени. Бедные, искалеченные таким подлецом звери далеко от логова не уползут, но и матерые их не бросят, выкормят. Осенью придет изобретательный варвар, найдет в известном ему месте подросших калек, одного за другим дубиной убьет, и глядишь: несколько лишних десятков у него в кармане.

Было давно, нападали волки на людей, пеших и в

саях. Но давно и зимой, когда еще собирались большими стаями. И стай таких было много.

У нас остается еще три обвинения волку, но я по-
дожду говорить о них. Сначала давайте попробуем за-
глянуть туда, куда мало кто заглядывал, — в логово.

Среди валежин, меж корнями,
Отрывши яму для жилья,
Росла волчья семья...

Так хоть и в стихах, но точно описал волчьи по-
вадки старейший воронежский волчатник Георгий
Васильевич Кольцов. И он отлично знает, о чем гово-
рит. Действительно, волки роют жилье среди корней,
ведь корни — каркас, способный предотвратить об-
вал. Место по возможности выбирается глухое — это
часто залитые в половодье крепи. У волка тундры
такие же требования (укромность, водопой непода-
леку и тому подобное). Водопой очень важен: волки
много пьют. И если нет поблизости воды, ходят по
ночам пить даже к деревенским прудам! Так было,
например, рассказывает Г. В. Кольцов, под Вороне-
жем, в селе Старое Животинное: двух матерых, пере-
ярка и шесть прибылых водила старая волчица к пру-
ду у села, где и домашний скот днем поили и где
собаки, чуя волков, надрывались лаем.

Устроиться на логове волки стараются с комфор-
том. Правда, комфорт никогда не вытесняет заботу
о безопасности, так что иной раз им приходится
справлять новоселье дважды и трижды: если человек
на старом месте их потревожит. Волки весьма преду-
смотрительно заранее ищут и, убедившись в их при-
годности, хорошо запоминают несколько таких запас-
ных мест для логова. И когда там, где волчата роди-
лись, стало вдруг небезопасно, сейчас же унесут
оттуда детей. Но запасные логова совсем не рядом
(иначе смысла бы в них не было), и потому волчат
транспортируют поэтапно: сначала перетаскают по
одному в какое-нибудь укромное место или полпути,
сложат кучкой под куст, а потом так же по одному
переносят до следующего перевалочного пункта.

У волков есть свои роковые и непонятные стран-
ности. Даже курица защищает цыплят! А волки чело-
века и собак, напавших на логово, не трогают. Убе-
гают, прячутся. Волчата, защищаясь, грызутся с соба-
ками, но родители на помощь никогда не придут. Это
удивительно! Удивительно и то, что, если гончие
с залиivistым лаем идут по волчьему следу, звери
никогда не обернутся, не прогонят и не загрызут их,
и будут бежать и бежать, и гончие рано или поздно
выгонят их под выстрелы. А ведь деревенских собак
волки таскают без страха. Из-под крыльца, бывает,
вытащат отчаянно визжащего пса, ту же гончую. Ее

и в лесу могут схватить прямо с гона (и нередко это случается, особенно если голосок у гонца дворняковатый — незаливистый). Да, но с гона по зайцу или лисе, а не тогда, когда гонит собака самих волков (особенно если так азартно лает, что «аж легкие рвет!»).

Г. В. Кольцов рассказывает: до темноты (и в темноте несколько часов) гоняли в смычке выжлец и выжловка прибылых, а потом и подваливших к ним пару здоровенных матерых волков. И со слуха ушел далеко гон: матерые увели в соседние угодья. Так засветло и не дозволись собак и совсем уж было простились с ними, потому что решили, наверняка их ночью волки порвут. Но не тронули тех собачек серые: пришли псы домой в деревню, правда очень напуганные, тесно прижавшись друг к другу (прямо как слились!). Понимали, опасно молчком по темному лесу ходить среди волков, когда след волчий брошен и людей поблизости нет.

И вот откуда-нибудь из закрытого мрачной тенью логова начинается жизненный путь волка через круги всеобщей ненависти к той неотвратимой огненной вспышке, которая настигает его рано или поздно.

Волчица приносит от двух до восьми волчат.

Растут вначале на чистом волчьем молоке. Затем появляется мясо, и волчата встречают его с восторгом. Родители носят им добычу весьма оригинальным способом. Они глотают куски мяса и затем отрыгивают их перед волчатами. Что замечательно: мясо появляется из недр волчьего брюха совсем свежее, по-видимому, волки умеют задерживать на это время пищеварение.

Соблюдать режим дня волчатам удастся не всегда. Конечно, это хорошо, если завтрак приспел вовремя, к восходу солнца, но иногда папаша возвращается из ночного похода лишь к полудню (ему, кстати сказать, приходится пробежать 50, а то и 150 километров за одну охоту). В таком случае мать выводит волчат на прогулку, где кормит легким молочным завтраком и разрешает вволю порезвиться.

Забавы суматошны, проказливы. Вот что увидел канадский зоолог Фарли Моуэт, когда жил в тундре бок о бок с волками.

«Двое волчат пытались оторвать материнский хвост, они рвали и драли его с такой яростью, что шерсть летела клочьями; двое других делали все, что только могли, чтобы оставить мать без уха.

Около часа Ангелина (так назвал он волчицу) героически терпела пытку, затем, взъерошенная, попробовала защищаться: села на собственный хвост и спрятала истерзанную голову между лапами. Но где там — волчата накинулись на ее ноги, по одному на каждую. Моим глазам предстало жалостное зре-

лице: Ангелина, словно шаман, отгоняющий злых духов, изо всех сил пыталась одновременно прикрыть лапы, хвост и голову.

Наконец волчица не выдержала. Она отпрыгнула в сторону от своих мучителей и убежала на высокую песчаную гряду за логовищем».

Знаете, не всякая мать обладает таким поистине ангельским терпением!

Возвращается отец. Тут бы призвать шалунов к порядку, но и папаша мягкосердечен. Он устал, хочет спать, но не будет ему покоя! Приходится, хочешь не хочешь, развлекать своих чад.

Вообще, отношение волков к малышам, даже к чужим, заслуживает не только похвалы — подражания! Если погибнут родители, а другой волк найдет волчат, он вскормит их, вспоит и научит жить. Были случаи, голодных щенков приносили в логово волки, чтобы их накормить.

А волчата взрослых волков просто обожают! Лоис Крайслер видела и рассказала, как волчата ласкались к взрослому волку. Стоило им лишь коснуться его, и они дрожали от нежного возбуждения. Они его обнимали, они его целовали, лизали. Конечно, от таких ласк растаешь и отдашь кусок мяса, который предполагалось оставить у себя в желудке. Обласканный кормилец, забыв, что собирался лечь спать, вновь мчит на охоту. Таково следствие атмосферы любви, царящей в волчьем царстве, — она активизирует старших.

Остервенелых драк среди волчат почти не бывает. Это удивительно миролюбивые дети. Хотя, правды ради, надо признать, что причины, возбуждающие всех дерущихся мира сего, — чувство собственности, обиды, ревность — эти причины ссорят нередко и волчат. Но если в остальном мире их самое легкое следствие — разбитый нос, то в диком волчьем логове вооруженный конфликт быстро умеют обратить в игру и веселую шутку.

Настанет день, когда тесной будет истоптанная лужайка перед домом и в лобастых головах возникнут разные «географические» вопросы: кто прячется за тем валуном? Нельзя ли понюхать солнце? И вот отправившись в путешествие. Одни. И запаслись в дорогу только легкомыслием — груз, как известно, самый необременительный и приятный.

Миновали валун (или там вековую ель, упорно закрывавшую горизонты). Нечто странное, красное, ожившее в порыве ветра возникло перед носом заводилы-направляющего. Исследователи шарахаются в испуге. (Мы-то знаем — обыкновенный цветок.)

Однако благородная любознательность побеждает. А ведь «оно» годится для игры, догадываются волчата. И начинаются восторги, посмотреть на кото-

рые — смех! Цветок осторожно обнюхивается, затем исследуется на прочность (дети веды!). И наконец, смятый, падает вниз, ловится всей компанией. Всеобщая потасовка, в которой все начисто забывают про цветок. Повозиться — это, конечно, удовольствие высшее.

Идут дальше. Мягкая проплешина на земле, отдадут и ей должное. Птица на ветке — послушают птицу. Палка какая-то — поиграют и с палкой. Умение черпать радость в самых простых предметах природы — качество, живущее у волков в крови. Ликовать, когда оттаает первый клочок земли, оттого, что на деревьях листочки распустились, волки умеют, как и мы. Кто жил с ними рядом, знает об этом.

Но вдруг! Ужасный! Большой! Ушастый! Заяц! Испугались волчата, дезертируют. Но простим их: у них еще будут возможности реабилитировать себя. Тем более что сейчас превратности путешествия поставили их в положение, вызывающее сочувствие. Они, кажется, заблудились.

Это происходит в лесу, в тундре или в степи (какая разница для маленьких, пушистых, беззащитных комочков, для которых даже не слишком высокая трава — нелегкое препятствие!). Шли бы по своему следу и наверняка вернулись к маме: она пришла с охоты и спокойно бежит вокруг логовища. Но нет — волчата, описав широкое полукружие, приближаются к дому с обратной стороны. У них в голове некое приспособление для ориентировки — оно и сработало, не дав потеряться. Так что мы зря волновались.

Всыпать бы за самовольную отлучку! Но нет! Такой воспитательный метод волками почти не употребляется. (Да и как их будешь наказывать, ласкающихся?) Волк очень легко травмируется обидой или страхом: быть может, поэтому не просто приручить его человеку, существу весьма непостоянному и непоследовательному. Такое приручение — редкость и удаётся людям сдержанным, добрым, о которых говорят: человек хороший.

В следующий раз кто-нибудь из родителей сам возглавит прогулку. Скажем, отец. Он тронет каждого из волчат носом, и они беспрекословно за ним последуют (послушные дети!). Конечно, прогулка будет теперь назидательной. Кого надо бояться, кого — нет, кого надо попробовать догнать, кого просто припугнуть, показать, что ты волк. Между прочим, некоторые исследователи заметили такую черту у волка — припугнуть, притвориться сердитым, когда на деле он в самом благодушном настроении. Невольно подумаешь: волк сознает свое положение в глазах окружающих.

Волки — звери сообщества. Но их щедрость, не-

обходимая в товариществе, простирается не только на своего брата. Волк не тронет песца, ворующего припрятанную им добычу. Видели: он добр к ворону, вороне, сороке, лисе. Он способен исторгнуть из своего желудка кусок мяса и для собаки.

Горе собрата их трогает. Бегали прибылые (волки до года) по лесу, нашли ежа. Один исколол морду в кровь. Другие поглядывают на раненого и тихонько скулят, выражая сочувствие.

Перед молодой ручной волчицей собаки эскимосов затеяли грызню. Шерсть клочьями летит. Что сделала волчица? Она, безошибочно определив главного задиру, за хвост вытащила его из свалки. Действие, весьма похожее на миротворство.

Случилось горе. Переярок (опять охотничья терминология — молодой волк от одного до двух лет) не вернулся с прогулки. Нет его день, другой. Похоже, погиб. Вы ошибетесь, если решите, что его сестренка возрадуется: теперь с харчем легче станет, одним ртом меньше. Нет, она аппетит потеряет. И будет плакать. И ее плач — «у-о-оу» — растревожит вам душу, как причитания опытной вопленицы.

Учитель Н. рассказывал: однажды, возвращаясь с охоты, он повстречался с волками. Куда они бежали, конечно, осталось неизвестным. То, что Н. не рискнул стрелять, факт. То, что волки едва обратили на него внимание, тоже факт, хотя, конечно, удивительно, с чего взялась у них уверенность, что он стрелять не будет. Но тут не об этом разговор. Волчья стая, которая протекла в двадцати шагах от учителя, произвела на него впечатление злобной рычавшей массы. Беспреданно то тот, то этот волк выбегал из строя и цапал кого-нибудь за шею. Они запомнились ему как вырвавшийся из ада поток яростного возмездия. Н. после такого видения долго не решался ходить в лес в одиночестве.

Но он ошибся. Н., хотя человек очень знающий и культурный, принял обычную волчью забаву, их игру за ужасное зверство. Дело было скорее всего так. Отправившись куда-то на охоту, волки, не желая терять даром времени, решили в дороге поиграть. Они вообще дня не могут прожить без игры, веселые звери.

Цапанье друг друга за загривок у волков — проявление не вражды, а симпатии.

Как встарь шла деревенская молодежь за околицу водить хороводы, так выходят на игрища и волки. Это опять охотничье слово, обозначает поляну, широкую дорогу, лысый бугор, а то и убранное поле. Расшалившись, раскидают снопы, истопчут пыльную дорогу, и незаметно, что по ней когда-нибудь ездили. В большом почете прыжки. Прыгают вертикально

вверх — свечкой, один перепрыгивает другого; чехарда, да и только! Играют в кошки-мышки. А какая радость, разогнавшись, тормозить перед мордой приятеля всей силой расплюснутых ступней!

На игрища, бывает, сходятся волки разных семей. На этих общественных собраниях несоблюдение этикета наказуемо. Тут, если ты молод, будь внимателен со старшими, выкажи им положенную почтительность. Бурное изъятие чувств при первой встрече — дурной тон. Надо быть сдержанным и учтивым. Приветствуй матерого, припадая к земле, и не забудь подставить прямо под его зубы шею в знак покорности. И тогда он слабого не тронет. Впрочем, в разных странах волчий этикет не всегда един. Как и у людей.

Вы не смеетесь, но волки и улыбаться умеют! Улыбка разная: нежная, общительно-веселая, хитроватая, откровенная, застенчивая. В общем волчья улыбка. Все, кто изучал волков вблизи, поражаются: ведь улыбка — уже выражение лица, признак богатства эмоций и ума.

В конце июня, в начале июля ранние выводки начинают выть. Торжественное и грустное явление. Та жуть, тот мороз по коже, который проридает дальнего слушателя, ничто по сравнению с необоримо-роковой ролью воя в жизни самого волка. И в его смерти. Он, осторожный и умный, он, умеющий быстро бегать, он, умеющий лучше других прятаться в самые непроходимые чащи, выдает себя с головой. На «вабу» (подражание вою) мало-мальски умелого охотника ответит вся стая. И место открыто. Готовьте гончих, заряжайте картечью ружья, охота будет удачной!

Они начинают выть, когда на небе заря, утренняя или вечерняя. Что это — хоровой концерт, задушевный разговор, а может быть, мольба в тоске?

Вой стаи — слаженный ансамбль, где партии оригинальны и виртуозны. Они никогда не звучат в унисон. Они сплетаются в сложнейшие построения, которые лишь равнодушному и невнимательному, лишь тому, кто слушает в наушниках страха и предубеждения, покажутся набором заунывных воплей. Но так же, как открытому сердцу близок необъятный мир чувства и разума, заключенный в музыке Бетховена, так человеку, чуткому к звукам природы, доступно понимание великолепной гармонии волчьего воя.

В нем, этом вое, — любовный и дружеский призыв, накал охотничьей страсти, траур по товарищу, радость общения. Голос у волка чист, как у итальянского тенора, но, если в нем звучат хрипловатые ноты, знайте — это вопль отчаянья и одиночества.

И все же едва ли стоит утверждать, что в вое волка есть какое-то определенное смысловое значе-

*Реабилитированный
«серый разбойник».
Кажется, приближается
время, когда волков,
прежде почти всюду
безжалостно
истребленных, придется
кое-где специально
разводить для пользы
той самой дичи, ради
спасения которой их
уничтожали.*

ние. Он скорее всего — настроение, интуиция. Вот сравнить его с музыкой, я полагаю, дело более перспективное.

Итак, представим: волки — меломаны.

Тогда можно объяснить многие странности в их безрассудной приверженности вою. Например. Старая, умная волчица ответила на «вабу», к ужасу и удивлению молодого охотника, впервые попробовавшего себя в искусстве подражания. Почему ответила? Разве она никогда настоящего воя не слыхала? Но представьте себе: просто она заинтересовалась новым исполнением. Она допускает, что незнакомый волк может выть и так и эдак — иначе говоря, он имеет право создавать вариации на заданную тему. И... ответила. И это стоило жизни выводку. Волчице же повезло, осталась жива. Окрыленный успехом охотник на следующий год «вабит» уже самоуверенно. Но теперь, лишь заслышав его, волчица уводит волчат (и завывать им не даст!). Теперь ей знаком этот голос!

Отнюдь не басни, что волки отвечают на музыку, на пение, на охотничий рог. Рассказывают даже такую историю (не знаю только, как проверить ее достоверность): стая завывала, откликаясь на паровозный гудок! Но столь легкомысленные музыкальные увлечения, безусловно, на совести легковесной молодежи, которая вечно не ту музыку обожает. Да, впрочем, что ее упрекать, если почтенные отцы и матери волчьих семейств и сами иной раз не могут себя сдержать? Только очень опытная, бывалая волчица, услышав незнакомый вой, прежде чем завывать в ответ, не поленится сделать круг в несколько километров, чтобы, зайдя с тыла, проверить, кому тут пришла охота музицировать.

Вой — акт торжественный и многозначительный. В повседневном обиходе у волков иной «язык звуков»: рычание, ворчание, завывание, хныканье, тьяканье, лай, повизгивание, откровенный визг. Похоже, что этот обширный вокальный репертуар прекрасно служит им для общения. Волк повизгивает, подзывая волчат. Те бегут — поняли! Он прохаживается у логова, поджидая волчицу, чтобы вместе отправиться в охотничий рейд. Она, как водится, замешкалась. Он тьякает. Тут, понятно, выражено нетерпение. Он рад вашему обществу и хочет рассказать об этом: «глядит вам прямо в глаза и долго, самозабвенно-косноязычно бормочет и повизгивает почти на одной ноте». У некоторых волков, заметила Л. Крайслер, есть забавный жест приветствия и благоволения — откинутая в сторону передняя лапа. Откровенный зевок — признак хорошего настроения. Задние лапы, скребущие землю, — презрение. Вообще «язык» телодви-

жений и звуков у них эмоционален и богат, и об этом в последнее время много писали.

Волки умеют быстро понимать (и перенимать!) человеческие интонации и действия: например, отодвигать задвижки на дверях или питать слабость к духам и... собакам. Есть у них склонность и к преждевременным обобщениям: один человек поступил плохо, и подобное зло волки уже ждут от других людей. Но и добро одного быстро располагает их к другим. В общем, характер волка (в отношении его несходства с собачьим) так определяют те, кто хорошо знает волков: у собаки жизненный принцип — зависимость, у волка — ответственность, у собаки — честолюбие и самомнение, у волка — престиж и власть.

Характер волков, как и всяких других существ, проще понять, когда наблюдатель концентрирует внимание на их жизненных апогеях. У волков это не только игры, вой, охота, но и любовь. Не считайте, что это святое слово здесь слишком сильно.

Организация некоторых звериных семейств более сложная, чем привыкли обычно представлять себе люди. У волков так называемая «большая семья», смысл ее порядков биологи разгадали только недавно.

Мужая, сильные молодые волки (двухлетки и трехлетки), выбрав по вкусу подругу (часто на всю жизнь), уходят весной из стаи и заводят свою семью. Слабые же их сверстники менее счастливы, своим домом обычно не живут, супружества не знают (если в округе есть волки сильные). Они «нанимаются», что называется, в няньки к своим братьям. Такова их волчья доля.

Матерые разрешают молодым поселиться где-нибудь поблизости, километрах в двух-трех. Это с их стороны весьма любезно: обычно от логова до логова самое ближнее семь километров.

И начинается семейная жизнь. Собственно, начинается она, пожалуй, раньше, за год до этого. Партнеры избирают друг друга, когда они еще числятся прибылыми: довольно нескладными, смешными, но, как полагается, симпатичными «юношами» и «девушками».

Целый год (надо же!) взаимного ухаживания. У волков, как говорят в науке, «лицевая ориентация». От морды к морде получают они информацию о том, что намерены сделать, и готова ли, в частности, волчица стать матерью, а волк отцом. И только тогда происходит спаривание. А до этого и попутно с тем веер улыбок, акробатические прыжки, разные резвые затеи — все для милой или для милого. Кстати сказать, у волков не слишком заметно разделение на «слабый» и «сильный» пол в том смысле, что один

должен всюду стараться, а другой лишь жеманно принимать ухаживания.

Возникновение «треугольника» очень часто кончается трагедией. Схватка, быстрый рывок страшных зубов, и один из соперников (или соперниц) повержен. И это те самые звери, которые редко дерутся, чьи ссоры — редкость. Но тут уж действуют суровые законы естественного отбора.

Когда волчата рождаются, мать первые недели лежит с ними в логове. Потом, принюхиваясь, осторожно выползает из норы, но далеко не уходит, лишь метров на сто-двести. Куда-нибудь сюда члены «большой семьи» приносят ей добычу: все, что поймали. Позже она и сама рыщет по округе. И вот тогда няньки — «тетки», «дядьки», «кузены» — нянчат волчат. Они с ними играют, кормят проглоченным на охоте мясом и, конечно, несут бдительный караул. Волк-отец тоже долг свой не забывает. Он всегда рядом (если не ушел с волчицей). А осенью, когда детишки подрастут, волчья «большая семья» охотится стаей, и молодые учатся у старых законам джунглей.

Но пора вернуться к трем оставшимся пунктам обвинения. Пункт второй — уничтожение дикой фауны.

...Аляска, тундра. Тысячи мигрирующих оленей. И волки недалеко. Двое кинулись за стадом — прямоком, весьма резвым аллюром. Стадо не дремлет, на ходу перестраивается, но не меняет направления, растягивается. Громче стучат копыта, и волнение пробегаёт по чаше оленьих рогов. Нет, волкам их не догнать. Даже тонконогие, хрупкие оленята бегут быстрее. Удостоверившись в бесполезности погони, волки быстро отстают — зачем зря тратить силы?

Но вот еще группа оленей. Опять стремительный волчий рейд, опять та же реакция преследуемых — и вдруг... Текущая масса стада будто выжимает из себя каплю — прихрамывающего, махающего головой самца. Его товарищи быстро уходят вперед, а он что-то мешкает, и волки настигают его. Следует эпизод, который не для слабонервных...

Совершенно, очевидно, злодейское преступление. Но если мы возьмем на себя функции медицинских властей и произведем экспертизу, обнаружим следующее:

переднее копыто у оленя отсутствует: вместо него лохмотья;

легкие поражены ленточным глистом и уже наполовину уничтожены;

кишечник изъеден фенолом и индолом, ядами кишечных микробов;

сердце...

Можно и не продолжать. Любой из этих болезней достаточно, чтобы считать оленя обреченным.

Допустим, остался бы больной олень жить: он ходячий рассадник заразы. Он найдет себе самку, и вот родился у них олененок с нестойкой к болезням наследственностью. Он вырастет и тоже принесет болезненного олененка... Так вымирают стада оленей, а ученые раньше разводили руками: почему так? Теперь многим ясно почему.

На Аляске, в Нельчинском заповеднике, перебили всех волков. Четыре тысячи оленей обрели спокойствие, и через десять лет их стало 42 тысячи. И... огромное стадо, съев и вытоптав весь лишайник на пастбищах, стало катастрофически быстро вымирать. Пришлось призывать на помощь волков, из положения «вне закона» их перевели под его защиту.

Волк — главный куратор леса, тундры, степи. Если нет крупных животных, он ест мелких грызунов — вредителей сельского хозяйства. Опять польза от волка! Он ловит щук весной в протоках, а иногда вынужден есть даже ягоды и... насекомых. Нетребовательный зверь.

Хищники, можно сказать, оздоравливают обстановку в лесу. Поэтому сейчас во многих странах Африки леопард, а местами и крокодил взяты под защиту закона. Леопард полезен тем, что истребляет диких свиней и обезьян, разоряющих поля, а крокодил — полудохлых рыб, разносящих заразу, вредных насекомых и ракообразных. «Но, к сожалению, — пишут африканские зоологи, — крокодилы порой нападают также и на людей».

Я с трепетом перехожу к третьему обвинению: «уничтожение домашних животных». И не потому, что, задавшись целью вырядить волка в овечью шкуру, пасую перед обилием несомненных преступлений. Мне кажется, что именно под этим обвинением скрывается корень волконенавистничества. Рассказы о зарезанных людях (в них, как правило, фигурируют сапоги с недоеденными ногами) — это истеричное утрирование, исходящее из приверженности человека к своему добру. Это мсть, превышающая причину.

Сельское хозяйство — основа любого общества. Веками оно было мелким. Отнять у крестьянина овцу, корову и лошадь — значит поставить его перед лицом голодной смерти. Вот так волк становится убийцей человека. Убил, а как? — все равно. Фантазеры для наглядности и остроты рассказа сжимали утомительное время, и волк оказывался в непосредственной близости от пострадавшего.

Та ситуация безвозвратно ушла в прошлое. Волки же по-прежнему нападают на домашних животных и бывают жестоки: вместо одной овцы, которую могут унести, гонят и на бегу режут десяток. Некоторые объясняют это нервозностью волка, вы-

званной присутствием человека. Некоторые — его характером: он просто не может удержаться от истребления слабого. Но дело проще: люди всех растерянных по лесу зарезанных овец не соберут, а волки их и под снегом потом найдут и сыты будут долго.

В наше время большое животноводческое хозяйство почти гарантировано от нападения волков, даже если они есть поблизости.

«Если исследовать рацион нескольких койотов, окажется, что они убили домашней птицы и скота на сумму в 500 долларов. В остальном же пища их состояла преимущественно из мышей и крыс, которые, если бы они не были съедены волками, уничтожили бы зерна на 700 долларов. Вывод, кажется, ясен: благодаря нескольким волкам мы получили 200 долларов прибыли» (доктор П. Т. Б о у д).

Многие исследователи заявляют сейчас, что неправильно делить диких животных, как героев классической драмы, на хороших и плохих, на полезных и вредных.

В природе между различными видами животных и растений за миллионы лет их совместного существования установилось естественное равновесие. Безрассудное уничтожение разных зверей и птиц может нарушить это равновесие, и тогда начнут гибнуть и другие животные и даже растения, расплодятся вредители и сорняки. Одним словом, последствия могут быть очень плохие.

Теперь о болезнях, которые переносит волк.

Их много, наверное, столько же, сколько у больных животных, им уничтожаемых.

В волчьем кале — яйца исключительно опасного паразита, вдохни — и «из них разовьются мельчайшие личинки, которые попадут в мозг и инцистируются обычно с роковым исходом, как для себя, так и для человека».

Разнообразные глисты, всевозможные бактерии — чего только не носит в себе волк! Но разве мы не преклоняемся перед врачом, высасывающим из горла ребенка дифтерийные пленки? Перед теми, кто прививает себе опасную болезнь, чтобы, исследовав ее, избавить от нее человечество? Волк грудью принимает болезни, посланные природой нам.

Почему мы не уничтожаем корову? Она переносчик бруцеллеза. Кошка, обыкновенная кошка, мы ее гладим, а ведь она начинена целой обоймой заболеваний! Увы, и о других животных можно сказать так же.

Одно из самых страшных преступлений волка — бешенство. В свалявшейся шубе, с опущенным хвостом, мутноглазый, ок бродит, не разбирая дороги,

ослабевшими челюстями пытается кого-то укусить, сеет страх.

Но ведь и собаки бывают бешеными, и лисицы, и кошки, и овцы, и летучие мыши... По-видимому, все млекопитающие восприимчивы к вирусу бешенства. Значит, следуя и этому пункту обвинения, нужно бороться не с волком как таковым, а с бешеным волком и бешенством вообще.

Я приближаюсь к концу рассказа и в последний раз хочу обратить ваше внимание на книгу Лоис Крайслер «Тропами карибу» — самое лучшее из того, что я когда-либо читал о волках. Эта книга — героическое исследование в пользу волка, и она многих вдохновила.

Я попытался соединить в одном портрете повадки американских и наших волков. Они нигде не вошли в противоречие. Я так же, как и другие люди, озабоченный судьбой дикой природы, хочу, чтобы волкам сохранили жизнь. Чтобы не всех их перебили. Думаю, что в скором времени на убийство волка будет нужна лицензия. А пока, если повстречаю волка, я не буду стрелять.

Серые волки, североамериканские, европейские и азиатские — одного вида. Когда-то огромная территория, вся нео- и палеарктика с прилегающими на юге странами вплоть до Израиля, Ирана и Индии, изобиловала волками. Много скота, да и людей немало гибло под их зубами. Города, села и целые племена порой объединялись вместе, устраивая облавы на волков, в которых принимали участие тысячи загонщиков, копейщиков, арбалетчиков.

Кантоны Швейцарии и поныне содержат, конечно, теперь уже лишь традиционные и бесполезные, общества охотников на волков. А в Англии, кажется, еще есть (или до недавнего времени была) должность главного королевского начальника волчьих облав, хотя последний волк был убит в Великобритании в 1680 году неким Камероном Локиелем. Последний волк Франции пал у границ Швейцарии, под городом Морестелем, сравнительно недавно (волки в эту страну, по-видимому, временами забегают с Пиренейских и Апеннинских гор). На морестельского волка, на территории в 50 квадратных километров, была устроена грандиозная, прямо-таки императорская облава: две тысячи загонщиков, тысяча охотников, три самолета и 60 жандармов с радиоаппаратурой! «Будьте осторожны, — предупреждал охотников жандармский шеф, — это вам не фазанчик!» И волк, много раз простреленный, погиб. И такой был составлен не поделившими его шкуру нотариально заверенный «некролог»: «...Движимые духом братской солидарности и желанием обеспечить для потомства редкий охотничий трофей... мы договорились о том, что волк должен стать неделимой собственностью жителей Виньи, Сермерье и Васлена. Морестель же должен хранить его и заботиться о его сохранности, в связи с чем уплачивать за него страховые взносы в сумме 200 000 франков...» В ознаменование сей исторической даты — убийства во Франции последнего волка — семь веков красовавшуюся в древнем гербе Морестеля собаку, подретушировав, переделали в волка.

Итак, во Франции волков не стало. Уцелели они в Западной Европе лишь в Испании, в Апеннинах, Сицилии, Скандинавии,

ГДР и ФРГ, а дальше—всюду на востоке до Чукотки, Сахалина и острова Кунашир в Курильском архипелаге. А в направлении меридиана — от берегов Ледовитого океана до Крыма и Кавказа включительно. В Индии волки встречаются еще, но, по-видимому, только в Гималайских предгорьях и горах. В Северной Америке серые волки живут в Канаде, Аляске, Гренландии и в некоторых пограничных с Канадой районах США. Правда, на юге этой страны, в штатах Техас, Луизиана, Арканзас и Миссиссиппи, попадаются черные волки того же рода, но иного вида, чем волки серые, и мельче их.

О ШАКАЛАХ И ЛИСАХ

Шакал — как бы уменьшенная до 6—14 килограммов копия волка. Много волчьего в его повадках, но много и непохожего. Шакал — животное определенно южное, у нас он нашел подходящее местожительство лишь в Предкавказье, в Грузии, Дагестане, местами в Закавказье, а также в Туркмении, Таджикистане и в долинах рек Сырдарьи и Амударьи. Забегают шакалы с Балкан и в Молдавию, но не часто. К жилью человеческого шакалы привыкли и часто селятся от него не вдалеке, по ночам мешая людям спать своим действующим на нервы воем. Шакал растительной пищей не брезгует: на бахчах грызет арбузы, дыни, на виноградниках — виноград, на полях — кукурузу. Но и про курятники не забывает, кур таскает. Падаль ест и всякие отбросы на помойках, лягушек, насекомых, ящериц, рыб, грызунов, птиц.

Любит камыши в поймах рек и берега озер, пустыни ему меньше по душе и высокие горы тоже. Весной где-нибудь в густых кустах, под корнями дерева, в норе барсука, лисы или дикобраза рождает шакалья самка от трех до девяти щенят. Живут они с матерью до осени, а на следующий год — уже и сами родители.

Римляне называли шакалов «золотыми волками», оттого слово «золотой» и фигурирует в их латинском видовом названии. Но иначе и по-разному, конечно, зовут шакалов в тех странах, где они есть, — в Индии и на Цейлоне, в Бирме и Турции, на Балканах в Европе, в Северной и Восточной Африке. В Африке еще три вида шакалов составляют им компанию (и конкуренцию). Самый обычный и нарядный — чепрачный шакал. Спина у него как бы покрыта черным, чуть оттененным серебряным чепраком. А бока и лапы красивого желтого или оранжево-бурого тона. Африканские шакалы менее общительны друг с другом, чем золотые, родина которых, бесспорно, Азия. Небольшими стаями собираются не часто: обычно лишь когда почуют, что лев задрал антилопу и всю не съел. Подбирать объедки за львами у них в обычае. Но если такая удача не предвидится, сами промышляют ящериц, мышей, птиц, юных и малых антилоп. Чепрачные шакалы даже на плотно пообедавшего питона отваживаются сообщать нападать, если, конечно, он не очень большой и так obeseлся, что отяжелел и вял. Но если питон голоден, роли часто меняются: тогда шакал из охотника превращается в дичь. Еще леопарды не прочь при случае закусить шакалом. И люди шакалов невзлюбили за воровство: тащат и кур и все, что

*Африканский
чепрачный шакал.
Спина у него темная,
словно накинута на
шакала черный
чепрак.
Весь год живут и
охотятся эти
шакалы обычно парами.*

съедобного попадет в деревьях. Шкуры чепрачных шакалов красивы, из них шьют ковры и покрывала.

Полосатый шакал чуть, пожалуй, покрупнее чепрачного, но не так нахален и храбр. Абиссинский еще крупнее, но очень редок, и о жизни его почти ничего не известно.

Вот и все шакалы Старого Света. Но в Новом, на западе Канады, США (к востоку до Великих озер, а южнее — только до восточного Техаса) и в Мексике, живет зверь, близкий к шакалам. Зовут его койотом, или луговым волком. У шакала хвост короткий, у койота — длинный и пушистый, почти как у лисы (но на конце черный, а у лисы белый). Жить в опасном соседстве с человеком койоты приспособились не хуже шакалов. Рассказывают, что даже железные дороги используют с выгодой: кормятся на откосах всякими отбросами, которые люди кидают из окон вагонов. Местами, услышав шум поезда, бегут койоты из прерий и полей, где охотились на мышей, птиц и насекомых, к железнодорожному пути и, наострив уши, сидят, бывает, неподалеку, ждут, не выбросит ли какой проезжий американец что-нибудь съедобное.

У лисиц, как у кошек, зрачок вертикальный, продолговатый (у волков, шакалов и собак круглый). И то еще в их характере есть кошачьего, что никогда стаями не живут и не охотятся, а все в одиночку. Правда, собираются иногда и лисицы по нескольку штук, чтобы новорожденного косуленка отбить у матери или раненую косулю заесть, но то не стая, а скорее случайно образовавшаяся компания: каждая пришла за долей для себя, и так получилось, что собрались к пожине вместе.

Лисиц лишь рода *Vulpes*, к которому причислена и наша красная лиса, девять видов: в Европе, Азии, Африке и Северной Америке. В СССР — три вида: красная, или обычная, лиса, афганская и корсак. Корсак — миниатюрная лисичка (с темным, а не белым концом хвоста!), живет в степях и пустынях Средней и Центральной Азии, на юго-западе Украины, в Поволжье (к северу до Саратова), в Предкавказье и Забайкалье. Афганская лиса еще меньше корсака, светлая, сероватая, хвост с темным кончиком. У нас (в Туркмении) очень редкий зверь.

*Полосатый шакал.
От других шакалов
отличают его белый
конец хвоста
(как у лисы!),
а также темные
и светлые полосы
на боках.*

Красная лиса, как и волк, заселила очень большую территорию — всю Европу, почти всю Азию, включая Китай и Японию, Северную Африку и Северную Америку (впрочем, эту североамериканскую разновидность некоторые считают хоть и очень близким, но иным видом). Кроме того, завезли люди красную лисицу в Австралию, Новую Зеландию и на другие острова.

Про нее я много говорить не буду: не потому, что лиса — зверь неинтересный, просто знают ее все, и довольно хорошо. Как известно, лисы бывают не только рыжие, но и черно-бурые (особенно нередки они на Чукотке), а на американском севере — и серебристо-черные. А также крестовки (с черным крестом на плечах и темно-бурым брюхом), сиводушки (более светлые, с бурым или ржаво-бурым крестом на плечах и темно-бурым брюхом), замарашки (с темными пятнами, в частности на морде) и прочие — это даже не подвиды, а просто генетические формы (с разными генами окраски в наследственности), рождающиеся нередко и в одном помете. А кроме того, еще десятки разных подвидов лисиц разнообразной окраски. В общем, лисы северо-востока более крупные и яркие, в степях и пустынях — мельче и цветом бледнее.

Весной обычно в заброшенной барсучьей норе (реже самой вырытой), а иногда и в одной норе с ним, но в разных отнорках подземного лабиринта, родится у лисицы 4—6, а то и 12 бурых лисят. Люди,

*Мимика лисьей морды
очень выразительна.*

найдя их, иногда думают, что это волчата. На неопытный взгляд они и в самом деле похожи немного на волчат, но отличить их можно по белому кончику хвоста: у волчат он весь темный. Месяц и две недели кормит лисица молоком. Потом потихонечку ее чада на разведку из норы выходят. Но еще месяца три-четыре прячутся в ней. К осени разбредаются кто куда. А следующей весной у подросших лисят уже дети.

Говорят, что барсук, выживая лису из своей норы, все норовит закопать ее. Лиса же портит ему жизнь тем, что пакостит у него под носом. Такого свинства в доме этот чистюля совсем не выносит и, потеряв надежду перевоспитать (или заживо зарыть) сожителя, бросает свой дом и роет новую нору. А лисе только этого и надо. Но боюсь, что такая интерпретация их

взаимоотношений — всего лишь не лишенный, впрочем, выдумки охотничий рассказ.

Но вот другая старая охотничья басня о том, что у лисицы хвост фиалками пахнет, — чистая правда. Хотя, рассказывает Пришвин, случается, что охотники, желая в этом удостовериться, «не там нюхают».

Фиалковая железа, которая особенно велика и душиста в пору размножения, помещается не под хвостом, а на хвосте, сверху, почти у самого корня (в сантиметре от него). Назначение ее в жизни лисиц еще не вполне ясно. Но, во всяком случае, она не для того дана природой лисе (как раньше, бывало, охотники уверяли), чтобы, если ранена и силы ее на исходе, обернувшись назад, вдохнуть фиалковые ароматы, а вместе с ними и бодрость. Сердце будто бы сильнее тогда бьется, и набирается лиса от этой парфюмерии новых сил. Скорее всего распространяет фиалковая железа путеводные нити запахов, чтобы легче было рыжему жениху найти невесту в дебрях леса или в степных просторах.

Бывает, рассказывают, спасаясь от гончих собак или просто желая в безопасности поспать, залезает лиса на... деревья. И не только полуповаленные, наклонные, что не так уж удивительно, а будто бы даже и на прямостоящие ели. Если только, правда, разлапистые суки у елки растут низко над землей, чтобы могла лисица прыгнуть на них и, повиснув лапами, удержаться и перелезть повыше. Говорят, еще и «в опоссума играть» умеет лиса, притворяясь мертвой не хуже его, и тоже глазом не моргнет, если даже за хвост ее поднять и положить в мешок.

Впрочем, еще более удивительные вещи рассказывают про лису. Будто возьмет в пасть клочок овечьей шерсти или сена и в какое-нибудь озерко или заводь потихоньку заходит. Блохи, которые купаться не любят, ища местечка посуше, переползают будто бы с ног (по мере погружения) на брюхо, оттуда на спину, со спины на голову. А с головы — на сено (или шерсть). Тогда великий стратег блошиной войны бросает перегруженный блохами ковчег. (И больше к нему не приближается!)

А еще про лис слава ходит, будто хвостом они рыбу ловят.

Можно ли всему этому верить?

Насчет дерева — пожалуй, правда. Насчет притворства — тоже, возможно, правда: потому что енотовидная собака из того же, что и лиса, звериного племени (семейства псовых) определенно так поступает. Когда собаки и охотники ее окружают, притихнет, лежит, будто умирает, и жизнь в ней еле теплится. А заметив, что враги отошли немного в сторону, вскочит и побежит. Но выдержки опоссума у нее нет, по-

тому обычно выдает себя раньше времени, и ее тут же догонят и добьют.

Насчет блох — похоже, сказки. О рыболовстве с помощью хвоста судить не буду, ибо хочется мне в это поверить, да нельзя: не доказано наукой.

ВОЛКИ, ЛИСЫ И СОБАКИ ОСОБОГО РОДА

В семействе псовых, или собачьих, кроме родов *Canis* и *Vulpes*, то есть настоящих волков, собак, шакалов и лисиц, есть звери других родов. Происхождением и некоторыми чертами своей анатомии близкие к волкам, шакалам и лисам, но кое-чем и не похожие.

Начнем знакомство с этими нетипичными «псами» с енотовидной собаки. Жила прежде енотовидная собака, пышными бакенбардами и окраской похожая на американского енота, лишь в Китае, Корее, Японии, Северном Вьетнаме, а у нас — на Дальнем Востоке: Амур, Уссури. Но, решив, что этот зверь пушистым мехом полезен (что вполне справедливо) и не очень для птичьего населения новых земель будет вреден (что совсем несправедливо, как утверждают теперь многие охотоведы), решили зоологи ту уссурийскую собаку акклиматизировать по всей стране. Почти всюду она отлично прижилась, а под Москвой, например, этот фальшивый енот — очень обычный теперь зверь. С 1927 по 1957 год около десяти тысяч енотовидных собак привезли и выпустили в 76 разных областях, краях и автономных республиках Советского Союза. Вот и живет сейчас енотовидная собака почти везде в европейской России (и даже заходит в тундру у Баренцева моря!), в Прибалтике, на Украине, в Крыму и на Кавказе. В Западной Сибири, Казахстане, на Алтае и в Забайкалье ее меньше, но тоже есть.

Уже в 1935 году объявилась енотовидная собака в Финляндии, а еще через десять лет — в Швеции, затем — в Польше, Чехословакии, еще через 8 лет — в Румынии. В Германии, в Вестфалии, первых енотовидных собак увидели и застрелили в 1962 году, однако не ясно, переселились ли они сюда с востока или убежали с местных звероводческих ферм (как это случилось и в Финляндии).

Итак, двинулась енотовидная собака в наступление на запад! Успех акклиматизации зависел во многом от ее собственных способностей. Она в принципе бродяга, к одному месту мало привязана, не спеша, но неумоимо проходит большие расстояния. Любит поймы, кусты у озер и перелески в степи и среди лугов. Таежные дебри ее не прельщают. Плодовита, иногда 19 щенят приносит сразу (но обычно все-таки 7—10). Ест разное: лягушек (а их везде немало!), мышей, ящериц, насекомых, моллюсков, рыбу, птиц, птенцов и

*Енотовидная собака.
Родина ее —
Дальний
Восток, но и в
европейской России
во многих местах
это теперь обычный
зверь.
В Японии мясо
енотовидных собак
очень ценят гурманы,
а кости — народная
медицина.*

яйца, ягоды, фрукты, а когда голодна, то и овес, конский навоз, всякие отбросы. Она (и это тоже очень важно) зимой, с ноября по март или февраль, как медведь или барсук, накопив за лето жир, спит где-нибудь в норе или под выворотом ели. Для собаки повадка небывалая! Но в оттепели часто пробуждается и бродит по лесу, оставляя на снегу довольно разлапистые (в сравнении с лисьими) следы. На юге, где тепло, может зимой и не спать, а голодные, не накопившие жира «еноты», бывает, что и на севере бродят все морозные месяцы, одержимые одной заботой: что бы такое съесть.

В старой барсучьей или лисьей норе, под выворотом среди корней (на родине, в дальневосточном Приморье, и сама норы роет), обзаводится енотовидная сука многодетной семьей. Самцы из-за самок, говорят, у них не дерутся. Дети рождаются, и законный отец их не бросает, а когда щенки подрастут, приносит им разную добычу.

Песец — самая, пожалуй, короткоухая лиса, а фенек — самая длинноухая. Песец — житель Заполярья, фенек — знойной Сахары и Аравии. Оба — лисы особых родов. И песец ростом невелик, но фенек — совсем крошка, с котенка, а вес его — полкилограмма. (И крик у него не звериный, а какая-то лягушачья сухая трескотня.)

В горячих песках Сахары фенек, пожалуй, самое

Фенек — самая крохотная и самая большеухая лиса. При длине тела и головы не больше сорока сантиметров (и весе всего полтора килограмма) уши у фенека феноменально велики — 15 сантиметров. Фенек, прячась, так быстро роет землю, что про него говорят: «Он погружается в песок».

обычное млекопитающее. К жаре привык, но и его она порой донимает. Потому днем прячутся фенеки в глубоких и прохладных норах, которые для большего комфорта выстилают сухой травой, перьями и шерстью. К вечеру дружно, как по команде, внезапно вдруг вылезают из-под земли и, чутко прислушиваясь огромными своими ушами ко всем шорохам вокруг, сидят у нор, пока жара совсем не спадет. Если солнце чересчур припечет, приляжет фенек и голову, как зонтом, прикроет пышным хвостом. Чуть звук какой, насторожившись и ушки к нему повернув, рысцой подбегает фенек туда, где услышал совершенно неуловимый для нас шелест ящерицы по песку или скачок саранчи в траве. Шелохнется во сне пустынный жаворонок или рябок — фенек услышит и вот уже крадетсЯ словно тень, глазенки его блестят, нос и уши напряженно приноживаются, прислушиваются. Ведут его точно: замер крохотный зверек, словно в стойке легавый пес, прыжок — и птица у него в зубах.

Там, где хоть немного есть воды, собираются на водопой, повизгивая в радостном предвкушении, много фенек из близких и далеких нор. Фенек долго может жить и без воды, питаясь соками съеденных животных, ягод и плодов.

Ранней африканской весной рождаются в норе у миниатюрной большеухой лисицы совсем крохотные лисята. Тут же организуется промысел: кочевые арабы, раскопав норы, малых фенек собирают в корзины и везут продавать в оазисы. Там фенекотов откармливают, по праздникам жарят и едят.

В ту же пору, когда фенек в Сахаре изнывает от жары, песцу весьма прохладно. Ведь живут песцы в тундрах Европы, Азии и Америки, а местами — на горных хребтах Якутии, на Командорских, Курильских и некоторых полярных островах. Иногда заходят далеко во льды Арктики (до 85-го градуса северной широты) и следуют часто за белыми медведями, как шакалы за львами: объедками их пиршества кормятся в голодную пору. Зимой уходят песцы на юг — в тайгу, иногда верст за тысячу, порой до Ленинграда и Калининской области. Летом почти все снова возвращаются в тундру, некоторые, впрочем, остаются в сибирской тайге и на лето.

Общеизвестно, что зимой песец белый, как снег. Многие, по воротникам судя, знают также, что есть и голубые песцы: зимой они голубовато-серые, но чаще палево-дымчатые, бурые или даже черные. Эти на меховых рынках стоят дорожке. Летом песец, именуемый крестоватиком, бурый сверху и желтовато-грязно-белый снизу. Живут песцы в норах (зимой — часто в снежных), из года в год их подновляя и дополняя. Превращаются тогда их жилища в подземные лабиринты с множеством входов и выходов (иногда их до шестидесяти!). Бывает, что и в расщелине, а иногда и просто между кочками рождает песцовая самка многочисленное свое потомство (7—10, а то и 25 щенков).

Длинным летним полярным днем и короткими сумерками рыщут песцы по тундре. Едят все, что съедобного найдут или поймают, — леммингов, мышей, куропаток, зайцев, рыбу, трупы тюленей и китов. Ягоды тоже. Когда добычи больше, чем песец может съесть, он ее в землю закопает и мордой так сверху умнет и сровняет, что и не видно, где рыл.

Два весьма выдающейся внешности существа собачьего племени охотятся в прериях и лесах Южной Америки. Одно чрезвычайно коротконогое; на вид — как такса; второе — весьма даже длинноногое. Первое, кустарниковая собака, ловко на коротких ногах снует в густых зарослях тропических лесов Центральной и Южной Америки. Второе, гривистый волк, на длинных конечностях, которым любой скакун может позавидовать, скачет по степным равнинам Боливии, Парагвая, Аргентины и Южной Бразилии.

О жизни тропической таксавидной собаки мало что известно, хотя в Бразилии она и не так уж редка. Там ее иногда приручают — она к людям привыкает быстро и, говорят, довольно умна, послушна. Мимика у нее выразительна и необычна: хозяйина приветствует не виляньем хвоста, а странным дрожанием приоткрытых углов губ, которые у конца морды в то же время плотно сжаты.

Вид у кустарниковой собаки прямо-таки странный: тело массивное и длинное (вместе с головой — 60 сантиметров), а ножки короткие, словно рахитичные, так что, когда стоит, в холке она не выше фута, а фут, как известно, 30 сантиметров. Хвост толстый и тоже короткий (15 сантиметров), словно обруб-

Дикая кустарниковая собака.

Внешность у нее, как видите, очень странная и странные для собак повадки: она любит нырять и плавать под водой!

лен. Собака темно-бурая, а брюхо у нее иногда темнее спины. В окраске зверей это отклонение от нормы очень редкое и говорит о том, что кустарниковые собаки большую часть жизни проводят в тени и полумраке.

Ведь природа наложила более темные тона на спины своих детей (даже полосатых и пятнистых), чтобы скрыть и затушевать естественную разницу в освещении верхней, обращенной к солнцу, и нижней, затененной, поверхности тела. Если бы этого не было, то нижние контуры животного, подчеркнутые тенью, рельефно выделялись бы на любом фоне. Потеряв рельеф и став на вид плоским, зверь, если его окраска соответствует микрорайону, в котором он живет, легче сольется с местностью. Если у животного спина светлее брюха, значит, подобно некоторым странным созданиям (рыбе синодонту, гусенице глазчатого бражника или ленивцу), большую часть жизни оно проводит, плавая или вися на ветке вниз спиной. Если и спина и живот окрашены почти одинаково — значит, живут их обладатели в тенистых, сумеречных местах или совсем без света — в пещерах и глубинах океана.

Но вернемся к забытой на время кустарниковой собаке. Как в том убеждают чисто теоретические рассуждения о ее необычайной окраске, живет она действительно в тени густых кустов, у корней гигантских деревьев и по берегам рек и озер. Большую часть дня спит в норе, а ночью стаи коротконогих псов охотятся. Пака, похожий на морскую свинку южно-американский грызун, — предмет его особых вожделений. Там, где этих грызунов много, и кустарниковых собак немало.

За теми же пака, дикими морскими свинками, за птицами, насекомыми, а иногда и за овцами весьма резво скачет на своих длинных ногах и гривистый волк. Это, пожалуй, самый длинноногий зверь на Земле: у него ноги в пропорции к длине туловища — 90—97, а то и все 100 процентов. Они черные, а сам зверь рыже-бурый, с гривой из длинных волос на шее, которые топорщатся, когда он злится. Уши большие. Хвост пушистый, с белым концом.

Щенки у гривистого волка совсем черные. Чтобы откопать какого-нибудь грызуна, роет этот волк землю не передними лапами, как собаки, а только зубами. Ест он и фрукты и сахарный тростник.

Гривистый волк — самый высокий зверь в семействе псовых: 75 сантиметров в плечах, но не самый тяжелый — 23 килограмма. По ночам гривистые волки кричат как-то необычно и жутковато. Но на людей никогда не нападают.

Гривистый волк после настоящих северных волков самый большой (вернее, высокий, но едва ли самый сильный) зверь в семействе собачьих, которое в Америке представлено еще двенадцатью видами, кроме уже упомянутых: серого, черного и гривистого волков, койота, песца, красной лисы и кустарниковой собаки. Два вида лисиц — в Северной Америке и десять видов полулисиц-полушакалов — в Южной.

Серая американская лиса (США, Мексика) действительно сверху серая, с рыжей отделкой на боках и шее. Она меньше красной и знаменита тем, что неплохо наловчилась залезать на деревья. Охотится в одиночку в лесах, кустах и на болотах. Серая островная лиса похожа на нее, но живет не на континенте, а лишь на некоторых североамериканских островах.

Из южноамериканских лис 6—8 видов объединены зоологами в род *Dusicyon*. Из них азаровы лисицы, серые, большеухие и пышнохвостые, живут обычно поодиночке или парами в кустарниках, избегая густых лесов. Ягуар для них что лев для шакалов: подбирают за ним объедки, идя по его следам.

Майконг, зверь иного рода — *Cerdocyon*, зубами похож на лисицу, а круглыми зрачками и повадками на шакала. Рыже-серые и довольно длинноногие майконги охотятся стаями, преимущественно в густых лесах.

В семействе псовых есть еще три зверя, о которых нельзя умолчать. Для предстоящего с ними знакомства из Южной Америки последуем сначала в Африку, потом в Азию.

Фенек в Южной Африке нет; там другой зверь удивляет своими несоразмерно большими ушами всех, кто увидит его

впервые. Это большеухая собака, или драишакал, — скромный житель степных нагорий от Сомали до южных провинций континента. Рыже-буро-серый, тонконогий, тонкокостный, меньше обычной лисы. Но вот уши... уши, вместе сложенные, пожалуй, покроют всю его голову. Уши не остренькие на концах, как у фенека, а округлые — как ложки.

Зубами это большеухое создание меньше всех своих родичей похоже на собак: мелкие, бугорчатые клыки недоразвиты. Да и не в том даже дело — слишком много зубов! Сорок восемь и даже пятьдесят, тогда как у самого «зубастого» из псовых их не больше сорока двух. Если зубов слишком много, они мелкие и бугорчатые, то первое, что решит знающий зоолог, — такой зверь кормится в основном насекомыми. К ушастой собаке это правило вполне приложимо: в ночном ее рационе (охотится она по ночам) больше всего термитов, саранчи и других насекомых. Встречаются, впрочем, и мыши, птичьи яйца, фрукты.

Гиеновая собака — волк Африки! Не видом, а повадками, умом, организацией облавных охот, и дисциплиной стай (в которых бывает и сорок и шестьдесят псов), и той селективной ролью, которую гиеновые собаки волею судьбы выполняют в саваннах.

Гиеновая собака —
волк Африки.

Но внешне, особенно тупой мордой и большими округлыми ушами, похожи эти собаки на гиен. Но только внешне: нрав у них невероятно живой, возбудимый, они очень резвы, игривы, постоянно в движении; энергии явный избыток.

А вот пальцев на лапах не хватает: не пять на передних, как и у всех в семье собачьих, а четыре. Наверное, чтобы быстрее бегать. Ведь чем меньше пальцев на ногах, тем резвее звери.

Ноги у трехколерных черно-бело-желтых гиеновых псов резвые чрезвычайно. Загнать любую зебру, антилопу — это для них нетрудное и приятное удовольствие. Облаву организуют по всем правилам: сначала окружают стадо гну или газелей, затем кидаются все разом. Если цепь свирепых загонщиков прорвана, слаем, визгом, воем пускаются они в погоню. Шум, гам, пыль — мчатся с ликующими воплями дикие псы! Но бегут не как попало, а со смыслом: одни прямо за стадом, другие наперерез. Уставших сменяют те, которые берегли силы. Редко кто в саванне спасется от них бегством: обязательно, загнав, свалят, разорвут тут же на куски, в минуту от антилопы останутся лишь кости, и тех немного. В ужасе, в дикой панике иные антилопы пытались найти убежище в деревьях, в поле среди людей. Но «волков» Африки нелегко испугать: люди кричат, бросают в них камни, а те тут же рядом рвут загнанного зверя на части.

В полуденную жару они обычно не охотятся, спят, играют, но вечером, когда попрохладнее, а чаще ранним утром трусят рысцой, опустив тупые морды к земле, наострив уши, вынюхивают, прислушиваются чутко. Тут лучше не попадаться ни малой газели, ни большой антилопе, будь то даже канна с острыми и длинными рогами, на которую не всякий лев отважится напасть. Да и сам лев, если псы очень голодны, предпочитает уйти с их пути, а то разорвут, особенно если стар или слишком молод.

Недавно два очень компетентных зоолога, Бернгард Гржимек и Джордж Шаллер, вернулись из Африки и привезли много любопытных сведений о гиеновых собаках.

«Странные, зловещие создания эти гиеновые собаки с огромными ушами... не побоялись как-то напасть даже на бегемота, они прыгали гиганту на грудь, и тот в явной растерянности был рад-радешенек, когда наблюдавший эту сцену человек отвлек разбойников выстрелом. Сразу вслед за этим отчаянная свора окружила двух слонов, и те боязливо попятились, подняв вверх хоботы» (Бернгард Гржимек).

Каковы собачки! Таких бы храбрецов приручить на пользу человеку. Кстати, приручаются они легко, хозяина любят, прыгают как безумные, когда увидят,

и «щебечут» — иначе, говорят, и не назовешь их приветственное ворчанье. Но и ручные не могут устоять перед искушением разорвать курицу и цапнуть соседа либо гостя за ногу. Да и пахнет от них невыносимо! Оказывается, вонь, говорит Б. Гржимек, «тоже хорошее средство сохранить свою свободу!».

Он видел в Серенгети, как стая гиеновых собак — 14 взрослых и 9 молодых — трусила по степи. «Внезапно оба вожака стаи остановились как вкопанные и уставились на стадо из 40 гну, которое паслось на расстоянии примерно 800 метров». Вожак вышел вперед и не спеша, с видом безразличным побрел к стаду. Стая так же не спеша тронулась за ними. Тут здоровенная и, наверное, глупая гиена чуть было не испортила им все удовольствие от охоты. Она выскочила откуда-то сбоку и изо всех сил старалась удрать подальше. «Но удрать ей, конечно, не удалось»: один вожак быстро ее догнал, схватил за заднюю ногу и опрокинул. Гиена завизжала, как испуганный поросенок, но не огрызалась, пес укусил ее раза два в наказание за глупость и опять потрусил к стаду ничего не подозревавших пока гну.

Два возглавивших охотничью операцию пса подошли к антилопам метров на четыреста и тут вдруг в стремительном беге кинулись прямо к ним. Гну их заметили и «бросились врассыпную». Густая пыль закрыла на время сцену действия. Когда она рассеялась, то глазам людей предстала неожиданная картина — гну не убегали, а «разделились на четыре небольшие группы и стояли плотными кругами, рогами наружу, защищая сбившийся посередине молодняк. Гиеновые собаки тоже разделились. Но каждая их попытка прорвать сомкнутый круг терпела неудачу — всюду их встречали низко опущенные острые рога. Мы ждали».

И увидели тут убедительный пример того, что каждый звериный детеныш должен знать твердо: непослушание, когда кругом столько врагов, равноценно самоубийству. Какой-то капризный и беспокойный теленок выскочил из плотного кольца обороняющихся рогов. И тут же, в одно мгновение собаки кинулись к нему и разорвали. Получив свою дань, они больше антилопами не интересовались, и те разбрелись по степи.

И хотя эта дань, которую гиеновые собаки берут со всего живого, порой и велика, хотя завывания и тывканье рыщущих псов повергают в панику и беспешное бегство всех копытных, а грифы и стервятники, уверенные в успехе охоты, заранее кружат над местом действия трагедии, польза, которую «волки саванны» приносят ее копытному населению, немалая. Гиеновые собаки, уничтожая в первую очередь

больных, слабых (глупых и капризных от рождения), так или иначе наследственно дефективных животных, играют важную роль в равновесии сил природы, в балансировании ее ресурсов и отборе самых приспособленных. Поэтому в Национальном парке Серенгети разрабатываются меры по охране гиеновых собак от чрезмерного уничтожения, которое им грозит.

Джордж Шаллер узнал много нового, интересного и неожиданного о жизни и нравах горилл, месяцами следуя за ними по пятам. Тем же методом изучал он позднее львов и гиеновых собак.

Сообщества последних очень сложные. В их стаях царят строгая иерархия и дисциплина. И даже разделение труда! Одни охотятся, другие караулят щенят. После удачного загона охотники спешат к щенкам, и малые вылезают из нор. И тогда большие псы, склонив к ним головы, исторгают из глоток мясо, которое принесли в желудках. Узнаете знакомые повадки?

Для нянек всегда оставлена недоеденная туша загнанного зверя. И те, сдав дежурство, сейчас же спешат к ней, пока грифы все не разворовали. Отряды охотников и сторожей у нор через определенное время меняются.

Между собой эти свирепые для врагов псы живут мирно. (Каждая стая бродит по просторам, как показали последние наблюдения, очень обширным — до 1500 квадратных миль!)

Когда в дикой саванне встретятся два разных и, казалось бы, конкурирующих охотничьих отряда, дружелюбию их нет предела — прыгают, нюхают друг друга, играют, смешавшись в общем радостном веселье. И без ссор и грызни расстаются. Больше того, «однажды у горы Меру, — рассказывает Б. Гржимек, — свора охотничьих собак повстречалась со стайей диких гиеновых, все обошлось так же мирно и спокойно».

Если кто из этих псов на охоте отстанет и потеряется, друзья его не оставят. Тут же, услышав тревожный зов, «вся остальная братия» без промедления мчится к заблудившемуся товарищу.

Колсун, красный волк, или по-индийски дhole, в той же примерно роли, как и гиеновые собаки в Африке, выступает в джунглях Азии. Только арена эта не степи, а леса, преимущественно горные. А сам деятель похож на не крупного волка, красновато-бурый или рыже-красный, уши хоть и больше волчьих, но, однако же, не такие без меры разлапистые, как у гиеновой собаки.

Именно этих волков как всепожирающую грозную лавину, атаковавшую джунгли, изобразил Киплинг в своем «Маугли».

Эта невинная на вид
собачка —
прославленный
Киплингем красный
волк, или колзун.
Даже тигры боятся
этих волков!
Но не зарегистрировано
еще ни одного случая,
кроме загадочного
происшествия на Яве,
нападения красных
волков на людей.

В этом смысле против истины он погрешил немного: красные волки, объединившись несколькими семьями, довольно быстро опустошают округу, в которой недолго проживут. Потому они постоянно в движении и покрывают в охотничьих походах огромные расстояния по лесам и горам Тибета, Индии, Суматры, Явы и других мест, где еще встречаются их стаи. Козлы, бараны, олени, даже дикие и страшные быки гауры и бантенги, которых и тигры без особой нужды избегают беспокоить, бегут от них в панике. Быки обороняются от красных волков, встав кругом, как гну. А волки норовят отбить от стада самых слабых, больных и юных, которым рвут сухожилия ног, брюхо, горло. Говорят, и тигру плохо придется, если встретит он стаю красных волков (или собак: и так их называют) там, где нет поблизости пологого дерева, на которое он успел бы быстро залезть. Псы отважны, рвут полосатого с разных сторон. Истекая кровью, теряя силы, гибнет в их бес-

пощадных зубах всесильный в джунглях тигр. А медведь гималайский, который и тигра может неплохо отколотить, как почует, поведя носом по ветру, — дhole пахнет! — спешит, не думая о престиже, уйти подальше. А если дух слишком силен и близок, скорее на дерево. Нет зверя, кроме слона, который бы сумел в одиночку долго устоять под яростным натиском красных волков.

В СССР красные волки редко, но встречаются на Восточном Памире, Тянь-Шане, Алтае, в Саянах, в горах южного Предбайкалья и Забайкалья. На южных склонах Станового и Яблонового хребтов их больше.

СЕМЬ МЕДВЕДЕЙ И БОЛЬШАЯ ПАНДА

Что гималайский медведь может иногда и тигра отколотить, я не сам придумал, так считает Джим Корбетт. Он родился и прожил в Индии семьдесят лет и перестрелял много всяких медведей, тигров и леопардов. Повадки животных он знает хорошо, а его книги «Кумаонские людоеды», «Леопард из Рудрапраяга» — лучшее, что я читал о зверях Индии.

Как-то, выслеживая одного из леопардов-людоедов, Джим Корбетт увидел огромного гималайского медведя. «Он шествовал так важно, словно для него совершенно не имело значения, сколько времени придется идти, чтобы попасть из одного места в другое». Вдруг остановился, покрутил носом, приняв ваясь, посмотрел на склон холма и лег плашмя на землю.

Поднял голову, еще раз понюхал, чем там пахнет впереди, и, крадучись, полез туда, где что-то унюхал. Прямо стелился по земле, полз «бесшумно, как змея». Подполз к краю ямы, а там тигр пировал, к разным бродячим медведям вовсе равнодушный. Медведь медленно-медленно поднял голову над ямой и заглянул вниз. Так же медленно ее опустил. Лапы под себя подобрал и вдруг с громким ревом ринулся вниз.

Медведь хотел испугать тигра, но тигр был не из робких. Рыком своим даваясь от ярости, бросился на медведя, и такая драка началась, что шерсть клочьями летела. Минуты три дрались, а может, и больше. Но вдруг тигр, решив, что с него хватит медвежьих объятий... струсил. Галопом понесся по открытому месту, а за ним по пятам медведь. С ревом, «как ураган», перескочил овраг. Но тигр летел еще быстрее: здорово всыпал ему медведь!

Таков финал этой драки и таково решение вопроса, который задают часто, особенно дети: кто сильнее, тигр или медведь?

*Несмотря на свой
небольшой для
медведя рост и вес
(до восьми пудов),
гималайский медведь
отважен и
агрессивен: он порой
нападает и на тигров,
которых бурые, более
крупные, медведи
боятся.*

Однако решение это не единственное, бывают и иные финалы. Некоторые наши зоологи говорят: боятся, и здорово, косолапые тигров. Лишь почует медведь запах полосатой кошки — и скорее бежать или на дерево. А тигр, бывает, еще и ждет, прохаживаясь под деревом или укрывшись в засаде, когда тому надоест сидеть на суку.

Советский зоолог Л. Г. Капланов (к сожалению, безвременно погибший) изучал жизнь тигров на воле, в уссурийской тайге, методами, которые Джейн Гудолл, Джордж Шаллер и многие другие этологи применяют сейчас и которые помогли узнать в последнее время столько нового и неожиданного о нравах и повадках диких животных.

Л. Г. Капланов шел зимой на лыжах по следам тигров. Один по безлюдному краю. Ночевал, как и зверь, там, где его заставляла ночь. А утром снова в путь. Так прошел он 1232 километра!

Однажды он нашел разоренную медвежьей берлогу. По следам понял, что случилось. Тигрица шла по лесу и учуяла медведя метров за пятьдесят. Она сразу свернула с тропы и пошла к берлоге. Подкопала берлогу сзади. Там лежала медведица с медвежатами. Тигрица изловчилась и подцепила ее когтями за переднюю лапу, которой медведица, наверное, отбивалась. Одной лапой тигрица вытащила шестипудового медведя и загрызла!

Видно, у нас на Дальнем Востоке тигры особенные: очень сильные (так, впрочем, и есть). Или в Индии медведи отважнее наших? Может, и отважнее, но не сильнее. Ведь в Индии медведи черные, гималайские. У нас тоже такие есть, но ведь тигры, как рассказывают, обижают бурых. А бурые медведи крупнее черных.

Ну, так кто же все-таки сильнее, тигр или медведь?

В царстве зверей такие вопросы просто не решаются. Тигр и медведь силой почти равны. (Даже если и льва в это соперничество включить, равновесие треугольника сил не изменится.) Победит тот, кто храбрее, кто старше и злее, кто весит больше. Молодые и тигры и медведи дерутся, конечно, хуже матерых, полных сил и отваги самцов. Важно также, кто первый напал, кто сыт и кто голоден: сытый зверь не так дерзок и зол, как голодный. Важно, на чьей земле встретились бойцы: кто из них ближе к дому, тот обычно яростней дерется. А ярость часто сильнее силы.

Причин всяких много, решить нелегко, почему у нас медведи тигров боятся, а в Индии нет. Повадки животных люди по-настоящему еще только начинают узнавать. Раньше зверей изучали все больше по шкурам и костям. Теперь многие ученые с биноклями и кинокамерами в руках наблюдают, как ведут себя живые звери на воле. Подождем, что нового они увидят и расскажут о тигре и медведе.

Там, где тигр с медведем встретились и, унаследовав древнюю вражду от кошек и собак, живут не мирно, еще одна «кошечка» претендует на первенство в дикости, силе и отваге — леопард. И опять воп-

рос из серии детских: кто сильнее, леопард или медведь?

Ответы тоже разные: Джим Корбетт говорит, что сам не раз видел, как уверенно и бесстрашно прогоняли гималайские медведи леопардов в самый ответственный момент, когда те устраивались плотно пообедать. Прогнав, уносили «обед», чтобы съесть.

Но другой известный в Индии охотник, Кеннет Андерсон, иное рассказывает: одно медвежье семейство — мать, отец и медвежонок — решило поселиться в пещере. А в пещере той уже жил леопард. Когда он вернулся, медвежонок первым, конечно, удрал. Мать и отец попробовали отстоять уютный дом, но натиск пантеры был так свиреп, что медведи решили отступить, и немедленно. «Глава семьи удирал с такой поспешностью, что сорвался со скалы и сломал себе передние лапы».

Одни говорят, что гималайский медведь смел, другие — что отнюдь нет. Он лишь возбудим, раздражителен и часто по малому поводу или без повода приходит в бешенство. На людей нападает, лишь когда все пути к бегству отрезаны (или ему так кажется). И тогда больше от страха, чем с отвагой, атакует и бьет в лицо тупыми, но длинными, «восьмидюймовыми» когтями.

На совести этого медведя больше, чем у любого другого зверя Индии, искалеченных и обезображенных людей. Медведь любит поспать и спит на земле в какой-нибудь яме, в густой траве, да так крепко, как никакой, пожалуй, дикий зверь (еще и громко храпит!). Ни треск веток, ни шумный разговор его не будят. Охотники, крестьяне, собирая хворост, часто буквально наступают на спящего медведя. Тогда он вскакивает как чумовой и от испуга бьет человека лапами в лицо. (Зденек Веселовский, директор Пражского зоопарка, пишет, что так поступает медведь-губач. Но Д. Корбетт и К. Андерсон, описывая подобные случаи, определенно говорят о гималайском медведе.)

В принципе гималайский медведь — вегетарианец: желуди, орехи, плоды, ягоды, молодые побеги ест он и на земле и на деревьях, забираясь на них очень ловко. Но и насекомые для него не последнее лакомство, и падалью не брезгует, даже такой, которую ни тигр, ни леопард есть не стали бы.

Забавно он изгибается, извивается, принимая самые причудливые позы, когда разрывает термитов или добывает разные корни из земли. «Чем-то это похоже на клоунаду». Ворчит от натуги и удовольствия, гудит, как самолет; жужжит, как пчела, пыхтит, как кузнечные мехи, «причем последнее служит как бы аккомпанементом».

Там, где зимой холодно, гималайские медведи к осени сильно жиреют (сала на иных процентов сорок). Найдя дуплистое дерево, старый тополь или липу, дупло в нем выскоблят когтями и очистят от гнилья, расширив для себя просторное помещение. В дупле, иногда в пяти метрах от земли и выше, спят всю зиму, с ноября по март. Спят сидя. Редко, но бывает, что не один, а несколько черных медведей зимуют в одном дупле. В своей жизни эти медведи очень зависят от больших дуплистых деревьев. Правда, когда их всем не хватает, некоторые где-нибудь и под корягой, в расщелине между камней ложатся на зиму. Но такое дело им не по душе.

В январе — феврале черные медведицы, сидя в дуплах, рожают одного-трех слепых и крохотных медвежат, каждый с крысу средних размеров. Были бы больше, больше бы и ели. А так как мать сама в эту пору голодает, то прокормить прожорливых сосунков ей нелегко, даже и с весьма обильным запасом жира под кожей. Потому природа и распорядилась: всем медведицам рождать зимой в берлогах (куда как уютно!), но для пользы их самих и детей только очень маленьких медвежат, с пропорциональным росту аппетитом. Мать кормит их молоком — из сосков на груди, а не на брюхе — три месяца и до следующей осени с ними не расстается.

Если мысленно последуем из страны в страну, где живут гималайские медведи, дойдем и до нашего Дальнего Востока. Тут в лесах Приморья, Уссури и Нижнего Амура живут бок о бок с ними медведи всем нам лучше знакомые, бурые. Они ростом выше и грузнее — 160—320 килограммов, а то и полтонны! Гималайский не всякий, даже и матерый, самец потянет на 160 килограммов. Цветом шерсти разнобурые: с рыжиной, сединой, чернотой всяких тонов, редко попадаются и совсем светлые, кремовые. У гималайского медведя мех черный, а на груди большое полулунное белое пятно (реже оно желтое). У бурого этого пятна нет, либо оно чуть приметно, а уши короче и морда тупее.

Гималайский медведь обитает только в Азии (у нас лишь на Дальнем Востоке): в Китае (и на Тайване тоже), Японии, Индии, Восточном Иране. Крайний юг его ареала ограничен Индокитаем. Бурый медведь распространен шире — в Европе, Азии и Северной Америке. В Западной Европе уцелели медведи лишь в Пиренейских горах, Скандинавии, на Балканах, в Карпатах. (В Румынии медведей больше, чем любой стране, кроме СССР, — две-три тысячи.) Когда-то в Англии было так много медведей, что римляне вполне удовлетворяли британскими медведями спрос своего народа если не на хлеб, то на зрелища.

На восток, начиная с Чехословакии, простирается ареал бурого медведя через всю Россию до Аляски, а если считать, как некоторые систематики, что гризли не особый вид, а лишь подвид бурого медведя, то и дальше — до Западной Канады и Скалистых гор США. Живет бурый медведь также в Японии и Китае, в горах Центральной, Средней и Передней Азии. Жил когда-то даже в Африке, но только на севере, в Атласских горах. Теперь тут, кажется, истреблен.

В СССР широкой полосой с запада на восток тянутся обитаемые медведями леса. На севере ограничена эта полоса тундрой, на юге — еще достаточно густыми борами на севере Белоруссии, Рязанской области, Мордовской АССР, юго-западе Татарской АССР. Затем, перевалив вытянутым к югу языком через Уральский хребет, спускается южная граница обитаемых бурым медведем мест к Алтаю и уходит в Китай. Южнее таежных лесов, минуя степные и пустынные края, вновь живут медведи в горных лесах Кавказа, Копетдага, Тянь-Шаня и Памира, а на Дальнем Востоке — на островах Курильских, Шантарских, Карагинском и Сахалине.

«Какими именами только не величают медведя в Забайкалье!» — говорит А. А. Черкасов, горный инженер, натуралист, большой охотник и большой писатель. Он-то знал очень хорошо этого «косматого черта», «хозяина», «Топтыгина», «черную немочь», «чалдона»! И рассказал нам, пожалуй лучше всех, почти все о медведе, хоть написана была книга А. А. Черкасова сто лет назад. Рассказал великолепно, речью краткой, но необыкновенно выразительной и яркой, как мало кто мог сделать.

Весна еще ранняя, апрель. Снегу в лесу по ельникам, борам, буеракам много. Сырой, крупной, плотно не лежит, глубоко медведь вязнет в нем. Вылез из берлоги, не терпит ему. Как запахи весны почуял, проломил «небо» у спальной своей ямы, выбрался на свет. И свет в глаза ему ударил яркостью необычайной после тьмы берлоги. Дух от сырой земли, от почек набухших, от снега талого, от сосен, щедро источающих смолу, носом чутким потянул медведь и лег, щурясь, тут же, поверх берлоги. Лежал в дремоте еще крепкой, ворочался, принимался дня три, никуда не уходил.

Но вот пошел, рухнув сразу в сугроб, что метель за зиму намела у выворота, под которым пролежал зверь все холода. Шуршит бор иглами, шумит ветром в ветвях. Из крепи выбрался медведь в чернолесье. Здесь снег совсем почти сошел. Земля под солнцем парным теплом туманилась.

Не без дела шел, всюду хозяйничал: корягу вывернет, камни какие, плиты перевернет. Сила велика у зверя. Ветровал дерево наземь уронил, медведь обошел его, понюхал под стволом, чем там земля пахнет. Вдруг в охапку сосну ухватил и сдвинул с места, как бревнышко. Сейчас же к той пролежине сунул носом, когтями землю заскреб: может, мелочь какая живая есть, чтобы съесть. Похудел за зиму, голодный зверь, все жует и гложет, что зелено, что живое суетится по весне. Да и падаль найдет — попирует. Буковые орешки прошлогодные, желуди собирает, разрывая листву. Бурундуков грабит. Бурундуки запасливы: с осени под камнями спрятали кедровые орехи. Так медведь, те камни своротив, кладовые

земляной «белки» мигом опустошит. Самого собирателя, если поймают, тоже съест.

Муравейник — находка особенно приятная. Весь разроет, раскидает далеко вокруг. Лапы, говорят, полижет и «кладет их на муравьище». Насекомые суетятся, на медвежьи лапы черными толпами лезут. Он их слижет и съест. И за новой порцией тянется когтистой лапичей.

Вышел зверь на косогор — место солнечное, деревья не густо растут. Тоже не сразу вышел: из кустов с краю поляны оглядел всю ее внимательно и дальше, сколько было видно, проверил, нет ли кого или чего опасного и нет ли зверя неопасного, съедобного, чтобы тайком подобраться.

Видно, что-то все-таки привлекательное усмотрел: резво так поскакал, косолапя, на полянку. Цветочек-прострел голубел в своей же непышной зелени, он к нему. Сжевал, съел весь, ворча от радости. Любит медведь эти цветочки, ест их во множестве и бегают за ними во весь дух, где только завидит. Еще любит и ищет старательно на увалах, под плитами и камнями «медвежий корень» — луковицу. «Человек ее находит большей частью только в объедках от медведя... Поевши этой луковицы, медведь тотчас очищается от всего». Это ему вместо касторки, чтобы желудок прочистить. (Медведи вообще всякий лук любят, как кошки валерьянку. Трут им морду, мусолят, валяются на луковице. Слезы из глаз текут, но косолапый с луковицей расстаться не желает.)

Наевшись этого корня, идет в молодые осинники. Обдирает зубами (с величайшим аппетитом!) набухшие почки, захватя осинку в охапку.

Когда с моховых болот сойдет снег, клюкву медведь на них собирает. А на озимях, где они есть и зеленеют, пасутся весной медведи часами, как коровы. Шуки на разливы пойдут метать икру, и медведь туда же. Высмотрит косматый с берега какую побольше и всеми лапами, как лиса на мышь, прыгнет на рыбину с шумным плеском.

В таких делах весна и проходит. Уж лето. В эту пору бродят медведи по болотам, речкам, камышам у озер с недобрый помыслом — молодых уток ловить. Гоняется здоровенный зверь за малыми утятами часами и не одну ночь: «ищет их, как собака, ползает, скачет за молодыми, так что брызги летят во все стороны и шлепотня поднимается страшная». Мокрый, грязный выходит из озера. Но довольный. Спит потом, на солнышке подсыхая.

В часы полуденные бродит мало. Прячется в чаще, у родников, бочажин, «избегая солнечных лучей и страшного овода». Ночь, зори, вечерняя и утренняя, —

его время: «тут он совершает все свои похождения, все проделки».

Оттуда, где спит, туда, где кормится, ходит медведь обычно одной тропой, к которой привык. А там, где медведей много, тропы эти — лучшие и единственные дороги в тайге. Ведут они к самым удобным перевалам, к самым рыбным и ягодным местам. Вся Камчатка, рассказывают, пересечена такими дорогами.

Как заведено природой, у каждого зверя, и у медведя тоже, свои уголья, своя «охотничья территория». Около 500—800, по другим данным, даже 2000 гектаров — обычный медвежий «надел» в равнинных лесах. Пределы его обозначены пахучими и зримыми пограничными «столбами»: вековые на деревьях метки, высоко их стволы ободраны когтями. Чем выше над землей заскребы, тем, значит, крепче силой и «свирепой могучестью» хозяин охраняет тут свои владения. Но одной лохмотьями содранной коры медведю мало: вываливается он в моче, встает потом спиной к дереву, вытягивается вверх, сколько может, на задних лапах и трется и трется спиной, загравком и головой о кору. Это предупреждение другим медведям, которые послабее, чтобы сюда не совались: «Плохо будет, коли поймаю!»

Нет зверя в тайге, кроме тигра в Приамурье, где бурый с полосатым встречаются, да еще, может быть, большого лося и кабана-секача, который бы медведя не боялся и которого при случае медведь не заломал бы. Лось и кабан, впрочем, тоже от медвежьих когтей не застрахованы. Однако больших секачей косолапый все-таки остерегается. Но матку с поросятами если увидит, своего не упустит. Оглядится, нет ли кабана поблизости, подползет тогда без шума по круче и начнет кидать, катить на них с горы камни, коряги — что потяжелее. Иной раз и придавит какого поросенка. Не всегда, конечно, удача ему бывает, а с одним медведем вот какое даже несчастье случилось, когда он малым поросятам готовил гибель.

Подобрался тот медведь по крутой скале к свинье с поросятами, которая рыла землю внизу под утесом. Подполз к самому краю, заглянул вниз на лакомую добычу. Долго смотрел, вероятно избирая удобную минуту. Потом, решив, что время действовать пришло, схватил коряжину и бросил на свинью, но коряга сухом подхватила медведя под заднюю ногу и бросила самого под утес.

Ко всякому зверю и птице, если вздумал медведь их поймать, подползает тихо, как кошка, иногда на брюхе. Совсем ведь не маленький, и спрятаться ему вроде бы особенно и не за что, но, бывает, так незаметно и близко подползет, что даже рябчиков и глу-

харей успевает схватить раньше, чем те улетят. Быстрота, с какой этот грузный зверь насккивает, поразительна: «часто медведь при неверном выстреле, с окончанием его звука, является уже у ног изумленного охотника».

«Медведь вообще плохо «хозяйничает» в лесу, особенно осенью; лучшие урожайные рябины он валит на землю или раздирает стволы пополам, пригибая плодоносные ветви к земле. В тайге он обламывает ветви кедров, на Кавказе крушит вершины самых лучших деревьев дикой груши и алычи» (профессор А. Н. Ф о р м о з о в).

Привык никого не бояться, вот и бушует, о тишине не заботясь. Тут к нему подойти нетрудно, а если треснет ветка под ногой охотника — не беда, медведь не обратит внимания. Но когда запах человеческий к нему донесет, зверь сразу преобразится: носом тревожно воздух тянет, озирается беспокойно. Бывает, еще станет на дыбы и заревет. У кого от этого мороз по коже, тому на медведя лучше не ходить. А уж коли случилось — пошел или нечаянно повстречал и деваться некуда, то главное — не показать, что зверя испугался, и всегда лучше подвинуться к нему или стоять на месте, но не бежать в сторону или назад. Потому что, если медведь видит, человек его не боится, тут же сам удирает, и резво. А иногда с перепугу приключается с ним «медвежья болезнь».

В том, что болезнь такая не охотничья сказка, я и сам однажды убедился. Было дело на Курилах, на Итурупе. Медведей там много. А заросли в сопках дремучие: бамбук сначала, через который не продерешься, потом, выше, кедровый стланник, но такой густой, что ходить сквозь него можно только медвежьими тропами. Была со мной собака, венгерская легавая. Как она на остров попала, не знаю. Бездомный был пес и со мной пошел, делать ему нечего. Очень крупный кобель, и отваги у него, как я заметил, хватало бы на многих собак. Мне приходилось бывать судьей на испытаниях лаек по медведю привязанному. Так далеко не каждая кидалась на него смело и как надо. Многие и близко боялись подойти, а иные как глянут на зверя — только их и видели. А этот кобель, когда в кедрачах почуял медведя, взъерошился весь, шерсть на загривке дыбом, туда-сюда забегал по тропе. Носом потянул воздух: видно, близко зверя почуял и, не раздумывая, прыгнул к нему прямо в чащу кедровника, с трудом продираясь через нее. А медведь спал, наверное, и совсем рядом. Вскочил с треском на тропу и в упор меня увидел. Тут с ним это самое дело и случилось, пропало у него. Лапы у него разъехались, как на льду. Но не до престижа ему было, не до пристойности, он не честь, а жизнь спасал и резвой ланью сразу метнулся опять в чащу. Кобель

выскочил и за ним, но где там — не догнал, вернулся злой и решительный. По всему видно, так бы и заел этого пакостника.

Говорят, что когда от неожиданного шума, испуга случится с медведем кровавый понос, то будто бы зверь «скоро после этого пропадет», умрет. Не знаю, верить ли в это.

Одна странность водится за медведями — сибиряки говорят: медведь «хлипок на зад». Чуть заденет за что задом — за сук какой, об камень стукнется, так больно ему, что ревет «страшным образом».

Еще любит косолапый забавы. Когда сыт, здоров, играет даже и сам с собой. Камни, например, с круч бросает и «уморительно заглядывает на них, как они летят и подпрыгивают».

Забавляется и так: разбитое бурей дерево, у которого расщеплен ствол, «находка для медведя, а еще больше для медведицы, когда она с детьми». Ухватится лапой резвящийся Топтыгин за дранощепину, отогнет ее вниз и отпустит. Ударит она с маху по расколотому стволу, дребезжит, гудит ствол, вибрируя. А косматый богатырь не унимается: еще и еще, отводя и отпуская щепу, пронзительно музицирует. Сам голову то туда, то сюда набок склоняет, прислушивается, как далеко громогласное эхо разносит по ущельям и горам произведенный им грохот.

Купаться тоже любят с плеском, шумом. Колотят лапами по воде. А плавают просто отлично: «во всевозможных положениях, даже стоя, как это делают хорошие пловцы».

Забавы забавами, но и забот у медведя немало. Особенно у медведицы с медвежатами. Хорошо еще, пестуны помогают, что бы она без них делала? Медвежата, рожденные в этом году, прозываются муравейниками, прошлогодние — лончаками. Но тех лончаков, что медведица оставляет при себе и которые помогают ей смотреть, ухаживать — пестовать малюток-муравейников, именуют пестунами. Обычно она выбирает одного пестуна. И обычно этот пестун — маточка. Самцов очень редко медведица оставляет в пестунах. Гонит их осенью всех прочь от себя. Редко даже и маточка-пестун бывает двухлетней на третьем году, как говорят в Сибири, третьяком. Но бывает.

Медвежья семья шествует обычно так: впереди медведица, за ней муравейники, а тыл замыкает пестун. «Обязанность пестунов — ухаживать за молодыми медвежатами, как нянька за детьми». И они ухаживают всегда с большой охотой, но иногда капризничают. Тогда медведица дает пестуну шлепок-другой, чтобы напомнить, для чего, собственно, он при ней оставлен. Однажды случилось так: переходила медвежья матка с малолетками и пестуном речку. Одно-

го малыша, ухватив за загривок, перенес через быструю воду пестун, другого она сама, медведица. За третьим пестун на ту сторону реки не пошел, и мать дала ему пару увесистых шлепков. Тогда он, осознав вину, потопал за братишкой по камням через речку.

Медведица новорожденных детей, еще берложных, спасая свою личную жизнь, нередко бросает без защиты, но тех, которые постарше, охраняет, страха не зная, «грудью идет на все, что только произвело испуг». Муравейники и пестун обычно для большей безопасности лезут тогда на дерево и там сидят, вереща.

Причина испуга устранена, и медвежата слезают с дерева, воркотней себя подбадривая. Лезут задом вперед, но бывает — А. А. Черкасов это сам видел — и головой вниз! И взрослые, не очень грузные медведи на такое иногда способны.

«Течка, или, выражаясь по-сибирски, гоньба, медведей бывает в самые летние жары, именно около петрова дня (в июне — июле)... Обыкновенно за самкой ухаживает один самец, и беда, если явится другой поклонник: страшная, остревелая драка между ними продолжается до тех пор, пока один не останется победителем. Во время побоища нередко шерсть летит клочьями, кровь льется, страшный рев оглушает окрестности... Сколько реву и шуму при медвежьей течке! Сколько они вытопчут мест и сомнут травы с цветами и кустами! Гоньба их обыкновенно происходит в местах глухих и скрытых, но по большей части около лесных ключей и горных речек, в прохладе. Дети тут не присутствуют, а ходят с пестуном, иначе они будут растерзаны медведем...

Многие здешние промышленники утверждают, что медведица гонится не каждый год, а будто бы через год, почему они таких медведиц и зовут яловыми. Не знаю, насколько это справедливо, передаю, что слышал» (А. А. Черкасов).

Слышал правильно: только если дети погибли, медведица, может случиться, понесет новый плод в чреве в тот же год. И носит его семь месяцев. Рожает зимой в берлоге (в январе—феврале) одного-двух, реже четырех и даже шестерых медвежат. Крохотных совсем, с рукавичку — полкилограмма в каждом, не больше. Они слепые (до месяца), шерсть на них редкая, растут, пока в берлоге, медленно. И дрожат, холодно им. Мать греет сосунков, укрыв лапами, и дышит на них, чтобы теплее было. Если медведица в этом году яловая, то берет с собой в берлогу детей. Каждый спит на своей постели.

А постель готовят из мха и надранной с деревьев коры. Перед тем как залечь на зиму, жиреют. Там, где растут кедры, объедаются косолапые их орехами. Наберут кедровых шишек побольше, прижимая лапой к груди, потом на ровном месте или камне катают их, мнут, орехи высыпаются из шишки.

Некоторые медведи, где не очень холодно, ложатся зимовать прямо среди молодых елей, только согнут над собой их вершинки, и спят в таком импровизированном шалаше, который снегом скоро занесет, прикроет. Но в Сибири роют яму для берлоги где-нибудь недалеко у воды, на болоте, под искарью — корнем упавшего дерева. Иные яму накрывают хворостом, ветками, мхом. У такой берлоги, как говорят, есть «небо». «Челом» берложным называют дыру в ней — отдушину. Есть еще такое у медвежатников слово — «втулок»: естественным путем образовавшаяся затычка, пробка в том месте, которым оканчивается кишечник. Сибиряки говорят, что втулком медведь «запирает в себе жар и тепло на всю зиму». Без втулка ему «будто бы не перезимовать: замерзнет». Теория весьма остроумная, но дело, конечно, не в этом, а в простом естестве желудочно-кишечных процессов: надолго прекратившаяся деятельность завершается таким финалом.

И еще рассказывают, будто медведь зимой лапу сосет. Может, и сосут некоторые, как думают, оттого, что кожа на подошвах линяет и чешется. Но, говорит А. А. Черкасов, не слышал он от промышленников, чтобы добывали медведя на берлогах с обсосанными лапами, у всех они сухие, грязные еще с осени, в пыли и с присохшей землей.

Но вот что верно: хоть и чутко спит медведь в берлоге и слышит разные лесные звуки, даже и отдаленные, но того, что под боком у него творится, не замечает. Профессор А. Н. Формозов говорит: «Лесные полевки, собирая материал для своих гнезд, подбираются к спящему зверю и «выстригают» целые дорожки в его шерсти». Факт любопытный.

Прежде чем лечь в берлогу, путает медведь свои следы, как заяц: петляет по бурелому, моховым болотам, по воде, скачет вбок со следа и через валежины, одним следом туда-сюда не раз пройдет. Только тогда ляжет, успокоенный, что след хорошо запутал.

Если лето было малокормное, то некоторые, особенно худые, медведи и вовсе в берлоге не лежат, всю зиму бродят голодные. Такие шатуны опасны человеку и всякой скотине и зверю, даже медведю сонному. Был случай, рассказывает А. Н. Формозов, в Горьковской области: небольшая медведица-шатун раскопала берлогу медведя, который был здоровее ее, загрызла его и съела. Впрочем, и летом бывает, что медведь медведя заест.

Шатунам зимой туго приходится: и есть нечего, и охотники их бьют, и волки рвут там, где они еще есть.

Медведь — умнейший зверь. Числится с обезьяной, слоном, собакой и дельфином в первой пятерке самых способных к дрессировке животных. Кто из них

способнее, решить трудно, потому что у каждого свои вековые инстинкты и привычное умение. Поэтому не всех можно одинаково обучить разным штукам. Если методы исследования их способностей — тесты — разные, то и результаты получают несравнимые: в одних опытах собака лучше всех решит поставленную задачу, в других — медведь, в третьих, может, и дельфин. Стоит только посмотреть, что вытворяют медведи в цирках (а прежде у цыган), не останется никакого сомнения в их редкой понятливости. И на велосипедах, и на мотоциклах они ездят, и на коньках в хоккее играют, способны обучиться и многим другим трюкам.

Чем восточнее живут медведи, тем крупнее они. В Старом Свете, Азии и Европе, самые большие медведи — камчатские. Но если последует по путям древнего расселения медведей, через Берингов пролив в Америку, то найдем здесь, на Аляске и некоторых близких к ней островах, медведей еще более огромных. Это бурый медведь кодыак и знаменитый гризли, которого считают сейчас лишь особой расой бурого медведя. Медведь кодыак — чемпион-тяжеловес среди всех хищников на Земле (достойный его конкурент лишь белый медведь, который нередко бывает так же массивен и тяжел: до 700 килограммов!). Когда стоит этот зверь, опираясь на все четыре лапы, то в холке высота его 150 сантиметров (у европейского бурого медведя — в среднем метр).

Гризли, или серый медведь, почти так же велик, но окрашен светлее, однако лапы и брюхо у многих гризли Аляски темные. Еще недавно американские систематики разделяли серых медведей на много разных видов, теперь склонны всех их свести в один вид бурых медведей.

В Северной Америке есть черные медведи, или барибалы. Они мельче гризли и бурых (около 90 сантиметров в холке) и весят самые крупные около десяти пудов. Те, что живут на востоке Канады и США (у Великих озер и в Аппалачских горах), действительно черные, но на западе Канады и США (в Скалистых горах) среди них много бурых. Морда у тех и других всегда желто-бурая, а на груди небольшое белое пятно. Знаменитые медвежьи шапки британских гвардейцев шьют из шкур именно этих медведей, которых еще немало в Америке.

Давным-давно, еще во времена доисторические, несколько миллионов лет назад, из Северной Америки в Южную вместе с оленями, кошками, хомяками и свиньями переселились, когда образовался отсутствовавший прежде Панамский перешеек, и медведи. На новой родине их потомки изменились так, что получился новый вид очковых медведей. Ростом они даже меньше барибалов (около 70 сантиметров в холке), черные, но вся морда и широкие кольца вокруг глаз, как оправа очков, охватывающие черные пятна с глазом, в середине, грязно-желтовато-белые. Очковый медведь очень редкое, пугливое животное. Кажется, еще никто из европейцев не видел его на воле. О жизни его в горах северного Чили, Перу, Колумбии и Боливии почти ничего не известно. По-видимому, этот медведь более убежденный вегетарианец, чем все, о которых было рассказано. В зоопарках, куда очковые медведи попадали не раз и даже размножались здесь, мясо они едят менее охотно, чем другие медведи.

Еще два вида медведей живут в тропиках: губач (Южная

Медведя-губача, ростом он примерно с гималайского, эволюция наградила странной губастой и подвижной мордой, облегчив тем самым заботы о пропитании: пасть его и губы отлично действуют как насос, когда, разрушив термитник, медведь тягивает в рот с громким шумом (который слышен почти за двести метров) переполошившихся насекомых.

Индия, Цейлон) и малайский медведь (Ассам, Бирма, Малайя, Суматра и Калимантан)

Губач, или медведь-ленивец, ростом примерно с барибала, но более лохматый, шерсть длинная, черная, местами курчавая, даже уши его обильно поросли. Вид у него нечесаный и неопрятный из-за этого. Желтовато-белым, большим, в форме полумесяца пятном на груди напоминает он черного гималайского медведя, но длинным и толстым, мясистым губастым рылом своим ни на кого не похож. Ноздри на широком его носу так устроены, что, когда надо, их плотно закрывают особые мускулы.

А «надо» это часто: всякий раз, когда, разорив гнездо пчел или термитов, губач с сопеньем и шумом всасывает в свою пасть, как в пылесос, этих любимых им насекомых. Если бы ноздри в столь ответственный момент не были плотно закрыты, насекомые набились бы и в нос, что, конечно, если учесть их жалящие свойства, не очень-то приятно.

Это всасывание облегчено еще тем, что центральных резцов в верхней челюсти у губастого медведя нет, так что получается сквозное отверстие для беспрепятственного прохода насекомых прямо в рот. Когти у губача очень длинные, серповидные. Ни один самый прочный термитник не устоит под их напором.

Немало разных фруктов и орехов, мелких зверьков уничтожают губачи в лесах Индии. Почти весь день спят они в ямах и пещерах. Ночью часто парами и целыми семьями бродят,

Некоторые малайские медведи, содержащиеся в неволе, отличались поразительной для зверя сообразительностью. Один быстро научился, всунув коготь в замочную скважину, открывать буфет и воровать сахар. Второй, рассыпая около клетки рис из своей чашки, приманивал и ловил цыплят. Малайский медведь, хотя и не ложится на зиму спать в берлогу, однако при каждом удобном случае с явным удовольствием и большим шумом сосет свою лапу.

сопят, пыhtят, копаясь в земле и термитниках. Движения их вялые, словно ленивые. Но лазают умело и, когда напуганы, удирают резво. Один или три медвежонка, пока малы, ездят у матери на спине, вцепившись в длинную шерсть.

Малайского медведя называют еще бруангом (иногда бируангом) и солнечным медведем за полукруглой формы желтое пятно на груди, которое часто фигурирует в местных легендах как символ восходящего солнца. Бруанг — черный, только тупая, толстая и губастая морда желто-бурая. Из всех медведей он самый маленький: от носа до корня короткого хвоста около 120 сантиметров, а весит только три пуда. Но совсем не безобиден, взрослые медведи довольно свирепы. Я помню страшный случай: один такой медведь отгрыз в зоопарке руку маль-

Очковый, или
южноамериканский,
медведь зверь очень
редкий.
Обитает он в горных
лесах, но нередко
спускается в
заросли кустарников
у подножья гор.
Ростом он с
гималайского медведя.

чику, которого хорошо знал и к которому, казалось, вполне привык. Мальчик хотел через решетку погладить медведя.

По деревьям бруанг лазает лучше всех медведей. Здесь, высоко над землей, и проводит большую часть жизни в поисках ящериц, птичьих и пчелиных гнезд и фруктов.

Остался у нас еще один медведь — седьмой, если считать по видам, — белый, полярный, или ошкуй (и если не считать загадочного гобийского медведя, которого будто бы недавно поймали, но о котором с уверенностью не берусь утверждать, кто он — вид, подвид или просто миф). Родина ошкуя и постоянное местожительство — полярные страны, острова, берега Северного Ледовитого океана, как американские, так и азиатско-европейские (кроме побережья Баренцева и Карского морей). Впрочем, на берегах белые медведи живут только в узкой приморской полосе, дальше чем на один-два километра в глубь материков обычно не заходят. Дрейфующие льды — вот их стихия. Вместе с ними и по ним постоянно путешествуют эти медведи. Летом забираются почти на самый полюс — до 88-го градуса северной широты. Плавают и ныряют великолепно. Далеко в открытом море (за 80 и 100 километров от льдов и суши) не раз видели белых медведей, даже медведиц с медвежатами. Плывут себе, не беспокоясь, что ни земли, ни льдов даже и на горизонте не видно. Если скорость этих пловцов, как утверждают, 4—5 километров в час, то не раньше чем через много часов доплывут они до суши.

В море ловит белый медведь рыбу, на льдинах (да и в воде тоже) — тюленей, на берегу — песцов, пеструшек, северных оленей. Когда голоден, ест и падаль, водоросли, мхи. Рассказывают, что, подползая по снегу к лежбищу тюленей, не забывает ошкуй свой нос все время прикрывать лапами, чтобы не выдал. Потому что только нос у него черный, весь мех, которым густо поросли даже подошвы лап, белый и зимой и летом.

Зиму медведицы спят в берлогах (но не во льдах, а на берегу), где-нибудь под обрывом, замеченным снегом. Подсчитали примерно, что на острове Врангеля каждый год устраиваются зимовать 150—200 белых полярных «дам». Яловые, не беременные, медведицы спят месяца четыре. Беременные — 170 дней. Самцы вовсе не спят, а всю зиму бродят. Впрочем, по некоторым наблюдениям, и они тоже спят будто бы, но недолго — месяца два.

В берлогах (в январе—феврале) медведицы рожают: молодые — обычно только одного медвежонка, старые — двух, реже трех-четырех. Медвежата так же малы, как у всех медведей. Чтобы не мерзли, мать держит их между лапами, чаще задними, и ды-

Средний вес белых медведей 300—400, а рекордный — 720 килограммов!

шит на них, согревая. Молоком кормит год и больше, водит их за собой два года. Интересно, как медведицы переносят медвежат: не за загривок, как собаки, а взяв в пасть всю голову медвежонка! Это когда он совсем мал. А постарше станут медвежата и пойдут с матерью купаться, и вдруг беда там! какая случится, хватают ее зубами за уши, и она их буксирует туда, где безопаснее.

Белые медведи, похоже, исчезают. Причины тому — и потепление Арктики и приход людей с ружьями в ее пределы. Считают, что на необозримых просторах нашего Заполярья уцелело лишь 5—8 тысяч белых медведей. У нас их охраняет закон: убивать без надобности не разрешают. Но в США,

Канаде и Норвегии пока еще, кажется, такого закона нет.

Другой «белый медведь», зверь еще более редкостный, чем полярный ошкуй, надежно прячется от человеческих глаз в густых бамбуковых джунглях Центрального Китая. Открыли этого неуловимого зверя еще в 1869 году, а живым поймали лишь через 68 лет. Одно время казалось, что большие панды, или бей-шунги, по-китайски — белые медведи, все вымерли. Проходили годы, а охотники и натуралисты, мечтавшие поймать хоть одну большую панду, возвращались из Китая с пустыми руками.

Почти сто лет ученые решают заданную природой головоломку, пытаются установить происхождение большой панды. Обладая признаками медведей, енотов, кошек и кунниц, она не принадлежит, возможно, ни к тем, ни к другим.

Исследовав первые четыре шкуры бей-шунгов, добытые в Китае еще в конце прошлого века, ученые решили было, что большая панда — это особая разновидность растительноядных медведей. Зверь получил название бамбукового медведя. Одно время бей-шунга считали даже древнейшим представителем медвежьего рода, чуть ли не предком современных медведей.

Но в 1936 году американский специалист по сравнительной анатомии животных профессор Вильям Грегори после тщательных исследований пришел к выводу, что большая панда не медведь, а гигантский енот. Он нашел у нее много анатомических признаков, свойственных американским енотам-полоскунам.

Миллионы лет назад предки енотов переселились из Северной Америки в Азию. Звери прошли по перешейку, который в те времена соединял Аляску и Чукотку. Расселяясь далее по лесам Азии и Европы, некоторые древние еноты проникли даже в Англию. Позднее они здесь вымерли, но в горах Тибета и в Гималаях два близких к енотам вида животных дожили до наших дней. Это большая и малая панды.

До сего времени лишь около двадцати живых бей-шунгов, или больших панд, привезли из Китая в разные зоопарки мира. И лишь однажды удалось получить здесь от них потомство.

Слово «панда» происходит от местного названия этого зверя — «ньяла-понча», что значит «пожиратель бамбука». Хотя обе панды по происхождению хищные животные, едят они растения, в основном молодые ростки бамбука. Сначала непонятно было, как большая панда, на вид неуклюжий медведь, управляет с тонкими стеблями бамбука своими толстыми лапами. И управляет ловко: держит их в лапах и обкусывает. Для этого дела дан ей природой как бы шестой палец — одна костя запястья удлинилась и функционирует как большой палец на нашей руке, противостоящий всем другим. Поэтому панда может крепко держать в лапах даже самые тонкие стебли бамбука.

МАЛАЯ ПАНДА И ЕЕ РОДСТВЕННИКИ В АМЕРИКЕ

Малая панда живет в лесах на восточных склонах Гималаев и ближайших гор Западного Китая. Зверек небольшой, с хвостом длиной около метра, шерсть густо-пушистая, оттого кажется малая панда крупнее истинных своих размеров. Наряд у нее очень даже красочный. Днем спит в дупле или в развилке дерева, в сумерках пробуждается, прохаживаясь вперевалоч-

ку, ищет желуди, коренья, лишайники и главное — побеги бамбука, сочные и молодые. При каждой, даже мимолетной, тревоге спасается на деревьях. А если пути к отступлению отрезаны, защищается отчаянно, отбиваясь лапами с острыми полувтяжными когтями. Методы обороны похожи на медвежьи, но когти скорее кошачьи. Живут малые панды часто парами или семьями, стаями — никогда. Крик их — громкое, какое-то птичье верещанье.

Кроме двух панд, иных енотов в Старом Свете нет. Но в Америке их 16 видов. Еноты стопоходящи, как медведи, некоторые полустопоходящи, когти у них полувтяжные или невтяжные. Чем-то напоминают они некрупных медведей, но чем-то и куниц, хотя в общем это звери особого семейства.

Самый известный из енотов (особенно тем, кто часто заходит в магазины, торгующие шубами) полоскун, или вашбер, как называют его меховщики и немцы. Полоскуном же прозвали его за странную повадку — «мыть» в воде, когда она есть поблизости, всякую свою пищу и разные несъедобные предметы. Полощет, трет, опускает, снова ловит передними лапами все, что хочет съесть, так тщательно и долго, что случайной блажью это не назовешь. Но какой в том биологический смысл — непонятно. Некоторые еноты в неволе даже детенышей своих новорожденных моют, и так бессмысленно усердно, что те, случалось, умирали после «стирки».

Родина этого енота — США, южные провинции Канады, Мексики и Центральная Америка (к югу до Панамы). Ростом он с лисицу, буро-серый, на морде «маска» — черные полосы. Хвост с четырьмя-шестью темными кольцами. Когти невтяжные.

Именно на полоскуна похожа наша енотовидная собака, а сам он повадками напоминает соседа своего — опоссума: так же всеяден, так же нередко таскает кур, так же ловко прыгает и лазает по деревьям. Иной раз даже, как ленивец, ползет спиной вниз по тонкому суку, лапами его перебирая. Неплохо и в опоссума играет, притворяясь мертвым, когда пути к бегству отрезаны. И так же, как опоссум или, скажем, медведь, спит зимой в дуплах там, где зимы холодные. Веселый, живой, игривый, любопытный и незлобный зверь. Ночами деятелен, днем спит на дереве, реже — в барсучьей норе. Плавает хорошо, и в отлив далеко путешествуют еноты за отступившим морем — ловят крабов и рыб в небольших лагунах и впадинах, наполненных водой.

Малая панда, вместе с большой пандой, — единственные представители семейства енотов в Старом Свете. Обитает она в горных лесах некоторых районов Китая, Вирмы, Сиккима и Непала.

Детенышей — два-восемь. У нас рождаются они в апреле — начале мая. Наши зоологи довольно удачно акклиматизировали американских енотов во многих местах страны: в Гомельской области, в Краснодарском и Ставропольском краях, Дагестане, Азербайджане, Узбекистане, Киргизии и Приморском крае. Впрочем, «в последнем районе, — пишет Г. А. Новиков, — акклиматизация протекает неудовлетворительно».

Кроме того, акклиматизировались еноты, сбежавшие из звероводческих ферм, в Германии: в Гессене, Вестфалии и Нижней Саксонии. На площади в 50 тысяч квадратных километров

У енота-полоскуна, в пушной торговле именуемого также вашбером, странная повадка — мыть и полоскать в воде пищу перед едой.

живет здесь на воле около тысячи енотов. И еще примерно полтысячи — к востоку от Берлина. Американцы завезли енотов на Аляску и Багамские острова. На этих и некоторых других островах (Гваделупа, Барбадос, Лас-Трес-Марияс) обитают, как считают американские специалисты, пять близких к полоскуну, но особых видов енотов. По-видимому, все-таки это лишь разновидности: подвиды или расы полоскуна. Только южноамериканский енот-крабоед хоть и принадлежит к роду полоскунов и повадки у него такие же, но вид это особый. Если снять с полоскуна (и с хвоста тоже) пушистую шубу и одеть его в мех негустой и короткий, то получим зверя, похожего на крабоеда. Потому и шкуры крабоедов меховщиками не ценятся и нет их среди миллиона тех енотовых шкурок, которые каждый год в одних лишь США продают на рынках пушнины.

В Северной Америке еноты-крабоеды не водятся, но живет тут, в южных штатах, еще один очень симпатичный зверек той же породы — кэкомисл, «кошачья белка», или енот-крошка. Росточком он чуть больше белки: пушистый хвост длиной сантиметров 37, все остальное — примерно столько же. Желтовато-серый, ушки большие, а хвост сплошь, от корня и до конца, в черно-белых кольцах. Очень эффектный хвост. Зверек лесной, лазает по деревьям не хуже белки, но живет и в каменистых пустынях, в кустарниках и на холмах. Пуглив, осторожен и только ночами промышляет добычу; поэтому даже там, где «кошачьих белок» немало, люди редко их видят. Более крупный серый кэкомисл обитает в Центральной Америке.

Кроме полоскунов, крабоедов и кэкомислов, в семействе енотов числятся еще три вида носух, или коати, кинкажу и три вида олинго (живут кто в Южной, кто в Центральной Америке, а один вид носух — лишь на острове Косумель, к востоку от Юкатана).

Кэкомисл, или «кошачья белка», самый миниатюрный из енотов.

У калифорнийского кэкомисла, который обитает в западных штатах США и на севере Мексики, подошвы лап поросли шерстью, когти полувтяжные и хвост короче, чем у гололапного и лишенного втяжных когтей центрально-американского кэкомисла, или гуаяноче.

Коати — отважные, игривые и очень деятельные звери. Весь день у них проходит в заботах о пропитании. Небольшими группами, в которых около дюжины самок и детенышей, высоко задрав хвосты, копают они землю длинными мордами с очень подвижными носами. Унюхают в старом пне червя или личинку, сопят, урчат, когтями скребут. Весь лес прочесывают тщательно — одни внизу по земле, другие вверху на деревьях. И все им годится в пищу: ящерицы, птицы, насекомые, моллюски, корни, разные плоды. Лишь заметят что-нибудь подозрительное, сейчас же громко свистят — и вмиг вся стая уже на деревьях. Сверху безопаснее выяснять причины тревоги. Ночью спят тоже на деревьях, растянувшись на толстых суках. Все другие еноты, наоборот, бродят ночами.

Плавают хорошо и любят воду. Между пальцами у них небольшие перепонки. В повадке у них, как и у енота, полоскать в воде и лапы, и разные предметы, и даже свой хвост! (Рассказывают про ручных коати, что курильщиков они не выносят. Как хозяин закурит, так норовит сигарету у него вырвать и выбросить!)

Взрослые самцы живут в одиночестве — этих самцов зовут «коатимунди». Лишь когда пора размножаться, приходят они к компании малолеток и самок — каждый к своей. И если зайвится сюда другой коатимунди, драки бывают жестокие.

За неделю перед тем, как должны появиться на свет четыре или пять детенышей, уходит носуха из стаи, строит гнездо на дереве и там рождает. Пять недель в этом гнезде кормит сосунков, а потом ведет их к покинутым на время товарищам.

Кинкажу очень похож на олинго, но его отличает цепкий хвост.

Кинкажу и еще южноазиатский бинтуронг из семейства виверровых — единственные хищные звери, наделенные хвостом, способным хвататься за ветки.

Кинкажу зверек небольшой, серо-рыжий, с длинным цепким хвостом. Хвост — самая его примечательная черта. Лишь еще у бинтуронга, южноазиатского зверя из семейства виверр, такой же способный прочно хватать ветки хвост. Больше ни у кого из хищных.

Примечательный у кинкажу и язык, длинный и тонкий. В любую щель тот язык может втиснуться и добыть меда столько, сколько зверек захочет. Мед, фрукты — его лакомство. Но и птичьи гнезда разоряет цепкохвостый енот и при случае ест разных мелких зверьков. Кинкажу добродушен и игрив. К человеку привыкает быстро, в индейских деревнях нередко живут ручные кинкажу. Второе имя этого зверька — потто. Так же, потто, называют в Африке одного лемура, который — странное дело! — немного похож на кинкажу, хотя совсем не родич его.

Олинго, особенно олинго Аллена, похож на кинкажу, и нередко оба они мирно живут на одном и том же дереве. Индейцы и того и другого считают одним зверем. Но олинго — животное иное, и зубы у него иначе устроены, мордочка подлиннее, и хвост нецепкий; ухватившись им, словно пятой лапой за ветку, олинго не может висеть, как кинкажу.

Вот и все еноты, других нет на Земле.

В семействе куньих звери небольшие, но очень ловкие и хищные. Живут на всех континентах, кроме, конечно, Антарктиды и Австралии. Приспособились ко всем ландшафтам, и хотя появились на Земле, кажется, раньше всех современных хищников, однако вымирать, как видно, не собираются. От Заполярья до тропиков населяют куньи планету. Как еноты, они стопходящи, иные полустопходящи. Когти у всех невтяжные, так сказать, собачьего, не кошачьего образца. У некоторых под хвостом железы с запахом очень неприятным. Это своего рода химическая защита, их «продукция» используется для пахучих знаков на границах охотничьих участков.

В нашей стране 18 видов из семейства куньих: всем известный соболь, куница, колонок, норка, горноста́й, хорь, ласка, выдра, барсук, россомаха и другие.

Соболя с куницей легко спутать. Но мех у соболя гуще, шелковистее. Хвост вполвину короче тела. Голова седоватая, светлее, чем хребет. А светлого пятна на горле либо совсем нет, либо оно неясное и невелико. У куницы и хвост длиннее, и голова обычно такого же тона, что и хребет, и пятно на горле всегда четкое. У лесной, или мягкой, куницы оно желтое, кремовое или даже оранжевое. Вниз через грудь на брюхо удлинено клином. У горской, или каменной, куницы, которая живет на юге страны, пятно на груди белое и вытянуто не клином к брюху, а двумя полосами к предплечьям передних лап.

«Редкий зверовщик вернется с белковья с соболем, а другой, прожив на белковье два-три месяца, не увидит и следа соболя» (А. А. Черкас о в).

Теряли мы соболя безвозвратно. Почти всюду его еще перед революцией истребили. Мех у него очень дорогой: с каланом и шиншиллой делит соболь первое место среди самых ценных пушных зверей. Одной из первых забот Советской власти было спасение соболя. До 1957 года расселили наши зоологи по таежным лесам шестнадцати областей, краев и республик двенадцать с половиной тысяч соболей. Больше всего труда, умения и энтузиазма отдал этому делу В. Тимофеев. «Теперь в Советском Союзе соболя стало не меньше, а может быть, больше, чем сто лет тому назад» (профессор В. Н. Ск а л о н). Больше того, наши зоологи под руководством профессора П. А. Манютейфеля научились разводить соболей в неволе, а дело это считалось почти безнадежным.

Прежде жил соболь от самых западных наших границ, Белоруссии и Прибалтики, до самых восточных. Сейчас западнее правобережья Печоры его нет. Лишь восточнее соболиные места: таежные леса до самой Камчатки, Приморья и Курильских островов (Кунашир и Итуруп). На юге — Алтай, Кузнецкий Ала-тау, Саяны, Монголия, Северо-Восточный Китай и Корея.

Темнохвойные, захламлинные буреломом, низинные и горные таежные крепи любит соболь. Нор роет, живет в дуплах, которые от земли невысоко (куница повыше селится). Подлесок, бурелом, коряги, вывороты ему всего милее. Верхом ходит с дерева на дерево реже, чем куница, больше (по земле) низом. Охотится днем и ночью. Куница — ночной зверь. Зимой не спит, как барсук, рыщет по снегу, но от гнезда где-нибудь под корягой или в невысоком дупле далеко не уходит, обычно лишь километра на два-три. У соболя охотничья территория 25, 700, а то и 3000 гектаров. Он ее метит пахучими железами (на

брюхе и под хвостом) и пометом, который оставляет на видных местах — муравейниках, пнях и деревьях, брошенных ветром через речки и тропы. Если другой сюда явится, дерутся хозяин с пришельцем отчаянно.

Когда сильные метели или морозы, соболь вял. День за днем уходит, а зверь сидит в гнезде. И если выйдет, норовит бежать по валежинам, ветровальным деревьям — по всему, что хоть на полметра от земли. Заметили, теплее тут ему бегать. Бывает, в сугроб нырнет и под снегом рыщет. Так и от собак спасается — в сугроб, потом вбок, пробежит изрядно невидимый, выскочит и опять в сугроб, пока не найдет надежного укрытия под корнями, в валежнике, в каменных плитах.

Полевок лесных (и землероек) умело находит соболь под снегом, там же их обычно и ест. За белками охотится не так ловко, как куница. Тут у него больше неудач, чем удач. Нападает на зайцев, глухарей, тетеревов, рябчиков, даже на зверей куньей породы — колонков и горностаев. Горностаю спасается от соболя в сугробе, а тот его «вытаптывает», в оклад берет. Кругом того места, где горностаю нырнул под снег, сам ныряет, прыгает, снег утаптывает, пока не поймает соседа. Но не всегда ему это удается.

К тетеревам и глухарям, спасающимся от стужи под снегом, когда их почует, подходит осторожно, тихо «переступая с ноги на ногу... (но не ползком)». Потом за метр-полтора прыгает на птицу. Но глухарь силен, и бывает, не метр и не два, а двести, а то и версты, как уверяли А. А. Черкасова сибирские охотники, летит с вцепившимся в него соболем. Тут уж кто кого. Но чаще все-таки «с позором для соболя кончается этот полет».

Ест соболь и ягоды — бруснику, землянику, рябину — и кедровые орехи. Зимой разоряет кладовые бурундуков и белок. Сам запасов обычно не готовит.

Побежка у соболя прыжками, галопом. Охотники говорят: «соболь ходит чисто», «нигде не заденет ногами, не черкнет». Скачет круто, поволок и выволок на снегу мало. По рыхлому сугробу его след — «двухчетка»: задние лапы ставит точно в отпечатки передних. Весной, по насту, бегаёт резвее, задние ноги выкидывает, как заяц, впереди передних. И тогда «трехчеткой» и «четырёхчеткой» называют его след.

Гон, свадьбы соболиные, летом: в июне—июле. Но странное дело — слишком долго беременны соболиные матки: 253—297 дней! Только следующей весной, в апреле—мае, приносят трех-четырёх (иногда до семи) соболят. Получается так потому, что оплодотворенные яйцеклетки месяцев семь-девять не развиваются, а потом вдруг, за месяц-полтора, быстро нагоняя упущенное время, эмбрионы растут и как раз

к весне созревают. Соболь-самец тут соболушке помогает, приносит детям всякую добычу. Но семей живут недолго: в июле подросшие соболята уже уходят от родителей.

На Печоре и в Зауралье, там, где соболь встречается с куницей, бывают между ними помеси. Называют их кидасами или кидусами. Внешне похожи они то на куниц, то на соболей, но хвост у всех скорее куний — длинный и пышно опушенный. Повадки у кидусов тоже, так сказать, усредненные, но больше в них, кажется, соболиного.

Куница лесная похожа на соболя. В Европе, где соболя нет, она занимает его, что называется, «биологическую нишу». Только зверь это больше ночной, больше любит, особенно осенью и в начале зимы, ходить верхом, с дерева на дерево — «грядой». И низом и верхом пробегает куница больше, чем соболь: 6—10, а то и 17 километров за сутки. Особенно если зима кормом бедная. Редкую ель пропустит, не обследовав, спит на ней белка или нет. Белок куницы хватают нередко прямо в гнездах.

И тут же, в их гнездах, часто и спят (днем). Дупла, которые повыше от земли, гнезда аистов и сорок — временные убежища куниц. Постоянные нужны только самкам с детенышами. А бездетные бродят по лесу. Охотничьи участки у них большие: 500—700, а у самцов и тысяча гектаров — за одну ночь такие обширные угодья не обойдешь. Вот и спят где придется и где застанет рассвет. В своих владениях куница хорошо знает все пригодные для отдыха и укрытия места — дупла, бурелом, валежины и вывороты.

Разных ягод и плодов куница ест немало — чернику, морошку, рябину, даже вишни, сливы, груши. Много непереваренных семян разносят куницы по лесам и как бы засевают их этими ягодами. На Кавказе, говорит профессор А. Н. Формозов, куница «способствует расселению очень ценной древесной породы — тиса». До двухсот тисовых семян находили в желудках куниц. Едят и мед диких пчел, личинок шмелей, ос, жуков. А если сильная куница поймает зайца, то разгрызет его на куски и все их спрячет на деревьях.

Следы куницы похожи на соболиные, только на ходу она чуть разворачивает лапы, так что пятки у следа немного сближены.

Гон, как у соболя, летом. Детеныши (три-четыре, иногда восемь) рождаются в марте — мае, реже в июле. До осени живут все вместе.

Лесная куница обитает во всей Западной Европе, от Северной Испании, Южной Италии, Сардинии и Балеарских островов до Британии и Скандинавии. Во всей европейской части СССР, за исключением Крыма и некоторых мест Украины, в Западной Сибири — приблизительно до правобережья Оби, на юге — до Северного Казахстана. Ареал куницы-белодушки (или

каменной, горской) — Европа, Малая, Передняя, Средняя и Центральная Азия, у нас — Украина, Крым и Кавказ. Встречается и в Белоруссии, Прибалтике, в Ивановской, Рязанской, на юге Московской, в Курской, Орловской областях. Восточнее Алтая ее нет.

Каменная куница живет в высокоствольных лесах, но часто и там, где никакого леса нет: в оврагах, каменных балках, на склонах гор, в старых каменоломнях, иногда в городских парках. Профессор А. Н. Формозов видел, как ночами приходила белодушка в сад санатория в Кисловодске, забиралась на скамью, со скамьи прыгала на рябину и с упоением ела замерзшие ягоды. Нередко, говорит он, эти куницы поедают сушеные фрукты, развешанные связками на чердаках домов.

Белодушка ходит низом больше и охотнее, чем лесная куница. Подобно соболю, она охотится и днем и ночью.

Гон у белодушек в июле, беременность — 236—274 дня. Детенышей в помете — от одного до восьми, обычно — три-четыре.

Живет в нашей стране еще одна очень красивая и большая куница — харза (Сихотэ-Алинь, Приамурье и вся Южная Азия). Ростом она больше соболя и всех куниц: длина (с хвостом) самцов харзы — метр и больше, а вес — три, а иногда шесть килограммов. Окраска пестрая. Спина спереди — буровато-желтая, к крестцу постепенно темнее (до темно-бурой). Такие же черно-бурые у харзы и ноги, непушистый хвост, верх головы и шеи. Но брюхо и грудь желтые.

Харза зверь отважный, не по росту сильный. Про нее пишут так: «Является одним из наиболее вредных зверей дальневосточных лесов». Этот суровый приговор вынесен на том основании, что харзы охотятся главным образом на кабаргу, нападают и убивают диких поросят, телят лосей, изюбрей, косуль и пятнистых оленей, зайцев, белок, разных птиц и даже... соболей! Впрочем, едят и моллюсков, насекомых, кедровые орехи и ягоды.

Темнохвойные леса по склонам гор дают приют этому интересному зверю. Широколиственные — дубы, клены — растут ниже, и в них харзы спускаются в многоснежные зимы. Харза быстро бегаёт низом и верхом и за сутки проходит 10—20 километров. Охотится ночью, но нередко и днем. В июне — июле самцы харзы дерутся из-за самок, а в мае на следующий год самки приносят в дуплах двух-трех детенышей.

Зверьки куньего семейства из рода мустела поменьше куниц. Хорьки, ласки, горностаи, колонки и норки. Среди них ласка — самый маленький на Земле хищник. Ареал ее — Европа, Северная Африка, Северная и Центральная Азия. В Северной Америке (Канада и северо-восток США) обитает близкий, а возможно, и тот же самый вид.

*Харза — самая
большая куница.
У нас обитает на
Дальнем Востоке.*

Ласка, как и горностай, зимой белая (ласки, которые живут на юге, на зиму не белеют). Но ласка меньше горностая (длина с хвостом — 17—32 сантиметра). Кроме того, весь недлинный хвостик ласки зимой белый, а у горностая — хвост почти до половины и зимой и летом темно-бурый либо черный, и сам хвост длиннее. (Летом горностай двухцветный — спина и бока бурые, живот белый или желтоватый.)

Мыши и полевки — обычная добыча ласки. Промышляет она их и в лесах, и в тундрах, в полях и лугах и нередко в деревнях и даже городах. Плавает хорошо, но по деревьям почти не лазает. Забирается иногда, но невысоко.

«Она не пакостлива и, когда мышей много, никогда не тронет съестных припасов... И там, где поселилась ласка, наверняка уж не будет мышей, потому что она их преследует с особым ожесточением и по тонкости своего тела пролезает в самые узкие и тонкие их норки... Отважна до невероятности, смелость в ее нападениях доходит до дерзости. Она душит даже зайца... Сибиряки говорят, «что эта гнусина (ласка), поймавшись за шею тетери, так крепко прилипает, что ни за что не оторвется, и так проворна, что на вземе душит косачей и, перекусив им глотки, падает с ними наземь, и никогда сама не убьется» (А. А. Черкасов).

Гнезда ласок — в норах мышей, кроликов, под корнями и среди камней; от трех до двенадцати детенышей приносит с мая по январь. Гон, по-видимому, в апреле — мае. Какова беременность — непонятно: по одним данным — 35 дней, по другим — 54 и даже 112. Есть ли у нее латентная стадия, как у соболя, пока неясно.

Загадочны отношения ласки с... лошадьми. Всюду в России среди русских крестьян бытовало поверье, будто домовый «играет» по ночам с лошадьми. Сплетает их гривы в космы и колтуны, щекочет, а то и совсем до белого пота заездит коня. Случалось, выйдет утром хозяин в конюшню, а лошади вся в мыле, перепуганная, словно сам черт ее обезжал! А грива запутана так, что и не расчешешь...

Профессор П. А. Мантейфель, известный наш зоолог, однажды застал этого «домового» верхом на лошади, в перепутанной ее гриве. То была, утверждает он, ласка.

Охотясь в конюшне за мышами, возможно, пристрастились некоторые ласки залезать на лошадей и, прокусив кожу, слизывать капельки лошадиной крови. Ласки, задушив кролика, тетерева, голубя, обычно мясо не едят, а только лижут кровь. Некоторые лошади, почуяв ласку, приходят в такое возбуждение, такая дрожь их начинает трясти, что просто странно все это видеть. У меня жила ласка. И когда я приходил, только что оставив ее, к лошади, один запах ласки приводил ее в ужас. Она шарахалась от меня, задирала голову, закатывала глаза, как это делают лошади, когда ждут удара, и дрожала.

Когда я вспоминаю об этом, то думаю, что ласка — вполне возможный «домовой», которого людская молва обвинила в глумлении над конем. (Хотя известно мне, что есть люди, которые верят в то, что некий «неандерталец», именуемый «снежным чело-

веком», еще живет (или жил недавно) кое-где в глухих лесах и горах; он-то будто бы и объезжает ночами коней, а совсем не ласка.)

«Путь ласки на охоте очень неровен, зверек часто отклоняется в стороны, продвигаясь вперед короткими (5—10 метров) волнообразными зигзагами. Горностаи, так же как и ласка, бегают «челноком», но для его поворотов характерны острые углы, очень редкие у ласки... Охотясь, зверьки то и дело исчезают в кучах колодника, корнях или залезают в кроны елей. В лесу ласка обычно не минует ни одного встречного дерева, обязательно забегая под его крону» (профессор А. А. Насимович).

Если полевок и леммингов много, ласки долго живут оседло — на десятке гектаров. За одну охоту ласка проходит до полутора-двух километров.

У горностаи охотничий участок 50—100 гектаров, а суточный поиск три, иногда восемь километров.

Горностаи — это тот зверек, мех которого носили как знак верховной власти короли, цари и владельцы князья.

Ареал: вся Европа, на юге до Пиренеев и Альп. Северная Азия и Северная Америка (Канада и север США). В Северной Америке живет близкий вид — черноногий горностаи. Там же и южнее, до северной части Южной Америки, длиннохвостый горностаи. Близкие к горностаю виды обитают также в Северной Африке, в Малой, Передней и Южной Азии.

Леса, лесотундры и лесостепи, а здесь берега рек, озер, лесосеки, опушки, колки — места, любимые горностаями. А добыча — грызуны, лягушки, ящерицы, змеи, рыба, птицы, насекомые, падаль, черника, брусника, можжевельниковые ягоды. Когда всего этого много, запасает горностаи излишки пропитания, чтобы не голодать в бескормное время. Как и ласка, ловок он и отважен: нападает и на зайцев, тетеревов и будто бы даже на глухарей.

Угрожая, горностаи так широко раскрывает пасть, «что нижняя челюсть становится под прямым углом к верхней, и в этом случае голова его походит на змеиную». Когда возбужден, резко и громко стрекочет. Он «может чирикать и шипеть, как змея, и даже лаять».

Охотятся горностаи в одиночку, преимущественно ночью, но поиграть собираются небольшими компаниями. Лазают хорошо и плавают отлично. Горностаи-ха, перенося детенышей в более безопасное место, переплывает с ними порой «порядочные реки».

Детей (8—9, но иногда и 18) самец и самка воспитывают вместе. Беременность 9—10 месяцев, поскольку у горностаев, как у соболей, «в развитии оплодотворенного яйца наблюдается латентная стадия». Возможно, некоторые молодые горностаи уже на первом году жизни взрослеют настолько, что родят детенышей.

Колонки во многом похож на горностаи, но на зиму он не белеет. Только подбородок и губы у колонки белые и отчетли-

во заметны. Иногда и на груди белое пятно. Беременность у самки короткая около месяца, самец выкармливать детей не помогает. Иногда далеко путешествуют, если белки или водяные крысы (точнее, полевки) уходят с тех мест, где кормились ими колонки.

Обитают колонки в Азии; к югу до Северной Индии, Японии и Явы, к западу до Урала. Но в последнее время переселяется колонок и за Урал: встречается теперь в Коми АССР, Горьковской, Кировской, Куйбышевской областях и в Татарской АССР. Расселяется и на юг — довольно обычен в степной и лесостепной зоне Казахстана. Выпущен и прижился в Киргизии.

Солонгой похож на колонка, но меньше его, и мех у солонгоя покороче и светлее (зимой на хребте серовато-буро-желтый, у колонка — ярко-рыжий). Обитает он в горах, а местами и на равнинах в Средней Азии, Северной Индии и дальше на восток до Забайкалья, Монголии, Среднего Амура, Уссурийского края и Кореи.

Хорь. Два у нас хоря: черный (или лесной) и светлый (или степной). У первого хвост весь черный, и брюхо буроватое с черными пятнами на груди и в паху, соединенными узкой темной полоской. Подшерсток на боках и спине беловатый, сероватый или желтый и прикрыт черно-бурыми на концах остевыми волосами. Светлый подшерсток просвечивает сквозь темный ворс, особенно если подуть на него, оттого мех хоря, очень красиво переливаясь разными тонами, играет, как бы «опалесцирует», желтизной.

У степного хоря лишь половина хвоста (концевая) черная, другая (корневая) светлая, желтоватая. И спина светлая (не черно-бурая, как у лесного), так как редкая бурая ость плохо прикрывает светлый пух. Нет и срединной темной полоски на брюхе, соединяющей темные пятна на груди и в паху.

Ареал лесного хоря — почти вся Европа, кроме Ирландии, Шотландии, Балкан и Скандинавии. На восток — до Урала, на юг — до Нижней Волги, Правобережья Дона и Азовского моря. Местами сохранился он еще в Северной Африке и кое-где в Передней Азии. Акклиматизирован в Новой Зеландии и Австралии. Ареал светлого хоря — Юго-Восточная Европа, Украина, Крым, предгорья Кавказа. Северная граница в Европе — Ока, Татарская АССР, Горьковская и Пермская области. За Уралом — вся Южная Сибирь (на восток до реки Буреи), Казахстан, Средняя Азия, Северный Китай и Монголия.

Темный хорь предпочитает опушки, вырубки, овраги, захламленные и заросшие кустарником, хотя зверь лесной. Светлый хорь селится больше в степях, лугах, полупустынях. В остальном образом жизни они похожи. Оба, уничтожая массу вредных грызунов, приносят большую пользу. Впрочем, бывает и вред от хоря: когда заберется он в курятник и подушит немало птиц, больше, чем может съесть. Тут рассказывают такую забавную, но, к сожалению, не достоверную историю: хорь, прежде чем взять на abordаж насест, дурманит будто бы кур газовой атакой (у него под хвостом железы, которые пахнут очень резко и неприятно). Так вот, забравшись в курятник, хорь так сильно «воняет», что куры от дурноты падают с насеста, и он душит их без суматохи. Степной хорь, по-сибирски — курна, травит так же будто бы «воньким смрадом» сурков, забравшись к ним в нору.

Гон у хорей ранней весной, беременность — 40 дней. Детенышей — от двух до двенадцати (у степного — даже до восемнадцати!).

От африканского хоря вывели люди (две тысячи лет назад!) домашнего хорька, или фрета. Он белый с красными глазами — альбинос. (Впрочем, бывают и грязно-белые и черно-бурые, почти как дикие хорьки.) С ним охотятся на кроликов: пускают в норы, надев намордник и бубенчик на шею. Намордник затем, чтобы хорь не загрыз и не съел кролика в норе, а лишь выгнал его в натянутую у выхода сеть. А бубенчик — чтобы знать, где под землей, в какую сторону хорь пробирается. В Германии охота с «фреттхеном» довольно популярна.

Норка из того же рода, что хорьки и горностаи. Теперь в нашей стране два вида норок — европейская и американская. Эта крупнее, и у нее только нижняя губа белая, у европейской также и верхняя. мех американской норки ценнее, у нас ее успешно акклиматизировали во многих местах: в Башкирской, Татарской АССР, на Алтае, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, выпустив на волю больше 12 тысяч импортированных норок.

Европейская норка — Европа, Западная Сибирь на восток до Иртыша, Кавказ (местами). Американская, или минк, — Канада и США. На Яве водится местная норка.

У норок лапы с перепонками. Образом жизни и немного видом напоминают норки выдр: селятся у воды, плавают и ныряют отлично. Ловят рыб, лягушек, раков, моллюсков, насекомых, грызунов, уток, иногда даже гусей, американские норки — порой и зайцев. Едят ягоды. Там, где встречаются американские и европейские норки, бывают между ними помеси (так же, как и с хорями). Но отношения их в общем-то не мирные: американские вытесняют и даже истребляют европейских норок.

Вопреки названию своему норы роют неохотно: чаще всего их гнезда в дуплах над корнями старых ив, в упавших деревьях, иногда в кочке, из-под которой изгнана водяная крыса (а нора ее расширена).

«Из гнездовой камеры обычно ведут один-два выхода-входа. Близ одного из них уже за порогом жилья расположена уборная. Привычка к чистоплотности у норки врожденная... Пол выстлан сухой травой, листьями, мхом, хвоей... Свою постель зверек часто взбивает. Делает он это мастерски, лапами и зубами одновременно, потом ложится и сворачивается клубком» (В. В. Дёжкин и С. В. Марков).

Гон у норок ранней весной, беременность — около сорока дней (у американской — 36—37 дней, так как у нее бывает небольшой латентный период). Детенышей два—семь (у американской — до двенадцати).

Хорошо акклиматизировалась американская норка в Исландии и Скандинавии. Шведский охотничий союз получил даже от правительства субсидию в 25 тысяч крон, чтобы истребить норку там, где она стала вредной для домашней и дикой птицы. За один лишь охотничий сезон 1959/60 года поймали здесь 18 тысяч американских норок. Пытались акклиматизировать минка и в Чили, но, кажется, неудачно.

Генетики вывели на зверофермах норок самых разных окрасок: сапфировых, жемчужных, топазовых, серебристых, белых, стальных и прочих — больше двух десятков цветовых форм. Цена шкурки новой модной расцветки на мировых аук-

циях иногда 400 долларов. Столько же примерно стоит и шкура калана, которая очень ноская и много больше, чем у норки.

Перевязка — зверек особенный. Повадками напоминает он и степного хоря и американского скунса. Образ жизни в общем хорьковый, а манера обороняться скунсовая — вздыбленный над спиной пушистый хвост как знак первого предупреждения. Если оно не принято во внимание, летят из-под хвоста брызги дурно пахнущей жидкости. Предупреждая и злясь, перевязка не стрекочет, как хорьки и многие мелкие куньи, а рычит. И масть у перевязки пестрая, вроде как у скунса или африканской зориллы. Общий фон в общем желтоватый, а по нему брошены (весьма вольно и индивидуально, как у гиеновой собаки) неправильных очертаний рыжие и бурые пятна. Брюхо и ноги черно-бурые, а уши белые.

Степи, полупустыни Юго-Восточной Европы, Турции, Ирана, Пакистана, Западного Китая, нашего Причерноморья (на запад до Днепра), Крыма, Кавказа, Нижнего Поволжья, Казахстана, Средней Азии, Алтая — ареал перевязки. Добыча — грызуны, ящерицы, птицы. Зори утренние и вечерние — любимые часы охоты. Норы, иногда дупла — пристанище для отдыха и сна.

Гон, по-видимому, в августе — сентябре. Беременность месяцев пять. В выводке до четырнадцати рожденных в марте сунков.

Зверек редкий. Наступление людей на целинные земли, а степных хорей на новые территории совсем не способствует процветанию перевязок. Похоже, они вымирают.

Теперь речь пойдет о самых крупных зверях куньего семейства. И первый среди них калан, или морская выдра: сорок килограммов весят старые самцы. Второе место у росوماхи: вес матерых 32 килограмма (но старых самок — лишь 16).

«Это кудой, шибко кудой, сама последний зверь» — такая, говорит А. А. Черкасов, издавна в Сибири характеристика у росوماхи. «Худой» — она падаль ест, змеями не брезгует. «Она, проклятая, туманит взор, так что собаки после того худо видят и теряют ее из глаз», отвратительна своим зловонием, которое «испускает», когда псы окружают росوماху. Она всякого задавленного зверя и птицу из капканов ворует (сама, однако, умудряясь в ловушку не попасть!). «Сама последний зверь» — харч охотничий, припасы съестные, в лесу оставленные, тоже ворует. А то, что не съест и не унесет, поливает гадкой и вонючей своей жидкостью.

Конечно, эта дурная росوماхина манера происходит не из зловредного желания напакостить людям, просто заведено природой у росوماх и многих других зверей отмечать своим запахом все, что им принадлежит: добычу и границы угодий. У росوماх они велики — около 150 тысяч гектаров. Прожорлива росوماха и смела. У рыси, рассказывают, без страха отбирает добычу. Лиса ей попадется или выдра, может заесть их росوماха. Косуль, кабарог, иногда бобров, молодых или больных лосей, изюбрей скрадывает, нападает и давит.

Крупную добычу тащит «в запятки, не имея силы унести в зубах». Волочит в место поукромнее, по пути ест, опять волочит. Далеко потом не уходит: сразу съесть не может, кормится несколько дней. Иногда к большой добыче собираются и другие росомехи и сообща пируют.

Вид у зверя довольно странный: неуклюжа она как-то по-особенному, по-своему. Спина выгнута, лапы полустопоходящи, на ходу косолапит — «переплетает ногами». Немного похожа на небольшого медведя. Бурая, такая же лохматая, но хвост довольно длинный, пушистый. А тело с боков как бы сжато.

Много странного про росомех рассказывают. Местами дурная их репутация подкрашена мистическим страхом: злые духи будто бы живут в этих зверях. Говорят еще, если на крутом склоне нагонят собаки росомеху, так она комом свернется и катится под гору, как мяч, «не надеясь на быстроту своего бега». На ровное место скатится или на камни острые — ей нипочем: шкура прочная и сама сложена крепко. Вскочит и бежит уже своим ходом.

Так же — комом и пряча голову меж передними ногами — падает она будто бы с круч на кабарог и диких коз и «нередко, — рассказывали промышленники А. А. Черкасову, — своей тяжестью или убивает этих животных, или сталкивает с утесов». На правду это мало похоже. Однако чего не бывает на свете...

Когда голодна, с большой охотой ей не повезло, ловит росомеха лягушек у рек и озер, молодых уток, рыбу. «Должно быть, хороша и красива выходит она из болота, вымокшая и вымаранная в болотной грязи!..»

Впрочем, шерсть у росомехи от воды намокает плохо. По этой причине обшивают эскимосы ее мехом свои одежды по краям рукавов и ворота, чтобы на морозе не деревенела впитавшая влагу малица.

Гон у росомех либо с конца июля, либо приблизительно в сентябре. Пока еще с точностью неизвестно. Беременность около девяти месяцев. Молодых в помете (в феврале — апреле) от одного до четырех. Ареал — север Скандинавии, наш европейский север и Сибирь (на юг до Ленинградской, Вологодской областей и Свердловска, но порой забегают росомехи в Белоруссию, под Воронеж, в лесостепи Казахстана), Монголия, Канада, Аляска, в США — горы Калифорнии.

Но вот у кого шкура воду, можно сказать, просто отталкивает, совсем ее не принимая, — у выдры. Это и понятно: выдра — водяной зверь. Рыбья гроза!

Выдра при случае и диких утят, зайцев и болотных черепах ловит. Не брезгует водяными крысами, раками и лягушками. Но больше всего любит рыбу. Всякую. И плотвичку, и окуньков, и лещей. Даже та-

ких быстрых, как хариусы и таймени. На Украине в районе выдр больше двадцати видов разных рыб.

Но выдра не враг рыболову, а друг. В последнее время биологи установили такую парадоксальную зависимость: как только у каких-нибудь водоемов истребят выдр, в них вначале рыбы станет больше. Но потом заметно меньше. Как снова расплодятся в тех реках или озерах выдры — опять в них больше рыбы! Выдры ловят много больших рыб. «Дезинфицируют» тем самым рыбы стаи.

Выслеживая добычу, выдра таится на берегу и смотрит. А то и морду опустит в воду, чтобы лучше видеть. Заметит рыбую стайку, осторожно, бесшумно соскользнет в реку. Там, под водой, рванется вперед, и рыба у нее в зубах!

Если большую рыбу поймает, тащит ее на берег. Там и ест. А с мелкими расправляется прямо в воде.

Выдра с рыбами и в «кошки-мышки» играет! Когда сыта и хочет позабавиться. Отпустит рыбешку и ждет — пусть подальше отплывет. А потом за ней в погоню. Поймает и снова отпустит. Выдра вообще очень любит поиграть. И из всех игр самая любимая у нее — катание с горы. Зимой — с ледяной, летом лучшее место для такой игры — глинистый обрыв.

Семьи у выдр дружные: до глубокой осени и даже зимы живут подросшие выдрята с родителями или неподалеку. Самец помогает самке воспитывать и оборонять детей.

Летом выдры, по-видимому, живут оседло: далеко от норы (вход в нее всегда под водой) не уходят. Зимой же кочуют: десятки, а то и сотни километров проходят снегами, вязнут в них, так как ноги у выдр короткие. По льду реки или озера иногда, разбежавшись, скользят на брюхе, как на салазках. (Императорские пингвины таким способом путешествуют, подталкивая себя ластами.) Если полыньи нет, выдра, говорят, «продувает» лед: дышит на него, зубами рвет и пробивает себе отверстие — ход к воде. Конечно, такое возможно (если вообще возможно), когда лед нетолстый.

Гон у выдр в разное время, но обычно в феврале — апреле. Как долго ходят самки «чреватые», неясно: одни исследователи доказывают, что 270—300 дней, другие — не больше двух с половиной месяцев. Молодые (от двух до пяти в помете) рождаются и в апреле, и в мае, и в июне — августе, и даже в декабре и феврале!

Обитают речные выдры в Европе и Азии у лесных рек «с омутами и перекатами, с не замерзающими на зиму полыньями, с крутыми подмытыми берегами. Вне лесной зоны селятся по берегам рек и озер с зарослями тростника» (профессор Г. А. Новиков).

Выдры того же вида, что и наши, живут в Северной Африке и, как полагают некоторые исследователи, также на Яве, Сумат-

ре и в Японии. Если учитывать и близкие виды, то можно сказать, что выдры в известной мере космополиты. Обитают они в Северной (канадская выдра) и в Южной Америке (семь видов, включая гигантскую выдру), по всей Африке (четыре вида) и в Южной Азии — на Суматре, Калимантане, Яве, Филиппинах (по-видимому, три вида). Всего на Земле — 17 видов речных выдр и один вид морских.

Некоторые выдры плывут иногда из рек в море ловить там рыбу. Но этот их морской поход — явление, так сказать, временное и нерегулярное. Однако есть выдра, которая постоянно живет в море и на морских берегах, — это калан. (Командорские и Курильские острова, Южная Камчатка. По ту сторону Тихого океана — Алеутские острова, юго-западное побережье Аляски, местами встречаются каланы на западном побережье США, к югу до Калифорнии.)

Прежде каланов было много, теперь на наших островах их, по-видимому, лишь несколько тысяч (и в Америке около 10 тысяч). Охота на них запрещена. Меха калана очень дорогой.

Каланы — звери миролюбивые и добродушные. «Просто отдыхаешь в их обществе», — говорит С. В. Мараков, который отдал много сил и времени изучению каланов на Командорских островах. Самцы и самки держатся отдельно, в сторонке друг от друга. Но те и другие — дружными компаниями. Летним днем каланы обычно плавают в нескольких километрах от берега в море. В сумерках возвращаются к берегу. Здесь полоса прибоя, бухты с подводными и надводными скалами и камнями, заросли ламинарий — обетованные их места. Каланы подолгу лежат в воде на спине. У некоторых каланов на груди, удобно свернувшись, спят детеныши. Матери они очень нежные и заботливые. Но, увы, малодетные: только одно дитя в году. Двойни очень редки. Рожают каланихи на берегу или на скалах в море (некоторые американские зоологи утверждают, что иногда и в воде). Примерно двухнедельного сосунка мать учит уже плавать: положит на грудь и, придерживая одной лапой, плывет на спине в море. С ним, бывает, и ныряет за добычей на дно. А добыча — морские ежи, звезды, рыбы, кальмары, моллюски, крабы.

Каланы, нырнув, собирают иглокожих, кладут их в складки кожи под мышкой и плотно прижимают лапой, чтобы не растерять. (Кожа у каланов свободно к телу прилегает, так что подобную операцию выполнить им, надо полагать, нетрудно.) Бывает, захватят с собой на дне еще и камень и плывут наверх.

Обедать на берегу калан не любит. Волны его покачивают, а он лежит себе на спине. На груди у него вроде как стол обеденный: утвердив на ней камень (или без камня), достает из-под мышки морских ежей или моллюсков и, разбив их о камень (или лапами поломав), ест не спеша.

Поест — и зевает (каланы, говорит С. В. Мара-

*Южноамериканская
гигантская выдра
похожа на обычную
нашу выдру, но
больше ее: длиной до
двух метров с
четвертью, а весит
до 34 килограммов.
Кроме того, хвост
у гигантской выдры
сильно сжат сверху
вниз, как у бобра,
а железы под хвостом
способны на манер
скунса с силой
выбрасывать струю
дурно пахнущей
жидкости.
Пронзительные крики
гигантских выдр часто
можно услышать
вблизи
бразильских рек, но
сами зверьки очень
скрытны, увидеть и
поймать их нелегко.*

ков, любят зевать. и зевают много, с явным удовольствием). Зекает-зекает, а потом уснет. Тут же на воде, лежа на спине. Лапки на груди сложит, уткнет в них мордочку и покачивается на волнах, как в гамаке.

Когда детеныши подрастут, так месяцев с шести, матери отдают их на попечение отцам. Те своим

Морские выдры каланы любят спать на спине, покачиваясь на волнах.

примером учат их охоте и превентивной обороне от косаток, хищных зубастых китов. Многим морским животным, от кальмара до усатого кита, косатка — страшный враг. А у каланов там, где люди на них не охотятся, этот враг, кажется, единственный.

Еще один зверь, всем хорошо знакомый, зачислен в одно зоологическое племя с выдрами и куницами — барсук.

Барсуков у нас два вида. Обыкновенный барсук и медоед. У первого ареал — почти вся наша страна (кроме северо-восточных районов Сибири), вся Европа, а в Азии — от Турции до Китая и Японии. Второй у нас живет только в Туркмении, у самой границы, а за ее пределами — в Африке, Передней Азии и Индии.

Обычный барсук — зверь не только лесной: селится и в степи и в пустыне. Лишь тундра ему не по душе. Норы роет в лесу больше всего по оврагам (но не обязательно), а в пустынях — в гладких солончаках, в песчаных буграх. Барсучья нора — это грандиозное для зверя сооружение. В ней много отнорков, входов и выходов, иные в десятках метров один от другого. В норе — полная чистота.

Барсуки необщительны: близкого соседства даже своих соплеменников — других барсуков — не терпят.

Обычный барсук живет в Европе и Азии (к югу до Северной Бирмы и Китая).

Местами, где барсуков не беспокоят, они поселяются целыми колониями, и их норы ветвятся под землей на пространстве иногда в 25 гектаров. В норах идеальная чистота. Подстилку — сухие листья, мох, траву — барсуки нередко выносят по утрам из норы проветривать и сушить.

Есть у них и отхожие места, места для игр и для солнечных ванн.

Днем спят в норах, ночью промышляют насекомых, их личинок, лягушек, ящериц, змей, зайчат, птиц, птичьи яйца — всех, кого могут одолеть.

Немало шмелиных гнезд разоряет барсук. Взбешенные шмели его кусают, а он, когда уже невмоготу, катается по земле, давит их. Потом опять спешит к гнезду, чтобы съесть и мед и детку.

А. А. Черкасов рассказывает, что нападают сибирские барсуки на телят и жеребят и даже будто бы на коров, вырывая когтями и зубами вымя. У нас о таких делах я не слышал.

Весьма впечатляюще рассказывает он и о том, как, удирая от собак по склону горы, барсук катится вниз, свернувшись шаром.

«Он, бедняжка, с перепугу покотившись с крутой и высокой горы, налетает на камни, с маху в них ударяется так сильно, что слышен какой-то особый звук — бут-бут-бут, — отскакивает от них, как мячик, потом снова летит, снова ударяется, глуше слышится бут-бут, тронутые с места камни тоже летят и подпрыгивают за ним же... Наконец догоняющие барсука собаки быстро несутся тем же следом, спотыкаются, кувыркаются — шум, визг, тьяканье довершают живописную картину, которая при лунном освещении имеет особый эффект».

В общем, потеха! Но бывает ли так или бывало — не утверждаю.

Барсук почти все солнечные часы проводит в подземелье, а для здоровья это, как известно, вредно. Потому, прервав дневной сон, он выходит погреться на солнце. Лежит, сидит у норы на припеке или бродит вокруг. Когда барсучата рождаются, мать их тоже выносит «позагорать». Надо полагать, чтобы рахита не было.

К зиме барсуки сильно жиреют, умножая вдвое свой вес: старые самцы — почти до 32 килограммов.

И там, где зимы холодные, спят эти звери в норах с октября примерно и по апрель.

Барсук для лесного хозяйства зверь очень полезный, много он истребляет личинок хрущей и майских жуков. Где барсуков всех перебили, гибнут от жуков-вредителей деревья. От самого же барсука вред небольшой: разорение шмелиных гнезд, местами овсы портит, бахчи, виноградники. Это его беспорядный пассив. Но в активе у барсуков больше полезных дел.

ИНОЗЕМНЫЕ ЗВЕРИ КУНЬЕГО СЕМЕЙСТВА

Некоторые исследователи считают, что наш медоед и африканский ратель — один вид. Но если даже это и разные виды, то очень близкие.

Сверху ратель (и медоед тоже) ото лба и до конца хвоста светло-серый, белесый, а снизу без всякого перехода — чернотемный: словно выкрашен каким-то шутником. По бокам, там, где встречаются светлый и темный цвета, тянется более светлая, чем спина, узкая полоса (у медоеда ее нет). У молодых, неполовозрелых рателей спины рыже-белые и резких контрастов в окраске нет.

Вся жизнь рателя — в постоянной войне с пчелами, которые в Африке часто гнездятся в земле. Густой мех, толстая шкура и жир надежно обороняют его от укусов. Очень интересен этот зверь тем, что живет в «сладкой» дружбе с небольшой птицей — медоведом, или индикатором. Медоед-бортник и медовед-разведчик — замечательная пара. Один находит мед, другой его добывает. Едят вместе. Когда медовед увидит рателя, кричит громко. Сейчас же на его крик с радостным каким-то «кудаханьем» спешит ратель. А птица, его друг, трещит не умолкая. Перелетит с куста на куст и опять поджидает барсука.

Барсук в туче яростно атакующих пчел разоряет их, ест детку и мед, а медоведу оставляет пустые соты. Но для него и воск лакомство. Эта удивительная птица (с помощью еще одних друзей — симбиотических бактерий и дрожжей, поселившихся в ее кишечнике) способна, оказывается, переварить несъедобный для всех, кроме еще лишь восковой моли, воск.

Воюет ратель (уже без помощи друзей) и со змеями. Даже смертельно ядовитую мамбу убивает и ест. Убивает методом бульдога — вцепится и не отпускает — молодых антилоп, разоряет муравейники и термитники. Но мед в его меню — первейшее блюдо.

Ратель и медоед во всем очень похожи на барсуков. Только черепом и числом зубов отличаются. И тем еще, что нет у них ушных раковин. По этой причине и некоторым дру-

Три вида хорьковых барсуков обитают в Южной Азии.

Китайский барсук самый лучший древолаз, он часто даже спит в зелени ветвей.

Местные жители охотно держат этих барсуков в своих домах, так как зверьки уничтожают немало вредных насекомых.

гим систематики учредили для медоедов отдельное от барсуков подсемейство.

В барсучьем подсемействе, кроме обычного нашего барсука, числятся еще семь видов: все, кроме одного — североамериканского, в Южной Азии и на азиатских островах (в Индонезии и на Филиппинах). Американского барсука (живет в сухих равнинах Северной Мексики, запада США и Южной Канады) меньше, чем нашего, прельщают насекомые. Охотится он больше на мелких зверьков и птиц.

Свиной барсук (Гималаи, Южный Китай, Суматра) действительно немного похож на свинью: и телом на высоких ногах, а главное — почти пороссячим, деформированным носом. Рыло у него тоже удлиненное, хвост небольшой и белый.

Теледу, или малайский барсук (Малайя, Ява, Суматра, Калимантан), похож на свиного. Как норкопатель немного знает себе равных.

Древесные, или хорьковые, барсуки ростом невелики: с хорька, даже чуть поменьше. Мордочки длинные, лапки стопоходящие, как барсукам и положено. Их три вида: китайский, бирманский (Бирма, Непал, Ассам, Вьетнам) и яванский (Ява и Калимантан). Все ловко лазают по веткам, даже прыгают с дерева на дерево. Но в общем-то животные эти не древесные — наземные. Древолазанье — лишь вторичное, не главное и временное их увлечение, точнее говоря, приспособление. Хорьковых барсуков называют также и вонючими, потому что прыскают дурно пахнущей жидкостью у них в обыкновении.

Часто спрашивают, есть ли в Америке соболь. И ответ получают: нет, в Америке истинный соболь не живет. Тогда как

Гризоны, или гуроны, встречаются в лесах и открытых прериях, в горах и равнинах Южной Америки. Правда, малый гризон предпочитает гористые ландшафты. Селятся гризоны в норах обычно небольшими группами, а не в одиночестве, как большинство кунных. Индейцы охотятся с ручными гризонами на шиншилл.

понять, что нередко приходится слышать «американский соболь» или (он же) «гудзонский соболь»?

А так: это не соболь, а американская куница. Честь называться соболем присвоена ей не совсем законно. На основании ценности в пушной торговле (однако более низкой, чем у нашего соболя). Как и куница, гудзонский соболь любит жить и промышлять добычу на деревьях (и ловит много белок), любит ходить верхом.

Илька, или фишер, — другая североамериканская куница. Еще одна куница, японская, известна высокой науке.

Гризон, тайра и зорилла — звери, наделенные некоторыми особыми чертами.

Гризонов два вида. Ростом они с хоря и повадками ему подобны. Живут в Америке, от Мексики до Аргентины: в тропических лесах, открытых травянистых равнинах и в горах. В Перу гризонов приручают и охотятся с ними на шиншилл, как с белым хорем.

Тайра, или гира, размером с харзу и, собственно говоря, ее южноамериканский эквивалент. Окрашена, правда, иначе (и видом не очень похожа): черно-бурая, с более светлой головой и шеей. На горле небольшое охристое пятно.

Зверь довольно обычный в Южной и Центральной Америке. Днем тайру видят часто. Живет она на деревьях, по земле бегают редко (у гризона повадки прямо обратные). В открытые степи и прерии тайры выходят редко. Кроме того, от многих других кунных отличается их известная общительность: живут они обычно парами или семьями. Когда придет пора размножаться, то собирается вместе много тайр.

Тайры плотоядны, но питаются и плодами, набивая ими желудки иногда, что называется, до отвала.

Зорилла — своего рода африканский скунс. Она и окрашена похоже (на полосатого скунса): низ черный, верх белый (с продольной черной полосой на хребте). У зориллы такие же, как у скунса, прыскающие смердящей жидкостью железы под

Тайра, или гира́ра, крупнее гризона: длина ее метр или немного больше, а вес 4,5 килограмма. После гигантской выдры это самый крупный зверь из семейства куньих в Южной Америке.

хвостом. И так же, предупреждая о химической атаке, ерошит зорилла шерсть и поднимает пушистый белый хвост.

Полосатый ливийский хорек и африканский белозатылочный хорь — близкие родичи зориллы. Их называют также змеиными хорьями: не только за змеевидное, приземистое и длинное тело, но и за вековую вражду со змеями, которых эти звери уничтожают.

От зориллы к скунсу путь самый прямой, хотя и не близкий: скунсы отделены от зорилл (помимо морфологических барьеров) Атлантикой. Ибо живут скунсы в Америке — Северной, Центральной и Южной. Их восемь видов: четыре в Северной, четыре в Южной.

Эволюция наделила скунсов оружием столь же необычным, как и эффективным: разворачиваясь тылом, они брызжут желтой маслянистой жидкостью. Плотная струя летит метра четыре-пять и метко попадает в цель, хотя скунс стреляет, что называется, не глядя, потому что химические железы у него под хвостом. Чтобы дать залп, он вынужден повернуться к мишени задом. Иногда это, как говорят военные, одиночный выстрел, а то и автоматная очередь из полдюжины залпов, которые поражают цель за несколько секунд.

Основное вещество в химическом оружии скунса — этилмеркаптан. Человек чувствует его (самый отвратительный на свете!) запах, даже если вдохнет

РИККИ-ТИККИ-ТАВИ И МНОГОЧИСЛЕННАЯ ЕГО РОДНЯ

только 0,000000000002 грамма! Тот, в кого попала хоть капля скунсовой струи, не рискнет несколько дней показываться на людях, даже если хорошо вымоется и переменит платье. Очень стойкий запах.

Надежно защищенный от недругов, скунс никогда и никуда не спешит. Даже если его преследует стая гончих, он не ускоряет шага. Как только псы приблизятся до черты, дальше которой их подпускать уже небезопасно, полосатый скунс посылает первый предупредительный сигнал, топает ногами. Потом поднимает хвост, но конец его еще полусогнут: боевой «флаг» полуспущен.

Третий и последний сигнал непосредственно предшествует газовой атаке — хвост трубой вздымается к небу, взъерошен весь. Это означает: «Беги скорее, стреляю!» Затем следует быстрый разворот и залп, который если и пролетит мимо, «шибает в нос, словно таран».

Пятнистый скунс, который поменьше полосатого, последний сигнал подает совсем необычно: встает на передние ноги — головой вниз, задними ногами вверх — и наблюдает, приподняв голову, какой эффект произвел на противника его акробатический номер. Если нужного впечатления не произвел, тем хуже тому, кто им пренебрег!

По причине исключительной вонючести у скунсов почти нет в дикой природе врагов. Однако пумы и бобкэты, американские рыси, бывает, идут на риск стать сугубо вонючими и нападают на скунсов.

Скунсы всеядны. Поедают немало гусениц и этим очень полезны. Довольно плодовиты: до десяти крохотных вонючек приносят в одном помете.

«Но вот того орла эта пылища, видимо, нисколько не беспокоит: на бреющем полете он врывается прямо в семейство полосатых мангуст и хватает одну из них... Здесь, в Серенгети, мангусти выглядят очень потешно: полоски у них поперечные, как у зебры» (Бернгард Гржимек).

Мангуста кричала отчаянно, пока орел нес ее в когтях к дереву. Полосатые ее родичи не испугались, не разбежались, а всем сообществом, в полном составе «запрыгали на коротких ножках вслед за птицей, окружили дерево и начали под ним пронзительно кричать и визжать». Нервы орла, потрясенного дикой какофонией, не выдержали: мангусту он выпустил. Она упала на землю, но тут же вскочила и со своими спасителями кинулась в рощицу.

Мангусти отважны, мангусти ловки — нет у змей в тропиках худших врагов и губителей!

Мангусти — достойные представители семейства виверровых. Семейства древнего и весьма многочисленного — в нем

82 вида (по другим данным — 65) — в Африке, Южной Азии и на Мадагаскаре. Здесь, на этом чудесном острове, виверровые — единственные хищники. В Америке и в Австралии виверровых нет. В Юго-Западной Европе — только два вида: малая пятнистая генетта (Испания и близлежащие области Франции) и ихневмон (Южная Испания и Далмация).

Нечто среднее между куньими и кошками у виверр в повадках и телосложении. На планете эти некрупные хищники (с ласку и до размеров харзы) появились рано (но после куньи), в позднем эоцене, сорок миллионов лет назад. От них произошли кошки.

Кошачья у виверр и грация, кошачьи у многих и когти — вытяжные (фосса, пальмовые куницы, линсанги, генетты), у многих других полувтяжные, у мангуст невтяжные.

Среди виверровых есть звери, которых еще недавно называли карликовыми медведями или медвежьими куницами: бинтуронги. Но есть и такие, как мадагаскарская фосса, а она похожа на кошку.

Шерсть у бинтуронга темно-серая, длинная и довольно лохматая. Уши округлые и поросли по краям длинными волосами. Но главное — у него хватающий хвост. Когда бинтуронг спит на дереве, то, обвив хвостом ветку, страхует себя от падения. Когда спускается с дерева головой вниз, хвостом цепляется за сучья. В Старом Свете это единственный хищный и несумчатый зверь с хватающим хвостом. В Новом — еще енот кинкажу (такие же хватающие хвосты у некоторых американских обезьян, малого и среднего муравьедов, у панголинов, но из хищников больше ни у кого).

*Бинтуронг —
единственное
несумчатое
млекопитающее
Старого Света
с хватающим хвостом.
Этой «пятой лапой»,
а также густой
длинной шерстью и
кисточками на ушах
отличается он от своих
родичей из семейства
виверровых.
Чтобы бинтуронг
прыгнул с сука на сук,
еще никто не видел;
по деревьям он
путешествует не спеша,
будто даже лениво,
ища надежные опоры
не только лапами, но и
цепким хвостом.
При этом громко и
пронзительно кричит.*

Фосса — самый крупный хищник Мадагаскара.

У нее втяжные когти, как у кошки, но она стопоходяща, как медведь.

Фосса охотится на лемуру и разных птиц.

Много странных, страшных и забавных историй рассказывают про фоссу на Мадагаскаре.

Говорят, как и про хоря в Сибири, будто фосса убивает кур в курятниках одним лишь своим отвратительным запахом, который распространяют ее анальные железы.

Живут бинтуронги в лесах Южной Азии, от восточных Гималаев до Индокитая, Явы, Калимантана, Суматры и Филиппин. Они здесь самые крупные из виверровых — длина бинтуронга вместе с хвостом около полутора метров — и самые голосистые: ночами громкие крики бинтуронгов оглашают джунгли. В гневе верещат они по-птичьи. Из всех хищников, кроме панд, бинтуронг самый нехищный, предпочитает вегетарианскую пищу. Впрочем, при случае ест мелких зверьков и птиц.

Иное дело фосса: мадагаскарские лемуры и разные местные птицы живут в постоянном страхе перед ней. У фоссы шерсть короткая, рыже-бурая. На Мадагаскаре (и в семье виверровых!) она самый крупный хищник — с полувзрослую пуму. По деревьям лазает ловко и на земле таится и крадется незаметно. Единственный ее враг — человек, от которого защита у нее примерно такая же, как у скунса, — вонючая струя. Впрочем, у всех виверровых под хвостом есть железы с пахучей жидкостью. По этой причине африканских и азиатских виверр в разных странах Азии и даже в средневековой Германии и Голландии томили неволей в клетках ради только цибета. Его выжимали из анальных желез пленных зверьков, чтобы приготовить знаменитый мускус для парфюмерных и медицинских целей.

Мальгаши Мадагаскара фоссу очень боятся, упорно (но ложно) полагая, будто зверь свиреп и силен, как лев, и, случается, убивает ночами их скот.

Еще одна странность приключилась с фоссой: ее именем в науке названа другая мадагаскарская виверра — *Fossa fossa*. Эта последняя представляет особое подсемейство виверровых — полосатых циветт, в котором самое, пожалуй, интересное животное выдровая циветта. Внешне (и образом жизни) она похожа на выдру: морда у нее такая же широкая, ноздри под водой плотно закрывают клапаны, лапы с перепонками. Ловит рыб в реках Южной Азии (включая Суматру и Калимантан).

В семействе виверровых шесть подсемейств — настоящие виверровые (виверры, циветты, генетты, линсанги — 18 видов), пальмовые куницы (и среди них бинтуронги — 8 видов), полосатые и выдровые циветты (7 видов), мадагаскарские мангусты (8 видов), настоящие мангусты (мангусты, ихневмоны и сурикаты — 40 видов) и, наконец, фоссы (1 вид).

Три неожиданных прибавления к подсемейству настоящих виверровых — три новых для науки вида — сделаны недавно, уже в нашем веке. В 1919 году в глухих тропических лесах Иту-

Три близких вида азиатских виверр обитают в Южном Китае, Индии, Индокитае и один на Филиппинах. Виверры самого крупного вида длиной больше метра и весят 7—11 килограммов.

Африканская циветта живет в густых кустарниках от Сенегала до Сомали и на юг до Южной Африки. Она отлично плавает, но на небольшие деревья взлезает обычно, лишь спасаясь от врагов. Еще в глубокой древности содержали люди этих циветт в неволе и получали от них мускус. В Абиссинии мускус выжимают из мускусных желез циветт несколько раз в неделю, получая за это время по три-четыре грамма от каждого зверька. В 1934 году Африка поставила на мировой рынок 2475 килограммов мускуса на общую сумму в 200 тысяч долларов.

Рассу, или малую индийскую виверру, родина которой Индия, Южный Китай и Индонезия, давно уже завезли на Филиппины, Мадагаскар, Сокотру и Коморские острова. И на старой и на новой родине содержат малых виверр в клетках и добывают из их желез мускус, тщательно выскребая затем ложками опустошенные мускусные мешочки, которые носят под хвостом и самцы и самки виверр.

*Группами
в десять-двадцать
животных кочуют
кузидансы по лесам и
кустарникам, нигде
больше двух дней не
задерживаясь, но
обязательно
возвращаясь на старые,
уже пройденные круги
своих миграций.*

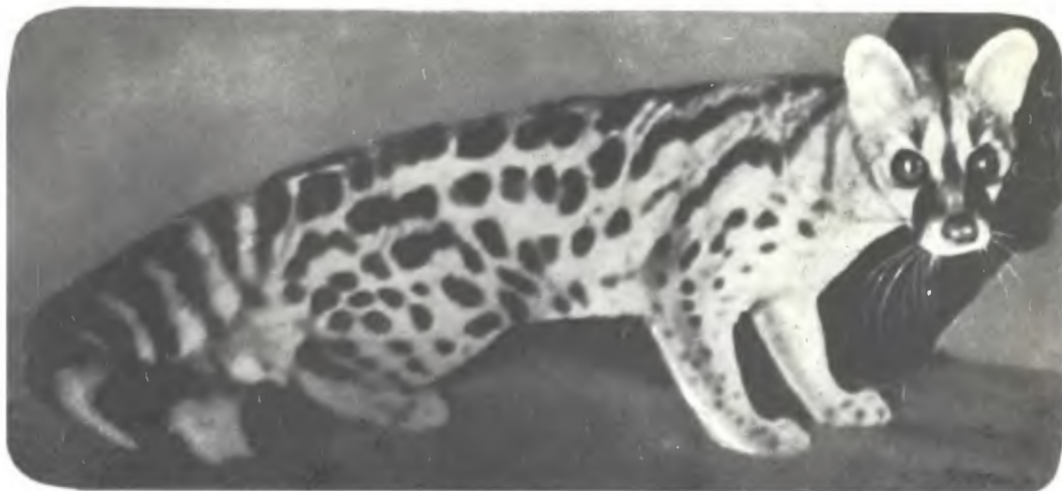
*Есть несколько родов и
много видов пальмовых
куниц, или пальмовых
циветт.*

*Мусангом называют
обычную пальмовую
циветту из рода*

*парадоксурс.
Живет в Южной Азии—
от Индии и Цейлона до
Индонезии, Филиппин и
некоторых островов
Тихого океана.*

*Генетта без особого
труда пролезет в
любое малое
отверстие, в которое
может просунуть
свою узкую голову.*

Выдровая циветта встречается вблизи рек и на болотах Индокитая и Индонезии.

Когда она ныряет, уши и ноздри ее закрывают клапаны.

Но перепонки между пальцами у выдровой циветты развиты несильно, а хвост коротковат и слаб для хорошего пловца.

По-видимому, она нападает из засады, тихо подплывая (выставив лишь нос из воды) к пришедшим на водопой птицам и мелким зверькам, а в реке охотится больше на раков, чем на рыб.

ри (правый приток Конго) охотничья экспедиция добыла водяную, или рыбацкую, циветту. А в 1960 году зоолог Кун описал генетту Леманна, которую поймали в Либерии. Третий новый вид в том же году был открыт в Сомали.

Генетт девять видов. Восемь из них обитают только в Африке, а один — малая пятнистая генетта, — как я уже упоминал, также в Испании и смежных областях Франции, кроме того, в Палестине. По желтовато-серому фону у нее темные пятна, как у леопарда (правда, рождаются в одном помете с пятнистыми и черные, как ночь, генетты). Зверек небольшой — около метра длиной (но высотой в плечах впятеро меньше!), очень грациозный, ловкий, охотится ночью и в сумерках, а днем прячется в дуплах, в расщелинах скал, в густых колючих кустах. Когда генетта крадется, ее тело так гибко, так изящно струится по земле, что, говорят, заглядеться можно. Прыжки ее тоже великолепны: с места — метра два! Хорошо лазает и плавает.

Африканская циветта, или живерра, крупнее генетты и более высоконогая: ростом примерно с барсука. Она темно-бурая с черными пятнами. На морде, по бокам от носа, там, где растут усы, по белому пятну (но окраска очень изменчива), сверху на шее и вдоль по хребту небольшая грива, которую зверь взъерошивает, когда сердится. Выгибает и спину на кошачий манер, ворчит и рычит. Циветты — звери ночные. Днем видеть их приходится редко. По деревьям лазают хуже генетт.

В Африке есть еще одна циветта, упомянутая выше, — рыбацкая. Живой еще никто из европейцев не видел ее. Да и местные жители зверя этого плохо знают: у них нет для нее даже названия. В Южной Азии живут циветты четырех других

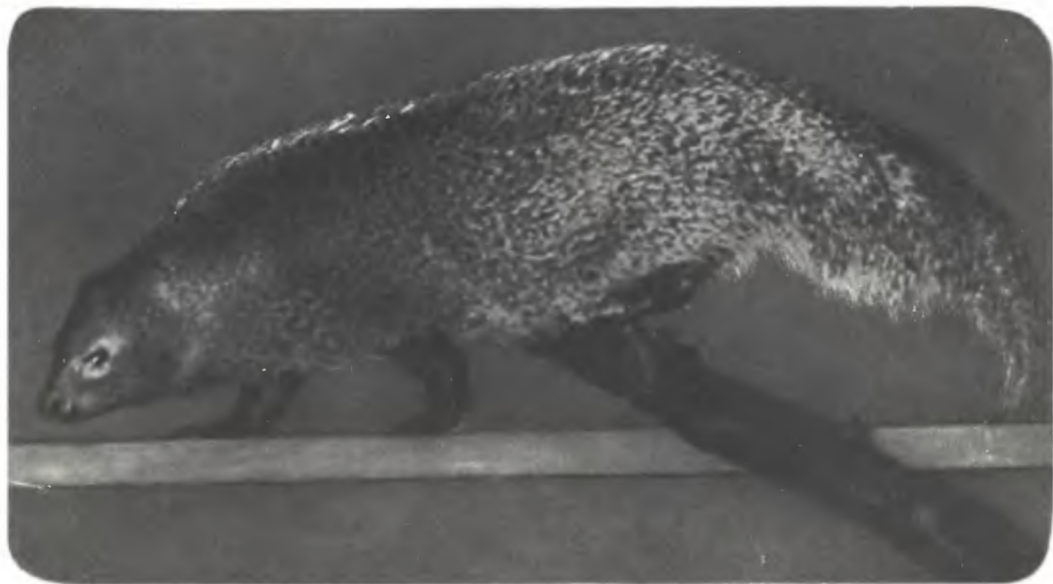
Ихневмон — в Древнем Египте животное священное и неприкосновенное, как кошка и крокодил, — представитель виверр в некоторых странах Южной Европы.

видов. Из них раса самая маленькая и очень похожа на генетту.

Линсанги (один африканский и два азиатских) внешне и повадками тоже похожи на генетт, так же как пальмовые куницы, или пальмовые циветты. Они причиняют немалый вред плантациям, поедая по ночам плоды и побеги пальм и ананасов. Мусанг, или обычная пальмовая куница, ест даже плоды кофейных деревьев, хотя зерна кофе переваривать не может и в изобилии «сует» их после такой трапезы по лесам. Все пальмовые куницы живут в Южной Азии, кроме одного вида (и рода) — нандинии двупятнистой. Родина ее — Западная Африка. Два больших светлых пятна на плечах, кроме многих черных на теле, отличают этого зверя.

После беглого обзора всех их родичей пришла очередь рассказать о мунго, или мангустах, — бесспорно, самых интересных в семействе виверровых. Их десятки разных видов, в основном африканских, но немало и азиатских.

На Яве, Суматре и в Индии живет черная, с мелким желтым крапом, словно припудренная золотой пылью, карликовая мангуста: полметра, вместе с хвостом, ее длина. Эта «позолоченная» мангуста и ласка — самые крохотные хищники на нашей планете. Обычная индийская мангуста — знаменитый Рикки-Тикки-Тави — прославлена Киплингом за доблесть и непобедимость в смертельных схватках с ядовитыми гадами. Поразительно, как спокойно, уверенно, смело и ловко сражается она со смертью. Оскаленная ее морда трепещет в ярости в нескольких сантиметрах от вскинутой над ней пасти кобры. В одно неуловимое мгновение в молниеносном броске впе-

ред преодолевает змеиная голова эти сантиметры. Четверть секунды — атака змеи: выпад вперед, укус и возвращение в исходную позицию. Но мангуста успевает заметить этот бросок и увернуться. Превосходная бдительность и небывалой быстроты реакция. Только это ее спасает. Ведь нет у мангусты ни брони на теле, ни достаточно эффективных противоядий в крови.

Ярость в бою и искусство нападать смело и быстро, так быстро, что уследить невозможно, нападать, а не бежать, даже от врага сильного и большого, и кусать, кусать неистово — этим почти все мангусты знамениты. Говорят, если мангуста в ногу вцепится, словно швейная машина прошьет ее иглой!

Но прежде чем напасть, мангуста (во всяком случае, полосатая) врага честно предупреждает. Шерсть взъерошив, изгибается дугой и верещит пронзительно. Была она маленькой, гибкой, длинной и вдруг стала круглой и в мгновение вдвое выросла на глазах! От такого чародейства лучше подальше держаться — решит почти всякий. А если не сразу осторожность подскажет это мудрое решение и тот, кому направлен ультиматум взъерошенного комочка кипучей ярости, будет медлить, тогда мангуста атакует «со скоростью дротика».

У полосатых мангуст (возможно, и у других) есть еще одна странная угроза — «галоп на месте». Выгнув спину, мангуста делает вид, что быстро бежит к незваному гостю, а сама скачет лишь на месте, выбрасывая вверх то передние, то задние ноги. Все это под вокальный аккомпанемент, который исторгает ее горло и который так пронзителен, что, мы знаем уже, орла способен напугать.

Хищные птицы постоянно угрожают мангустам, и поэтому зверьки бдительно следят за небом. Куда бы ни шли, чем бы ни занимались, то одна, то другая головки поднимут и смотрят вверх. Если увидят в синеве небес зловеющий парящий силуэт, кричат «вааук-вааук». Это всем товарищам предупреждение, сигнал воздушной тревоги.

Одна неопытная самка-мангуста, увидев в небе журавля, закричала так, будто орел над ней. Самец-мангуста лишь взглянул на птицу и спокойно отвернулся, занимаясь своим делом: он рыл острыми коготками землю, откапывал гусениц и разных насекомых. Весь вид его, казалось, говорил: «Что ты пугаешь меня таким пустяком!»

Мангусты болтливы. Звуки, которые способно исторгать их горло, очень разные: рычание, визг, некое кудахтанье — предупреждение: «Не тронь меня!», почти собачий лай — сигнал общей тревоги.

Когда они водят за собой подросших детенышей (обычно это семейный выход: папа, мама и детишки следом за ними) и один детеныш отстанет, тогда отец или мать кричат отрывисто, на высоких нотах. И дитя спешит к ним.

По сигналу тревоги малыши сейчас же бегут к матери и жмутся к ней. Она ведет их туда, где безопаснее, а они ни на шаг, ни на сантиметр не отстают от нее, точно привязанные. Бежит она — бегут они, рядышком, вплотную. Она замрет — замрут и они.

Младенчество, детство и юность полосатых мангустов быстротечны: в девять месяцев от роду приходят возмужание и с ним семейные заботы. Родятся у них обычно четыре крохотных, слепых, почти голых детеныша, весит каждый тридцать граммов. Растут быстро, и скоро молока им становится мало, мясо подавай! Мать тогда жадно вырывает его у самца, но сама не ест, а носит во рту: бегаёт вокруг своих чад, предлагая вырвать у нее из пасти кусок. Как только кто сделает такую попытку, она положит мясо на землю и ждет, чтобы его попробовал малыш. Если дать ей банан, повторится то же самое. Так и вкус к плодам земли воспитывает терпеливая мать у своих несмышленишек.

А отец? Он тут, он рядом. Но дело его прежде всего сторожевая служба. Предупреждения о реальной угрозе исходят главным образом от него. Мать спокойна, когда он поблизости. Она, когда детенышам всего несколько дней, оставив их на попечение бдительного и отважного супруга, может уйти по своим делам. Тот, чем бы он ни был занят, всегда подбежит, посмотрит на малышей, обнюхает их. Все в порядке, тогда только отойдет, ибо дел у него тоже достаточно. Насекомые, гусеницы, птичьи яйца, плоды — все это надо добыть, раскопать. Нору вырыть или подновить ее. Полосатые мангустаны прячутся в норах от врагов и зноя. Но и погреться на солнце любят, когда оно не очень жаркое. Любопытствуя, сидят столбиком, поглядывая по сторонам и в небо.

Подобно полосатым мунго, ихневмоны, самые крупные из мангустов (до метра длина, но высота лишь 20 сантиметров), живут дружной семьей. Охотятся, когда дети подрастут, так: впереди крадется, прячась в тени кустов, за буграми, травами, папаша-ихневмон, за ним вплотную мать, за ней, тоже вплотную и повторяя все ее повороты, молодые ихневмоны. Кто видел их, казалось, будто большая змея ползёт по земле. «Ихневмон» по-древнеегипетски — «сыщик». Тысячелетиями в дельте Нила строители пирамид свято почитали его за мужество, за истребление змей и крокодилийх яиц.

Сурикаты живут колониями и днем обычно сидят столбиками у своих нор, подобно сусликам или суркам.

Ихневмон — житель Северной Африки, Малой Азии и Южной Европы (Испания, Далмация).

В Центральной и Южной Африке живет болотная, или водяная, мангуста. Она более высоконогая, чем ихневмон, и почти черная. Плавает и ныряет отлично, а потенциальное, развивающееся под скорлупой яиц потомство крокодилов истребляет еще эффективнее, чем священный «сыщик». Крокодилы самки, в вечном страхе перед ее разбоем, обречены дежурить у своих яиц. Только это спасает их от черных мангуст.

Птица — не крокодил. Не многих из них мангусты боятся и потому воруют птичьи яйца смело. Повадка у них такая: берут яйцо в передние лапы, на задних столбиком вытягиваются

и роняют на землю с высоты своего роста. Оно, понятно, разобьется, и тогда мангуста лижет желток и белок.

У мангуст (почти у каждой своя) врожденная манера колоть яйца. Некоторые, зажав яйцо не передними, а задними лапами, бьют его, пятась, о камень или дерево.

К мангустам близки сурикаты — зверьки особенные! Внешне напоминают немного лемуру. В забавных позах (вытянувшись на цыпочках задних ног и подпирая себя хвостом) греются они на солнце или высматривают тревожно врагов в сухих степях Южной Африки.

Живут не в одиночку, а колониями — у каждой семьи своя нора, но все норы неподалеку. Ночью спят в подземельях. Днем сидят у нор по-сурчиному — столбиками, сложив передние лапки на груди, греются, переругиваются. Или, отойдя недалеко, копаются в земле, ищут личинок насекомых, пауков, сороконожек, разные корни и, конечно, если попадутся, птичьи яйца.

С мангустами связана одна поучительная история, которая должна служить примером того, что не всякая акклиматизация априори хороша.

На остров Ямайка (и некоторые другие острова Карибского моря) белые плантаторы завезли в свое время очень ядовитых змей — жарарак. Соображение у них было такое — черные рабы убегают в леса и болота, прячутся там. Так вот, чтобы беглецам жизни от ядовитых гадов на воле не было, привезли змей из Южной Америки и на островах выпустили. Те вскоре так здесь размножились, что и белым в их гасиендах житья не стало от змей. Тут расплодилось на Ямайке крысы — гибла от них пятая часть урожая сахарного тростника.

Решив теперь покончить и с крысами и со змеями, привезли в 1844 году на Ямайку гигантских жаб: у них была репутация отчаянных пожирателей молодых крыс и змей. Но оказанного им доверия жабы не оправдали.

Наконец, в 1872 году кому-то пришла идея обратиться за помощью к мангустам.

Привезли четырех самцов и пять самок. Они быстро прижились и расплодись. Через десять лет их потомки съели уже всех крыс (но не всех змей, так как более быстрые в атаках, чем кобры и гадюки, змеи Нового Света из схватки с мангустами часто выходят победителями!). Принялись тогда мангусты уничтожать поросят, ягнят, кошек, водосвинок, щелезубов, ящериц, птиц и вскоре стали истинной казнью египетской для всего живого на острове.

На Фиджи тоже акклиматизировали мангуст, но с пользой для дела или нет, пока не ясно.

ГИЕНА — ГЕРМАФРОДИТ

Гиен четыре вида: земляной волк, пятнистая, полосатая и бурая гиены. (Земляной волк: равнины Африки к югу от Абиссинии. Пятнистая гиена: Африка к югу от Сахары. Полосатая — Северо-Восточная Африка, Аравия, Передняя, Малая и Сред-

Самая большая гиена — пятнистая. Некоторые старые самцы весят 80 килограммов. У них мощные мускулы шеи и плеч: труп осла сильная гиена несет без особого труда. Коренные зубы гиены, когда она грызет кости, развивают давление в пять тысяч атмосфер.

няя Азия, большая часть Индии и Закавказья. Бурая гиена: Южная Африка.)

Одно время считали гиен родичами собак. Теперь систематики отделили гиен от псовых и соединили в одном надсемействе с виверровыми, кошачьими. Геологически сравнительно недавно, около десяти миллионов лет назад, эволюционируя, развился род гиен, отделившись, по-видимому, от каких-то древних виверровых. Земляной волк до сих пор сохраняет много атавистических черт тех дальних предков. По этой причине некоторые систематики полагают, что лучше зачислить его не в семейство гиен, а к виверровым. Внешне, однако, это гиена, впрочем небольшая (полметра в плечах), буровато-серая с темными полосами.

Земляной волк роет норы сам или занимает чужие. Днем в них таится, ночью, нерезво галопируя, рыщет, ищет жуков, термитники. Не падаль, а насекомые и некоторые растения его пища. Зубы у земляного волка недоразвитые: плотоядных нет, а ложнокоренные и коренные — лишь тупые бугорки, что типично для насекомоядных. Земляные волки бродят ночами в одиночестве либо парами, реже полдюжины их собираются в стаи. Звери пугливые: самая эффективная оборона — вонючая струя из подхвостовых желез.

Другие гиены образом жизни похожи. Это всем известные трупоеды. Их мощные челюсти развивают давление в 5000 атмосфер и способны раздробить черепа и трубчатые кости буйволов и бегемотов. Поэтому даже с ручной гиеной играть нужно осторожно: шутя, без злого умысла может она начисто отхватить пальцы. Случилось такое однажды в Бернском зоопарке. Когда голодные, охотятся гиены загоним на антилоп. Но бегают плохо, и удача им сопутствует редко. Некоторые охотники утверждают: все дряхлые львы кончают жизнь в челюстях и желудках гиен. Иногда и леопардов загоняют пятнистые гиены на деревья. Дьявольский «смех» гиен (особенно жуткий у пятнистых) похож на дикий хохот умалишенного.

Эволюция наделила пятнистых гиен странным, небывалым и непонятным свойством: их самцы и самки неразличимы даже по тем внешним органам, которые у всех зверей ясно свидетельствуют об их мужской или женской принадлежности. У самок пятнистых гиен детородные члены самцов (со всеми специфическими их атрибутами!). Лишь немногие знатоки, годами изучавшие и разводившие в неволе гиен, способны, внимательно осмотрев пятнистую гиену, узнать, самец она или самка.

Это поразительное сходство породило немало мифов и легенд: давно утверждалось — гиены гермафродиты, и каждая из них периодически функционирует то как самец, то как самка. На самом же деле зачатие и деторождение у самок пятнистых гиен совершается и происходит через, казалось бы, совершенно непригодные для деторождения ложномужские органы. Рожают гиены после почти четырехмесячной беременности двух щенков, довольно крупных.

Зачем эволюции понадобился этот странный эксперимент с ложным гермафродитизмом, неясно.

ПОЧЕМУ ЛЬВА ЦАРЕМ ЗВЕРЕЙ НАЗВАЛИ!

Лев — царь. Кто с этим не согласится?

«Достоверные охотники» вроде Тартарена из Тараскона в «помазанности» льва не сомневаются, но другие, как, например, Джон Хантер, вначале знаменитый истребитель зверья Африки, а затем не менее знаменитый его защитник и автор увлекательных охотничьих рассказов, достоинство льва умаляет, не признавая его самым опасным зверем.

Но Хантеру все можно. Он уничтожил полторы тысячи львов, он однажды за ночь восемнадцать львов убил, он, наконец, один из немногих, живших

Длина львиной шкуры
(с хвостом)
2,5—3,5 метра.
Весят львы от 100 до
227 килограммов.

на Земле, был свидетелем того, как над львами одержали победу... ослы.

Вот короткое изложение факта. Сафари (караван с охотничьими грузами) двигался по Африке. Так получилось, что носильщики-туземцы несли тяжести, а несколько ослов были навьючены бидонами из-под молока. Из-за жары шли ночью. Ослами заинтересовался прайд львов. Готовилось нападение. Чтобы не подвергать превратностям случая людей, Хантер решил пожертвовать ослами. Развьючивать было некогда. Ослы пустились в рыкающую тьму в надежде, что несъедобные бидоны от них останутся. Но очумевшие от страха непарнокопытные, победно грохоча оцинкованной тарой, прорвали цепь ночных разбойников, обратив их в постыдное бегство.

Здесь не предпринимается попытка развенчать львов. Напротив. Незначительные пятнышки на репутации героического зверя — это как пятна на солнце... Кстати, молва утверждает, что льва называют царем за то, что он может не моргая смотреть на это уважаемое светило. Но ведь и многие другие кошки от прямых лучей Феба не слепнут: так уж у них глаза устроены.

Лев прежде всего обличьем царь. «Высок» взгляд его. Он смотрит куда-то выше ваших голов, словно не замечая вас. Выражение его морды величественно и сосредоточенно.

У льва грива. У львицы гривы не бывает. Стихи Лермонтова «И Терек, прыгая, как львица с косматой гривой на хребте...» рассматривать как зоологическую информацию нельзя. Литературоведы давно уже оправдали великого поэта: сказали, что тут творческий вымысел, «индивидуальное виденье» и т. д. Хотя, право, лучше было бы объяснить досадную неточность отсутствием в России во времена Лермонтова справочной литературы, да и львов тоже. Подобные львам звери если и водились под Москвой, то значительно раньше — пятнадцать тысяч лет назад. Они в те времена жили на Урале и на Украине. Теперь их называют «пещерными», но не за то, что жили в пещерах, а потому, что древние люди рисовали их на стенах пещер.

«Лютый зверь скочил ко мне на бедра и конь со мною поверже» (Владимир Мономах, Поучение детям).

Последнего льва в нашей стране в низовьях Дона убил, по-видимому, киевский князь Владимир Мономах. Но был ли тот «лютый зверь» действительно лев, достоверно не известно. Сейчас львы уцелели только в Африке (общим числом 150 тысяч, не больше) да в Индии, в заповеднике (250 львов).

Но мы отвлеклись. Нас интересует сейчас грива, в общем-то единственный внушительный атрибут, указывающий на власть зверя: он ему и скипетр, и бунчук, и держава.

Гривы бывают черные и светлые. Большие и не очень. То грива растет лишь вокруг шеи довольно скромным воротником, но бывает грива мощна и страшна: венчает спереди, как запущенная стрижка, широкий лоб, а затем окутывает шею и снизу по брюху топорщится. Ученые-систематики главным образом по разнообразным гривам отличают среди львов около 10—12 подвидов.

Черная грива у берберийского и сомалийского львов, у масайского, капского и персидского — гривы темно-бурые, у других — желтые. Самая пышная грива была у величественного берберийского льва, теперь уже истребленного. Она покрывала густо и плечи и холку и лохматой грядой росла по брюху. У небольшого сомалийского длиннохвостого и длинноногого льва гривы на брюхе нет. Нет ее и у масайского льва. У него вообще грива негустая, короткая, зачесана назад ото лба. Плечи безгривые. Таковы же по части гривы львы Трансвааля и Мозамбика. Сенегальский лев чуть меньше берберийского, более рыжий и без гривы на брюхе. У абиссинского, капского и персидского львов грива и на брюхе и на плечах. А вот у индийского льва (из всех львов наиболее серого цветом шкуры) грива невзрачная, жидкая либо ее совсем нет.

Грива льва представляет. По тому, в каком она у него состоянии, охотники, бывало, определяли и возраст, и болезни, и даже настроение зверя. Шкура с хорошей гривой в начале века в Африке, в Момбасе, стоила... фунт стерлингов. (Львов истребляли множество — «перепроизводство» шкур получилось!)

Если не царствен, то по меньшей мере великолепен и хвост льва. Длинный, тонкий, тугой, он содержит в себе необъяснимую силу: может вдруг стать прочным, как из металла, может ударить, будто это чугунная палка или фантастически мощная плеть. Но самое примечательное — кисточка, а в ней коготь, вернее, шип, пробившийся сквозь кожу последний позвонок. Кисточка — на конце хвоста (у льва и львицы).

У льва не рев — гром небесный! Но чаще львы обходятся рычаньем не в полную силу (тоже весьма впечатляющим) и странными звуками, которые издаются, кажется, не горлом, а зарождаются в брюхе, то есть чревоушательными. То — обычные «разговорчики» в прайде.

Что такое прайд? Пора объяснить... Прайд — это

*Молодой симба!
Львята рождаются
в любое время года.*

львиная стая, говорят некоторые и тем самым приписывают льву качество, которое ему не свойственно и даже вроде неприлично: нечто вроде стадности. Нет, прайд — это не стадо, не стая, не гурт тем более. Прайд есть прайд, и если уж идти по пути сравнений, то ему ближе другое определение: большая семья.

Несколько зверей: самец (обычно один взрослый, но иногда и два-три), самки, детеныши, молодые львы — в иных прайдах до 18 и даже до 30 львов. Разновозрастные дети — под всеобщим контролем и попечением. Общее руководство осуществляет старый лев — глава семьи. (Видели прайды из одних лишь львиц — своего рода клубы амазонок!)

«Только непонятно, кому принадлежат эти восемь львят. Трое из них примерно вдвое больше пяти остальных. Значит, они не могут быть братьями, у них должны быть разные матери. Но все шесть взрослых львиц одинаково ласковы со всеми малышами. Когда львенок проходит возле взрослой львицы и даже льва, жесткий язык непременно нежно пройдет по его мордочке или спине» (Бернгард Гржимек).

У прайда собственные владения. Обычно это десятки квадратных километров зарослей и открытых мест, и все, кто здесь перебивается травкой, веточками, листочками, принадлежат львам. Если люди им не мешают, львы рационально ведут свое хозяйство: как-то умудряются сочетать рождаемость львят и стабильность пасущихся вокруг стад. Лишнюю антилопу никогда не задавят, добудут мяса столько, сколько могут съесть. Прайд из четырех львов, например, убивает большую антилопу или зебру обычно раз в неделю.

«Один лев за год уничтожает примерно пятнадцать крупных животных со средним весом сто десять килограммов. Естественно, он делит добычу со своими братьями по стае» (Бернгард Гржимек).

Когда придет время позаботиться о продлении рода, случается это в любой месяц года, лев уводит подругу подальше от прайда. Потом в прайд возвращаются. Беременность у львицы — 100—108 дней. Рожать она из прайда уходит. Логово приглядит где-нибудь в гуще колючих кустов, в высокой траве или в расщелине скал. Трех, редко пять-шесть львят принесет она — слепых, пятнистых. Примерно шесть недель живет с ними в уединении, но контакта с прайдом, по крайней мере вокального, не теряет: перекликаются ревом. Время быстро летит, и вот гордая материнством львица возвращается, ведет полуторамесячных резвых и очень на вид симпатичных потомков в большую свою семью.

К вечеру прайд выходит на охоту. Вначале идут важные, даже надменные, не спешат. Торопиться вроде бы некуда. Конечно, антилопы и зебры не жадут выказать верноподданнические чувства, а, напротив, сообразив, что голодные львы идут по их души, несутся в панике куда попало. Топот, треск ломаемых кустарников. (А ведь, когда львы, лежа в тени, дремали и сибаритствовали, паслись невдалеке без страха.)

Ночь наступает. Странно действует темнота на охотников: они нервничают, движения их порывисты, быстры. Надо полагать, мир, освещенный луной и звездами, кажется им особенно прелестным. Соответственно улучшается и аппетит. Но звери никогда не забывают, что они львы. Подумайте, какому охотнику

придет в голову подбираться к дичи с той же стороны, с какой и ветер дует? А лев делает именно так. Он еще и порычит, чтобы сильным голосом своим напугать жертву. Ибо привык, что его подбает бояться.

Пока один пугает, отвлекая внимание, его товарищи заняли место в засаде. Они отлично спрятались. Казачье искусство ползания по-пластунски им известно: лев даже в невысокой траве, которая ему по колено, так скроется, что его не заметишь.

Кровавая роль отводится молодым львам и львицам (которые не всегда умело с этим делом справляются). Старый лев обычно только руководит охотой, подавая подчиненным чревовещательные указания. Вот бросок... В первые секунды скорость отличная, добрых километров пятьдесят в час.

Но ведь те, кто обречен быть добычей львов, тоже общепризнанные скороходы. Поэтому иной раз эффектный номер заканчивается лишь холостым щелчком огромных челюстей. А какие это челюсти! Они, например, если захватили человеческое плечо, прокусывают его безо всякого усилия насквозь.

К утру, отяжелевшие, отправляются «домой». «Домой» — значит, куда-нибудь на опушку зарослей, чтобы, лежа в тени, прищуриваясь, глядеть вдаль и предаваться лени (на это уходит у них большая часть жизни!). А там, где много носорогов и слонов, чтобы эти толстокожие их покой не нарушали, львы спят даже на деревьях, растянувшись на суках и свесив лапы вниз. Недавно в Танганьике, привязав львам на шею транзисторные передатчики, с удивлением установили, что один лев, например, спал в сутки по 20 часов! За три недели прошел он, охотясь и развлекаясь, лишь 90 километров.

«К шакалам львы, видимо, относятся снисходительно: в то время как львица ест из середины, два из них тянут за конец жертвы» (Бернгард Гржимек).

Львы на шакалов не сердятся. Но гиен... гиен презируют и душат при каждом случае, когда это удается. Неприязнь понятная: ведь лев, когда одряхлеет, станет добычей гиен... Увы, в лучшем случае — гиеновых собак.

«Однажды мы повстречали такого покинутого всеми «старичка». Он лежал в тени дерева. Губа у него отвисла и обнажила тупые желтые зубы, ребра можно было пересчитать все до одного. Когда животное двигалось, то по горбатой спине и негнущимся ногам было видно, что это причиняет ему сильную боль... Майлс Тернер однажды видел, как стая гиеновых собак окружила старого льва, они подпрыгивали и плясали вокруг него... «Старик» шипел и замахивался на них лапой, и они вскоре отстали» (Бернгард Гржимек).

Но пока в пути! Новые поиски, новая охота. Вон леопард убил антилопу импалу и, от греха подальше, втащил ее, наверное немало повозившись, на толстое дерево, втиснул между суков и приготовился в уединении отобедать.

Слазь! Как смеешь? — это лев появился внизу. Делать нечего, ощериваясь и шипя, леопард удирает. Массивный лев совсем не изящно лезет на дерево. Застрявшую в ветвях антилопу нелегко стащить. Он, оторвав от нее половину, бросает вниз. Закон сильного соблюден.

«Лев сорвался с места и размашистым, широким прыжком кинулся вперед. Тогда один из юношей, прижав к себе копье, шагнул навстречу льву и ударил его. Лев упал у ног юноши. Бой вытащил копье из раны, вытер его о край набедренной повязки и сказал Рэнею:

— Видишь, господин, это дело впору ребенку» (Карл Экли).

Да, права сильного львы уважают: увидев еще издали воинов-масаев, идущих с копьями по степи, удирают поскорее. Масаи ради молодечества, окружив льва, пронзают его копьями так точно и быстро, что львы предпочитают с ними не связываться.

Уступают «цари зверей» дорогу взрослым носорогам, буйволам, бегемотам и слонам, конечно. Уступали бы и большим крокодилам, но те предпочитают места встреч держать в тайне, чтобы схватить и утащить льва в реку, когда подойдет он в жаркий день воды напиться.

Вот тут и подумаешь — хорош «царь зверей»! Стольких своих «подданных» ему приходится обходить стороной. Но может быть, хотя бы хищных зверей льву остерегаться не надо — всех он сильнее? Нет, опять тут неувязка с громким титулом: тигр определенно сильнее льва! Опыт зоопарков и цирков в этом убедил: если подерутся лев с тигром, почти всегда льву больше достается ранений и поражений. А может и насмерть загрызть тигр льва, если вовремя их не разнять.

Весовые категории у них все-таки разные. Львы на воле редко весят больше 125 килограммов (в неволе случалось вырастить львов и потяжелее: питаются они тут лучше, мало бегают, жиреют). А вот тигр весом в два центнера не редкость. Случалось убивать охотникам тигров по 320 килограммов!

Кроме того, тигр, в прайде и товариществе жить не привыкший, лучше умеет постоять за себя в единоборстве: опыта у него такого больше. По всем этим причинам из Азии львов вытесняют не только люди, но и тигры.

СКОРОХОД НА «ШИПОВКАХ»

Лев высоко вознесся в людском мнении. Царь он лишь по названию или по натуре, спорить не будем, потому что и то и другое реально лишь в воображении людей. У льва 35 разнообразных родственников. Разделить их на категории лучше так: кошки большие, рыси и кошки малые. У всех больших кошек (и рысей) зрачок глаза круглый, у всех малых (кроме дымчатого леопарда) — вертикальная чечевица. Большие кошки (кроме дымчатого леопарда, барса и пумы) мурлыкают не умеют. Малые — наоборот: не умеют рычать.

Крупных кошек 8 видов: лев, тигр, гепард, ягуар, ирбис, пума, пантера (или обычный леопард) и леопард дымчатый.

Средних (рысей) и мелких кошек — еще 28 видов.

Это звери хищные, ловкие, у всех, кроме гепардов, когти втяжные.

Гепард самый быстрый зверь на Земле. Ни лошадь, ни антилопа не обгонят его. И даже не всякий автомобиль: 112 километров в час! Это по официальным данным. А неофициально некоторые охотники с секундомерами в руках измеряли скорость бега гепарда и говорят: 140 километров в час! Впрочем, едва ли так. Нет в такой резвости никакой биологической надобности: ведь все, за кем охотятся гепарды, скачут не быстрее 60—70 километров в час.

У гепардов-самцов небольшая, едва заметная грива. У детенышей серебристая гривка по всей спине. Через 10 недель после рождения теряют они и гриву и способность втягивать когти. После южноамериканского гривистого волка гепард самый длинноногий хищный зверь. У него у единственного из всех кошек когти не втягиваются. Он поэтому бежит, как спринтер, в «шиповках».

*Гепард — самый
быстроногий зверь на
Земле: он может
скакать со скоростью
110 километров в час.*

Для высокой скорости нужны открытые пространства с твердой почвой. Саванны Африки, степи Ара-

вии, южной Туркмении и Индии для гепардов — родная стихия.

Охотятся в одиночку или парами так: издали, а зрение у гепардов отменное, долго приглядывается гепард к стаду газелей или архаров. Копытные, ничего не подозревая, щиплют траву под ярким полуденным солнцем (гепард, понятно, охотится днем). Одна какая-то антилопа почему-то хищнику понравилась. Почему именно она? Да потому, что природа на протяжении всех своих миллионов лет преподавала убедительно: голод штука неприятная, действовать надо наверняка. Гепард, исходя из ее уроков, выбрал животное на вид послабее, чтобы осечки не вышло.

Выбрал и ползет, прижимаясь к земле, невидимый и терпеливый. Подобрался по возможности ближе — и вдруг появился перед стадом, как кошмарный мираж. Лишь вскочил и уже мчится гепард, каждую секунду оставляя за хвостом двадцать метров — просто фантастическое, небывалое ускорение для всего движущегося на рычагах и даже на колесах. Жертва настигнута и получает сокрушительный свинг лапой по хребту или по шее. Удар столь силен, что газель летит кувырком, ведь тут на гепарда работает не только сила, но и кинетика тела.

Конечно, жизнь таит в себе всякие случайности. Поэтому не всегда охота проходит вот так, по писанному. Случается, гепард пролетает стрелой мимо увернувшейся антилопы, и, пока остановится, между ним и ней уже изрядное расстояние. Он тогда не кидается вдогонку, а с равнодушным видом, скрывающим разочарование, следует куда-нибудь, будто лишь забавы ради припугнул газель. Гепард на марафон не способен — он спринтер: больше чем четырехста метров обычно не галопирует.

Гепарда легко приручить. Если к нему по-человечески относиться, он такой же преданный, как собака. И такой же незаменимый на охоте.

«Ростислав позва Святослава к собе на обед, и еха к нему без всякого извета... Да Ростислав Святославу соболями, и горностаими, и черными кунами, и песцы, и белыми волкы, и рыбьими зубьями. На заутрие же позва Святослав Ростислава к собе на обед и тако быста веселясь паче вчерашнего дне. Да Святослав Ростиславу пардус и два коня борза и ковану седлу» (Киевская летопись).

Охота эта старая: Москвы не было, а русские князья уже гоняли с гепардами сайгаков по степному раздолью. На Руси охотничьих гепардов именовали пардусами и очень ценили их в те времена. А еще раньше, пять тысяч лет назад, охотились с ге-

пардами в Древнем Вавилоне и Египте. И теперь охотятся: в Индии. Читой называют здесь ловчего гепарда. А в Родезии охотятся с гепардами полицейские и армейские офицеры: на людей с черной кожей...

Странно, рожденные после трехмесячной беременности детеныши гепардов не пятнисты. Ведь пятнистость и полосатость — признак более древний, чем однотонная окраска. Поэтому в силу определенных законов атавизма нередко даже у непятнистых и неполосатых зверей (львов, пум, тапиров, кабанов, например) дети нередко пятнисты или полосаты.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ! ПРЕСТУПЛЕНИЕ!

Преступление! Преступление!

«Цвет — светло-соломенный. Волосы — короткие и хрупкие. Зубы — стертые и желтые, один клык сломан. Раны — одно свежее ранение пулей в правое плечо; одно старое пулевое ранение в подушечку левой задней ноги; на той же ноге не хватает части пальца и одного когтя; несколько глубоких и частично заживших ран на голове; одна глубокая и частично зажившая рана на правой задней ноге; несколько частично заживших ран на хвосте; одна частично зажившая рана на коленном суставе левой задней ноги» (описание сделано 2 мая 1926 года Джимом Корбеттом, англичанином, охотником, подполковником в отставке. Рудрапраяг, Северная Индия).

Это о леопарде, который убил 125 людей. Восемь лет он терроризировал население на площади в пятьсот квадратных миль. «Свежее ранение пулей в правое плечо» оборвало бесконечную цепь жутких преступлений.

Он был неуловим и беспощаден. Иные верили: он — злой дух в образе леопарда. Он был знаменит, о нем писали газеты всего мира. На него ставили капканы и самострелы, в него стреляли из гладкоствольных и нарезных ружей, его травили мышьяком и цианидами. Но он обходил самострелы, вырывался из капканов, носил в себе куски свинца, как талисманы, а яды лишь улучшали его аппетит.

Вначале он подстерегал ночных пешеходов на лесных дорогах. Затем стал врываться в жилища. Двери домов в деревнях во всей округе исцарапал своими когтями. То были результаты бесчисленных проверок: не забыли ли хозяева опустить засовы? Но и засовы не всегда помогали. Однажды людоед ухитрился отпереть хлев, где вместе со скотом ночевал мальчик-пастушонок.

Сила и ловкость этого зверя были таковы, что ему

удавалось незаметно выхватить из комнаты одного из двух собеседников! Влезть в крохотное окно и не уронить вазу в его проеме. Он с шестипудовым капканом на ноге скакал резво! Он с жертвой весом 70 килограммов в пасти прыгнул с четырехметровой скалы и не выронил того, что нес.

Ему случилось убить женщину и перетащить ее через тела пятидесяти спящих вповалку людей, никого не разбудив.

Ни одно семейство зверей не пролило столько людской крови, сколько кошачьи. Тигры, леопарды, львы...

Да, и львы. На многих кладбищах Африки на надгробиях высечены разноязычные слова: «под камнем сим... покоится... погибший от льва». Правда, даты под текстами старые, примерно времен колонизации и так называемого «начала цивилизации». Строили, например, в 1898 году железную дорогу в Цаво (Кения) для вывоза сырья через саванну и кустарники, где веками прайды львов чувствовали себя хозяева-

*Тигр крупнее льва:
длина шкуры
(с хвостом)
2,7—3,7, редко
4 метра, весит зверь
200—320 килограммов.*

ми. Объявились там два льва-людоеда и убили несколько десятков рабочих, остальные разбежались, так что брошенное строительство девять месяцев было во власти львов. Инспектор железной дороги караулил их с ружьем, но тоже попал на обед львам: они вытащили его прямо из закрытого вагона.

В Африке хищнику, потерявшему чувство почтительности к человеку, разгуляться особенно не давали. Две-три жертвы, и он сам становился жертвой одного из охотников, съезжавшихся туда со всего света. В Азии — другое дело. Были такие годы (в конце XIX и в начале XX века), когда редкая газета в Индии выходила без заметки об очередном преступлении, совершенном тигром или леопардом. (Одна лишь тигрица из Кумаона убила 434 человека!)

«Новых достоверных сведений о неспровоцированных нападениях леопарда на людей на Кавказе нет... Достоверных сведений о нападении леопардов на людей в Средней Азии нет. Нет их и для Дальнего Востока... Так обстоит дело с вопросом о «людоедстве» леопардов в нашей стране» (профессор Г. П. Деметьев).

Проста история того, как звери становятся убийцами.

Первая причина. Войны или эпидемии, оставляя на полях стран непогребенные трупы, дают хищникам возможность привыкнуть к человеческому мясу, и тогда рано или поздно нападают они и на живого человека. «Охота» нетрудная, и... лед сломан. Говорят, старая людоедка и детей своих учит иногда этому занятию, чтобы знали верный способ насытиться. Впрочем, очень редко приходилось убивать молодых здоровых зверей-преступников.

Причина вторая — разнородная, заключающая в себе множество нетипичных случайностей и все же уместающаяся под кратким определением: вина человека.

«Частично зажившая рана» — эти слова звучат как рефрен всех историй о зверях-людоедах. Рана, с нее все начинается. Неумелый охотник осмеливается поднять несовершенное оружие на сильного зверя. Посланная дрожащей рукой пуля лишь ослепляет хищника бешенством. Нападающая и пострадавшая сторона меняются ролями.

Но даже тот случай, когда неудачная пуля послана из укрытия и зверь благополучно ушел, унося ее в своем теле, сулит печальные последствия. Лишенный всякой надежды избавиться от увечья и охотиться с прежней удачей на тех, кто его добыча

по праву, зверь, замученный голодом, нападает на человека, поймать которого легче, чем оленя или антилопу.

Часто на разбойную стезю приводит беззубая старость. Часто повинны тут... дикобразы. И тигры и леопарды, когда голодны, нападают на дикобразов. Но леопарды умеют увернуться от их игл и схватить колючего за голову. А тигры почему-то неудачливы в этой охоте: глубоко в мышцах убитых тигров-людоедов находят обломки игл толщиной с карандаш и длиной в четверть метра. У иных было до пятидесяти игл! Конечно, тигр, так отделанный дикобразом, на резвую дичь охотник никудышный. Лягушки, саранча, мыши... безоружный человек и его домашний скот отныне единственно доступная ему добыча.

Таких зверей неписанные и писанные законы всех стран и народов не защищают.

Вы помните, Дерсу Узала из книги В. К. Арсеньева уж на что безмерно, до фанатизма уважал тигров, а когда один из них украл у землепроходцев собаку, то он заявил с уверенностью:

— Такой амба можно стреляй, греха нет.

Понимал старый гольд человеческую ответственность высокой должности — хозяин природы.

Здесь мы закончим о зверях-преступниках. Получилось так, что рассказанным выше мы предварили описание тигров и леопардов. Это повредит зверям в ваших глазах, но ничего не поделаешь. смолчать ведь тоже нельзя.

ЛЕОПАРД, ИЛИ ПАНТЕРА

Раньше спорили: леопард и пантера — два разных зверя или нет? Ученые доказали: зверь один. То, что пантера черная, — случайное явление меланизма. Иногда черная пантера рождается от вполне пятнистой леопардицы, чья шкура напоминает игру солнца в листе.

«Ступайте прочь, не до вас! У нас графинюшка родила арапчонка, а вы лезете за милостыней» (А. С. Пушкин).

Однако, как ни черна пантера, обычно леопардовые пятна на ней все-таки проступают — едва, правда, заметные в ночной тьме ее меха. Родятся, но очень редко леопарды-альбиносы и так называемые фла-висты: для этих словно не хватило у природы черной краски — пятна блеклые, охристые, в лучшем случае шоколадные. Но и нормально пятнистые леопарды пятнисты не одинаково. У африканских пятна мелкие,

у азиатских — более крупные. Фоновый тон у кавказских и среднеазиатских — песочно-сероватый, у дальневосточных — рыжевато-желтый. Очень яркие, сочные тона в окраске леопардов густых тропических лесов. Лесные леопарды самые крупные в своем роду. А самый маленький — сомалийский леопард.

Итак, пантера, или леопард, — называйте как хотите.

Это, пожалуй, самые красивые звери Африки и Азии. (У нас живут на Кавказе, на юге Средней Азии, в Приморье и Приамурье.) Яркие, как вспышка. Черные, как тень под луной. Зубы у них белоснежные. Причем клыки размером с лезвие финки (десять сантиметров!). И острые, как положено.

Тем, у кого шкура получилась черная, выгоднее держаться в лесах погуще — там и держатся. У пятнистых леопардов богаче выбор мест, но вообще те и другие любители нескучного разнообразного пейзажа: чтобы скалы были с удобными расщелинами и пещерами, чтобы рядом высились труднопроходимые леса или заросшие густым кустарником склоны и ущелья и, главное, чтобы протекала поблизости какая-нибудь речка или непересыхающий в жаркое время ручей. Последнее условие соблюдается обязательно, но не из-за любви к купанию — в воду, особенно холодную, леопарда можно загнать только силой, — а из соображений более практических: ведь разные копытные на водопой ходят...

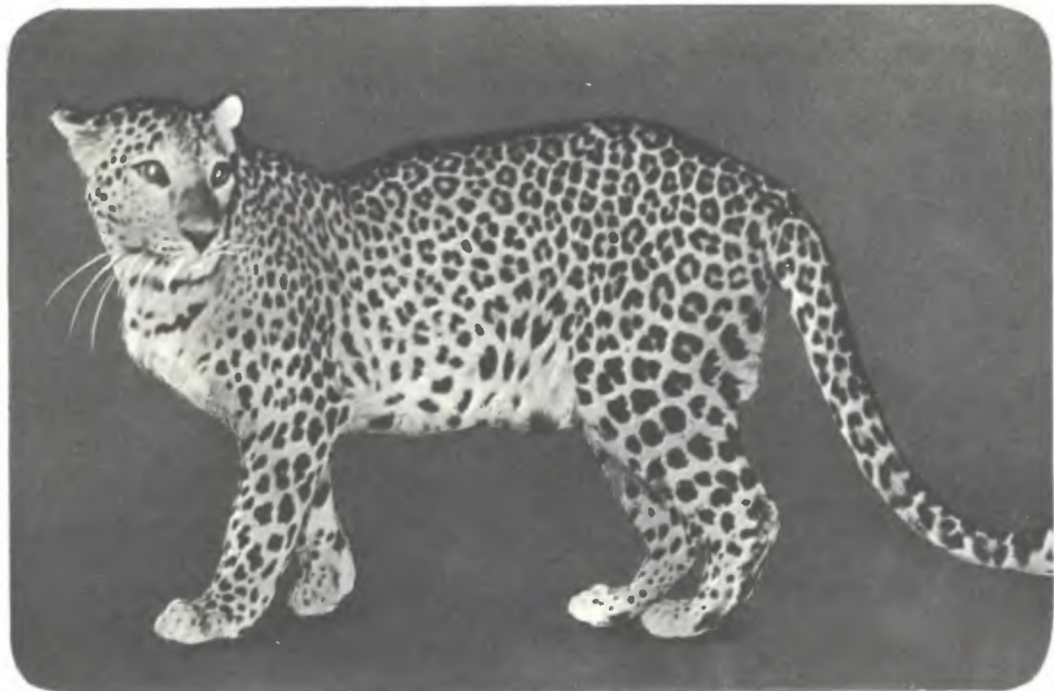
В своей «вотчине» леопард — как добросовестный ревизор. Никакими проторенными маршрутами не пользуется, появляется то тут, то там, прекрасно понимая преимущества фактора неожиданности. Если сосед, нечаянно или намеренно, пожалует на угощение, которое ему никто не предлагал, встреча будет приготовлена жаркая. Ключья черной или желтой шерсти полетят, кровь польется.

У леопардов самец и самка не только в пору размножения, но и в другое время живут нередко неподалеку и весьма почтительны и нежны друг с другом. Любят и поиграть и порезвиться.

«Тем временем два леопарда поймали чепрачного шакала и теперь играют мертвым животным, как кошки с мышью. Один делает бросок, хватает шакала за загривок и ударяет его лапой так, что он отлетает в сторону. В это время второй леопард, притаившись в траве, выскакивает и, как живого, ловит мертвого шакала» (Бернгард Гржимек).

Но папаша из леопарда, мягко сказать, неважный. Он, случается, не прочь съесть своих деток. Самка

Леопард.

Барс.

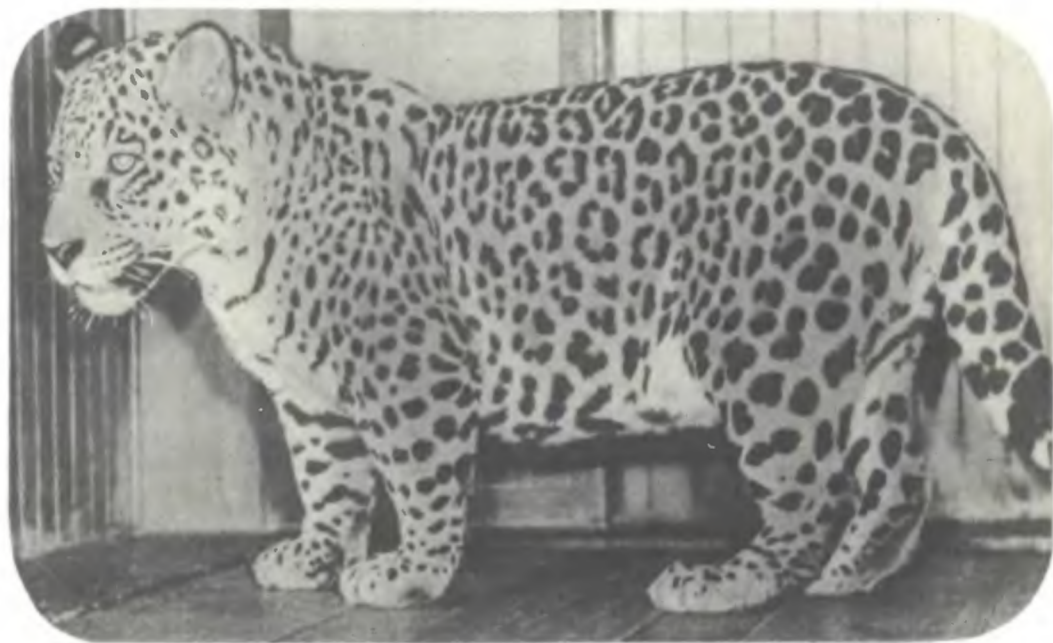

Дымчатый леопард.

Ягуар.

поэтому втайне от него строит логово (чаще всего в какой-нибудь пещерке).

Дети растут всем хороши: пушисты, пятнисты, игривы, драчливы. Один у них недостаток — обжоры. Никакой не знают меры; не останови их, наедятся так, что едва могут шевельнуться.

И наконец выросли. Живучи, сильны. Веса в каждом от 20 до 80 килограммов. И соответственно столько же мяса могут припрятать на высоком дереве, причем ступеньки в виде сучьев не требуются — и так поднимут нелегкий груз. Имеют привычки. Некоторые переняли у мамыши, другие наследственны. Не любят воду и дождь: прячутся, если с неба капает (тигр и в дождь бродит). Помет свой, как кошки, зарывают, а тигр и лев — нет. Умеют спать на деревьях, укрываясь в листве так, что их и не заметишь. Правда, иногда хвост убрать забудут — висит он, предупреждая, что ходить здесь опасно. Спят днем, охотятся по ночам (африканские леопарды обычай этот нередко нарушают). Многие, особенно под старость, не брезгают падалью (как и и львы).

Великолепный слух и зрение. Обоняние очень слабое. Изумительные мастера подкрадываться! Чаща, лес, тьма, а зверь ни на сухой шуршащий листок не наступит, ни на ветку, которая может хрустнуть.

Леопард, если не голоден, не обидит и козленка, но есть у него слабость, которая ставит его на путь особого рода вражды с человеком. Собак не любит и душит их, как только это удастся. Был случай: унес леопард собаку прямо из-под стола на веранде на глазах у людей!

А в остальном зверь хороший и обязательно должен жить. Д. Хантер, о котором здесь было сказано вначале и чьи наблюдения были ощутимой подмогой для главы, писал так:

«В дни моей молодости мы придерживались того взгляда, что леопард хорош только в виде шкуры, вытянутой для просушки. Но теперь мы обнаружили, что леопард играл немалую роль в поддержании равновесия в природе. Леопарды, оказывается, убивали каждый год тысячи бабуинов, а теперь, когда леопарды почти полностью уничтожены, бабуины стали во многих частях колонии довольно серьезной проблемой». Обнаглевшие обезьяны бабуины нападают теперь не только на овец, но даже и на людей.

Пришлось закону в тех местах взять леопарда под свою опеку.

В горных лесах Непала, Сиккима, всего Южного Китая и Индокитая, также на Тайване, Суматре, Кали-

ТИГР — ДЖЕНТЛЬМЕН

мантаны (по некоторым данным — и на Яве) живут леопарды особого рода — дымчатые. Окрашены они очень красиво: черный мраморный рисунок по ярко-желтому или желто-серому фону. Ростом с небольшого обычного леопарда (вес — 20 килограммов).

Много было споров, к какому роду причислить этих леопардов; наконец решили, кажется, выделить их в особый род. Дело в том, что дымчатые леопарды совмещают в своей анатомии некоторые черты как больших, так и малых кошек, занимая промежуточное положение между ними. Например, зрачок у них не круглый, как у больших кошек, а яйцевидный. Кроме того, и гортань устроена как у малых кошек, поэтому хоть и велики ростом дымчатые леопарды, однако способны мурлыкать, как малые кошки.

Об их образе жизни известно немного, потому что видеть их в густых лесах, где они живут, почти не слезая с деревьев, мало кому приходилось. Днем спят на деревьях, охотятся ночами на крупных птиц, нападают иногда и на оленей сика.

Мраморная кошка обитает в тех же лесах, что и дымчатый леопард: это его миниатюрная копия! Так же окрашена, так же длиннохвоста, близка к нему и происхождением, но почти вдвое меньше и охотится не столько за птицами, сколько за мелкими древесными зверьками, лягушками и ящерицами.

«Тигр — джентльмен, пантера — невежа», — говорят охотники. Правда, иногда к великолепной этой характеристике прибавляют словечко «удачи», которое сильно изменяет смысл. Получается с ним, что тигр «джентльмен удачи». Каждому ясно, куда намек направлен... Жители Забайкалья, где в старину тигр нередко появлялся, называли его «лютый». Твердо верили даже, что если набредешь на весьма внушительный след куда-то идущего зверя, то необходимо со следа не сходить, а двигаться задом в обратном направлении. И непрестанно класть поклоны. Иначе беды не оберешься.

Тигр благороден тем, что перед атакой рыком предупреждает охотника (пантера нападает молча, обычно сзади). Тигр падаль ест редко (пантера не так разборчива). Тигр чистоплотен: и в логове у него чистота, и добычу с потрохами обычно не ест, вытащит их и отнесет в сторонку. Шерсть сдирает так тщательно, что, говорят, даже кролика или утку может ощипать, не повредив кожи. Оставив несъеденную добычу до следующего дня, почти всегда

прикрывает ее листьями, ветками от мух, ос и других расхитителей покрупнее. Иногда прячет ее в воду. Он воду любит, как никто из больших кошек (кроме ягуара). Много пьет, погрузив всю пасть и морду в прохладные струи, любит нежиться, лежа у воды, а то и в воде. Плавает хорошо и охотно. Большие реки, например Ганг, тигры переплывают без труда (как и ягуары Амазонку), и нередко случалось, выхватывали тигры, быстро подплыв, людей прямо из лодок.

Но ни уважение, ни почести, воздаваемые тигру охотниками, ему не помогли. Его, можно сказать, почти истребили всюду. Редок он теперь в Индии (323 тигра — так думают), в Китае, Иране (около 80 тигров) и в Бирме. В Закавказье последнего тигра застрелили в 1932 году (за десять лет до этого убили тигра около Тбилиси)! Лишь недавно в Ленкорани и Астаре стали изредка появляться тигры из Ирана. В Средней Азии уцелело немного тигров в низовьях Амударьи, откуда заходят они (довольно далеко) в Таджикистан. В Туркмении тоже нет-нет и встретятся заграничные иранские тигры. В Приморском и Хабаровском краях (от Еврейской автономной области до Владивостока) живут только 100 тигров. Думают так, но сосчитать точно трудно.

«Сохранить тигра как уникальный памятник природы есть обязанность нашего поколения» (профессор А. Г. Банников).

Что ж, попробуем... Уже давно запрещена охота, все меры приняты, но браконьер существует, и как от этого татя избавишься? Правда, на Дальнем Востоке у нас за последние десять лет тигров стало немного больше.

Было время, водились тигры даже на севере Сибири: до Якутска доходили. А десятки тысяч лет назад жили и на Новосибирских островах: нашли там кости древних тигров, которые от современных мало чем отличались.

Амурские тигры самые большие, зимой мех у них густой и жира под кожей много (до пяти сантиметров толщина его на брюхе!). Морозы им не страшны, но в глубоком снегу тигры вязнут и потому любят ходить зимой по звериным тропам и по льду рек. Самые мелкие тигры — зондские, именно те, что жили прежде на острове Бали и ныне еще живут на Суматре. На Цейлоне и Калимантане тигров нет, а леопарды есть: на первом острове — обычные, на втором — дымчатые.

Бродит тигр и днем и ночью — личные владения у него велики: сотни квадратных миль, и, чтобы все

обойти, проходит зверь иногда 80—90 километров за сутки!

Он идет по джунглям, и птицы (фазаны, дикие куры, сороки), олени и обезьяны лангуры кричат тревожно, увидев его. В его большом теле, медлительном и величавом, 300 килограммов. В нем дикая сила и напряжение страстей. Недаром даже человек, еще не видя тигра, не ожидая его появления, чувствует особое странное беспокойство. Его называют интуицией. Возможно, сдержанно бушующие эмоции зверя подсознательно волнуют человека.

Золото сверкает между темных полос его шкуры. На шее муфта длинных волос, небольшая грива. На морде бакенбарды.

«Его мелодичный, гортанный, протяжный стон с незабываемым «уу-уу-уунг» в финале далеко разносится под мрачной тенью гигантских деревьев» (Кеннет Андерсон).

Он охотится. Идет против ветра к известным ему водопоям, пастбищам оленей. А если притаился в засаде, то обязательно под ветром. Это несколько странное внимание к обонянию своих жертв: ведь у самого тигра нюх никудышный. Глаза и уши замечательные — видят и слышат отлично. В Индии говорят: тигр самый умный (после слона) зверь в джунглях. Он будто бы, подражая криком оленю, подманивает его. Но когда гоняет обезьян, рычит страшно. Они, пугаясь, прыгают с дерева на дерево и часто, ослабев от страха, падают на землю. Тут тигр не зевает и хватается их.

Убивает тигр смело, открыто, не таясь, часто при свете дня. Как убивает — до сих пор споры: многие утверждают, что, прыгнув на спину коровы, свиньи или оленя, лапой хватается их за морду и, рванув к себе голову жертвы, ломает шейные позвонки. Иногда, сжимая на горле могучие челюсти, душит зубами.

«В среднем за год взрослый тигр пожирает около 30 крупных зверей. В случае недостатка обычной пищи питается падалью, ловит птиц, мелких зверьков, рыбу, черепах, насекомых. Летом ест траву, кедровые орехи, фрукты, ягоды» (профессор Г. А. Новиков).

За год съедает тигр мясной и растительной пищи около трех тонн (почти вдвое больше льва!).

Свадьбы у тигров как у львов: в любое время года. Это в тропиках; у нас на Дальнем Востоке обычно в декабре — январе, в Средней Азии — немного позже. После трех с половиной месяцев беременности удаляется тигрица куда-нибудь в расщелины скал, в чащу тростников или кустарников, чтобы родить

(случается это лишь раз в 2—3 года!) двух-четырех, редко пять-шесть тигрят. Растут они быстро, и уже через месяц мать выводит их «в свет».

«Детенышей, несомненно, впервые вели к добыче, и было чрезвычайно интересно наблюдать за стараниями матери внушить им, какая опасность таилась в том, что они делали... Они ступали только по следу матери, ни разу не сделав попытки обогнать друг друга, обходили каждое препятствие, которое обходила тигрица... неподвижно застывали всякий раз, как она останавливалась...»

Тигрица... улеглась на землю так, что добыча оказалась прямо перед ней на расстоянии тридцати ярдов. Это послужило, по-видимому, сигналом для тигрят, и они направились туда, куда она указывала взглядом... По-прежнему, соблюдая осторожность, тигрята приступили к поискам, всем своим видом показывая, что ищут нечто вполне определенное. Я всегда утверждал, что тигры лишены обоняния, и поведение тигрят лишний раз подтвердило мою правоту... Погода стояла невероятно жаркая, и именно запах помог нам с Маком в конце концов обнаружить труп животного. А два голодных тигренка сновали взад и вперед, десятки раз проходили в яре от добычи и не могли ее найти... Тигрица следила за тигрятами не менее внимательно, чем я, и только однажды, когда в поисках добычи они ушли слишком далеко, издала какой-то звук. Как только добыча была найдена, мать перевернулась на спину и уснула» (Д ж и м К о р б е т т).

Тигр-отец о детях не заботится. Говорят, даже может съесть их, если найдет, а тигрицы не будет рядом. Но в зоопарках некоторые тигры-самцы не только мирно жили в одной вольере со своим потомством, но и показали себя неплохими отцами. Наверное, и на воле, может быть, и не часто, но такое бывает.

СНЕЖНЫЙ БАРС, ИЛИ ИРБИС

В старые времена у нас барсом называли леопарда. И сейчас его так зовут на Кавказе. Но снежный барс не леопард, хотя и похож на него. Те же черные пятна на дымчато-серой шкуре (иногда встречаются и черные барсы). Но мех длинный и пушистый, особенно на брюхе, сантиметров до двенадцати длиной. Барс — житель гор (Алтая, Памира, Тянь-Шаня, Тибета, Гималаев и высокогорий Монголии). Высоких гор — до двух-трех тысяч метров. А летом, следуя за горными копытными, поднимаются барсы еще выше — до шести тысяч метров. В горах, как известно, и летом не жарко, а зимой и вовсе прохладно.

Барс (или ирбис, что одно и то же) часами караулит где-нибудь на скале или под скалой горных индек или баранов. Но вообще охотник он универсальный: берет всех — от мышей до яков иногда. Людей

БОЛЬШИЕ КОШКИ АМЕРИКИ — ПУМА И ЯГУАР

не трогает, и нрав у него, по-видимому, более добродушный, чем у пантеры и тигра.

Барсы любят играть и валяться в снегу. Развеселившись, съезжают с утеса на спине, а внизу быстро переворачиваются и падают в сугроб на все четыре лапы. Изрядные сибариты. После утренней охоты, после игр устраиваются где-нибудь поудобнее и греются на солнце.

Обычное местоожительство — рододендроновые кустарники, а местами альпийские луга и голые скалы у границ вечных снегов. Здесь живут парами — самец и самка.

Весной рождаются у них два-четыре котенка. Логово — в уютной расщелине (бывает и в гнезде грифов на невысоком дереве!). Мать шерстью утепляет логово, вырвав ее у себя с брюха. Другие кошки, кроме еще камышового кота, на такое самопожертвование, кажется, не способны. Молоко у барсов жирное, в пять раз питательнее, чем у коровы.

Барс — хороший отец, помогает самке воспитывать детей.

В старом барсе 75 килограммов, крупным ростом и другими чертами близок он к большим кошкам, но есть у него и кое-что от кошек малых. В хорошем настроении барс, например, мурлычет (пума и дымчатый леопард тоже), но и рычать может. Некоторые зоологи дымчатого леопарда, барса и пуму называют гигантскими малыми кошками.

Жизненное пространство ни одной кошки не раскинуто так далеко вдоль по меридиану, как у пумы: от Южной Аляски до Магелланова пролива. Так было, во всяком случае, еще в начале нашего века. Теперь во многих местах пума истреблена полностью или почти полностью. Нет уже, кажется, пум на Аляске, выбили их всех полвека назад и на востоке Канады и США (этих пум и называли кугуарами — имя, которым иногда и по сей день награждают всех пум вообще). В Канаде и в США уцелели пумы только на западе и кое-где в устье Миссисипи и во Флориде.

Одно время числилась пума в близком родстве со львом. Ныне приметы этой старой теории видим еще в названиях пумы: «горный лев», «серебристый лев», «лев Анд». Некоторые зоологи полагают, что генетически, я уже упоминал, пума близка к малым кошкам.

Самые мелкие пумы (весом около 30 килограммов) живут в сырых тропических лесах Южной Америки. Шерсть у них короткая и красно-бурая. Самые крупные (до 110 килограммов), серебристо- или темно-серые — в Скалистых горах Северной Америки и на крайнем юге своего обширного ареала — Огненной Земле.

Охотничьи владения пумы велики: до ста миль в окружности. Даже если ее не тревожат, кочует пума в пределах этих миль, нигде долго не задерживаясь.

*Пума. В роде фелис,
к которому относят
пуму многие
систематики.*

*это самая большая
кошка. Ее вес
35—105 килограммов.*

Какими-нибудь пятнами или полосами природа пум не наградила, хотя котята ее пятнисты. С первой же линькой этот атактистический дар исчезает. Лишь у некоторых вполне взрослых пум тропических лесов на шкуре едва заметны следы былой младенческой пятнистости.

«Пума — бедное дитя, ступившее, однако, на неверный путь» — эта туманная характеристика произнесена подлинным трампеадором Франсиско в книге А. Арлетти «Трампеадор» («Охотник»). Франсиско Гарридо часто общался со зверьем, и поэтому его характеристику, как она ни загадочна, интересно расшифровать. Почему «бедное»? Почему «дитя»? Почему, наконец, «неверный путь»?

Трампеадор любил природу, и поэтому в сказанной им фразе звучит, видимо, сочувствие к подлинным бедам пумы. А такие есть. Беда первая обычна для всех зверей: вооруженный человек. Вторая — не совсем понятная ненависть соседа-ягуара.

Ну, а почему «дитя»?

Пума любит позабавиться: резвясь, прыгает (а прыгун она феноменальный: 5—6 метров в высоту, а с высоты вниз — иногда и 14 метров!). Скачет за бабочками, как малый котенок, кувыркаясь, ловит свой хвост, если не с кем больше поиграть. Ее большие спокойные глаза глядят ласково до наивности. Индейцы уверяют: пума — друг человека, сама не нападает на него никогда. А если встретятся эти двое в пустынных местах, она подбежит, подпрыгивая и роя лапой землю, словно приглашая человека поиграть. Увы, люди таких шуток не понимают и отвечают выстрелом.

На вопрос, что подразумевать под словами «неверный путь», ответить, кажется, нетрудно. Пума — крупный зверь. В Канаде она гоняет по глубокому снегу оленей, а в знойных прериях Аргентины охотится на страусов нанду. Человек, как известно, смотрит на все, что ему может зачем-либо пригодиться, как на свою собственность. Притом пума, к несчастью, не всегда разбирает, какой зверь или птица пользуется пока свободой, а какой для удобства человека «прописан» в загоне, хлеву или курятнике. Она иной раз нарушает относительный покой «цивилизованных» животных, чтобы ввергать их в покой окончательный и безвременный. А уж это и совсем непростительно.

Итак, «пума — бедное дитя, ступившее, однако, на неверный путь»...

У ягуара жизненное пространство, если измерять его в географических категориях, меньше, чем у пумы: от юго-запада США (Техаса и Аризона, где он уже, кажется, истреблен)

до Северной Аргентины. Ягуара от леопарда не всякий отличит. Очень похож, и пятна почти такие же: только покрупнее и некоторые их розетки с маленьким черным пятнышком в центре. Голова у ягуара больше (череп массивный, почти как у тигра), хвост короче, и сам зверь тоже относительно короче, но выше леопарда. (Весит в среднем больше 100 килограммов.)

Ягуар бегают, лазают и плавают отлично. Воду, как и тигр, очень любит. Амазонку легко переплывает, и был случай — напал ягуар на людей в лодке, они в воду попрыгали, а он сел в лодку и поплыл, посматривая по сторонам. Любит плавать, лежа на бревне, вниз по реке, так иной раз замечается, что течение выносит его в океан. Рыболов ягуар искусный, часами караулит рыб у воды. У реки охотится на водосвинок, тапиров. Даже на крокодилов, которые поменьше (а большие крокодилы охотятся на него!). У моря ловит черепах. Выскочит из кустов и кидает вверх брюхом одну черепаху за другой. Черепахи перевернутся и уползти сами не могут, но и не умирают, не портятся. Потом ягуар приходит и когтями вырывает из панциря тех, которые устали лежать вниз спиной и высунули головы. Живут ягуары и в степях и в сырых болотистых лесах (и нередко рахит там набирают!).

ПРОСТО КОШКИ!

Египтяне еще раньше, чем начали строить пирамиды, приручили дикую кошку. И вот живет она в нашем доме: вроде бы и с нами, но и сама по себе. Иной раз и не знаешь, чем лучше угостить ее, что ей больше по душе — мясо, молоко, свежий огурец или капли валерьяновые...

Одни кошки обожают сырую рыбу, другие — сырую... картошку! Есть такие, которые от сырой рыбы воздерживаются, а если им предложить сырую картошку, только фыркнут.

Кто из диких котов любит сырую картошку, не известно. Но никто не запрещает нам предположить, что любительница поесть рыбку имеет в себе кое-какие качества кота-рыболова, занимающегося своим ремеслом на берегах рек, впадающих в Индийский океан, да и на берегах самого океана, в мангровых зарослях. По деревьям лазают эта крупная кошка неохотно, но плавают великолепно. Говорят, даже ныряет за рыбой, как выдра, но это наукой еще не доказано, хотя и не отрицается.

Есть кошка плоскоголовая — ростом меньше кота-рыболова и похожа на виверру. В непроходимой гуще кустов и тростников Индокитая, Индонезии охотится на рыб, лягушек и крабов. Есть золотые кошки (в Африке и Южной Азии) — у них только на

*Камышовый
кот хаус —
одна из немногих
кошек, которая
устилает своей
шерстью гнездо.*

*Некоторые специалисты
полагают, что манул
был предком домашней
персидской, или
ангорской, кошки.
Его мех очень
длинный и пушистый,
потому что зимы там,
где живет манул,
весьма холодные.*

Самые большие кошки Африки — лев, леопард и гепард.

Сервал меньше их, но крупнее всех других африканских кошек.

морде яркие белые пятна и полосы, а все тело однотонное, серое или рыжее. Довольно крупная (120 сантиметров общая длина), горная кошка пушиста, как снежный барс, и обитает так же высоко в горах (Анды Южной Америки), у границ снегов. Пятниста, но пятна не черные, а ржаво-оранжевые! Несколько похожа на нее окраской кошка пампасов. Она в Южной Америке как бы заменяет нашу дикую степную кошку, а онсилла — нашего лесного кота. Видом онсилла — миниатюрный ягуар.

В тех лесах (и даже еще севернее — вплоть до Мексики и Техаса) живет дикий кот маргай, похожий на онсиллу (он лишь чуть покрупнее и длиннохвостее). Онсилла предпочитает прятаться и охотится на земле, в кустах, а маргай — на деревьях. Он и плавает отлично. Бразильцы называют

Некоторые систематики полагают, что бенгальская дикая кошка и наш дальневосточный лесной кот — географические расы одного вида.

*Кошка-рыболов
ловит рыбу не только
с берега, как многие
кошки, но и ныряет
за ней в воду.*

Пума и ягуарунди — единственные кошки Америки, окрашенные однотонно, без пятен. В одном помете у ягуарунди рождаются котята двух основных цветовых фаз — красно-бурые и серые, а иногда еще и черные. Красно-бурых и серых ягуарунди считали еще недавно разными видами.

маргая малым оцелотом. К сожалению, о жизни этих кошек мы почти ничего не знаем. Лишь оцелот и ягуарунди изучены лучше.

Оцелот после ягуара и пумы — самая большая дикая кошка Америки (до полутора метров в длину). Мексиканское имя оцелота — тигрилло. Он довольно массивен, голова тяжелая, шея и хвост короткие. Охотятся всюду на оцелота из-за его красивого меха, который высоко ценится на мировых пушных рынках. Раньше обитал оцелот и в США (Аризоне и Арканзасе), сейчас там, кажется, полностью истреблен. Но в Мексике, Боливии, Гвиане, Бразилии и Северной Аргентине еще живут оцелоты: в тропических лесах, пампасах и в нагорьях, поросших кустарником. По деревьям лазают и плавают отлично. Нападают даже на двухметровых удавов. По ночам, в декабре — январе, когда у оцелотов свадьбы, их громкие крики, похожие на мартовские концерты наших котов, оглашают леса Южной Америки.

Ягуарунди — кошка во многих отношениях особенная. Коротконогая, длиннохвостая, голова маленькая и ушки тоже. На деревья ягуарунди залезают редко и невысоко. Несмотря на короткие свои ноги,

С ручными каракалами охотились древние персы на разную дичь. У некоторых народов Азии и сейчас еще каракал ловчий зверь. Эта степная рысь очень проворна и стремительна в нападениях.

бегают быстро и преследуют убегающую дичь долго — целую милю, что для кошек необычно. В Панаме в одной компании с обезьянами разоряют они плантации, забираясь на деревья и поедая зеленые фиги. В зоопарках охотно едят бананы и виноград.

В одних местах, в одних лесах живут ягуарунди и ярко-рыжие, лисьего цвета, и серые. Рыжих прежде считали особым видом и называли эйрами. Оказалось: эйры и ягуарунди — кошки одного вида, разные лишь цветом шерсти, как леопарды черные и пятнистые. Некоторые старые исследователи утверждали, что эйры охотятся небольшими стаями. Новейшие наблюдения, кажется, с этим не согласны. Знарок кошек А. Денис в книге «Кошки мира», изданной

в 1964 году, пишет, что ягуарунди живут в одиночестве все время, кроме сезона размножения: тогда парами.

По-видимому, два раза в году (в марте и августе) рождаются у ягуарунди котята.

«РЫСЬ ПЕСТРА СНАРУЖИ...»

Может быть, с легкой руки Александра Александровича Черкасова слово «рысь» утвердилось в русской литературе как слово женского рода? Это он писал: «рысь довольно велика», «голова ее чрезвычайно сходна с кошачьей», «уши у ней коротенькие», «одарена крепкими и мускулистыми ногами с довольно большими ступнями», «тонка в животе» и т. п. А между тем старые словари рекомендуют слово «рысь» в мужском роде, как «барс» или «волк». И в иностранных языках оно обычно мужского рода.

В народе, впрочем, еще задолго до Черкасова наделили слово «рысь» женским родом. «Рысь пестра снаружи, а человек внутри», — говорили. И правильно делали! «Рысь пестр» — не звучит как-то. Слово «рысь» близко слову «рыситься», то есть бежать, «рыскать». Оно прямо связано с качествами зверя, потому что за ними видишь и быстрый бег, и лазанье, и прочее «рысканье» по лесам.

Рысей на свете четыре вида. От других кошачьих отличаются их короткие, словно обрубленные, хвосты, кисточки на ушах и иногда бакенбарды на мордах. (Зрачки у всех рысей почти круглые.)

Северная лесная рысь живет в Европе, Азии и Северной Америке: Аляска, Канада и США у границ Канады. Рыжая рысь, или бобкэт (у нее кончик хвоста белый, у лесной рыси — черный), — в США и Северной Мексике. Каракал — зверь равнинный, обитает в пустынях и степях Африки, Аравии, Турции, Сирии, Ирака, Ирана, Северо-Западной Индии, а у нас — в Туркмении, Бухарской области. И наконец, африканец сервал — тоже степной зверь.

Пожалуй, самая ловкая и быстрая из рысей — каракал. Даже птиц ловит на лету! Подкрадется к сидящей на земле стае и прыгает над ней высоко вверх. Птицы с криками взлетают, и тут зверь цапает их в воздухе когтями. Прирученные каракалы на состязаниях, некогда очень любимых персами, хватали в одном прыжке несколько голубей сразу. В Азии местами с ручными каракалами охотятся на зайцев, фазанов, павлинов и даже на мелких антилоп и оленей. Теперь такая охота — редкость, но в древности была очень популярна на Востоке. Шерсть у каракала рыжая, без пятен, но детеныши пятнистые.

Наша северная рысь тоже ловка: и на деревьях и на земле. Плавает хорошо. Смела: нападает даже на лосей, изюбрей, молодых свиней. Когда добычи много (главным образом зайцев), далеко от привычных мест не уходит. Когда мало, рыщет по округе, проходит десятки километров. Зимой волки, нападая стаей, рвут рысей. Я видел (по следам), как волк и волчица загнали в мелком осиннике рысь на дерево. Под тяжестью ее осинка согнулась, волки, прыгая, стащили рысь на землю, ранили ее сильно, она вырвалась, успела залезть на другую осинку, но повторилось прежнее: волки достали в прыжках рысь, стащили на землю и загрызли. Сама рысь живет в такой же вражде с диким лесным котом. Если встретит и поймают его, загрызет.

Охотится рысь скрадом и из засады. Если первое ее нападение неудачно, она упорно преследует, выслеживает жертву и день и два.

Мясо у рысей, говорят, вкусное. Прежде в Европе лишь людям высокого ранга разрешалось его есть. Это было лакомство владетельных князей, графов и баронов. В наш демократический век привилегии такого рода отменены, но и рысей в Европе почти не осталось, так что воспользоваться рыцарским лакомством по-прежнему не каждый может.

Еще встречаются рыси в Испании (особый ярко-пятнистый подвид — пардовая рысь), в Скандинавии, Сардинии, Греции, Болгарии, Польше, Чехословакии, Турции, на Кавказе, в таежных лесах нашего Севера и Сибири (на Камчатке, однако, рысей нет, а на Сахалине есть!) и в горах Средней Азии.

Сервал с рысями в близком родстве, и, наверно, по этой причине мясо его всюду в Африке, где он живет, очень ценится. Сервал — кошка средней величины, длинноногая, большеухая, короткохвостая и пятнистая. Обитает и в сухих степях и в сырых тропических лесах.

Лесные сервалы более коротконогие, темные, и пятна у них мельче. Прежде лесных сервалов считали особым видом и называли серваловидными кошками, или сервалинами. Теперь доказано, что лесные и степные сервалы — лишь разные расы и экологические типы одного зоологического вида.

Хоть и длинноноги сервалы, однако за антилопами, подобно гепардам, резвым аллюром долго не скачут. Охотятся, как мелкие кошки, скрадом в высокой траве и кустах. По деревьям лазать умеют, но не особенно любят это. Только от диких собак ищут спасения над землей, в ветвях акаций и баобабов.

Манул внешне на рысей не похож, но в строении его черепа замечены некоторые рысьи черты (у него и зрачки такие же: почти круглые). Поэтому систематики говорят, что законное место манула — в подсемействе рысей. Другие сближают его с европейским диким котом, на которого манул похож и повадками, и внешностью, и рядом анатомических свойств. Хвост у манула длинный, уши маленькие, без кисточек, а мех... мех такой густой и длинный, как ни у кого больше из кошек. На спине несколько поперечных полос (но бывают манулы и без полос), а хвост украшен темными кольцами.

Обитают манулы в степях и нагорьях Закавказья, Средней Азии, Забайкалья, Монголии, Северо-Западного Китая, Ирана, Афганистана и Кашмира.

Камышовый кот хаус — тоже своего рода переходное звено от малых кошек к рысам. Он похож на рысей больше манула (опять-таки внешне). Высоконог, хвост недлинный, а на ушах небольшие черные кисточки. Цветом рыже-серый, ростом с небольшую рысь, весят старые камышовые коты около пуда (рыси бывают и двухпудовые).

Хаус — житель тугаев, густых камышей и кустарников по берегам рек и озер. Открытых мест избегает, да и по камышам ходит не тропами, а чащей непролазной. Охотится на фазанов, уток, лысух и других птиц. Гнездо строит из сухих стеблей тростника прямо на земле (и выстилает его шерстью), иногда в старых норах барсуков, лисиц и дикобразов.

Низовья Нила, Палестина, Восточная Турция, Закавказье, низовья Волги, поймы рек Дагестана и Средней Азии, Ирана, всей Индии и Индокитая — места, где живут дикие коты хаусы.

Мелкие кошки (не рыси!) еще четырех видов обитают в нашей стране: степная кошка (Закавказье и Средняя Азия), барханный кот (поросшие саксаулом пески Средней Азии), европейский кот (Закарпатье, Полесье, плавни Днестра, Кавказ) и дальневосточный лесной кот. Всего в фауне СССР 12 видов больших и малых кошек. Перечислю всех в порядке убывания их величины (длины тела): тигр, леопард, барс, гепард, лесная рысь, дальневосточный лесной кот, камышовый кот, каракал, европейский лесной кот, степная кошка, манул, бархатный кот.

НЕПАРНОКОПЫТНЫЕ

У непарнокопытных ось ноги (продольная) проходит через третий палец. А пальцев по три на каждой ноге (носороги), или четыре на передних и три на задних (тапиры), либо на каждой ноге лишь по одному пальцу (лошади, зебры, ослы). Желудок простой: однокамерный, как и у нас, но не как у коровы. Печень без желчного пузыря, а на черепе нет костяных выростов — основания рогов. Рог носорога — кожного происхождения, сложен из многочисленных вертикальных, плотно прижатых друг к другу фиброзных волокон. Индийские носороги периодически сбрасывают старые рога, и у них вырастают новые. Все непарнокопытные рожают только одного детеныша, очень редко (малайские тапиры) двух.

Обитают на всех континентах, кроме Австралии и Антарктиды, и на некоторых больших островах: Суматра, Ява, Калимантан (тапиры и носороги). В Южной и Центральной Америке — только тапиры. В Северной Америке жили в доисторические времена древние лошади, но все вымерли (мустанги — это одичавшие потомки лошадей, которых привезли в Америку люди). В Восточной и Южной Африке — носороги, зебры и дикие ослы. В Азии — дикие ослы и лошади.

Только 15 видов (и пять родов) диких непарнокопытных сохранилось на Земле. Но прежде, в доледниковое время, и многочисленнее и разнообразнее была фауна непарнокопытных. Лишь ископаемых их родов известно палеонтологам 152.

ДИКАЯ ЛОШАДЬ

В 1877 году Николай Михайлович Пржевальский вернулся из Джунгарии и привез шкуру дикой лошади. Он и раньше, во время первого своего путешествия в Монголию, в 1870—1873 годах, много слышал о диких лошадях, «которых монголы называют «дзерлик-аду» («дикий табун»)). Немного позднее Пржевальский в новых путешествиях в Центральную Азию

прошел через пустыни Джунгарии, и там он увидел своими глазами неуловимых дзерлик-аду.

Пржевальскому не удалось приблизиться «на меткий выстрел» ни к одной дикой лошади, но череп ее и шкуру он все-таки добыл. Их подарил ему А. К. Тиханов, начальник Зайсанского поста. А к Тиханову шкура попала от киргизов-охотников, промышлявших в Центральной Джунгарии.

Днем дикие лошади обычно держатся в глухих, пустынных местах, а ночью, чутко принявываясь и тревожно всхрапывая, выходят на пастбища и водопой. Ходят гуськом друг за другом по протоптанным ими же тропинкам. Кочуют обычно небольшими стадами, от пяти до двадцати лошадей. Водит косяк старый жеребец. Он очень смел и дик, но предан своему косяку.

К началу нашего века лишь три дикие лошади (две кобылы и жеребец) были благополучно доставлены в Европу: в Асканию-Нова, в имение Фридриха Фальц-Файна. Они паслись в просторных загонах в украинской степи, вызывая зависть всех владельцев зоопарков.

В конце концов герцог Бедфорд уговорил Карла Гагенбека, известного ловца зверей, поймать диких лошадей для основанного Бедфордом парка Воберн-Аббей, в котором жили редкостные животные.

Посланные Гагенбеком люди привезли в Гамбург 28 жеребят диких лошадей. Они, по существу, были последними, которых удалось привезти из Монголии. От некоторых из них произошли те лошади Пржевальского, которые живут сейчас в зоопарках всего мира. На воле, в Центральной Азии, почти не осталось диких лошадей. Несколько десятков их доживают свой век в пустыне Гоби, в Монголии и в соседних районах Китая. Несмотря на запрещение охотиться на диких лошадей, пишет профессор В. Г. Гептнер, они обречены, вероятно, на скорую гибель.

ДИКИЕ ОСЛЫ И ЗЕБРЫ

У зебр отличие от лошадей ясное: четкие черные полосы. У ослов таких ярких знаков нет, но знаменитые длинные уши и хвост с кисточкой на конце представляют осла достаточно хорошо. Кроме того, тот, у кого останутся еще сомнения — осел перед ним или лошадь, — может взглянуть на задние ноги животного. Если на их внутренней стороне нет каштанов, то это осел. У лошади каштаны на всех четырех ногах. Каштаны — рудименты, очевидно, каких-то кожных желез: округлые, безволосые бляшки сморщенной, словно запекшейся, кожи.

Что касается ушей, то по-настоящему длинные они только у африканского дикого осла, родоначальника ослов домашних. У него и крик похож на неблагозвучный рев домашнего осла. Азиатский дикий осел кричит иначе, и уши у него короче.

*Последняя дикая
лошадь!
Немногие, по-видимому,
лошади Пржевальского
уцелели еще
в степях и
предгорьях Монголии.*

Африканские дикие ослы крупнее азиатских (иногда называют их серыми, а азиатских — желтыми). Живут в таких бесплодных глинистых и каменистых полупустынях Южной Нубии и Сомали (и в ближайших районах Восточной Африки), что просто удивительно, чем сыты бывают! Мимозы, разные жесткие и колючие травы, которые ни один копытный зверь не стал бы есть, кормят этих длинноухих спартанцев.

Азиатские ослы также нетребовательны к еде и питью (пьют даже соленую воду!), и одно время, в III тысячелетии до нашей эры, древний народ Нижней Месопотамии — шумеры — приручили этих ослов, возили на них грузы. Но потом одомашненные лоша-

Дикий африканский осел — родоначальник всех ишаков мира.

ди, более пригодные для этой роли, вытеснили ослов из сферы, так сказать, труда, оставив за ними лишь сферу гастрономическую: все века, с древности и по наши дни, мясо диких ослов считается весьма вкусным (римляне его особенно ценили).

По этой и другим причинам азиатский дикий осел всюду редок, почти истреблен, хотя территория, на которой он жил и местами еще живет, очень обширна: полупустыни и пустыни, равнинные и горные, от Северной Аравии, Сирии до Монголии и Тибета. В Монголии и Средней Азии дикого осла называют куланом или джегетеем, в Тибете — киангом, в Иране и Передней Азии с древности его имя — онагр. Впрочем, разница здесь не только в названиях: они обозначают три разных подвида диких ослов. Кианг самый крупный, темный и высокогорный: по кручам и склонам ущелий кианги лазают не хуже диких коз. Онагр мельче кулана и кианга и светлее их.

Когда-то табуны куланов скакали по степному раздолью Украины, Крыма и Закавказья. В прошлом веке много было диких ослов в Казахстане, Узбекистане, Туркмении. Но ряды их быстро поредели, и теперь сохранились у нас куланы, как полагают, лишь

семьсот голов, только на юге Туркмении, в основном в Бадхызском заповеднике. В 1953 году акклиматизировали куланов на острове Барса-Кельмес в Аральском море.

Дикий осел кулан — одно из самых быстрых (если не самое быстрое!) копытных животных: напуганные, скачут их табуны с резвостью, которую не каждая скаковая лошадь способна показать, — 70 километров в час!

Первое упоминание о зебрах в античной литературе появилось во II веке нашей эры, когда историк Кассиус Дио писал о «лошадях солнца, которые напоминают тигра».

Разные исследователи описали много видов зебр, но современная систематика признает наиболее реальными из них четыре: квагга, обычная зебра равнин, горная зебра и зебра Гриви.

Квагга внешним видом спереди вроде бы зебра, а сзади — лошадь, потому что полосы у нее были только на голове, шее и менее ясные на холке. Вся задняя часть туловища, от холки и до хвоста, без полос, однотонно бурая или песочно-бурая. Ноги и хвост белые.

Многотысячные стада этих забавных полузебр, до того как европейцы появились в Африке, кочевали в бескрайних степях, простиравшихся от мыса Доброй Надежды до реки Оранжевой и дальше к северу почти до самого Лимпопо. Квагги (как и зебры сейчас) обычно паслись в компании с белохвостыми гну и страусами. Страусы лучше видят, а квагги и гну — чувствуют. Отличное получалось сочетание: львов и людей объединенные таким образом животные замечали скорее, чем в стадах, в которых соблюдается видовая сегрегация.

Но и дружеский альянс с гну и страусами не спас квагг от гибели. Бурам, голландским поселенцам в Южной Африке, потребовались шкуры для бурдюков: в них хранили зерно. А мясом квагг голландцы кормили негров, которых заставляли обрабатывать свои поля. Говорят, что вначале квагг было так много, что бурам не хватало свинца, чтобы в них стрелять. Из трупов они вырезали пули, заряжали ими ружья и снова палили в беззащитных животных, которые не успевали далеко разбежаться.

В результате через семьдесят лет после приобщения к науке квагги уже стали достоянием палеонтологических музеев: две последние квагги в Капской провинции были убиты на горе Тигерберг в 1850 году. В Оранжевой Республике несколько животных в глуши полупустынных степей дожили до рокового 1878 года, когда последние дикие квагги навсегда расстались с жизнью.

Еще лет за сто до этих трагических событий шестнадцать квагг привезли в Европу. Квагга, которая двадцать лет пробыла пленницей Лондонского зоопарка, дожила даже до времен Дагера и была сфотографирована четыре раза. Это единственные фотографии единственной сфотографированной в живом виде квагги!

Но и лондонская квагга не была последней в своем роде. Последней была амстердамская. К тому времени ни у кого уже не осталось сомнения, что эта квагга последняя. В Африке ни одной, в Европе их тоже не было. Полосатая лошадь в зоологическом саду Амстердама меланхолично доживала свой век, а натуралисты и те люди, для которых бурдюки не олицетворяют лучших ценностей мира, в бессильном отчаянии смирились с мыслью, что будущие поколения людей никогда уже не увидят этих прекрасных животных, что через год, через два наступит смерть вида и эволюционные ресурсы нашей планеты понесут еще одну значительную потерю.

Это случилось 12 августа 1882 года: последняя на земле квагга, старая кобыла, умерла.

Горные зебры готовы разделить судьбу квагги: только около 150 последних типичных их представителей живут под охраной закона на западе Капской провинции. Небольшие табуны зебр Гартманна, которых считают подвидом горных зебр, пасутся еще в горах Юго-Западной Африки и Анголы.

Горные зебры равнинам предпочли возвышенности, с поразительной ловкостью бегают они по скалистым склонам и ущельям. Этих зебр (и зебру Гриви) называют ослоподобными. Уши у них большие, голова тяжелая, копыта узкие — стаканчиками. Но странное дело: при всей своей внешней ослоподобности ржут горные зебры почти как лошади, но на высоких нотах. Есть какие-то птичьи звуки в их ржании.

От других зебр отличить их легко. Полосы более узкие и «нарисованы» ближе одна к другой, однако до самого брюха не доходят, как у обычных зебр. Зато ноги отчетливо разлинованы до самых копыт. Примерно такого же типа полосы и у зебр Гриви, но рисунок их на бедрах и крупе иной. (На рисунках: в красном контуре обычная зебра, в голубом — горная, в зеленом — Гриви.)

Но самое приметное, что отличает горных зебр от всех других, — отчетливый «кадык» снизу на шее.

Зебра Гриви живет в Южной Эфиопии, Сомали и в соседних областях Восточной Африки. Из всех зебр у нее на единицу, так сказать, живой поверхности наибольшее число полос: они еще уже и ближе одна к другой, чем у горной зебры. Это самая крупная из зебр, самая, по-видимому, древняя и наиболее ослоподобная: голова у нее массивнее, чем у других зебр, шея и хвост короче, уши шире, на концах округлые и красиво оторочены черными полосами. Крик ее — рев, скорее даже отрывистое рычание. Горная зебра, как уже говорилось, ржет, а обычная будто лает, но очень ритмично. Жеребята зебр Гриви рождаются с гривой по всему хребту — от холки до хвоста. И побежка у зебры Гриви иная: не кэнтер (короткий галоп), а трот, то есть мелкая тряская рысь. (Но, спасая бегством жизнь, переходят зебры Гриви на более резвый аллюр — карьер, то есть очень быстрый, стелющийся галоп.)

Зебры экваториальных и приэкваториальных равнин, или обычные зебры, полосатую раскраску носят не унифицированную: у разных подвидов и рас (даже у разных особей!) она своя и чем-то отлична. Однако все ее варианты объединяют и соединяют нерезкие промежуточные переходы. В общем, чем севернее обитают зебры этого вида, тем отчетливее и ярче у них полосы.

У самого южного подвида, ныне, как и квагга, истребленной бурчеллевой зебры, которая обитала в Южной Африке по соседству с кваггой, ноги были совсем без полос, полосы на теле более тусклые, основной фон шкуры не белый, а желтовато-бурых.

Второй подвид — зебра Чэпмана — живет севернее. На ногах полосы у нее нечеткие, до копыт не «дорисованы», а посередине вдоль некоторых белых полос проведены желтые штрихи. У еще более северных подвидов (Восточная Африка, Судан), например у зебры Гранта или Бема, ноги отчетливо полосатые до самых копыт, а белые полосы без всякой желтизны.

В Африке обычных зебр еще довольно много. Но, как ни странно, мы мало знаем о них: травоядные, пасутся стадами, часто смешанными (в содружестве с другими степными животными), игривы: скачут, лягаются, кусаются незлобно. Львы — их главные враги.

Недавно выяснили, что стада зебр состоят из отдельных семей, члены которых очень дружны и годами не расстаются, что память у зебр отличная: разные геометрические фигуры различают они без труда и помнят их почти год. Нет одинаково полосатых зебр даже в одном стаде, поэтому жеребята находят своих матерей по неуловимой разнице в их полосатости. Долголетие у зебр немалое. Одна прожила в Дублинском зоопарке 46 лет.

Скачут зебры резво: 50 километров в час без особого напряжения.

Самая поразительная и довольно загадочная особенность зебры — ее полосатость. Споры о ее смысле и значении было много, и до сих пор вопрос этот не для всех исследователей решен окончательно. Суть спора в том: для лучшей заметности или незаметности разлинована зебра, как верстовой столб. Именно эта аналогия заставляет некоторых зоологов утверждать: зеброидность не средство особой хитрой маскировки, а, напротив, «афиширование», помогающее их стадам лучше ориентироваться на пастбищах, лучше и равномернее рассредоточиться, не толпиться всем в одном месте, оставляя пустующими другие годные для прокорма участки степи. Полосатость их стад — будто бы своего рода пограничные знаки, отмечающие территорию каждого табуна.

«Я с этим совершенно не согласен. Как часто мы не могли отличить с самолета стадо ослов от зебр. Из окна автомобиля это тоже трудно сделать. С известного расстояния черные и белые полосы начинают сливаться, образуя однородный серый тон» (Бернгард Гржимек).

*Редчайшая
фотография — квагга!*

Смысл исключительной полосатости зебры вернее всего разъясняет, по-видимому, теория расчленяющей окраски. Ведь не только зебра полосатая: в природе принцип расчленяющей окраски осуществлен на многих живых моделях. Резко контрастирующие черные полосы или пятна на светлом фоне шкуры (либо белые на черном) есть и у тигра, леопарда, ягуара, оцелота, жирафы, у антилоп куду, бонго, рыб, змей, бабочек. Словом, у многих животных.

Обычно полосы и пятна идут рядами более или менее поперек тела; достигая границ силуэта, они внезапно обрываются. Сплошная линия контура расчленяется чередующимися белыми и черными полями расцветок, и животное, теряя свои привычные глазу очертания, сливается с фоном местности. Этого добиваются и люди, когда раскрашивают военные объекты светлыми и темными пятнами, расчленяющими контуры маскируемого сооружения.

Если же черные и белые полосы идут не поперек, а вдоль контуров тела, то они не расчленяют, а, наоборот, подчеркивают их. Хорошо заметная окраска выгодна ядовитым или дурно пахнущим существам, чтобы хищники не хватили их по ошибке. Например, саламандре, скунсу, зорилле: у них действительно полосы продольные.

Того же оптического эффекта добиваются стрелки, раскрашивая мишени концентрическими черно-белыми полями: чередующиеся круги как бы подчеркивают черное яблочко в центре, усиливая его видимость. А разрисуйте круг поперечными (радиальными) полосами контрастных цветов, и вам трудно будет разглядеть такую мишень даже на близком расстоянии.

С незапамятных времен рог носорога славился на Востоке как лучшая панацея от многих бед.

Эта странная, ни на чем не основанная вера в магические свойства рога и погубила носорогов. Когда-то их было очень много во всех странах Южной Азии, а теперь осталось лишь несколько сот голов.

И, несмотря на охрану, носорогов продолжают уничтожать. Целые отряды хорошо снаряженных охотников прорываются через кордоны заповедников и убивают, убивают рогатых толстокожих, бьют сколько могут. В 1958 году, например, большая банда браконьеров пришла в долину Рапти, последнее убежище непальских носорогов, и устроила здесь кровопролитную бойню: стреляли всякого носорога, которого только видели, и убили пятьсот животных.

Дело в том, что до самых наших дней, которыми человечество открывает космическую эру, еще очень многие люди верят в чудодейственную силу носорогова рога и платят за него большие деньги. (Он, кроме всего прочего, будто бы возвращает и молодость! Поэтому и цена такая большая: многим кажется еще, что юность можно купить за деньги.) На Суматре, например, большой рог стоит тысячу фунтов стерлингов, как первоклассный автомобиль. Когда речь идет о таких деньгах, некоторые люди теряют голову и покой, пока не раздобудут их, эти деньги, гуляющие в джунглях. Поэтому никакая охрана не помогает.

На земле уцелело еще (пока!) пять видов носорогов: два африканских, белый и черный, и три азиатских — индийский, яванский и суматранский, или двурогий азиатский. Азиатские носороги отличаются от африканских тем, что у них только по одному рогу на носу, а у африканских по два. Но у суматранского тоже два. Кроме того, кожа у азиатских носорогов в крупных складках: впечатление такое, будто животное одето в панцирную броню. У индийского носорога даже хвост, когда прижат, вмещается целиком в оставленное для него углубление брони. Как у черного носорога Африки, у него заостренная небольшим хоботком верхняя губа. Но самая замечательная его черта — заостренные и удлинненные резцы нижней челюсти. Атакуя, он обычно их пускает в дело, рогом бьет реже. Это крупное животное: весит две тонны и больше. Предпочитает уединение. У каждого своя строго охраняемая территория, свои тропы на ней и пастбища, даже специально избранные места для грязевых ванн.

Еще несколько столетий назад индийские носороги водились всюду в Индии, а сейчас уцелели только в Ассаме, Бенгалии и Непале. В начале века в Ассаме (провинция Казиранга) их было около дюжины, а в Бенгалии и того меньше.

В 1908 году в Казиранге учредили заповедник. Размеры его невелики: 30 километров в длину и около 13 в ширину. Но успех дела превзошел всякие ожидания: число носорогов за двадцать лет увеличилось вдесятеро, а в сороковые годы их было уже четыреста! Затем они стали гибнуть от каких-то заразных болезней, занесенных домашним скотом. Так что теперь в Казиранге около 260 носорогов, а во всей Индии их около четырехсот.

У черного африканского носорога верхняя губа узкая, заострена небольшим хоботком или клином. У белого носорога широкая.

Кроме Индии, большой азиатский носорог сохранился лишь в Непале: одни специалисты утверждают, что там около тысячи этих животных, другие — только... пятьдесят. Но скорее всего их триста, так полагают эксперты Международного союза охраны природы

Разные зоопарки мира получили молодых носорогов из Казиранги. Они начали размножаться в неволе. До этого времени, по существу, ничего не знали о размножении носорогов, теперь ясно стало: браки они заключают ранней весной, и после этого еще восемнадцать месяцев самки носят детенышей в своем чреве.

Яванский носорог внешне похож на индийского, но поменьше его. Есть, правда, некоторые различия и в форме передних складок их кожи и в том, что рогом на носу вооружены обычно только самцы. Его называют яванским, потому что сейчас он живет только на Яве, на маленьком полуострове, которым кончается западная окраина этого острова. А когда-то, сотни лет назад, обитал на территории очень обширной: от Северной Индии и Южного Китая до Суматры и Явы.

В начале тридцатых годов на полуострове, единственном месте, где, по-видимому, уцелели теперь яванские носороги, был учрежден заповедник, в котором, кроме носорогов, особенно охраняли еще и тигров. Носорогов здесь сейчас, как утверждают, либо две дюжины, либо пятьдесят голов (последнее вероятнее). Численность их близка к критическому уровню: слишком мала вероятность их встреч в пору размножения, и поэтому опасаются, что, возможно, животным не удастся по-

полнить естественную убыль за счет новорожденных и поголовье их будет не возрастать, а уменьшаться.

Третий азиатский вид, суматранский двурогий носорог, — самый маленький из всех: обычно не выше 120, реже 150 сантиметров. Он тоже обитает не на одном лишь острове, именем которого назван. Раньше жил двурогий носорог и в Индии и в Китае, а сейчас, кроме Суматры, — в Бирме, Таиланде, Камбодже, Лаосе, Вьетнаме, Малайе и на Калимантане. Но всюду — только в очень небольшом числе. В Бирме, например, как полагают, в 1959 году было лишь 40 носорогов этого вида, а всего их на Земле около 150.

В Африке дела с носорогами обстоят несколько лучше. Во всяком случае, с черным носорогом, который довольно еще обычный здесь зверь (во всей Африке их 12—13 тысяч) и на него до недавнего времени разрешали даже охоту.

Белого носорога называют так не потому, что он белый: у него шкура грязно-серая, как и у черного носорога. Одни знатоки утверждают, что имя «белый» носит он по той причине, что по обычаю всех носорогов любят валяться в грязи, и когда уходит после «ванны» и грязь на нем подсыхает, то выглядит издали светло-серым, почти белым. Черный же носорог будто бы живет в более лесных районах и либо цвет грязи там другой, либо он меньше валяется... Одним словом, черный носорог не так часто подкрашивается.

Другие говорят, что грязь здесь ни при чем: слово «белый» появилось в зоологической литературе о носорогах из-за созвучия английских слов «уайт» (белый) и «вайд» (широкий). Буры, голландские поселенцы, называли белого носорога *Wijd*, что значит «широкий»: у него верхняя губа очень широкая, оттого и ноздри расставлены значительно шире, чем у черного носорога. Голландское *Wijd* превратилось в английское *Wide*, а затем в *White*.

В 1900 году зоологи с большим смущением узнали, что белые носороги водятся не только в Южной Африке, к югу от Замбези (так думали), но и в трех тысячах километров к северу — в болотах Верхнего Нила, в Судане.

Белый носорог — второй по величине (после слона) сухопутный зверь: метр восемьдесят — его рост (но бывают и повыше!). Вес — три тонны и больше. Один лишь рог у него длинней с небольшого человека!

Но зверь этот очень редкий. В 1920 году на Земле жило всего лишь три тысячи белых носорогов: двадцать шесть в Южной Африке, остальные в Судане. Сколько их сейчас?

«Red Data Book» — издание, в котором ведется учет исчезающих животных, — утверждает, что почти четыре тысячи: в Южной Африке — 925, в Конго — 900, в Уганде — 100 и в Судане — 2000. Если это так, то второй тяжеловес сухопутного мира, пожалуй, спасен. Но надолго ли?

Выживанию белых носорогов не благоприятствуют некоторые биологические и экологические обстоятельства. Уж очень малая у них плодовитость. Рождают одного лишь детеныша (как, впрочем, и все непарнокопытные). Это бы еще ничего, но беременность рекордно, после слона, большая — 18 месяцев. Год кормит самка новорожденного молоком, а потом еще несколько лет не покидает его. Белые носороги всяких зарослей избегают, предпочитая открытые саванны, и корм их — в основном трава (по этой причине будто бы и губа у них плоская: чтобы лучше траву щипать. Черный носорог ест много

веток и листья, и удлиненной небольшим хоботком губой срывать их легче). Из открытых степей изгоняет носорогов человек: и огнестрельным оружием и распашкой полей.

Издалека, как страусы, не способны носороги заметить охотников, потому что видят плохо (хотя обоняние и слух у них отличные). Некоторую пользу в смысле сторожевой службы получают они от дружки с зоркими красноклювыми птицами буфагусами, которые любят сидеть на их широких спинах. Заметив врага, буфагусы кричат, и носороги принимают немедленные меры предосторожности.

Как и другие большие и сильные звери, у которых в природе не было врагов, носороги оказались совершенно не приспособленными к эффективной обороне против новой опасности, явившейся на Африканский континент в виде белого стрелка со смертоносным оружием в руках. Особенно не тревожась, они подпускают стрелка шагов на тридцать — на верный выстрел — и падают, метко сраженные в голову или сердце. Если промах или рана не смертельная, обычно удирают, но бывает и атакуют. Впрочем, довольно неточно: видит носорог плохо, на бегу неповоротлив, и стоит на два шага отскочить в сторону, как вся махина из мяса, костей и толстой кожи с фырканием «промчится мимо, а затем остановится и будет удивленно озираться, куда же девался охотник». Тут уж и вторую и третью пулю нетрудно послать в носорога точно в убойное место.

И сон у носорогов крепкий, нечуткий. Масайские мальчишки в Серенгети, рассказывает Гржимек, учитывая эту малую бдительность спящего носорога, играют в такую игру. Один тихо подкрадется к носорогу и положит ему на спину камень. Второй должен подойти и этот камень забрать. Третий и четвертый начинают все сначала, и так до тех пор, «пока носорог не проснется. Игра эта отнюдь не безопасная, но и масаи не трусливы».

Губит носорогов и врожденная их привычка держаться одних и тех же мест, их исключительное «домоседство» (индивидуальная территория у черного носорога — около десяти квадратных миль). На пустующие земли, где перебиты все носороги, эти толстокожие из соседних равнин не переходят по своей доброй воле. А когда обитаемые ими земли поражает засуха и все другие копытные животные и, главное, слоны уходят искать лучших пастбищ, носороги остаются, даже если в округе нет уже ни капли влаги.

Слоны — единственные в саванне звери, способные терпеливо и умело рыть в земле глубокие впадины. В них набегают постепенно вода. Ее пьют потом

все степные четвероногие и пернатые. Так что там, где естественных водоемов нет, жизнь возможна в значительной мере благодаря слонам.

Носороги добродушны, уверяет Гржимек, хотя многие до него утверждали обратное, наивно полагая (как поведал о том Хемингуэй), что исключительная раздражительность носорогов проистекает по причине вечных заповор, которые мучают толстокожих.

Доктор Гржимек рассказывает: молодые львы лубя, играя, дразнить носорогов. Окружат толстокожего, то один, то другой подбежит сзади и, увесисто шлепнув носорога «по заднему месту», отскочит. Тот, естественно, возмущен такой фамильярностью, круто и грозно разворачивается, но... сзади никого нет: львы притаились.

У львов отношения с носорогами взаимоуважительные и довольно мирные: зла друг другу обычно они не делают. Слон и носорог тоже соблюдают нейтралитет. Если встретятся на узкой тропе, то после несерьезного предупреждения с обеих сторон в виде угрожающих поз мирно расходятся. Обычно носорог первым уступает слону дорогу. Но бывает, что и слон.

Еще о таком интересном происшествии с носорогами рассказал Гржимек (правда, с чужих слов): заметили трех носорогов, «не совсем обычным образом выходящих из леса кратера Нгоронгоро. Они тесно прижимались боками друг к другу». Это были три самки, и та, которую, поддерживая с боков, вели подруги, должна была скоро родить. «Когда носороги заметили, что за ними наблюдают, они остановились и стали настороженно озиаться. Но одна из самок все же продолжала растирать головой и рогом бок роженицы».

ТАПИР — РЕЛИКТОВЫЙ ЗВЕРЬ

За последние тридцать миллионов лет внешность тапира почти не изменилась, и в наши дни он очень похож на древних прародителей — своих и лошадиных. Чем-то напоминает он носорога, но чем-то и лошадь. У тапира копыта на трехпалых (задних) и четырехпалых (передних) ногах — почти лошадиные (похожи даже микроскопическими деталями). И мозоли есть на ногах, ниже локтевого сустава, схожие с каштанами лошадей. У американского тапира небольшая грива на шее. Более подвижная, чем у лошади, верхняя губа вытянута в небольшой хоботок. Родятся тапиры в наряде, в котором расхаживали, по-видимому, предки многих зверей: светлые прерывистые полосы тянутся по темному фону шкуры вдоль от головы к хвосту. Так же расписаны и ноги.

*В таком полосатом
наряде рождаются тапиры.*

*В Америке три вида
тапиров:
мексиканский (от
Южной Мексики до
Эквадора),
бразильский (от
Колумбии до Парагвая)
и горный, или
шерстистый (Анды
Колумбии и Эквадора).
У двух первых
небольшая стоячая
грива на шее, как у
диких лошадей и
ослов.*

*У азиатского тапира
словно белый чепрак
на спине.
Родина его — Бирма,
Индокитай и Суматра.
В предледниковое
время тапиры
водились и в Европе.*

В доледниковое время водились тапиры в Европе, в Северной Америке и в Китае. Но ныне уцелели лишь в Южной Америке (три вида) и в Южной Азии (Малайя, Бирма, Таиланд, Суматра) — один вид.

Тапиров много еще в низменных, заболоченных лесах Южной Америки. Густые заросли, проходимые только по запутанным тропам тапиров, скрывают этих пугливых животных. Больших рек они не боятся и плавают хорошо. Но в воде крокодилы портят им жизнь (и хищные рыбы пирайи), а на берегу — ягуары и охотники из индейских племен.

Одетый более густой шерстью горный тапир живет высоко в Андах Колумбии, Эквадора и Перу. Кое-где там же, а также в горах Центральной Америки еще не истреблен центрально-американский тапир.

В 1919 году отец палеонтологии и некоторых других биологических наук, знаменитый французский исследователь Жорж Кювье опрометчиво заявил, что, по его мнению, уже все крупные животные наукой открыты. А через несколько лет ему пришлось добавить в свою «Естественную историю» описание нового вида крупного зверя — чепрачного тапира, ко-

торого совершенно неожиданно нашли вдруг в лесах Юго-Восточной Азии. До этого зоологи знали только южноамериканских тапиров.

Окрашен чепрачный тапир на первый взгляд слишком заметно и ярко. Голова, шея, холка и ноги черные, а вся спина, бока, брюхо, круп и бедра в верхней половине чисто белые — словно белоснежный чепрак накинута на зверя. Маскирующий эффект такой окраски разъясняет аналогия с зеброй: контрастирующие тона как бы расчленяют зверя на бесформенные пятна, и привычные для глаз очертания четвероногого сливаются с другими цветовыми пятнами окружающей природы. Особенно действен этот оптический обман в лунном свете, ночью, когда тапиры (и американские тоже) в основном и бродят по лесам, кормясь листьями, ветками и сочными стеблями болотных трав.

Воду тапиры любят, много плавают и просто лежат, прохладжаясь, на мелких местах. Беременность у тапиров больше года (13 месяцев), а новорожденных — один и очень редко два. Встав на крепкие ножки, полосатое дитя тут же бежит за матерью.

ПАРНОКОПЫТНЫЕ

В отряде парнокопытных девять семейств и 194 вида. У парнокопытных ось ноги проходит между третьим и четвертым пальцами, а пальцев на ноге два или четыре (в последнем случае два боковых недоразвиты). Концы пальцев «обуты» в копыта. Только у верблюдов нет копыт. Желчный пузырь есть у всех, кроме оленей, желудок у всех, кроме свиней, многокамерный: в нем два, три или четыре разных отдела. Четырехкамерный желудок у жвачных: олени, оленьки, жирафы, вилороги, кабарги и полорогие. Жвачные (172 вида) вегетарианскую свою пищу сначала не жуют, а лишь срывают и быстро глотают: она попадает в первые два отдела желудка. Затем, отдыхая где-нибудь в укромном месте, в полудремоте отрыгивают малыми порциями непережеванный «силос», не спеша жуют его и опять глотают. Теперь уже попадает он в два задних отдела желудка. Эта интересная особенность жвачных позволяет им не задерживаться долго на пастбищах, где обычно караулят их хищники и охотники.

Свиньи, пекари и бегемоты представляют подотряд нежвачных, а верблюды — мозоленогих. У многих парнокопытных на черепе костяные выросты — основания рогов. Рога четырех разных моделей. У оленей они сплошные (без полостей внутри), ветвистые и каждый год заменяются новыми. Растущие рога покрыты кожей и шерстью, потом кожа лоскутами с них сходит, обнажая костяную основу. У жираф рога короткие, неветвистые, постоянные и всю жизнь покрыты кожей. У полорогих — полые внутри, как показывает название, неветвистые, никогда не сбрасываются и никогда не покрыты шерстью. У вилорогов тоже полые, но вильчатые и ежегодно, как у оленей, старые рога отваливаются и вырастают новые.

У оленей и окапи рога только у самцов (за исключением северного оленя), у жирафа и вилорогов — у самок и самцов, у полорогих, как правило, тоже оба пола рогатые.

Все парнокопытные, кроме свиней, которые всеядны, кормятся только растениями. По происхождению близки они, однако, к злейшим своим врагам — хищным зверям.

КАБАН

Мгновение назад он готов был броситься вслед за всполошившимся от его тревожного «уханья» стадом, но выстрел грянул, и, почувствовав в себе смерть, он повернулся к врагу. Ощетинился. Трехгранные клыки торчали из длинного рыла, как боевые ятаганы.

Видел плохо. Но запах, ненавистный человеческий запах — сонмище, собранное из прогорклости табачного дыма, ужасающей вони порохового заряда — указал ему направление.

Они были один на один. Почти убитый вепрь и охотник, смотревший сквозь прицельную прорезь карабина.

Ноги кабана напряглись, как стальные пружины, и, вдруг распрямившись, метнули массивное тело. Шелестя опавшей листвой, оно, словно шипящая торпеда, устремилось через поляну.

Секунда разделяла их. Новая пуля, посланная на встречу вепрю, не заставила его даже дрогнуть. Он просто не заметил этой своей второй смерти. Его клыки опустились, чтобы поддеть человека. Но охотник отпрянул в сторону. Кабан пролетел мимо.

Он не успел ни остановить, ни изменить, ни замедлить своего движения. Черное тело, несшее в себе две смерти, встретило третью на другом краю поляны в путанице корней вывернутого грозой дерева. Столб взметнувшихся листьев был прощальным салютом леса.

Так на восьмом году из отведенных ему природой двенадцати лет жизни погиб дикий вепрь, родной которого могли быть и джунгли Явы и Суматры, и север Африки, и Индия, и Цейлон, и Япония, и Тайвань, и вообще вся Азия градусов на пятьдесят к северу, а также и Европа.

«При локальных подъемах численности вредителей леса кабаны их настолько подавляют, что устраняют вспышку.

Взрыхляя большие площади земли, кабан способствует за-

*Дикие кабаны весят
иногда
190 килограммов.*

делке семян, а тем самым возобновлению древесных пород. В этом отношении велика роль кабана в моховых ельниках, кедровниках и дубовых лесах» (профессор А. Г. Банников).

Их было десять. Почти столько, сколько сосков у матери. Старой свинье никогда не приходилось выкармливать так много поросят. Она еще задолго до родов по-своему начала к ним готовиться: в сучьях и прошлогодней листве вырыла великолепное логово со стенами и даже с крышей.

Это были дети — надо ли их расхваливать? В каждом верных граммов шестьсот, а один, пожалуй, потянул бы и на килограмм (если бы кто-нибудь изловчился взвесить). Они лежали, плотно сбившись, из-за палевых полос, продольно разрисовавших их шкурки, походили на матрац (если бы кому-нибудь удалось

взглянуть). Вообще же постороннее внимание к логову почти исключалось: свинья соорудила его в лесной чаще, пробраться сквозь которую могла лишь она: ее крепкое коническое рыло обладало пронизывающей энергией снаряда. Когда мать уходила искать пропитание, она для лучшей маскировки накрывала поросят подстилкой.

Десять пятачков не давали соскам покоя. Поросята сосали с таким сокрушительным аппетитом, что свинья буквально таяла. Особенно ненасытен был тот, килограммовый.

Однажды (прошло уже около двух недель) мать, возвратясь, увидела, что ее «любимец» (слово, может быть, и слишком сильное, но он чаще других появлялся у ее рыла) расковырял в земле возле логова приличную ямку и, поймав дождевого червя, с наслаждением его ест. Это послужило свинье сигналом: скоро на подножный корм.

Дня через два она, соблюдая величайшую осторожность, повела свое полосатое семейство через завалы к большому дубу — месту, которое ей было хорошо знакомо. Но именно по этой причине желудей там осталось мало.

Тогда мать, решив, по-видимому, что грех устраивать бесцельные прогулки, стала учить поросят рыть под дубом — этому замечательному занятию, восславленному басней И. А. Крылова. Поросята весело принялись за дело и мигом наковыряли вокруг дерева множество ямок. Работа показалась увлекательной: то червяк, то жук, то старый желудь попадались.

На земле и в ней самой оказалась пропасть разных вкусных вещей!

Длинный уж куда-то не торопясь следовал, на него наступили и съели. Оказалось, вполне приличная пища. На берегу речки, куда ходили на водопой, нашли дохлую рыбу — попробовали: прелесть! Лягушки, ящерицы — все годилось. О зелени и говорить нечего, она была кругом! Но самые изысканные деликатесы скрывались все-таки в земле: нежные корешки, незрелые клубни, луковицы.

Тут откуда ни возьмись появились три бодрых молодца, по-юношески стройных и, что называется, среднего роста. Они имели порядочные клыки и поэтому ринулись в смелый бой, в исходе которого все семь сосунков были отеснены от матки. Возмутительное беззаконие! Обездоленные поросята подняли истошный визг и носились вокруг как полоумные. А подсвинки, точнее, дети прошлогоднего опороса, несказанно обрадованные полузабытому уже угощению, затеяли небольшое междоусобие возле двенадцати кранов с манной небесной. Но мать сразу уяснила обстановку, и поросята смогли убедиться:

есть справедливость на земле! Свинья гоняла под-свинков по кругу, по прямой и по всем мыслимым диагоналям. Они, бедняги, уже напустившие на себя чванливость взрослости, визжали, как обыкновенные домашние поросята, иначе добрая мать их бы не пожалела.

Однако полосатым малышам злорадствовать не следовало: в самом недалеком будущем их ждала такая же участь, ведь не вечна лактация, молочное материнское обеспечение, — три месяца.

Некому было спросить у трех пришельцев: где четвертый и где пятый? Поэтому осталось неизвестным, чьей добычей стали двое из пяти подсвинков, которым мать по обычаю своей природы предоставила полную самостоятельность, удалившись для нового опороса. Где они шатались? Чем кормились? Маленькие клыки и слишком маленький опыт, как видно, были слабой защитой от лесных случайностей...

Пришельцы оказались неплохой компанией. Их резвость, неутомимость расширили стаду горизонты — уже на километр и на два осмеливалась мать отдалиться от защитной чащи, где скрывала гнездо.

Летняя жара заставила семью резко изменить распорядок суток: теперь жировали ночью, а днем старались отоспаться — типичный режим для диких свиной.

Однажды мать привела их к затерянной в глуши бочажине. Укромное тенистое место, но странно — все вокруг носило следы загадочной деятельности. Влажная черная земля изрыта так, что на ней не росло ни травинки. Молодые березки, слишком рано почерневшие, без нижних ветвей, выглядели обреченными сиротками. Деревья, что потолще у комлей, начисто освобождены от коры и даже отполированы. О них, видно, терли чем-то, не жалея сил. Кто? Чем? Запах, насытивший здесь влажный воздух, частично отвечал на эти вопросы: то был крутой родствен-ный дух.

Мать и подсвинки немедленно показали, что надо делать: бросились в жидкую грязь, блаженно похрюкивая. За ними — поросята. В черном месиве они резвились и радовались так, будто достигли всего в жизни. Подражая старшим, временами вылезали на рыхлую сушу и терли бока о стволы.

Здесь, возле благодатной купальни, произошло воссоединение описываемого семейства с другим стадом. Встретились две мамы и не смогли расстаться: в компании веселей. Всем гуртом они произвели ужасную сумятицу, не обошедшуюся без стычек. Брызги грязи летели кругом.

Гурт, взбивая пыль звериной тропы, с глухим топотом следовал в направлении, хорошо известном

старым свиньям. Прогулка, впрочем, не была дальней и утомительной, ведь с поросятами особо не путешествуешь. К тому же дикие свиньи вообще предпочитают держаться в знакомых местах. Летом они (даже без ненадежного в пути молодняка) лишь иногда (и только за хорошим угощением) решаются преодолеть пяток-десяток километров. Тридцатикилометровые марши — редкость.

В пути было много развлечений, но недосчитались одного поросенка. Выказав задатки будущего аутсайдера, главный герой нашего рассказа решил продлить прекрасное мгновение и, когда родня его удалялась, еще нежилась в благоуханной жидкости. Лишь только затих вдали шум свинячьей компании, смелый любитель одиночества замер — это была врожденная детская реакция на опасность и пугающую тишину.

Так бы, возможно, и сидел он, коченея, но вдруг перед ним возникло мрачное взъерошенное клыкастое видение. Оно, вздернув пяточок, с шумом вдохнуло воздух, но в обилии оставленных гуртом запахов не различило такой мелочи, как живой поросенок. Огромное (килограммов на двести, а может, и триста) тело плюхнулось в жижу. И конечно, согласно законам физики вытеснило из нее начинающего аутсайдера, который тут же со всех ног бросился наутек.

Нарушение тишины и субординации (приветствовать старого вепря тылом — неслыханная невоспитанность) привело кабана в действительную (а возможно, показную) ярость, и он, выбравшись на берег, поскакал в погоню.

Впрочем, набитый желудями желудок склонял его к благодущию, так что минутный гнев обернулся тем, что, припугнув молокососа, кабан вернулся к прерванной процедуре.

Это была встреча отца с сыном.

«В течение нескольких лет численность кабана может упасть в десятки раз и возрасти в два-три раза» (профессор А. Г. Б а н - н и к о в).

Другая произошла в ноябре...

За лето и осень гурт потерял четырех поросят и одного подсвинка. Две слабенькие и, видно, чем-то больные самочки (они вечно отставали) и слишком резвый подсвинок, который сломал ногу, достались на прокорм волчьему семейству. Два других поросенка пропали без вести. Эти, возможно, и не погибли, а заблудившись, пристали к чужому стаду, где их приняли как своих. Правдивые охотники (А. А. Черкасов называет их «достоверными охотниками») рас-

сказывают, что возле одной матки кормятся иногда по шестнадцати поросят. Вряд ли все они ее кровные.

Подсвинки-кабанчики ростом почти догнали матерей, и малыши-сеголетки, навсегда простившись с полосатостью, уже не были малышами. «Наш» поросенок далеко обогнал в необъявленном соревновании за лучшие нормы прироста братьев и сестер. Но даже самая плохонькая свинка потянула бы не меньше пуда.

Снег не выпадал. Приступы морозов сковали землю — явление весьма неприятное, затруднившее роющую деятельность свиней. В поисках желудей, орехов, опавшей дикой груши и яблонь и прочей подоспевшей снеди гурт рыскал ночи напролет, а при возможности и утром, и вечером, и днем. Опыт старших и врожденный инстинкт стимулировали великолепный темп в деле подготовки к зиме. Есть побольше и жиреть для свиней действительно дело. И очень важное. Жир под кожей — первая линия обороны против зимнего холода и голода.

Холодным утром в конце ноября старая свинья, возглавлявшая гурт, наткнулась на разлитое по тропе нечто желтое. Она шарахнулась, странно возбужденная. Стадо, ломая сучья, понеслось прочь с привычного пути.

Но желтые, пенистые «любовные письма» попадались все чаще и в разных местах. Стадо, словно то, библейское, в которое вошли бесы, будто обезумело и блуждало, возбужденное неведомым волнением, по самым бессмысленным и опасным маршрутам.

Поросята, ничего не понимавшие, тем не менее были заражены всеобщим беспокойством. Похоже, какие-то новые законы меняли привычное течение их жизни.

И вот явился гость, правда, пока лишь обыкновенный молодой секач, такой же, как и те, что и прежде нередко приходили к стаду на летних жировках, не вызывая при этом никакой встречной помпы. Но теперь он выглядел несколько страшновато. Шерсть на хребте топорщилась, глазки воинственно горели. Секач попытался отогнать от гурта кабанов-недорослей. Но, конечно, никто не хотел расставаться с семьей, все жалось к бокам матерей.

События развивались на болотистой поляне: по ее краям возвышался неплотный лес могучих деревьев, а в центре торчал небольшой островок кустарника, к которому преследователю удалось прижать стадо. Но только этим и ограничился его успех.

Вдруг откуда-то вынеслась темная ошетиленная туша. Молча летела она прямо на молодого секача,

но тот словно ждал нападения, про себя удивляясь, почему оно до сих пор не свершилось, и, не медля ни секунды, не протестуя ни звуком, умчался.

Загнав молодого кавалера в лес, матерый вернулся к стаду. То был настоящий хозяин. Его деспотическую власть все тотчас почувствовали и приняли. Молодые кабанчики при первом угрожающем наскоке покинули поляну (отлучение постигло и свинок-сеголеток, хотя и не всех: те, что покрупнее, остались).

Так начался гон. Не день и не два предстояло молодняку маяться поодаль. Восьмерых избранниц на это время ожидала перспектива полуголодного существования: свирепый вепрь не позволял им отлучаться далеко от поляны, пищевая ценность которой не была, к сожалению, неисчерпаемой.

В 1954 году ниже Лонг-Пезо переправлялось столько кабанов, что первые животные уже достигли противоположного берега, где их убивали охотники, а находившиеся в хвосте стада все еще продолжали входить в воду. Избиение длилось несколько недель, и тысячи уносимых Каяном кабаньих туш, с которых было обрезано сало, скопились перед Танджунгселором, где река расширяется и заметно замедляет свое течение. Но этот город населен малайцами-мусульманами, для которых свинья нечистое животное; поэтому они отказались купаться и потреблять речную воду, загрязненную тысячами разлагавшихся на солнце трупов, а их негодование было так велико, что они объявили войну даякам — виновникам резни (П. П ф е ф е р).

Нескончаемые снегопады — то тихие и мягкие, то вьюжные и колючие. Голод и холод... Гурт уходил от зимы. Секачи, утратив вкус к одиночеству, прельщавшему их летом, воссоединились с малолетками и самками. Самый сильный шел впереди: задние ноги тащил волоком и ими пропахивал глубокую борозду. Все цепочкой следовали за ним.

Разве уйдешь от зимы?! Она повсюду. Она осталась сзади, в пройденных за день десяти-двадцати километрах, но была и впереди, в глубоких сугробах и в тоске голодных волчьих глаз.

Чтобы, ослабев, не стать чьей-нибудь пищей, надо найти пищу себе. А как? Если земля цементно-крепкая, если сквозь холодный снег не пробиваются запахи? Когда попадался шелестевший над замерзшим болотом тростник или камыш, его начисто обгрызали. Стог сена — находка: под ним ночевали, его же и ели. Не очень, впрочем, он вкусен.

Но лишь два стога разорили безнаказанно; третий... Когда приблизились к нему, встретили вспышки и гром выстрелов. Законное возмездие унесло обеих маток и одного секача: охотники целили в тех, кто покрупнее.

С этой минуты наше овеянное грустью повествование, задумай мы его вести, не опуская подробностей, должно и вовсе стать печальным, потому что зима еще только начиналась и осиротелых поросят поджидали волки, глубокий снег, рыси, гололедица, одичалые собаки, голод, морозы и охотничий сезон. Но при всем уважении к жанру трагедии не будем вдаваться в подробности, которые неминуемо нас в него втянут. Не сделаем попытки как-нибудь украсить, смягчить события или ввести сюда прелестные литературные случайности, выручающие зверей из самых затруднительных положений. Поищем повод для оптимизма в реальности.

Весна... На буграх черные проплешины, в низинах со вздохами оседающий снег. Молодой кабан пришел на родное пепелище. Мало чего осталось после зимы от логова, которое покойная мать строила с таким усердием. И от семьи тоже никого не осталось. Он один — кабаненок.

Но он вернулся! И значит, не все потеряно! — вот источник нашего оптимизма.

...Прошло три года. За это время обширная площадь, по которой ходил и бегал наш герой, была объявлена государственным заповедником — причина того, что ни одному из нажимающих указательными пальцами на спусковые крючки не посчастливилось больше воскликнуть: «Вот обрадуется старуха, секача положил!»

И в этом тоже реальная причина оптимизма для тех, кто ценит в диких животных не только волнительную мишень для стрельбы и мясо для шашлыков.

Он, «наш» поросенок, уже настоящий секач, крепко стоял на мускулистых ногах, каждая из которых упиралась в землю всеми четырьмя пальцами. И боевые клыки содержал в постоянной готовности. (У него были еще клыки, поменьше, в верхней челюсти. О них он и оттачивал свое оружие.)

В тот день (стоял июль, и припекало изрядно) пораньше отправился он на жировку, чтобы успеть до жары перекопать опушку, где, как он чуял, много дождевых червей и лесных мышей. Ветра не было, и поэтому не было никакого смысла искать подветренную сторону, чтобы от нее приближаться к нужному месту. Кабан бежал напрямик и, лишь выскочив на опушку, разглядел небольшого медведя.

Тот ел тухлого, никому, кроме сорок, не нужного подсвинка, павшего здесь от неизвестной болезни дней пять назад. Сороки с березы поодаль с понятным вниманием следили, как исчезали в ненасытной пасти куски мяса. Этих голодных непосед заворож-

ло чужое обжорство, они казались черно-белыми плодами, которые вдруг взрастила береза.

Сороки заметили кабана до неприличия поздно, и тем нелепей и неожиданней спугнул тишину их предупреждающий тарарам. В нем они выразили испуг, досаду, которую до этого терпеливо хранили про себя, и главное — большую радость от представившейся возможности угодить косолапому хозяину леса.

Медведь зарычал, вздыбляя на задние лапы, а затем сделал вид, что хочет броситься на кабана. Но тот стоял перед ним и не отступал (он именно тут собирался рыть своих червей). Его клыки мелко-мелко дрожали — угрожающий жест, показавший, что он их точит. Медведь вяло двинулся в атаку, однако, вместо того чтобы держаться прямого направления, забирал все левей и левей.

Когда он (на безопасном расстоянии) обогнул кабана, оказываясь тем самым у него в тылу, секач сдвинулся с места. Он тоже затрусил влево, пробежал мимо падали и, сделав крюк, ступил на след медведя. Медведь надал, и вследствие этого оба зверя оказались бегущими на противоположных краях круга — так что было неясно, кто кого преследует.

Поглядев немного на эту карусель, сороки сделали правильный вывод и ринулись вниз, на подсвинка, ставшего беспризорным. Они клевали торопливо, перессорились. Медведь не вынес безобразия и сошел с круга.

Кабан преисполнился гордости. Как-никак это ведь была победа, хотя всего лишь моральная. Случилось даже, что дождевые черви, вещь, без спору, высококалорийная и приятная на вкус, исключились из гаммы владевших им желаний. Теперь как бы в награду, которая положена истинному герою, захотелось чего-то посущественней. И кабан углубился в лес по тропе, не однажды хоженной. В наступившей темноте вышел на кукурузное поле...

Морща пяточок, он долго принюхивался. Запах далекой деревни принес ветерок — слишком слабый, чтобы опасаться людей. Изумительно пахла кукуруза, шелестевшая вот тут, рядом. Кабан ринулся, хмелея от ее аромата. Высокие стебли под ним смялись, он нащупал рылом упакованный в зелень початок. Зерна хрустели и таяли во рту. Кабан ел и ел, вертя хвостом.

В конце августа или в сентябре (счет дням никто не вел) он почувствовал, что на боках под кожей у него наливается тугой тяжестью калкан — кабаньей латный доспех, не из металла кованный, а фиброзный, которым природа защищает бока секачей от ранений.

(Кстати, А. А. Черкасов и, по-видимому, многие из старинных «достоверных охотников» не раз убеждались, что пуля, посланная в бок осеннего кабана, отскакивает. Они обвиняли в этом слой смолистых веществ, который якобы «так сохнет и так облепится», что станет непробиваемым панцирем. Но, конечно, были не правы. Именно калкан — не смола — выручал кабаньи бока: пули ведь были тогда не те...)

«Конь убежал домой один, а кабан, увидав своего врага на дереве, но не имея возможности сдернуть его на землю, лег под тем самым деревом и только яростными глазами посылал месть и проклятье несчастному охотнику. Мусорин смекнул, что дело плохо, дело дрянь, кабан не отходит, видимо, дожидается его, а дострелить зверя ему нечем и спуститься на землю невозможно, значит, явно идти на верную смерть; сидеть же на дереве и дожидать смерти кабана тоже невозможно — холодно. Он начал кричать, перекричал голос, охрип, не знал что делать, к чему прибегнуть!..» (А. А. Черкасов).

Кабану открывается многое. Он не кормится там, где все стадо. У него сильные ноги. Он знает, где кончается лес, куда течет река, кто живет в горах. Ему знаком мерзостный вид домашних свиней, он помнит, каков запах у отправившегося на охоту человека, он видел автомобиль, трактор, комбайн. Но без стада он жить не может. Он его оплодотворяет и хранит, а во время тяжелых переходов, ранив ноги, пробивает для него путь в снегу.

Семь лет миновало, как родился он. Клыки пожелтели и не так остры теперь, но зато велики (у кабанов растут они постоянно), а крепкое рыло способно разрывать норы запасливых грызунов даже в пору, когда земля звенит, стиснутая свирепой силой мороза.

В тот год зима не торопилась овладеть лесом. Выпал снег, но, не пролежав и недели, растаял под натиском теплых ветров. Нет-нет и солнце проглядывало — обманчивое солнце ноября, располагавшее жирных вальдшнепов благодушно откладывать перекочевку на юг. Да и кабанов оно вводило в заблуждение: им пора было искать место для зимовки, но как уйдешь от великолепного шуршащего ковра дубовых листьев, который достаточно копнуть, чтобы найти свежеепавшие желудди?

Широкие круги, которыми ходил кабан вокруг жирующего стада, натолкнули его на охотников-браконьеров. Он остановился как вкопанный, услышав за деревьями человеческую речь. Большие уши напряглись, повернувшись в сторону страшных звуков.

...И вот тут он встретил три свинцовые смерти.

СВИНЬИ НАСТОЯЩИЕ И НЕНАСТОЯЩИЕ

На Земле восемь видов диких свиней. Три из рода обычных кабанов: карликовая свинья (Южная Азия), яванский кабан (Ява, Целебес, Филиппины) и калимантанский кабан (Калимантан, или Борнео, и Филиппины). В Азии (на Целебесе) живет бабirusa. В Африке — бородавочник, кистеухая и гигантская лесная свинья.

Азиатские родичи нашего кабана (кроме бабirusy) во многом на него похожи. Африканские дикие свиньи в общем похожи тоже, но ряд морфологических и биологических черт говорит о известной их самобытности.

Бородавочник необычен тем, что его длинное рыло изуродовано (или, возможно, украшено, если взглянуть на сей предмет другими глазами) буграми и шишками, похожими на бородавки. По всей спине, от затылка до корня хвоста, тянется по хребту довольно длинная рыхлая грива. На морде светлые бакенбарды. А клыки у секачей очень велики — до 30 сантиметров и больше (рекорд — 67 сантиметров). У свиней, которые менее бородавчатые, чем секачи, только четыре соска, потому и поросят больше четырех обычно не бывает.

В тропической Африке еще довольно много бородавочников, живут они на заросших кустами равнинах. Пасутся обычно днем, склонны к большему вегетарианству, чем другие свиньи. Ночью прячутся (от львов) в норах. Когда удирают, то высоко, как знамя, несут вздернутые вверх хвосты. Лев и леопард — вековые и злейшие их враги.

«Жилая нора бородавочника состоит из просторной камеры, в которой спят отец, мать и подростки. Отсюда полого вниз идет ход в следующую камеру, где осенью, с сентября по ноябрь, появляются на свет хорошенькие поросята. Если преследовать самку с поросятами, то малыши зачастую бросаются на землю и притворяются мертвыми. Но попробуйте поднимите хоть одного! Он завизжит как резаный, и тогда матка сейчас же бежит к нему... Леопард преследовал самку бородавочника с поросенком. Матка внезапно повернулась и напала на леопарда: он тут же удра. В другой раз бородавочник чем-то прогневил слона. Слон громко затрубил и бросился в атаку. Бородавочник обернулся и пошел прямо на слона. Тот от неожиданности даже отступил» (Бернгард Гржимек).

Кистеухая свинья — ночное животное, избегает открытых пространств, селится в густых лесах (обычно у воды), плавает отлично. Клыки у нее меньше, чем у бородавочника: сантиметров до пятнадцати. На кончиках ушей кисточки из удлиненных светлых волос. Окраска очень разнообразна — от ярко-рыжей (у западного подвида) до черно-бурой и черной, но на морде, на щеках и на лбу большие светлые пятна. В норах прячутся обычно только свиньи с поросятами. Кабаны живут поодиночке в гуще леса.

Мадагаскарский подвид кистеухой свиньи, прежде считавшийся отдельным видом, — единственное копытное животное на этом острове (обитавшие здесь раньше бегемоты истреблены).

Африканские бородавочники не так массивны, как европейские и азиатские кабаны, но верхние клыки у них как сабли: длиной бывают до 63 сантиметров.

Гигантская лесная и кистеухая, или речная, свинья, изображенная здесь, — два других вида диких свиней Африки. Оба крупнее бородавочников: вес кистеухих свиней до 135, а гигантских лесных — до 275 килограммов.

Гигантская лесная свинья открыта была в начале нашего века, в 1904 году, в сырых, горных по преимуществу лесах Кении и Конго. Из диких свиней она, пожалуй, самая крупная, у нее буро-черная щетинистая шерсть, редкая, довольно длинная, а пяточок очень широкий. Отличают эту свинью также выпуклый лоб и большие бугры перед глазами.

Кормятся лесные свиньи ранним утром и вечерами. Охотно пожирают мелких зверьков и птиц, умело их подстерегая и загоняя всем стадом.

У бабirusы, дикой свиньи Целебеса, немало странностей. Прежде всего клыки: огромные, до сорока сантиметров, изогнутые вверх и назад. Причем клыки верхней челюсти пронзают верхнюю губу! Зачем такое украшательство? Может быть, чтобы в гуще зарослей не поранить морду о ветки: клыки образуют своего рода решетчатое забрало над глазами. Тогда почему у самок нет такой защиты? Скорее всего нелепые клыки бабirusы — один из известных примеров (как и хвост павлина) адаптивной ненужности и нецелесообразности некоторых морфологических признаков животных.

Далее: бабirusа совершенно бесшерстна, у самок только два соска и небывало малая для свиней плодовитость: один или два поросенка (неполосатых!) в год. Живут бабirusы в густых лесах, на болотах, у рек и озер. Прибрежная растительность — их корм. Плавают много и отлично.

Бабirusа, которая обитает только на Сулавеси и некоторых малых островах (Буру, Сула, Согиан), весит не больше 90 килограммов, но у нее парадоксальные верхние клыки: они не только чересчур велики, но и растут не сбоку от губы, как у других свиней, а пронзают насквозь верхнюю челюсть. Местные легенды рассказывают, что, уцепившись этими невероятными клыками за сук, бабirusы спят будто бы на весу.

Ошейниковый пекари. В Мексике и Южной Америке обитает еще белогубый пекари. Пекари похожи на свиней и близки им по крови, но отличаются, например, тем, что верхние клыки растут у них не вверх, а вниз.

Пекари — ненастоящие свиньи. Внешне похожи на свиней, но есть у них ряд черт, которые побудили зоологов выделить пекари в особое семейство. Например, клыки верхней челюсти растут не вверх, как у свиней настоящих, а вниз. На задних ногах не четыре, а три пальца, желудок устроен более сложно, а на спине большая железа. Когда пекари чем-либо возбужден, шерсть, вздымаясь, обнажает железу, и сильный запах распространяется вокруг. В густых зарослях, у воды и на мелких местах в воде железа оставляет на ветках и камышах свой специфический «аромат», который служит путеводной нитью для других пекари. Так что размещение ее на спине вполне оправдано жизнью в болотах: чем выше будут пахучие пометки, тем лучше сохранятся они, вода не зальет их в половодье.

Два вида пекари: воротничковый (с широкой желтоватой полосой в виде воротника на плечах) распространен от юга США до Аргентины, и белогубый пекари, более крупный и живущий более многочисленными стадами в лесах Америки — от Мексики до Парагвая.

Странно, что за всю историю человеческой цивилизации гиппопотам (он же бегемот) не стал домашним животным. У него на это есть права, и, пожалуй, не меньшие, чем у буйвола, слона, верблюда или кабана, с которым он в довольно близком родстве. Они дают людям молоко и мясо, несут через пустыню поклажу, таскают на стройках бревна, а тот, кого по ошибке нарекли когда-то «речной лошадей», был вынужден всего лишь подставлять под выстрелы свою шкуру.

Справедливо ли это? Семья гиппопотамов голов в пятнадцать — это передвижной (или, сказать лучше, в меру подвижный) мясокомбинат, способный накормить небольшой город.

Вот некоторые цифры: высота в холке до 1,5 метра, длина до 4,5 метра, вес взрослого самца до 4 тонн, самки — до 3 тонн. Б. Гржимек опубликовал данные Ветеринарного управления Кении касательно веса частей, из которых состоит бегемот. «В туше оказалось 520 килограммов чистого мяса и 33 килограмма жира, 27 килограммов весила печень, 7,8 — сердце, 5 — язык, 9 — легкие, 280 килограммов — кости. Кожа весила почти столько же, сколько кости, — 248 килограммов». Но разделанный гиппопотам был, по-видимому, «юношей» своего вида. Общий вес его — лишь 1456 килограммов. Каковы же будут цифры, если разделать четырехтонного зверя? Надо еще добавить, что зверь только с виду не в меру разъевшийся толстяк — жир у него внутренний, а вся масса — мякоть, вкусом напоминающая телятину. Причем богатая белками (24,8 процента), что очень важно, потому что белки гораздо нужнее человеку, чем жир. И долголетие у бегемота подходящее — по 40—50 лет жили некоторые в зоопарках.

*Комментарии тут,
как говорится,
излишни...*

Лет сто назад почти все тропические лесные водоемы Африканского континента кишели бегемотами. Явившийся к ним белый стрелок редко сдерживал себя, увидя торчащее из воды глянцевиное чудовище. Нуждающиеся в мясе города далеко, а самому куда такую уйму? Бегемот оставался там, где был убит, и просто-напросто гнил, отравляя воду.

Еще в древности римляне обратили внимание на гиппопотама. Однако на что были умники, а настоящего значения зверя не поняли: на арену Колизея волокли толстых страшилищ и там убивали их для веселья почтенной публики. Зрелище получалось впечатляющее: крови лилось как раз столько, сколько надо, чтобы удовлетворить самых кровожадных.

Когда бегемот спустя почти два тысячелетия был принят в зоопарки Европы, то за свой нрав, который в этой роли, естественно, был виден лучше, сразу же попал в общие любимцы. И директора, и служители, и даже дети его полюбили!

И тут вдруг узнали: есть у милого гиганта «меньшой братец», размером с крупную свинью. Он описан англичанином С. Мортоном в 1849 году по черепам, которые подарил ему один приятель-путешественник.

Нечего и говорить, что сразу же нашлись неверующие: «Нет!», «Не может быть!», «Не бывает!» Но знаменитый король зоопарков Карл Гагенбек поверил слухам и послал в 1910 году экспедицию в Либерию. Ее возглавил Г. Шомбургк, и весьма успешно: в том же году он нашел следы бегемота-карлика, а на будущий год поймал шестерых мве-мве (так называли этих бегемотов туземцы, другое название — нигбве).

«Меньшой» показал себя существом покладистым. Одному пойманному в ловчую яму нигбве Шомбургк протянул наколотый на палку корень кассавы. Он ожидал ярости зверя, лишенного свободы. «Но произошло чудо: словно обычная домашняя корова, гиппопотам спокойно обнюхал угощение и стал уплетать его».

Нигбве по многим приметам напоминает свинью. Длина 170 сантиметров, рост 75, вес 180 килограммов. На нижней челюсти лишь пара резцов. Самки нигбве детей своих кормят, как наша домашняя хавронья, лежа на боку. И наклонностями нигбве напоминает свиней: любит рыть корни и клубни, бродить по ночам (обычно в одиночку). Днем отсыпается в чаще кустов на суше или в норах, которые роет сам. В общем, вполне милый зверь. Живет в густых лесах Либерии и Сьерра-Леоне.

У больших гиппопотамов нижних резцов две пары. И клыки — какие клыки! До 75 сантиметров! А в ненормальных случаях они достигают (так как растут всю жизнь!) метра восьмидесяти сантиметров — ве-

личина несколько даже странная. Он в толстой коже, как в броне, и этот жуткий «кровавый пот», выступающий на ней, — когда гиппопотаму жарко...

Почему животноводы не заинтересовались таким зверем? Не могли они усмотреть за столь «неблагообразной» внешностью характер «благонадежный». К тому же и случаи из жизни бегемотов, которые удавалось наблюдать людям, вели к весьма категоричным мнениям.

«Однажды на берегу озера я увидел, как встретились гиппопотам с носорогом. Оба были зрелыми самцами. Столкнувшись, они убили друг друга. Гиппопотам, по всей видимости, вышел на берег, чтобы попасть в роскошной траве. Здесь он повстречал носорога, спустившегося попить. Ни один из них не пожелал другому уступить дорогу. Произошло ужасное сражение. Спина носорога была порвана огромными челюстями гиппопотама. Гиппопотам же был в нескольких местах сильно пропорот рогом носорога. Оба зверя лежали в нескольких футах друг от друга, погибнув в результате совершенно бессмысленной дуэли. Несомненно, здесь был затронут вопрос чести» (Джон Хантер, охотник).

Или вот. Два безрассудных льва решили полакомиться нежным гиппопотамчиком. Его мать, рассвирепев, утопила одного из хищников в вязком иле.

«Грузовик угодил прямо на спину бегемоту. Перепуганный водитель прибавил газу, но не мог сдвинуть машину с места, потому что животное весом тридцать центнеров подняло задний мост грузовика и его колеса не касались земли» (Бернард Гржимек).

Но грузовику, так сказать, легче. Велосипедист, налетевший во тьме на гиппопотама, был перекушен почти надвое.

В свете таких фактов (а читатель, конечно, понимает, что они в своем роде не единственные) вопрос о том, как гиппопотаму стать домашним, может показаться нелепым и наивным. Однако не торопитесь с выводом.

Первые животноводы мира, имея возможность богатейшего выбора, ведь не остановились же перед тем, что у вепря секущие (и весьма опасные!) клыки, у буйвола рога, у собаки зубы, у слона хобот, бивни и ноги, которыми можно шутя совершить любое убийство!

Теперь животный мир оскудел. Гиппопотам часто живет в вольных только с виду условиях. Люди давно уже владеют местами его обитания. Добродушные, вполне домашние голоса бегемотов раздаются поблизости от прекрасных асфальтированных дорог, туристских пансионатов, гостиниц. С открытых веранд, завтракая или пируя, можно наблюдать за тем, как живут эти звери. Они держатся на мелководье охраняемых для них водоемов. Лежат или прогуливаются по дну,

а спины и головы — снаружи, как бы для удовлетворения любопытства туристов. «Нежная» кожа покрыта слизистым веществом красноватого цвета, что предохраняет от буйного воздействия воздуха, солнца и воды. И вовсе этот пот не кровавый, как думали раньше, а просто красный.

Гиппопотамы домоседы. Целый день нежатся в воде, часто ныряют — 5 минут не дышат под водой. Плавают прекрасно. Даже по морю: пролив в двадцать миль между Занзибаром и Африкой они переплывали не раз.

Лишь ночью решаются отдалиться от берега. Размяться надо, да и рацион больше чем половину состоит из трав, растущих на твердой земле. Для ночных прогулок у каждой семьи свои, строго определенные маршруты — небольшие (но иногда и 20—30 километров), которые, если нанести их на карту, напомнят абрис кое-как нарисованной груши: острый конец в воде, а расширяющийся овал или окружность — в прибрежных зарослях. Тропы служат годами и в результате превращаются в борозды и рвы (глубиной до полутора метров!). И вот замечательное достоинство гиппопотамов: эти тропы — единственный ущерб, который они наносят поверхности земли. Там, где пасутся, земля не превращается в пыльную полупустыню, как это бывает от воздействия копыт домашнего скота.

Некоторых бегемотов временами одолевает странное желание путешествовать по суше: не десятки, а сотни километров проходят они. Один (Хуберт) прошел 1600 верст!

«Он был в пути два с половиной года, проходя без особых затруднений в среднем полтора километра в день. Из-за того, что появление Хуберта несколько раз случайно совпадало с дождем, местное население стало его считать «богом дождя». Поэтому во многих районах ему устраивали самый торжественный прием, потчуя сахарным тростником и овощами. Газеты и радио непрерывно сообщали о месте его нахождения и где его можно ожидать в ближайшее время. Как-то в большом городе Дурбане ему приготовили пышный прием. Он наелся там дорогих экзотических цветов, затем побродил по Вест-стрит, милостиво принял угощение от хозяев овощных лавок, а кое-где угостился и сам. Затем он обнаружил открытый городской бассейн для питьевой воды, в котором и решил выкупаться.

Спустя некоторое время он отправился в Ист-Лондон, расположенный на триста пятьдесят километров южнее Дурбана. Он прошел уже триста двенадцать километров, когда был прямо посреди дороги застрелен фермером-буром» (Бернгард Гржимек).

Наверное, европейскому крестьянину, умаявшемуся в заботах о пропитании коровы, покажется невыполнимой задача прокормить огромного гиппопотамы.

Но, как ни странно, аппетит гигантов сильно уступает аппетиту Гаргантюа. Лишь 40 килограммов корма в день нужны для того, чтобы поддержать жизнь и нормальное развитие туши. И какого корма? Гиппопотам удовлетворяется самой жесткой растительностью.

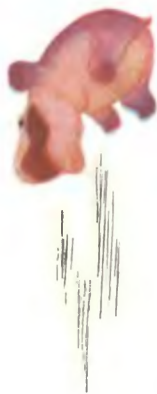
Такой у зверя желудок. Три больших и одиннадцать малых его отделов, как цехи химического комбината, извлекают из грубого сырья соки жизни. Кишечник у бегемота длинней, чем у слона. Таинственные процессы! Подобно заводской трубе, выбрасывающей в воздух ненужные газы, работает пасть зверя. Знаменитое зевание гиппопотама, умиляющее посетителей зоопарков, — это выход газообразных «отходов производства». Они не зловонны и поэтому не отпугивают людей, которые норовят положить на огромный язык что-нибудь вкусненькое. В Познани в зоопарке однажды положили даже гранату (к счастью, она не взорвалась), и бегемот Бонго ее проглотил. Правда, переварить гранату ему не удалось, но и вреда особого она не причинила.

Другое весьма удивительное приспособление, по своему завершающее пищеварительный процесс, — это хвост. Его сравнивают с пропеллером: он с уплотнением, как упомянутая деталь самолета, и приспособлен для быстрого вращения. Но если кабан вертит своим хвостиком в минуты чрезвычайного увлечения едой, то гиппопотам делает это, когда выбрасывает экскременты. Он «пропеллером» измельчает их и рассеивает по сторонам. Они, как и газы, выходящие через пасть, не зловонны, но отличное удобрение для прибрежной растительности, а в воде содействуют развитию планктона — незаменимого корма рыб.

Как бы сознавая неотразимую эффективность этого действия, гиппопотамы пользуются им и в самых торжественных случаях своей жизни. Встретив на пути прелестную незнакомку, самец приветствует ее веселым и лихим разбрызгиванием. И незнакомка не обижается и, если рада видеть, приветствует его так же. Когда два соперника оказываются друг против друга, то этот же самый «жест» может стать выражением устрашения, вызовом на бой.

Гиппопотамы, однако, дерутся не часто. Обычно самка, когда приходит ее пора, покидает стадо своих подружек и детенышей и направляется к группе самцов, собравшихся по-приятельски вместе где-нибудь в отдалении, и сама выбирает себе «суженого». Но не всегда это мирно кончается. Бывают и драки. Два громадных рыла-ковша, вооруженные гигантскими клыками, с треском сшибаются (бывает, и клыки не

выдерживают). Конечно, слабый удержит и скроется где придется, но равные бойцы скоро не разойдутся...

В мир бегемот появляется странным и необыкновенным образом. После семи-восьмимесячной беременности самка рождает в воде. О появлении новорожденного вначале знают только рыбы, но недолго: словно катапультированный пилот, вылетает он на поверхность. Мать ловко подхватывает его на голову, чтобы не захлебнулся, и — вот она, жизнь!

Вода — любимая родина. Малыш даже сосать умудряется в воде. Здесь же и единственный, в сущности, враг — крокодил. Взрослым он не страшен, но пока мал — смотри в оба. Утащит, а там — не в гостях у хорошего знакомого. Гиппопотамы ненавидят крокодилов. Случается, бросаются на рыбацкие лодки, сгоряча приняв их за своих исконных неприятелей. Однако, перевернув лодку и увидев, что из нее выпали лишь люди, гиппопотам отплывает пристыженный. Он, когда в воде, осознает свою силу и не злоупотребляет ею.

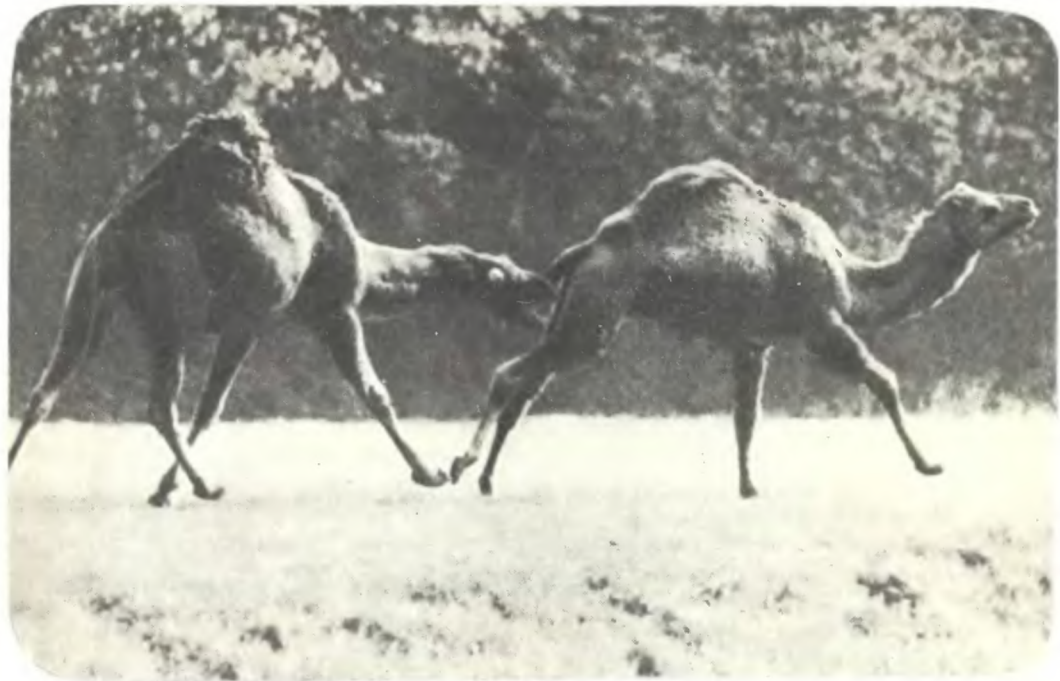
На суше — другое дело. Но, сколько люди ни наблюдали, все непорядки, которые ему случается там учинить, происходят не из-за какой-то особой агрессивности зверя. Как правило, они результат того, что он чем-то, часто неопасным, напуган. Наткнулся на него неожиданный велосипедист — кляцнул с испугу пастью. Самке показалось, что хотят обидеть ее детеныша, результат — неприятность. Но это все случайности.

Гиппопотамов в Африке осталось мало. Но, кажется, об их судьбе наконец-то заботятся. Кто знает, может быть, у них большое будущее?

КОРАБЛИ НА КОРАБЛЕ

В 1856 году экспедиция лейтенанта Портера (он командовал кораблем) и майора Вэйна (на его попечении были верблюды) купила у турецкого правительства три десятка дромадеров (одногорбых верблюдов). Через год американцы приобрели еще четыре десятка. Верблюды предназначались для военных надобностей, и оные через пять лет появились, когда Соединенные Штаты стали «разъединенными». Равным образом поработав на северян и южан, после окончания гражданской войны некоторые животные продолжили службу в цирках и зоопарках, а некоторые разбежались.

И произошло то, от чего упомянутая экспедиция на корабле «Сэплай» стала событием в истории живот-

Где родина диких одногорбых верблюдов, не известно. Одни ученые считают, что диких дромадеров никогда не было: это особая порода двугорбых верблюдов. Мнение других знатоков — родина диких дромадеров Аравия, но они там давно уже все истреблены.

ного мира: дромадеры, разбежавшись, одичали. Ведь вернулись они на пепелище отцов. Когда-то водились в Америке древние верблюды — камелопсы. Возможно, еще тысячу лет назад они бегали по Калифорнии. У Сьерра-Невады раскопали «свежую» стоянку какого-то охотничьего племени и среди давно потухших углей нашли обглоданные черепа камелопсов — вероятно, последних. Говорят, даже теперь кое-где по пустыне в Аризоне бродят одичавшие дромадеры (потомки тех, что привез лейтенант Портер из Турции).

Кому не приходилось, проснувшись утром, высу- нуть нос из спального мешка, стеганного на верблю- жьей шерсти, и убедиться воочию, что весь ты полу- занесен выпавшим за ночь снегом, тот вряд ли спо- собен по-настоящему удивиться потрясающим свойствам волос, которыми природа покрыла и дромадеров, и бактрианов (двугорбых азиатских верблюдов), и лам — их американских родичей. Пред- ставьте, снаружи вас терзает колючая поземка, а вы спите спокойно, как в городской квартире: сухо, теп- ло, нигде не дует, и воздух свежий.

На ощупь шерсть верблюда обыкновенна — шерсть как шерсть. Но при внимательном рассмотрении можно заметить, что не совсем она обычная: вокруг длинного волоска толпятся волоски поменьше, и они

не подпушь, какая вырастает для тепла у большинства зверей, они деталь совершенно необыкновенной конструкции, к сожалению, еще не исследованной учеными.

Так что примите как очередную тайну природы тот факт, что спина верблюда, которого сильно припекло в полдень, нагрета снаружи на восемьдесят градусов, а под шерстью — на сорок. Верблюд, так сказать, одет в тайну с ног до головы.

Впрочем, и внутри у него тайн порядочно. Лишь немногие из них разгаданы, да и то недавно. Скажем, знаменитая верблюжья «засухоустойчивость». Почти тысячу километров пройдет по жаркой пустыне — и ни капли в рот! Отчего?

Ряд причин уже выяснен. Вот они:

1. Пить умеет. Уж если дорвался до воды, то сто-литровую бочку осушит. А один верблюд на глазах у заинтересованных наблюдателей выпил два раза (через малый срок) по 92 литра да плюс еще два литра.

2. Почти не потеет. В этом ему помогают превосходная шерсть и умение «держат язык за зубами», то есть зря рта не раскрывать, чтобы влага не испарялась. Даже в самую жару он дышит лишь шестнадцать раз в минуту, а когда попрохладней, то хватается и восьми раз. Это ведь в сравнении, например, с дыханием запарившегося пса — самая малость, пес тогда по 300—400 раз дышит в минуту.

3. Легко переносит колебания собственной температуры. Ночью у него 34 градуса, днем — 40. И ничего, не лихорадит его с такой «гриппозной» температурой, а идет себе вперед, даже не потеет, экономя 5 литров воды, которые потребовалось бы испарить для охлаждения тела на шесть градусов.

4. Имеет горб (или два). Это сооружение не представляет собой запасной цистерны с водой в прямом смысле этого слова (как некоторые городские жители считают). Но в переносном смысле — да. В горбу — жир, «перегорающий» в пути и превращающийся в воду: из 100 граммов жира — 107 граммов воды.

5. И последнее, очень важное свойство: верблюд, если уж он воду теряет, то не слишком о том печалится, — может до 30 процентов своего веса израсходовать на жизненные процессы, потребляющие воду, и все же кровь его не загустеет и он не умрет, как это случится в такой ситуации с любым зверем и с человеком.

Все, что говорилось выше, почерпнуто из «интервью» с одомашненными верблюдами, и если эта книга сейчас в руках у охотника, то, конечно, душа его, не унесшись ни на минуту в безлюдные просторы дикой природы, не насытилась. Что поделаешь, вольных верблюдов на земле мало. Очень мало. Лишь двугорбые кое-где в Монголии. Дикие дромадеры давно все вымерли (если вообще существовали, так как некоторые исследователи полагают, что одногорбых, как особую породу, люди вывели от двугорбых верблюдов).

Охотник — человек, как известно, с воображением, может составить компанию такому же, как и он, труженику «дикого поля», покинувшему родной аймак (лет пятьдесят или сто назад).

Сухая, холмистая, выжженная солнцем земля Гоби. Цепочка дзеренов, живым пунктиром опоясавшая далекий холм, не интересует одинокого наездника. Хабтагай — желанная, но почти недоступная добыча. Крутые склоны, узкие ущелья — места, кажется, пригодные лишь для цепких копыт архара, но хабтагаи обитают часто именно в таких угодьях. Пржевальский, первооткрыватель хабтагая для науки, в 1878 году восхищался «альпинистскими» способностями дикого двугорбого верблюда.

Стадо в десять (а бывало, и до пятнадцати) красновато-песчаных серомордых животных замечено вдруг охотником на фоне щебнистой осыпи. Хабтагаи, не в пример своему домашнему собрату, весьма изящны, легки. Горбы у них меньше и не вызывают мысли о чудачестве природы, использовавшей для отливки одного из своих созданий испорченную матрицу.

И открывается состязание! С одной стороны в нем участвует терпеливый, сообразительный и выносливый охотник на выросшем вблизи от юрты верблюде, а с другой — естественное вольнолюбие, подкрепленное быстротой ног, отличным слухом, зрением и обонянием: хабтагай даже воду чует за несколько километров. В беспримерном марафоне силы равны, а судья — солнце, для поддержания жестоких правил иссушившее влагу и все эти ковыли, полынь, горный лук, саксаул, караган — «горькую» и все же необходимую пищу верблюдов.

Они почти всегда на виду друг у друга. Если преследуемым удастся оторваться от преследователя, то охотник, спешившись, разыскивает на твердой почве следы — почти гладкие отпечатки (из-за мозольной подушки на пальцах зверя, за что и называют верблюдов мозолоногими). Следы, оставленные хабтагаем, отличны от следов домашнего бактриана, они более узкие, как бы устремленные.

Охотник оттесняет косяк от водопоев. Утром и вечером — в часы привычной кормежки — усиливает свой натиск. В полдень и ночью, когда верблюды обычно лежат, заставляет их подняться. Силы у вольных верблюдов иссякают.

Заалайские хабтагаи летом держатся в высокогорьях, на альпийских сочных лугах, но преследователь гонит их оттуда в южные пустыни (их зимние «квартирь»), где растительность уже высохла, где ни капли воды. День за днем. Тысячекилометровый марафон. Каким одержимым надо быть, чтобы решиться на лишения, которые неизбежны! Вот последний глоток воды остался... Но сдались и хабтагаи.

Верна старая пословица кочевников: «Лег верблюд, так приехали». Верблюд ляжет лишь тогда, когда встать не может.

Выстрелы — один из ответов на вопрос: «Почему диких верблюдов на Земле мало?» Однако выстрелы в этом случае, пожалуй, не единственное зло.

Верблюды выносливы. Почему же именно они, а не звери понежней, столь малочисленны?

Они могут долго жить без воды. Их корм — такая растительная дрянь, которую никто из травоядных есть не хочет. У них, таким образом, мало конкурентов. И опять: почему же тогда их самих мало?

Они умеют переносить страшную жару и страшный холод. Да, и холод. В дореволюционное время на приисках Якутии, там, где стынут теперь моторы МАЗов, бактрианы по замерзшим рекам таскали для людей грузы. Почему же?..

Для начала надо, конечно, исследовать, не таится ли причина малочисленности диких верблюдов в самой системе их размножения. Возможно. Верблюды полигамы, а у полигамов, как известно, процент яловости самок всегда повышенный. Между самцами бывают жестокие драки — это, понятно, тоже влияет на численность (на Востоке специально выводят «бойцовых» верблюдов и заставляют их драться с таким же ожесточением, как бойцовых петухов!). Самки редко приносят двойни. И ко всему, время развития плода у бактриана 411 дней! У дромедера 388. А при таком сроке от силы раз в два года самка принесет по верблюжонку. Так что прирост весьма замедленный.

И еще: выносливейший из выносливейших, оказывается, очень боится сырости, чуть что — и плеврит, а то и туберкулез с трагическим концом.

По Панамскому перешейку потомки некоторых древних предков верблюдов Северной Америки прошли в Южную Америку, и здесь от них произошли четыре разновидности безгорбых «верблюдов», а точнее, четыре вида из семейства мозолоногих: ламы, гуанако, альпаки и викуньи.

*Лама — единственное
вьючное животное,
прирученное
в Америке.
Еще до завоевания
испанцами Перу триста
тысяч домашних лам
переносили вьюки на
серебряных рудниках
этой страны.*

До недавнего времени думали, что лама — прирученный людьми потомок гуанако, а альпака — потомок викунии. Однако теперь многие зоологи склоняются к тому, что и лама и альпака, ныне известные только как домашние животные, имели когда-то своих диких предков, давно истребленных, но не гуанако, не викуний, поскольку некоторые очень специфические черты поведения у них разные (например, манера ухаживания самцов — весьма консервативный, мало изменчивый признак).

Гуанако крупнее всех других мозолоногих Нового Света. И в высоких Андах и в равнинных прериях (но не в лесах) пасутся их небольшие стада: несколько самок с детенышами и один взрослый самец. Молодые самцы, которых старый не подпускает к своему стаду (плюет, кусает очень сильно), объединяются в более многочисленные стада.

Викуньи также (самые мелкие из четырех безгорбых «верблюдов») живут разделенными стадами: старые самцы с десятком самок, молодые самцы — своей компанией. У каждого стада — охраняемая вожаком территория. Когда на нее вторгается чужой самец, хозяин скачет навстречу и плюет в него полупереваренной травой. Тот плюет в ответ, но обычно старается не попасть в противника, если видит, что враг его силен. Иначе дело дойдет до зубов — плевки лишь предупреждения, а зубы острые!

Викуньи пасутся высоко в горах, у границ снега, в Андах Перу, Боливии, Чили и Аргентины. Шерсть у викунии по тонине и легкости превосходит шерсть любого другого копытного, кото-

рого люди когда-либо стригли. Впрочем, самих викуний стригли редко: домашними они никогда не были. Однако индейцы в Андах умудряются, заманив стадо в загон, остричь одну дику «овцу» за другой. Потом, стриженных, выпускают на волю.

У альпака шерсть качеством почти так же хороша, но несравненно более густая и длинная. Весьма шерстистой шкурой альпаки похожи на баранов-мериносов. Ради шерсти (и мяса) альпак и разводят сейчас в Южной Америке. Только в Перу их два миллиона!

Лам разводили (еще инки) и разводят (горные индейцы) из-за многих их незаменимых в примитивном хозяйстве ценных свойств.

«Они ткут одеяла и плетут веревки из их шерсти, шьют сандали из кожи, мясо идет в пищу, жир — на свечи, а помет — на топливо» (Десмонд Моррис).

И еще: возят вьюки на спинах сильных лам — трехлетних самцов. Больше пятидесяти килограммов лама нести решительно отказывается. Никакими силами заставить ее нельзя! Ляжет и не идет. А понукать будут — плюется, лягается, кусается. Лучше сбросить с ее спины несколько лишних килограммов — меньше хлопот. По двадцать-тридцать километров в день проходят вереницы вьючных лам по крутым горным тропам, где другого транспорта пока нет.

ОЛЕНИ

Семейство оленей — драгоценное ожерелье, которое носит природа Земли. Каждый олень, и малютка пуду (он величиной с зайца), и лось-гигант из Анадыря, каждый красив. Любое движение оленя, любая его линия кажется нам вершиной гармонии. Даже названия оленей, как правило, благозвучны. Вы только послушайте: «марал»! В нем слышатся перекаты горного эха Алтая и Саян, где обитает этот вид. Его американское название — «вапити» — слово, исполненное чуткости. «Изюбрь»! Сколько уважительной нежности! «Кабарга» — и ваше ухо воспринимает стук маленьких копыт в головокружительной высоте сибирский гор. Синонимы «лось» и «муз» вызовут у вас представление о могучести, и оно не исчезнет, если вы прибавите к ним эвенкское «моот», означающее в переводе «древоед». Слово «косуля» элегантно-скользящее, а в имени северного оленя — «карибу» — тихий вскрик восторга. К эпитету «благородный» комментарии, согласитесь, не требуются.

«Лани», «замбары», «мунтжаки», «мазамы», «гуэмалы»... 36—40 ныне живущих видов, разделяющихся на множество рас, часто несут еще и географические имена, тоже весьма звонкие, но главным образом ценные тем, что указывают на ареалы их обладателей. «Бухарский олень» — каждому ясно, где его искать. «Новоземельский», «гренландский», «лабрадорский», «баргузинский», «ньюфаундлендский», «охотский», «шпицбергенский», «сибирский тундряной», «сибирский лесной» — такой букет без

*Больше лося нет в мире
оленя: рост самых
крупных лосей —
190 сантиметров,
а вес
825 килограммов.*

лишних слов способен рассказать о расселении северного оленя.

Это об именах, а ведь бывают еще и отчества, причем вполне человеческие. Например, «карибу Пири» («папаша» — американский полярный исследователь, в 1909 году на собаках достигший Северного полюса). Или: «олень Пржевальского», называемый еще «беломордым тибетским оленем». Его точное и подробное описание занесено в научные анналы при содействии казака Калмынина, добывшего для Пржевальского в 1876 году старого самца.

По разным соображениям я опускаю здесь все великолепие латыни в применении к оленям, хотя и не могу о нем не упомянуть. Вместо него великолепие другого рода, так сказать, истинное, вещное — полезность, которую дарит олень человеку.

Снимите шапку перед этим зверем! Она... пыжиковая и выделяется из шкуры северных оленей — неблюев и пыжиков. Малицы, дохи, рукавицы, одеяла, ковры и даже стены жилищ — все это от оленя. В век синтетики, конечно, снизилось значение таких товаров, но раньше без них просто не могли обойтись. Знаме-

нитые лосины, в которые рядились некоторые полки русской армии со времен Петра I, — штаны и камзолы из лосиной замши. Для ее изготовления приходилось снимать шубы с десятков тысяч лосей, что едва не привело к их полному уничтожению. К концу всех царствований лишь один гвардейский полк, отдавая дань традициям, носил лосины, да и то не в расхожей, а в парадной форме.

Впрочем, замша — паритет для всех видов оленей. И благородный, и косуля, и северный, если только можно так выразиться, имеют на себе некий ее потенциальный запас. Правда, шкура северного оленя бывает иногда сильно попорчена личинками оводов, продукция кабарги не отличается прочностью, да и летняя лосина из-за свищей довольно неважная.

Мех оленей не обладает той стойкостью, какой хотелось бы. Доха из косули служит не больше пяти лет, а из других — и того меньше.

Лишь камус — мех, снятый с ног лося и северного оленя, — выдерживает высокие требования людей. Звери с его помощью борются с настом и глубоким снегом, а человек шьет из него обувь, рукавицы, им же подбивает лыжи.

Но какими бы тeneвыми качествами ни «страдал» олень (а таковые у него имеются и кроме перечисленных), его положительная роль в этом мире настолько значительна, что, право, я не погрешу против истины, если присвою ему почетное имя «благодетель человечества».

Потому что северный олень — это до 130 килограммов мяса (на крупе у самцов жира до 8 сантиметров); выход мяса у лося до 300 килограммов. А от лосихи можно надоить за год 430 литров молока, такого жирного, что оно эквивалентно 1290 литрам коровьего. Косуля, которой в конце прошлого века только в Амурском крае добывали по 150 тысяч за сезон, дает лишь 20 килограммов мяса, но ее даже в наши годы в азиатской части СССР можно добывать по 60 тысяч в год без угрозы полного истребления.

И скажите, не самую ли жизнь сохранял олень так называемым «малым народам», расселенным по холодным окраинам Америки, Европы и Азии? Вот что Фердинанд Врангель писал в 1841 году:

«Время переправы оленей через Аноу составляет здесь важную эпоху в году, и юагиры с таким же боязненным нетерпением ожидают появления сего животного, с каким земледельцы других стран ожидают времени жатвы».

И эта «жатва», кроме «хлеба насущного», приносит хорошее противочинготное средство — кровь. Ее и по сию пору с величайшим наслаждением пьют жители

Севера. Полупереваренное содержимое желудка — просто лакомство, хотя это уж, конечно, для кого как...

У кабарги мясо невкусное: постное, жилистое, а у самца — с резким неприятным запахом. Но этот запах... Сколько горячих контрабандистских голов положено ради него на опасных горных тропах! Кабарожья струя! — сорокаграммовый мешочек на брюхе, которым наделен самец кабарги для привлечения самки во время гона и пометок на границах своих владений. Мешочек наполнен красно-коричневым студенистым веществом — мускусом, из него китайцы изготавливают тонизирующее лекарство, а парфюмеры, добавляя в духи, сообщают им необыкновенную стойкость. Мечеть, построенная в Иране 600 лет назад на растворе с добавлением мускуса, «благоухает» и сейчас. Вот за эти-то качества фунт мускуса кабарги на международных рынках ценится, как автомобиль «Москвич-408»!

И наконец, позвольте взять быка, то бишь оленя, за рога. Эти фантастические украшения уместны не только на голове марала или там косули, но и на стене квартиры. Их привлекательность таинственна.

Рога служат для разных художественных поделок, из наиболее дешевых выходят отличные пуговицы. В начале века Дания, например, импортировала для этих целей по 30 тысяч рогов северного оленя в год. И хотя прекрасные безделушки и роговые пуговицы всего лишь предметы нерегулярной моды, моду эту следует благословлять: ведь для добычи сырья не надо убивать оленей: рога они ежегодно сбрасывают сами, только берет!

Хуже обстоит дело с пантами — неокрепшими рогами пятнистого и благородного оленей (из них вырабатывают пантокрин или хаулокрин). В конце солнечного июня у зверей нет никакого желания с ними расставаться. А приходится. И чаще всего вместе с головой.

Главным потребителем пантов всегда была извотреливая китайская медицина.

Итак, вот какими нужными предстают перед нами эти парнокопытные.

Многочисленное семейство часто мало похожих друг на друга зверей на самом деле в высокой степени гомогенно, то есть однородно, по своим признакам. Поэтому, если взглянуть на некоторых из них, станет понятной и общая картина.

Кабарга (горы Восточной Сибири и Центральной Азии). Бедняжка кабарга! Она и не знает, что постоянно живет под угрозой одинокого сиротства, потому что ученые еще спорят, относить ее к семейству оленей или не относить.

Мунтжак — один из немногих примитивных оленей, у которых и рога и клыки. Мунтжак, кусая клыками, наносит довольно болезненные раны собакам, атакующим его.

Действительно, у нее странный вид. Передние ноги короче задних, и, вероятно, поэтому она горбатенькая. И ведь на кенгуру похожа! (А кто был свидетелем того, как ловко она встает на задние ноги, чтобы достать растущие высоко листья, тот и подавно так скажет.)

Длиной кабарга не больше метра, цвета приятного — шоколадного (иногда рыже-бурая, иногда черно-бурая). Маленькая голова светлее — сероватая, а сверху бурое пятно, как бы намечающийся берет. Снизу на шее пара белых продольных полос, а на боках и на спине разбросаны светлые пятна. Весьма ее красят! (Но у старых иногда их не бывает.) К тому же

Четыре вида оленей
в роде аксис.
Обитают они в
густых джунглях
и на
лугах с невысокой
травой в Индии, на
Цейлоне, в Индокитае
и один вид на
Филиппинах.
Свиновидный аксис —
самый мелкий из них.

она, можно сказать, без хвоста (хвост вообще-то есть, сантиметров этак в пять, но он так плотно прилегает, что его и незаметно). Шерсть в основном из остевых волос (пуха мало): в воде — отличный «поплавок», на снегу — теплый матрац. Когда кабарга лежит, снег под ней не тает, как под лосем или косулей.

Рога? Рогов не ищите, их у кабарог не бывает. Зато есть клыки, да какие! Когда рот закрыт, наружу торчат (у самцов, не у самок). Говорят, у старых кабарог — в десять сантиметров длиной.

Мунтжаки, аксисы, замбары не очень похожие друг на друга олени.

Мунтжак, несмотря на мощно звучащее имя, маленький олень (в плечах не больше 60 сантиметров). Он каштаново-бурый, белобрюхий, и рога у него простенькие, десяти-тринадцатисантиметровые шпильки с небольшим зубцом вместо развилки. Их «корни», покрытые шерстью, тянутся двумя резко выступающими длинными буграми по сторонам морды над глазницами до носовых костей. У самцов — клыки, острые и длинные, и видны из-за края верхней губы. Голос у мунтжака, которого в Индии называют каркером, резкий, похожий на лай.

Для охотников на тигров и леопардов каркер незаменимый осведомитель: как только увидит большую кошку, кричит, оповещая джунгли и всех, кто смыслит в их голосах, резким, как треск кастаньет, лаем.

Каркеры, или мунтжаки, рога сбрасывают в мае — июне. В сезон дождей рожают их самки одного или двух пятнистых детенышей.

Аксис, или читал, вполне приличного роста (в плечах до метра) и замечателен сходством с пятнистым оленем. Он, можно сказать, пятнистей пятнистого. Рога у него всего лишь трехконечные, но не малые.

Замбары разные. Некоторые чуть больше мунтжака, а некоторые так и до 163 сантиметров в холке — роста, так сказать, выше среднего. Пятен на шкуре нет совсем (за исключением одного вида), хотя в детском наряде пятнисты, как почти все.

Подобно северному оленю, замбар щеголяет гривой, которая топорщится вокруг шеи, как жабо испанского вельможи XVI века. Грива, по-видимому, лишь украшение, потому что там, где живет замбар, особых холодов не бывает.

А живет он поблизости от мунтжака и аксиса: их ареал хотя и не всюду совместим, но если вы на маленькой книжной карте ткнете в него пальцем, то палец ваш прикроет и сам ареал и несовместимые места. Это нижняя часть Юго-Восточной Азии и кое-какие острова Индийского океана.

Мунтжак — один из самых древних оленей на Земле.

Он, как и мы, сын кайнозойской эры, но значительно старше нас. Пятьдесят миллионов лет назад, в эоцене, благодатной эпохе, которую называют «зарей новой жизни», жило небольшое копытное, по прошествии указанных лет названное архиомериксом. Оно было безрогим и обладало клыками. Такими же, как у кабарги и мунтжака.

Вот от этих симпатичных зверюшек, может быть, и ведут свое начало олени. Развивались они быстро. Уже через несколько десятков миллионов лет, в середине четвертичного периода, когда разные антропоиды, весьма похожие на человека, разгуливали по планете, олени были оленями.

Они словно на парад к рождению первого человека готовились и достигли к этому знаменательному дню больших успехов: стали крупны, изящны и красивы, словно понимая, что наконец-то их кто-то оценит.

И человек разумный их оценил...

Но о мунтжаках. Их судьба сложилась не так уж и плохо. Еще до четвертичного периода они развились почти повсюду. Но затем вымерли, оставив потомство, от которого, по-видимому, произошли все виды современных оленей. Сами уцелели лишь в Индо-Малайской области. Здесь флора и климат всегда были стабильными, и поэтому мунтжаки мало чем изменились. Если вы захотите нарисовать оживленный пейзаж, скажем, третичного периода, натура у вас под рукой.

Прежде стада
этих оленей паслись
на равнинах Северного
Китая, но давно уже
все вольные олени
Давида истреблены.
Уцелели только в
императорском парке
в Пекине.
Здесь увидел их сто лет
назад аббат Давид и
привез две шкуры
редкостных оленей
в Европу.
Во время боксерского
восстания все олени
императорского парка
погибли, но еще
до этого герцог
Бэдфорд стал разводить
оленей Давида в своем
имении Вобурн-Аббей,
и это спасло их от
полного вымирания.
В 1960 году олени из
герцогского парка были
привезены в Пекин и
разводятся теперь и
там.

Но не забудьте о пятнах! Современный мунтжак лишь в молодости пятнист, предок его был, как полагают, пятнист и в зрелом возрасте.

Живут на Земле и оленьки, близкие к прародителям всех оленей. Их четыре вида: три — в Южной Азии и один — в Африке. Ростом они с зайца (и, как зайцы, сигналият об опасности топотом ног!). Прячутся в зарослях. Рогов нет, но клыки есть (как у безрогих кабарги и китайского водяного оленя). Индийский оленек пятнистый. Яванский, или канчил, без пятен.

Олень Давида, или милу, по многим причинам очень странный олень. Прежде всего — диких оленей Давида нет. Французский миссионер Арман Давид, которому зоологическая наука обязана рядом крупных открытий (милу, большая панда, загадочный лебедь — утка-гусь Давида, или азиатская коскороба, и пр.), еще в конце прошлого века увидел небольшое стадо милу в императорском парке под Пекином. Позднее герцог Бэдфорд, известный коллекционер редких животных, получил из Китая несколько таких оленей, и теперь в его имении Вобурн-Аббей пасутся

они под охраной. В зоопарках мира (есть и в Московском) около трехсот оленей Давида. Прежде, по-видимому, обитал этот олень в болотах Китая и Японии.

Хвост у милу для оленя необычно длинный (53 сантиметра), с кистью на конце. Отростки рогов направлены не вперед, как у других оленей, а назад. Кроме того, обычно меняет он их два раза в год — в ноябре и в конце января — феврале. Ворс на спине и шее направлен в сторону, обратную отросткам рогов, — не назад, как положено шерсти зверя, а вперед! Копыта широкие, а «копытца» (боковые пальцы) длинные. Это выдает в нем хода по трясине, зыбкой почве болот. Очень длинные и глубокие у милу подглазничные ямки: сходите в зоопарк (Московский), посмотрите — и эти ямки, и многое другое поразит вас в этом олене.

Лось (Канада, север Скалистых гор США, Европа, Северная Азия). Простите, что представляю его при свете пасмурного зимнего дня. Этакую громадину все равно разглядеть нетрудно: в холке, бывает, и больше двух метров, а длина — три! Зато вы станете свидетелями волшебного зрелища: великолепное черно-буроватое тело с горбоносой головой будто плывет по воздуху. Это впечатление происходит оттого, что высокие ноги лося цвета почти белого, и в плавных движениях теряются на фоне снега.

Большие уши встрепенулись в нашу сторону. Вздрагивает «серьга» — кожный вырост на шее лося. Он красоту зверя не портит, хотя, достигая иногда 40 сантиметров, болтается, как сосулька, а практического смысла, кажется, никакого не имеет, разве что к старости станет внушающей почтение бородой.

Он смотрит: глаза с мягкой печалью, верхняя губа пухлая, нависшая — добряк! К сожалению, раз уж зима — лось без рогов (он их скинул, наверное, в декабре), и мы их пока не увидим...

«Глаза большие, зрачки кося поставленные» (отсюда и название «косуля»)» (К. К. Ф л е р о в).

Косуля (Европа, Передняя Азия — на юг до Израиля, Северный Иран, Кавказ, горы Средней Азии, Сибирь, Северный Китай) лишь ненамного покрупнее кабарги. (Правда, самая рослая — сибирская косуля — в плечах до метра.)

Самец большеглазый, с белым подбородком, украшен рогами, про которые писать бы не прозой, а стихами, ибо они лирообразны. Понятно, струн на них нет, да и обработаны грубовато — усеяны шишечками, как срезанными сучками. На концах обычно три затейливо расставленных отростка. Он сбрасывает их в октябре — декабре, а в апреле — мае у него уже новые рога. Рога и у самок редко, но бывают.

*Только у лани и лося
рога расширены
небольшими лопатами.*

Передние ноги у косули тоже короче задних — кстати говоря, признак того, что животное предпочитает передвигаться прыжками. И прыжки весьма примечательны — до 6 метров!

Сзади у косули светлое пятно, так называемое «зеркало». Детеныши ее (обычно два) видят, как мелькает оно впереди, и не теряют мать в зарослях.

Кроткие видом самцы косули нрава, однако, крутого. До смерти, случалось, забивали самок в тесных вольерах зоопарков, где бежать тем было некуда.

Северный олень (тундры и северные леса Аляски, Канады, Европы и Азии). Глухой гул копыт, специфичное сухое щелканье. Плавная, текучая масса, оцетиненная невообразимым лесом рогов.

Северный олень самый стадный из всего семейства и, кажется, самый демократичный в распределении внешних признаков: рога здесь разрешено носить и самкам.

Идет стадо. Величественная и впечатляющая кар-

Китайский водяной олень обитает в речных камышах Китая и Кореи. Некоторые эти олени убежали из парка Вобурн-Аббей и живут на воле в Англии. Водяной олень уникален тем, что его самки рожают не одного-двух оленят, как другие олени, а четверых-семерых.

тина. У каждого оленя — грива, муфта снизу на шее. Теплоизолятор. К тому же и волос у северного оленя особый: в нем много пустот с воздухом. Уж тут ангине не подобраться! И на плаву держит хорошо — как надувной костюм. А северные олени переплывают немало рек, когда осенью уходят из тундры на юг, в тайгу, а весной бредут табунами обратно. Путь немалый.

Летом тундра может побаловать своих обитателей высокой плюсовой температурой, и это не на радость оленю: мало у него потовых желез. Приходится держать рот открытым и язык высовывать, как собаке, чтобы остудить себя испарением влаги изо рта.

Дикие лани уцелели лишь в лесах Северо-Западной Африки и в Турции (южное побережье Мраморного моря и Малой Азии). Но в заповедниках и парках лани содержатся во многих странах Европы, у нас — в охотничьих хозяйствах Литвы, Белоруссии, Украины. Есть еще персидская лань, живет местами в Юго-Западной Азии: у нее рога не уплощены на концах лопаточками. А у европейской лани рога с «лопаточками», этим напоминает она лося. А всем видом — вроде бы пятнистый олень. Ибо лань пятниста. Зимой пятна, впрочем, почти незаметны. В парках люди развели белых, черных, серебристых, голубых ланей.

Китайский водяной олень (болотистые, тростниковые берега рек, стариц и озер Северо-Восточного Китая). Станный олень! Рогов нет ни у самок, ни у самцов, но есть клыки, как у кабарги. Однако родством ближе к косуле. Желтовато-бурый, без пятен (даже новорожденные пятнисты неясно). Ростом невелик — полметра в плечах. Кормится прибрежной травой и тростниками, спасение ищет не в быстрых ногах, а в гуще тростников. Самки рожают трех и больше детенышей. Они не бегут за матерью, а прячутся, как зайчата, — каждый поодаль в своем укрытии: Мать, напивав себя, приходит и кормит их по очереди.

Американские олени. В Северной Америке, кроме карибу (северного оленя), вапити (местного благородного оленя) и лося, есть еще два вида оленей — олень-мул (запад США, Канады и Северная Мексика) и белохвостый, или виргинский, олень (юг Канады, почти всюду в США, кроме Дальнего Запада, Центральной и север Южной Америки). Кроме того, в Южной Америке 10 (по другим данным — 16) видов оленей, среди них горбатенькие, как кабарга, низкорослые (70 сантиметров в холке) мазама и пуду-крошки (их рост всего 40 сантиметров). У тех и других рога — простые, неветвящиеся шпильки.

В Африке, кроме ланей на северо-западе и благородных оленей, чудом попавших в Сенегамбию, оленей нет. В Азии же около трех десятков видов.

Прodelайте теперь мысленное путешествие по ареалу японского пятнистого оленя по имени сика и хуа-лу («олень-цветок»), столь славного высокой ценностью своих пантов. От Уссурийского края вы проследуете по многим восточным провинциям Китая, посетите Корею, Тайвань и Японские острова.

Но только мысленный взор покажет вам хуа-лу, а не природа. Потому что повсюду этот олень истреблен. Статистика с посылкой точностью утверждает, что за последние сто лет численность пятнистого оленя сократилась «в несколько раз». Сколько сие обозначает, станет понятней, если принять во внимание, что на территории СССР, «даже при наблюдающемся возрастании поголовья к концу пятидесятых годов», можно было насчитать лишь около 1000 этих оленей (лишь половина из них — в прежних местах обитания,

прочие — переселенные в заповедники Закавказья, Карельского перешейка и в другие районы СССР). По другую же сторону границы, где возрастания поголовья не наблюдается, голос цифр, вероятно, и совсем унылый.

Несколько оживленной выглядит ареал благородного оленя, хотя далеко этому оживлению до толчеи прошлых времен.

В Подмосковье на него не поохотишься, потому что он уничтожен там еще до основания Москвы. (В царских угодьях, правда, появлялся и в более поздние времена, но то был завезенный.)

В Вологодской, Костромской, Горьковской областях засмеют, если спросите, есть ли в местных лесах олени. А ведь еще в восьмидесятых-девяностых годах прошлого столетия они там водились.

Редкостью стал карпатский благородный олень. Мало кавказских и крымских оленей. Мало маралов и бухарских оленей. Немного изюбря на Дальнем Востоке и в Забайкалье. В Китае благородный олень уничтожен полностью, если не считать немногих наиболее находчивых, которые догадались поселиться в священных рощах. В Америке ареал вапити (близкий вид или подвид благородного оленя, как и марал, изюбрь и прочие названные здесь) какую-нибудь сотню лет назад представлял внушительную площадь, а теперь от него остались три небольших «куска» в Канаде и на западе США, отделенные друг от друга сотнями миль. На Британских островах, Корсике, Сардинии, в Скандинавии всех благородных оленей пересчитать можно...

Но и те олени, о которых упоминают сегодня без страха за их будущее, по сути, малые остатки бывшего великолепия. Говорят, северный олень в Киевской Руси водился. Две тысячи лет назад он упомянут в текстах Цезаря как обитатель Герцинского леса (в Средней Германии и Чехословакии), а еще в прошлом веке прекрасно вписывался в переславские и новгородские лесные пейзажи. За последние сто лет и в тундрах северных оленей стало меньше в... 15 раз. Упомянутый здесь Ф. Врангель видел стада длиною в 50—100 верст. Где они теперь?

Где кавказский лось? Еще в прошлом, жутком для диких зверей веке (таком же, впрочем, как и этот век), когда с недопустимой силой загревели на земле ружейные выстрелы, он жил на Кавказе. Теперь того лоса нет. И никто, конечно, не помнит даже, какой масти он был.

Когда «как зубья выпадают из гребешка» (тут к месту патетика Маяковского) лучшие из «наших меньших братьев» (весьма точное выражение Есенина), надо бить тревогу!

ОХОТА!

«Король проворно спешился с охотничьим ножом в руке, ловко обошел дуб и сзади подрезал коленки у оленя. Олень испустил какой-то жалобный свист и тотчас осел. В ту же минуту штук двадцать собак бросились на него. Они вцепились ему в горло, в морду, в язык, не давая пошевелиться. Крупные слезы текли из его глаз.

— Пусть приблизятся дамы! — воскликнул король» (П. Мериmé, Хроника времен Карла IX).

Эпитет «королевская» издревле прирос к охоте на оленя. В переносном смысле его оправдывают красота, ценность и вес добычи, в прямом же — тот факт, что оленя всегда берегли исключительно для монарших забав.

Медведь, проснувшись на заре весны, высматривает, кого бы съесть. Не лося, так косулю. Не поймав ее, смиряет аппетит и готов проглотить хоть мышь. После его охоты на оленей часто можно сказать: «Убил время и ноги».

Волк лося летом не страшен. Известно даже такое: лосиха с телятами преспокойно пасется в ста метрах от логова, и волки не трогают. Но признано, что четвероногие хищники (как серые, так и красные, полосатые и пятнистые) — главные враги оленя. Они губят косуль и благородных оленей, угрожают заповедному благополучию пятнистых, а за северными стадами волки следуют, как нанятые пастухи.

Однако я позволю себе привести здесь две цифры потерь северных оленей в Лапландском заповеднике. Когда там не было волков, отход составлял 5 процентов; когда волки появились — 7. Вывод: добыча хищника — в основном больные и старые олени.

Бежать, как олень, значит бежать очень быстро. Догнать оленя — дело не простое даже для волка. Тигр, бывало, ловил изюбрей из засады (теперь они слишком редко встречаются друг с другом). Гепард сумеет догнать пятнистого оленя Индии — аксиса.

На мелких оленей охотников, конечно, больше. Тут и харзы, и лисы, и гиены, и росوماхи. Небольшая германская косуля, например, весьма слаба даже перед лисой. Около половины погибших (молодняк в основном) — ее жертвы. Но остальные (больше половины) падают от болезней, причиненных паразитами (в основном носоглоточным оводом). И невольно возникает сомнение: вполне ли здоровы были те из меньшей «почти половины», в гибели которых обвиняют лисиц?

Росомаха рискует гоняться за стельной лосихой и иногда достигает цели: лосиха abortирует, и охотнице достается плод. Но случается такое редко. Следует ли причислить беркута и филина к гордому племени охотников на оленей лишь за то, что в их гнездах находили кое-какие остатки оленей?

Это у нас в руках ружье — «зауэр», «тулка», «ижевка», «винчестер», «маузер». Мы главные губители оленей.

Впрочем, ружья недавно стали главенствующим компонентом «королевской» охоты. Карл IX, например, охотился на оленей с собаками и кинжалом. Такая охота, любимая в прошлом, была именно той спортивной охотой, о которой теперь столько говорят. Много оленей брали другими способами. Устраивали многоверстные загоны, рыли ямы, ставили на звериных тропах самострелы, капканы, ловили сетями. Кабаргу снимали со скал, куда она, спасаясь, залезала «на отстой», длинным шестом с петлей на конце. Во время кочевок на переправах через реки гудела весельем человеческая охотничья забава — «поколка на плавях» — били столько оленей, что об утонувших даже не жалели. На зиму готовили тонны мяса: не то что самим, а и собакам съесть не под силу. На Амуре на переправах через лед каждый мало-мальский охотник убивал по 50—100 косуль за сезон, а умножьте полтора-два пуда на сто...

Огнестрельное оружие облегчило охоту. Скрады, подходы, выслеживания — все приносит успех, когда ружье в руках.

К дикому северному оленю подбираются, прячась за домашних или толкая перед собой белый щиток. Если нужно, чтобы олень подошел сам, привязывают одного или нескольких «манчиков» (домашних оленей), и осторожный дикарь, повинаясь стадному инстинкту, приближается — только верхней стреляй, чтобы не испортить шкуру на своей же собственности!

Самок косуль и кабарог подзывают «на пик»: подражают голосу косуленка и кабаржонка. Когда гон улося, самца подманивают «на вабу», подражая реву другого самца. Лось идет на зов соперника и слишком поздно убеждается, что «соперник» ему не по рогам. Такую охоту почему-то называют чисто спортивной, но я думаю, что это просто убийство из-за угла.

ПЛАТА ЗА СМЕРТЬ

Осторожность, ловкость и быстрота не спасают. Безвременной смерти олень может противопоставить только жизнь. В осеннюю пору звучит сигнал ее продолжения:

— Ёох-ёох-ёох, — сдавленные отрывистые вздохи, и вдруг, словно прорвав застоявшуюся в горле хрипоту, далеко несется трубный протяжный крик: — О-а-ууу!..

Призыв самке. Угроза сопернику.

Гон. Торжественное и безудержное проявление

страстей в природе. Его время в разных странах и у разных оленей неодинаково, но, как правило, сходится в одном: гон происходит в ту пору осени, когда до весеннего тепла остается срок, равный беременности.

Самка половозрела в полтора-два года. Самец — тоже. Но если самка сразу же признается полноправной, то самцы не допускаются к гону до трех, а иногда и до шести лет. Старый самец не даст им и близко подойти к самкам, и, наверное, правильно делает, потому что они еще не показали себя достойными продолжать род и вдруг окажутся от природы неполноценными, слабыми.

Матеря, молодой с каждой осенью все настойчивей заявляет о своих правах. Выбрав место, откуда его хорошо слышно, ревет, призывая самок и выражая готовность тотчас за них сразиться. Ломает сучья, трется рогами и шкурой о деревья, роет копытами землю и валяется в грязи.

Видя, что рев его напрасен, претендент устремляется на розыски. Ищут олени преимущественно нюхом. Осторожность забыта, и так злы, что могут напасть на человека. Свиреп тогда и самец кроткой козули: носом вниз он рыщет в поисках самок многие версты, бодает кусты и деревья и тут любого из нас может боднуть.

Представьте двух маралов: нагнувши головы (а на головах-то у них от 7 до 20 килограммов рогов!), выпучив налитые кровью глаза, не признавая никаких препятствий, они сближаются, и, если силы равны, ни один не свернет. Бывает, сцепившиеся рогами бойцы не могут разойтись и медленно умирают от голода. Бывает, но редко.

Сила старого оленя сохраняет жизнь другим самцам. Убедившись в несокрушимости этой силы, они держатся подальше, а исход несмелых (с их стороны) столкновений чаще ограничивается небольшими ранами и небольшой поломкой рогов.

Козел гуран (так в Сибири называют самцов козули) обычно долго и злобно преследует одну самку. Он бьет ее рогами, и иной раз до смерти. Она боится своего кавалера и, удирая, не раз обежит вокруг дерева или куста. В результате на месте гона образуется сильно выбитая круговая тропа — «точка».

Похожи повадки и у кабарог. Самец сутками по самым недоступным местам, распространяя запах мускуса, гонится за своей возлюбленной, и напрасно она пытается затаиться где-нибудь или забраться повыше — преследователь неутомим.

Безгаремные самцы, чуть отдохнув, вновь рыщут в поисках. А тем, у кого гарем, и вообще не до отдыха: вокруг бегают, «рехкая», соперники. «Паша» в конце концов сам на себя не похож: с набухшей шеей,

с взлохмаченной шерстью, с пеной на морде и баках. Он в непрерывном лихорадочном движении. Ничего не ест, лишь пьет — откуда силы берутся для любовного марафона?

Гон обычно прекращается с наступлением холодов. Три-четыре недели напряжения дорого стоят самцам: 17, 20, 25 процентов веса потеряны, иной раз олени просто с ног валяются от усталости и истощения, а впереди зима. Впереди бескормица, глубокий снег, мороз, может быть, пятидесятиградусный. Хищные звери и голод вступают в свои права, а они умеют распоряжаться! Вот почему соотношение полов у оленей далеко не равное. Лишь у лося, в некоторых ареалах склонного к моногамии, оно с натяжкой 1:1. А у других оленей самок в несколько раз больше, чем самцов, и это как правило.

Почувствовав, что скоро станет матерью, самка ведет себя осторожно: без надобности не побежит и на высоту зря не ползет. На горных пастбищах всегда заметно, что самки держатся несколько ниже самцов. Такие любительницы попрыгать, как косуля и кабарга, слишком резво прыгать теперь опасаются: а ну как случится что? На пастбищах ищут и находят травы, в которых много витаминов (это экспериментально проверено!). И вот примерно в мае в укромном месте (и желательно, чтобы вода была поблизости) появляется на свет новорожденный. У лосихи он весит до 16 килограммов, у пятнистой оленухи — 7, у косули... просто страх говорить: заморыш — килограмм всего! Но эта косуля молоденькая, ей простительно; зато пожилая соседка трех косулят принесла. И удивляться все равно нечему: близнецы у косуль — обычное дело. Вот у благородных оленей — редкость.

Кабаржата и косулята, спрятанные в чащах, вроде как не рады новому положению: трясутся — то ли от страха, то ли от холода. Беспомощны, смотреть жалко. Чтобы их кормить, мамашам даже приходится опускаться на колени.

Зато лосенок через 10—15 минут уже на ногах. На второй день он — приличный пешеход, на пятый — чтобы его догнать, надо быть рекордсменом по бегу, а на десятый он уже и от родительницы своей не отстанет.

«Пыжик» в первый день едва-едва стоит на мягких еще копытцах. Но уже через неделю способен переплыть такую реку, в которую мы с вами и вообще не полезли бы купаться.

Но, конечно, разговор о мужественности и силе новорожденных оленят не может быть серьезным, потому что на самом деле комочек жизни (пусть даже и в пуд весом) первые дни в весьма трудном и

опасном положении. Ведь, в сущности, он беззащитный.

Косуля и кабарга (и мунтжак-самка), заметив врага, рискуя жизнью, отваживаются на опасную хитрость: притворяются немощными и больными и увлекают за собой погоню, отводя ложным маневром от малыша.

Но самая надежная защита олененка — умение прятаться. Он замирает, распластавшись, и терпение его феноменально. Он и не дышит почти, и хищнику, даже вооруженному хорошим нюхом, найти его не легко.

Пятна на шкуре — адаптивный камуфляж олененка. Ведь ювенильный наряд почти всех оленей пятнист. Лишь теленок лосихи и, как правило, «пыжик» без пятен.

Дети, пока на одном молоке, растут медленно, хотя оно и жирное, как сливки. Но вот, глядя на мать, попробовал олененок вкусного кипрея. По случаю не миновавшей еще весны повсюду много цветов — отдал и им должное. Гриб-подосиновик поторопился высунуть красную свою голову — просто тает во рту! Ветки молодых деревьев, в особенности осины, тоже вкусные. Важенка показала сыну самое что ни на есть замечательное: ягель. Пятнистая оленуха повела свое чадо в дубраву, и там они нашли множество желудей.

И весь этот мир оказался чудо как съедобен! 200—300 (местами до 400) видов растений поедают олени, причем иногда и ядовитых. Пострел, например, домашнему скоту противопоказан, а для оленя съедобен. Любят они и водоросли. На берегах морей собирают выброшенные прибоем водоросли и, случается, лезут за ними и в воду. Лось, заметили американские зоологи, ныряет за пищей в озеро на пятиметровую глубину.

На подножном корму дитя-олень растет буквально не по дням, а по часам. (Лосенок прибавляет в день по два килограмма — вот темп!)

Когда олененок немного окрепнет, он неотлучно идет за матерью, повторяя все ее движения, что в общем-то и есть учеба жизни. Мать ест — и он ест, мать насторожилась, услышав крик кого-нибудь из лесных «сторожей» (сойки, сороки, каркера или лангура), — замер и олененок. Мать побежала — он рядом. Тропинки к водопою, хорошие пастбища, крепки, где можно спрятаться от врагов, — словом, все, что было достоянием опыта матери, день за днем передается и малышу. А отец-олень? Он в этих делах не участвует. Впрочем, возможно, это не совсем верно, потому что «на пик» (когда охотник подражает крику олененка) под выстрел иногда выходит большой рога-

тый олень. Какое чувство его может вести, кроме родительского?

У видов, более или менее приверженных к коллективности, самки с оленятами сбиваются в стада (самцы ходят отдельно). Ну, а раз дети собрались вместе, значит, должны быть и игры!

А рога? Рожки... Не скоро увенчают они молодого оленя. У лосенка только месяцев через пять набухнут на голове «шишки». Но лишь на втором году, весной, прорастают из них «шилья» или «спички» — рога самые элементарные, просто детские. К концу лета они твердеют, и оленята получают право именоваться «шилниками» или «спичаками». Но нет правил без исключений: у «пыжика» северного оленя к концу второй недели жизни уже маленькие рожки на голове!

Рога у оленя — признак силы, мужества, успеха. У истощенного самца они к гону еще не твердые, и какой из него боец? А у слишком дряхлого деградируют вплоть до превращения в нелепую костистую массу, свисающую на глаза.

У оленьих предков рогов не было. Были длинные клыки: направление их роста эволюция словно бы изменила на противоположное, и вот выросло нечто твердое и боеспособное из лба. Чем меньше от поколения к поколению становился клык, тем больше вырастали рога. И теперь, стоит нам взглянуть на оленя, мы сразу можем определить степень его эволюционной «молодости». Для этого нужно лишь сопоставить размеры рогов и клыков. У мунтжака (да и у косули тоже) клыки порядочные, а рога не очень. У лося и северного оленя клыки едва намечены (попросту говоря, рудиментарны), а рога большие. Значит, как живая модель мунтжак архаичен, а лось — современен.

Рога растут весной по сантиметру в сутки (немного больше, немного меньше), растут несколько месяцев. Вначале мягкие, насыщенные кровью, покрытые шерстью бугры, весьма чувствительные к укусам комаров, и изуродовать их, задев за твердое, очень легко. Трудное для рогоносцев время! В одной художественной книжке, которая недавно попала мне в руки, автор живописал... весенние бои самцов-косуль. Вероятно, косуль с котами спутал, те действительно дерутся весной, а оленям в эту пору не до драк: они держатся подальше от возможных эксцессов. У косуль, в частности, гон и бои с середины июля и весь август, а потом, второй раз, в ноябре (в иных местах и в сентябре — октябре).

За лето рога твердеют, и олень трется ими о стволы, чтобы сбросить кожу (у косули в мае они уже без кожи). Но гон прошел, лось, косуля и северный олень сбрасывают (вполне еще приличные!) рога и до весны ходят безрогие или с молодыми растущими рогами (косули). Но самки северных оленей теряют рога лишь после отела, в мае. Благородные и пятнистые олени — ранней весной, примерно в апреле. Аксис, житель Индии, расстается с рогами в любое время года. А олень Давида — дважды в году. Так что у всех по-разному.

ОЛЕНЬ ДОЛЖЕН ЖИТЬ!

Жизнь оленя — непрерывное преодоление трудностей.

Помните грозу? Молнии одна за другой рвались с неба на землю, словно пытаясь ее расколоть. Гром грохотал.

На нас, под крышей, как говорится, не капало.

Но подумайте о косулях с малышами. Они сбились под большим деревом. Адский грохот, и животные испуганно вылетают под дождь, несутся напролом неизвестно куда. Еще удар, и они поворачивают, в панике натываясь на кусты. Случается, что обезумевшие от страха гибнут. А оставшие от матерей и тем обреченные малыши?

Северный олень на диво приспособлен к суровым зимам. Но холода на Севере бывают такие, что мех против них бессилен. И гибнут олени.

Глубокий снег помогает от холода: лось и северный олень дают себя засыпать и лежат под его спасительным прикрытием. Но снег жестокий враг, если слой его велик. Ни пропитания не достать, ни убежать, когда надо. Критическая высота сугробов для косуль — 40 сантиметров, для северных оленей и марала — 70, пятнистому оленю снег глубиной в 60 сантиметров — серьезная угроза.

К климатическим и погодным неприятностям прибавить надо еще напасти, именуемые общим словом «гнус». Комары в кровь поколют растущие под кожей рога. Мошка набивается в шерсть, выискивая доступные для укусов места. Слепни, оленья кровососка, мокрец, власоед — это далеко не полный список «мелких», но страшных невзгод, донимающих зверя. До дыр портят шкуру. Носоглоточный овод в ноздрях и во рту откладывает личинки, которые затем, проникнув в мозг, убивают оленя.

И все-таки жив курилка!

Лось в жару, погрузившись в бочажок где-нибудь на болоте, держит нос над самой водой, раскидывая дыханием брызги, через которые оводу не пробраться. Северные олени бегают взад-вперед по тропам, и гнус, тучами вьющийся над ними, отстает. Утомительно, но что же делать? Поднимаются на высоты, обдуваемые ветром. Пасутся возле снежников, где комарам холодно.купаются, чтобы смыть с себя насекомых.

Ведут по возможности разумный образ жизни.

В жару никто не пасется. В холод и бескормицу стараются больше лежать, чтобы зря энергию не расходовать. Когда не жарко и не холодно, пасутся почти круглые сутки с перерывами через 2—3 часа. Но для большинства все-таки сумерки привычнее и желаннее.

Кабарга на день прячется где-нибудь возле осы-

пей, угрожающих неприятностями всем, кто ее тут захочет искать. Косуля спит обычно днем и, утомившись, спит очень крепко. Благородные олени тоже порой крепко спят, и иногда... стоя. Лось в жару выбирает для лежки сырое место и, когда оно под ним нагреется, переходит на другое.

При такой судьбе неплохо быть жвачным. На утреннем холодке нахватался травки или там еще чего и — в укрытие. Залег и пережевывай, что второпях съел.

Все это происходит на определенной, обитаемой территории, которую олени без нужды не покидают. Конечно, размеры ее разные, да и разное число оленей на ней проживает. В тундре площади большие, и держатся там олени стадами. Склонный к оседлости лось устраивается где-нибудь в путанице стариц, в молодом сосняке на верховом болоте. Кабарге положен участок в 200—300 гектаров. Его можно узнать по своеобразным «уборным»: аккуратистка, ходит за нуждой в одно и то же место (как гуанако, бегемот и носорог!).

Границы владений обычно «маркируются» запахами особых желез. Делают задиры на деревьях, поливают на границе мочу, что означает недвусмысленное заявление всем и вся, чтобы тут никакого гостеприимства не ждали. Злые косули особенно щепетильны: требуют от нарушителей сатисфакции. Лось — добряк и терпит посетителей спокойно, лишь лосиха в первое время после отела не выносит соседей.

Но есть у оленьего семейства и места, так сказать, общественного пользования. Не говоря уже о тропях, по которым ходят все, у кого в этом необходимость, и водопоях, где встречи самые разнообразные и неожиданные. Есть места особого назначения — солончаки.

Превращение всеядных археомериксов в оленьи-диетиков удалось не без некоторого ущерба: в растениях не хватает натриевых солей. Именно по этой причине все травоядные неудержимо стремятся на солончаки. Если таковой есть поблизости, на него наведываются по нескольку раз в день, но если путь дальний, до 10—15 километров, олени остаются на солончаках подолгу.

Забавную картину субординации внутри оленьего семейства можно наблюдать на солончаках. Представьте: на несколько десятков гектаров прекрасной местности солончак (или солонец) один. И на нем два матерых лосей. Пришли благородные олени. Увидев лосей, в нерешительности остановятся. Будут томиться в сторонке, ожидая, когда лоси уйдут. Те, конечно, не торопятся «насолиться» и даже не снисходят до внимания к пришедшим. Но вот лоси

ушли, олени заняли место, и тут приближается небольшое стадо косуль. Вся сцена повторится вновь, теперь уже с новыми участниками.

Соляной голод — жестокий голод. Он гонит оленей из надежно укрытых мест на берега морей пить невкусную морскую воду, заставляет выискивать гари с остатками золы, наледи с едва приметной примесью солей, минеральные источники.

Лось втягивает в себя жидкую солоноватую грязь болот, иногда по целому часу без роздыха — велики в ней процент соли! — и после запивает такое лекарство чистой водой. Северный олень, у которого долгую зиму рацион очень скудный, а вместо воды — снег без всяких соляных примесей (замороженный дистиллят!), вынужден поедать леммингов, птенцов, яйца, рыбу (а как ее поймаешь?), мышей, глотать сброшенные рога. Важенка иногда даже обкусывает рожки у олененка.

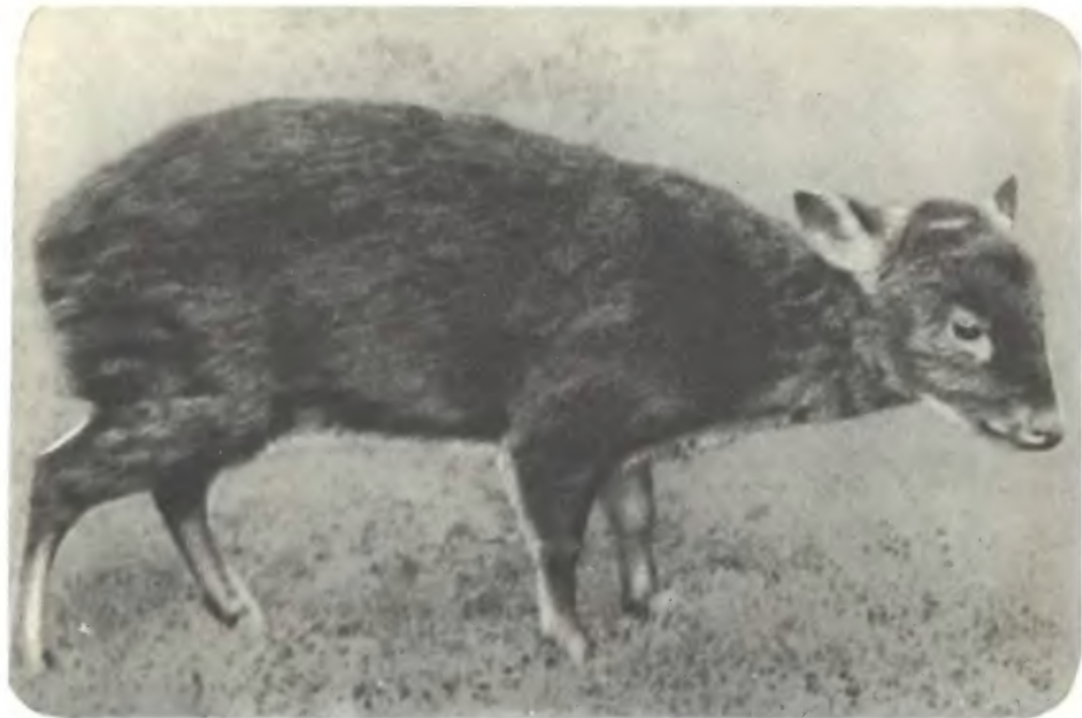
Жизнь животных взаимосвязана. Куропатка боится суетится возле ног копающего в глубоком снегу северного оленя, и это помогает добраться до земли, где и ей есть что поклевать. Благородный олень ходит кормиться тонкими ветками к плотинам бобров, и те это терпят. Лось позволяет вороне выбирать со своей спины линяющую шерсть для гнезда. Это избавляет его от излишнего чесания о деревья.

Оленья ноги кормят. Они не умеют хватать, рвать, но способны преодолевать расстояния. Кто в горах, у того два боковых пальца (паноготки) растут высоко и земли не касаются: так удобнее ходить по горным склонам. Кому приходится иметь дело со снегом и болотами, у того копыта широко раздвигаются, а паноготки приближены к основным копытам — служат дополнительной опорой. У северных оленей, для которых снег и расстояния уготованы самые изрядные, под копытом еще и подушечка из жестких волос.

Бухарский олень может прокормиться в любое время года на территории небольшой, уходить недалеко его заставляют лишь паводки. Мунтжаки тоже не стремятся в дальние путешествия. Кочевки кабарги ограничены обычно пятью километрами.

При первых снегопадах стада северных оленей начинают поход под защиту гор и лесов. Из тундры — в тайгу, с севера — на юг. Идут проторенными за века путями. Поднимаются в высокогорья, где меньше снега. (Кавказские олени, наоборот, спускаются с гор, где похолодней, в долины.)

Идут в погоне за летом. Скорость такая же, как и у надвигающейся зимы. Месяц-два длится переход, если зима не торопится, а бывает, что за сутки проходят больше сотни верст. В Арктике и Субарктике

Пуду — самые крохотные из оленей, меньше их только некоторые оленьки.

Пуду два вида: один обитает в Боливии и Чили, второй — в Эквадоре.

Рост эквадорского пуду не больше 35 сантиметров.

осенний поход их 500—750 километров, но чем южнее, тем миграции короче. В пути стараются держаться против ветра (чтобы вовремя почуять запахи опасности). Если вдруг оттепель, то день уходит на отдых и кормежку, а идти приходится ночью, когда снег замерзнет коркой.

Весной направляются обратно, лишь только почуют начало тепла. Самки неудержимо стремятся к местам отела, самцы следуют неторопливо сзади. Но не только зима бывает причиной миграции. В 1951 году в засуху из Беловежской Пуши ушли в Польшу косули.

Олени приносят вред! Они обламывают вершины молодых деревьев, ветви, сдирают со стволов кору. Они не прочь отведать продукцию сельского хозяйства.

Лоси уродуют посадки сосен.

Косули грызут осину, и от этого в ней возникает сердцевидная гниль.

Если зверей слишком много, поправа не возмещается ростом деревьев.

Но тысяча гектаров может безо всякого ущерба для своей флоры прокормить 10 благородных оленей. На одном гектаре тундры не во вред никому может

прожить один северный олень. Поэтому человеку нет никакого смысла оставаться на Земле одиноким. Поэтому меры приняты. Почти все виды охоты, описанные выше, запрещены. Охотничьи хозяйства служат не для истребления, а для сохранения зверей. В парках, лесопарках и других местах культурного ландшафта оленям созданы условия для размножения и жизни.

И вот некоторые результаты.

В РСФСР в двадцатые годы лосей осталось немного — наверное, лишь несколько тысяч. Теперь их в СССР более шестисот тысяч. В Швеции — 120 000, в Канаде — 300 000. В Швеции, чтобы не было ущерба лесу, добывается ежегодно более 20 тысяч голов.

В 1929 году в РСФСР средняя плотность популяции косуль в местах обитания составляла 0,67 головы на тысячу гектаров. Теперь в некоторых районах на такой же площади — 50 косуль! Вред, который они наносят осинам, компенсируется их собственной ценностью.

Других цифр приводить не буду. Они менее успокоительны. Но эти обнадеживают: олени будут жить!

САМОЕ ДЛИННОШЕЕ ЖИВОТНОЕ

В апреле 1901 года лондонская «Таймс» об одной зоологической сенсации писала примерно так: «В Конго живет хелладотериум».

Хелладотериумы и близкие к ним звери когда-то обитали в Европе, а в Африке — от Ливии до Трансвааля — еще совсем недавно, если судить по наскальным рисункам. Это были «жирафы», но с шеями не очень длинными. Жили и все вымерли...

И вот «Таймс» оповестила мир, что вымерли не все: губернатор Уганды Джонстон прислал зоологам в Лондон шкуру и два черепа хелладотериума. Шкуру и черепа внимательно изучили: оказалось, не хелладотериум, но зверь, близкий к нему. Назвали его «окапи».

Пигмеи бамбути в лесах Северо-Восточного Конго веками кормились мясом этого, по-ихнему, «о'апи» и одевались в его шкуры. Впрочем, последнее неточно сказано: в тропиках шкуры на одежды не нужны, там и так жарко, но красивые пояса из шкур окапи пигмеи носят. Цветом окапи буро-шоколадный, а на ногах у него поперечные белые полосы очень прихотливого рисунка. У каждого зверя свой индивидуальный их порядок, и бывает, что на обеих сторонах тела полосатый рисунок не одинаков.

*Окапи довольно
обычен в густых лесах
Восточного Конго, но
открыли его только
в 1900 году.*

Большие, настоящие жирафы живут в местах более или менее открытых, в саваннах, где акации, баобабы и другие деревья растут не густо. А окапи предпочли леса тропические, непроходимые. Не стадами, а в одиночку бродят они в чаще листвы и лиан, но всегда недалеко от воды — лесных рек и проток. Воду любят, по утрам обычно купаются: с разбегу прыгают в реку. Потом на берегу долго лижут и массируют свою лоснящуюся шкуру. Язык у окапи почти в полметра длиной и шея не короткая, поэтому, занимаясь туалетом, зверь может дотянуться языком до любого места своего тела.

Языком же рвут с веток листья. Растения, которые окапи предпочитают всем другим (эвфорбиации), довольно ядовиты, но, видно, их яд зверю не опасен. Вокальные способности у окапи, как и у жирафа, невелики: фыркают, когда сердятся, и глухо кричат, а крик похож на кашель с хрипловатым свистом. Детеныш, которого мать первые дни прячет в зарослях, когда ее увидит, негромко мычит. Чужих детей самки окапи

усыновляют охотно. В неволе эти звери быстро при-
выкают к людям, смирны, послушны, и их так же
спокойно можно чистить щеткой, как лошадь. Пер-
вый окапи своим странным видом развлекал публи-
ку в Антверпенском зоопарке еще в 1919 году. Сей-
час они живут во многих зоопарках Европы и Аме-
рики.

Рога — вернее, небольшие рожки — только у самцов окапи.
У самок лишь маленькие бугорки под кожей на лбу. У самцов,
впрочем, рога тоже почти полностью покрыты кожей, но самые
их кончики обнажены. По мере того как они снашиваются, на-
растают новые.

У больших настоящих жираф рога (у самок и самцов)
сплошь одеты кожей и шерстью. Их обычно два, но бывает и
три. У масайской жирафы два рога на своем месте, а третий,
небольшой, — посередине перед ними. В Уганде у старых жи-
раф нередко пять рогов! (В современном мире это рекорд.) Три
рога, как у масайской жирафы, и еще пара небольших перед
третьим рогом.

Нужно ли говорить, что жирафа (или жираф, как
вам будет угодно) — самое длинношеее животное на
планете? (Позвонков в ее длинной шее, однако, толь-
ко семь, как у всех млекопитающих.) Жирафа и самое
высокое животное на Земле. Старые самцы способ-
ны вознести голову на пять метров восемьдесят
сантиметров! Обозревая окрестности с высоты свое-
го превосходного роста, жирафа далеко видит вра-
гов. Поэтому зебры, страусы, антилопы любят дер-
жаться поближе к таким наблюдательным «вышкам».
Только голодные львы и люди опасны жирафам, дру-
гих врагов у них нет. Львов, защищаясь, бьют они
копытами задних ног. Удар очень силен: весит жи-
рафа тонну! Между собой жирафы, когда дерутся,
никогда не лягаются, а бодаются или же бьют друг
друга длинными шеями, раскачив их. Это потрясающее
зрелище, стоит его посмотреть (хотя бы в фильме
«Барабаны судьбы»). В зоопарках, если жирафа не-
взлюбила сторожа, может его и лягнуть, а это смер-
тельно опасно. Если же к нему благоволят, но чем-то
он ей не угодил, то бодает.

Жирафы, как и все на земле, тоже спят. И спят
лежа. Тут возникает интересный вопрос: куда девает
жирафа свою длинную шею, когда спит?

Сейчас армии многих стран вооружены хитрыми
приборами, испускающими инфракрасные лучи. С их
помощью в темноте можно видеть, как днем. Зооло-
ги с такими приборами подкрались ночью в Афри-
ке к стаду жираф, чтобы посмотреть, что делают
они, когда засыпают, со своими нескладными
шеями.

Оказывается, «нескладные» шеи отлично склады-

Невероятно длинную шею жирафы поддерживают только семь позвонков, как почти у всех зверей.

ваются: изогнув их дугой жирафы кладут голову назад за свой круп, упирая морду в него (молодые) или в землю за ним (старые жирафы). Но некоторые вытягивают шею прямо в небо, как каланчу, и так дремлют. Особое устройство шейных костей и мышц позволяет им держать ее над собой без особого напряжения.

Жирафы, как известно, пятнисты, но попадаются и чисто белые! Белая жирафа в саванне — зрелище, говорят, фантастическое, неземное, волнующее.

Про жираф иногда рассказывают (даже печатно!), будто они вовсе не пьют и совсем немые. Но нет, пьют жирафы, и голос у них есть, хотя и редко приходится его слышать, он негромкий, свистящее какое-то ворчание.

У полорогих и самцы и самки (за редкими исключениями) носят по паре, а то и по две пары рогов. То, что рога у них полые, то есть пустые внутри, вроде бы не должно вызывать сомнений, и, однако, это не совсем так: рога как бы «насажены» на стержни, выпирающие из лобной кости.

Форма и размер? Тут, как говорили в старину писатели, «перо выпадает из рук». Бугорчатые, складчатые, граненые, гладкие, витые, баранкой скрученные, просто прямые — в общем, всякие. Длина и ширина тоже различные: от миниатюрных шпилек до огромных рапир. Обхват рогов аргали у основания, например, около 50 сантиметров.

Рога полорогих растут всю жизнь, но никогда не ветвятся. Они состоят из вещества эпидермического происхождения, прекрасного материала для изготовления клея (китайцы, как водится, делают и из них лекарства). Сильно цивилизованные охотники (например, те, что оскудили фауну Африки) применяют полые рога для... Ну, на этот вопрос ответил одному африканцу Э. Хемингуэй: «Скажите ему, что по обычаям нашего племени мы дарим рога самым богатым друзьям. Еще скажите, что это очень волнующее событие и порой за некоторыми нашими соплеменниками гоняются люди с незаряженными пистолетами».

Полорогих животных некоторые зоологи называют «рогатыми». Рога — у всех. Рога всякие: прямые и острые метровые штыки; изогнутые, как сабли, извитые штопором; скрученные в «бараний рог»; маленькие, как шпильки, — разнообразие великое. Рога у самок и самцов, реже только у самцов. Одни рождаются с зачатками рогов, многие комолы при рождении.

А зачем нужны рога? Казалось бы, праздный вопрос: для обороны и нападения. Всегда так думали. Но в последнее время появились сомнения.

Если для обороны, то почему у самок, которым в таком случае рога больше всего и нужны, часто их совсем нет или они небольшие? Прежде само собой разумелось, что самок с детенышами защищают сильные и рогатые самцы. Но самцы многих полорогих и не думают защищать своих самок и детей. Если хищник силен и драться бесполезно, обычно они удирают первыми. Но даже если хищник невелик и рога могли бы пригодиться, чтобы отогнать его, замечали даже такие на первый взгляд странные вещи: самец бросается не на помощь самке, а на нее! Когда, например, самке газели Томсона случится ранить и прогнать шакала от своего детеныша и она кинется в погоню за хищником, самец тут же бросается за ней и заставляет повернуть обратно. Зачем? Да потому, что боится, как бы она не убежала из его гарема. Этот собственнический — точнее, сексуальный —

инстинкт и подавляет у самца инстинкт заботы о потомстве.

Так поступают не все, но многие. Правда, у овцебыков и американских снежных коз при угрозе волчьего нападения самцы всегда объединяют свои усилия для отражения хищников. Крупные быки, буйволы например, не пасуют и перед львами. Это верно. Но вот что интересно: и у буйолов, и у овцебыков, и у снежных коз, то есть у тех, кто наиболее активно действует рогами, они совсем не лучшего устройства. Либо малы, как у снежной козы, либо слишком изогнуты. А здесь были бы нужны прямые, острые, как шпаги.

Но, может быть, рога необходимы для борьбы с сородичами за самок и территорию? Действительно, самцы газелей, например, и многих других полорогих раз десять на день бодаются друг с другом. Но рогами пользуются с большой осторожностью, не для нанесения увечий, а для противоборства ритуального. Конечно, бывает, и нередко, когда наносятся смертельные раны ударом в бок, в самое незащищенное место. Но это скорее исключение. Обычно самцы перед борьбой по правилам, которые эволюция заложила в их инстинкты, встают в определенную позу: голова к голове. Тут удары наносятся рогами плашмя. Такое фехтование, лучшего слова и не надо, в обычае у антилоп. При этом некоторые даже встают на колени (чальные антилопы и нильгау) и, напрягая силы, стараются оттолкнуть или повалить противника. Чальные антилопы упираются в этой силовой борьбе серединой изогнутых назад рогов, а нильгау — лбами. Нильгау, переплетая шеи, пытаются повалить соперника. И все это стоя на коленях!

Кстати, борьба шеями — одна из первоначальных ритуальных форм. Так же, как и укусы. В ходе эволюции у многих видов она была заменена фехтованием и противоборством сцепленными рогами. Интересно, что у самок и детенышей, у которых рогов нет или они небольшие, как своеобразный атавизм сохранилась более древняя ритуальная тактика борьбы: укусы, удары ногой, обхват шеей, удар лбом в бок.

Именно безрогие самки бьют чаще не в лоб, а в бок. Самцы почти никогда: иначе бы они в первых же стычках перебили друг друга. Ритуальные правила борьбы (конечно, не сознательно соблюдаемые, а инстинктивные), выработанные за миллионы лет эволюции, призваны уберечь бойцов от тяжелых увечий и гибели в стычках. Это замечательно!

Дуэли баранов на первый взгляд довольно опасны: они разбегаются и с треском сшибаются лбами.

Но это развлечение они могут себе позволить, потому что и рога, и шеи, и лобные кости у них прочные и хорошо выдерживают такие удары. Но вот лбы козлов для тарана не годятся. Они дерутся, ударяя рогами по рогам сверху, и поэтому перед ударом встают на задние ноги. Нельзя держать козла в одной вольере с бараном. Козел заносчив, плохо рассчитывает свои силы, а у барана бронированный череп. И если баран, разбежавшись, ударит козла прямо в лоб, то может убить, сломать ему шею или пробить череп.

Помимо определенных правил борьбы, ограничивающих увечья, у всех животных и у полорогих тоже есть особые позы подчинения и умиротворения, которые позволяют слабому избежать драки. У газелей Томсона — лежащая, с вытянутой по земле шеей. У некоторых — падение на колени. Поэтому бык на арене замирает и не кидается на матадора, когда тот, стоя на коленях у самой морды быка, продлевает свои трюки. Здоровые инстинкты животного парализуют его агрессивность, а человек со шпагой, нарушая мораль природы, поступает в данном случае как садист: продолжение ведь всем хорошо известно.

Вот о рогах пока все. Теперь о тех, кто их носит на голове.

Это обширное семейство. Все в нем жвачные, все парнокопытные: 128 видов. Их делят по-разному и на разное число подсемейств. Возьмем для примера подразделение, пожалуй, наименее сложное:

1. Бычьи: 13 диких и одомашненных видов быков (буйволы, зебу, гаур, гайал, коупрей, бизон, зубр, як и пр.); 9 видов африканских винторогих антилоп (куду, ньяла, ситатунга, канна, бонго и др.) и 2 вида азиатских антилоп (нильгау и четырехрогая).

2. Дукеры: самые мелкие из антилоп, 17 видов, все африканские.

3. Лошадиные антилопы: водяные козлы, ридбоки, ориксы, бейзы, саблерогие и лошадиные антилопы, коровьи антилопы (топи, конгони, гну) — 24 вида, все африканские, кроме арабского орикса, почти истребленного.

4. Газели: импалы, дик-дики, ориби, бейры, геренук (жирафовая газель), газель Томсона, джейран, дзерен — 37 преимущественно африканских и частично азиатских видов.

5. Козлиные: козы, бараны, серны, горалы, сайгаки, тапины, мускусные быки — 26 в основном азиатских, европейских, частично североамериканских и африканских видов.

*Африканский, или
кафрский, буйвол
для охотника в
Африке самый опасный
зверь.
Он нередко нападает
сам, не ожидая
выстрела.*

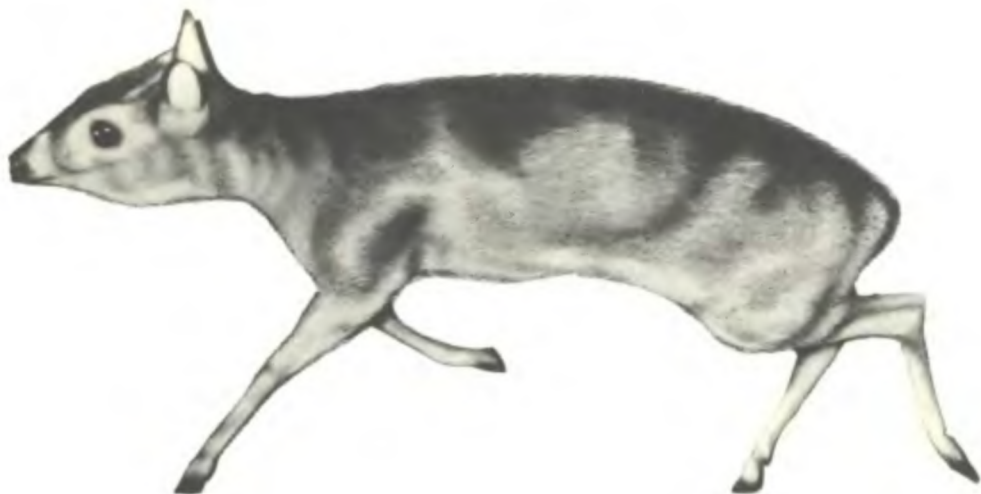
В Южной Америке — диких полорогих нет, так же как и в Австралии.

Итак, о быках. Но прежде чем начать, немного отвлечемся для одного необходимого уточнения. Оно касается слова «антилопа», которое скорее литературное и обиходное, чем зоологическое в строгом научном значении. В общем, антилопами обычно называют таких полорогих, которые не быки, не бараны и не козлы. Среднего роста антилопы именуются еще газелями, а самые маленькие — дукерами.

*Большие куду обитают
в Африке — от
Эфиопии до Анголы и
реки Замбези на юге.
Малый куду
встречается только
в Сомали и на востоке
Африки.*

Королевская, или карликовая, антилопа — самая крохотная из антилоп: рост лишь 25—30 сантиметров.

Прыжки ее великолепны — почти три метра в длину. Обитают королевские антилопы в Западной Африке (Либерия, Нигерия). Второй, несколько более крупный вид — в Нигерии и Камеруне.

«Зверь подобен есть коню, страшен и непобедим, промеж ушью имать рог велик, тело его медяно, в розе имать всю силу. Подружия себе не имать, живет 532 лета. И егда скидает свой рог вскрай моря и от него возрастает червь; а от того бывает зверь единорог. А старый зверь бывает без рога не силен, сиротеет и умирает».

Так русские азбуковники рассказывали об единороге, слишком вообще-то «литературно» рассказывали, ведь прообразом единорога, как выясняется, был... бык.

Археологи, производя раскопки на месте древних городов Среднего Востока, нашли ассирийские и вавилонские барельефы и письма, из которых выяснилось, что древнееврейское слово «реем», переведенное составителями греческой библии как «единорог», в действительности обозначало дикого быка тура, вполне двурогого.

Итак, тур. Ростом он (в холке) до двух метров, весом в тонну! Мастью черный, коровы и телята — рыжие. Но о цвете можно и спорить... Помните былины: «Обернула Добрыню гнедым туром», «Где ходят гнеды девять туров»... Не были же наши предки дальтониками, чтобы путать черное с рыжим! И все-таки тура принято считать черным, вернее, «был он черным», где коротенькое «был» начисто лишает нас возможности узнать истинную правду.

Ибо быков этих сейчас уже нет. Их истребили. И хотя случилось это совсем недавно, тура основательно забыли всюду. Остался он в былинах, пословицах, некоторых старинных обрядах (например, на святках наряжались туром) и в названиях мест и фамилиях: Турово, Туры, Туров лог, Турова выть, Туржец, Туров. Кантон Ури в Швейцарии, гражданином кото-

Дукеры — их, вероятно, семнадцать видов — встречаются по всей Африке к югу от Судана.

Рост в плечах у разных видов от 35 до 50 сантиметров, а вес от 5 до 65 килограммов. У всех, кроме серого дукера, у которого самки обычно безроги, оба пола носят небольшие рожки.

рого назывался Ставрогин Достоевского, тоже обязан именем дикому быку: «урус» по-латыни, «ур» по-германски — названия тура.

Но все же утверждение, что бык был черным, имеет серьезные основания. До нас дошли разные изображения тура, и лучшее из них — знаменитая аугсбургская картина. Ее нашел в лавке антиквара английский зоолог Смит. Нарисована она была в начале XVI века каким-то польским художником (и как раз около трехсот лет назад исчез с лица Земли тур). Этот, выходит дело, «посмертный» портрет (он пропал, сохранилась лишь копия, которую сделал Смит) изображал тура черным — надо думать, не ради траура.

Но, конечно, какое бы оно ни было, изображение не может служить достаточно серьезным доказатель-

Полосатый дукер.

ством, ведь художники и во все века были весьма склонны в своих работах к разным вольностям (ассирийские и вавилонские барельефы, например, на которых туры однороги, и лошадей «сдвуноживают»: у них лишь по две ноги).

Доказательство в другом. В 1921 году немецкие зоологи братья Лутц и Хейнц Хек, объехав Европу в поисках «туровидных» быков и коров (и найдя подходящих), начали замечательный эксперимент: методами обратного скрещивания они решили возродить тура.

У «восстановленных» туров все как у вымершего: черная масть, большие острые рога. А коровы и телята гнедые — значит, генетики добились самого трудного: полового и возрастного диморфизма, то есть разной окраски и внешности самок, самцов и детенышей. И наконец: «восстановленный» тур так похож на изображенного на аугсбургском рисунке, что кажется, будто и рисовали с него.

А ведь еще в прошлом веке даже некоторые серьезные натуралисты не верили, что был на Земле такой

Хохлатый дукер.

бык — тур. Все, что древние рассказывали о нем, приписывалось зубру. Даже В. И. Даль слова «тур» и «зубр» отождествляет, хотя мог бы этого и не делать, потому что к тому времени, когда он составлял свой знаменитый словарь, французский анатом и палеонтолог Жорж Кювье уже доказал, что некогда жил длиннорогий крупный бык — тур.

В историческое время туры водились по всей Европе, даже в Англии и Южной Швеции, в Северной Африке, Сирии, Палестине, Месопотамии, Турции. У нас — в Литве и Белоруссии, по всей Украине, на Дону и в Предкавказье. А на севере — вплоть до Новгорода и южного берега Ладожского озера, в нынешних Ярославской, Московской и Рязанской областях.

Давно уже нет тура, а его потомки — везде, куда только их могли занести собственные ноги, товарные вагоны, корабли и даже самолеты. Обычная наша корова и бык-производитель с железным кольцом в носу — прямые потомки того, про кого говорили: «Зверь подобен есть коню, страшен и непобедим».

*Целебесский
карликовый буйвол
аноа.
Рост в плечах не
больше метра.*

ПОУЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЗУБРА

Зубр в тура нравом не вышел, хотя ростом, силой и быстротой не уступал ему. Если тур, как рассказывают, встретив человека, не уходил с дороги, то зубр в таких ситуациях всегда пасовал: увидев двуногого, спешил скрыться.

И между собой зубры дерутся не часто. Обычно поединок начинается и кончается лишь демонстрацией силы. После первых затрещин слабый соперник предпочитает не доводить дело до крайностей и ретируется.

Держатся зубры небольшими группами: коровы, бычки и телки — по шесть-восемь голов. А быки бродят отдельно и тоже компаниями, по три-четыре быка. Только в августе — сентябре, когда приходит пора отдать дань Гименею, быки присоединяются каждый к избранному стаду, изгнав из него для начала всю молодежь своего пола.

*Зубр.
Он менее горбат, чем
бизон, и голову носит
выше.*

Телята рождаются весной и в начале лета; через час встают на ножки, а еще через полчаса бегут, спотыкаясь, за мамкой.

Питаются зубры пищей простой и здоровой: травы, ветки и листья, кора грабов, осин, пихт, елей, рябины, сосны. Подбирают на земле желуди, дикие груши, яблоки и грибы.

На заре истории европейских наций зубры обитали повсюду: на родине галлов, германцев, шведов, румын, славян. Только в Греции, Северной Испании и Англии зубров истребили уже в доисторическое время.

И вот опять это неприятное слово — «истребители»! Оно, так сказать, «не отставало» от зубров многие века. Уже царь Петр I, приказавший воронежскому вице-губернатору Колычеву поймать и прислать в Петербург пяток зубров, получил ответ: зубров на

В Африке два вида гну: голубой и белохвостый. Последний почти истреблен. Небольшие его стада находятся под охраной.

Дону последний раз видели в 1709 году. Но это был еще не конец. На Северном Кавказе и в Беловежье зубры охранялись для царских охот. К началу первой мировой войны зубров в Беловежской Пуще было 727 голов. На Кавказе — около 500 зубров.

Затем зубры стали исчезать с головокружительной быстротой. Пущу оккупировали немцы. В 1916 году зубров было там лишь около двухсот, а через год — 120, еще через два — всего... девять. До конца 1920 года дожила только одна корова. Ее пристрелил бывший лесничий Пущи Бартоломеус Шпакович. На Кавказе зубров не спасло и учреждение здесь в 1924 году государственного заповедника. В 1926 году на горе Алоусе пастухи встретили трех — вероятно, последних — зубров. И убили их.

Но уже начало работать Международное общество сохранения зубра. В его распоряжении было 56 живых зубров в парках и зоопарках пятнадцати стран, 80 чучел и 120 черепов в музеях. С этого и начали.

В первой племенной книге (в 1932 году) числилось только 30 чистокровных зубров во всем мире! Но тут решили, что самым надежным и быстрым методом спасения зубра должно стать поглотительное скрещивание с американским бизоном. Время показало: гибриды, зубробизоны, к которым от поколения к поколению приливалась кровь зубра, неотличимы от настоящих зубров.

Вторую мировую войну зубры перенесли довольно

легко. В 1947 году их было около 100, а через восемь лет — 200.

В 1940 году пять зубробизонов завезли в Кавказский заповедник (из Аскании-Нова). Через четыре года их стало тут 11, а еще через двенадцать лет — 106. Под охраной конных пастухов звери каждое лето поднимаются высоко в горы в альпийские луга, а зиму проводят в пихтовых лесах на склонах, где люди заготавливают для них сено.

С 1946 года зубров стали разводить на нашей территории Беловежской Пуши, а еще через два года — в Центральном зубровом питомнике под Серпуховом. В 1955 году они появились в Хоперском заповеднике, в 1956-м — в Мордовском.

По подсчетам Михаила Заболоцкого, который много сил отдал спасению зубра, в январе 1958 года в разных зоопарках и заповедниках Союза жило: 79 чистокровных зубров, 182 зубробизона и других зуброметисов.

Итак, плодитесь и размножайтесь!

БИЗОН — СОЮЗНИК КРАСНОКОЖИХ

Дорогой древнейших переселенцев пришли бизоны в Америку: с Чукотки на Аляску и дальше на юг. Они нашли там обширные нетронутые степи и леса. Когда здесь объявились европейцы, бизонов в Америке было столько, что даже не верится: по-видимому, шестьдесят миллионов!

Бизоны — путешественники. К зиме они брели к югу, на лето возвращались в более северные страны. Миллионными армадами переходили замерзшие реки, и лед под ними не выдерживал. Говорят, будто многие острова на Миссисипи и Миссури образовались вначале из куч бизоньих скелетов. Тропы, проложенные бизонами, использовали топографы, прокладывая маршруты железных дорог, потому что не было удобней перевалов, обходных путей вокруг озер и рек.

Но железные дороги принесли бизонам смерть. В шестидесятых годах строилась трансконтинентальная Тихоокеанская железная дорога. Отряды строителей, охотников, бродяг, авантюристов устремились в прерии. За два месяца здесь убили двести десять тысяч бизонов. И еще сто тысяч — за зиму 1877 года. «Буйвол-Билл», небезызвестный Вильям Коди, за полтора года застрелил 4280 бизонов. Другой «чемпион» убил за «рабочие» сутки 250 бизонов.

Животных, кочевавших к югу от центральной магистрали, именовали южным стадом, тех, кто к северу, — северным. Когда поезд приближался к пасущимся у полотна бизонам, машинист замедлял ход, и пассажиры начинали пальбу из всевозможного ору-

*До европейцев
в Америке жило
60 миллионов бизонов.
Сейчас их не больше
20 тысяч.*

жия. Некоторые любители-«спортсмены» даже нарочно ездили через равнины, чтобы пострелять. Поезд уходил, на съедение шакалам оставались сотни трупов. Подсчитано, что за неполных три года было убито 5 373 730 бизонов.

К началу девяностых годов прошлого века американский бизон как вольный зверь перестал существовать в США (в Канаде еще жили лесные бизоны). В наступившей тишине стал слышен крик немногих защитников: «Пощадите!» Тогда в США решили учредить законы, защищающие бизонов.

Собрались законодатели Техаса. Выступил генерал

У саблерогих и близких к ним чалых антилоп метровыми, а иногда и полутораметровыми рогами наделены и самцы и самки. Обитают эти антилопы в саваннах Африки, к югу от Сахары.

Шеридан. Охотники за бизонами, сказал он, заслужили награды. Им надо выдать медаль с изображением умиротворенного индейца: «Охотники на буйволов за несколько месяцев сделали больше для умиротворения индейцев, чем вся наша армия за тридцать лет». Ведь племена индейцев кормились бизонами.

Закон не прошел. И не только в Техасе. В конгрессе США была сильна партия, разделявшая мнение Шеридана.

В 1873 году индеец по имени Бродячий Койот поймал бычка и телочку. Он ухаживал за ними, прятал от бродяг и ретивых охотников. Через 23 года у него было стадо в 300 голов. Правительство США купило его и переселило в Йеллоустонский парк. Купили бизонов и у других людей (многие содержали их тогда на фермах и полувольных выпасах).

При Теодоре Рузвельте активную работу разверну-

*Нильгау —
самая
крупная антилопа
Индии.*

ло Общество спасения бизона. К 1910 году число бизонов увеличилось вдвое, а к 1933 году их было 4404. Сейчас двадцать тысяч, может быть, уже и больше.

«СЕРЫЙ БЫК»

Еще в начале тридцатых годов до Европы дошли слухи, что в лесах Индокитая обитает совсем не известный науке дикий бык. Мало кто верил этим рассказам. Местные же охотники могли назвать все приметы загадочного быка. Они называли его коупрей — «серый бык».

Их спрашивали:

— Этот бык — бантенг?

— Нет, мы зовем его коупрей. Это бык-великан — выше самого высокого человека, и сзади нет у него белого пятна, как у бантенга.

— Может быть, это гаур?

— Нет, не гаур. Другой бык. У гаура почти нет подгрудка, а у коупрея — большой подгрудок. Он безгорбый. У гаура горб. У гаура быки и коровы темно-бурые. Коупрей-быки — черные, а коровы — серые.

И вот в 1937 году живой коупрей попал в Европу, в Парижский зоопарк.

А все началось с того, что профессор А. Урбен, директор зоопарка в Париже, путешествуя по Индо-

китаю, увидел в доме местного ветеринара, где он остановился, великолепные бычьи рога. Но рога не буйвола, не гаура, не бантенга и не гаяла — это ему было ясно. Но тогда чьи? Его любезный хозяин, ветеринар Р. Совель, организовал охоту на этих быков. Поймали молодого серого бычка и застрелили взрослого быка. Исследовав трофей, А. Урбен решил, что «серый бык» — новый бык. Он назвал его в честь Р. Совеля.

Но на этом история «серого быка» не кончается. Молодой коупрей, привезенный в Парижский зоопарк, погиб во время второй мировой войны. В оккупационной неразберихе потеряли бесценные для науки кости и шкуру коупрея.

Но ученые теперь знали, что таинственный лесной бык не миф. На охоту за ним в горные леса Бирмы и Индокитая еще в начале войны отправились новые энтузиасты. В 1940 году в Камбодже добыли еще одного коупрея. Его кости и череп, вновь основательно изученные специалистами, хранятся теперь в Гарвардском музее сравнительной зоологии.

Коупрей выше азиатского буйвола, бантенга и других быков своей родины. Рост в холке — 1 метр 90 сантиметров. У него длинные лировидные рога и высокие, стройные ноги. Шерсть атласная, черная, а ноги от копыт до колен белые. Почему же называют его серым?

Серые только коровы и молодые бычки и телки. Один или два черных быка сопровождают обычно эту «серую компанию». Естественно, что чаще всего именно серые, а не черные животные в стаде обращают на себя внимание.

Живут коупреи в густых лесах по склонам гор Камбоджи, Лаоса и, по-видимому, других соседних стран.

В 1940 году нашли в Индокитае стада коупреев общим числом примерно в тысячу. Последнее время их никто не встречал; возможно, что война во Вьетнаме принесла гибель и коупреям.

В Южной Азии обитают еще пять видов настоящих быков: гаур, гаял, бантенг, як и зебу.

Гаур ростом, пожалуй, даже больше коупрея: в холке старые быки до двух метров двадцати сантиметров и весят тонну. Быки и коровы темно-бурые, почти черные, с белыми ногами. На холке у гауров горб, не такой большой, как у зебу, однако изнутри его поддерживают длинные остистые отростки спинных позвонков (у зебу горб без костных, так сказать, подпорок). Стада гауров утром и вечером пасутся в густых горных лесах Индии, Бирмы и Малайи. В дневную жару отдыхают в гуще леса. Гауры отважны и

сильны, умеют постоять за себя против тигра и человека.

Гайял — домашний бык Бирмы и Ассама. Диких гайялов нигде нет. Возможно, гайял — одомашненный потомок гаура. Рога у гайяла толстые, раскинуты прямо в стороны, не лировидны, как у гаура. Сам он приземист (ростом около полутора метров), широколоб, черно-бурой масти, с белыми ногами и белой кистью на хвосте.

Бантенг — дикий лесной бык Бирмы, Малайи, Явы, Борнео и Бали. От всех быков его отличает большое белое пятно под хвостом, похожее на «зеркало» оленей. Ростом он примерно с гайяла, темно-бурый, без подгрудка, без горба на плечах, и рога у него не изогнуты лирообразно. Ноги ниже колен белые. Стада бантенгов в засушливый сезон года спускаются в долины. Когда муссоны прольют дожди, поднимаются в горные леса. Они обитают в более сухих районах, чем гауры, и могут подолгу не пить. Пасутся по ночам, днем прячутся в гуще леса. Когда бантенги отдыхают, то, говорят, ложатся кругом, головами наружу, а в центре стоит на страже какая-нибудь корова. Ударом копыта предупреждает она об опасности, и стадо тут же уходит подальше от подозрительных шумов и запахов. Бантенги осторожны, пугливы, далеко не так отважны и опасны, как гауры. На Яве и Бали есть домашние бантенги.

Як — высокорослый бык. Дикие яки живут еще в Тибете на безлюдных плоскогорьях. Дикий як почти вдвое больше домашнего: в холке до двух метров, весом в полтонны. Черно-бурая шерсть яка свисает с боков вниз длинной бахромой. Телята, которые рождаются осенью, прячутся от непогоды под брюхом у матерей, спасаются под защитой этого шерстяного полога.

Зебу — «священные коровы» Индии. Они бродят по дорогам и улицам деревень и городов, и никто не смеет их беспокоить. Убивать и есть мясо зебу религия запрещает. У зебу большой горб на спине и большой подгрудок, масть палевая, серая, рыжая или черная. В Индии более тридцати разных рас и пород зебу. Некоторые из них завезены в США, здесь их скрещивают с шортгорнами, герефордами и другими породами потомками тура. Зебу и их гибриды легко переносят зной и укусы насекомых. Диких зебу нет, и предки их неизвестны.

Аноа, карликовый буйвол Целебеса, — самый маленький из быков и буйволов: метр в плечах. Мастью черно-бурый, рога короткие. У телят густая желтовато-бурая шерсть, но взрослые быки и коровы почти бесшерстны. Две расы (возможно, два разных вида) аноа обитают в густых низинных и горных лесах, обычно у воды, любят плавать и валяться в грязи. Та-

марау — близкий родич аноа, живет в горных лесах острова Миндоро (Филиппины), но он воды не любит, не купается, в грязи даже не валяется, а в дождь прячется под деревьями. По утрам тамарау пасутся в одиночестве (аноа — тоже поодиночке или парами), но в жару, после полудня, собираются небольшими группами в тени густого леса. Тамарау вымирающий вид, их осталось, как полагают, не больше 250.

Настоящих буйолов два вида — азиатский и африканский, которого называют часто каффрским. Домашних азиатских буйолов можно встретить во многих южных странах от Египта до Филиппин, от Кавказа до Индонезии. На них пашут, возят грузы, молоко у них высокого качества, но мясо — не очень. Из шкур выделывают отличную кожу. Буйволы любят хозяина, очень послушны, и даже дети легко управляют огромными быками. До самозабвения любят воду, плавают отлично, прохлаждаясь, часами лежат в воде, часто выставив из воды лишь ноздри. Так спасаются от насекомых.

Буйволы ненавидят тигров и, почуяв запах полосатого зверя, кидаются на него всем стадом. Из схватки с тигром буйвол-бык обычно выходит победителем.

Дикие буйволы живут еще в Непале, Бенгалии и Ассаме. Однако некоторые зоологи полагают, что это не дикие, а одичавшие домашние буйволы. Рога у азиатского буйвола огромные, длиной больше метра, лириобразно изогнуты назад.

У африканского буйвола рога короче, но изогнуты сильнее, на лбу расширены и уплощены пуленепробиваемым «шлемом». Африканский буйвол ниже азиатского, полтора метра в холке, но массивнее, весит больше 600—900 килограммов (азиатский — около 800). Он темно-бурый или черный, шерсть у молодых густая, у старых ее почти нет. Уши очень большие, вислые и лохматые. Хоть и массивен каффрский буйвол, но бежит очень резво: до 60 километров в час. В Африке охотники считают его самым опасным зверем: он часто первым кидается в атаку, а раненный, почти всегда нападает, топчет, бьет рогами. Ни выстрелами, ни новыми ранениями его не остановить, и спрятаться за деревом или в кустах трудно, потому что взбешенный, наделенный отличным нюхом буйвол не успокоится, пока не найдет и не убьет врага.

Стада буйолов, в которых бывает от десятка до двух тысяч животных, еще пасутся в саваннах Африки к югу от Сахары. Днем отдыхают в перелесках и кустах, утром и вечером идут туда, где есть трава и свежая листва. Буйволы много пьют и отлично плавают.

Более мелкий подвид каффрского буйвола — карликовый лесной буйвол живет в лесах Центральной и Западной Африки.

Разных антилоп, больших и малых, газелей и дукеров, около девяноста видов. Большая их часть обитает в Африке. Несколько видов в Азии и один вид из группы древних антилоп на западе Северной Америки. Это вилорог. Хотя и называют его антилопой, однако он принадлежит к особому семейству, не к полорогим, как другие антилопы (сайгаков, горалов и серн тоже иногда именуют антилопами, хотя систематики относят их к подсемейству козлообразных).

В отличие от настоящих антилоп Старого Света рога у вилорогов (самок и самцов) вильчатые, как у оленя. Каждый год (в октябре) зверь их сбрасывает, и к июлю вырастают новые. Они как чехлы, сидят на костных стержнях — выростах лба. Зрение у вилорогов отличное: видят врага за несколько километров, но не убегают, пока не почуют его, поэтому к ним можно близко подойти. Испуганные взъерошивают белую шерсть на «зеркале», да так, что их зады выглядят как пышные шары.

Из азиатских антилоп нильгау, или нильгаи, самая крупная: до полутора метров в плечах. «Нильгаи» — значит «голубая антилопа». Самцы действительно голубовато-серые, но самки рыже-бурые. Короткие рожки носят только самцы, и еще отличает их от самок пук длинной шерсти снизу на шее. У нильгау интересные правила дуэли: самцы бодаются, встав на колени. В центральных районах Индии еще немало нильгау: пасутся они в холмистых и низинных негустых лесах, заходят в джунгли, а иногда в открытую степь.

В Азии нет у нильгау близких родичей, кроме четырехрогой антилопы. В Африке есть: куду, ньяла, бонго, канна.

Гунтада — единственное четырехрогое животное в семействе полорогих. Цветом буроватая, ростом небольшая: 60 сантиметров. Живет (в одиночестве или парами) в негустых лесах на Индийском полуострове. Два небольших рожка на темени и два поменьше на лбу носят только самцы.

Куду и еще восемь других африканских видов (малая куду, бонго, ситатунга, ньяла, горная ньяла, канна, гигантская канна и бушбак) из группы винторогих антилоп. У большинства из них белые полосы на боках, у бушбака — белые пятна. Большие куду обитают в каменистых кустарниковых вельдах. Рога у них носят только самцы. Малые куду живут на северо-востоке Африки.

Канна — самая большая антилопа: в плечах около двух метров, а вес быков до тонны. Почти метровые, спирально извитые рога носят и самцы и самки. Еще крупнее обычной канны гигантская канна из Судана и Западной Африки, которая живет в более лесных районах. Канны незлобивые, легко приручаются. В Аф-

рике такие опыты делались не раз, а у нас в Аскании-Нова канн доят, как коров. Молоко очень питательно и как лечебный препарат «молкан» применяется уже против некоторых кишечных и кожных заболеваний.

Конгони из группы коровьих антилоп, в которой, кроме двух гну, шесть живых и два уже истребленных вида (каама из Южной Африки и бубала из Северной Аравии). Топи похожи на конгони, но у них желтые ноги с иссиня-черными пятнами на ляжках. Самцы топи любят играть и бодаться, у каждого своя вытоптанная площадка для игр, на которую он других не пускает, а они именно это и норовят сделать. Про конгони рассказывают, что стада их, когда пасутся, составляют сторожей, и те, чтобы лучше видеть, забираются на высокие термитники. Сасасаби, другая коровья антилопа, считается самым быстроногим после гепарда зверем.

У антилопы гну есть что-то бычье, гривой и хвостом похожа она на лошадь, а странным и несуразным своим видом — на фантастического фавна. В Африке два вида гну — белохвостый, почти истребленный, уцелело их немного в Юго-Западной Африке, и полосатый, или голубой. У этого два подвида: чернобородый (Южная Африка) и белобородый (Восточная Африка). Гну, как и сайгаки, природные иноходцы.

В группе лошадиных антилоп шесть видов: три орикса, североафриканский аддакс и (в Восточной и Южной Африке) саблерогая и чалая антилопы. У саблерогой и самцы и самки черные, у чалой — рыжие. У ныне редкого подвида из Анголы — гигантской саблерогой антилопы — рога длиной до полутора метров! Саблерогие антилопы сухим саваннам предпочитают богатые водой леса, весят до трех центнеров.

Ориксов три вида: белый аравийский орикс почти истреблен, саблерогий орикс (пустыни Северной Африки) и обычный орикс (Восточная и Южная Африка). У последнего два подвида — белоногая бейза (с узкой черной полосой на боках) и южноафриканский орикс (черноногий, с широкой черной полосой на боках). Воду ориксы почти не пьют, довольствуясь соками клубней и корневищ. Их самцы, сражаясь друг с другом, строго соблюдают рыцарские правила: не колют острыми рогами, а только фехтуют ими.

Неотрагусы — самые мелкие антилопы, а из них королевская антилопа, или неотрагус-пигмей, самая крохотная, ростом с зайца: 25—30 сантиметров в холке. Ножки у нее не толще мизинца, а копытца с ноготь. Дюймовые рожки носят только самцы. О жизни королевских антилоп почти ничего не известно. Пасутся они по ночам в одиночестве или парами в густых лесах Западной Африки. Карликовая антилопа Бейта и суну — ближайшие ее родичи. Крошка

дикдик и антилопа бейра тоже из группы неотрегусов.

Дукеры, как и неотрегусы, маленькие антилопки, обитают в зарослях по берегам рек. Очень скрытны, и на открытое место их можно выгнать только силой. Кроме листьев и ягод, едят также насекомых, улиток и лягушек. В Африке 16 видов дукеров, и один вид на Занзибаре.

Прежде в тропической Африке, в местах с густой и высокой травой, водилось много антилоп ориби, которых систематики разделяют на три вида. Сейчас ориби всюду редки. Живут парами, реже собираются в небольшие группы. От врагов таятся, распластавшись по земле и вытянув шею и голову с длинными ушами перед собой. И хотя антилопы не маленькие (80—90 сантиметров в холке), заметить их почти невозможно. Рога носят только самцы.

ГАЗЕЛИ

Последняя зима Великой Отечественной войны принесла дзеренам Монголии тяжелые испытания. На тихую страну, защищенную от непогоды плотными грядами гор, обрушились снегопады. Жители центральных аймаков увидели в декабре стада истощенных дзеренов, пробиравшихся сугробами на север. На пути животных встали леса, и дзерены, не задумываясь, вошли в них.

Это необычайный случай. Лес и дзерен несовместимы. И вообще, все газели, азиатские и африканские, не признают тесноты лесов.

Газели Монголии в том трудном году проделали длинный путь. Их летние пастбища — на востоке страны, на зиму же они обычно передвигаются к югу, в широкие, поросшие ковылем степи. Они и на этот раз поступили так же, но в степях их встретили неожиданные снегопады, пришлось повернуть вопреки вековым традициям миграции.

Все черты газелей обличают в них обитателей открытых твердопочвенных мест. Окраска чаще всего однотонная, буроватая или желтоватая — «пустынная». Никаких поперечных или продольных полос, лишь иногда мордашки разрисованы белым узором. У многих сзади светлое «зеркало», в частности у газелей, обитающих у нас в Средней Азии, Закавказье (джейран), Забайкалье, Чуйских степях и Тувинской АССР (дзерен). У джейрана это «зеркало» только от корня черного хвоста и вниз, у дзерена на крупе — выше корня светлого хвоста.

Копытца у газелей чрезвычайно малы. Газель на них как на цыпочках. Бегуны на короткие дистанции отлично знают, что высокую скорость не разовьешь,

Антилопа бонго внешне похожа на куду и канну, но живет не в саваннах, а в густых тропических лесах Западной Африки и Кении.

Это одна из самых красивых антилоп: яркого красно-каштанового тона с белыми поперечными полосами.

если будешь бежать, отталкиваясь всей ступней. Так и газель, если уж помчалась, то касается земли кончиками копыт. А результаты такие: дзерен — 65 километров в час, джейран — 62. Причем дзерен, например, настолько вынослив, что может пробежать в таком темпе километров пятнадцать.

Такие качества немаловажны для того, чей дом — открытые пространства. Слух у газелей прекрасный: они узнают о приближении врага даже по колебаниям земли — конечно, частенько слишком поздно. Поэтому приходится бросаться с места в карьер. Отбежав метров на триста, газель останавливается и уточняет: не зря ли она испугалась? Если опасность реальна, рысит прочь, стараясь двигаться по кругу.

Местожительство большинства газелей — Африка. А между тем их родина — Азия, точнее, Передняя Азия. Но оттуда они миллион лет назад, в нижнем плейстоцене, начали двигаться на запад.

Как бы там ни было, совсем еще недавно некий Тимурленг (в XIV веке его многие знали) кормил своих солдат отменным газельим мясом; охотники

убивали для этого 40 тысяч животных в год. Монгольский «рог изобилия» долго не истощался: в недавних сороковых годах потомки перещеголяли Тимура, добывая по 100 тысяч дзеренов ежегодно.

Одинокий кустик среди полыней и солянок. Казалось бы, кто тут, под этим бедным растением, может укрыться? Однако вмятинки в земле и кучки «орешков» по краям укажут, что именно здесь лежка газелей. Животное может только голову спрятать под тенью редких веток, но и этого, видимо, достаточно: оно по мере передвижения солнца перебирается вокруг куста. Здесь джейран «прохлаждается» 7—10 самых жарких часов, часто здесь же и ночует. Так же газели предохраняют себя от перегрева и солнечно-го удара — в тени деревьев, камней и развалин.

Взбитая копытами пыль — скачками удирают газели. Хвосты (у джейранов черные) вздыблены торчком, но не от радости нежданного свидания. Поднятый хвост — сигнал опасности. Между прочим, дзерен хвоста не поднимает (и он у него темный лишь на самом конце). Зимой и осенью джейраны сбиваются в крупные стада. Весной же под каким-нибудь кустом, видным издали, вы, возможно, увидите джейраненка.

Он лежит на голой земле и незаметен даже в нескольких шагах — такая у него окраска. Предосторожности не лишни. Потому что угрозу таит даже небо: беркуты, грифы, орлы-курганники, хищные птицы всех мастей, — те, что покрупнее, рвут даже взрослых газелей. Четвероногие искатели мяса, конечно, не уступают крылатым. Правда, взрослых животных спасают быстрые ноги (догони!). Но для детенышей и лиса несет гибель.

Самое опасное время — первые дней пять. Потом газели-дети быстроноги. Два месяца кормят их мамыши молоком. А затем — самостоятельность. Двухмесячный джейраненок гуляет уже где хочет.

Гон у джейрана в ноябре — декабре. Самцы предварительно устраивают так называемые «гонные уборные». Соискатель выроет небольшую ямку, насыплет в нее «орешков» и закопает. Это означает, что тут он наметил границу своих владений и тут ожидает самок (он полигам, у него их до пяти). Но другой самец, найдя «уборную», в ярости ее разгромит, раскопает и «орешки» раскатает по пустыне. Дескать, я не согласен! Ну и, понятно, драки.

В Африке много разных газелей.

Томми (газель Томсона) отмечены яркой черной продольной полосой на песчано-бурых боках (и на морде от глаз к носу — черные полосы). Хвост тоже черный, и, когда возбуждены, томми энергично крутят хвостами — сигнал «вниманию!». Томми часто пасутся вместе с более крупными газелями Гранта и импа-

ГЕРБ ГОРОДА САМАРЫ

ла. В засуху уходят иногда и за сто миль, в места, где есть водопой и зеленые травы.

Такие же, как у томми, черные широкие полосы, ватерлинией отделяющие белое брюхо от песочных боков, у более крупной, южноафриканской антилопы — горного скакуна. Эпитет «горный», которым наделили эту антилопу в некоторых изданиях А. Брема, — чистое недоразумение: не в горах, а в открытых степях и пустынях пасутся скакуны. Да и это последнее название тоже нехорошо: скорее не «скакун», а «прыгун», ибо спрингбок, неудачно названный в русском переводе горным скакуном, знаменит великолепными прыжками. Обычный его прыжок в длину — семь метров, в высоту — три!

На спинах у этих антилоп кожа с белой шерстью собрана гармошкой в складки. При тревоге скакуны растягивают свои «гармошки». Они белыми гребнями вздымаются над их спинами. А чтобы сигнал был виден издали, антилопы прыгают метра на три над землей, и саванна приходит в возбуждение. Зебры и гну, газели и буйволы прислушиваются, принохиваются и спешат подальше от того места, где машут «белыми платками» скакуны.

Дракон, охранявший «золотое руно» Колхиды, был, по-видимому, страж все-таки ненадежный. Досадная утрата бдительности, в результате которой экипажу «Арга» удалось оную драгоценность похитить, впрочем, простительна, если учитывать всю предшествующую добросовестную службу. Не дракону ли обязан Евразийский континент тем, что дикие козлы и бараны не разбежались по всему свету? Лишь очень немногие из 22—25 нынешних видов этого подсемейства живут в Африке или в Америке. Большинство же — в Европе и Азии.

Впрочем, на одомашненных потомков утверждение не распространяется. С легкой руки аргонавтов 150 пород овец рассеяны ныне повсюду. Не отстали и козы. Но их движение повернулось, кажется, вспять. Вредная привычка выдергивать растения с корнем, превратившая многие ареалы козоводства в бесплодные пустыни, вынуждает людей все чаще прибегать к решительным мерам сопротивления. За дикими козами такого варварства по отношению к флоре Земли не замечено.

Итак, 22—25 видов. Этого вполне достаточно, чтобы на страницах книги образовалась порядочная толкучка. Чтобы ее не было, воспользуемся похожестью некоторых зверей друг на друга и разделим подсемейство на четыре трибы (как советуют нам современные систематики).

Триба первая: оронги и сайгаки.

Триба вторая: горалы, сернокозы, снежные козы, серны.

Триба третья: полукозлы (тары), козлы (винторогие, безоаровые, козероги, туры), нахуры, гривистые бараны.

Триба четвертая: овцебыки и тапины.

Некоторые исследователи полагают, что муфлены и архары лишь географические расы одного вида диких баранов.

Прямо сказать, когда смотришь на сайгачат, невольно ступаешь на путь сравнений и фантастических догадок. У них мордочки вытянуты с явным намерением превратиться в хобот. Кажется, задайся они (где-нибудь в третичном периоде) навязчивым вопросом: «А чем завтракает крокодил?», и это удобное хватающее приспособление им было бы обеспечено, как и любопытному слоненку из сказки Киплинга.

Однако ничего такого не произошло. Зато у сайгаков (только у самцов) выросли рога. (Китайские лекари добывают из рогов сайгака тонизирующие лечебные препараты.)

Раньше водился сайгак во многих местах. Считают, что ареал его простирался на всю Центральную и Западную Европу (даже в плейстоценовых слоях Темзы нашли кости сайгаков), на востоке — до Аляски. Ныне уцелел сайгак лишь в Монголии, в Китае и у нас (от степей Предкавказья, низовьев Волги до полупустынь Средней Азии).

Современный запрет охоты привел к тому, что в 1958 году сайгаков в стране стало больше двух миллионов — приятная цифра! Лишь Астраханское промысловое хозяйство на правом берегу Волги без ущерба для роста стад добывает теперь по 200 тысяч голов в год.

Странная горбоносость сайгака — результат особого устройства его носа: носовые кости высоко изогнуты, образуя весьма вместительную полость, в изобилии выстланную изнутри слизистыми железами. Рога сайгака, истертые в порошок, китайская медицина включает во многие лечебные смеси, и потому цена пары рогов на мировом рынке 250 долларов.

Но вернемся к сайгачатам. По-видимому, начало истории о них следует отнести месяцев на шесть назад, то есть на тот самый срок, который понадобился их матери для вынашивания. Мы, таким образом, окажемся перед значительным в жизни сайгачьих стад событием.

Десять дней декабря. Метров на сто в диаметре утоптана степь плененным стадом самок. Их много (бывает что и пятьдесят). Самец один. Впрочем, вокруг несколько повергнутых соперников.

При рожденьях самцов-сайгаков столько же, сколько и самок, а после первого же гона на 80—90 процентов меньше! Рвут истощенных самцов волки, но немало, наверное, гибнет и в драках.

Гаремные стада не рассеиваются, не разъединяются, когда приходит время родов. Они не таятся, не

ищут укромных местечек. «Роддом номер такой-то» расположен обычно на гладкой, открытой со всех сторон равнине, и благо для малышей, если тут найдется небольшое понижение почвы, чтобы хоть немного укрыться от неумолимого весеннего ветра. От прочих опасностей защищают лишь дальние расстояния.

15—20 минут священных страданий, и мир приветствует своих новых обитателей. Сайга, еще не чувствуя себя матерью, поскорей убегает. Но она вернется: зов природы заставит ее стремглав примчаться назад и быть нежной.

Как она их находит, именно своих малышей? К ней со всех сторон тянутся одинаковые головки, но собственные дети ждут! И ведь найдет безошибочно, даже если они непоседы.

И вот время завидно стремительного роста. Пятидневными щиплют траву. Месячными к трем килограммам своего веса прибавили еще шесть и, если мужского пола, уже имеют рожки. Через шесть месяцев весят чуть ли не тридцать килограммов. В семь месяцев, но большинство в двенадцать, — уже взрослые (самцы несколько позже, месяца на четыре).

Перед вами взрослый сайгак. У него рога длиной в 30 сантиметров — почти прямые, лишь изогнуты некрутой волной. Он в холке до 80 сантиметров. Рыжеват (изредка, однако, встречаются черные меланисты и белые альбиносы). Говорят, что сайгак похож на овцу на тонких ножках, но, пожалуй, это мнение слишком субъективное. Ранняя склонность к хоботообразованию (если так можно сказать) оставила на нем неизгладимый отпечаток — он горбонос, как грек: вздутую морду венчает спереди небольшой хоботок «с широкими, трубообразными, тесно сближенными ноздрями».

Его «следует считать животным степного ландшафта». В пустыню сайгак был загнан человеком. Таково мнение профессора Верещагина. Он считает также, что в доисторическое время, в плейстоцене и голоцене, сайгаки старались держаться поближе к лесу или по меньшей мере в зарослях и камышах, подобно некоторым африканским антилопам.

Но все в современном сайгаке выдает жителя широких просторов. Скоростные качества сайгака еще выше, чем у джейрана (70 километров в час). Зрение великолепное. За версту сайгак видит разные не слишком мелкие предметы (например, крадущегося браконьера). А слух слабый. Такого рода способности (и неспособности!) хороши только в пустыне. И потому сайгак, оказавшись в местности с ограниченным обзором, старается в ней не задерживаться. И еще: стада у сайгаков, особенно зимой, велики — не для зарослей, где трудно сохранять их монолитность.

У склонов монгольского Алтая, в Джунгарии, в низменности Зайсана мчится быстрый сайгак. Удивительная, редкая у него поступь-иноходь! Тело вытянуто струной, голова опущена, как у мотогонщика: чтобы уменьшить сопротивление встречного воздуха. Таким жители Самары начертали его в гербе своего города.

ЖИЛ-БЫЛ...

Жил-был у старушки Земли нубийский, пиренейский, альпийский, винторогий, сибирский, кавказский и безоаровый... Ну конечно, козел!

По поводу того, что «вздумалось козлику в лес погуляти», на этих правдивых страницах утверждать не следует: все восемь видов козлов характерны для мест горных, у многих из них есть даже общий эпитет высокого научного (не литературного) значения: каменные.

Правда, обладая исключительной подвижностью, козлы регулярно спускаются вниз. Причины однообразны: неодолимые заносы снега, поиск пищи, воды, соляной голод.

«Козероги, гонимые неудержимым соляным голодом, мчались по ночам туда, куда бегали из года в год их предки, — в степь, на солончаки» (Кияс Меджидов, лезгинский писатель).

Тут необходимо одно небольшое уточнение. Профессор В. Гептнер считает, что астрономические «козероги» — название неверное: «Не козероги, то есть некие животные с рогами козла, но самые настоящие козлы».

Так вот, если даже и случается козлам обитать на лесистых склонах, то они, как правило, держатся вблизи крутых скальных обнажений: уверенней чувствуют себя, когда под копытами камень. У них пальцы, заключенные в твердый роговой башмак, эластичны, шероховаты и чутки в прикосновениях с твердыми предметами, как мозолистая ладонь слесаря.

Очевидно, постоянному соседству с жесткими «шрамами планеты» обязаны козлы и своей окраской: одноцветны, коричневатых и серых тонов, в тон камню.

История этих зверей проста и опять же определилась как результат их сердечной склонности к горным местам. Родиной козлов считают Азию. Оттуда весьма медленно, стараясь держаться поближе к вершинам, двинулись на восток и на запад. Новые земли осваивали столь неторопливо, что успевали по пути эволюционировать, образуя новые виды и подвиды. Впрочем, ухитрились даже расселиться в Англии (где

*Снежный козел
Скалистых гор —
единственный дикий
козел Америки.
Но это не настоящий
козел: в его анатомии
много черт,
сближающих его
с антилопами.
Новорожденные
снежные козлята через
десять минут уже
встают на ножки, через
двадцать — сосут,
через полчаса резво
прыгают по скалам.*

их впоследствии уничтожили), а часть козерогов, то есть горных козлов ибексов, перебралась и в Африку. Так и по сей день осталось: одни живут в Евразии (в Пиренеях, Альпах, Центральной и Средней Азии, в Сибири), а другие там, на Африканском континенте, в Нубии.

Конечно, теперь, когда столько времени прошло, нарисованная картина расселения горных козлов может быть только гипотетической, но она удобна для того, чтобы провести цепь сравнений между остальными видами.

Прежде несколько слов о чертах общих.

Сходны весом (матерые самцы — 80—100 килограммов), ростом (до метра или несколько больше). Сложения плотного. Голого «носа», как у коровы, на конце морды нет. Самцы носят под хвостом железы,

издающие запах, который называют «специфичным», но он просто-таки невыносим. (Эти железы — «по бокам анального отверстия» или «на нижней поверхности хвоста», как пишут другие специалисты. Где именно — предоставим им самим разобраться.)

Безоарового козла (Крит, Турция, Кавказ, Южная Туркмения, Иран) принято считать родоначальником домашних коз. У него рога длинной в человеческую руку, круто загнуты назад, как полозья старинных саней. Переднее ребро рога острое и усажено зубцами. Темно-бурая полоса по хребту и густая, поистине «патриаршая», борода дополняют облик зверя. Борода, кстати, принесла ему и дополнительное прозвище — «бородатый».

Но раз уж о прозвищах, то нельзя не сказать и о первом — старинном, книжном. Слово «безоар» означает нечто вроде шара из слипшихся волос, попавших в желудок копытных вместе с пищей (чем-то подобен он амбре из переработанных в кишечнике кашалота клювов кальмаров). Этот побочный продукт пищеварения копытных (в частности, у козлов) раньше считали чуть ли не волшебным, столько за ним числилось разных лечебных свойств. И от бесплодия он помогал и от болезней желудка. На Руси, говорит профессор В. Гептнер, его называли «безуй-камнем». Мнительный Никон жаловался царю Алексею Михайловичу, когда его, кажется, пытались отравить: «Едва безуем отлизался».

А Гекльберри Финн вот что рассказывает о «безуе»:

«У Джима, негра мисс Уотсон, был большой волосяной шар, величиной с кулак; он его вынул из бычьего сычуга и теперь гадал на нем. Джим говорил, что в шаре будто бы сидит дух и этот дух все знает. Вот я и пошел вечером к Джиму и рассказал ему, что отец опять здесь, я видел его следы на снегу. Мне надо было знать, что он собирается делать и останется здесь или нет. Джим достал шар, что-то пошептал над ним, а потом подбросил и уронил на пол. Шар упал, как камень, и откатился не дальше чем на дюйм. Джим попробовал еще раз и еще раз, получалось все то же самое. Джим встал на колени, приложил ухо к шару и прислушался. Но толку все равно никакого не было. Джим сказал, что шар не хочет говорить. Бывает иногда, что шар без денег нипочем не станет говорить».

Если следовать принятой нами примитивной схеме распространения козлов, то получится, что от какого-то древнего бородача к востоку отделится сибирский горный козел ибекс (самый крупный, но в той стороне и прочие звери всегда вырастали лучше), а к западу — альпийский и нубийский козлы (тоже из подрода ибексов). Рога у них, так же как и у безоарового козла, сильно загнуты назад, однако вместо острых зубьев — округлые поперечные выступы, отчего срав-

нивать такой рог можно, по-видимому, с вальком, которым в старые времена баба белье катала на речке.

Винторогий козел, как полагают, никуда от своего «посаженного» (палеонтологами) предка не двигался. Он, может, и сам «предок»: очень у него стариковская внешность — бородища и, главное, большая грива снизу по шее, на груди и плечах. Рога — штопоры больше метра. Правда, одно из названий козла — «мархур» — трактует такую витиеватость рогов весьма романтично: «мар» в Кашмире — «змея». А по-персидски «маркхор» — «поедающий змей». Но никто еще не доказал, что этот козел, хоть изредка, ест змей.

Мархуры живут на севере Индии, в Афганистане, в горах Средней Азии (но не на Памире!). Немного их.

У винторогого козла мархура рога — гигантские штопоры, как раз по руке Гаргантюа: длиной до метра с четвертью.

По нашу сторону границы козлов этих сейчас около тысячи, причем пятьдесят лет их охраняли, а они своего поголовья увеличить почти не смогли.

И наконец, туры. Они (дагестанский и кубанский виды или подвиды быку-туру лишь тезки) водятся только на территории Советского Союза, ареал их узок (лишь Главный Кавказский хребет с отрогами). Туры внешне немного похожи на баранов, рога раскинуты в стороны, издали смотреть — как будто два лепестка геральдической лилии на голове зверя. По производству молока турица на первом месте среди диких коз: почти литр в день. Туренка на следующий день после рождения не поймать и спринтеру.

В меню туров 130 видов растений (у сибирского козла только 80). Они пасутся и в нагорьях и в низинах. Причем с гор спускаются иногда весьма забавно: садятся на зад и катятся, как сорванцы. Кроме того, копыта корм из-под снега — уменьше редкое среди козлов.

В 1917 году в Крыму после четырехлетней неволи в загоне небольшое стадо муфлонов, эмигрантов с Корсики (у трех была примесь крови домашней овцы), получило свободу. Конечно, не манна небесная ожидала баранов, а ответственная борьба за существование. Звери, однако, смело углубились в горы, чтобы через 23 года обратиться в солидную отару (500 голов) почти чистокровных муфлонов.

Но это произошло потом. А вначале их изредка встречали на горных тропах и на яйлах (высокогорных лугах). Они держались вместе, вожаком была самка... дагестанского тура.

Заметьте, тура — значит, козла, а не барана!

Перед лицом столь многообещающего факта можно по меньшей мере предположить, что жизнь и повадки козлов и баранов весьма схожи. Нахур (он же куку-яман), давнишний обитатель Центральной Азии, столь равно похож на тура и барана, что подтверждает былую родовую связь обоих.

Семь видов диких баранов разделяют систематики на четыре группы, или подрода: настоящие бараны (архары, муфлоны), снежные бараны (они же толстороги и чубуки), гривистый баран (похож немного на тура, живет в горах Северной Африки) и упомянутый уже нахур, или голубой баран.

Чубуки водятся в Северной Америке и Северо-Восточной Азии. Муфлоны (два вида — европейский и азиатский) — в Центральной, Средней и Передней Азии, а также в Закавказье и на островах Средиземноморья. Муфлоны, кроме того, акклиматизированы во многих странах Европы, а у нас — в Крыму и Аскании-Нова.

Архары — горы Центральной и Средней Азии, а также Алтая и Тувы.

В последнее время некоторые зоологи предлагают муфлонов и архаров объединить в один вид с множеством подвидов. Разногласия в классификации происходят вовсе не из-за каких-то важных различий между баранами. Нет, их удивительное, беспримерное разнообразие лишь в области весовых категорий. Например, самый маленький из этих баранов может весить 40 килограммов, а самый крупный — 200. Рога тоже не одинаковые: от 67 до 190 сантиметров. Это разница лишь в длине, а по объему рог одного больше, чем рог другого, в 12 раз!

Бараны — звери горные. Они любят сглаженные мореной долины, гладкие травянистые плато, округленные слоем почвы и растительностью сопки — в общем, места такие, чтобы было где пробежаться на хорошей скорости, чтобы далеко было видно. Чубуки привычны и к скалам и к осыпям. Питание себе они часто находят там, куда не всякий альпинист полезет. Муфлоны — соседи людей. Чубуки — обитатели краев, долгое время не обжитых.

Оттого, видимо, чубукам не довелось принять участия в гигантской селекционной работе, которую вели скотоводы на протяжении тысячелетий.

Архары-муфлоны — родоначальники 150 пород овец.

Государства охраняют горных баранов. Их генетические задачи еще не исчерпаны. Ведь совсем недавно прилитием крови архаров вывели породы архаромериносов, которым не надо подкормки: пасутся круглый год на горных пастбищах. Когда приходит время, дают мясо и шерсть высокого качества.

Чубук — копытный зверь, для которого Полярный круг не магический круг. Чубук во многих отношениях очень «экономичен». Обходится сорока видами растений, причем лишайники, ветки карликовых березок, разные мхи отлично его кормят. Живет на горно-тундровых пастбищах, но хорошо себя чувствует и на уровне моря. С непогодой справляется. Американские ученые скрещивали снежных баранов с домашними овцами. Результаты благоприятны.

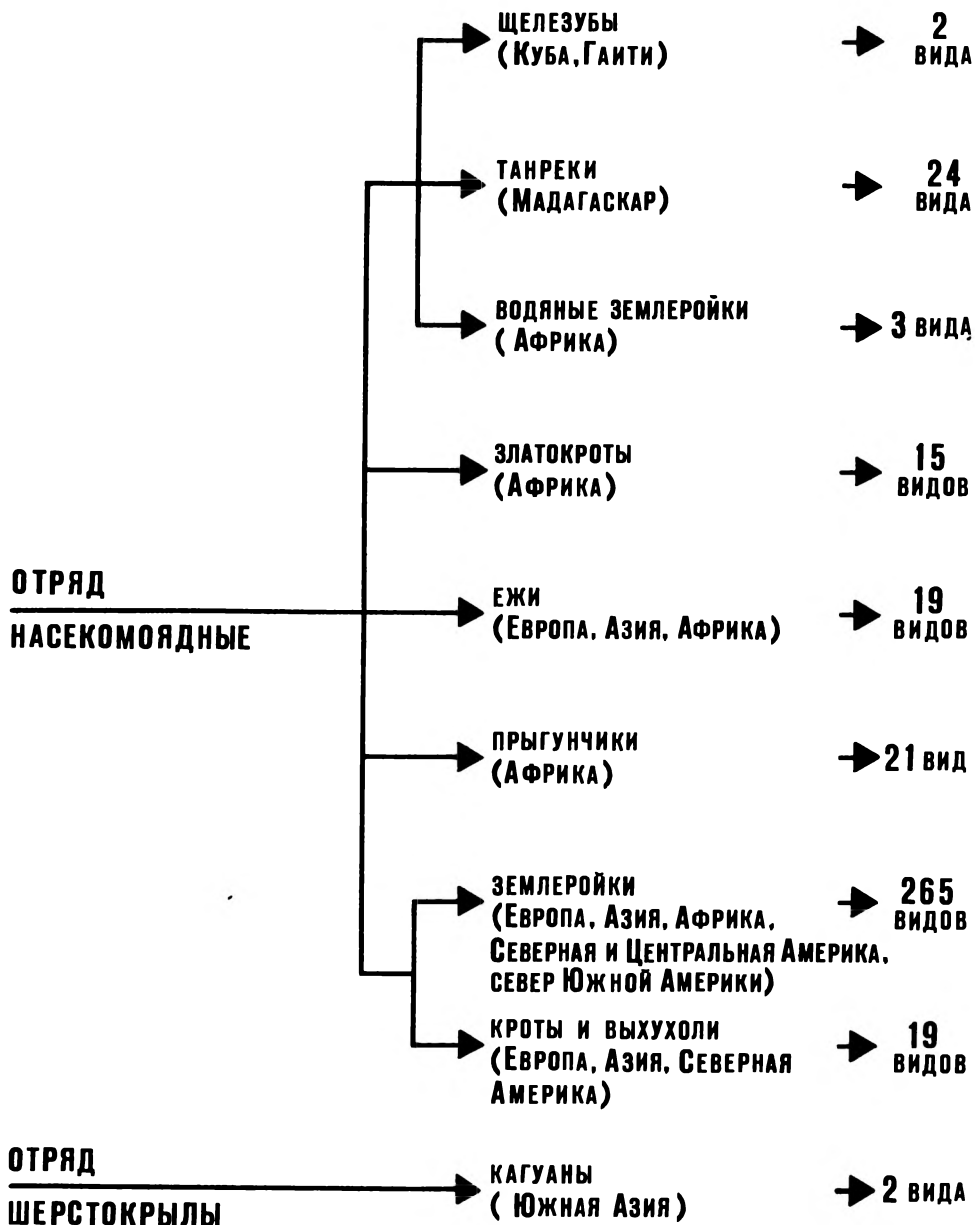

**ОТРЯД
КЛОАЧНЫЕ**

- **ЕХИДНЫ И ПРОЕХИДНЫ
(АВСТРАЛИЯ, ТАСМАНИЯ, НОВАЯ
ГВИНЕЯ)** → **5
ВИДОВ**
- **УТКОНОСЫ (АВСТРАЛИЯ)** → **1 ВИД**

**ОТРЯД
СУМЧАТЫЕ**

- **ОПОССУМЫ
(СЕВЕРНАЯ И ЮЖНАЯ АМЕРИКА)** → **65
ВИДОВ**
- **СУМЧАТЫЕ ХИЩНИКИ:
АВСТРАЛИЙСКИЕ СУМЧАТЫЕ КРЫСЫ,
КУНИЦЫ, ВОЛКИ, СУМЧАТЫЕ ДЬЯВОЛЫ
И МУРАШЕЕДЫ (АВСТРАЛИЯ, ТАСМАНИЯ,
НОВАЯ ГВИНЕЯ)** → **49
ВИДОВ**
  - **СУМЧАТЫЕ КРОТЫ
(АВСТРАЛИЯ)** → **2 ВИДА**
- **БАНДИКУТЫ
(АВСТРАЛИЯ, ТАСМАНИЯ
И НОВАЯ ГВИНЕЯ)** → **20
ВИДОВ**
- **АМЕРИКАНСКИЕ СУМЧАТЫЕ КРЫСЫ
(ЮЖНАЯ АМЕРИКА)** → **7 ВИДОВ**
- **ПОССУМЫ: КУСКУСЫ, КУЗУЛИСЫ,
КОАЛА И СУМЧАТЫЕ ЛЕТЯГИ
(АВСТРАЛИЯ, ТАСМАНИЯ,
НОВАЯ ГВИНЕЯ, СУЛАВЕСИ)** → **48
ВИДОВ**
  - **ВОМБАТЫ
(АВСТРАЛИЯ, ТАСМАНИЯ)** → **2 ВИДА**
  - **КЕНГУРУ
(АВСТРАЛИЯ, ТАСМАНИЯ,
НОВАЯ ГВИНЕЯ)** → **55
ВИДОВ**

**ОТРЯД
ХИЩНЫЕ ЗВЕРИ**

→ **ПСОВЫЕ**
(Европа, Азия, Африка,
Америка)

→ **37**
видов

→ **МЕДВЕДИ**
(Европа, Азия, Америка)

→ **7**
видов

→ **ЕНОТЫ**
(Америка, Азия)

→ **18**
видов

→ **КУНЬИ**
(Европа, Азия, Африка,
Америка)

→ **68**
видов

→ **ВИВЕРРОВЫЕ**
(Африка, Южная Европа
и Южная Азия)

→ **82**
вида

→ **ГИЕНЫ**
(Африка, Азия)

→ **4** вида

→ **КОШАЧЬИ**
(Европа, Азия, Африка,
Америка)

→ **36**
видов

**ОТРЯД
НЕПАРНОКОПЫТНЫЕ**

→ **ЛОШАДИНЫЕ**
(Азия, Африка)

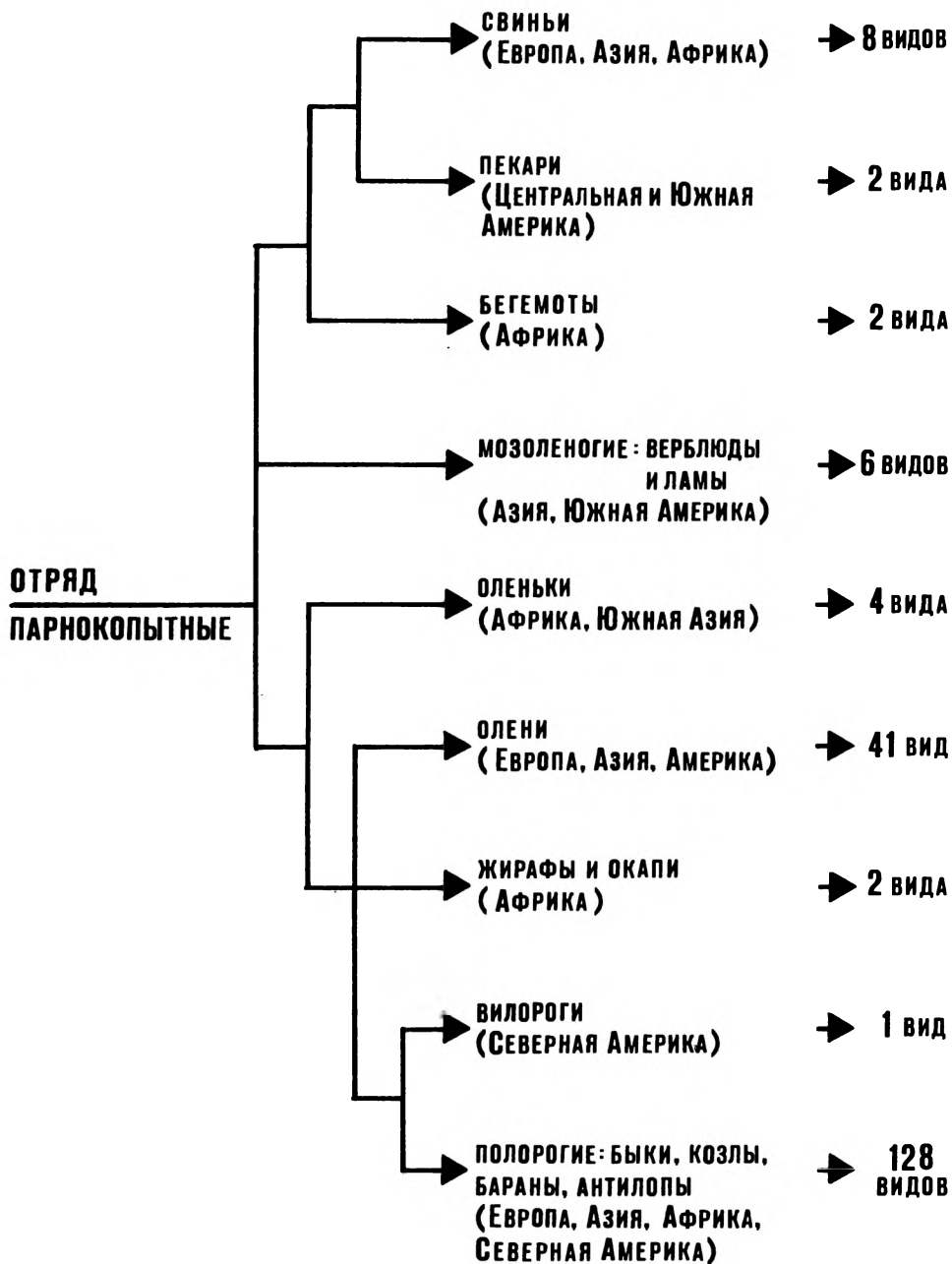
→ **7**
видов

→ **ТАПИРЫ**
(Центральная и Южная Америка,
Южная Азия)

→ **4**
вида

→ **НОСОРОГИ**
(Африка, Южная Азия)

→ **5**
видов

МИР ЖИВОТНЫХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ“
1971

АКИМУШКИН ИГОРЬ ИВАНОВИЧ

МИР ЖИВОТНЫХ.
М., «Молодая гвардия», 1971.
336 стр., с илл. («Эврика»). 59

Редактор
Л. Антонюк

Художественный редактор
Б. Федотов

Технический редактор
В. Лубнова

Сдано в набор 16/XII 1969 г. Под-
писано к печати 15/I 1971 г.
A01118. Формат 70×100^{1/16}. Вумага
№ 1. Печ. л. 21 (усл. 27,3). Уч.-
изд. л. 25,9. Тираж 200 000 экз.
Цена 1 р. 72 к. Т. П. 1970 г.,
№ 130. Зак. 2327.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». Москва, А-30,
Суцеская, 21.

